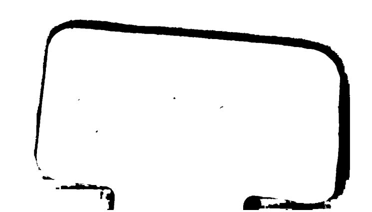

ИСТОРІЯ

ТВЕРСКАГО КНЯЖЕСТВА.

В. С. Борзаковскаго.

ЦѢНА 3 Р. С.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Г. МАРТЫНОВА.
Вознесенскій пр. 15.

1876.

ИЗДАНІЯ
КНИГОПРОДАВЦА
И. Г. МАРТЫНОВА.

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ
ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
и
ИХЪ АГЕНТОВЪ
ЗА ПРИЧИНЕНІЕ ЭКСПЛУАТАЦІЕЮ ВРЕДА
ЛИЦАМЪ И ИМУЩЕСТВУ.

Юридическое изслѣдованіе **И. ДЕЛАРОВА.**

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Предисловіе. — Объясненіе заглавія книги. — Система книги. — Характеръ законодательства объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей.

А) Матеріальное право: I. Сущность юридическаго отношенія между желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ и лицами, пользующимися желѣзною дорогою, какъ средствомъ перевозки. — II. Составные элементы желѣзнодорожной гражданской отвѣтственности. — III. Бытовой элементъ желѣзнодорожной гражданской отвѣтственности. — 1) Субъекты бытового отношенія. — 2) Внутреннее содержаніе бытового отношенія. — 3) Возникновеніе и прекращеніе бытового отношенія. — IV. Юридическій элементъ желѣзнодорожной гражданской отвѣтственности. — 1) Субъекты юридическаго отношенія. — 2) Внутреннее содержаніе юридическаго отношенія. — 3) Возникновеніе и прекращеніе юридическаго отношенія. — V. Связь бытового отношенія съ юридическимъ (jus publicum et jus privatum). — VI. Право регресса предпринимателя къ агенту, причинившему ущербъ желѣзнодорожною эксплуатаціею.

B) Формальное право: I. Характеръ гражданскаго процесса о вознагражденіи за вредъ, причиненный желѣзнодорожною эксплуатаціею. — Субъекты доказательства. — III. Сроки исковой давности. — IV. Органы желѣзнодорожной юрисдикціи. — V. Exceptio rei judicatae.

Статья 683 ч. I, т. X Свода Законовъ 1857 года и проэктъ ея измѣненія.

Объ уголовной отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ.

Матеріальное и формальное право: Проэктъ измѣненія статьи 1085 Уложенія о наказаніяхъ 1866 года.

Заключеніе: I. Моменты отличія желѣзнодорожной гражданской отвѣтственности отъ общей. — II. Основныя положенія сочиненія.

ПЕРВЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ
для
СЕМЬИ, ДѢТСКАГО САДА, ПРІЮТОВЪ И НАРОД. ШКОЛЪ.
ГЕРМАНА ВАГНЕРА.

Пер. ВАЛ. ВИСКОВАТОВЪ.

Книжка 3-я. Спб. 1874 г. Ц. **1 руб.**

ИСТОРІЯ

ТВЕРСКАГО КНЯЖЕСТВА.

ИСТОРІЯ

ТВЕРСКАГО КНЯЖЕСТВА.

В. С. Борзаковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Г. МАРТЫНОВА.
Вознесенскій пр. 15.
1876.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

именемъ извѣстенъ и доселѣ этотъ край у стариковъ крестьянъ другихъ уѣздовъ Тверской губерніи. «Крестьяне Весьегонскаго уѣзда, преимущественно вблизи города, — по свидѣтельству г. Преображенскаго, автора хозяйственнаго описанія Тверской губерніи и мѣстнаго жителя, — отличаются особеннымъ типомъ. Глаза у нихъ узкіе, носъ совершенно прямой и довольно великъ, брови прямыя и такъ сходятся надъ носомъ, что представляютъ съ перваго взгляда одну прямую линію; лице овальное и широкое. Типъ этотъ рѣзко отличаетъ весьегонскаго крестьянина отъ жителей южныхъ уѣздовъ губерніи. Вѣроятно, это населеніе представляетъ собой обрусѣвшихъ Финновъ племени Весь, которое обитало въ древности по Бѣлоозеру, но впослѣдствіи разселилось по теченію рѣкъ. Часть его поднялась по р. Мологѣ, въ Новгородскую волость Егна и поселилась по р. Егницѣ, впадающей близь Весьегонска въ р. Мологу. Для отличія отъ *Веси Бѣлозерской*, эта часть называлась *Весью Егонскою*. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ и доселѣ этотъ край у стариковъ крестьянъ прочихъ уѣздовъ». (6) «Вся Тверская губернія въ до-русскія времена,— замѣчаетъ г. Европеусъ въ другой своей статьѣ, — принадлежала къ области чистой Югры, предковъ Венгровъ, Вогуличей и Остяковъ, и дѣйствительно, въ Тверской губерніи весьма много нерусскихъ названій рѣкъ, озеръ, горъ, деревень и другаго рода мѣстностей, составъ и значеніе которыхъ чисто югорскіе.» (7) Дѣйствительно, въ Тверской губерніи есть мѣстности съ такими названіями, которыя наводятъ на мысль, что она была заселена Весью. Такъ есть 1) въ Калязинскомъ уѣздѣ деревня Вески (Нероновское) по лѣвую сторону тракта изъ Углича въ Москву; 2) въ Калязинскомъ же уѣздѣ деревня Вески Порѣцкія при р. Нерли по лѣвую сторону тракта изъ Калязина въ Москву; 3) въ Корчевскомъ уѣздѣ деревня Вески по лѣвую сторону рѣки Медвѣдицы; 4) въ Новоторжскомъ уѣздѣ деревня Вески при рѣчкѣ Малицѣ по правую сторону желѣзной дороги отъ Петербурга къ Москвѣ; 5) въ Осташковскомъ уѣздѣ по правую сторону Старорусскаго тракта есть сельцо Весцо (Максимовское). (8) Къ этому можно прибавить еще нѣкоторыя названія мѣстностей, на основаніи которыхъ можно кажется заключить, что между позднѣйшими жителями нынѣшней Тверской губерніи сохранилась память о томъ, что здѣсь когда-то до нихъ жили Финны или Чудь. Такъ напр. въ половинѣ XVI в. одинъ изъ становъ Кашинскаго уѣзда, именно какъ видно начинавшійся у самаго города Кашина, назывался *Чудской* станъ. (9) Въ наше время названія нѣкоторыхъ деревень Тверской губерніи имѣютъ такія имена, въ которыхъ звучитъ слово *Чудь*, таковы: Чудина (Нов. у.), Чудинково (Бѣж. Твер. уу.), Чудиново (Вес. у.), Чудины (Вышнев., Корч., Нов.), Чудово (Твер Стар. уу.).

Г. Европеусъ производилъ раскопки около погоста Бѣжецы въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи (слѣдовательно внѣ предѣловъ прежняго Тверскаго княжества), гдѣ находится множество кургановъ. На основаніи раскопокъ г. Европеусъ полагаетъ, что

эти курганы принадлежатъ тому же народу (длинноголовому — прибавляетъ г. Европеусъ), что и курганы въ Московской, Владимірской и Ярославской губерніяхъ. Что касается до вещей, продолжаетъ г. Европеусъ, найденныхъ въ курганахъ около погоста Бѣжецы, то и онѣ подтверждаютъ одноплеменность до-русскихъ курганныхъ жителей въ Тверской, Московской, Владимірской и Ярославской губерніяхъ. Тѣ же бронзовые бубенчики, которые преимущественно характеризуютъ курганныя находки въ послѣднихъ трехъ губерніяхъ, и которые были носимы на груди, какъ украшеніе, встрѣчались и здѣсь; затѣмъ здѣсь встрѣчались тѣ же бронзовыя пряжки, цѣпочки и сережки, тѣ же желѣзные ножи, тѣ же бусы, тѣ же глиняные горшки, какъ и въ курганахъ Московской, Владимірской и Ярославской губерній. Тамъ же въ курганахъ найдены четыре наконечника стрѣлъ, два желѣзные и два кремневые. На найденныхъ мѣдныхъ вещахъ украшенія изъ «перевитыхъ змѣй» или, лучше сказать, драконовъ, изъ медвѣжьихъ головъ и разныхъ узоровъ. Всѣ курганные скелеты около Бѣжецъ оказались лежащими головою на западъ и ногами на востокъ; скелеты всегда лежали на спинѣ съ руками по бокамъ; креста ни на одномъ скелетѣ не было. (10) Въ двухъ курганахъ съ человѣческими костями найдены были и сожженныя кости (можетъ быть, замѣчаетъ г. Европеусъ, какого нибудь животнаго). (11) Г. Европеусъ производилъ раскопки только въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, а между тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Тверской губерніи есть курганы: по берегамъ рр. Руссы, Шоши и Квашни находится множество кургановъ, на протяженіи отъ Твери къ Зубцеву и Волоколамску. (12) Къ сожалѣнію курганы Тверской губерніи не изслѣдованы точнымъ образомъ. Но основываясь на нерусскихъ названіяхъ разныхъ мѣстностей Тверской губерніи и на мнѣніи финнологовъ кажется можно безошибочно допустить, что она — а стало быть и мѣстность, которая послѣ занята была Тверскимъ княжествомъ — передъ прибытіемъ Славянъ вся была заселена Весью.

У Френа (его Ibn-Fosslan, 205 — 233) выбраны изъ Арабскихъ писателей (изъ нихъ самый ранній Ибнъ-Фадланъ, писатель начала X вѣка; самый поздній Бакуви, жившій въ началѣ XV вѣка) и представлены въ сжатомъ обозрѣніи слѣдующія извѣстія о народѣ Вису, т. е. Веси: 1) Эта земля (народа Вису) лежитъ на дальнемъ Сѣверѣ, по ту сторону седьмаго климата (Гамд.), а по другимъ (Бакуви и др.) внутри его (13), гдѣ также живутъ Варяги и Югра (Як. Дим. Гамд. Бак.), гдѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночей, а зимою дней (Ибнъ-Фоцл. Як. Бак.), на востокъ отъ Варяжскаго моря (Гамд.), къ западу на три мѣсяца пути отъ земли Гога и Магога, (14) отъ которой (Весь) отдѣляется моремъ (Ибнъ-Фоцл.), за Булгарами на три мѣсяца (15) пути (Ибнъ-Фоцл. Як. Бак.); купцы ѣздятъ туда по Волгѣ (Ибнъ-Фоцл.); Булгары ведутъ съ жителями нѣмую торговлю (Касв. Бак.), ввозятъ туда сабельные клинки. (Абу-Гам.) и вывозятъ оттуда мѣха бобровъ (которые тамъ туземны (Абу-Гам.)), соболей и бѣлокъ (Як.). (16)

Нѣмую торговлю Булгары съ Весью производили такимъ образомъ: Булгары привозили свои товары къ Веси и оставляли ихъ на одномъ извѣстномъ мѣстѣ, обозначивши знакомъ; потомъ опять приходили и находили разные другіе товары, положенные возлѣ прежнихъ. Если Булгары оставались довольны товарами, предложенными въ обмѣнъ, то ихъ брали, а свои оставляли; въ противномъ случаѣ они брали назадъ свои товары. Покупатели и продавцы другъ друга не видѣли. (17) По извѣстіямъ Арабовъ, Весь не посѣщала страны Булгаровъ, потому что когда они туда приходили, то — хотя бы это было даже среди лѣта — измѣнялся воздухъ и наступалъ холодъ, такъ что даже растенія гибли. Булгары это знали и потому не допускали Весь приходить въ свою землю. (18) Истинная причина такого разсказа, замѣчаетъ одинъ писатель (19), вѣроятно заключалась въ томъ, что Булгары не хотѣли, чтобы иностранные купцы, приходящіе въ ихъ городъ, узнали, за какую ничтожную цѣну они покупали отъ Веси мѣховые товары, продаваемые потомъ за высокую цѣну.

Эти извѣстія Арабовъ о Веси немного сообщаютъ о ней, но и изъ нихъ можно видѣть, какими товарами обмѣнивались Весь и Булгары, и также заключить, что Булгары дорожили торговлею съ Весью, стараясь не допускать туда Арабскихъ купцевъ, а потому пугали ихъ разсказами о холодѣ земли Веси, подобно тому какъ они пугали тѣхъ же Арабовъ, будто Мордва убиваетъ иностранцевъ, тогда какъ сами получали изъ мордовской земли нѣкоторые товары. (20)

Торговое значеніе земли Веси, какъ и вообще Волжскаго пути, подтверждается и нумизматическими находками. «Народы, населявшіе огромный материкъ между этими двумя водоемами (т. е. морями Балтійскимъ и Каспійскимъ), не могли оставаться недѣятельными во внѣшней торговлѣ, главныя статьи которой составляли произведенія ихъ земли: они были необходимымъ звеномъ въ торговлѣ и Каспія и Балтики, и посредниками между мусульманскимъ Востокомъ и Западною Европою. Корысть соединяла на берегахъ Волги и смуглаго Аравитянина и бѣлокурыхъ обитателей Сѣвера, подданныхъ халифата съ языческими Норманами, Славянами и Чудью.» (21) «Славяне, Кривичи и Весь служили неминуемыми посредниками между торговлею Каспія и Чернаго моря съ Балтикою; всѣ товары, шедшіе съ Поволжья и Днѣпра на Западъ, или на оборотъ, неуклонно проходили черезъ ихъ землю, и должны были обогащать жителей.» (22)

Что касается Арабовъ, то городъ Булгаръ «былъ крайнимъ предѣломъ странствованій Арабовъ десятаго вѣка и самымъ сѣвернымъ пунктомъ торговли халифата. Отъ земли Булгарской и начинается по Волгѣ рядъ кладовъ съ старинными арабскими деньгами.» (23)

Эти клады заключаютъ въ себѣ — принесенныя въ Россію путемъ торговли съ мусульманскими народами прикаспійскихъ странъ — Азіятскія монеты VII, также VIII, IX, X и начала XI столѣтій, а

потому и «исторически торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ можно начинать только съ послѣднихъ годовъ седьмаго вѣка, хотя вѣроятно они существовали, впрочемъ въ меньшемъ размѣрѣ, и въ шестомъ, и даже въ пятомъ столѣтіи.» (24) Находки Восточныхъ монетъ въ Россіи заставили одного ученаго — въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ выводовъ — придти также къ слѣдующимъ: 1) что, съ конца VIII в. до начала XI в. включительно, жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ при-Каспійскими Мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями. 2) что въ то же время и столь же постоянно вели они ее съ побережными народами Балтійскаго моря. 3) всѣ мѣстности нумизматическихъ находокъ (Остзейскихъ, Бѣлорусскихъ и многихъ Великороссійскихъ губерній, въ томъ числѣ и Тверской) были въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ населены болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли выгодной и продолжавшейся постоянно болѣе двухъ сотъ лѣтъ; людьми, которые, по крайней мѣрѣ, не были дикарями, видали кое-что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя географическія и этнографическія свѣдѣнія. 4) что на пространствѣ помянутыхъ губерній были города, не въ смыслѣ огороженныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію, и въ которыхъ развиты были первыя зачала гражданскаго благоустройства. (25)

Эту торговлю вели и выгодами ея пользовались — сперва Весь, а потомъ ея преемники Славяне.

Но какія же Славянскія племена заселили вообще Поволжье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и верхнее Поволжье?

Въ историческія времена Весь указывается живущею у Бѣлаозера. (Еще въ началѣ XVI в. обрусѣвшіе потомки Веси сохраняли свой языкъ. Герберштейнъ (26) говоритъ, что «туземцы — на Бѣлѣозерѣ — имѣютъ свой собственный языкъ, хотя нынѣ почти всѣ говорятъ по-русски».) Финны никогда не составляли одного цѣлаго народа, но всегда были разъединены и часто бывали во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. (27) Славяне могли легко поселиться между Весью. Славяне заняли землю Веси, но только мы навѣрное не знаемъ, какъ это произошло — мирнымъ ли путемъ или путемъ завоеванія, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. (28)

Невозможно опредѣлить, когда именно началась колонизація Славянами Приволжскаго края, какъ и вообще разселеніе Славянъ между Финскими племенами, однако безъ сомнѣнія ранѣе IX вѣка. Но можно опредѣлить, какіе Славяне заселили Приволжскій край. Могло ли колонизаціонное движеніе идти съ Юга изъ земли Вятичей? Если Югъ и терпѣлъ отъ Хазаръ или отъ какихъ либо кочевниковъ, то все-таки колонизаціонное движеніе съ Юга чрезъ землю Вятичей должно было быть весьма незначительно (особенно при неудобствѣ путей сравнительно съ путями изъ Новгорода) (29.) Что же касается до Вятичей, то при ихъ замкнутости и дикости

также не могло быть сколько нибудь значительнаго выселенія изъ ихъ земли на Волгу. (30)

Касательно колонизаціоннаго движенія съ Запада, отъ Смоленска, изъ земли Кривичей, Бѣляевъ (Рус. земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ, стр. 45) говоритъ слѣдующее: «На востокѣ отъ Смоленска къ Волгѣ мы по лѣтописямъ не можемъ указать ни одного Кривскаго города, который былъ бы въ древности точкою сообщенія Кривичей съ этимъ краемъ; но что Кривичи проникали и сюда въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо Несторъ ясно говоритъ: «Кривичи сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра.» И до сего времени сохранилось названіе одного мѣстечка Крево на берегу Волги въ Тверской губерніи, именно близь Корчевы, недалеко отъ впаденія въ Волгу рѣки Сестры; это названіе намекаетъ, не было ли здѣсь въ древности Кривскаго города, который бы служилъ для Кривичей точкою сообщенія съ племенами Мери и со всѣмъ Волжскимъ краемъ; на возможность Кривскаго поселенія въ этомъ краю указываетъ одна Смоленская грамота 1150 года, въ которой упоминается о идущей къ Смоленску Залѣсской дани въ Суздали. (Дополн. акт. истор. I, стр. 6). Это упоминаніе ясно говоритъ, что даже въ XII в. существовали еще владѣнія Кривичей въ Суздали.» (31) И теперь крестьяне самой западной части Тверской губерніи нѣсколько отличаются отъ остальнаго населенія той же губерніи. Жители западной половины (слѣд. на правомъ берегу Волги) Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ *Тудовлянъ*, отъ названія мѣстной рѣки Молодой Тудъ, впадающей въ Волгу съ правой стороны. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда на правомъ берегу Волги и жители селеній, расположенныхъ по р. Итомлѣ (Ржев. у.) и р. Кошѣ (Осташ. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ Бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь. Такъ, напр., сарафанъ называютъ они *кыстыланъ*. Тудовлянъ съ небольшимъ сто тысячъ. (32)

Тогда какъ колонисты изъ земли Кривичей могли занимать верховья Волги и двигаться внизъ по ея теченію, съ противоположной стороны — но только гораздо позже — изъ земли Суздальской вверхъ по Волгѣ также могли идти колонисты, такъ напр. замѣчаютъ, что и теперь нарѣчіе Калязинское примыкаетъ къ Суздальскому. (33)

Но самая сильная колонизація въ Приволжскій край шла съ Сѣверозапада изъ земли Славянъ Ильменскихъ или Новгородцевъ, къ чему, какъ извѣстно, ихъ побуждало неплодородіе ихъ земли, а затѣмъ ихъ дѣятельный, промышленный духъ. Въ этомъ колонизаціонномъ движеніи Новгородцамъ много помогало удобство путей сообщенія: Новгородцы могли пользоваться многочисленными рѣками, озерами и волоками, при помощи которыхъ имъ удобно было пробираться изъ своей земли въ приволжскія земли и на са-

мую Волгу. (34) Бѣляевъ замѣчаетъ, что изъ Славянскихъ племенъ въ зѐмли Веси, Мери проникали именно Новгородцы и что, «нѣтъ сомнѣнія, что древнѣйшіе города въ краяхъ Мери и Веси были Новгородскаго происхожденія, на что указываютъ какъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ чисто Славянскія, напр. Бѣлоозеро, Ростовъ, такъ еще болѣе выборъ мѣстности для построенія, ибо всѣ старые города этого края выстроены рѣшительно на путяхъ сообщенія при большихъ рѣкахъ и озерахъ. Очевидно, что древнѣйшими Новгородскими поселеніями въ землѣ Мери и Веси были Торжокъ и Бѣжецкъ, какъ ближайшіе къ землямъ Ильменскихъ Славянъ, и прокладывавшіе дорогу къ дальнѣйшимъ поселеніямъ.» Такъ, ими были построены Углече-поле, Молога, Кострома, Ростовъ, Суздаль. (35) Славянская и преимущественно Новгородская колонизація такъ сильно приливала въ земли Веси и Мери, что уже въ IX в., во времена призванія князей, Славянскій элементъ былъ господствующимъ надъ Финскимъ, (36) хотя Славянскіе колонисты этихъ земель и означены въ лѣтописи нашей не-славянскими именами Веси и Мери (что можно замѣтить и про Чудь). (37) И должно полагать, что Весь, какъ болѣе близкая къ Новгороду нежели Меря, и должна была подвергнуться Славянской колонизаціи ранѣе нежели Меря. (38) Начальная лѣтопись помнитъ Весь на Бѣлѣозерѣ, помнитъ Мерю около Ростова и на Клещинѣ озерѣ, и не помнитъ Веси на Волгѣ. (И здѣсь на Волгѣ утвердились окончательно именно Новгородцы: въ послѣдствіе времени у Суздальцевъ происходятъ столкновенія на верхнемъ Поволжьѣ не съ кѣмъ либо другимъ, а именно съ Новгородцами.)

Эти-то Славянскіе колонисты земли Веси, равно какъ таковые же колонисты земли Мери и Чуди, вмѣстѣ съ Новгородцами и Кривичами, участвовали въ призваніи первыхъ князей. (39) Въ землѣ Веси на Бѣлѣозерѣ сѣлъ Синеусъ. (40) «Избраніе для Синеуса резиденціи на Бѣлѣозерѣ, — замѣчаетъ Савельевъ, — въ половинѣ IX в., показываетъ, что это былъ тогда важный пунктъ въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ.» (41) Когда же, по смерти своихъ братьевъ, Рюрикъ началъ раздавать своимъ мужамъ грады, то не избѣгла этого также и земля Веси: «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро.» (42) Названіе Веси въ послѣдній разъ упоминается въ лѣтописи подъ 882 годомъ: въ этомъ году Весь вмѣстѣ съ Варягами, Чудью, Словенами, Мерею, Кривичами участвовала въ походѣ Олега на Смоленскъ и къ Кіеву на Аскольда съ Диромъ. (43)

Неизвѣстно, какъ распространялось Христіанство въ верхневолжскомъ краю, въ той мѣстности, гдѣ позже образовалось Тверское княжество — какое оно встрѣтило здѣсь сопротивленіе, сильное или слабое, со стороны язычества. Лѣтопись, говоря о появленіи волхвовъ, указываетъ, что они являлись въ Суздалѣ (1024), изъ Ярославля по Волгѣ и Шекснѣ приходили на Бѣлоозеро (1071 г.),

появлялись въ Ростовѣ (1091 г.), но не говоритъ, чтобы они появлялись въ верхневолжскомъ краю ближе къ берегамъ Волги. (44) Житіе преподобнаго Ефрема Новоторжскаго (ум. 1053 г.), говоря о построеніи Ефремомъ обители (вокругъ которой потомъ возникло поселеніе Новый Торгъ), не упоминаетъ о язычникахъ въ этой мѣстности, со стороны которыхъ онъ могъ встрѣтить сопротивленіе, а если бы оно было, то конечно житіе не преминуло бы объ этомъ упомянуть. (45) Въ XV в. было преданіе, что Владиміръ Св., распространяя Христіанство въ Русской землѣ, крестилъ и землю Веси: когда въ 1471 г. одни Новгородцы хотѣли подчиниться Литвѣ, а другіе Москвѣ, то партія Московская говорила, что Владиміръ крестилъ всѣ наши земли «Рускую (Приднѣпровье) и нашу Словѣнскую (Новгородъ), и Мерску, и Кривичску, Весь, рекше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи и прочая.» (46) Извѣстно, какое содѣйствіе развитію культуры оказали русскіе монастыри, основывавшіеся въ мѣстахъ, гдѣ были только дикіе лѣса и болота, а не было людей. Но неизвѣстно, какіе монастыри въ первыя времена Христіанства были построены въ верхневолжскомъ краю, а потому нельзя опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ тамъ дѣйствовала монастырская колонизація. На нея можно найти указанія весьма скудныя. Такъ, вокругъ обители преп. Ефрема возникъ Новый Торгъ (хотя потомъ и отошедшій къ Новгородской области, но все-таки находившійся недалеко отъ Твери). Передъ нашествіемъ Татаръ, при устьѣ р. Жабни (гдѣ нынѣ городъ Калязинъ) былъ неизвѣстно когда основанный, но раззоренный Татарами монастырь «Николы-на-Жабнѣ»; на развалинахъ его возникъ новый монастырь, близь котораго появилась монастырская слободка. Трудно сказать, что появилось раньше при устьѣ р. Тверцы — поселеніе, обратившееся потомъ въ городъ Тверь, или Отрочь монастырь. Татары при своемъ нашествіи раззорили много городовъ, селеній, монастырей, церквей, — не избѣгъ конечно такого раззоренія и верхневолжскій край. Остальные Тверскіе монастыри, сколько можно судить по лѣтописямъ и грамотамъ, появились въ верхневолжскомъ краю уже послѣ Татарскаго нашествія, такъ напр. монастырь на р. Шошѣ, куда удалился епископъ Андрей; Желтиковъ монастырь, основанный преп. Арсеніемъ и т. д. Тверское княжество образовалось тогда, когда въ верхнемъ Поволжьѣ было уже полное торжество Христіанства.

Что же представляла колонистамъ мѣстность верхняго Поволжья, что они могли тамъ найти, что ихъ туда влекло?

Въ наше время, наибольшее количество земли Тверской губерніи, почти треть всего пространства, занято лѣсомъ; нѣсколько мѣньшую часть составляетъ количество земли пахатной; сѣнокосъ занимаетъ почти четвертую часть. Самый бѣдный лѣсомъ уѣздъ Кашинскій. (47)

Въ древности же вся Тверская губернія была покрыта лѣсами, которыхъ сохранилось много и доселѣ въ сѣверной ея части, менѣе населенной. Господствующими породами на иловатой и песча-

ной почвѣ были ель и сосна, на почвѣ тучной — береза, осина, и также липа, рябина, ясень и дубъ. Послѣднія породы совершенно истреблены. Доказательствомъ ихъ бывшаго существованія можетъ служить то, что въ настоящее время въ землѣ откапываются огромные обломки дубовъ, особенно близь береговъ рѣкъ. (48)

Въ Тверской губерніи разсѣяны во множествѣ озера и болота, питающія рѣки. Озерами особенно изобилуетъ верхній край губерніи. Въ сѣверозападной половинѣ Осташковскаго уѣзда (Осташковскій уѣздъ — самая возвышенная часть губерніи) и сѣверозападной же Вышневолоцкаго насчитывается до 250 озеръ. Прежде край этотъ былъ еще обильнѣе водой: многія озера превратились въ болота, многія болота, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, высохли; этотъ процессъ продолжается и въ настоящее время: многія озера заростаютъ водяными растеніями, которыя все болѣе и болѣе стѣсняютъ озера къ срединѣ. Нѣкоторыя изъ озеръ изобилуютъ рыбой, причемъ разнымъ озерамъ свойственна особая порода рыбъ. (49)

Почва въ Тверской губерніи вообще качества посредственнаго. Плодородный слой находится не вездѣ и не бываетъ глубже 3 вершковъ; подъ нимъ обыкновенно лежитъ слой суглина или просто глины. Вообще вездѣ требуется хорошее удобреніе. (50) Плодороднѣйшія земли лежатъ по берегамъ Волги, въ Старицкомъ, Корчевскомъ, Калязинскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, особенно тѣ, которыя оплодотворяются слоемъ ила, наносимаго весенними разливами. (Не менѣе плодороднымъ считаютъ и Бѣжецкій уѣздъ.) (51) Въ наше время хлѣбопашество въ Тверской губерніи не составляетъ исключительнаго занятія жителей, какъ въ другихъ губерніяхъ, но значительное число занимаются другими промыслами, какія для нихъ выгоднѣе, напр. въ Тверскомъ уѣздѣ жители промышляютъ извозомъ, кузнечнымъ дѣломъ, теской камня, пилкою лѣса, приготовленіемъ посуды, саней, телѣгъ, разныхъ крестьянскихъ орудій. (52) При весьма выгодномъ положеніи Тверской губерніи въ торговомъ отношеніи, судоходство въ ней даетъ выгодныя средства прибрежнымъ жителямъ: они занимаются судостроеніемъ, нагрузкою и разгрузкою товаровъ на пристаняхъ, нанимаются на суда въ лоцмана, коноводы и коренные рабочіе, и проч. (53)

Въ древности, въ этомъ краю верхней Волги, — какъ и въ остальной обширной странѣ, заселенной нашими предками, — въ краю покрытомъ громадными и непроходимыми лѣсами, усѣянномъ болотами и озерами, перерѣзанномъ рѣками и ручьями, привольно было плодиться дикимъ звѣрямъ и птицамъ; воды изобиловали рыбою, а лѣса дикими пчелами. Сама природа указывала народу ближайшее средство къ пропитанію въ занятіяхъ звѣроловствомъ и охотой за дичью, рыболовствомъ и бортничествомъ или пчеловодствомъ. (54) Но это были богатства болѣе или менѣе общія всей Россіи. Что же однако преимущественно влекло колонистовъ сюда, въ верхнее Поволжье? Не соха заманила сюда жителей, замѣчаетъ одинъ писатель, а рыболовная сѣть и судно купца; здѣсь земледѣлецъ искоренялъ лѣса топоромъ и огнемъ и бороздилъ между

пней суковатою бороною. (55) Богатство рыбою было въ то время болѣе или менѣе свойственно всей Россіи, гдѣ только были воды, а потому едва ли можно согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что рыболовство, наравнѣ съ торговыми удобствами и выгодами, преимущественно предъ другими мѣстностями, влекло переселенцевъ въ верхневолжскій край: сюда скорѣе манило торговое судно купца и — по крайней мѣрѣ въ началѣ, въ древнѣйшія времена — богатство пушныхъ товаровъ, о которомъ свидѣтельствуютъ Арабскіе писатели. (56) Если съ одной стороны извѣстныя условія мѣстности привлекали переселенцевъ, то съ другой стороны природа той же мѣстности могла много содѣйствовать торговой предпріимчивости жителей. Передаточная промышленность древней Руси ранѣе и сильнѣе развилась въ мѣстахъ, имѣющихъ удобные пути сообщенія — преимущественно по берегамъ Днѣпра, Волги, Волхова, Сѣверной и Западной Двины, и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ бассейновъ этихъ рѣкъ, гдѣ почва, мало удобная для земледѣлія и скотоводства, требуя усиленной обработки со стороны жителей и не вознаграждая труды ихъ, заставляла искать средствъ къ пріобрѣтенію въ передаточной промышленности. Такова была напр. Новгородская земля, большею частію низменная и болотистая, — или земли Полоцкая и Витебская, наполненныя болотами, озерами и топями; половина Смоленской области, лежащая на сѣверъ отъ Днѣпра, не отличается плодородіемъ, зато положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди русскихъ областей необходимо условливало раннее развитіе торговой предпріимчивости смоленскихъ жителей. (57)

Сказанное объ этихъ земляхъ примѣняется и къ верхневолжскому краю, въ которомъ беретъ начало большая торговая рѣка.

Сюда издавна сходились колонисты — изъ Славянскихъ племенъ, и притомъ изъ какихъ именно — сказано было раньше.

Лѣтопись представляетъ Юрія Долгорукаго, какъ создателя городовъ въ Сѣверной Руси, а народная память имѣетъ своихъ героевъ: черезъ лѣса Муромскіе, черезъ грязи Брянскія проѣзжаютъ эти герои, пути прокладываютъ, лѣса рубятъ, мосты мостятъ. Эти герои напоминаютъ подвиги первыхъ поселенцевъ въ той странѣ. Поселенцы эти были тѣмъ, что впослѣдствіе звали бродниками, ушкуйцами. Не князьямъ принадлежитъ починъ въ заселеніи Славянскимъ племенемъ нашего Сѣверо-востока; это дѣло народное и началось очень давно; князья помогали этому дѣлу, продолжали его, рубили города, т. е. очень часто укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ и такія же слободы ставили и ихъ дружинники. Въ эти слободы сходились сбродные люди. Бродники — вотъ издавніе русскіе колонизаторы. Удалые добрые молодцы, богатыри и дружина богатырская — такъ величаетъ бродниковъ народная память. Имъ почему-либо не сидится на мѣстѣ и идутъ они впередъ, но куда зайдутъ, тамъ по бо̀льшей части и селятся: какъ возникла Вятка на памяти исторіи, такъ, вѣроятно, возникъ и Ростовъ, такъ могло появиться и Бѣлоозеро (которое носитъ русское, хотя можетъ быть и переводное имя).

Много такихъ дружинъ шло изъ Великаго Новгорода, у котораго были и предпріимчивость, и энергія, и сила, и богатство. (58) Вмѣстѣ съ тѣмъ, могло быть и такъ, что богатѣйшіе и сильнѣйшіе изъ Новгородскихъ колонистовъ въ званіи земскихъ Новгородскихъ бояръ управляли такъ называемымъ Ростовско-Суздальскимъ краемъ отъ имени Новгорода, строили села и слободы и созывали поселенцевъ изъ Новгорода и изъ другихъ мѣстъ. (59)

Старинный земледѣлецъ нашъ обыкновенно селился въ лѣсу, на небольшой полянѣ, склоняющейся къ рѣчкѣ, ручью или озеру, пахалъ вокругъ своего жилища землю, засѣвалъ ее, пока она родила хлѣбъ хорошо, а тамъ переходилъ на другое мѣсто, и между тѣмъ всегда имѣлъ участокъ пашни гдѣ-нибудь въ лѣсу или на опушкѣ его, на брошенныхъ предшественниками пустошахъ; но тотъ и другой участокъ пашни расчищалъ онъ самымъ быстрымъ способомъ—топоромъ и огнемъ. Пространство, очищенное огнемъ отъ лѣса, засѣвалось и — въ Тверскомъ краю — получало названіе *ляда*. Земледѣлецъ такимъ образомъ ставилъ свой дворъ, такъ сказать, на *сыромъ корени*. Появлялись села, сельца, выселки, поселки, деревни, починки, выставки, ряды, рядки. (60) Дубъ и другія деревья, растущія медленно, требующія тучной почвы и не могущія укрѣпиться на тощемъ подзолѣ, выводились мало по малу; выросталъ новый лѣсъ (ель, сосна, береза, кустарникъ), но и онъ истреблялся новымъ хозяиномъ. Опустѣвшіе ляда получили названіе *пустошей*. Пустоши носятъ на себѣ печать происхожденія отъ выжеговъ лядъ, или напоминаютъ о качествѣ покрывавшаго ихъ лѣса, или указываютъ на перваго истребителя этого лѣса и плодоносной почвы. Есть мѣстности съ такими названіями: Горѣлые Лома, Огнище, Опекалово, Пѣтуховы-Палядки, Опалево, Большія-Гари, Малыя-Гари, Выжеги, Большое-Пожарище и пр., или: Ляды, Лядины (3 мѣстности съ такимъ названіемъ), Ожигово, Опалиха, Гарь, Гари (5), Пожарная, Пожарье, Погорѣлецъ (5), Погорѣлица, Погорѣлицкая гора, Погорѣлка (12), Погорѣлки (2), Погорѣлково, Погорѣлово (5), Погорѣлое, Погорѣльское, Погорѣльцово (2), Погорѣльцы (2). (61) Населеніе располагалось преимущественно по рѣкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя — должно думать съ давнихъ поръ — были очень населены; такъ въ лѣтописи встрѣчаются выраженія: «положиша всю Волгу пусту (отъ р. Тверцы), вси городы пожгоша, повоевали все Поволжье, пожгли всю Шошу». Въ половинѣ XII в. отъ Кснятина до Углеча и Ярославля лежало по Волгѣ 6 городовъ, кромѣ этихъ 3 упомянутыхъ, слѣд. край былъ уже довольно заселенъ. (62) Если обратить вниманіе на то, что въ настоящее время самый бѣдный лѣсомъ есть уѣздъ Кашинскій, и допустить, что это произошло вслѣдствіе лядиннаго хозяйства первыхъ поселенцевъ, то нужно будетъ принять, что Кашинскій край въ древности былъ весьма населенъ; въ наше время по плотности населенія Кашинскій уѣздъ считается самымъ населеннымъ въ Тверской губерніи. (Менѣе населенными изъ уѣздовъ, входившихъ въ составъ прежняго Тверскаго княжества, считаются уѣзды Ржевскій и Остащ-

ковскій. При чемъ послѣдній отличается, вмѣстѣ съ уѣздомъ Вышневолоцкимъ, обиліемъ озеръ и болотъ; притомъ западные уѣзды Тверской губерніи менѣе плодородны, нежели уѣзды, лежащіе внизъ по Волгѣ.)

По Волгѣ, Шошѣ, Вазузѣ и другимъ рѣкамъ встрѣчаются нынѣ значительныя торговыя села, по своему названію городищами, указывающія на происхожденіе отъ древнихъ городовъ. (63) Конечно, не одни торговыя выгоды, но также и военныя соображенія, заставляли заселять и укрѣплять нѣкоторые пункты по берегамъ рѣкъ, особенно при ихъ устьяхъ. «Несомнѣнно одно, — замѣчаетъ авторъ записки о городѣ Калязинѣ, — что когда развивалось и усилилось Суздальское княженіе, и особенно, когда между нимъ и Новгородцами возгорѣлись войны, Суздальцамъ не возможно было не заселить и не укрѣпить нѣкоторыхъ мѣстъ, лежащихъ на дорогѣ къ Суздалю, или вблизи границъ Новгородскихъ владѣній. Естественной границей между тѣми и другими была Волга; и тамъ, гдѣ предполагались наибольшія удобства для переправы чрезъ нея, — тамъ, на той и другой сторонѣ, должны были явиться укрѣпленія, болѣе или менѣе надежный оплотъ противъ внезапныхъ вторженій. Лучшими путями сообщеній въ тѣ времена были рѣки; съ тою же цѣлію нельзя было не поставить укрѣпленій при устьяхъ рѣкъ, которыя вели во внутренность владѣній или къ стольному городу княжества. При устьѣ рѣки являлось укрѣпленіе; нельзя было не явиться ему и на противоположномъ берегу. Врагъ той или другой рѣкой спустится въ Волгу и, тутъ же переправившись черезъ нее, можетъ вторгнуться въ чуждыя владѣнія; но тутъ стоитъ укрѣплеіе и переправа для него затрудняется. Такъ должно было быть, такъ безъ сомнѣнія и было. И вотъ почему отъ Твери почти вплоть до Ярославля, по обѣимъ сторонамъ Волги, столько городищъ! Ни одна, сколько нибудь значительная, рѣка не осталась въ своемъ устьѣ безъ укрѣпленія: воспоминанія о семъ доселѣ сохранились въ названіяхъ этихъ мѣстъ *городищами*. Такъ напр. при устьѣ р. Дубны — городище, теперь село Дубенское городище; противъ него остатки вала, окоповъ, которые доселѣ называются городищемъ; при устьѣ Хотчи — городокъ, теперь село Бѣлъ-городокъ; при устьѣ Медвѣдицы — весьма значительные остатки городищъ и укрѣпленій; на противоположномъ берегу отъ села Пухлимскаго, на пространствѣ девяти верстъ, почти непрерывная цѣпь окоповъ и укрѣпленій, явно сдѣланныхъ руками человѣческими, которые и доселѣ называются городищами (тутъ же и доселѣ существуетъ деревня Городище): И понятно, почему Суздальцы (авторъ приписываетъ Суздальцамъ) надѣлали здѣсь столько укрѣпленій: р. Медвѣдицей особенно часто спускались Новгородцы, и устье этой рѣки было для нихъ сборнымъ пунктомъ. (64)..... При устьѣ р. Нерли цѣлый городъ Константинъ (нынѣ Скнятинъ), при устьѣ Жабни Калязинъ и пр. Что это не одни предположенія, свидѣтельствуютъ лѣтописцы (65)..... Такимъ образомъ, — продолжаетъ авторъ записки о городѣ Калязинѣ, — не прибѣгая ни къ какимъ безполезнымъ догадкамъ, мы

видимъ, что въ XII в. на берегахъ Волги, которые въ настоящее время принадлежатъ Калязинскому уѣзду, были уже города, городки и селенія. Но они были и не только по берегамъ Волги. Такъ село Константиново на Жабнѣ (въ 3 вер. отъ Калязина) и деревня Маншино (въ 12 вер. отъ Калязина) были еще въ XII в. и пр. Слѣдовательно, мѣстность Калязинскаго уѣзда въ XII в. была уже заселена.» Далѣе авторъ записки о городѣ Калязинѣ замѣчаетъ, что въ нынѣшнемъ Калязинскомъ уѣздѣ было много монастырей. «Такъ, несомнѣнно (что авторъ доказываетъ далѣе въ своемъ сочиненіи),— былъ монастырь на Нерли, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь слобода Троицко-нерльская; былъ монастырь на р. Жабнѣ, гдѣ теперь деревня Ульяново, — въ память чего и доселѣ стоитъ часовня; былъ монастырь (Казанскій) близь села Апухтина, на мѣстѣ котораго, среди пахатнаго поля, стоитъ теперь часовня; близь села Пухлимскаго (на Волгѣ) развалины двухъ монастырей; монастырь Капшинъ, гдѣ теперь село и пр.» Авторъ записки о городѣ Калязинѣ полагаетъ, что населеніе этой мѣстности увеличилось предъ нашествіемъ Татаръ, которые разгромили этотъ край. «Вотъ почему, замѣчаетъ авторъ, среди лѣсовъ, окружающихъ Калязинъ, Талдомъ, Дубну, встрѣчаемъ столько развалинъ, столько несомнѣнныхъ признаковъ, что тутъ воздѣлывалась когда-то земля; находимъ столько послѣдовъ жилья человѣческаго.» (66) Дополнимъ перечисленіе авторомъ нѣкоторыхъ городищъ указаніемъ и на нѣкоторыя другія городища и городки въ Тверскомъ краю (заимствуя эти свѣденія изъ списковъ населен. мѣстъ Тверск. и Москов. губ. 1862 г., указывая при томъ число жителей мужескаго пола какъ оно обозначено въ этихъ спискахъ).

Дер. *Городище*, Твер. у. при р. Тверцѣ, 8 вер. отъ Твери, 50 человѣкъ. Дер. *Городище*, Твер. у. при колодцахъ, 22 в. отъ Твери, 60 чел. Село *Городище*, Каляз. у. при р. Волгѣ, 4 в. отъ Каляз., 10 чел. Сельцо *Городищи*, Каш. у. при Волгѣ, 24 в. отъ Каш., 20 чел. Деревня *Городищи*, Корч. у. при рч. Сусоѣ, 53 в. отъ Корч., 55 чел. Деревня *Городище*, Корч. у. при Волгѣ, 5 в. отъ Корч., 100 чел. Деревня *Городище*, Ост. у. при рч. Дубенкѣ, 57 в. отъ Ост., 34 чел. Деревня *Городище*, Ост. у. при колодцѣ, 27 в. отъ Ост., 92 чел. Деревня *Городище* Стар. у. при рч. Дыхлѣ, 58½ в. отъ Стар., 135 чел. *Городище Апраксино* (Городище Никольское), село Твер. у. при р. Шошѣ, 44 в. отъ Твери, 89 чел. *Городище Валуево*, Твер. у. село при р. Вязьмѣ, 40 в. отъ Твери, 17 чел. *Городище* новое, Стар. у. деревня при колодцахъ, 55 в. отъ Стар., 33 чел. *Городище Моркино*, Твер. у. село при Волгѣ, 28 вер. отъ Твери, 88 чел. *Городище Мухино*, Твер. у. деревня при Волгѣ, 18 в. отъ Твери, 45 чел. *Городище Хлопово*, Зубц. у. село при р. Шошѣ, 55 в. отъ Зубц., 83 чел. *Городище Ѳоминское*, Зубц. у. сельцо при рр. Вазузѣ и Осугѣ (слѣдов. на дорогѣ въ Смоленское княжество) 8 вер. отъ Зубц., 130 чел. Деревня *Городище*, Моск. губ. Клин. у. при Волгѣ, 34 в. отъ Клина, 114 чел. *Городокъ*, дер. Ржев. у. при безъименномъ ручьѣ, 30 в. отъ Рж., 23 чел. Деревня *Городня* (Горо-

денька) Твер. у. при колодцѣ, 13 вер. отъ Твери, 128 чел. Село *Городня*, Твер. у. при Волгѣ, 29 вер. отъ Твери, 496 чел. Сельцо *Городокъ*, Корч. у. при р. Медвѣдицѣ, 63 в. отъ Корч., 7 чел. Деревня *Городокъ* (Вздохня гора) Ост. у. на Вздохнѣ горѣ, 45 в. отъ Ост., 34 чел. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей нынѣ значительныя торговыя села, такъ напр. Моркино Городище, Городище Никольское или Апраксино, Городище Хлопово, Городище Ѳоминское и другія. О Моркиномъ Городищѣ сохранилось устное преданіе, что на его мѣстѣ былъ городокъ, раззоренный Литовцами. (67).

Спрашивается, когда заселились эти мѣстности, называющіяся теперь Городищами и Городками? До нашествія Татаръ или въ эпоху позднѣйшую послѣ нашествія Татаръ? Если обратить вниманіе на вышеприведенныя указанія лѣтописей на походы князей и раззоренія ими Поволжья, Шоши и Дубны, то кажется нужно согласиться, что всѣ эти мѣста, называющіяся нынѣ городищами и городками, были уже заселены въ эпоху до нашествія Татаръ. (68)

Отчего же Новгородъ потерялъ вліяніе на колонизованную преимущественно имъ и ему принадлежавшую Поволжскую область, а стало быть и на Тверской край, — отчего все Поволжье входитъ въ составъ Ростовско-Суздальской земли? Этого факта пока объяснить нельзя. (69)

Обратимъ вниманіе на тѣ лѣтописныя указанія, въ которыхъ собственно верхнее Поволжье является иногда сценою военныхъ дѣйствій, и прослѣдимъ, на сколько возможно, какъ Новгородцы поступались этимъ краемъ, и когда появляется городъ Тверь.

Въ XI в. Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье были отнесены къ владѣніямъ Южнаго или Русскаго Переяславля (ихъ получилъ третій сынъ Ярославовъ Всеволодъ Ярославичъ). (70) Мономахъ отдалъ Ростовско-Суздальскую область своему младшему сыну, Юрію Долгорукому, въ 1096 г., въ родѣ котораго она и осталась, сдѣлавшись впослѣдствіе времени средоточіемъ русской силы. (71) Когда въ Ростовско-Суздальской землѣ образуется удѣлъ Переяславскій, то конечно къ нему былъ отнесенъ и Тверской край. (72) Въ половинѣ же XIII в. Тверской край составилъ самостоятельное Тверское княжество: Ярославъ Всеволодовичь, бывшій князь Переяславскій, сдѣлавшійся великимъ княземъ Владимірскимъ послѣ смерти своего брата Юрія на р. Сити, отдалъ Переяславль своему сыну Александру Невскому, а другому, Ярославу, отдалъ Тверь.

Теперь, на основаніи столкновеній Новгорода съ Ростовско-Суздальской землей, посмотримъ, какія мѣста въ Тверскомъ краю кому принадлежали.

На основаніи извѣстій 1096 г. можно полагать, что все теченіе р. Медвѣдицы (впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны между Калязинымъ и Корчевой) принадлежало Новгородцамъ. Во время разрыва Олега Святославича Черниговскаго со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Мономахомъ, Олегъ пошелъ на Нов-

городъ, откуда онъ хотѣлъ выгнать Мстислава Владимировича, сына Мономахова. Во время этого похода Олегъ посылалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ на р. Медвѣдицу. Отсюда можно заключить, что мѣста по р. Медвѣдицѣ въ то время принадлежали Новгороду, и эта рѣка была на границѣ Новгородскихъ земель и Ростовской области. (73)

Юрій Долгорукій, основавшій нѣсколько городовъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, построилъ въ 1134 г. въ Тверскомъ краю городъ Кōнстантинъ или Костянтинъ на Волгѣ, на устьѣ р. Нерли. (74) Этотъ городъ позже, какъ мы увидимъ далѣе, сталъ называться Кснятинъ, Скнятинъ и Снятинъ.

Кѣмъ началась княжеская колонизація Тверскаго края — Рюрикомъ или Юріемъ Долгорукимъ, и не обнаружилась ли она построеніемъ только одного города Константина — этого окончательно рѣшить нельзя по неимѣнію положительныхъ данныхъ для подобнаго вывода.

Безъ сомнѣнія Долгорукій построилъ городъ на устьѣ р. Нерли съ тою цѣлію, чтобы имѣть въ немъ опорный пунктъ на случай борьбы съ Новгородомъ. Если Новгородцы Медвѣдицею выходили на р. Волгу, то Кснятинъ могъ задерживать движеніе Новгородцевъ внизъ по р. Волгѣ. Изъ войнъ Юрія съ Новгородомъ можно заключать, что въ то время отъ устья р. Тверцы внизъ по Волгѣ — по крайней мѣрѣ по ея правому берегу — были уже владѣнія не Новгородскія, а Суздальскія, потому что Суздальскія войска, ходя на Новгородъ, брали Торжокъ, и не видно, чтобы они гдѣ либо раньше на Волгѣ встрѣчали какой либо городъ, принадлежащій Новгороду. (75) Съ другой стороны извѣстія о походѣ 1148 г. заставляютъ думать, что отъ устья р. Тверцы до устья р. Медвѣдицы лежали еще владѣнія Новгородскія, а Суздальскія уже начинались отъ устья р. Медвѣдицы. Въ этомъ 1148 году в. к. Кіевскій Изяславъ II собирался изъ Новгорода идти на дядю своего Юрія Долгорукаго. Къ Изяславу долженъ былъ придти на помощь изъ Смоленска его братъ Ростиславъ. Братья соединились на Волгѣ, на устьѣ р. Медвѣдицы, а не гдѣ либо выше по Волгѣ, напр. на устьѣ р. Тверцы. А можетъ быть устье р. Медвѣдицы было выбрано и по соображеніямъ военнымъ, ибо отъ устья этой рѣки ближе — нежели отъ устья Тверцы — было пройти въ средину Ростовско-Суздальской земли. Союзники отъ р. Медвѣдицы пошли внизъ по Волгѣ къ Снятину (онъ же Константинъ, Костянтинъ, Скнятинъ, Кснятинъ), оттуда къ Угличу, къ Мологѣ, повоевали Волгу до самаго Ярославля, нигдѣ не встрѣтили Юрія, взяли 6 городовъ, все повоевали и пожгли по обоимъ берегамъ Волги, вывели полона 7000 головъ. Походъ этотъ былъ весной, наступила вербная недѣля, по Волгѣ и Мологѣ вода хватала по брюхо конямъ, которые стали хромать: конечно такая роспутица и заставила союзниковъ вернуться. (76)

По извѣстію о походѣ Всеволода III Юрьевича на Новгородъ въ 1178 г. можно судить, что отъ Торжка по направленію чрезъ

Волгу къ Волоку-Ламскому не было владѣній Новгородскихъ, а это пространство земли принадлежало Суздальской землѣ, потому что Всеволодъ, раззоривши Торжокъ, отправился на Волокъ-Ламскій и раззорилъ его, и не говорится, чтобы Всеволодъ на пространствѣ между Торжкомъ и Волокомъ раззорялъ какія либо Новгородскія волости. (77)

Въ 1181 г. Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, сидѣвшій тогда въ Кіевѣ, идя на Всеволода Юрьевича, соединился съ Новгородцами (его сынъ тогда княжилъ въ Новгородѣ) на *устьѣ р. Тверцы* и положилъ всю Волгу пусту, всѣ города, волости и села пожегъ и встрѣтилъ Всеволода на р. Вленѣ за 40 верстъ до Переяславля. (78) Отсюда слѣдуетъ, что край отъ устья Тверцы внизъ по Волгѣ принадлежалъ Ростовско-Суздальской землѣ.

Въ 1181 г. Ярополкъ Ростиславичь, посаженный Новгородцами въ Торжкѣ, воевалъ Суздальскіе города и селенія по Волгѣ, за что Всеволодъ Юрьевичь раззорилъ Торжокъ. (79)

Подъ 1206 г. въ лѣтописи въ первый разъ упоминается Отрочь монастырь (однако безъ указанія на мѣстность этого монастыря) по тому поводу, что въ этомъ году Смоленскій епископъ вмѣстѣ съ какимъ-то игуменомъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ Михаиломъ) Отроча монастыря пріѣзжали во Владиміръ и упрашивали Всеволода, чтобы простилъ своего свата князя Мстислава Романовича (Смоленскаго) за союзъ съ Ольговичами. Тогда во Владиміръ, по случаю похоронъ супруги Всеволодовой, собралось много духовныхъ: однако изъ числа этихъ духовныхъ, лѣтописецъ по именамъ называетъ только двухъ епископовъ, и двухъ игуменовъ — одного игумена духовника покойной княгини, а другаго игумена Отроча монастыря. (80) Этотъ игуменъ не только лѣтописцемъ называется игуменомъ (положимъ даже, что его имя не сохранилось) такого-то монастыря, но про него еще говорится, что онъ былъ примирителемъ князей: знакъ, что этотъ монастырь и его игумены тогда уже пользовались извѣстностью. Мы же знаемъ, что Отрочь монастырь былъ въ Твери — покрайней мѣрѣ позже. Упоминается этотъ монастырь только тремя годами ранѣе самой Твери. Но такъ какъ игуменъ Отроча монастыря пріѣзжалъ во Владиміръ вмѣстѣ съ Смоленскимъ епископомъ, то потому этотъ монастырь считаютъ Смоленскимъ. Именно въ Исторіи Русской Церкви (Макар. III, 47) говорится: «Изъ лѣтописей мы знаемъ только о двухъ монастыряхъ въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ: о монастырѣ Отрочѣ, котораго игуменъ Михаилъ, вмѣстѣ съ Смоленскимъ епископомъ Игнатіемъ, пріѣзжалъ посломъ отъ Смоленскаго князя Мстислава къ в. к. Всеволоду въ 1206 г., и о монастырѣ Борисоглѣбскомъ на Смядинѣ, основанномъ еще въ предшествующій періодъ и т. д.» Въ житіи преп. Авраамія Смоленскаго, современника Смоленскому епископу Игнатію, сохранилась память о нѣкоторыхъ монастыряхъ, бывшихъ въ Смоленскѣ, но въ числѣ ихъ не упоминается Отрочь монастырь. (См. Мак. III, 47 — 50, прим. 106.) И вообще ни откуда не видно, чтобы въ Смоленскѣ былъ Отрочь

монастырь. Монастырь съ такимъ названіемъ встрѣчается только въ Твери. (У Ратшина, въ его полномъ собраніи историческихъ свѣденій о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи, упоминается только объ одномъ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ.)

Въ первый разъ въ лѣтописяхъ Тверь упоминается въ 1209 г., когда Новгородцы были тѣснимы Всеволодомъ, захватывавшимъ въ своей области ихъ гостей съ товарами; тогда въ Новгородъ, на защиту его, явился Торопецкій князь Мстиславъ Удалой, сынъ Мстислава Храбраго. Новгородцы посадили подъ стражу Святослава, сына Всеволода, и Новгородцы отправились въ походъ на Всеволода. Всеволодъ послалъ войско съ Константиномъ и другими своими сыновьями; это войско дошло до Твери, гдѣ и былъ заключенъ миръ. (81) Годъ основанія многихъ нашихъ городовъ древней Руси неизвѣстенъ и въ лѣтописяхъ не обозначается, хотя въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ эти города упоминаются впервые по случаю какихъ либо событій, какъ города нерѣдко значительные и основанные когда-то ранѣе. Это замѣчаніе примѣняется и къ Твери. И такъ, въ лѣтописяхъ Тверь въ первый разъ упоминается въ 1209 г., но безъ сомнѣнія она существовала ранѣе. На этомъ основаніи Татищевъ не ошибочно упоминаетъ Тверь подъ 1208 г., по тому поводу, что чрезъ этотъ городъ прошелъ въ Москву съ Новгородцами Константинъ Всеволодовичь, чтобы, соединясь въ ней съ отцемъ, помочь ему въ его Рязанскомъ походѣ. (82) А потому (не производя Тверь отъ тверди) можно согласиться съ Татищевымъ, что Всеволодъ Юрьевичь еще въ 1181 г. велѣлъ на устьѣ р. Тверцы построить укрѣпленіе или твердь для защиты отъ Новгородскихъ нападеній. (83) Для Суздальскихъ князей очень важно было имѣть укрѣпленный пунктъ на такомъ важномъ мѣстѣ, какъ сліяніе рр. Тверцы и Волги. И очень вѣроятно, что тамошнее укрѣпленіе въ 1181 г. было не вновь построено, а исправлено прежде существовавшее. На это можно возразить, что въ 1181 г. не упоминается городъ Тверь, а говорится, что войска соединились на устьѣ р. Тверцы, а не у города Твери; но у Татищева говорится, что Всеволодъ велѣлъ построить укрѣпленіе на р. Тверцѣ уже послѣ похода своихъ противниковъ отъ р. Тверцы къ р. Вленѣ, и кромѣ того въ Воскр. лѣт. (стр. 96) говорится, что войска снялись на Волгѣ у Твери (ср. примѣчанія 78, 83). Отсюда Суздальскіе князья удобно могли во всякое время угрожать Новгороду и Торжку и здѣсь перехватывать Новгородскихъ купцевъ съ ихъ товарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ описанія событій 1181—1209 гг. видно, что Тверь составляла пограничный городъ между Новгородскими и Суздальскими владѣніями. Бѣляевъ полагаетъ, что Тверь основана не Суздальцами, а Новгородцами, и относитъ ея основаніе къ очень раннему времени. Онъ говоритъ, что Новгородцы изъ Торжка проникнувши р. Тверью въ Волгу заселили при ея верховьяхъ новую колонію Тверь, потомъ — прибавляетъ Бѣляевъ — можетъ быть Углечеполе, далѣе Мологу, Кострому, Ростовъ, Суздаль. (84) Дѣйстви-

тельно, странно, какъ Новгородцы могли оставить безъ вниманія такой важный пунктъ, какъ сліяніе р. Тверцы (на которой у нихъ былъ построенъ Торжокъ) и р. Волги, тогда какъ они обыкновенно строили города на путяхъ сообщенія при больших рѣкахъ и озерахъ. (85) Не имѣя точныхъ фактическихъ указаній на существованіе Твери ранѣе XIII в. можно съ бо̀льшею или мѐньшею вѣроятностью дѣлать нѣкоторыя предположенія. Вѣроятно, Новгородцами было основано поселеніе при устьѣ Тверцы, которое отъ имени рѣки и получило свое названіе; это поселеніе въ слѣдствіе своего выгоднаго въ торго̀вомъ отношеніи положенія стало богатѣть (подобно Торжку, богатѣвшему по той же причинѣ). Но поселеніе это не было укрѣплено, потому что не было въ томъ надобности, и лѣтописи умалчивали о немъ, потому что о немъ не приходилось говорить по поводу какихъ либо событій. Позднѣе, когда Суздальскіе князья, владѣвшіе верхневолжскимъ краемъ, ведутъ борьбу съ Новгородомъ и у нихъ происходятъ враждебныя столкновенія съ нимъ на Волгѣ, то они сочли за лучшее укрѣпить Тверь, какъ пунктъ для защиты Приволжскаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ опорный пунктъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Новгорода. Тогда и лѣтописи начинаютъ о ней упоминать. Едва ли этотъ городъ, т. е. Тверь, былъ укрѣпленъ Юріемъ Долгорукимъ, какъ это можно бы предполагать на томъ основаніи, что онъ построилъ одинъ изъ приволжскихъ городовъ, именно Ксятинъ, потому что въ противномъ случаѣ Новгородцы не могли бы соединиться въ 1181 г. (какъ мы выше видѣли) со Святославомъ Черниговскимъ на устьѣ Тверцы и отсюда начать опустошеніе Волги. Они должны были бы взять сперва Тверь, о чемъ — по всей вѣроятности — было бы замѣчено лѣтописцемъ. Вѣрнѣе, что этотъ городъ былъ укрѣпленъ не Юріемъ Долгорукимъ, а сыномъ его, Всеволодомъ III. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ одной грамотѣ начала XII в., именно въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, писанной около 1134 — 1135 г. (Доп. акт. истор. I, № 3, стр. 2 — 5), уже встрѣчается названіе *Тверской гость*. Грамота эта напечатана по двумъ спискамъ: первый писанъ въ концѣ XVI в. или въ началѣ XVII в., а второй въ XVII в. (см прим. къ этой грам. ib. стр. 5). Въ первомъ спискѣ встрѣчается такое выраженіе: «и язъ к. в. Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ Св. Великого Ивана Петрятино дворище съ купець въ Руси, на память княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купець тая старина и въ вѣкы: съ *Тверского гостя*, и съ Новгородцкого, и съ Бѣжицкого, и съ Деревьского, и съ всего Помостья.» Второй списокъ этой грамоты отличается нѣкоторыми отмѣнами отъ перваго и въ немъ, т. е. во второмъ спискѣ, не находится этого только что приведеннаго выраженія. Но если это выраженіе не есть ошибка, или прибавка, или искаженіе позднѣйшаго времени, то въ такомъ случаѣ это выраженіе указываетъ на то, что уже около 1134—1135 г. существовала Тверь (слѣд. въ то же время, когда былъ построенъ Юріемъ Долго-

рукимъ городъ Кснятинъ), что можетъ быть и тогда весь окрестный край назывался Тверскимъ и что Тверь въ то время принадлежала Новгороду. Все это очень возможно, но историческая критика не дозволяетъ принимать этого выраженія за несомнѣнно вѣрное. (86)

Вскорѣ послѣ 1209 г. Тверь стала памятна для Новгородцевъ, какъ мѣсто заточенія для нихъ. Когда въ 1215 г. Новгородцы призвали къ себѣ Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля Суздальскаго, то онъ въ томъ же году схватилъ одного Новгородскаго боярина (Якуна Зуболомича) и Новоторжскаго посадника (Ѳому Добрынича), заковалъ ихъ и заточилъ въ Тверь, — въ свой городъ, близкій къ Новгородскимъ владѣніямъ. (87) Отсюда видно, что тогда уже несомнѣнно Тверь относилась къ области Переяславля Суздальскаго. Вскорѣ, въ новой начавшейся войнѣ, окончившейся Липецкой битвой 1216 г., Тверской край потерпѣлъ опустошеніе отъ Новгородцевъ; въ то время въ самой Суздальской землѣ былъ раздоръ между братьями — Константиномъ и Юріемъ Всеволодовичами.

Ярославъ Всеволодовичь, разссорившись съ Новгородомъ, засѣлъ въ Торжкѣ. Въ это время, по случаю неурожая, въ Новгородѣ начался голодъ, а Ярославъ между тѣмъ сталъ перехватывать весь хлѣбъ, шедшій къ Новгородцамъ, такъ что, по словамъ лѣтописи, не пустилъ ни воза (конечно въ этомъ случаѣ и самый городъ Тверь много вредилъ Новгородцамъ своимъ положеніемъ). Голодъ въ Новгородѣ усилился до такой степени, что кадь ржи покупалась по десяти гривенъ, кадь овса по три гривны, возъ рѣпы по двѣ гривны; люди начали ѣсть сосновую кору, липовый листъ и мохъ, отцы стали продавать дѣтей. За голодомъ послѣдовалъ страшный моръ, наметали трупами полную скудельницу, вновь устроенную, и кромѣ того трупы валялись по торгамъ, улицамъ и полямъ, и собаки грызли и таскали ихъ, неуспѣвая поѣдать. Напрасно Новгородцы въ такой крайности нѣсколько разъ просили Ярослава, чтобы вернулся въ Новгородъ и пустилъ туда обозы съ хлѣбомъ; Ярославъ не обращалъ вниманія на такія просьбы и продолжалъ перехватывать Новгородскихъ гостей (болѣе двухъ тысячъ купцевъ) и расточилъ ихъ по своимъ городамъ (стало быть и въ Твери), а ихъ товары и коней роздалъ своей дружинѣ. Тогда на защиту Новгорода вторично явился князь Мстиславъ Удалой. (88) Самъ Ярославъ пока оставался въ Торжкѣ, но его «мужи, собравше *Тверичь,* и пути отъ Новгорода засѣкоша и рѣку Тверцу.» (89) Ярославовъ братъ Святославъ осадилъ Мстиславовъ городокъ Ржевку. (90) Мстиславъ съ Новгородцами не пошелъ къ Торжку и на Тверцу, вѣроятно избѣгая тамошнихъ укрѣпленій, (91) но пошелъ Селигерскимъ путемъ, прошелъ верховьями Волги и своей Торопецкой волостью, прогналъ Святослава отъ Ржевки, затѣмъ взялъ Зубцевъ (значитъ Зубцевъ принадлежалъ Ярославу и составлялъ крайній пунктъ владѣній Ярослава Переяславскаго), будучи на р. Холохольнѣ (Холхна, Ник. лѣт.; Холохна, Новг. IV, Воскр.; Холохолна, Троицк.) посылалъ къ Ярославу въ Торжокъ съ мирными предложеніями, которыхъ по-

слѣдній не принялъ, и отъ р. Вазузы (92) пошелъ по Волгѣ къ Твери все раззоряя на своемъ пути (въ 1216 г.). Ярославъ, узнавъ, что уже грабятъ *Тверской край* (оже грабятъ Тверьское), изъ Торжка ушелъ въ Тверь, а затѣмъ въ Переяславль. (93) Новгородцы миновали Тверь, повоевали рр. Шошу и Дубну, взяли Кснятинъ, пожгли все Поволжье. Такимъ образомъ весь Тверской край былъ раззоренъ безпощадно. (94) Мстиславъ же двинулся дальше, соединился съ Константиномъ Ростовскимъ и пошелъ на Ярослава и его союзника и брата Юрія Владимірскаго: затѣмъ произошелъ извѣстный Липецкій бой.

Въ описаніи этихъ событій (1215, 1216 г.) въ лѣтописяхъ уже встрѣчаются выраженія *Тверичи*, *Тверское* въ смыслѣ *Тверской край*, и этимъ Тверскимъ краемъ называется значительное пространство, именно пространство отъ Зубцева по направленію теченія р. Волги къ Твери. (Когда Мстиславъ взялъ Зубцевъ и пошелъ внизъ по Волгѣ все раззоряя, то Ярославъ услышавъ, что грабятъ *Тверское* и т. д.) (95) Значитъ, въ это время Тверь уже на столько возвысилась и получила такое значеніе, что тамошній край по р. Волгѣ называется именемъ этого города — Тверскимъ (слѣдовательно этотъ край тянетъ къ Твери).

На основаніи извѣстій 1215, 1216 гг. видно, что крайними предѣлами Суздальскихъ владѣній на западѣ были Тверскія земли, и именно городъ Зубцевъ, входившій въ составъ Тверскаго края.

Самъ Тверской край, охватываемый съ востока и юга Суздальскими землями (Ростовъ, Переяславль; на югѣ Тверской край также граничилъ съ Новгородскими владѣніями, именно съ Волокомъ-Ламскимъ), на сѣверѣ граничилъ съ Новгородскими землями, а на западѣ соприкасался съ Смоленскими (Ржева принадлежала Мстиславу). (96)

Однако, не имѣя точныхъ фактическихъ указаній, нельзя основательно рѣшить, когда именно весь верхневолжскій край отошелъ отъ Новгорода къ Суздальскимъ князьямъ. На основаніи извѣстій 1096, 1134 и 1148 гг. можно думать, что въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Суздальскія владѣнія доходили до р. Нерли и до р. Медвѣдицы; изъ извѣстій 1181 и 1209 гг. видно, что Суздальскія владѣнія доходили до устья р. Тверцы, а въ 1215 г. уже и городъ Зубцевъ оказывается принадлежащимъ Тверскому краю. А можетъ быть Зубцевъ уже и въ XI в. входилъ въ составъ Суздальскихъ земель. Однимъ словомъ, повторяю, что не имѣя ясныхъ, точныхъ указаній, въ этомъ вопросѣ нельзя пока сдѣлать вѣрнаго, основательнаго вывода.

Въ періодъ Монгольскій можно лучше видѣть, какіе города входили въ составъ Тверскаго края, образовавшаго особое Тверское княжество, и каковы были его границы. (97) При этомъ нужно замѣтить, что границы Тверскаго княжества точнѣе опредѣляются въ XV в. и что вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, эти границы были почти всегда однѣ и тѣ же; исключить нужно только Ржеву, которая, какъ мы увидимъ, зависѣла отъ Тверскихъ князей не съ

самаго начала самостоятельнаго существованія Тверскаго княжества и въ послѣдствіе времени была не въ исключительномъ ихъ владѣніи, а въ смѣсномъ.

Теперь разсмотримъ города и границы Тверскаго княжества.

Имѣя передъ собою духовныя грамоты в. к. Московскихъ, мы можемъ довольно подробно перечислить и ихъ волости. Но до насъ не дошла ни одна духовная грамота Тверскихъ князей, хотя нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ были. Въ лѣтописяхъ даже есть указанія на это. Такъ Михаилъ Ярославичь въ 1318 г., отправляясь въ орду, *далъ рядъ* своимъ сыновьямъ, *написалъ грамоту*, раздѣливъ имъ отчину свою. Великій князь Александръ Михайловичь въ 1339 г. въ ордѣ, передъ своей смертью, о *вотчинѣ своей глаголавъ* передъ своимъ сыномъ Ѳедоромъ и боярами. Михаилъ Александровичь въ 1399 г. захворалъ и, собираясь удалиться въ монастырь, приказалъ писать *грамоты душевныя*. (98) Духовная грамота этого князя, т. е. Михаила Александровича, также не сохранилась, но все-таки мы знаемъ, какіе города и кому онъ отказалъ, потому что лѣтописи сохранили намъ его предсмертное распоряженіе насчетъ волостей. Только единственно въ этомъ остаткѣ или извлеченіи изъ духовнаго завѣщанія Михаила Александровича перечисляются вмѣстѣ города Тверскаго княжества. Въ немъ Михаилъ Александровичь отказываетъ своему старшему сыну Ивану и его дѣтямъ Александру и Ивану Ивановичамъ — Тверь, Новый Городокъ, Ржеву (Ржева не упоминается въ Воскр. прод.), Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ (Вертязинъ городокъ въ Соф. I); другому сыну Василію и внуку Ивану Борисовичу — Кашинъ и Коснятинъ, а третьему сыну Ѳедору — два городка Микулина и съ волостями. Впрочемъ нужно замѣтить, что здѣсь названы не всѣ города Тверскіе, такъ напр. не упоминаются Клинъ, Холмъ (послѣдній конечно потому, что онъ составлялъ особый удѣлъ съ особыми своими князьями, хотя и родственными Михаилу) и др.

Послѣ этого замѣчанія о духовныхъ грамотахъ скажемъ по нѣсколько словъ о каждомъ намъ извѣстномъ по источникамъ городѣ или другой какой-либо мѣстности, и затѣмъ насколько возможно опредѣлимъ границу Тверскаго княжества.

Уже раньше было сказано о томъ, когда могъ быть построенъ городъ Тверь. Нѣкоторые (кратк. опис. Твер. губ., основ. на сравненіи статист. данныхъ 1783 и 1846 г. Тверь. 1847 г.) полагаютъ, что жители Твери перебрались съ лѣваго берега Волги на правый, куда также перенесена была и крѣпость Ярославомъ Всеволодовичемъ около 1240 г. и этимъ положено основаніе настоящему городу. На это перенесеніе города нѣтъ указаній въ лѣтописяхъ, но можно предполагать, что если первоначально городъ возникъ на лѣвомъ берегу, то въ послѣдствіе времени при увеличеніи числа жителей городскія части преимущественно стали распространяться на правомъ берегу Волги, какъ болѣе здѣсь высокомъ, около кремля (гдѣ и нынѣ находятся главныя улицы города), потому что въ

Затьмацкой и Затверецкой частяхъ города, конечно въ тѣ времена, какъ и нынѣ, при разлитіи Волги вода иногда заливала береговыя улицы. Опишемъ самую Тверь, а также прослѣдимъ ея пожары.

Въ 1276 г. выгорѣла вся Тверь, осталась только одна церковь. (99) Въ 1282 г. опять погорѣлъ городъ Тверь. (100) Въ 1295 г. погорѣлъ весь городъ Тверь. (101) Въ 1298 г. сгорѣлъ княжескій дворъ въ Твери. Вотъ какъ описывается этотъ пожаръ: «На Святой недѣлѣ въ Субботу ночью (на ночь освитающи недѣли Ѳоминѣ. Лавр. Воскр.) загорѣлися сѣни подъ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ и сгорѣлъ весь его дворъ, но самъ к. Михаилъ пробудился и выкинулся со своею княгинею въ окно, а сѣни были полны спавшихъ княжатъ и боярченковъ, и много было стражи и никто ничего не слышалъ. Нѣкоторые успѣли спастись, другіе же сгорѣли; также погибла въ огнѣ вся княжая казна, золото, серебро, оружіе, одежды, вообще разное имѣніе.» (102) Въ 1316 г. Марта 19 загорѣлся Тверской кремль, но множествомъ людей былъ погашенъ; однако сгорѣло болѣе 20 дворовъ. (103) Въ слѣдующемъ 1317 г. кн. Михаилъ Ярославичъ заложилъ въ Твери большой кремль. (104) Хотя въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ говорится въ первый разъ о построеніи кремля въ Твери, но изъ описанія пожара предъидущаго года (1316 г.) видно, что кремль былъ въ Твери и раньше: оно иначе и быть не могло. Осенью 1318 г., въ Сентябрѣ, опять загорѣлась Тверь и сгорѣла половина города, въ томъ числѣ 6 церквей. (105) Въ 1327 г., во время возстанія Тверичей противъ Шевкала и его дружины, сгорѣлъ княжескій теремъ. (106) Въ 1369 г., во время войны съ Москвой, «градъ Тверь срубили древянъ и глиною помазали». Въ 1372 г. около крѣпости былъ выкопанъ ровъ и насыпанъ валъ отъ Волги до р. Тмаки. (107) Въ 1375 г. Москвичи сожгли посадъ и нѣкоторыя Тверскія церкви. Въ 1387 г. у Твери со стороны Волги поправили укрѣпленія, насыпали земли и выкопали ровъ болѣе человѣческаго роста. (108) Въ 1395 г. вмѣсто ветхой стѣны въ Твери сдѣлали новую изъ брусьевъ. Въ 1405 г. въ Сентябрѣ былъ пожаръ за р. Тмакою, сгорѣло около 100 дворовъ и церковь Іоанна Предтечи. (109) Въ 1408 г. вода сильно поднялась въ Твери: весною, о Юрьевѣ днѣ, была поводь великая «поня вода въ Твери до церкви, черници на плотѣхъ издиша къ Св. Ѳеодору». (110) Въ 1413 г., Октября 31, ночью въ Твери сгорѣла часть крѣпостной стѣны по Волгѣ (погорѣ городень на Волзѣ) и церковь Преч. Богородицы, и княжескій дворъ, и много княжескаго имѣнія, и жита, и всякаго запаса.» (111) Въ слѣдующемъ году, 19 Марта, кн. Александръ Ивановичь Тверской «паки заложи городень», и приставилъ къ работѣ много людей, Тверитянъ и Кашинцевъ, которые вскорѣ и срубили его. (112) Въ томъ же 1414 году, 8 Іюня, опять погорѣла вся Тверь и в. княжескій дворъ, и весь городъ, и вся стѣна, и 20 церквей (113) Въ 1430 г. построенъ былъ мостъ чрезъ р. Тмаку. (114) Въ 1443 г. осенью, ночью (на Николинъ день) сгорѣла часть Тверскаго кремля и много дворовъ. (115) Въ 1446 г.

поправили и даже кажется увеличили укрѣпленія. (116) Въ 1449 г. въ Мартѣ былъ сильный пожаръ въ Твери: погорѣлъ городъ, вся стѣна, дворъ в. князя, церкви и всѣ дворы. Думали, что это произошло отъ поджога: «А зажгли его Ростопчины дѣти Иванко да Степуря. А зажгли его у *Вользкыхъ воротъ* пониже, на низъ по Вълзѣ; а загорѣлся на ранней зорѣ; а солнце зойшло и люди учали по пожарищу ходити, мѣсяца Марта въ 25.» (117) Въ 1465 г., 12 Ноября, новый пожаръ въ Твери: опять горѣла Тверь, сгорѣло 5 церквей и весь дворъ в. князя. (118) Въ 1467 г. за Тмакою сгорѣла церковь «святая Пятница» и 10 дворовъ. (119) Въ 1483 г., въ Мартѣ былъ пожаръ за Тмакою: горѣла улица отъ церкви Іоанна Предтечи на подолъ по самую церковную стѣну (церкви Богородицы), сгорѣло до 40 дворовъ. (120) Въ 1484 г., Марта 24, опять былъ пожаръ за р. Тмакою отъ *Потрошникова* двора, сгорѣло 4 церкви («Пречистая на устьѣ стараа и манастыріе весь, и Введеніе пречистыа, и дворъ Марфиньской згорѣ весь, и Марина святаа да Пятница святаа и манастырь весь»), кромѣ келлій сгорѣло 80 дворовъ. (121) При разсказѣ о возстаніи Тверитянъ на Шевкала упоминается торгъ въ Твери (Твер. лѣт. 416).

Въ лѣтописяхъ сохранились названія нѣкоторыхъ воротъ и мостовъ въ Твери. При осадѣ Твери Дмитріемъ Донскимъ упоминаются Тмацкій мостъ, Тмацкія ворота, Волжскія ворота (послѣднія также подъ 1449 г. въ Твер. лѣт.). Подъ 1390 г. (Твер. лѣт.) упоминаются Володимерскія ворота и ворота у Св. Василія. (122) Подъ 1408 г. упоминается Володимерскій мостъ. (123) Нужно припомнить, что р. Тьмака впадаетъ въ Волгу съ правой стороны нѣсколько выше впаденія р. Тверцы въ Волгу, изливающейся въ нея съ лѣвой стороны.

Мейерберъ (бывшій въ Россіи при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ) оставилъ рисунокъ, на которомъ представленъ видъ города Твери. (124) Замѣчаютъ слѣдующее: «по этому рисунку видно, что отъ сѣверо-восточнаго угла крѣпости, отъ берега Волги, около стѣнъ проведенъ былъ глубокій ровъ, наполнявшійся водою; этотъ ровъ, надо полагать, шелъ до самой Тьмаки по переулку около дома дворянскаго собранія; потому что лѣтъ 40 назадъ (писано въ 1865 г.) онъ еще существовалъ и чрезъ него близь дворянскаго собранія былъ устроенъ мостъ; такимъ образомъ старинная Тверская крѣпость со всѣхъ сторонъ окружалась водою.» (125) Вѣроятно, это были остатки рва, выкопаннаго еще при Михаилѣ Александровичѣ.

Остатки старинной Тверской крѣпости существовали до самыхъ временъ Екатерины Великой. Передъ тѣмъ временемъ она имѣла слѣдующій видъ. Крѣпость была окружена съ одной стороны Волгою, съ другой Тьмакою, которая подлѣ самой крѣпости впадаетъ въ Волгу, а съ третьей (ибо она построена неправильнымъ треугольникомъ) сухимъ рвомъ, который прокопанъ отъ Волги до Тьмаки, и отдѣлялъ крѣпость отъ городовой стороны; однако въ большее весеннее наводненіе крѣпость окружалась водою со всѣхъ сторонъ. Длины въ ней отъ такъ называемыхъ Володимірскихъ до Тьмат-

скихъ воротъ 300, ширины отъ Волги къ Тьмакѣ къ Благовѣщенскимъ воротамъ 218, а окружности валу 900 саженъ. Она имѣла прежде деревянный обрубъ и башни, въ томъ числѣ Володимірская была каменная; но оныя обветшали и разобраны. Петръ I хотѣлъ поправить крѣпость, что отчасти и было исполнено Магницкимъ, который исправилъ валъ и сдѣлалъ 3 батареи. Екатерина Великая приказала уничтожить крѣпостныя укрѣпленія; часть мѣста, бывшаго подъ крѣпостью, усажена деревьями за дворцемъ, а ниже по теченію рѣки съ 1776 г. устроенъ городской садъ. (126)

Въ Твери были и есть нѣкоторыя мѣста, напоминающія о временахъ Татаръ. Такъ напр. въ началѣ XVII в. въ Твери въ Затмацкомъ посадѣ города Твери былъ *Татарскій дворъ*, какъ думаютъ, называвшійся такъ потому, что на немъ останавливались Татары. (127) Въ наше время въ Твери называется *Татарскими горами* небольшое возвышеніе, занимаемое теперь кладбищенскою церковью во имя Смоленской Божіей Матери, гдѣ — какъ думаютъ — ханскіе баскаки съ своими отрядами, непривычными къ комнатному воздуху, жили въ шатрахъ. Близь этой мѣстности есть *Татарская улица*. Преданія показываютъ, что древній дворецъ Тверскихъ князей былъ за Тьмакой, въ мѣстности нынѣшней семинаріи, и тутъ же вблизи княжескій звѣринецъ, слѣды котораго лѣтъ 30 назадъ были видны въ остаткахъ пруда и старыхъ березъ, теперь уничтоженныхъ пароходною пристанью. Кромѣ того замѣчаютъ еще слѣдующее объ остаткахъ старины въ городѣ Твери:

На Тверской дворцовой площади, окаймляемой берегомъ Тмаки, при впаденіи ея въ Волгу, въ 1850 годахъ дѣлались по какому-то случаю раскопки; при этомъ вырыто было много однодеревныхъ дубовыхъ колодъ съ остатками костей и одеждъ; въ этихъ колодахъ сохранились шелковая обувь чисто азіатской работы и клочки шелковыхъ одеждъ или погребенныхъ здѣсь Татаръ или купленныхъ у Татаръ Тверитянами. Надо думать, что эти дубовыя колоды употреблены въ дѣло не позже первой половины XIV вѣка; близь церкви Знаменія, при устройствѣ новаго городскаго сада, открытъ былъ надгробный камень съ надписью первой половины XV вѣка, въ которой сказано: «такого-то года здѣсь погребенъ попъ Микула»; послѣдній памятникъ очевидно много моложе первыхъ. По обоимъ берегамъ Волги, въ Твери, отъ плашкоутнаго моста вверхъ до Петербургской заставы весною находится много древнихъ монетъ — Тверскихъ, Кашинскихъ, Московскихъ пулъ съ изображеніями бычачьей головы, звѣрей, птицъ, серебряныя деньги в. к. Московскихъ XIV в., старинныя вещи, напр. золотая булавка съ изображеніемъ орла. Все это показываетъ, что здѣсь были въ древности самыя населенныя мѣста города. (128)

Изъ иностранцевъ Матвѣй Мѣховскій (род. 1456 г., ум. 1523; свѣденія о Московскомъ государствѣ получилъ кажется отъ русскихъ плѣнныхъ, бывшихъ въ Краковѣ) отзывается о Твери, какъ о городѣ обширномъ, но состоящемъ только изъ деревянныхъ построекъ. По его словамъ въ немъ 160 деревянныхъ церквей и также деревянная

крѣпость, въ которой находится 9 церквей; изъ нихъ главная во имя Спасителя, единственная каменная церковь во всемъ городѣ. (129) Едва ли можно принимать буквально отзывъ Мѣховскаго какъ о количествѣ церквей, такъ и о томъ матеріалѣ, изъ котораго онѣ были сдѣланы; онъ могъ легко ошибаться; такъ напр. изъ лѣтописей видно, что въ Твери была не одна каменная церковь.

Кампензе (писалъ около 1524 г.; самъ не былъ въ Москвѣ, но писалъ о ней на основаніи разсказовъ своихъ отца и брата, долгое время жившихъ въ Москвѣ) замѣчаетъ слѣдующее о Твери: «Главный городъ Тверь (Tuverd), при знаменитой рѣкѣ Волгѣ или Ра, весьма обширенъ и гораздо пространнѣе и великолѣпнѣе самой Москвы.» (130) Конечно Тверь не была обширнѣе и великолѣпнѣе Москвы, но по крайней мѣрѣ такой отзывъ о ней показываетъ, что это былъ городъ большой до такой степени, что его можно было сравнивать только съ Москвой. (Извѣстна поговорка: «Тверь городокъ — Москвы уголокъ». Неизвѣстно, когда эта поговорка образовалась, но во всякомъ случаѣ она показываетъ, что Тверь находили возможнымъ сравнивать только съ Москвой.)

Кашинъ съ половины XIV в., доставшись младшему сыну Михаила Ярославича Василію, образуетъ особый удѣлъ, князья котораго ведутъ борьбу съ Тверскими князьями. Мы не знаемъ, когда Василій Михайловичь получилъ Кашинъ, но уже подъ 1338 г. говорится, что у него были свои бояре и слуги, что безъ сомнѣнія означаетъ, что это были его особенные, Кашинскіе бояре и слуги. Когда потомство Василія Михайловича Кашинскаго прекратилось смертью его внука, именемъ также Василья Михайловича, въ 1382 г. (погребенъ 6 Мая въ Кашинской соборной церкви Воскресенія. Ник. IV, 131. Тат. IV, 294. Воскр. прод. 42), то Кашинъ перешелъ въ семейство Михаила Александровича, который, умирая, отказалъ Кашинъ вмѣстѣ съ Кснятинымъ своему сыну Василью и внуку Ивану Борисовичу. Но, кажется, еще при своей жизни Михаилъ назначалъ въ Кашинъ своихъ сыновей, Александра Ордынца и Бориса. (Объ этомъ говорится и дальше при разсказѣ о княженіи Михаила Александровича.) Въ первый же разъ Кашинъ упоминается при нашествіи Батыя въ 1237 г. Въ 1288 г. в. к. Дмитрій Александровичь не могъ взять Кашина, простоявши подъ нимъ 9 дней: должно быть Кашинъ по тогдашнему времени былъ сильно укрѣпленъ. (131) До сихъ поръ уцѣлѣли остатки укрѣпленія въ Кашинѣ. (132) Рѣка Кашинка своимъ извилистымъ теченіемъ образуетъ много какъ бы полуостровов, оставляя для доступа на нихъ лишь узкіе перешейки. На одномъ изъ такихъ полуостровов (въ версту ширины и полверсты длины, съ перешейкомъ, всего саженей въ пятьдесятъ) и стоялъ древній Кашинъ. На перешейкѣ былъ сдѣланъ ровъ съ мостомъ, а за нимъ могъ быть тынъ и частоколъ. (133) Нѣкоторые удѣльные города Тверской земли теперь даже трудно и отыскать, гдѣ они были — Кашинъ же и теперь городъ извѣстный всѣмъ. Со временъ Михаила Ярославича Кашинъ начинаетъ чаще упоминаться въ лѣтописяхъ и играть значительную роль.

Границей между собственно Тверскими волостями и Кашинскимъ удѣломъ кажется можно считать р. Медвѣдицу (нынѣ она служитъ границею между уу. Кашинскимъ и Тверскимъ): когда в. к. Михаилъ Александровичь, во время войны съ своимъ дядей Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ, пошелъ на Кашинъ, то былъ встрѣченъ послами своего дяди у села Андреевскаго, а село это нынѣ лежитъ въ 9 верстахъ отъ Кашина и около 7 верстъ отъ р. Медвѣдицы.

Всегда ли съ самаго начала образованія Кашинскаго удѣла, этому удѣлу принадлежали земли по правому берегу р. Волги, т. е. нынѣшній Калязинскій уѣздъ, или только съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Александровичь отказалъ своему сыну Василію и внуку Ивану Борисовичу — Кашинъ вмѣстѣ съ Коснятинымъ? Кажется, нужно принять послѣднее.

Но нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній Калязинскій уѣздъ — весь или частію — входилъ въ составъ Тверскаго княжества. (134) Когда въ 1288 г. в. к. Дмитрій Александровичь шелъ на в. к. Михаила Ярославича Тверскаго, то онъ раззорилъ Кснятинъ. Едва ли первоначально правый берегъ Волги входилъ въ составъ собственно Кашинскаго удѣла: когда въ 1317 г. Юрій и Кавгадый раззоряли Тверское княжество, то, судя по лѣтописи, Кашинцы только тогда соединились съ Тверичами, когда враги хотѣли перейти и на лѣвый берегъ Волги, т. е когда Кашинцы стали опасаться, что раззоренію подвергнется и ихъ собственная волость, но изъ обстоятельствъ этой войны не видно — принадлежалъ ли правый берегъ Волги Кашину, потому что Юрій съ своими союзниками, идя къ Тверскому городу Клину, прошелъ изъ Ростова чрезъ Переяславль и Дмитровъ, слѣдовательно какъ видно не коснулся Тверскихъ земель на правомъ берегу Волги, именно нынѣшнихъ уѣздовъ Калязинскаго и части Корчевскаго, а стало быть и той части земель на правомъ берегу Волги, которая потомъ входила въ составъ Кашинскаго удѣла. Во время послѣдней войны Михаила Александровича съ Дмитріемъ Донскимъ, Кашинскій князь держалъ сторону Москвы, а между тѣмъ Москвичи раззорили Бѣлгородокъ (на правомъ берегу Волги при впаденіи Хотчи), находящійся недалеко отъ Кснятина. Вѣроятно, правый берегъ Волги, именно Кснятинъ сталъ причисляться къ Кашинскому удѣлу съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Александровичь отказалъ своему сыну Василію и внуку Ивану Борисовичу — Кашинъ вмѣстѣ съ Коснятинымъ (о границахъ Кашинскаго удѣла см. дальше).

Извѣстно, что въ первыя времена Московскаго государства названіе уѣзда только что замѣнило прежнія области, земли и княжества. (135) А въ межевой грамотѣ 1504 г. (С. г. г. д. I, № 138) къ Кашинскому уѣзду относится и пространство земли на правомъ берегу Волги отъ дер. Вотри на р. Дубнѣ на западѣ до села Семендяева на востокѣ, т. е. почти весь нынѣшній Калязинскій уѣздъ.

Микулинъ, въ половинѣ XIV в. (неизвѣстно съ какого года) доставшійся въ удѣлъ Михаилу Александровичу, нынѣ село Нику-

лино Городище или Микулино Городище (до 700 жителей) въ Старицкомъ уѣздѣ на р. Шошѣ (въ 40 вер. отъ Старицы). (136) Михаилъ Александровичь передъ смертью отказалъ Микулинъ одному изъ младшихъ сыновей, именно Ѳеодору: въ лѣтописи сказано, что онъ отказалъ ему два городка Микулина и съ волостями. (137) Микулинъ назывался двумя городками, потому что онъ раздѣляется р. Шошею на двѣ половины и въ обѣихъ частяхъ были укрѣпленія. (138)

Нѣкоторые остатки старины до сихъ поръ сохранились въ Микулинѣ. Микулинъ вмѣщаетъ въ себѣ 8 церквей. Михаило-Архангельская Соборная церковь, построенная въ 1398 г., и теперь стоитъ на лѣвомъ берегу Шоши, среди землянаго вышиною въ три сажени вала, отдѣляющаго церковь отъ домовъ обывательскихъ. Валъ простирается на 280 сажень въ окружности и слыветъ до нынѣ *дѣтинцемъ* и *городищемъ*. Соборъ складенъ изъ крупнаго, хорошо обозженнаго кирпича, который служитъ облицовкою булыжнику внутри стѣнъ. Во внутренности алтаря находятся кирпичные престолъ и жертвенникъ. Въ храмѣ находится усыпальница князей Микулинскихъ; на столпѣ противъ гробницы виситъ *стѣнной синодикъ*, изъ котораго видно, что въ Соборной Михаило-архангельской церкви погребено 15 особъ княжескихъ. (139) Изъ 15 гробницъ уцѣлѣло только пять. При гробницѣ найдены и пулы Микулинскихъ князей, печати, деньги серебряныя и мѣдныя XV в. Владѣлецъ села г. Головинъ открылъ новые слѣды церквей, такъ что всѣхъ насчитываютъ не 8, но 18 церквей. Существующая столько вѣковъ Микулинская Михаилоархангельская церковь грозила развалиться, такъ что въ ней даже въ 1848 г. воспрещено было Богослуженіе; въ 1849 и 1850 г. она была исправлена. (140)

Судя по родословнымъ спискамъ, отъ Ѳедора Александровича, внука Ѳедора Михайловича Микулинскаго, пошли князья Телятевскіе, а потому и удѣлъ Телятевскій нужно искать гдѣ-нибудь близь Микулина. Нынѣ въ Старицкомъ уѣздѣ въ 40 верстахъ отъ Старицы и въ верстахъ 8 отъ Микулина и къ сѣверозападу отъ него есть деревня Телятьево при прудѣ. (141)

Изъ лѣтописей и грамотъ не видно, какой удѣлъ былъ у кн. Константина Михайловича и у его сыновей, Семена и Еремѣя. Но въ генеалогической росписи Тверскимъ князьямъ (родосл. кн. Времен. 1851. X, и въ П. С. Р. Л. VII, 245, 246) сказано, что сыновья Константина Михайловича — бездѣтный Семенъ и Еремѣй — были князьями *Дорогобужскими*, и что отъ кн. Еремѣя пошли князья *Дорогобужскіе* и *Чернятинскіе*. У Кар. V, пр. 9, безъ указанія источника, сказано, что удѣломъ Іеремеевымъ былъ *Дорогобужъ*, нынѣ село *Дорожево* въ Тверской губерніи. Тоже говорится и въ ст. Д. И. Языкова о *Дорогобужѣ* (въ Энц. Лекс. Плюшара, томъ 17). Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи стр. 160 показано село *Дорожаево* въ Зубц. у. по правую сторону р. Шоши и въ 50 верст. отъ уѣзднаго города близь границы Волокол. у. Московъ. губерніи (слѣдовательно, Дорогобужъ находился

на той же рѣкѣ, на которой лежалъ и другой удѣльный городъ — Микулинъ, но только отъ Микулина не внизъ, а вверхъ по теченію р. Шоши). Въ первый разъ въ лѣтописяхъ встрѣчается названіе *князь Дорогобужскій* при описаніи похода Іоанна III на Новгородъ въ 1471 г., гдѣ въ числѣ Тверскихъ воеводъ былъ кн. Юрій Андреевичь Дорогобужскій (см. родосл.). Затѣмъ, въ 1480 г., въ походѣ на р. Угру упоминается кн. Іосифъ Андреевичь Дорогобужскій, какъ Тверской воевода.

Касательно же *Чернятино* нельзя сказать, гдѣ оно было. Есть въ Тверской губерніи одна деревня *Чернятино*, именно въ Каш. у. въ 30 верстахъ отъ города, по лѣвую сторону Бѣжецкаго тракта (см. списки нас. мѣстъ Твер. губ.), но только эту деревню нельзя принимать за бывшій удѣльный городъ. Но не былъ ли Чернятинскій удѣлъ въ нынѣшнемъ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи? Нынѣ въ Клинскомъ уѣздѣ есть двѣ деревни Чернятино, обѣ къ сѣверозападу отъ Клина и недалеко отъ границъ нынѣшней Тверской губерніи. Одно *Чернятино* при рч. Яузѣ, въ 26½ верстахъ отъ Клина (показано въ сп. нас. м. Моск. губ.). Другое *Чернятино* на р. Ламѣ (показано на картѣ Шуберта). Если прежній Дорогобужъ есть нынѣшнее *Дорожаево*, то легко можетъ быть, что одно изъ нынѣшнихъ Чернятиныхъ есть прежній Чернятинскій удѣлъ. Въ такомъ случаѣ удѣлъ Дорогобужско-Чернятинскій долженъ былъ тянуться отъ верховьевъ р. Шоши чрезъ верховья р. Лоби (впадающей въ р. Шошу), и по среднему теченію р. Ламы, и граничить съ удѣломъ Микулинскимъ по своему сѣверозападному рубежу. Бездѣтный князь Семенъ Дорогобужскій отказалъ *свою часть* Дорогобужскаго удѣла Михаилу Александровичу, бывшему тогда еще Микулинскимъ княземъ. Дмитрій Донской отнялъ у него «Градокъ», который составлялъ *часть* отчины изъ удѣла княже Семенова (объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ). И теперь есть деревня *Городище* Зубц. у. отъ Дорожаева въ 3 или 4 верст. внизъ по теченію р. Шоши (не показ. въ сп. нас. м. Твер. губ., но показ. на кар. Шуб.). Не это ли Городище и есть прежній Градокъ?

Попробуемъ опредѣлить, гдѣ былъ Холмскій удѣлъ, доставшійся въ срединѣ XIV в. Всеволоду Александровичу, отъ котораго пошли Холмскіе князья.

Въ 1492 г. при переписи Тверской земли по Московски въ сохи Андрей Карамышевъ описалъ *Холмъ* и *Новый Городокъ*.

Іоаннъ III въ своей духовной (писанной около 1504 г., см. С. г. г. д. I, № 144) отдаетъ въ *Тверской земль* сыну своему Андрею Старицу и *Холмскихъ вотчину Холмъ* и *Новый Городокъ*, да волость *Олешню*, да волость *Синюю*, и иныя волости и пути и села со всѣми пошлинами, по тому, по *каа мѣста тѣ отчины и волости и пути и села писалъ писецъ нашъ Андрѣй Карамышевъ*. Далѣе въ той же духовной сказано, что Андрѣй даетъ (во всѣ Татарскіе проторы) съ своего удѣла со всего, и зъ Старицы, и зъ

Холмъскихъ вотчины съ Холму, и съ Нового Городка, и съ Олешни, и съ Синие, и съ иныхъ волостей Тверскихъ, что ему дано........

Въ мѣновой грамотѣ Іоанна Васильевича и его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича 1566 г. (С. г. г. д. I, № 187) про городъ Старицу и про вотчину Холмскихъ говорится въ такихъ выраженіяхъ: «...... а къ *Новому Городищу*, по книгамъ писма к. Василья Ростовского-Голубово лѣта 7028, станы Порѣтцкой, Верховской, Сукроменской, Семеновской, да волость *Синюю*, да дворцовые села *Раково* да *Вахново*, а были прежъ сего вотчинные..... что къ Старице, и къ *Новому Городищу*, и къ Холмскимъ волостямъ къ посадомъ, и ко всѣмъ Старитцкимъ и Нового Городища и Холмскихъ волостей уѣздомъ *изстари потягло*, со всѣми угодьи...... что къ Старице, и къ Новому Городищу и къ Холмскимъ волостямъ къ посадомъ, и ко всѣмъ Старитцкимъ и Нового Городища и Холмскихъ волостей уѣздомъ изстари потягло.......» Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что *Новый Городокъ*, описанный Карамышевымъ и упоминаемый въ духовной грамотѣ Іоанна III, въ мѣновой грамотѣ Іоанна IV называется *Новымъ Городищемъ*. Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи (стр. XX) замѣчено, что нынѣшній посадъ *Погорѣлое Городище* въ Зубц. у. при рр. Держѣ и Горянкѣ, 25 вер. отъ Зубц., по преданію издревле былъ городомъ и назывался *Держеславль*, по своему положенію на р. Держѣ; въ половинѣ XVI столѣтія онъ назывался *Новымъ Городищемъ*, что видно изъ одной мѣновой грамоты. Далѣе, въ грамотѣ Іоанна IV называется *волость Синяя* да дворцовыя села, прежде бывшія вотчинными, *Раково* и *Вахново.* Гдѣ же была эта волость и эти два села? У Погорѣлаго Городища въ р. Держу съ лѣвой стороны впадаетъ р. Синяя (кар. Шуб.) и на ней находятся сельцо *Вахново* и село *Раково:* сельцо *Вахново*, 25 верст. отъ Зубц., близь впаденія р. Синей въ р. Держу, а къ Ю. отъ него, вверхъ по р. Синей, село *Раково*, при р. Бывандѣ, 21 вер. отъ Зубц. (кар. Шуб. и списки нас. м. Твер. губ. Кромѣ того въ Зубц. у. нынѣ есть дер. *Синяя*, при колодцахъ, 25 вер. отъ Зубц. по прав. стор. Моск.-Гжат. дороги). Безъ сомнѣнія, старинная волость *Синяя* называлась такъ по р. Синей и лежала по ней (142), на что вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и до сихъ поръ сохранившіяся сельцо и село — Вахново и Раково. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нынѣшнее *Погорѣлое Городище* есть старинное *Новое Городище* или *Новый Городокъ.* Этотъ Новый Городокъ въ лѣтописяхъ не встрѣчается. Нынѣ въ Погорѣломъ Городищѣ сохранились слѣды древнихъ высокихъ земляныхъ валовъ. (143) Упоминаемая въ грамотѣ Іоанна III волость *Олешня*, находившаяся въ вотчинѣ Холмскихъ, т. е. въ удѣлѣ Холмскихъ, есть, по всей вѣроятности, упоминаемая въ лѣтописяхъ церковная волость Тверскаго владыки — Олешна. Нынѣ въ Тверской губерніи есть нѣсколько мѣстностей съ названіемъ Алешево, Алешинка, Алешино, Алешково. Такъ напр. на пространствѣ прежняго Тверскаго княжества: Алешево — два въ Зубц. у.; одно въ Ржев. у. и т. д. Изъ нихъ нынѣшняя дер.

Аленово Зубц. у. при р. Держѣ, 17 в. отъ Зубц., должно быть и есть старинная *Олешна* или *Олешня*. — Что же касается до стана Сукроменскаго, упоминаемаго въ грамотѣ Іоанна IV, то и теперь есть деревня Сукромня Смолен. губ. на самой границѣ съ Зубц. уѣздомъ близь самаго верховья р. Держи (кар. Шуб.). Если эта деревня Сукромня есть та самая, по имени которой назывался прежде цѣлый станъ, то значитъ всѣ здѣсь только-что вышепоименованныя мѣстности—Новый Городокъ, Олешня, Синяя, Сукромня, Раково, Вахново — были или на р. Держѣ или на ея притокѣ р. Синей. (144)

Но если есть возможность опредѣлить, гдѣ находились Новый Городокъ, Олешня, Синяя, Сукромня, Раково, Вахново, то спрашивается — гдѣ же была остальная часть Холмскаго уѣзда, т. е. самъ городъ Холмъ? Въ грамотѣ Іоанна IV Холмъ уже называется дворцовымъ *селомъ*.

Въ нынѣшней Тверской губерніи, въ предѣлахъ прежняго Тверскаго княжества, находятся 8 селеній, носящихъ имя Холма: два въ Тверскомъ уѣздѣ, два въ Осташковскомъ, три въ Зубцовскомъ и одно въ Ржевскомъ; кромѣ того въ Зубц. у. есть село Красный Холмъ, по тракту изъ Старицы въ Гжатскъ въ 40 вер. отъ Зубцева. (Сверхъ того есть нѣсколько мѣстностей съ названіемъ Холмецъ, изъ нихъ одно въ Ржев. у., два въ Стар. у.; въ Моск. губ. въ Волокол. у. есть сельцо Холмецъ и деревня Холмецъ — по сп. нас. м. Моск. губ.) Холмъ не могъ быть въ Ржевской волости. Это было и далеко отъ Новаго Городка, и притомъ Ржева захватывалась Литовцами, даже при жизни Всеволода Александровича, друга Ольгердова; кромѣ того Ржева долго была Смоленскимъ городомъ. Не могъ Холмъ быть также и близь Твери, потому что нынѣшнія селенія съ именемъ Холма лежатъ уже очень близко отъ Твери, одно за 29, а другое за 15 верстъ. (Удѣльный городъ Микулинъ за 50 верстъ отъ Твери.) Можно предположить, что не былъ ли Холмъ гдѣ нибудь близь Зубцова, гдѣ нынѣ три селенія этого имени: одно по р. Вазузѣ, по ея лѣвую сторону (28 верстъ отъ Зубцова) и два по р. Осугѣ (20 и 24 вер. отъ Зубцова). Но и съ этимъ нельзя согласиться: эти Холмы также лежали далеко отъ Новаго Городка и притомъ отдѣлялись бы отъ него р. Вазузою. Кажется справедливо будетъ согласиться съ Бѣляевымъ, который (геогр. свѣд. 74, 75) замѣчаетъ, что «можно предположить, что этотъ городъ былъ гдѣ нибудь недалеко отъ границъ Смоленскихъ, можетъ быть, на мѣстѣ нынѣшней деревни Красный Холмъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Зубцова; ибо извѣстные Холмскіе князья Всеволодъ и Михаилъ Александровичи были въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Литовцами, что, конечно, имъ неудобно было бы дѣлать, если бы ихъ городъ Холмъ лежалъ гдѣ либо на востокъ или на сѣверъ отъ Твери, бывшей тогда въ рукахъ ихъ противниковъ, князей Кашинскихъ.» (145) Этотъ Красный Холмъ (называющійся такъ и въ книгѣ Большаго Чертежа) находится къ востоку отъ Погорѣлаго Городища верстъ за 15 отъ него, между верховьемъ р. Шоши и наибольшимъ изгибомъ р. Держи.

Въ мѣновой грамотѣ Іоанна IV упоминаются еще сверхъ прежнихъ такія мѣстности, названія которыхъ можно и нынѣ найти въ Тверской губерніи на соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Такъ напр. судя по грамотѣ въ Старицкой волости упоминаются въ числѣ другихъ: Рукавъ (нынѣ есть двѣ деревни — Рукавъ Новый и Рукавъ Старый, одна въ 32 в., а другая въ 33 вер. отъ Старицы по правую сторону Ржевской дороги), Луковниково (село при рр. Тьмѣ и Бекловкѣ, 40 верстъ отъ Старицы на Осташковской дорогѣ), Холохольня (при рч. Холохоленкѣ, 8 вер. отъ Стар.), Пестово (сельцо при колодцѣ, 25 вер. отъ Стар., влѣво отъ Стар. тракта въ Торжокъ, а другое Пестово, деревня, 22 вер. отъ Стар. по той же дорогѣ), Арсеньево (село при р. Городенкѣ, 4 вер. отъ Стар. на Осташк. дорогѣ), Крупцово (при р. Иружѣ, 25 вер. отъ Зубц. по лѣвую сторону Тверск. тракта), Колошино (нынѣ также Ивановское, 5 вер. отъ Стар. при прудахъ), село Покровское, что на верхней Старицѣ (нынѣ есть село Покровское при рч. Нижней Старицѣ, $14^{1}/_{2}$ вер. отъ Стар.), Дегунино (на кар. Шуб. Дегунино, а въ спис. нас. м. Твер. губ. Дягунино, село при Волгѣ, 34 вер. отъ Зубц. по Волокол. тр.), Родня (село при Волгѣ, 35 вер. отъ Зубц. по Волокол. тр.), Мологино (село при р. Итомлѣ, 49 в. отъ Стар.; другое Мологино при прудѣ 42 вер. отъ Стар.). Послѣднія три села въ грамотѣ названы вмѣстѣ.

Если обратить вниманіе на положеніе Сукроменскаго стана, то можно сказать, что *вѣроятно* Тверское княжество захватывало хотя и незначительную часть нынѣшней Смоленской губерніи — говорю *вѣроятно*, потому что хотя въ мѣновой грамотѣ и сказано, что мѣняются волости со всѣмъ тѣмъ что къ нимъ *изстари потягло*, но говорится это въ 1566 г., слѣдовательно спустя 80 лѣтъ послѣ паденія Твери, и станъ Сукроменскій могъ быть приписанъ къ бывшей вотчинѣ Холмскихъ въ послѣдствіе времени. Впрочемъ, въ грамотѣ не сказано, чтобы какія либо земли гдѣ либо перешли черезъ рубежъ; въ концѣ грамоты прибавлено, что Государь весною пошлетъ своего посланника розъѣзды, межи и рубежи учинить.

Въ лѣтописяхъ упоминается Новый Городокъ на Волгѣ на Старицѣ. Соберемъ разныя извѣстія сюда относящіяся, и посмотримъ, всѣ эти названія означаютъ одинъ и тотъ же городъ или разные? и тождественъ ли этотъ Новый Городокъ съ городкомъ Старицей?

Михаилъ Александровичъ, будучи удѣльнымъ княземъ Микулинскимъ, въ 1365 г. (по Ник.) «поставилъ *градокъ новый на Волгѣ.*» (146)

О походѣ 1375 г. по Соф. 1-й, 234: «Дмитрій Донской взялъ Зубцевъ, Бѣльгородокъ, *городокъ Старицу.*» Новг. IV, 70, 71: «взяли Зубцевъ, Бѣлгородъ, *Городокъ* (а въ примѣчаніи сказано, что въ другихъ лѣтописяхъ *городокъ Старицу*)». Отсюда пока можно видѣть хотя то, что былъ *городокъ Старица.*

Затѣмъ въ лѣтописяхъ подъ 1390 г. опять упоминается Новый Городокъ. Ник. IV, 199: «Тогожъ лѣта (1390 г.) к. в. Михайло Александровичь прибавилъ *Новагородка на Волзе* с приступа и ровъ около копали.» — Твер. лѣт. 445: «Той же осени (1390 г.)

прибавиша къ *Городку на Волзѣ* съ приступа города и ровъ ѐкопаша.» И такъ, этотъ городокъ на Волгѣ здѣсь названъ и просто *Городкомъ* и *Новымъ городкомъ*, но въ томъ и другомъ случаѣ поясняется, что онъ былъ на Волгѣ.

Подъ 1395 г. сообщаются свѣдѣнія о пожарѣ Новаго Городка. Воскр. «Авг. 15, погорѣ въ Твери отъ грому *новый городъ, иже на Волзѣ, на Старицѣ.*» Твер. лѣт. 456: «Того же лѣта погорѣ *городокъ на Волзѣ, еже есть на Старицѣ*, отъ грому.» — Ник. IV, 264: «Того же лѣта мѣсяца Августа въ 24 день, погорѣ *новый городокъ на Волзе к Зубцову Тверскии.*» — Татищевъ IV, 379. «Авг. 24 погорѣ *Старица, новый городокъ на Волзѣ, къ Зубцову Тверскій.*» — У Кар. V, прим. 254, подъ 1395 г., неизвѣстно изъ какой лѣтописи: «Авг. 15 погорѣ отъ грому *Новый городокъ Тферскій на Вол*ѣ *на рѣцѣ на Старицѣ*, въ Недѣлю по рану и церковь Св. Михаила.» Этотъ городъ, погорѣвшій въ 1395 г., называется и *Городокъ*, и *Новый городъ*, и *Новый городокъ*, но при этомъ поясняется, что онъ былъ на р. Старицѣ, на Волгѣ, по направленію къ Зубцову; а у Татищева онъ даже прямо названъ Старицей.

О построеніи церкви въ Городкѣ подъ 1396 и 1398 г. Соф. 2-я 129: «1396. Того же лѣта создана бысть церкви во Тфери, на *городкѣ Старицѣ*, во имя *Архангела Михаила*, камена, кн. Махаиломъ Александровичемъ Тферскимъ.» — Ник. IV, 277. «1398. К. в. Михайло Александровичь Тверскій съ сыномъ своимъ со кн. Иваномъ поставиша *церковь камену св. Архистратига Михаила на Новомъ Городку.*» — Кар. V, пр. 254, неизвѣстно изъ какой лѣтописи, подъ 1398 г. «Князь Михайло Александровичь Тферскій постави *церковь камену Св. Арх. Михаила на Волзѣ на Городцѣ, на рѣцѣ Старицѣ* и Арсеньемъ еписк. священа бысть Ноября въ 8 день.» — Отсюда видно, что церковь Арх. Михаила была построена въ городѣ, который называется и *Новый Городокъ*, и *Городокъ на Вол*ѣ *на р. Старицѣ*, и *городокъ Старица.*

О построеніи церкви Св. Николая подъ 1403 г. Твер. 470: «Князь великій Иванъ Михайловичь Тверскый постави городъ Опокы на Волзѣ близъ Ржевы, а на *Городку* постави *церковь камену св. Николы.*» По смыслу выходитъ, что и Городокъ этотъ былъ также на Волгѣ, только лѣтопись не хотѣла повторить, что онъ былъ также на Волгѣ. Ник. IV, 307; Тат. IV, 412: «Того жъ лѣта во Твери создана бысть *церковь камена святаго Николы на городкѣ* единого лѣта в. к. Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ, и священа бысть Арсениемъ епископомъ тверскимъ.» — Соф. 2-я 132: «1404. Того же лѣта создана бысть *церкви камена* во Тфери, *на городкѣ Старицѣ, св. Никола* кн. Иваномъ Михайловичемъ.» — Кар. V, пр. 254, неизвѣстно изъ какой лѣтописи, подъ 1403 г. «Князь Иванъ Михайловичь замыслилъ городъ на Волзѣ близко Ржевы во Опокахъ у Зубцева, да единаго лѣта срубленъ бысть; въ веснѣ початъ, а въ осенинѣ кончанъ. Тако же и на *Городкѣ, на рѣцѣ на Старицѣ*, въ томъ же лѣтѣ поставлена бысть *церковь кам. Св. Николы*: въ веснѣ почата, а въ осенинѣ кончана и священа Ноября въ 13.»

Такимъ образомъ отсюда видно, что церковь Св. Николая была построена въ городѣ, который назывался *Городокъ* (подразумѣвая на Волгѣ), *Городокъ Старица*, *Городокъ на рѣкѣ на Старицѣ.*» Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что этотъ Городокъ на Волгѣ на Старицѣ называется иногда и просто Городокъ, вѣроятно потому что этотъ Городокъ былъ весьма извѣстенъ въ то время, а потому особеннаго опредѣленія для себя не требовалъ. Однако нужно замѣтить, что употребленіе названія этого Городка безъ дальнѣйшаго опредѣленія можетъ вводить въ недоумѣніе и заставлять смѣшивать этотъ весьма извѣстный Городокъ съ какими либо другими Городками.

Въ 1412 г. (по Ник. V, 43. Тат. IV, 460) захваченнаго Василія Михайловича Кашинскаго везли чрезъ Тверь, чрезъ р. Тмаку, на *Новый городокъ.*

Въ 1422 г. (по Ник. V, 79) двухъ Новоторжцевъ заточили въ *Новый городокъ* во Твери.

Въ 1478 г. (по Ник. VI, 75. Тат. V, 51) Андрей Меньшой шелъ на *Городокъ на Старицу* да къ Торжку.

Въ 1481 г. «Благовѣрный и Христолюбивый князь Андрей Васильевичъ Меньшой Вологодской воздвиже церковь каменную въ островѣ на озерѣ Кубенскомъ въ монастырѣ у Всемилостиваго Спаса въ Каменномъ, а кирпичи возили изъ Твери и изъ *Старицы городка.*» (147)

Изъ всѣхъ приведенныхъ извѣстій можно заключить, что Новый Городъ, или Новый Городокъ есть нынѣшняя *Старица* на р. Волгѣ, при впаденіи въ Волгу рѣчки Верхней Старицы съ лѣвой стороны (здѣсь недалеко съ той же стороны впадаетъ въ Волгу и рѣчка Нижняя Старица). Названіе Новаго Городка постепенно замѣнилось названіемъ Старицы. Новый Городокъ = Старица, какъ лежавшій близко отъ Новгородско-Торжковской границы (село Кунганово 28 верстъ отъ Старицы), конечно требовалъ укрѣпленій, о построеніи которыхъ въ немъ, какъ мы видѣли выше, и упоминается. До сихъ поръ въ Старицѣ сохранилась крѣпостца или городище съ высокими насыпными валами. (148) Когда же былъ построенъ городокъ Старица — неизвѣстно. Хотя подъ 1365 г. и сказано, что Михаилъ Александровичъ поставилъ Новый Городокъ на Волгѣ, но легко можетъ быть, что онъ только возобновилъ укрѣпленіе; (149) притомъ еще ранѣе подъ 1312 г. упоминается *Городокъ на Волгѣ.* (Хотя противъ послѣдняго можно возразить, что можетъ быть этотъ Городокъ на Волгѣ не Старица, а былъ гдѣ нибудь ближе къ Твери.) (150) А еще ранѣе въ Твер. лѣт. подъ 1297 г. говорится, что «срубленъ бысть городокъ на Волзѣ, ко Зубцеву, на Старицѣ. Но въ Ник. (III, 95) и у Тат. (IV, 78) говорится, что срубленъ былъ городокъ Зубцевъ на Волгѣ.

Изъ перечня Тверскихъ городовъ въ 1492 г. видно, что Старица и Новый Городокъ упоминаются отдѣльно. Именно, въ этомъ году (т. е. 1492) князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ Тверскую землю писать по Московски въ сохи, а писалъ Тверь кн. Ѳедоръ Алабышъ, а *Старицу* Борисъ Кутузовъ, а Зубцевъ да

Опоки Дмитрій Пѣшковъ, а Клинъ Петръ Лобанъ Заболотцкой, а Холмъ и *Новой Городокъ* Андрѣй Карамышевъ, а Кашинъ Василій Карамышевъ. (Ник. IV. 130. Тат. V, 113.) Имена этихъ писцевъ можно также найдти въ духовной грамотѣ Іоанна III (С. г. г. д. I, № 144), изъ которой положительно видно, что это былъ другой Новый Городокъ, не Старица, и что этотъ Новый Городокъ былъ въ Холмскомъ удѣлѣ. Іоаннъ III въ этой грамотѣ говоритъ: «Да въ Тверской землѣ даю ему (Андрею) городъ Старицу съ волостми и съ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами, по тому, по каа мѣста писалъ къ Старице писецъ нашъ Борисъ Кутузовъ; да даю ему *Холмскихъ вотчину Холмъ и Новой городокъ*, да волость Олешню, да волость Синюю, и иные волости и пути и села со всѣми пошлинами, по тому, по каа мѣста тѣ отчины и волости и пути и села писалъ писецъ нашъ Андрѣй Карамышевъ.»

Но кромѣ этого Новаго Городка на Волгѣ или Старицы въ лѣтописяхъ встрѣчаются еще другіе Городки. Тождественны ли эти Городки съ Новымъ Городкомъ = Старицей или это совершенно другіе, и если это другіе, то гдѣ они находились?

Въ 1312 г. у Твери съ Новгородомъ былъ заключенъ миръ въ *Городкѣ на Волгѣ*. Миръ въ этомъ Городкѣ на Волгѣ былъ заключенъ въ 1312 г., слѣд. за 53 года до построенія Михаиломъ Александровичемъ Градка Новаго на Волгѣ. (151) Изъ этого указанія видно только, что это былъ городокъ на Волгѣ, но гдѣ именно — неизвѣстно. И теперь на Волгѣ въ разныхъ мѣстахъ есть села и деревни съ названіемъ Городище или Городищи. Можетъ быть этотъ Городокъ на Волгѣ есть одно и тоже съ Новымъ Городкомъ = Старицей, а можетъ какой либо другой.

Но другіе *Городки* упоминаются въ лѣтописяхъ безъ всякаго даже намека, гдѣ они были, а потому ихъ невозможно пріурочить къ какой либо опредѣленной мѣстности, тѣмъ болѣе, что у насъ въ старину городами назывались и временныя укрѣпленія. Такъ напр. во время битвы Русскихъ съ Татарами на Калкѣ в. к. Мстиславъ Кіевскій надъ рѣкою Калкою «учиниша *городокъ* съ коліемъ»; или въ 1375 г. при осадѣ Твери Дмитріемъ Донскимъ упоминается (въ Твер. 435), какъ видно временное укрѣпленіе, *городокъ новый Даниловскій;* также, каждое отдѣльное укрѣпленіе, окружавшее какое либо мѣсто, составляло особый «городъ»; монастыри, огражденные укрѣпленіями, причислялись также къ «городамъ»; даже подвижное обозное укрѣпленіе называлось у насъ въ древнія времена «городомъ-гуляемъ». (152) Въ настоящее время въ Тверской губерніи есть нѣсколько селъ и деревень съ названіемъ или *Городокъ*, или *Городище*, иногда съ прибавленіемъ какого либо наименованія. Такъ напр. въ Тверской губерніи (въ тѣхъ уѣздахъ, которые входили въ составъ прежняго Тверскаго княжества) въ настоящее время имѣются: сельцо *Городокъ*, Корч. у. при р. Медвѣдицѣ; село *Городокъ Семеновъ*, Старицк. у. при рр. Холохоленкѣ и Журавцѣ, 8 вер. отъ Стар.; село *Городище* (Дубенское Устье) Корч. у. при рр. Волгѣ и Дубнѣ и т. д. (Остальныя мѣстности съ

названіемъ Городокъ и Городище приведены выше въ настоящемъ сочиненіи.)

Въ лѣтописяхъ упоминаются слѣдующіе городки, безъ указанія гдѣ они были:

Въ 1367 г. (по Ник.) громъ и молнія зажгли соборную церковь Св. Архангела Михаила на *«Городцѣ»*. (153) Гдѣ былъ этотъ городокъ — неизвѣстно. Также нельзя дѣлать какого либо опредѣленнаго заключенія на основаніи того, что въ этомъ городкѣ была церковь Св. Архангела Михаила. Князь Михаилъ Александровичъ, жившій въ то время, могъ построить такіе храмы въ разныхъ мѣстахъ въ честь своего Ангела.

Въ слѣдъ за тѣмъ (по Ник. подъ 1367 г.) упоминается *«Градокъ»* отнятый Дмитріемъ Донскимъ у Михаила Александровича; притомъ про этотъ Градокъ замѣчено, что онъ былъ *часть отчины удѣла кн. Семена Константиновича.* Хотя нѣкоторые и полагають, что этотъ *Градокъ* есть *Новый Городокъ на Волгѣ* или *Старица*, (154) но только съ этимъ нельзя согласиться. Этотъ Градокъ по всей вѣроятности лежалъ гдѣ-либо на границахъ Тверскаго княжества съ Московскимъ, оттого Дмитрій и могъ его легко захватить. При томъ если справедливо, что нынѣшнее *Дорожаево* на р. Шошѣ есть прежній *Дорогобужъ*, то и этотъ долженъ былъ быть гдѣ либо близь него; теперь же дѣйствительно есть деревня *Городище* отъ Дорожаева въ 3 или 4 вер. внизъ по теченію р. Шоши. Въ такомъ случаѣ это *Городище* и долженъ быть «Градокъ».

Въ 1367 г. (Ник. IV, 22) Дмитрій отступился Михаилу Тверскому *«Градка* и всѣе части удѣла княже Семенова.» (155)

Если бы этотъ Городокъ, дважды упоминаемый подъ 1367 г., былъ Новый Городокъ на Волгѣ или Старица, то конечно лѣтопись объ этомъ замѣтила бы, а то она этотъ Городокъ, бывшій въ удѣлѣ Семена, постоянно называетъ просто Градкомъ или Городкомъ.

Когда Михаилъ Александровичъ въ 1399 г. передъ своею смертью распредѣлялъ Тверскіе города между своими сыновьями, то онъ именно Новый Городокъ на Волгѣ на Старицѣ отказалъ своему старшему сыну Ивану; въ лѣтописяхъ при этомъ случаѣ не опредѣляется, что это былъ Новый Городокъ на Волгѣ на Старицѣ, а говорится просто *Новый Городокъ*, конечно потому что не было другаго болѣе извѣстнаго Новаго Городка.

Кажется и лѣтописи отличали *Градокъ* отъ Новаго Городка на Волгѣ = Старицы. Двѣ лѣтописи, Тверская и Никоновская, говоря о построеніи церкви въ Городкѣ, называютъ его просто Городкомъ. Твер. лѣт. 457 подъ 1397 г.: «Заложи церковь Святый Михаилъ на Городку княземъ в. Михаиломъ.» — Ник. IV, 270: «1398. Создана бысть на *Городце церковь каменна архистратига Михаила*, в. к. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ.» И та же самая Ник. лѣтопись (IV, 277) подъ тѣмъ же 1398 г. говоритъ о построеніи церкви во имя того же Святаго на Новомъ

Городку: «1398 г. Князь в. Михаило Александровичь Тверскій съ сыномъ своимъ со кн. Иваномъ поставиша церковь камену *св. Архистратига Михаила на Новомъ Городку.*» И та же самая Тверская лѣтопись гдѣ нужно называетъ *Новый Городокъ на Волгѣ на Старицѣ*, какъ напр. подъ 1395 г.

О смерти в. к. Маріи подъ 1405 г. по Ник. IV, 313 и Тат. IV, 417: «Тоежь осени во Твери преставись на *Городкѣ* в. к. Марья Иванова Михайловича.» О церкви Арх. Михаила Ник. V, 10: «1407. Того же лѣта во Твери кончатъ подпісовати церковь на *Городкѣ* св. архистратига Михаила.» Неизвѣстно, о какомъ именно Городкѣ говорится въ этихъ двухъ послѣднихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ — *можетъ быть* и о Городкѣ на Волгѣ на Старицѣ. Также нѣтъ никакого основанія предполагать, что какой либо изъ этихъ Городковъ есть село *Городенъ* или *Вертязинъ* городокъ, нынѣшняя Городня на Волгѣ; Михаилъ Александровичь въ 1399 г. называетъ его Вертязинымъ, а не какимъ либо другимъ именемъ.

Въ договорѣ 1427 г. в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ Литовскимъ в. к. Витовтомъ (А. З. Р. I, № 33) говорится о взиманіи пошлинъ въ Тверскихъ городахъ, въ числѣ которыхъ упоминается Городокъ: «а по моей отчынѣ к. в. Борыса Александровича пошлины имати зъ людей моего господина дѣда, в. к. Витовта, во Тферы, въ Кашинѣ, въ *Городку*, въ Зубцовѣ и по всему моему великому княженью, по давному, а нового не примышляти.» Это условіе повторяется и въ договорѣ 1449 г. (А. З. Р. I, № 51) в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ королемъ Казимиромъ, а также въ договорѣ 1483 г. (ib. № 79) в. к. Тверскаго Михаила Борисовича съ Польскимъ королемъ Казимиромъ. О какомъ же Городкѣ здѣсь говорится заодно съ Тверью, Кашинымъ и Зубцовымъ? Другаго Городка, болѣе значительнаго, нежели Новый Городокъ на Волгѣ на Старицѣ — не было извѣстно, тѣмъ болѣе князьямъ Литовскимъ, а потому нужно допустить, что и Городокъ, упоминаемый въ договорахъ съ Витовтомъ и Казимиромъ, есть Новый Городокъ или Старица. Впрочемъ и этотъ Новый Городокъ, какъ мы видѣли, въ XV в. иногда называется просто Городокъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно принять, что этотъ Новый Городокъ имѣлъ значительное торговое значеніе, если въ условіи о платежѣ пошлинъ онъ называется заурядъ не только съ Зубцовымъ, а съ такими значительными торговыми городами, какъ Кашинъ и Тверь.

Есть монеты мѣдныя и одна серебряная съ надписью, что это монета *Городѣска*, *Городениская*. Такъ напр. есть мѣдная монета, на одной сторонѣ которой надпись: *печать кн. вел. Иван*, — а на другой: *Михаиловича Городѣска*. На другой мѣдной монетѣ, въ ея надписи, можно разобрать *ня. явелі—гобосао—пулъг—род*; Чертковъ полагаетъ, что это послѣднее значитъ *Городѣски*. Есть монета Бориса Александровича съ надписью на одной сторонѣ: *денга Городеньскя*, а на другой: *печять к. в. Бориса Олексан — рча*. (Рейхель, доп. къ рус. нум. З. А. Н. О. I, 28.) Есть также у Черткова се-

ребряная монета *Городеньская;* одна надпись на ней такая: *князяв—гагор—одени—кая*; другая же, строчная, надпись вполнѣ: *денга Городениская.* Четвероногое животное, на ней изображенное, совершенно сходно съ видимымъ на монетахъ Тверскихъ Ивана Михайловича, Бориса Александровича, Михаила Борисовича и на безъимянныхъ пулахъ. Чертковъ полагаетъ, что названіе мѣстности означаетъ Городень, нынѣ Городня, называемый у Герберштейна Stadt Gerodin. (Чертк. опис. древ. рус. мон. 1834.) Изъ этихъ монетъ одна съ именемъ князя Ивана Михайловича, другая — Бориса Александровича, а остальныя безъименныя. Всѣ эти монеты, какъ безъименныя такъ и именныя, своими надписями показываютъ, что онѣ чеканены тогда когда тотъ или другой князь былъ великимъ княземъ. Какія же это монеты — какого Городка? Приходится повторить предположеніе, что такъ какъ другаго болѣе значительнаго Городка, чѣмъ Новой Городокъ на Волгѣ на Старицѣ — неизвѣстно, то въ такомъ случаѣ нужно принять, что это монеты Новаго Городка. Если это предположеніе вѣрно, то въ такомъ случаѣ — не былъ ли Новый Городокъ удѣломъ старшихъ сыновей великихъ князей Тверскихъ. (156)

Нужно еще замѣтить, что въ Твер. лѣтописи говорится о какой-то *силѣ Городецкой.* Въ 1432 г. великій князь Тверской Борисъ Александровичь подъ начальствомъ своего брата Ярослава послалъ помощь Свитригайлу (о чемъ будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ). Объ этомъ Твер. лѣт. говоритъ слѣдующее: «Того же лѣта. на зиму, скопився Свѣтригайло, князи Литовскіе, сила съ нимъ Тверскаа, князь Ярославъ съ нимъ, *сила Городецкаа*, и пошелъ на Жигимонта.» (Кстати замѣтимъ, что не вѣрнѣе ли будетъ поставить запятую такимъ образомъ: князь Ярославъ, съ нимъ сила Городецкаа.) А лѣт. в. к. Литовскихъ (У. З А. Н. I, 50) говоритъ, что Борисъ послалъ брата своего Ярослава со всею силою своею.

Если выраженіе лѣтописи *сила Городецкаа*, или надписи на монетахъ *Городѣска*, *Городѣски*, *Городеньскя*, *Городениская* относятся къ Новому Городку = Старицѣ, то въ такомъ случаѣ городъ этотъ рисуется съ такимъ значеніемъ въ Тверской землѣ, о которомъ умалчиваютъ лѣтописи: онъ чеканилъ свою монету, имѣлъ своихъ князей (хотя и изъ в. княжескаго Тверскаго семейства), его рать выдѣлялась изъ общей Тверской рати, былъ центромъ своего особаго тянувшаго къ нему удѣла.

Въ составъ Тверскаго княжества входилъ нынѣшній городъ Калязинъ, находящійся при рр. Волгѣ и Жабнѣ. (Жабня впадаетъ въ Волгу съ правой стороны.)

Въ житіи преподобнаго Макарія Калязинскаго сказано, что преподобный Макарій удалился «въ пустыню нарицаемую Колязино, именованіемъ таковымъ прежъ убо пришествія преподобнаго Макарія, идѣже вселися преподобный близъ бѣ мѣста оного, живяше нѣкый земледѣлецъ, зовомый порекломъ Коляга, и симъ званіемъ прозвася пустыня она и монастырь Колязинъ наречеся.» (157) Не входя въ разбирательство того, откуда происходитъ названіе Ка-

лязина (хотя мимоходомъ замѣтимъ, что едва ли возможно производство Колязина отъ Коляги), замѣтимъ, что мѣстность, куда явился около половины XV в. преподобный Макарій, была заселена гораздо раньше. (158)

Калязинъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ втораго Татарскаго погрома, на развалинахъ монастыря «Николы-на-Жабнѣ», тамъ гдѣ теперь соборная церковь города Калязина, былъ устроенъ монастырь; близь него спасшіеся отъ погрома составили монастырскую слободу. Далѣе, за р. Жабней, тамъ гдѣ теперь третья часть города, явилось селеніе Пирогово, и съ построеніемъ церкви, сдѣлалось селомъ. На противоположномъ берегу Волги былъ лѣсъ. Сюда, въ чащу лѣса, въ половинѣ XV в., явился преподобный Макарій (изъ Кашинскаго Клобукова монастыря) и положилъ основаніе монастырю. Къ концу его жизни, монастырь, обогащенный вкладами, былъ уже въ цвѣтущемъ состояніи. Къ числу самыхъ первыхъ вкладовъ принадлежалъ собственно Калязинскій монастырь — «св. Николы-на-Жабнѣ». Вотъ что писалъ въ своей грамотѣ (хранящейся въ монастырскомъ архивѣ) кн. Борисъ Александровичь Тверской: «милости ради Св. Троицы пожаловалъ есми игумена Макарія з братьею его........ монастырь св. Николы на Жабнѣ и сземлями и что кнему *изстари* потягло.» Словомъ *изстари* опровергается то мнѣніе, что Калязинъ началъ свое существованіе съ Макарія. Когда онъ только полагалъ основаніе своему монастырю, монастырь св. Николы уже существовалъ и имѣлъ угодья, которыя изстари къ нему потягли. Значитъ и самый монастырь существовалъ *изстари*, задолго прежде чѣмъ сюда явился преподобный Макарій. Въ слѣдствіе этой грамоты Калязинская слобода сдѣлалась собственностью Макаріева монастыря; монастырь же Николы обращенъ для нея въ приходскую церковь. Въ 1511 г. село Пирогово княземъ Дмитровскимъ Юрьемъ Ивановичемъ отдано также Макаріеву монастырю (подлинникъ грамоты въ монастырскомъ архивѣ). Такимъ образомъ соединились три части, изъ которыхъ въ настоящее время состоитъ городъ. Первая и вторая части города Калязина раздѣляются Волгою; третья отдѣлена отъ второй р. Жабней. (159) Калязинъ монастырь во времена существованія Тверскаго княжества долженъ былъ быть значительнымъ торговымъ мѣстомъ, превосходившимъ въ этомъ отношеніи другіе сосѣдніе Тверскіе города. Такъ можно заключать на томъ основаніи, что еще въ XVII в. торговля Калязина значительно процвѣтала. «Въ Никольской слободѣ, — такъ сказано въ грамотѣ (хранящейся въ монастырскомъ архивѣ) царя Ѳедора Алексѣевича, — издавныхъ лѣтъ торгуютъ по четвергомъ, и противу того торжка въ Кашинѣ и во всемъ Кашинскомъ уѣздѣ больши не будетъ.»

Кснатинъ, Скнятинъ, Снятинъ (нынѣ село Скнятино Каляз. у. при рр. Волгѣ и Нерли) основанный Юріемъ Долгорукимъ на устьѣ р. Нерли въ 1134 г., о чемъ было говорено выше. (160)

До Зубцова доходили Литовцы около 1248 г. Онъ былъ укрѣ-

пленъ въ 1297 г. (161) До сихъ поръ сохранились слѣды его древнихъ высокихъ земляныхъ валовъ. (162) Въ XV в. какъ удѣлъ достался к. Ивану Юрьевичу (см. родосл.).

Клинъ принадлежалъ Тверскому княжеству. Въ Ник. IV, 130 подъ 1492 г. о переписи Тверской земли по сохамъ по приказанію Ивана Васильевича говорится слѣдующее: «Тогожъ лѣта к. в. Иванъ Васильевичъ послалъ Тверские земли писати по московски въ сохи, а писалъ Тверь кн. Ѳедоръ Аслабышъ,........ а Клинъ Петръ Лобанъ Заболотцкой.....» Клинская волость была раззорена Татарами во время Едигеева нашествія. (Дмитровъ же, съ самаго образованія Тверскаго княжества, отошелъ къ Переяславлю.)

Радиловъ, нынѣ деревня Радилово въ Корчевскомъ уѣздѣ близь большой дороги изъ Твери въ Кашинъ при р. Большой Пудицѣ (впадаетъ въ р. Медвѣдицу съ правой стороны). Есть еще другая деревня Радилово въ Тверской губерніи, но она не можетъ быть тѣмъ Радиловымъ, который упоминается въ духовной грамотѣ Михаила Александровича, какъ находящаяся довольно близко отъ Торжка, именно въ 25 верстахъ (въ Новоторжскомъ у. близь большой проселочной дороги изъ Торжка въ Ржевъ). (163)

Въбрынь, Въбрынъ. Вобрынь — неизвѣстно гдѣ находился. Въ наше время нѣтъ ни одной мѣстности съ подобнымъ названіемъ.

Опоки, городъ бывшій на Волгѣ близь Ржевы. О положеніи преждебывшаго города Опокъ можно судить изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1403 г.: «Князь Иванъ Михайловичь Тверскый постави церковь камену св. Николы.» (Твер. 470). — «1403. Того же лѣта во Твери заложенъ бысь городокъ на Опокахъ в. к. Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ, тогожъ лѣта и срубленъ бысть.» (Ник. IV, 306.) — У Кар. V, пр. 254, неизвѣстно изъ какой лѣтописи, подъ 1403 г.: «Князь Иванъ Михайловичь Тферскій замыслилъ городъ *на Волзѣ близко Ржевы во Опокахъ у Зубцева*, да одиного лѣта срубленъ бысть.» И Опоки были какъ видно очень близко ко Ржевѣ. Въ Твер. лѣт. 494 подъ 1447 г.: «Кн. в. Борисъ Александровичь Тверскый на другую зиму ихалъ съ княгинею въ Ржеву, а Ляхъ Станиславъ его изгонилъ, да намѣстниковъ его изымалъ, Лва Измайлова, да людей много Тверичь поималъ, да Ржеву городъ засѣлъ; а кн. в. Борисъ Александровичь со княгинею убѣжалъ въ (О)поки.» Нынѣ весьма близко отъ города Ржевы, на лѣвой сторонѣ по теченію р. Волги, есть селеніе *Опоки*. Близь этого селенія находятся *земляныя насыпи, окруженныя рвомъ*. Во время полой воды изъ насыпей вымываются серебряныя копѣйки и мѣдныя пулы. (164) На картѣ Шуберта *Апоки*, близь самой Ржевы, къ В. отъ нея, на лѣвомъ берегу Волги. Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи деревня *Апоки* или *Апокино*, при колодцахъ въ 2 верст. отъ Ржева по лѣвую сторону дороги изъ Ржева въ Старицу.

Касательно положенія *Вертязина* города можно найти указаніе у Неволина «о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ» (стр. 27, прим. 1), гдѣ приведена выдержка изъ переписной книги (1677 г.)

Тверскаго уѣзда дворцовыхъ селъ Погорѣльца и Городня съ ихъ деревнями, въ которой говорится: «Село *Городень*, *Вертезинъ тожъ*, на берегу рѣки Волги.» Въ спискѣ нас. мѣстъ Твер. губ. (стр. XX) замѣчено, что Вертязинъ городокъ есть нынѣшняя село Городня въ 29 вер. отъ Твери въ Тверскомъ уѣздѣ при Волгѣ на ея правомъ берегу. (165) Признаки бывшаго города довольно явственны въ настоящее время при селѣ Городнѣ, гдѣ видны фундаменты храмовъ. (166) Полагаютъ, что церковь въ селѣ Городнѣ построена въ XIII вѣкѣ. Въ этой церкви внизу подъ сводами сохранились остатки древняго храма, на стѣнахъ котораго и теперь еще видны старинные фрески. (167) Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при Василіи Іоанновичѣ, говоря о своемъ путешествіи изъ Твери внизъ по Волгѣ (а затѣмъ черезъ Клинъ въ Москву) упоминаетъ именно объ этомъ Вертязинѣ или Городнѣ, называя его *Геродинъ* (Gerodin), *городъ*, *стоящій на Волгѣ*. (168)

Бѣлгородъ или Бѣлгородокъ, взятый войсками Донскаго въ 1375 г. Нынѣ село Бѣлъ-городокъ находится въ Калязинскомъ уѣздѣ при рр. Волгѣ и Хотчѣ. (169)

Село Бортенево, извѣстное по битвѣ Михаила Ярославича съ Юріемъ, близь р. Шоши, Старицкаго у. въ 32 вер. отъ Старицы.

Въ Ник. лѣт. подъ 1366 г. упоминается село Андреевское, гдѣ былъ заключенъ миръ Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ съ его племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ. Въ нынѣшней Тверской губерніи находятся 16 мѣстностей, носящихъ названіе *Андреевскаго*. Изъ нихъ 3 находятся въ Тверскомъ уѣздѣ и одно въ Кашинскомъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ: 1) Андреевское село вверхъ по р. Волгѣ въ 32 верстахъ отъ Твери. 2) Андреевское при р. Куталкѣ въ 31 вер. отъ Твери. 3) Андреевское при р. Оршѣ въ 7 вер. отъ Твери. Въ Кашинскомъ уѣздѣ Андреевское (Мизгирево) въ 9 вер. отъ Кашина по лѣвую сторону Тверскаго тракта. (170) Упоминаемое подъ означеннымъ годомъ село Андреевское, судя по ходу событій, должно быть послѣднее. Конечно, оно было на границѣ собственно Кашинскаго удѣла и Тверскаго.

Подъ 1390 г. упоминается, что Михаилъ Александровичь встрѣтилъ митр. Кипріана на *Перемѣрѣ*. Нынѣ по Московскому шоссе находятся двѣ деревни *Перемѣрки*: Большая въ 4 и Малая въ 6 верстахъ отъ Твери. Былъ монастырь *Перемѣрскій*. (171) По случаю этой встрѣчи упоминается также мѣстность *Починокъ*. (172) Былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемѣры на Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки, и Егорьевскій монастырь Меньшіе Перемѣры. (173)

Подъ 1317 г. упоминается мѣстность *Бродъ* на Волгѣ. Изъ трехъ мѣстностей этого имени, въ наше время есть деревня *Бродъ* Старицк. у. при р. Волгѣ, въ 30 вер. отъ Старицы; въ Соф. 1-й (стр. 209) и Воскр. (стр. 191) вмѣсто Брода называется *Синеевское* (въ наше время въ Твер. губ. нѣтъ мѣстности съ такимъ названіемъ; по крайней мѣрѣ въ спискѣ нас. мѣстъ Твер. губ. не встрѣчается).

Въ 1339 г. упоминается *Святославле поле*, бывшее гдѣ-то на Волгѣ недалеко отъ Кашина. (174) Судя по тому что Александра Михайловича до Святославля поля провожалъ его братъ Василій, кажется что Святославле поле было гдѣ-то на восточной границѣ Тверскаго княжества.

Въ лѣтописяхъ упоминается *Лотошино*, нынѣ село Тверской губ. Старицкаго у. по Волоколамской дорогѣ въ 50 вер. отъ Старицы; оно лежитъ на границѣ съ Московской губерніей. (175) Лотошино лежало на границахъ Тверскаго княжества съ Волоколамскою областью. Когда въ 1478 г. Іоаннъ III шелъ на Новгородъ и былъ въ Волокѣ Ламскѣ, и выѣхалъ изъ него, то «на первомъ стану отъ Волока в *Лотошинѣ* стретилъ в. князя отъ тверскаго в. князя, звати в. князя хлѣба ести, к. Андрей Борисовичь Микулинской.» (Ник. VI, 75, 76.)

Осенью 1411 г. в. к. Иванъ Михайловичь заложилъ *градъ* гдѣ-то на *Новоторжскомъ рубежѣ*. (176)

Ржевка, Ржева (Ржевъ Володиміровъ, Ржева Володимірова), нынѣ Ржевъ уѣздный городъ Тверской губ. при р. Волгѣ.

Эта Ржева на Волгѣ есть та самая, которая упоминается въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ князей Московскихъ начиная со времени Дмитрія Донскаго, а также въ одной договорной грамотѣ в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ королемъ Казимиромъ. Эту же Ржеву вмѣстѣ съ Волокомъ-Ламскимъ и нѣкоторыми другими городами в. к. Московскій Василій Дмитріевичь въ 1408 г. далъ Свидригайлу Ольгердовичу. (177) Неизвѣстно, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ Ржева досталася Тверскимъ князьямъ (Михаилъ Александровичь Тверской распоряжается Ржевою), но какъ видно она была въ смѣсномъ владѣніи князей Тверскихъ и Московскихъ, а можетъ быть также и Литовскихъ. Прослѣдимъ вкратцѣ судьбу этого города.

Въ первый разъ Ржева упоминается въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г., изъ которой видно, что въ то время (въ половинѣ XII в.) Ржева входила въ составъ Смоленскаго княжества. (178) Въ 1216 г. Ржева, иначе Ржевка, упоминается уже и въ лѣтописяхъ, какъ городъ принадлежащій кн. Мстиславу Удалому Торопецкому, удѣльному князю Смоленской земли. (179) Торопецкій удѣлъ занималъ сѣверную часть Смоленскаго княжества. Въ составъ Торопецкаго удѣла, кромѣ Торопца и Ржевки или Ржевы на Волгѣ, входили еще Великія Луки, Холмъ при впаденіи Куньи въ Ловать (на Новгородскомъ рубежѣ) и Жижци, кажется, нынѣшнее селеніе Сидки на Волгѣ, нѣсколько выше Ржевы. Сѣверная граница Смоленскаго княжества, а стало быть отчасти и Торопецкаго удѣла шла съ Можайска на Ржеву (на Волгѣ) и со Ржевы вверхъ до озера Селигера (здѣсь около Ржевы Смоленская земля сходилась съ Суздальскою). Отъ Селигера Смоленская граница поворачивала на западъ къ Холму при впаденіи нынѣшней рѣки Куньи въ Ловать. Такимъ образомъ Холмъ былъ крайнимъ Смоленскимъ городомъ на сѣверо-западѣ,

на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями. Отъ Холма рубежъ Смоленскій спускался на Югъ рѣкою Куньей, или можетъ быть Ловатью, гдѣ пограничнымъ Новгородскимъ городомъ со Смоленскою землею были Великія Луки. (Великія Луки не входили ли прежде въ составъ Смоленскаго княжества?) Отъ Великихъ Лукъ Смоленская граница шла на Усвятъ, гдѣ Смоленская земля сходилась съ землею Полоцкою. (180)

Когда въ 1355 г. Ольгердъ воевалъ Брянскъ и Смоленскъ и у кн. Смоленскаго Василія полонилъ сына, то Литовцы овладѣли Ржевою. (181) Но въ 1357 г. рати Тверская и Можайская отняли Ржеву у Литовцевъ: (182) слѣдовательно Василій Михайловичь Тверской и Иванъ Ивановичь Московскій дѣйствовали въ этомъ случаѣ сообща. Должно полагать, что съ этого времени Смоленскъ теряетъ Ржеву и она переходитъ въ смѣсное владѣніе Твери и Москвы. На это намекаетъ и договоръ, заключенный въ 1427 г. в. к. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ съ Витовтомъ, въ которомъ находится выраженіе: «А которыи мѣста порубежныи потягли будутъ къ Литвѣ или къ *Смоленску*, а подать будутъ давали ко Тферы.....» и т. д. (Договоръ этотъ будетъ приведенъ дальше въ своемъ мѣстѣ.)

Въ 1358 г. Ольгердъ послалъ на Ржеву «со многою силою» сына своего Андрея, который овладѣлъ ею, и посадилъ въ ней Литовскихъ намѣстниковъ.

Въ 1359 г. самъ Ольгердъ пріѣзжалъ смотрѣть этотъ городъ. (183)

Въ 1362 г. Литовцы взяли, кажется, Ржеву. (184)

Въ 1367 г. передъ началомъ второй войны Михаила Александровича Тверскаго и Ольгерда Литовскаго съ Дмитріемъ Донскимъ кн. Владиміръ Андреевичь взялъ Ржеву. (185) (Передъ этимъ годомъ не находилась ли Ржева въ смѣсномъ владѣніи Литвы и Твери.)

Въ договорѣ Ольгерда Литовскаго и в. к. Смоленскаго Святослава Ивановича съ Дмитріемъ Донскимъ и Владиміромъ Андреевичемъ, въ 1371 г. (186) или вѣрнѣе въ 1372 г. сказано, что со Ржевы до исправы (до какой исправы?) не сослати. (И притомъ кого сослать? Литовцевъ или Москвитянъ?) Въ 1375 г. Дмитрій Ивановичь посылалъ брата своего Владиміра Андреевича ратью ко Ржевѣ еще до смерти Ольгерда. Онъ подъ Ржевою простоялъ три дня, посадъ сжегъ, а города не взялъ. (187) Этотъ походъ былъ по окончаніи большаго похода Донскаго на Тверь.

Въ 1386 г. Ржевская рать и ополченія другихъ городовъ ходили съ Дмитріемъ Донскимъ на Новгородъ. (188) Слѣдовательно въ лѣтописяхъ должно быть умолчаніе о событіяхъ, касающихся Ржевы, отъ 1375 до 1386 гг.

Въ 1389 г. Василій Дмитріевичь, взявши «миръ и любовь» съ дядею своимъ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, придалъ къ его волости Волокъ да Ржеву. (189) При чемъ въ договорѣ между ними, Василій Дмитріевичь обязывается вознаградить Владиміра Андрее-

вича въ случаѣ потери Ржевы, а Ржеву отыскивать общими силами: «А ци какимъ дѣломъ отоиметься отъ тобе Ржева; и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто Ярополчь да Медуши. А искати ны Ржевы, а тобѣ съ нами съ одиного; а найдемъ Ржеву, а Ржева тобѣ, а волости наши намъ.» (190)

Въ 1392 г. Владиміръ Андреевичъ жаловался на Новоторжанъ, «яко пакости дѣютъ Ржевской его волости.» (191)

Неизвѣстно, когда Ржева досталась Тверскому князю (въ началѣ княженія Михаила Ярославича владѣнія Тверскія не доходили, какъ видно, далѣе Зубцева, т. е. устья р. Вазузы, потому что въ 1297 г. этотъ князь для защиты своего княжества, кажется, отъ набѣговъ Литовцевъ, укрѣпилъ не какой либо болѣе западный пунктъ, а именно Зубцевъ), но въ 1399 г. Михаилъ Александровичъ Тверской, передъ своей смертью, отказалъ Ржеву вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами своему старшему сыну Ивану и его дѣтямъ Александру и Ивану. А что этотъ городъ въ то время былъ въ рукахъ Тверскихъ князей, видно изъ того, что въ 1403 г. кн. Иванъ Михайловичъ поставилъ близь самой Ржевы, не болѣе какъ въ 2 верстахъ отъ нея къ востоку, на лѣвомъ берегу Волги, *городъ Опоки*, — какъ должно полагать, для лучшей защиты Ржевы отъ чьихъ либо посягательствъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ за этого города идутъ споры у Москвы съ Литвой; Москва, иногда въ союзѣ съ Тверью, отнимаетъ этотъ городъ у Литвы. Въ то же время мы видимъ, что этимъ городомъ распоряжается и Москва и Тверь.

Ни откуда не видно, чтобы Тверь потеряла Ржеву, а между тѣмъ чрезъ 2 года послѣ построенія Опокъ близь Ржевы, — Ржевою уже распоряжаются Московскіе князья, а именно:

По договору 1405 г. между Василіемъ Дмитріевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, послѣдній уступилъ Василію Дмитріевичу Волокъ съ волостями и Ржеву съ волостями, но впрочемъ все-таки обязался блюсти ихъ и боронить. (192)

Въ 1408 г. «повелѣніемъ в. к. Василья Дмитріевича срубленъ градъ Ржева.» (193) Это было послѣ разрыва Твери съ Москвой, который произошелъ въ 1406 г. (Плавскія событія, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.)

Въ слѣдъ затѣмъ въ томъ же 1408 г. Василій Дмитріевичъ далъ Свидригайлу Ольгердовичу Ржеву вмѣстѣ съ Волокомъ-Ламскимъ и нѣкоторыми другими городами. (194)

Въ договорѣ 3 Авг. 1427 г. в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ Витовтомъ находится слѣдующее условіе: «А которыи *мѣста порубежныи потяглы будутъ* къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Тферы: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому; а которыи *мѣста порубежныи потяглы будутъ ко Тферы*, а подать будуть даивали къ Литвѣ или къ Смоленску: ино имъ и нынѣчы тягнути по давному, а подать давати по давному жъ.» (195)

Это условіе повторяется и въ договорной грамотѣ (1449 г.) в. к. Бориса Александровича съ королемъ Казимиромъ и въ дого-

ворной грамотѣ (писанной около 1483 г.) в. к. Тверскаго Михаила Борисовича съ тѣмъ же Польскимъ королемъ Казиміромъ. (196)

Выраженіе насчетъ порубежныхъ мѣстъ, которыя тянутъ (принадлежатъ) къ одному государству, а подать платятъ другому, заставляетъ догадываться, что въ числѣ этихъ порубежныхъ мѣстъ не заключалась ли также и Ржева, которая такимъ образомъ значитъ была въ смѣсномъ владѣніи Твери и Литвы; но съ другой стороны, далѣе въ тѣхъ же договорахъ, въ условіи о пошлинахъ перечисляются Тверскіе города Тверь, Кашинъ, Городокъ, Зубцовъ, а Ржева не называется. Однако нужно замѣтить, что въ договорѣ 1449 г. Ржева уступается Тверскому князю, а между тѣмъ въ условіи о пошлинахъ перечисляются Тверь, Кашинъ, Городокъ, Зубцевъ, а Ржева все-таки не называется. Или она не называется потому, что состояла въ числѣ порубежныхъ мѣстъ, находившихся въ смѣсномъ владѣніи двухъ государствъ. Впрочемъ, изъ этихъ трехъ договорныхъ грамотъ видно, что если не сама Ржева, то уже навѣрное порубежныя мѣста Ржевской волости были въ смѣсномъ владѣніи Твери и Литвы, какъ прежде были въ такомъ же владѣніи у Твери со Смоленскомъ.

По договору в. к. Василія Васильевича съ Шемякой въ 1434 г. Ржева, составлявшая прежде часть удѣла ихъ дяди Константина Дмитріевича, была уступлена Шемякѣ. (197) Эта уступка подтверждается также и договорами послѣдующихъ годовъ, 1436 и 1440 гг. (198) Въ договорахъ этихъ двухъ послѣднихъ годовъ говорится, что уступаются *Ржева и Угличь съ Московскими жеребьями и съ волостями и съ селами.* Не относится ли выраженіе *Московскіе жеребьи* не только къ Угличу, но также и ко Ржевѣ?

Великій князь Василій Васильевичь, во время войны съ Шемякою въ 1446 г., получилъ помощь отъ в. к. Тверскаго Бориса Александровича и за то не только обручилъ своего сына съ его дочерью, но еще уступилъ ему Ржеву. (199) Но Ржеву нужно было брать силою, потому что Ржевичи затворились у себя въ городѣ (Ржевичи въ городѣ ся затворили). Борисъ Александровичъ самъ пошелъ ко Ржевѣ, три недѣли билъ городъ пушками; наконецъ Ржевичи сдались, добили ему челомъ; и Борисъ Александровичъ «пожаловалъ, городъ Ржеву взялъ, да посадилъ своихъ намѣстниковъ, Василія Константиновича и Льва Измайлова.» (200) Это сопротивленіе Ржевы можетъ вести и къ такому заключенію, что она не хотѣла входить въ составъ Тверскаго княжества (и вмѣстѣ съ тѣмъ стремилась соединиться съ Москвою). Такимъ образомъ, на этотъ разъ лѣтопись указываетъ намъ Ржеву въ Тверскомъ владѣніи.

Въ 1447 г. зимою в. к. Тверской Борисъ Александровичь поѣхалъ съ своей княгиней во Ржеву, но войска короля Казимира (подъ начальствомъ какого-то Ляха Станислава) выгнали его изъ города, захватили его намѣстниковъ и многихъ Тверитянъ, и овладѣли Ржевою. Великій князь Борисъ съ княгинею убѣжалъ въ Опоки. (201) Ржева оставалась въ рукахъ Казимира до 1449 г.,

когда Казиміръ по особенному договору возвратилъ ее Борису Александровичу, при чемъ въ договорѣ сказано, что рубежъ Ржевѣ и Ржевскимъ волостямъ долженъ быть по старинѣ. (202) И тогда какъ изъ этого договора видно, что Казимиръ Ржеву уступилъ Тверскому князю, въ томъ же самомъ году (31 Авг. 1449) Казимиръ особеннымъ договоромъ обѣщаетъ великому князю Московскому Василію II — при чемъ в. к. Тверской объявляется въ сторонѣ Казимира — не вступаться во все его великое княженіе, и также во Ржеву съ волостями: «А тобѣ Казимиру, королю Полскому и в. к. Литовскому, не вступатися въ мою (в. к. Василія II) отчину, ни во все мое великое княженье, ни въ моее братьи молодшее отчины, и во Ржеву зъ волостьми: по озеро по Орлинце на-полы, по озеро по Плотинце, по Красный Борокъ, по Боранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, по Бѣлейкѣ на Пониклъ, съ Поникля на верхъ Сижьки, зъ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи; тыхъ ти, брате, мѣстъ всихъ подо мною блюсти, и не обидѣти и не вступатися въ тые мѣста.» Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого послѣдняго договора видны границы Ржевскихъ волостей со стороны Литовско-русскаго княжества. (203)

Но въ то самое время, какъ о Ржевѣ идутъ переговоры между Борисомъ Тверскимъ, Казимиромъ Польско-Литовскимъ и Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, въ то же самое время, въ 1448 г., Дмитрій Шемяка, уговариваясь съ кн. Можайскимъ Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и съ кн. Боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ послать кѣ в. к. Василію Васильевичу о любви и дружбѣ, отказывается отъ Ржевы, какъ отъ города ему принадлежащаго: «А что мнѣ кн. Дмитрію Юріевичю далъ былъ князь великій Углече съ волостми, Ржеву съ волостми, и Бѣжитцкіе волости, и иные волости въ вудѣлъ и въ вотчину: и мнѣ кн. Дмитрію Юріевичю тѣхъ городовъ и волостей у Князя у Великого не хотѣти и подъ его дѣтми, тѣ городы и волости вотчина Князя Великого.» (204)

Кажется безошибочно можно заключить на основаніи указаній лѣтописи и грамотъ за время 1446, 1447, 1448 и 1449 годовъ, что Ржева считалась въ смѣсномъ владѣніи Твери и Москвы.

Ни откуда не видно, чтобы послѣ 1449 г. Тверской князь потерялъ что-либо изъ Ржевскихъ волостей; а между тѣмъ Василій Васильевичь въ своей духовной, писанной 1462 г., отказываетъ своему сыну Борису городъ Ржеву съ волостями, Волокъ съ волостями и Рузу съ волостями и т. д.; своей же княгинѣ отказываетъ во Ржевѣ село Андреевское: «А у сына своего у Бориса изъ удѣла даю своей княгинѣ Издѣтемлю, да Июдину слободу, да Ядрово, да во Ржеве село Ондрѣевъское.» (205)

По договорамъ (13 Февр. 1473 г.; 2 Февр. 1481 г. и 20 Авг. 1486 г.) Іоанна III съ его братомъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ, за послѣднимъ утверждается Ржева, какъ полученная по благословенію покойнаго отца: «А чѣмъ, брате, тобя (*или* меня)

благословилъ отецъ мой Князь Великій....... да Ржевою съ волостми, да Волокомъ.......» (206)

Борисъ Васильевичь въ своей духовной, писанной около 1477 г., распоряжается этою Ржевою съ волостями по своей волѣ. (207)

Здѣсь собраны свидѣтельства лѣтописей и грамотъ о Ржевѣ за время независимаго существованія Тверскаго княжества. Эти свидѣтельства отличаются такимъ характеромъ, что приходится въ слѣдъ за Карамзинымъ повторить, что Ржева принадлежала отчасти Московскимъ князьямъ, отчасти Тверскимъ. (208) Къ этому нужно прибавить, что когда Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то конечно онъ тогда сталъ считать за собою и право на всю Смоленскую волость, а стало быть и на Ржеву, какъ на часть бывшаго Торопецко-Смоленскаго удѣла. И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что порубежныя мѣста княжествъ Тверскаго и Литовскаго состоятъ въ ихъ смѣсномъ владѣніи. А такъ какъ Тверское княжество собственно Ржевской волостью граничило съ Литвою, то конечно эти порубежныя мѣста, бывшія въ смѣсномъ владѣніи двухъ государствъ, были порубежныя мѣста во Ржевской волости.

Такія смѣсныя владѣнія были не рѣдки въ нашей древней Руси. Такъ напр. изъ Новгородскихъ договорныхъ грамотъ видно, что Волокъ, Вологда и Бѣжецкій Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями Новгородскими; но въ то же самое время в. князья Московскіе въ своихъ договорахъ и духовныхъ грамотахъ распоряжаются и Волокомъ, и Бѣжецкимъ Верхомъ, и Вологдою — отсюда видно, что здѣсь волости Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими. И дѣйствительно в. к. Василій Васильевичь, утверждая Бѣжецкій Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобы они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-Городомъ. Какъ на востокѣ были волости, находившіяся въ смѣсномъ владѣніи у Новгородцевъ и в. князей Московскихъ, такъ и на югѣ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и в. князей Литовскихъ; таковы были Великія Луки, Ржева (Новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ: всѣ эти земли принадлежали къ Новгородскимъ владѣніямъ, но дань и другіе нѣкоторые доходы шли съ нихъ в. князю Литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тіуна — Новгородскій и Московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два же тіуна — Новгородскій и Литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ Литовскіе князья наслѣдовали отъ князей Смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. (209) Такое стеченіе правъ нѣсколькихъ государствъ на пограничныя провинціи, — говоритъ одинъ ученый — замѣчаемое не въ одномъ этомъ случаѣ, есть весьма характерная черта состоянія государственнаго и международнаго права того времени. (210)

Когда въ 1491 г. Московскіе писцы описывали Тверскую землю, то они хотя описали лежащія близь Ржевы Опоки, но не описали

самую Ржеву (вѣроятно потому что Ржева, бывшая въ смѣсномъ владѣніи Москвы, была и описана Москвою раньше).

Какія же были границы Ржевской волости? Въ договорѣ Бориса Александровича съ Казимиромъ (1449 г.) границы Ржевскія не опредѣляются, а говорится только вообще, что рубежъ Ржевѣ и Ржевскимъ волостямъ долженъ быть постаринѣ. Въ договорѣ же Василія II съ Казимиромъ (въ томъ же 1449 г.) эти границы Ржевы со стороны Литвы опредѣляются. Граница начиналась отъ какого-то озера Орлинца, потомъ шла по озеро Плотинце, по Красный Борокъ, по Баранью рѣчку: все это мѣстности теперь неизвѣстныя. Затѣмъ далѣе границу можно опредѣлить, потому что она шла по мѣстамъ уже извѣстнымъ. Граница шла на верхъ р. Бѣлейки (впадаетъ съ лѣвой стороны въ р. Сишку), съ Бѣлейки на верхъ р. Сишки (впадаетъ съ правой стороны въ Волгу выше Ржева), затѣмъ на верхъ р. Осуги (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Вазузу), и безъ сомнѣнія продолжалась по верхнему теченію этой рѣки до того мѣста, гдѣ она, приблизившись къ р. Вазузѣ, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. (211) Есть также возможность приблизительно (212) опредѣлить границы Ржевской земли со стороны Новгородскихъ владѣній по межевой грамотѣ, писанной 20 Окт. 1483 г., слѣдовательно ранѣе покоренія Твери. (213)

Разводчикъ (межевщикъ), опредѣлявшій Ржевско-Новгородскую границу, шелъ по направленію отъ сѣверо-вост. на юго-зап., такъ что у него на право были Новгородскія волости — Березовецъ, Стержъ, Велила, Лопастицы, (214) а на лѣво Ржевской земли волости — Кличенская и Вселугская. (215) Рубежъ начинался у озера Селигера, отъ какого-то ручья Межника, продолжался мимо острова Разбойника, мимо Зимнихъ Хотскихъ тонь, острова Канина гнѣзда къ Хотеновой лукѣ. Затѣмъ, какъ видно, рубежъ шелъ отъ юго-зап. оконечности озера Селигера къ озеру Стержъ, спускался по восточному берегу того же озера Стержъ, затѣмъ рубежъ поворачивалъ на западъ по р. Рунѣ вверхъ (р. Руна впадаетъ въ южную оконечность озера Стержъ), продолжался по озеру Истошню, да въ межтокъ (выраженіе межевой грамоты; нынѣ въ тамошнихъ мѣстахъ межтоками называются короткіе и мелкіе проливы), межтокомъ въ озеро Хвошню, опять вверхъ по р. Рунѣ (р. Руна проходитъ чрезъ эти оба озера), отъ верховьевъ Руны граница спускалась на верховья р. Кути (р. Куть вытекаетъ изъ оз. Видбино и впадаетъ въ южную оконечность оз. Вселуга) и здѣсь оканчивалась у какого-то Тихаго озера (чрезъ которое, судя по межевой грамотѣ, протекала р. Куть). (216)

Если принять во вниманіе карту Неволина Новгородскихъ пятинъ (прилож. при его соч. о пят. и пог. Новг.), то на ней это пространство (т. е. волости Кличенъ и Вселугъ, пространство заключающееся между озз. Селигеромъ, Стержъ, р. Руною, оз. Хвошней и озз. Лопастино и Видбино) включено въ составъ Деревской пятины; но на основаніи только что приведенной межевой грамоты 1483 г. приходится его выключить изъ этой пятины и

присоединить ко Ржевской землѣ. (217) Въ припискѣ къ этой межевой грамотѣ 1483 г. замѣчено, что *еслибы* даже какія либо Новгородскія земли и отошли ко Ржевской землѣ, то и ихъ приписать къ ней же. (218) Если дѣйствительно и были примежеваны какія либо Новгородскія земли ко Ржевской землѣ, то безъ сомнѣнія весьма незначительныя, и граница Ржевской земли во всякомъ случаѣ доходила на сѣверо-зап. до оз. Селигера, какъ и граница бывшаго Торопецкаго удѣла. (219) Впрочемъ нужно замѣтить слѣдующее: если при размежеваніи какія нибудь пограничныя деревни переходили въ ту или другую сторону, то это всегда оговаривалось, какъ это можно видѣть въ другихъ подобныхъ грамотахъ. (220) Подобной же оговорки въ самой межевой грамотѣ 1483 г. нѣтъ.

Межевыя грамоты не опредѣляютъ границы Ржевской отъ верховьевъ р. Кути до верховья р. Бѣлейки, а потому остается только провести ее предположительно: должно быть она шла отъ верховьевъ р. Кути чрезъ верховья рр. Жукопы и Тюдьмы на верхъ р. Бѣлейки. На этомъ пространствѣ она должна была сперва соприкасаться съ Новгородскими владѣніями, а потомъ съ Литовскими.

Изъ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго (писанной около 1477 г.) можно видѣть нѣкоторыя села и деревни Ржевскія. Слѣдующія называются въ этой духовной: Осеченъ, Рясна, Кочково, Боронкино, Кличенъ (съ слободками), Елецкое село, Красное, Резанцово. (221) Въ одной жалованной грамотѣ Ѳедора Борисовича Волоцкаго (1499 г.) упоминаются слѣдующія мѣстности во Ржевѣ: церковь св. Николая въ Рожку (да подлѣ Селигѣръ къ Рожку до Ноугородцкого рубежа), селище Онкудово, на Селижаровѣ селище Крапивинское и нѣкоторыя озера (Сыроменецъ, Керегощь). (222)

Когда въ 1491 г. описывали Тверскую землю по Московски въ сохи, то въ числѣ описываемыхъ городовъ не упоминается Ржева — не потому ли что она вѣроятно была описана раньше, какъ городъ бывшій въ смѣсномъ владѣніи князей Московскихъ и Тверскихъ? И тогда какъ Ржева не описывалась, близь лежащій отъ нея городъ Опоки вмѣстѣ съ Зубцовымъ были описаны въ 1491 году. (Объ этомъ замѣчено было нѣсколько выше.)

Кромѣ всѣхъ здѣсь названныхъ мѣстностей въ Тверскомъ княжествѣ были еще двѣ волости: *Буйгородъ* и *Колпь* (въ нынѣшнемъ Волокол. у. Моск. губ.), входившія въ составъ Клинской земли, но названіе которыхъ ни разу не встрѣчалось за все время независимаго существованія Твери ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ. Въ первый разъ Буйгородъ и Колпь упоминаются въ мѣновой грамотѣ 1497 г. (слѣдов. 11 лѣтъ послѣ паденія Твери) Іоанна Васильевича съ племянниками его кн. Ѳедоромъ и кн. Иваномъ Борисовичемъ Волоцкими: «А промѣнилъ есми своимъ братаничемъ к. Ѳеодору и к. Ивану на тѣ на ихъ земли (различныя села съ деревнями) своей отчины Тѳерьские земли къ ихъ отчинѣ къ Волоку свои волости Буйгородъ да Колъпь съ селы и зъ деревнями и съ

пустошми, и съ луги и съ пожнями, и съ лѣсы и съ ловищи, и съ бортьми и со всѣми угодьи, *кудѣ исъ тѣхъ волостей*, изъ селъ и изъ деревень *плугъ и соха и топоръ и коса ходила*, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ волостемъ *изъ старины потягло*.» Затѣмъ далѣе слѣдуетъ опредѣленіе границы. (223) Вторично Буйгородъ и Колпь упоминаются въ духовной грамотѣ (224) Іоанна III: «...... городъ *Клинъ* (отдается сыну Василью) съ волостьми и съ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами, потому по каа мѣста писалъ писецъ нашъ Петръ Лобанъ *Заболотцкой*, *опричь того*, что есми променилъ своимъ братаничемъ Борисовымъ дѣтемъ Ѳедору да Ивану отъ *Тҁерские земли Буйгородъ да Колпь*.» Хотя въ мѣновой грамотѣ проводится прежняя граница, такъ какъ она была изъ *старины*, но къ сожалѣнію граница здѣсь означена одностороннe (и при томъ у Буегорода незначительное протяженіе восточной границы со стороны Клинско-Тверской области, а у Колпи часть границы со стороны Волоколамска и отчасти Твери), такъ что по ней нельзя вполнѣ судить о границѣ между Буегородомъ, Колпью и Волоколамскомъ.

Буйгородъ и Колпь существуютъ и теперь.

Буйгородъ при рч. Черной, нынѣ село въ 11 вер. отъ Волоколамска, по правую сторону Клинскаго тракта изъ Волоколамска. Этой Черной рѣчки на картѣ Шуб. не находится, а у Ходаковскаго (въ его донесеніи, стр. 52, въ Рус. Ист. Сбор. Погод.) Буйгородъ показанъ при р. Буйгородкѣ, текущей въ р. Черную.

Колпь, нынѣ село Бѣлая Колпь, при прудѣ и колодцахъ, версты за 3 отъ р. Колпянки, 18 вер. отъ Волоколамска по лѣвую сторону Московскаго тракта отъ Зубцова на Волоколамскъ.

Прослѣдимъ на сколько возможно границу волостей Буегорода и Колпи. (225) Граница, отдѣлявшая Буегородскія земли отъ Клинскихъ, начиналась близь Буегорода, конечно къ востоку отъ него и касалась р. Большой Сестры, шла нѣкоторое разстояніе по ней внизъ, потомъ шла къ Буегородской деревнѣ Стромилово; къ востоку отъ этой границы были Клинскія земли, а къ западу Буегородскія. Кажется отъ деревни Стромилово граница приближалась къ верховьямъ рѣчки Буегородки: мѣновая грамота, ведя границу отъ дер. Стромилово по различнымъ межевымъ признакамъ, при концѣ опредѣленія границы говоритъ, что граница шла рѣчкою Буегородкою внизъ, а потомъ по Черной рѣкѣ.

Колпская граница съ Волоколамскомъ начиналась гдѣ-то у Парфеньевскаго болота и шла такимъ образомъ, что къ сѣверовост. отъ нея были земли — сперва Волоколамскія, а потомъ Тверскія, а къ юго-зап. были земли Колпскія. Граница проходила поперекъ Парфеньевскаго болота, доходила до р. Ламы, потомъ шла по теченію р. Ламы внизъ, проходила между Ламской деревней Сологиной и Колпской Бородино, поворачивала на зап. къ оз. Круглому и затѣмъ, проходя по сѣверному берегу этого озера мимо Колпской деревни Круглово, касалась Тверской земли, и упиралась въ р. Лобь, проходила по ней немного вверхъ и оканчива-

лась у какого-то бѣлаго камня и красной ракиты (кажется оканчивалась недалеко отъ нынѣшней деревни Лотошино или Латашина). (226)

Кажется, судя по Колпско-Ламской границѣ, Волоколамская область клиномъ входила между волостями Буегородской и Колпской, а южная граница этихъ двухъ послѣднихъ областей должна была проходить недалеко отъ Волоколамска, потому что Буйгородъ находится отъ него въ 11 вер., а Колпь въ 18 верстахъ.

Въ договорныхъ грамотахъ Михаила Ярославича съ Новгородцами (227) говорится между прочимъ о рубежѣ между Новгородомъ и Тверью. Въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ Ярославомъ Ярославичемъ (первымъ в. княземъ Тверскимъ) Новгородъ не упоминаетъ о своихъ границахъ съ Тверью, а въ договорахъ съ Михаиломъ Ярославичемъ уже встрѣчаются такія выраженія: «А межю Тфѣрью и Новагорода розъѣздъ по давной пошлинѣ.» «А рубежь ти, княже, межю Суздальскою землею и Новгородьскою дати ти старый, какъ было при дѣдѣ твоемъ и при отци твоемь Ярославѣ.» «А рубежь ти дати правый по старому рубежю, въ хрестьное цѣлование, какъ было при отци твоемь Ярославѣ.» Къ сожалѣнію намъ неизвѣстна настоящая граница между Новгородскою и Суздальскою землею, а стало быть и Тверскимъ краемъ, при Ярославѣ Ярославичѣ и Ярославѣ Всеволодовичѣ; между тѣмъ Новгородъ требуетъ отъ Михаила Ярославича опредѣленія точной границы между землями своими и Тверскими. Притомъ граница между Новгородомъ и Тверью могла колебаться, потому что Тверскіе князья во время войнъ могли захватывать и на болѣе или менѣе продолжительное время удерживать за собою пограничныя Новгородскія слободы и села, которыя иногда и сами закладывались за Тверскаго князя, за его княгиню или за бояръ, какъ напр. это было въ 1315 г. во время похода Михаила Ярославича на Новгородъ.

Для опредѣленія Тверскихъ границъ со стороны Новгородскихъ владѣній можно воспользоваться нѣкоторыми грамотами, въ которыхъ упоминаются села и деревни, находившіяся въ Новоторжской волости и въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Изъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ этихъ грамотахъ, нужно выбрать тѣ, которыя, такъ сказать, выдвигались впередъ къ Тверскимъ владѣніямъ. Начнемъ съ тѣхъ, которыя могутъ указать Новгородско-Торжковскую границу.

Въ грамотѣ в. к. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю (писана въ 1473 г., слѣд. за 13 лѣтъ до паденія Твери) упоминаются два Новгородскихъ села: *Мѣдное* и *Кунганово.* (228) Во всей Тверской губерніи находятся только по одному селу съ такими названіями.

Село *Мѣдное*, Новоторж. у. при р. Тверцѣ и руч. Рудницѣ, 32 в. отъ Торжка, на самой границѣ уѣздовъ Новоторжскаго и Тверскаго, около 22 в. отъ Твери, — слѣдовательно граница Новгородскихъ владѣній проходила недалеко отъ Твери.

Село *Кунганово* находится въ Стариц. у. при р. Тьмѣ, только въ 28 вер. отъ Старицы, — здѣсь невыгода близкой границы опять приходилась на долю Тверичей.

Въ отводномъ спискѣ Новоторжскихъ земель (писано 1476 г., слѣд. за 10 лѣтъ до покоренія Твери), отданныхъ в. к. Іоанномъ Васильевичемъ Архіепископу и боярамъ Новгородскимъ, (229) встрѣчаются названія такихъ селъ и деревень, которыя и до сихъ поръ существуютъ. Назовемъ ихъ.

Борисоглѣбская земля въ *Теребинѣ*. Сельцо Теребино (одно такое названіе во всей губерніи) находится въ 20 вер. отъ Твери, при рч. Теребенкѣ, впадающей съ правой стороны въ р. Каву, которая впадаетъ въ р. Тверцу съ лѣвой стороны. (230) Здѣсь близость границы опять была не въ пользу Твери. Такая близость Новгородской границы требовала укрѣпленныхъ мѣстъ въ Тверскихъ владѣніяхъ. Такъ напр. въ 1412 г. (слѣд. кажется во времена сравнительно спокойныя) Иванъ Михайловичъ, великій князь Тверской, заложилъ градъ на Новоторжскомъ рубежѣ. (Ник. V, 42. Тат. IV, 459.)

Подолъ, сельцо при колодцѣ, 26 в. отъ Торжка, по правую сторону р. Осуги (той Осуги, которая впадаетъ въ р. Тверцу съ правой стороны), находится около 55 вер. отъ Старицы. (231)

Граница Новгородскихъ владѣній вообще недалеко проходила отъ Твери. Если съ одной стороны Тверичи могли пользоваться близостью Новгородско-Торжковской границы и легко дѣлать неожиданныя нападенія на Торжекъ, то съ другой стороны и Новгородцамъ недалеко и легко было врываться въ Тверскія владѣнія, опустошать ихъ до Твери и даже нападать на самую Тверь, а Тверичамъ трудно было добраться до самаго Новгорода, лежащаго отъ нихъ довольно далеко и притомъ защищеннаго болотами, озерами и лѣсами. Могли Тверичи иначе вредить Новгороду — останавливать ихъ торговлю, но это было оружіе обоюдуострое: вредя Новгородской торговлѣ, Тверичи вредили вмѣстѣ съ тѣмъ и своей, а потому подобное средство Тверскія князья стали употреблять рѣже и наконецъ совсѣмъ его оставили. Но за то и у Твери была также своя природная защита, хотя и не особенно значительная. Къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Твери на пространствѣ верстъ 35 въ длину и верстъ 20 въ ширину тянутся болота и озера; часть этого болотноозернаго пространства приходилась на долю Бѣжецкой пятины. (232) Къ югу и юго-востоку отъ Твери (на границѣ нынѣшняго Тверскаго уѣзда съ Московской губерніей) также находятся болота въ длину верстъ на 35 или на 40, ширина которыхъ въ иныхъ мѣстахъ доходитъ до 10 верстъ; эти послѣднія болота защищали Тверь отъ нападеній съ Юга.

Для опредѣленія крайняго пункта границы Тверскаго княжества, именно его Кашинскаго удѣла, со стороны *Новгородско-Бѣжецкой границы*, можно воспользоваться (впрочемъ вполнѣ не полагаясь) одной уставной грамотой крестьянамъ Пузырева села Бѣжецкаго Верха, (233) но только писанной спустя лѣтъ 75 послѣ

паденія Твери, именно въ 1561 г. Здѣсь въ Бѣжецкомъ Верхѣ называется Никольское село *Пузырево*. Нынѣ въ Тверской губерніи есть село Пузырево Бѣжецкаго уѣзда при прудѣ и колодцахъ, 25 вер. отъ Бѣжецка по правую сторону Угличскаго тракта; вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что оно находится недалеко отъ верховьевъ р. Кашинки (около 8 вер.). Затѣмъ въ этой же уставной грамотѣ встрѣчается выраженіе: «а съ Вологды везти въ село въ Николское, или на Городецко, или на *Кіасову Гору*......» Такъ какъ Городецко несомнѣнно находилось въ Бѣжецкомъ Верхѣ, то можно допустить, что и *Кіасова Гора* съ давнихъ поръ считалась въ Бѣжецкомъ же Верхѣ. Нынѣ село *Кесова Гора* Кашинскаго у. находится при прудѣ, 32 вер. отъ Кашина на Бѣжецкомъ трактѣ, по правую сторону верхняго теченія р. Кашинки и притомъ почти на самомъ ея берегу (верстахъ въ 15 отъ Пузырева). А отсюда выходитъ, что р. Кашинка не на всемъ своемъ теченіи проходила по Кашинскому удѣлу, но ея верховье принадлежало Новгородцамъ, и что граница Новгородско-Бѣжецкая проходила къ югу отъ Кесовой Горы.

Одно мѣсто лѣтописей заставляетъ предполагать, что не было ли смѣсныхъ владѣній у Твери съ Новгородомъ, какъ были такія у Москвы съ Новгородомъ. (234)

Именно, по окончаніи четвертой войны Михаила Александровича съ Дмитріемъ Донскимъ, по заключеніи перемирія, но еще до окончательнаго утвержденія мира, въ лѣтописяхъ подъ 1372 г. находится слѣдующее извѣстіе объ укрѣпленіи Твери: «Ник. IV, 37. Того же лѣта к. в. Михаило Александровичь Тверскии *Тверскими волостьми и Новоторскими* около града Твери валу ровъ выкопали и валъ засыпали от реки от Волги до реки до Тмаки.» (Также у Тат. IV, 229.) Здѣсь дѣленія или округа, какъ Тверскіе такъ и Новоторжскіе, безъ различія названы волостями. Но въ Тверской лѣтописи (433) это выражено иначе и вѣрнѣе: «Того же лѣта к. в. Михайло около града Твери валъ копалъ, и ровъ копалъ отъ Волгы до Тмакы, Тверскыми *волостми* и Новоторжскыми *губами*, и валъ засыпали отъ Волгы.» Въ наукѣ принимается, что въ Новгородѣ и во Псковѣ округа, находившіеся на оконечностяхъ ихъ владѣній, назывались *губами*. (235) Такъ въ Псковской землѣ край по озеру назывался Пецкой губой, по Наровѣ — Наровской губой. Попадаются губы и въ Новгородскихъ владѣніяхъ, напр. въ Новоторжской области Спасская губа. (236) Если въ укрѣпленіи Твери участвовали Новоторжскія волости, то конечно не отдаленныя, а ближайшія къ Тверской границѣ, слѣдовательно губы. Бѣляевъ въ своей статьѣ о Михаилѣ Александровичѣ (237) говоритъ, что Михаилъ на работы по укрѣпленію Твери употребилъ въ дѣло остававшихся въ его власти Новгородцевъ. Дѣйствительно, тогда въ Твери были плѣнные Новгородцы, изъ которыхъ нѣкоторые даже успѣли бѣжать. (238) Но если бы на эту работу были употреблены плѣнные Новгородцы, то конечно лѣтопись не сказала бы, что работали Новоторжскія *губы*, а выразилась бы иначе: выразилась

бы такъ, что можно было видѣть, что на работу были употреблены отдѣльныя личности, а не цѣлые округа — губы. Нашла же Тверская лѣтопись возможнымъ и необходимымъ даже по именамъ назвать троихъ убѣжавшихъ Новгородцевъ изъ Тверской тюрьмы (погреба). Про Тверскія волости лѣтопись говоритъ, что онѣ участвовали въ постройкѣ: конечно Тверскія волости, какъ тянувшія къ своему городу и обязаны были участвовать въ сооруженіи городскихъ укрѣпленій. (239)

Наравнѣ съ Тверскими волостями лѣтопись, безъ всякой оговорки, называетъ и Новоторжскія губы, — упоминаетъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ. Если бы это были губы, захваченныя во время войны и не возвращенныя Новгороду до окончательнаго заключенія мира, то нужно полагать, что и объ этомъ обстоятельствѣ лѣтопись бы высказалась. И отчего же Тверской князь захватилъ именно только какія-то Новоторжскія губы, и неужели бы онъ не могъ вмѣстѣ съ ними захватить и другіе какіе нибудь Новгородскіе округа, напр. погосты. Слѣдовательно, вообще эти Новоторжскія губы участвовали въ построеніи Тверскихъ укрѣпленій не потому, что онѣ были принуждены къ тому силою, военными обстоятельствами. Почему же? По всей вѣроятности, онѣ были въ смѣсномъ владѣніи у Твери съ Новгородомъ,— въ государственномъ отношеніи эти земли, т. е. губы принадлежали Новгороду, а дань и разныя повинности дѣлились между Тверью и Новгородомъ. Оттого Новоторжскія губы и должны были участвовать въ постройкѣ Тверскихъ укрѣпленій. Когда Узбекъ послалъ Ивана Калиту и Татаръ наказать Тверитянъ за умерщвленіе Шевкала, то Татары раззорили какъ Тверское княжество, такъ и Новоторжскую волость (Новоторжскую волость пусту сотвориша) — вѣроятно потому что Новоторжскія губы были въ смѣсномъ владѣніи Новгорода и Твери. Если бы Новоторжская волость безраздѣльно принадлежала Новгороду, то едва ли бы Калита сталъ ее раззорять: онъ бы не захотѣлъ раздражать Новгородъ, который былъ врагомъ Твери и союзникомъ Москвы. Если бы не сохранились духовныя и договорныя между собою грамоты Московскихъ князей, то *можетъ быть* нельзя бы было съ такою положительностію принимать — какъ обыкновенно принимается — мнѣнія о смѣсномъ владѣніи Москвы и Новгорода Волокомъ, Вологдою и Бѣжецкимъ Верхомъ. (240) *Подобныхъ* Тверскихъ грамотъ до насъ не дошло (но до насъ дошло указаніе лѣтописей, которое можно объяснить такимъ образомъ, какъ кажется не противорѣча дѣйствительности).

Вѣроятно отъ смѣснаго владѣнія этими Новоторжскими губами и должна была Тверь, въ послѣдніе годы своего независимаго существованія, дать обѣщаніе отказаться въ случаѣ Московскихъ требованій. Великій князь Михаилъ Борисовичь даетъ Іоанну III такое обязательство: «а что назоветъ к. в. (Іоаннъ III) земель своими землями и *Новоторжскими*, то тѣ земли князю великому.» (241) Можно полагать, что Тверь, послѣ паденія Новгорода, хо-

тѣла себѣ присвоить Новоторжскія губы, но въ этомъ помѣшала Москва.

Не такое ли смѣсное владѣніе Новоторжскими губами и дало въ послѣдствіе времени Герберштейну поводъ замѣтить слѣдующее о Торжкѣ: «Городъ Торжокъ стоитъ въ десяти миляхъ отъ Твери; одна половина его была подъ властью Новгорода, другая подъ властью Твери, и управляли тамъ два намѣстника.» (Герберштейн. въ перев. И. Н. Анонимова, стр. 112.) Это извѣстіе потомъ повторено было у Гваньини (у Старчевскаго въ его Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI): Torsok, oppidum 10 miliaribus Polonicis a Tveria abest. Hujus olim pars dimidia Novogrodiensi, altera Tverensi Ducatui subjacebat.

Въ одной договорной Новгородской грамотѣ находится мѣсто, которое кажется можно всего удачнѣе объяснить тѣмъ, что въ немъ говорится о смѣсномъ владѣніи въ Новоторжской волости. Это мѣсто встрѣчается въ договорной грамотѣ заключенной съ Новгородомъ в. к. Тверскимъ Александромъ Михайловичемъ въ началѣ своего княженія. (242) Именно въ этой грамотѣ послѣ обыкновеннаго условія о томъ, чтобы князь, княгиня, его бояре и слуги не пріобрѣтали селъ въ Бѣжицахъ и по всей волости Новгородской — находится слѣдующее условіе: «А что Олександровыхъ княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованью, по заводъ; а исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни Дворяномъ ѣздити, ни людий Новгородьскыхъ приимати, ни земли.» За этимъ слѣдуетъ обыкновенное перечисленіе Новгородскихъ волостей. (А се, княже, волости Новгородьскыи:. Волокъ и т. д.) Если не принять, что это мѣсто относится къ смѣсному владѣнію землями въ Новоторжской области, то въ такомъ случаѣ это мѣсто противорѣчитъ обыкновенному условію, что Новгородскія села — купленныя или даромъ полученныя — идутъ къ Новгороду. Или принять нужно слѣдующее объясненіе: Новгородъ, вопреки своимъ обычаямъ, долженъ былъ дозволить Александру купить и удержать нѣкоторыя села, но подъ условіемъ, чтобы тамъ не судить и вновь не принимать — ни людей, ни земли. Когда же такія села стали покупать князья болѣе сильные, т. е. Московскіе, то такіе князья стали и по духовнымъ отказывать купленныя села. (243)

Мы можемъ приблизительно знать Клинскую границу со стороны Московскихъ владѣній, именно со стороны Рузы и Дмитрова.

Эта граница опредѣляется въ межевой грамотѣ в. к. Іоанна Васильевича на пожалованные сыну своему к. Юрію города Дмитровъ, Рузу и Звенигородъ, которымъ и рубежъ съ Можайскими и Клинскими станами и волостьми учиненъ Константиномъ Заболотскимъ и дьякомъ Ушакомъ. (244) Но грамота эта писана около 1504 г., слѣдовательно лѣтъ 20 спустя послѣ паденія Твери. Рубежъ могъ измѣниться, тѣмъ болѣе что въ самой грамотѣ сказано, что

нѣкоторыя села и деревни перешли изъ Клинскихъ становъ и волостей въ Рузскіе и Дмитровскіе станы и волости и обратно. Но для проведенія границы въ главныхъ чертахъ можно воспользоваться этою грамотою.

Граница начиналась у р. Малаго Локнаша, слѣдовательно недалеко отъ Буегородской деревни Стромилово, потому что нынѣшняя р. Локношъ (245) впадаетъ съ правой стороны въ р. Большую Сестру недалеко отъ двухъ нынѣшнихъ деревень Стромилово (судя по кар. Шуб.). Отъ р. Локнаша граница шла на востокъ мимо села Городищи, деревни Кутина, села Тархова къ деревнямъ *Сотници*, Короваевой и селу Стрѣлкову (находящимся почти на равномъ разстояніи между Клиномъ и лежащей къ югу отъ него— Берендѣевой, по имени которой безъ сомнѣнія называлась упоминаемая въ грамотѣ Берендѣевская волость); затѣмъ граница огибала Клинъ съ юга и юго-востока, проходя чрезъ деревню Лаптеву и чрезъ верховья р. Сестры къ сельцу Подольному; затѣмъ граница приближалась къ р. Лутоснѣ и поворачивала на сѣверо-западъ внизъ по теченію этой рѣки (слѣдовательно, здѣсь граница шла къ востоку отъ Клина) до самаго впаденія этой рѣки въ р. Сестру, потомъ граница шла внизъ по р. Сестрѣ и затѣмъ граница Клинская примыкала уже къ границѣ Кашинской. (246) Но нельзя сказать, отъ какого именно пункта на р. Сестрѣ граница шла къ рч. Вотри, впадающей въ р. Дубну.

Есть также возможность приблизительно опредѣлить юго-восточную границу *Кашинскаго удѣла* (нынѣшняго Калязинскаго уѣзда, входившаго прежде въ составъ Кашинскаго удѣла). Для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ этой границы можно воспользоваться межевой грамотой в. к. Іоанна Васильевича на пожалованные сыну его к. Юрью города Дмитровъ и Кашинъ, которымъ и рубежъ отъ города Радонежа и отъ Переславскихъ становъ и волостей учиненъ Михайломъ Тучковымъ и дьякомъ Васильемъ Нефимоновымъ. Грамота писана около 1504 г. (247); въ концѣ грамоты сказано, что нѣкоторыя села и деревни перешли изъ однихъ становъ и волостей (Кашинскихъ, Дмитровскихъ, Переяславскихъ) въ другіе.

По этой грамотѣ Кашинская граница ведется отъ впаденія рѣчки Вотри въ р. Дубну и отъ деревни Вотрино, находившейся вверхъ по теченію рѣчки Вотри. (Здѣсь же гдѣ-то вблизи находилась Пригарина слободка). Нынѣ нѣтъ ни рѣчки Вотри, ни деревни Вотрино, а есть деревня *Вотря* и сельцо *Вотря* Калязинскаго уѣзда: и та и другое находятся на р. Дубнѣ при ручьѣ Свистушкѣ въ 84 вер. отъ Калязина. Отъ этого пункта граница шла къ верховьямъ рѣчки *Нушпалы*, которой нынѣ нѣтъ, а на картѣ Шуберта показана деревня Нушполь, Владимірской губерніи, почти на самомъ берегу р. Дубны, верстахъ въ 15 отъ Вотри. Затѣмъ отъ рѣчки Нушпалы не говорится въ грамотѣ о Кашинской границѣ, а грамота проводитъ рубежъ между селами и деревнями Дмитровскими и Переяславскими, такъ что изъ грамоты даже не видно,

кому принадлежала мѣстность по нынѣшней р. Вьюлкѣ, впадающей въ р. Нерль съ лѣвой стороны — Кашину или Дмитрову съ Переяславлемъ. Но съ другой стороны грамота ведя рубежъ внизъ рѣкою Нерлью доводитъ его до деревни Дедерева, и не видно, чтобы внизъ по теченію р. Нерли отъ Дедерева были Дмитровскія или Переяславскія земли; относительно же р. Вьюлки Дедерево лежитъ отъ нея вверхъ по теченію р. Нерли. Вѣроятно граница шла отъ рѣчки Нушпалы къ р. Нерли и переходила чрезъ нея гдѣ либо близь впаденія въ нея р. Вьюлки съ одной стороны и р. Сабли съ другой, а затѣмъ шла мимо села Старобислова (къ зап. отъ него) къ рѣчкѣ Поймашѣ и къ р. Жабнѣ у деревни Рыловой. (248)

По другой подобной грамотѣ можно опредѣлить крайній восточный пунктъ Кашинскаго удѣла къ югу отъ Волги: это Семендяевское сельцо (нынѣ село Семендяево Каляз. у.) при р. Жабнѣ въ 23 вер. отъ Калязина. (249) Семендяево находится отъ Рылова не болѣе какъ въ 4 верстахъ вверхъ по теченію р. Жабны. Кашинская граница отъ Семендяева конечно поворачивала на зап. къ р. Волгѣ, гдѣ вѣроятно находился крайній пунктъ Кашинской границы со стороны Углича — какое-то Святославле поле. Когда въ 1339 г. Александръ Михайловичь ѣхалъ въ орду, то епископъ, игуменъ, священники, княгиня съ дѣтями проводили его «обону страну усть Кашины», а братъ его Василій Михайловичь со своими боярами и слугами проводилъ его дальше, именно до Святославля поля. (250)

Отсюда, отъ Волги, граница (между Кашинскими и Углицкими землями) шла на сѣверозап. къ верховьямъ р. Корожишны и не доходя нынѣшняго села *Кой* (при р. Корожишнѣ и рч. Койкѣ, 40 вер. отъ Кашина) поворачивала на юго-зап. къ Кесовой Горѣ, и сходилась такимъ образомъ съ Новгородско-Бѣжецкими владѣніями. (251) Всегда ли, съ самаго начала существованія Кашинскаго удѣла, этому удѣлу принадлежали земли на правомъ берегу Волги, т. е. нынѣшній Калязинскій уѣздъ, или только съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Александровичь отказалъ Кашинъ вмѣстѣ съ Коснятинымъ своему сыну Василію и внуку Ивану Борисовичу — объ этомъ сказано было выше.

Иногда порубежныя земли отходили въ ту или другую сторону, т. е. между Тверью, Москвой и Новгородомъ, и тогда въ договорахъ условливались, что такимъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны, какъ напр. объ этомъ говорится въ двухъ взаимныхъ договорныхъ грамотахъ в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ в. к. Васильемъ Васильевичемъ (С. г. г. д. I, №№ 76, 77) или въ таковыхъ же грамотамъ в. к. Тверскаго Михаила Борисовича съ в. к. Іоанномъ III. (С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.)

Какъ велико было Тверское княжество въ длину и въ ширину?

Тверское княжество въ длину отъ крайняго восточнаго пункта (на сколько его возможно опредѣлить) по прямому направленію до Твери имѣло около 130 верстъ; отъ Твери до Ржевы (и вмѣстѣ съ

тѣмъ до Опокъ) — околъ 110 верстъ; отъ Ржевы до Селигера — около 140 верстъ. Въ ширину Тверское княжество, напр. отъ Твери по прямому направленію на югъ до Колпи имѣло около 80 верстъ, а отъ Твери на сѣверъ до Теребино не болѣе 25 верстъ. Отъ Кашина ширина княжества на востокъ по прямой линіи до сельца Семендяевскаго была верстъ 35; отъ Кашина до села Кой по прямому направленію на сѣверъ — также верстъ 35; отъ Кашина до Кіасовой горы по прямому направленію на сѣверо-западъ—не болѣе 30 верстъ; отъ нынѣшней деревни Вотри на сѣверо-западъ до ближайшаго изгиба р. Волги менѣе 30 верстъ; нѣтъ данныхъ, чтобы на сколько возможно точно опредѣлить ширину княжества къ сѣверо-востоку отъ этого изгиба Волги. Отъ Старицы на югъ по прямой линіи до Сукроменскаго погоста будетъ верстъ 60; отъ Старицы по прямой линіи къ сѣверо-востоку до Новоторжскаго села Кунганово верстъ 20, а отъ Старицы на юго-востокъ до Лотошино верстъ 50. На сколько возможно судить по положенію географическихъ мѣстностей ширина Тверскаго княжества у Ржевы, и вообще на западъ отъ Ржевы, съуживалась сравнительно съ шириной Тверскаго княжества на востокъ отъ Ржевы, такъ напр. отъ Ржевы на югъ до ближайшаго изгиба р. Осуги верстъ 20, а отъ Ржевы на сѣверо-востокъ по прямой линіи до села Рясни верстъ 45. Слѣдовательно самое широкое мѣсто Тверскаго княжества было у Твери. (252) Изъ этого очерка протяженія Тверскаго княжества въ длину и ширину видно, что все Тверское княжество, выключая Ржеву, занимало небольшое пространство, а между тѣмъ было такъ сильно, что было опаснымъ соперникомъ Москвѣ.

Наиболѣе значительными городами въ Тверскомъ княжествѣ, послѣ самой Твери, были Кашинъ, Микулинъ, Холмъ, Ржева. Зубцевъ и Новой Городокъ (Старица), города лежащіе на Волгѣ, должны были быть значительными торговыми городами, потому что они упоминаются въ договорныхъ грамотахъ съ Литвой, въ статьѣ о платежѣ торговыхъ пошлинъ, наравнѣ съ Тверью и Кашинымъ.

Слѣдующіе удѣлы были въ Тверскомъ княжествѣ: Холмъ, Микулинъ, Телятево, Зубцовъ, Дорогобужъ, Чернятинъ, Кашинъ, Коснятинъ.

Холмъ достался Всеволоду Александровичу, старшему сыну Александра Михайловича, отъ котораго и пошла линія Холмскихъ князей.

Микулинъ достался сперва Михаилу Александровичу, а потомъ его младшему сыну Θедору; отъ его старшаго внука продолжалась линія князей Микулинскихъ, а отъ втораго, Θедора, пошли князья *Телятевскіе.*

Зубцовъ былъ уступленъ въ удѣлъ в. к. Борисомъ Александровичемъ его племяннику Ивану Юрьевичу; Иванъ Юрьевичь, судя по родословнымъ, умеръ бездѣтнымъ, а потому и Зубцовъ долженъ былъ перестать составлять особенный удѣлъ.

Дорогобужскій удѣлъ достался Константину Михайловичу,

третьему сыну Михаила Ярославича; отъ его младшаго правнука, Ивана Дмитріевича, выдѣлилась линія князей *Чернятинскихъ*.

Кашинъ достался Василію Михайловичу, младшему сыну Михаила Ярославича; когда же прекратилось потомство Василія Михайловича, то Кашинъ, вмѣстѣ съ Коснятинымъ, достался Василію Михайловичу и Ивану Борисовичу, т. е. сыну и внуку Михаила Александровича.

Удѣльные князья Дорогобужскіе (кромѣ кн. Еремѣя Константиновича), Чернятинскіе, Телятевскіе не играютъ никакой видной роли въ исторіи Тверскаго княжества, не называются ни въ лѣтописяхъ (кромѣ князей Еремѣя Константиновича и Ивана Еремѣевича Дорогобужскихъ), ни въ договорныхъ грамотахъ. Только въ послѣднія времена существованія Тверскаго княжества упоминаются князья Дорогобужскіе, какъ воеводы Тверской рати, да въ одной жалованной грамотѣ Отрочу монастырю, писанной 1437—1461 гг., встрѣчается имя кн. Ѳедора Александровича, названнаго молодшимъ братомъ в. к. Борису Александровичу, а этотъ Ѳедоръ Александровичъ, судя по родословнымъ книгамъ, былъ князь Телятевскій, и именно родоначальникъ линіи Телятевскихъ князей (см. родосл. табл.).

Князья Холмскіе, Микулинскіе, Зубцовскій встрѣчаются въ договорныхъ грамотахъ, какъ *молодшая братья* в. князей Тверскихъ; даже въ двухъ послѣднихъ взаимныхъ договорныхъ грамотахъ Михаила Борисовича съ в. к. Іоанномъ III изо всѣхъ удѣльныхъ Тверскихъ князей, называется кн. Михаилъ Дмитріевичь Холмскій, какъ молодшій братъ Михаилу Борисовичу. Изъ этихъ удѣльныхъ князей Холмскіе князья одно время вели упорный споръ съ в. к. Тверскими и искали себѣ поддержки въ Литвѣ, Москвѣ и у Татаръ.

Встрѣчаемое въ договорныхъ грамотахъ выраженіе *меньшая братья*, по всей вѣроятности должно относиться къ князьямъ Дорогобужскимъ, Чернятинскимъ, Телятевскимъ и къ тѣмъ изъ князей Холмскихъ и Микулинскихъ, имена которыхъ не встрѣчаются въ договорныхъ грамотахъ.

Но самымъ сильнымъ удѣломъ въ Тверской землѣ былъ Кашинъ (названный вмѣстѣ съ Коснятинымъ при распредѣленіи удѣловъ Михаиломъ Александровичемъ), князья котораго долгое время, опираясь обыкновенно на Москву, были самыми сильными и опасными противниками Твери. Кашинъ былъ столь значителенъ, что въ договорныхъ грамотахъ—изо всѣхъ Тверскихъ удѣльныхъ городовъ — только онъ одинъ называется вмѣстѣ съ самой Тверью. Кашинъ потомъ пересталъ составлять особенный удѣлъ, даже наконецъ все Тверское княжество было присоединено къ Москвѣ, а все еще Кашинъ сохранялъ свое прежнее значеніе — по его имени называлася окрестная земля и онъ въ грамотахъ ставился наравнѣ съ Тверью. Такъ напр. въ договорной грамотѣ, — писанный хотя и въ 1486 г., но уже послѣ покоренія Твери, — в. к. Іоанна III съ роднымъ братомъ Борисомъ Васильевичемъ говорится: «Взяли есмя

вотчину у своего недруга у вел. кн. у Михаила у Борисовича *Тферь* и *Кашинъ*, и вся Тферская и Кашинская мѣста: и тобѣ также въ ту въ нашу отчину во *Тферь* и *въ Кашинъ*, и во вся *Тферская* и въ *Кашинская* мѣста, во все Великое Княженье Тферское въ нашу отчину не въступатися........ А рубежъ нашей отчинѣ *Тфери* и *Кашину* и всей Тферской землѣ съ твоею отчиною по старинѣ....... И Тфери и Кашина, и всѣхъ *Тферскихъ* и *Кашинскихъ* мѣстъ.» (253) Такія же выраженія встрѣчаются и въ договорѣ в. к. Іоанна III съ другимъ роднымъ братомъ Андреемъ Васильевичемъ; договоръ писанъ также послѣ покоренія Твери, хотя и въ томъ же 1486 г. (254.)

Въ сборникѣ Сахарова (Сказанія Русскаго народа) и у Даля (Пословицы Русскаго народа) приведены нѣкоторыя пословицы и поговорки, ходящія нынѣ въ Тверской губерніи, въ которыхъ жители одной мѣстности относятся насмѣшливо къ жителямъ другой. Можетъ быть нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ и поговорокъ ведутъ свое начало съ давнихъ поръ и такимъ образомъ служатъ отголоскомъ старинной удѣльной разрозненности и враждебности городовъ Тверскаго княжества; но только едва ли возможно въ наше время отличить тѣ изъ нихъ, которыя возникли вслѣдстіе тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ. (255)

Однако одна изъ нихъ, про городъ Старицу, кажется, несомнѣнно стариннаго происхожденія и напоминаетъ о грозныхъ временахъ Татарщины. Именно, про Старичанъ говорятъ, что они пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ съ солью. По этому случаю разсказывается слѣдующее: «Прослышали Старичане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозенъ посолъ; порѣшили встрѣтить его съ пирогами; прибѣжали ребята съ поля, повѣдали всѣмъ: «пришелъ грозенъ посолъ; стоитъ у города; шуба на выворотъ; самъ низенекъ, а поперекъ о пяти охватъ, словечка не молвитъ, а шипитъ только.» То не грозенъ посолъ подходитъ къ Старицѣ, а залетѣлъ Индѣйской пѣтухъ. Вышли Старичане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали постарому, всѣ безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху: «вотъ тебѣ пирогъ и яйцы, не погуби нашъ городъ Старицы.» (256)

Въ лѣтописяхъ и актахъ сохранились совершенно случайныя замѣтки о промышленности (какъ и о торговлѣ) въ Тверскомъ княжествѣ, какъ и вообще о промышленности всѣхъ другихъ русскихъ земель.

Въ лѣсописяхъ и актахъ встрѣчаются слѣдующія указанія касательно Тверскаго княжества:

Тверичи сами строили каменныя церкви: ни откуда не видно, чтобы они призывали чужихъ мастеровъ. И тогда какъ въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія на то, что церкви въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ разрушались и обваливались вскорѣ послѣ ихъ постройки, нигдѣ не упоминается о подобныхъ случаяхъ въ Тверскомъ княжествѣ. (257) Тверичи сами и украшали свои церкви (по крайней мѣрѣ ни изъ лѣтописей ни изъ грамотъ не видно, чтобы

они обращались къ иностранцамъ или вообще не къ своимъ художникамъ), такъ напр. они сами ихъ *подписывали*, т. е. украшали живописью, умѣли дѣлать мѣдныя двери въ церквахъ, настилать полъ мраморомъ, золотить кресты и верхи у церквей, лить колокола (одно указаніе подъ 1403 г.). (258) Остальныя же городскія постройки были какъ видно деревянныя, таковы напр. княжескій теремъ, мосты, городскія укрѣпленія (деревянная крѣпостная стѣна была оштукатурена глиной); впрочемъ, судя по описанію остатковъ Тверскихъ укрѣпленій временъ Екатерины II, одна изъ городскихъ башень (именно Володимірская) была каменная. (259) Кирпичь же изъ Твери и Старицы, кажется, вывозили и въ другія княжества: по крайней мѣрѣ въ 1481 г. при постройкѣ новой церкви въ Спасокаменномъ что на Кубенскомъ озерѣ монастырѣ кирпичи возили изъ Твери и Старицы. (260) Упоминаются въ Твери каменосѣчцы. (261)

Въ Твери были свои мастера золотыхъ и серебряныхъ издѣлій: Тверскіе князья къ своимъ грамотамъ прикладывали серебряныя вызолоченныя печати. (262) Извѣстны имена Тверскихъ денежниковъ XV в. — Арефьева и Ѳедотова. Сахаровъ (въ обозр. рус. арх. въ Зап. Рус. Слав. Арх. I, стр. 9) замѣчаетъ, что только одна Тверь, по родственнымъ связямъ своихъ князей, сближалась съ Литвою и могла получить западныя искусства торговымъ путемъ изъ этого края (о чемъ судить мы впрочемъ не беремся).

Безъ сомнѣнія въ Тверской землѣ непремѣнно занимались рыболовствомъ. Изъ жалованныхъ грамотъ Тверскихъ князей видно, что Тверичи занимались пчеловодствомъ (а если добывали медъ, то добывали и воскъ, который Тверичи могли сбывать въ Смоленскъ и Новгородъ) (263), что у нихъ происходила торговля лошадями, были бобровые гоны. (264) Тверичи, какъ приволжскіе жители и притомъ какъ люди торговые, непремѣнно должны были заниматься судостроеніемъ.

Вообще указанія лѣтописей и актовъ на состояніе промышленности въ Тверской землѣ скудны. Замѣчанія, которыя дѣлаются о промышленности разныхъ земель древней Руси, приложимы и къ Тверскому княжеству. Замѣчаютъ же слѣдующее: «Большая часть свѣденій о внутренней торговлѣ передана у лѣтописцевъ въ совершенно случайныхъ замѣткахъ. Слѣдовательно, недостатокъ данныхъ необходимо приводитъ къ мысли, что внутренній сбытъ произведеній промышленности былъ несравненно шире того, какимъ онъ представляется по древнимъ памятникамъ....... О внутреннемъ сбытѣ русскихъ товаровъ и произведеній областныхъ сохранились скудныя свѣденія и большею частію случайно; по этому сбытъ ихъ былъ гораздо шире, чѣмъ онъ представляется по древнимъ памятникамъ. Всѣ предметы промышленности относительно пищи и питья, жилища, одежды и обуви входили въ кругъ торговли внутри Россіи. Торговля ими производилась по селамъ, погостамъ, по пригородамъ, городамъ и между всѣми областями древней Руси. Но при однообразіи промышленныхъ производствъ въ разныхъ обла-

стяхъ, сбытъ товаровъ отечественныхъ былъ неширокихъ размѣровъ, исключая хлѣба, мѣховъ и воска. (265)

Но если нельзя найдти подробныхъ указаній на промышленность Тверскаго княжества, за то можно указать съ кѣмъ Тверь вела торговлю.

Тверское княжество находилось возлѣ издавна торговыхъ земель — Смоленска и Новгорода, торговлей съ которыми, какъ извѣстно, весьма дорожили и Нѣмцы, чему доказательствомъ служатъ договоры, заключенные Смоленскомъ (съ Ригою и Готскимъ берегомъ въ 1229, 1284, 1330—1359 гг. въ С. г. г. д. II, №№ 1, 3, 8) и Новгородомъ съ Нѣмецкими городами. Хотя о торговлѣ Твери со Смоленскомъ и вообще со всѣми городами Литовско-русскаго княжества въ первой разъ встрѣчается упоминаніе въ договорѣ 1427 г. в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ в. к. Литовскимъ Витовтомъ, но конечно эта торговля производилася и гораздо раньше, на что намекаетъ встрѣчающееся въ этомъ договорѣ (точно также какъ и въ договорѣ того же Бориса Александровича и Михаила Борисовича съ королемъ Казимиромъ) выраженіе *по давному;* вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого договора (точно также какъ и изъ договоровъ Бориса Александровича и Михаила Борисовича съ королемъ Казимиромъ) видно, что Тверскіе купцы бывали не только въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, но и въ Кіевѣ и вообще во всемъ Литовскомъ княжествѣ, а Литовскіе купцы посѣщали Тверь, Кашинъ, Городокъ, Зубцовъ и вообще все Тверское княжество: «А людемъ нашымъ, гостемъ, гостити межы насъ путь чыстъ, безъ рубежа и безъ пакости; а пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей въ моего господина дѣда, в. к. Витовътовѣ отчынѣ, у Смоленъску, у Витебъску, на Кіевѣ, въ Дорогобужы, у Вязмѣ и по всему его великому княженью, *по давному*, а новаго не примышляти; а по моей отчынѣ к. в. Борыса Александровича пошлины имати зъ людей моего господина дѣда, в. к. Витовта, во Тферы, въ Кашинѣ, въ Городку, въ Зубцовѣ и по всему моему в. княженью, *по давному*, а новаго не примышляти.» (266) Главнымъ путемъ изъ Литовскаго княжества въ Тверское должны были служить верховья Днѣпра, Западной Двины, Волги съ р. Селижаровкой и оз. Селигеромъ, Осуга, впадающая въ Вазузу и Вазуза, впадающая въ Волгу (при сліяніи Осуги и Вазузы Городище Ѳоминское, а при устьѣ Вазузы Зубцовъ).

Тверь вела постоянную торговлю съ Новгородомъ, на что встрѣчаются указанія въ его договорахъ съ в. к. Тверскими, начиная съ его перваго намъ извѣстнаго договора съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ. Тверь имѣла большое значеніе въ низовой торговлѣ Новгородцевъ. Хотя у Новгородцевъ торговля хлѣбомъ происходила и съ Смольнянами, Полочанами и Кіевлянами, но главный подвозъ его шелъ изъ приволжскихъ городовъ по р. Волгѣ черезъ Тверь и Торжокъ. (267) Задержаніе низовой торговли всегда болѣе или менѣе бѣдственно дѣйствовало на Новгородъ, а эта задержка всего болѣе зависѣла сперва отъ Суздальскихъ, а потомъ

отъ Тверскихъ князей. Такъ напр. когда въ 1312 г. в. к. Михаилъ Ярославичь Тверской задержалъ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе въ Новгородъ — при чемъ захватилъ нѣкоторыя Новгородскія земли— то Новгородъ заплатилъ 1500 гривенъ сер. за то только, чтобы князь «ворота отворилъ», т. е. не задерживалъ торговцевъ. Тверскіе купцы (или *низовые*, какъ ихъ называли въ Новгородѣ заодно съ другими купцами приволжскихъ областей) бывали въ Торжкѣ, Волокѣ, Новгородѣ, Русѣ, (изъ Русы Тверичи могли привозить соль), (268) а купцы Торжка, Новгорода и его пригородовъ (судя по договорнымъ грамотамъ Новгородцевъ главными предметами ихъ сбыта служили ленъ и хмѣль) ѣзжали по всему Тверскому княжеству и далѣе «*сквозѣ Тферь и Тферьскии волости.*» (269) Новгородскіе купцы могли удобно ѣздить чрезъ Тверскую землю въ Москву, пользуясь въ Тверской землѣ Волжскими притоками, которые служили хорошими передаточными путями сообщенія между Москвою, Тверью, Новгородомъ (и другими сосѣдними мѣстностями). Притоки Волги, соединяющіе Московскую область съ Волгою, должны были усилить торговое значеніе въ ней города Дмитрова. Торговое значеніе этого пути было извѣстно и иностранцамъ, такъ напр. Павелъ Іовій (епископъ Ноцерскій, знаменитый историкъ XVI в., † 1552; самъ не былъ въ Москвѣ, а написалъ свое сочиненіе о ней по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова) говоритъ слѣдующее: «Москва, по выгодному положенію своему, преимущественно предъ всѣми другими городами, заслуживаетъ быть столицею; ибо мудрымъ основателемъ своимъ построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и по мнѣнію многихъ никогда не потеряетъ первенства своего. Она отстоитъ отъ Новагорода на 500000 шаговъ. На срединѣ пути сего построенъ городъ Тверь, при р. Волгѣ, которая въ семъ мѣстѣ, будучи близка къ своему источнику и не умноживъ еще водъ своихъ другими значительными рѣками, весьма не широка и течетъ спокойно; отъ Твери чрезъ лѣса и дикія пустыни лежитъ путь въ Новгородъ, а оттуда до Риги, ближайшей гавани на берегу Сарматскаго моря, считается менѣе 500 Итальянскихъ миль. Это послѣднее разстояніе имѣетъ много преимуществъ предъ прочими потому, что заселено частыми деревнями, и на самомъ пути находится городъ Псковъ, орошаемый двумя рѣками.» (270) Тоже самое повторяетъ Герберштейнъ. Хотя Герберштейнъ и былъ знакомъ съ сочиненіемъ Іовія, но онъ говоритъ о торговомъ значеніи волжскихъ притоковъ для Тверской земли не со словъ только послѣдняго, но какъ видно и по собственному наблюденію, потому что подробнѣе перечисляетъ рѣки этого пути. Именно Герберштейнъ замѣчаетъ (271) слѣдующее: «черезъ него (Дмитровъ) протекаетъ р. Яхрома, которая впадаетъ въ р. Сестру. Кромѣ того, Сестра принимаетъ Дубну и сама изливается въ Волгу. Такое удобное расположеніе рѣкъ представляетъ большія выгоды купцамъ, которые безъ большаго труда ввозятъ товары изъ Каспійскаго моря по Волгѣ въ различныя страны и

даже въ самую Москву.» Или былъ и другой путь изъ Твери въ Москву, а именно изъ Твери чрезъ Вертязинъ-городокъ или село Городень на устьѣ р. Шоши, и затѣмъ чрезъ Клинъ въ Москву: этой дорогой ѣхалъ самъ Герберштейнъ. (272) Такимъ образомъ этого пути по Волгѣ и ея притокамъ въ Тверскомъ княжествѣ не могли миновать ни Московскіе, ни Новгородскіе купцы (конечно также и сами Тверскіе купцы), что весьма естественно. Сама же Тверь и Москва издавна вели между собою торговлю. (273) Вообще, трудно допустить, чтобы была какая либо мѣстность въ Восточной или Западной Руси, куда бы не ѣздили Тверскіе торговцы, или откуда бы не пріѣзжали въ Тверь. (274)

Выше было сказано, что изъ извѣстій Арабскихъ писателей и изъ находокъ монетъ видно, что р. Волга въ X в. и даже въ VII в. служила посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ между жителями страны Веси и Булгарами. Конечно такого торговаго значенія Волга не могла утратить и въ позднѣйшія времена — во времена существованія Тверскаго княжества.

Если Татарское нашествіе ослабило торговлю юго-западной Руси, то за то оживилась торговля по Волгѣ. «Послѣ утвержденія Татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русской; въ ордѣ можно было все купить, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечивавшая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго двадцатипятилѣтія тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и послѣ видимъ значительное развитіе восточной торговли и Волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностію можно положить, что утвержденіе Татарскаго владычества въ Средней Азіи, также въ низовьяхъ Волги и Дона, и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній, очень много способствовало развитію восточной торговли; время отъ Калиты до Димитрія Донскаго должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовалось, и между тѣмъ Татары, успокоиваемые покорностію князей, ихъ данью и дарами, не пустошили Русскихъ владѣній, не загораживали путей. Послѣ попытокъ порвать Татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или нѣсколько ранѣе, обстоятельства становятся не такъ благопріятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская — преимущественно жившая восточною, Волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Россіи, прежде всего бросаются на Русскихъ купцевъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою.» (275) Но до Куликовской битвы Волжская торговля шла безпрепятственнѣе. Русскія суда плавали по Волгѣ, сбывали свои произведенія Татарамъ, имѣли постоянное жительство въ столицѣ хана — Сараѣ, такъ что въ половинѣ XIII в. открыта была отдѣльная сарайская епархія. Въ XIV в. торговля по Волгѣ сильнѣе и сильнѣе развивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались разбойничьи набѣги ушкуйниковъ на

торговые города и суда. Русскіе торговцы возили товары въ Болгары и жили тамъ, какъ замѣтно, въ значительномъ количествѣ; такъ въ 1366 г. когда ушкуйники пограбили на устьѣ Камы болгарскій городъ Жукотинъ, то «христіане пограблены быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ.» Въ 1377 г. Татарскій царевичь Арапша велѣлъ перебить въ Болгарахъ русскихъ купцевъ и товары ихъ ограбить. Въ 1382 г. Тохтамышъ послалъ Татаръ своихъ въ Болгарію захватить Русскихъ купцевъ съ судами ихъ и товарами. Вмѣстѣ съ Татарскими купцами Русскіе промышленники ѣздили въ нынѣшнюю Астрахань, по Каспійскому морю; Русскіе купцы ѣздили торговать на Кавказъ и возили товары даже въ Самаркандъ. (276) Если въ этихъ извѣстіяхъ говорится вообще о Русскихъ купцахъ, пользовавшихся Волгою для торговли, то никакъ нельзя допустить, чтобы въ числѣ ихъ не было Тверскихъ купцевъ, въ рукахъ которыхъ было начало Волжскаго пути: если Тверичи не ѣздили по Каспійскому морю, то по крайней мѣрѣ ѣздили Волгою до ея устьевъ.

Въ Новгородъ едвали когда являлись восточные гости, по крайней мѣрѣ мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; Новгородцы сами ѣздили на востокъ и привозили туда свои товары. (277) Въ Тверь же пріѣзжали Татарскіе купцы, привозившіе съ собою безъ сомнѣнія восточные товары, вѣроятно приводившіе степныхъ коней, и покупавшіе здѣсь товары Русскіе, а можетъ быть и западные, попадавшіе сюда чрезъ посредство Новгорода, Пскова и Смоленска: такимъ образомъ Тверь, получавшая отъ Новгорода и Смоленска западные товары, сама имъ давала товары восточные, и такимъ образомъ — подобно Новгороду, Пскову и Смоленску — была также посредницей въ торговлѣ между Западомъ и Востокомъ. А что въ Твери бывали Татарскіе купцы, и притомъ въ значительномъ числѣ, видно изъ лѣтописнаго разсказа объ убіеніи въ Твери Шевкала, съ которымъ вмѣстѣ погибли какъ прежніе ордынскіе гости, такъ и вновь съ нимъ пришедшіе (спаслись только пастухи, пасшіе въ полѣ коней). Какъ въ Новгородѣ для Нѣмецкихъ купцевъ были дворы Готскій и Нѣмецкій, такъ въ Твери могъ быть *Татарскій дворъ:* по крайней мѣрѣ въ писцовыхъ книгахъ, въ началѣ XVII в. въ Затмацкомъ посадѣ города Твери упоминается таковой (какъ выше уже было сказано въ описаніи самой Твери). Въ послѣдствіе времени, когда усилилась Москва, восточные купцы въ большомъ числѣ стали ѣздить въ Москву, которая была ближе, нежели Тверь: подъ 1474 г. лѣтопись говоритъ: «пришелъ изъ Орды Никифоръ Басенокъ съ посломъ царевымъ Ахматовымъ Большой Орды, съ Каракучукомъ, а съ нимъ множество Татаръ пословыхъ, было 600 человѣкъ, которыхъ кормили, а гостей съ конями и съ инымъ товаромъ было 3200 человѣкъ, а коней продажныхъ было съ ними болѣе 40000, и много иного товару.» (278)

Тверскіе купцы были не только также предпріимчивы, какъ другіе Русскіе купцы, но можетъ быть даже предпріимчивѣе, если судить потому, что извѣстный Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ

около 1470 г. по торговымъ дѣламъ былъ въ Индіи. Это путешествіе самъ Никитинъ описалъ въ своемъ хожденіи за три моря — Каспійское (Дербентское), Индѣйское и Стембульское (Черное). «Поидохъ отъ Св. Спаса златоверхаго — говоритъ Никитинъ въ началѣ своего описанія — съ его милостью отъ В. К. Михаила Борисовича и отъ владыки Генадія Тверскихъ; поидохъ на низъ Волгою и пріидохъ въ монастырь къ Св. и Живоначальной Троицѣ и Св. мученикомъ Борису и Глѣбу, и у игумена ся благословилъ у Макарія и у братьи. И съ Колязина поидохъ на Угличь и т. д.» Изъ Нижняго Новгорода Никитинъ отправился въ свитѣ Ширванскаго посла (посолъ Татарскій Ширваншинъ Асамбекъ) не одинъ, съ нимъ пошли еще 6 Тверичей, 6 Москвичей и еще нѣсколько другихъ Русскихъ. Они были ограблены Татарами въ устьяхъ Волги и разбрелись въ разныя стороны. Никитинъ же пришелъ въ Шемаху, а изъ Шемахи отправился въ Баку, а оттуда въ Ормусъ, изъ котораго пробрался въ Индію, гдѣ онъ надѣялся поправить свои дѣла, но ошибся въ своемъ расчетѣ: «налгали мнѣ псы басурманы, говоритъ онъ, сказывали, что тамъ много всякаго нашего товара, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый на бусурманскую землю, перецъ да краска — то дешево, но за то пошлины большія и на морѣ разбойниковъ много.» «На Русскую землю нѣтъ товара», замѣчаетъ онъ вторично. Въ Индіи онъ ѣздилъ въ Индѣйскій Іерусалимъ, т. е. въ Еллоръ, о которомъ замѣчаетъ, что тамошній храмъ величиною будетъ съ полъ-Твери. Никитинъ въ своихъ запискахъ говоритъ о жителяхъ Индіи, о тамошнихъ владѣтеляхъ, о ея климатѣ и произведеніяхъ, отмѣчаетъ всѣ торговыя мѣста и пристани въ Индіи. Пробывъ въ Индіи довольно долго (около 5 лѣтъ) «окаянный рабище Аѳонасій устремился умомъ пойти на Русь.» Онъ проѣхалъ опять въ Ормусъ, а потомъ черезъ Персію и Азіатскую Турцію къ Черному морю и Чернымъ моремъ прибылъ въ Кафу. Никитинъ матеріальныхъ выгодъ отъ своего путешествія не получилъ, ибо въ Трепизонтѣ, гдѣ его обобралъ паша, лишился всего, что успѣлъ собрать въ Индіи. Онъ даже не имѣлъ удовольствія возвратиться въ свой родной городъ, ибо, по свидѣтельству Софійскаго временника, умеръ не дошедъ Смоленска. Но записки его путешествія, замѣчаетъ Бѣляевъ, не пропали для соотечественниковъ: ихъ гости, по свидѣтельству того же временника, привезли въ Москву и отдали государеву дьяку Василью Мамыреву. Зналъ ли объ этихъ запискахъ в. к. Иванъ Васильевичь, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ мы не видимъ, по нашимъ отечественнымъ памятникамъ, никакихъ правительственныхъ распоряженій о торговлѣ съ Индіею, даже мы не знаемъ и частныхъ людей того времени, которые бы ходили по слѣдамъ Никитина; но тѣмъ не менѣе записки эти читались современниками и распространяли въ народѣ географическія свѣдѣнія объ отдаленной Индіи, о которой до Никитина знали на Руси только по разсказамъ пріѣзжавшихъ къ намъ Мусульманъ, расхваливавшихъ Индію, какъ страну, самую прибыльную для торговцевъ, о

чемъ свидѣтельствуетъ и самъ Никитинъ. Что записки Никитина читались современниками, что ими дорожили, это доказывается присылкою ихъ изъ Смоленска къ государеву дьяку Мамыреву и помѣщеніемъ въ лѣтописяхъ; такъ одинъ изъ списковъ помѣщенъ въ Софійскомъ временникѣ, а о другомъ упоминается въ Воскресенской лѣтописи; составитель этой лѣтописи даже старается опредѣлить время путешествія. Онъ говоритъ: «обрѣтохъ написаніе Ѳеонаса Тферитина купца, что былъ въ Индѣи четыре годы, а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ. Азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ отъ В. Князя; а сказаша ми: за годъ до Казаньскаго похода пришелъ изъ Орды; коли князь Юрьи подъ Казанью былъ, тогды его подъ Казанью застрѣлили. Се же написано, не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ, или въ кое лѣто пришелъ изъ Индѣя.» Такимъ образомъ записки Никитина познакомили Русскихъ съ Индіею почти за 30 лѣтъ до прибытія туда знаменитаго Португальца Васко-де-Гамы. (279)

Бѣляевъ въ своемъ сочиненіи «о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (стр. 75) замѣчаетъ слѣдующее: «Не смотря на небольшое пространство, какое занимали Тверскія владѣнія въ XIV столѣтіи, эта сторона по своей населенности и богатству жителей составляла одно изъ сильнѣйшихъ великихъ княженій въ Сѣверовосточной Руси, которое было опаснѣйшимъ соперникомъ могущественной Москвы. Главною причиною таковой силы, *кажется*, (прибавляетъ Бѣляевъ) была торговля; ибо Тверскія земли, находясь между владѣніями Новгорода и Москвы, были необходимымъ перепутьемъ торговли Востока съ Западомъ, здѣсь начиналась главная дорога Азіатско-Европейской торговли — Волга.» А далѣе (ib. 210): «Съ Москвою же и Литвою во все это время (XV в.) они (т. е. Тверичи) оставались въ постоянномъ мирѣ, который, вѣроятно, много способствовалъ развитію Тверской торговли; впрочемъ мы не имѣемъ собственно Тверскихъ лѣтописей, а посему не знаемъ и подробностей объ этомъ предметѣ.»

Обращая вниманіе на выгодное въ торговомъ отношеніи географическое положеніе Тверскаго княжества и на его густое населеніе можно придти къ тому заключенію, что конечно не одни эти два обстоятельства были причиною силы Тверскаго княжества, но также и политическія отношенія къ сосѣднимъ землямъ. Что касается торговли, то безъ сомнѣнія эта торговля должна была въ началѣ идти лучше, быть обширнѣе. Въ началѣ своего существованія Тверь была центромъ политической жизни Россіи. Тверскіе князья были тогда сильны, они занимали в. княжескій Владимірскій престолъ. Михаилъ Ярославичъ былъ такъ богатъ, что въ ордѣ при помощи денегъ перетягалъ Юрія Даніиловича Московскаго. (А при в. к. Дмитріи, сынѣ Михаила Ярославича, въ Тверское княжество приходили Татары-должники, чтобы выбирать какіе-то долги съ этого княжества.) Конечно также въ пѣснѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ Тверь временъ Александра Михайловича не напрасно называется *Тверью старою*, *Тверью богатою*. Но за

тѣмъ слѣдують событія, которыя имѣли такое же вредное вліяніе на торговлю, какъ и вообще на благосостояніе Тверскаго княжества (напр. на увеличеніе населенія), именно опустошеніе княжества, какъ въ слѣдствіе войнъ со внѣшними врагами (прежнія подобныя раззоренія не были или такъ часты или такъ сильны, какъ позднѣйшія) и въ слѣдствіе внутреннихъ усобицъ, такъ и въ слѣдствіе бѣдствій физическихъ (голодъ, моръ). Юрій и Кавгадый опустошаютъ Тверское княжество, а затѣмъ Калита съ Татарами. Затѣмъ вскорѣ начинаются внутреннія усобицы. Сперва Константинъ Михайловичь, а потомъ Василій Михайловичь враждовали со Всеволодомъ Александровичемъ и одно время враждебныя отношенія дошли до такой степени, что многіе жители стали опасаться за свою безопасность и ушли изъ Тверской земли. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединяется язва, которая сильно опустошаетъ Тверское княжество. При Михаилѣ Александровичѣ возобновляются усобицы и войны, въ которыхъ принимаютъ участіе Литва, Москва и Новгородъ. Тверская земля становится театромъ военныхъ дѣйствій. Всѣ эти событія, вмѣстѣ взятыя, должны были вредно подѣйствовать на благосостояніе Твери: сынъ Михаиловъ, Иванъ, задолжалъ въ ордѣ 10000 рублей. Если послѣ Михаила Александровича и настали для Твери времена въ политическомъ отношеніи сравнительно болѣе спокойныя нежели прежде, то за то теперь Москва уже усилилась, стянула къ себѣ жизнь Русскихъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлю.

Если торговля Твери съ Новгородомъ и Русскими княжествами иногда прерывалась въ слѣдствіе враждебныхъ дѣйствій, то за то съ Литвою Тверь почти всегда была въ мирѣ и даже въ союзѣ (исключая только двухъ Литовскихъ набѣговъ во второй половинѣ XIII в., короткаго размирья съ Литвой въ началѣ XV в. при Иванѣ Михайловичѣ и спора изъ-за Ржевы въ половинѣ XV в. при Борисѣ Александровичѣ). Мирныя же и даже дружественныя отношенія Твери къ Литвѣ конечно содѣйствовали хорошему ходу ихъ взаимной торговли.

Количество выставляемаго войска можетъ дать приблизительное понятіе о количествѣ населенія какой либо земли. Въ этомъ отношеніи иностранцы Тверь ставили не только выше Рязани, но даже выше Москвы, съ чѣмъ конечно согласиться нельзя, какъ и съ тѣми цифрами войска относительно отдѣльныхъ княжествъ, которыя они приводятъ; но этотъ взглядъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ — съ одной стороны (конечно приблизительно) военныя силы, а съ другой стороны — то, что Тверь считали весьма сильною, даже сравнительно съ Москвою.

Матвѣй Мѣховскій (род. 1456 г. † 1523) въ своемъ сочиненіи о Сарматіяхъ высказываетъ слѣдующія мысли: Московское княжество выставляетъ на войну 30000 ратныхъ людей изъ дворянъ и 60000 изъ поселянъ. Кампензе нѣсколько видоизмѣняетъ это показаніе, именно онъ говоритъ, что в. к. Московскій можетъ всякій разъ, когда только пожелаетъ, собрать 60 или 70000 пѣхоты изъ

молодыхъ людей. Рязанское княжество, по словамъ Матвѣя Мѣховскаго, выставляетъ 15000 воиновъ изъ бояръ или дворянъ; Кампензе, приводя то же число всадниковъ изъ бояръ для Рязани, прибавляетъ, что изъ простолюдиновъ можно безъ всякаго труда набрать во всякое время вдвое или втрое болѣе сего числа. Мѣховскій, говоря о Тверскомъ княжествѣ, — къ которому онъ также причисляетъ княжества Холмское, Зубцовское и Клинское, — выставляетъ слѣдующія цифры: изъ Тверскаго княжества выходитъ на войну однихъ только дворянъ 40000, изъ Холмскаго 7000 воиновъ, изъ Зубцовскаго 4000, изъ Клинскаго 2000. Кампензе, ничего не говоря о Холмѣ, Зубцовѣ и Клинѣ, приводитъ для Тверскаго княжества ту же цифру всадниковъ изъ бояръ, т. е. 40000, но при этомъ прибавляетъ, что изъ простолюдиновъ можно въ случаѣ нужды набрать вдвое или втрое болѣе. Гваньини († 1614 г.) говоритъ, что Тверское княжество было когда-то богато и весьма обширно. Герберштейнъ, который былъ знакомъ съ сочиненіями Мѣховскаго и Кампензе (Гербершт. въ перев. Анон. 3), никакихъ цифръ касательно количества войска не приводитъ. (280)

II.

Княженіе Ярослава Ярославича. — Начало Тверскаго княжества. — Набѣгъ Литовцевъ. — Участіе Тверскаго князя въ борьбѣ Александра Невскаго и Андрея Суздальскаго. — Бѣгство Ярослава Ярославича. — Его пребываніе въ Новгородѣ. — Поѣздка Ярослава въ орду. — Возвращеніе Ярослава въ Тверь. — Его походъ къ Юрьеву. — Ярославъ на в. княжескомъ Владимірскомъ престолѣ. — Отношенія Ярослава къ Новгороду. — Легенда объ основаніи Отроча монастыря. — Характеръ дѣятельности перваго Тверскаго князя.

Тверское княжество образуется въ половинѣ XIII в., слѣдовательно спустя столѣтіе послѣ того, когда (со второй половины XII в.) на главную историческую сцену выступила сѣверная Русь вмѣсто южной Руси.

Тверь, какъ и ея соперница Москва, была раззорена Батыемъ. При этомъ Татарскомъ опустошеніи пострадала конечно не одна Тверь, но и весь Тверской край (281), такъ напр. лѣтопись упоминаетъ о Кашинѣ и Кснятинѣ, какъ о городахъ взятыхъ Татарами. (282) Первымъ самостоятельнымъ княземъ Твери былъ Ярославъ, одинъ изъ среднихъ сыновей в. князя Ярослава Всеволодовича. Когда же Тверь выдѣлилась въ особый удѣлъ и была отдана Ярославу? (283) На такой вопросъ въ лѣтописяхъ нѣтъ прямаго хронологическаго отвѣта, а потому можно только при помощи соображеній приблизительно опредѣлить, когда это случилось. По всей вѣроятности случилось это между 1241 и 1243 г. или въ который нибудь

изъ этихъ годовъ. Могло это быть въ 1241 г. когда Ярославъ Всеволодовичь, бывшій князь Переяславля Залѣсскаго, далъ сильно укрѣпленный (284) Переяславль Залѣсскій своему сыну Александру Невскому послѣ его ссоры съ Новгородомъ: (285) в. к. Ярославъ могъ въ этомъ же году надѣлить и другихъ своихъ сыновей удѣлами, въ томъ числѣ и Ярослава Тверью. Или в. к. Ярославъ, отдавши Переяславль Александру въ 1241 г., рѣшился раздать удѣлы другимъ сыновьямъ въ 1243 г. передъ своею первою поѣздкою въ орду (286) или тотчасъ же по возвращеніи изъ орды, когда Батый далъ ему старѣйшинство предъ всѣми князьями въ Русскомъ народѣ. (287) А можетъ быть Ярославъ Всеволодовичь роздалъ удѣлы и предъ своей вторичной поѣздкой въ орду, въ 1245 году.—Хотя въ лѣтописяхъ нѣтъ указанія на годъ распредѣленія удѣловъ между сыновьями Ярослава Всеволодовича, но за то сказано, что Святославъ Всеволодовичь въ 1247 г., преемникъ своего брата Ярослава Всеволодовича на великокняжескомъ престолѣ Владимірскомъ, утвердилъ своихъ племянниковъ на ихъ удѣлахъ, согласно съ волею своего брата. (288) Какую же роль играла Тверь съ своимъ первымъ княземъ въ началѣ своей самобытности.

Въ 1245 г. Тверь должна была подумать о своей защитѣ отъ набѣговъ Литвы. Въ этомъ году толпы Литовцевъ пограбили около Торжка, перешли р. Тверцу и прорвались до Бѣжецка; при этомъ они могли раззорить и Тверскую землю; во всякомъ случаѣ опасность грозила Тверскимъ границамъ, а потому Тверичи съ Дмитровцами, подъ начальствомъ своихъ воеводъ Яведа и Кербета, — заодно съ Ярославомъ Владиміровичемъ и его Новоторжцами, а также съ Александромъ Невскимъ и Новгородцами — выступили противъ Литовцевъ и разбили грабителей подъ Торопцемъ, причемъ отняли у нихъ весь полонъ. (289) Самъ Тверской князь не принималъ участія въ этомъ походѣ. Затруднительное и тревожное время настало для Твери и ея молодаго князя вскорѣ послѣ 1246 г. когда умеръ в. к. Ярославъ Всеволодовичь. Великій князь Владимірскій Святославъ Всеволодовичь, преемникъ своего брата Ярослава Всеволодовича, утвердилъ за своимъ племянникомъ Ярославомъ Тверь, точно такъ какъ за его братьями ихъ удѣлы. Младшій братъ Ярослава Ярославича, Михаилъ Хоробритъ, князь Московскій, отнялъ великое княженіе у своего дяди, Святослава Всеволодовича; но недолго пробылъ в. княземъ и въ томъ же году (1248) былъ убитъ въ походѣ на Литву. (290) Литовцы (можетъ быть мстя за походъ Михаиловъ) появились въ самомъ Тверскомъ княжествѣ у Зубцева; должно быть толпы Литовцевъ были велики, потому что Ярославъ Ярославичь не одинъ, а съ помощью своихъ братьевъ разбилъ ихъ у этого города.

Тверской князь не принималъ участія въ спорѣ своихъ родныхъ — брата съ дядею. Но не остался онъ безучастнымъ зрителемъ тотчасъ же начавшейся борьбы своихъ старшихъ братьевъ — Александра Невскаго и Андрея Суздальскаго. (291) Въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что немедленно по смерти Ми-

хаила Московскаго у Александра Невскаго и Андрея «быть имъ пря велія о великомъ княженіи, они же уложа ити во орду и пойдоша князи Александръ и Андрей и много стязанію бывшу». (292) Въ ордѣ такъ подѣлили соперниковъ: Александру отдали Кіевъ и Новгородъ, (причемъ Александръ удержалъ кромѣ того, какъ отчину, Переяславль Залѣсскій) а Андрею в. княженіе Владимірское въ 1249 г. (293) (Впрочемъ у Тат. прибавлено, что такъ было сдѣлано «по завѣту отца ихъ».) Такой дѣлежъ не примирилъ братьевъ. Андрей сталъ пріискивать средства какъ бы осилить своего старшаго брата, но только безъ помощи Татаръ, на которыхъ онъ, какъ видно, не надѣялся. Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ, женившись на его дочери въ 1250 г. (294) Даніилъ былъ тогда сильнѣйшимъ южнорусскимъ княземъ. Правда, что и онъ принужденъ былъ съѣздить на поклонъ къ Батыю, (295) но извѣстно, что хотя Даніилъ и побывалъ въ ордѣ, а все-таки думалъ о томъ, какъ бы навсегда раздѣлаться съ Татарами. (296) Сторону Андрея принимаетъ и его братъ Тверской князь Ярославъ Ярославичь. Хотя въ лѣтописи не говорится прямо, что Тверской князь былъ въ союзѣ съ Андреемъ, но такъ должно думать по ходу тогдашнихъ событій: одно время даже Тверской князь долженъ былъ раздѣлить горькую судьбу съ Андреемъ— оставить свою отчину Тверь, уйти въ другую землю и даже, какъ кажется, Ярославъ Ярославичь помышлялъ о томъ, чтобы бѣжать на чужбину, именно въ Швецію. Что же могло побудить Тверскаго князя дѣйствовать вмѣстѣ съ Андреемъ противъ старшаго брата? Неизвѣстно. Но безъ сомнѣнія они уговорились какъ подѣлить между собою земли въ случаѣ успѣха: это и могло склонить Ярослава на сторону Андрея. (*) Тверской князь думалъ достигнуть своей цѣли безъ поддержки Татаръ, но съ помощью Андрея (297), и — можетъ быть помышлялъ о томъ, чтобы въ союзѣ съ нимъ свергнуть Татарскую власть. Конечно, это было опрометчиво, но въ Ярославѣ Ярославичѣ можно допустить такой взглядъ; онъ также, подобно Даніилу Романовичу, позже другихъ князей съѣздилъ въ орду, да и то уже послѣ разныхъ несчастій. По крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ — въ однихъ подъ 1258 г., а въ другихъ подъ 1257 г. (298) въ первый разъ говорится о его поѣздкѣ въ орду, тогда какъ передъ этимъ годомъ перечислены многія поѣздки другихъ князей къ Татарамъ. Невольно бросается въ глаза одна общая черта у трехъ князей: Даніила Романовича, Андрея и Ярослава Ярославичей — это пренебреженіе къ Татарамъ, за что они всѣ трое поплатились и должны были раскаяться.

Между тѣмъ болѣзнь удерживала Александра Невскаго въ Новгородѣ (1251 г.). (299) Но какъ только онъ поправился, то поѣхалъ въ 1252 г. въ орду къ Батыеву сыну Сартаку жаловаться на брата Андрея и съумѣлъ затронуть интересы Татаръ: онъ ихъ увѣрялъ, что Андрей «выходы и тамги хану платить не спол-

(*) См. приложеніе № 1.

на.» (300) Конечно, тутъ много помогли Александру и деньги: вѣдь онъ живалъ въ богатомъ Новгородѣ. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи: ханъ далъ ему «старѣйшинство во всей братьи его» (301) и кромѣ того Татарскую рать подъ начальствомъ царевича Неврюя, князей Катіана и Алыбуги, которые и пошли на Андрея Ярославича и на всю землю Суздальскую, слѣдовательно и на Тверскую. Андрей Ярославичь узнавши о вторженіи Татаръ, сказалъ: Господи! долго ли намъ браниться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ сбѣжать въ чужую землю, нежели дружиться съ Татарами и имъ служить. (302) Между тѣмъ союзники, Андрей и Ярославъ Ярославичи, въ отсутствіе Александрово захватили Переяславль Залѣсскій, бывшій тогда сильною крѣпостью. Конечно, Андрей и Ярославъ знали, зачѣмъ Александръ отправился къ хану. Если не смотря на то союзники-братья собрали войска, то значитъ они намѣрены были драться не только съ Александромъ, но и съ Татарами. И силы братьевъ должны были быть значительны, если они захватили такую сильную крѣпость какъ Переяславль. На значительную рать Андрея и Ярослава также намекаетъ выраженіе лѣтописи, что Татары, перейдя Клязьму у Владиміра, шли къ Переяславлю «таящеся». Должно быть, надѣясь на твердость Переяславля, Тверской князь укрылъ въ немъ свое семейство отъ Татаръ. Вѣроятно, Тверь тогда была еще плохо укрѣплена. А можетъ быть Ярославъ, боясь нападенія на Тверь изъ сосѣднихъ Новгородскихъ владѣній, отправилъ свое семейство въ Переяславль. Эта борьба съ Невскимъ и его союзниками Татарами была первой попыткой открытаго противодѣйствія Татарамъ на сѣверѣ Россіи. У Переяславля былъ князь Андрей; Ярославъ же не былъ, но оставилъ брату вмѣсто себя своего воеводу Жидислава. Здѣсь подъ городомъ произошелъ упорный бой, въ которомъ Татары одержали верхъ. Андрей бѣжалъ сперва въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; затѣмъ въ Псковъ, гдѣ дождался своей супруги, и наконецъ въ Колывань (Ревель), а оттуда съ женой и своими боярами уѣхалъ въ Швецію, гдѣ нашелъ радушный пріемъ. (303) Татары же овладѣли Переяславлемъ, захватили и убили супругу Ярослава, его дѣтей увели въ плѣнъ и умертвили воеводу Жидислава; затѣмъ «людей много полониша, и много зла сотворивъ отъидоша.» (304) Лѣтопись не говоритъ о раззореніи именно Тверскаго княжества, но вообще отзывается, что Татары шли на всю Суздальскую землю, а потому должно полагать и въ Тверской области Татары много раззорили и много полона набрали. И такъ, попытка Тверскаго князя усилить себя на счетъ Александра вопреки Татарамъ кончилась полною неудачею: его воевода погибъ, жена убита, дѣти въ плѣну, а княжество раззорено. Александръ же пришелъ изъ орды во Владиміръ «со многою честію», встрѣченъ былъ митрополитомъ Кирилломъ и посаженъ на великомъ княженіи во Владимірѣ, а затѣмъ «воздвиже церькви по пленѣніи Невруеве.» (305) Ярославъ Ярославичь послѣ Переяславскаго пораженія, оставался еще около года въ своемъ

княжесттѣ, именно до 1254 г. Въ этомъ же году онъ убѣжалъ изъ Твери. Изъ лѣтописей не видно, что заставило такъ поступить Ярослава Ярославича: можетъ быть Александръ, выгнавши одного брата, захотѣлъ отнять удѣлъ и у другаго. Во всякомъ случаѣ причина должна была быть важная. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ именно убѣжалъ изъ своей отчины Твери, изъ Низовской земли въ Ладогу, гдѣ его приняли хорошо; (306) пріѣхалъ онъ въ Ладогу не одинъ, а со своими боярами. Если бы Ладожане сами звали его къ себѣ, то Ярославу не зачѣмъ было бы *бѣжать* изъ Твери и въ лѣтописяхъ не встрѣтилось бы такое выраженіе. Тверской князь опасался Александра и бѣжалъ въ Ладогу, впередъ не зная какъ его тамъ примутъ, тѣмъ болѣе, что въ Новгородѣ тогда княжилъ Василій, сынъ Александра Невскаго. Но въ Новгородѣ тогда уже были недовольны Василіемъ Александровичемъ, а потому Ладожане приняли бѣжавшаго князя хорошо, а въ слѣдъ затѣмъ, какъ мы увидимъ, Новгородцы перевели Ярослава сперва во Псковъ, а потомъ въ самый Новгородъ, изгнавши Василія. Да по всей вѣроятности цѣлью его окончательнаго бѣгства была не Ладога, а Швеція: Ярославъ могъ знать о ласковомъ пріемѣ своего брата Андрея въ Швеціи и рѣшился самъ уйти туда же чрезъ Ладогу и Финляндію. Вмѣстѣ съ Ярославомъ уѣхали и его бояре (подобно тому, какъ бояре Андреевы уѣхали съ Андреемъ). Бѣгство бояръ вмѣстѣ съ княземъ показываетъ, что бояре, одинаково съ княземъ, боялись какихъ либо насильственныхъ поступковъ со стороны Александра; вмѣстѣ съ тѣмъ это бѣгство бояръ намекаетъ на то, что всѣ прежнія дѣйствія Ярослава, — его союзъ съ Андреемъ и Даніиломъ, его возстаніе противъ Александра и враждебное отношеніе къ Татарамъ, — не были результатомъ только личной воли самого Ярослава, но зависѣли также и отъ бояръ: Тверской князь и его бояре были заодно, и вотъ теперь, при неблагопріятномъ поворотѣ обстоятельствъ, бояре бѣгутъ вмѣстѣ съ княземъ. Если бы Тверскіе бояре не принимали дѣятельнаго участія въ политикѣ своего князя, то конечно они не бѣгали бы по другимъ землямъ, а ушли бы на службу къ тому князю, который тогда одержалъ верхъ, т. е. къ Александру, что имъ было бы выгоднѣе. (307)

Тверской князь однако недолго пробылъ въ Ладогѣ. Въ Новгородѣ не всѣ тогда были довольны Василіемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго. Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи: сторону бо̀льшихъ и сторону мѐньшихъ. (308) Бо̀льшіе, какъ видно, были за кн. Василія, а мѐньшіе противъ него. Мѐньшіе хотѣли избавиться отъ Василія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ отца его Александра, будучи недовольны ими, конечно, по той же причинѣ, по которой и въ прежніе годы Новгородцы жаловались на Александра, т. е. по причинѣ его самовластія. Мѐньшіе хотѣли воспользоваться случаемъ и призвать въ Новгородъ на княженіе Ярослава, расчитывая разумѣется на то, что онъ не будетъ поступать такъ, какъ поступали Василій и его отецъ. Мѐньшіе въ то время одержали верхъ,

и на первый разъ выказали свое нерасположеніе къ Василію тѣмъ, что перевели Ярослава изъ Ладоги во Псковъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и въ самый Новгородъ, выгнавши князя Василія въ 1255 г. Однако призывъ новаго князя не примирилъ партій, а напротивъ мѐньшіе еще сильнѣе разошлись съ бо̀льшими, которымъ хотѣлось ввести князя на своей волѣ. Между тѣмъ Александръ шелъ къ Новгороду съ сыномъ своимъ Василіемъ и съ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Святославичемъ; къ нимъ присоединились и жители Торжка, сильнаго Новгородскаго пригорода. Такимъ образомъ, Ярославъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи: онъ видѣлъ, что въ Новгородѣ борьба партій, что онъ можетъ расчитывать только на сторону меньшихъ; зналъ, что къ Новгороду идетъ Александръ съ войскомъ, которое онъ могъ, въ случаѣ надобности, увеличить Татарами. Бороться тогда съ Александромъ было невозможно, и Тверской князь бѣжалъ — но куда, неизвѣстно. Новгородцы же примирились съ Александромъ и даже въ угоду ему смѣнили посадника Ананію, предводителя стороны мѐньшихъ, и сдѣлали посадникомъ Михаила Степановича (внукъ извѣстнаго Твердислава), сторонника бо̀льшихъ. (309) Навѣрно неизвѣстно, когда Ярославъ вернулся въ Тверь — въ 1255 или 1258 г. Можно предположить, что онъ вернулся въ Тверь въ 1255 г., потому что въ этомъ же году вернулся и Андрей Александровичь изъ Швеціи. (310) Между тѣмъ при новомъ ханѣ, Берге или Берке, братѣ Батыя, происходила въ 1257 г. перепись жителямъ Россіи. (311) Пріѣхали численники изъ Татаръ, и изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставили десятниковъ, и сотниковъ, и тысящниковъ, и темниковъ «точію не чтоша архимаритовъ, и игуменовъ, и иноковъ, и поповъ, и дьяконовъ, и крылошанъ, и всего причета церковнаго, кто зритъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, и водворяется въ дому Господни, и служитъ Божиимъ церквамъ.» (312) Только послѣ этой переписи, поѣхалъ въ 1258 г. князь Ярославъ въ орду, гдѣ онъ до сихъ поръ не бывалъ. (313) Поѣхалъ въ орду онъ вмѣстѣ съ двумя братьями, Александромъ и Андреемъ, и съ двоюроднымъ племянникомъ княземъ Борисомъ Ростовскимъ. (314) Въ ордѣ Тверской князь былъ принятъ хорошо, отпущенъ «со многою честію на Русь» и вернулся въ свою отчину Тверь. (315) Только теперь смирился князь Тверской передъ ханомъ и примирился съ Татарами. Вѣроятно, теперь же Ярославъ вывезъ изъ ордынскаго плѣна и своихъ дѣтей. Татары послѣ второй переписи при ханѣ Берке, какъ видно, стали сильнѣе угнетать Русскихъ чѣмъ прежде. (316) Было большое насиліе отъ Татаръ, говоритъ лѣтописецъ; имъ помогали и нѣкоторые Русскіе: богатые откупали дани отъ Татаръ и «корыстовахуся сами»; бѣдные должны были занимать деньги у богатыхъ, чтобы выплатить дань; богачи брали большіе проценты, (317) которыхъ бѣдные не въ состояніи были выплатить и должны были за то работать на богатыхъ, должно быть шли въ кабалу. (318) Особенно своими притѣсненіями въ то время отличался въ Ярославлѣ какой-то

отступникъ Изосимъ, бывшій чернецъ, который въ угоду Татарскому баскаку оставилъ Христіанство. Народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія и не хотѣлъ болѣе сносить произвола грабителей: въ 1262 г. онъ возсталъ и Татарскихъ сборщиковъ дани — однихъ выгналъ, а другихъ убилъ, при чемъ погибъ и отступникъ Изосимъ. При этомъ погромѣ нѣкоторые изъ Татаръ приняли Крещеніе. (319) Въ однихъ лѣтописяхъ сказано, что такое возстаніе случилось въ Ростовской землѣ и Татары были выгнаны изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля (320); но есть также извѣстіе, что Татарскіе сборщики дани были выгнаны изо всѣхъ городовъ. (321) Нельзя думать, чтобы положеніе Твери относительно платежа дани было выгоднѣе положенія городовъ въ другихъ княжествахъ, а потому по всей вѣроятности и въ Тверской землѣ съ притѣснителями было поступлено также, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ это же время (1262 г.) въ Новгородѣ, гдѣ княжилъ тогда Дмитрій Александровичь, готовились къ походу на Нѣмцевъ. Самъ Александръ послалъ Ярослава Тверскаго на помощь Новгородцамъ, и послѣдній не смѣлъ ослушаться старшаго брата, в. князя. (322) Дмитрій и Новгородцы съ Ярославомъ Тверскимъ и другими князьями пошли къ сильно укрѣпленному Юрьеву, взяли городъ, раззорили его, набрали много полону и всякаго товара и ушли назадъ.

Самъ же Александръ Невскій поѣхалъ въ орду, гдѣ весьма неблагопріятно взглянули на возстаніе противъ сборщиковъ дани и готовились послать войско на Русскую землю. Александръ успѣлъ умилостивить хана и остановить Татарскія полчища, (323) но во время этой поѣздки онъ умеръ въ Ноябрѣ 1263 г.

Смерть Невскаго открыла князю Тверскому путь къ в. княжескому Владимірскому престолу; однако онъ сперва долженъ былъ выдержать споръ со своимъ старшимъ братомъ Андреемъ Суздальскимъ, уже бывшимъ прежде в. княземъ Владимірскимъ. Прежніе союзники теперь заспорили, но сами своими средствами не вступили въ открытую борьбу другъ съ другомъ. Тогда уже орда располагала престолами князей. Андрей и Ярославъ положили отдать свой споръ на рѣшеніе Татаръ, своихъ прежнихъ гонителей. Они послали пословъ въ орду къ хану Берке, но послѣдній потребовалъ къ себѣ самого Ярослава. Ярославъ пробылъ въ ордѣ до Августа мѣсяца и вернулся оттуда съ Ханскимъ посломъ Жанибекомъ и ярлыкомъ на в. княженіе. (324) Не знаемъ, почему ханъ потребовалъ одного Ярослава и затѣмъ предпочелъ его Андрею. Прежде оба брата одинаково прогнѣвали Татаръ, а потомъ Андрей успѣлъ побывать въ ордѣ раньше Ярослава. Можетъ быть и посолъ Тверской, и самъ Ярославъ успѣли задарить въ ордѣ всѣхъ кого нужно и такимъ образомъ выиграли дѣло. Какъ бы то ни было, но Ярославъ одержалъ верхъ надъ Андреемъ, который вскорѣ и умеръ въ 1264 г.

Теперь Ярославъ могъ располагать силами Твери и Владиміра,

а въ случаѣ надобности призвать и Татаръ на помощь. Теперь все вниманіе в. к. Ярослава Тверскаго обращается на Новгородъ; Ярославъ, подобно другимъ в. князьямъ, старается усилиться на счетъ этого города. Въ слѣдъ за вступленіемъ на в. княжескій престолъ Ярослава, въ Новгородѣ произошла перемѣна: Новгородцы изгнали своего князя Дмитрія Александровича и призвали къ себѣ Ярослава Ярославича, (325) когда-то у нихъ прежде княжившаго по ихъ выбору (благодаря партіи меньшихъ). Можетъ быть Новгородцы были недовольны своимъ прежнимъ княземъ, а можетъ быть они выгнали его потому, чтобы избѣжать ссоры съ новымъ в. княземъ: тогда уже былъ такой обычай, что в. княземъ Новгородскимъ дѣлается тотъ, кто именуется в. к. Владимірскимъ. Если бы Новгородцы не выгнали Дмитрія, то самъ Ярославъ потребовалъ бы его удаленія. Впрочемъ лѣтописецъ по этому поводу замѣчаетъ: «выгнаша Новгородци князя Дмитрія Александровича, сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ, зане князь еще малъ бяше.» (326) Удаливши Дмитрія, Новгородцы послали въ Тверь сына посадничьяго и лучшихъ бояръ звать къ себѣ Ярослава. Посольство привезло въ Тверь и грамоту, на какихъ условіяхъ Ярославъ долженъ княжить въ Новгородѣ. Эта грамота писана при посадникѣ Михаилѣ и тысяцкомъ Кондратѣ, и есть первая подобнаго рода Новгородская грамота, дошедшая до нашего времени. (327) Въ началѣ грамоты говорится, чтобы Ярославъ цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, на чемъ цѣловали его дѣды, и отцы, и его отецъ Ярославъ, и чтобы онъ держалъ Новгородъ по старинѣ, по пошлинѣ. Затѣмъ кромѣ обыкновенныхъ условій, ограничивающихъ власть князя въ Новгородѣ, слѣдуютъ условія касательно княжескихъ доходовъ и охоты. Такъ сказано, 1) что Ярославъ можетъ въ Торжкѣ и Волокѣ держать тіуна на своей части, а Новгородцы будутъ держать на своей; къ Бѣжичанамъ и къ Обонежанамъ князь не могъ посылать судей въ теченіе 3 лѣтъ, такъ какъ князь Дмитрій съ Новгородцами отдали имъ судъ на этотъ срокъ; князь не могъ пересуживать грамотъ, т. е. перевершать рѣшенныя дѣла. 2) въ Русу князь могъ ѣздить осенью, а не лѣтомъ; могъ ѣздить на Озвадо бить звѣрей; въ Ладогу могъ посылать осетринника и медовара какъ сказано въ грамотѣ его отца Ярослава. 3) съ купцевъ Новгородскихъ въ Тверской и Суздальской землѣ князь могъ брать мытъ по двѣ векши съ ладьи, и по столько же съ воза, и со льна, и съ короба хмѣли. (328) Кромѣ того Новгородцы, наученные опытомъ, потребовали этою же грамотою отъ Ярослава, чтобы онъ не дѣлалъ въ Новгородѣ такого же насилія, какъ его братъ Александръ. Но въ томъ же году, и должно быть въ Твери же, Ярославъ долженъ былъ цѣловать крестъ и на другой грамотѣ, писанной при томъ же посадникѣ и тысяцкомъ. (329) Эта грамота мало чѣмъ отличается отъ первой; въ ней существенны прибавленія касательно торговыхъ пошлинъ и охоты; то и другое въ этой грамотѣ опредѣлено нѣсколько точнѣе. Касательно торговыхъ пошлинъ сказано, что князь можетъ брать по двѣ векши съ воза и

съ короба химли какъ съ Новгородца, такъ и съ Новоторжца: можетъ быть прежніе князья, имѣя своего тіуна въ Торжкѣ на своей части, дѣлали попытки брать съ Новоторжцевъ болѣе чѣмъ съ Новгородцевъ, а можетъ быть наоборотъ — князья желая склонить на свою сторону Торжекъ, иногда не ладившій съ Новгородомъ, брали съ Новоторжцевъ менѣе нежели съ Новгородцевъ. Касательно же охоты сказано такъ: свиней (кабановъ) бить за 60 верстъ отъ Новгорода; на охоту на Озвадо ѣздить лѣтомъ, а въ Русу на третью зиму, въ Ладогу же на третье лѣто; въ Ладогу можно посылать осетринника по грамотѣ его отца. Должно быть Ярославъ Ярославичъ былъ страстный охотникъ, если въ новой грамотѣ было обращено большое вниманіе на охоту. А въ тѣ времена охота составляла любимую потѣху князей. Князья отправлялись на охоту на долгое время, забирали съ собою женъ и дружину; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ. (330) Продолжительная и частая охота съ большими толпами ловчихъ могла быть разорительна для жителей, а потому Новгородцы и постарались оградить себя, выговоривши гдѣ и когда князь можетъ охотиться. (331) Ярославъ согласился на обѣ грамоты и поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ большею честью и посаженъ на княжескомъ столѣ (по нынѣшнему счету 27 Янв. 1266). (332) Его сынъ Святославъ началъ княжить во Псковѣ. Тогда же въ Новгородѣ Ярославъ Ярославичъ вступилъ во второй бракъ, женившись на Ксеніи, дочери Юрья Михайловича. (333) Ярославъ по видимому хотѣлъ польстить Новгороду, женившись на одной изъ его жительницъ; притомъ вступая въ бракъ съ дочерью боярина, князь этимъ самымъ могъ тѣснѣе связать съ собою интересы одного изъ боярскихъ домовъ, стало быть интересы партіи бо̀льшихъ. Недолго онъ однако нажилъ въ мирѣ съ Новгородомъ.

Въ слѣдующемъ году онъ едва не разошелся съ Новгородомъ изъ-за князя Довмонта. Тогда въ Литвѣ, по убіеніи князя Миндовга, начались сильныя междоусобія, отъ которыхъ бѣжали многіе Литовцы. Около 300 Литовцевъ бѣжало во Псковъ съ женами и дѣтьми. Новгородцы хотѣли ихъ избить, но Ярославъ не допустилъ до этого; сынъ его Святославъ крестилъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ. Псковичи даже сдѣлали своимъ княземъ Довмонта, одного изъ бѣглыхъ Литовскихъ князей, вскорѣ прославившагося своими подвигами и сдѣлавшагося любимымъ княземъ Псковитянъ. Ярославу Ярославичу не понравилось такое предпочтеніе Довмонта Святославу. Ярославъ изъ Владиміра пришелъ въ Новгородъ съ большимъ войскомъ, чтобы идти на Псковъ. (334) Но Новгородцы до этого не допустили. Они сказали ему: «князь, прежде чѣмъ идти на Псковъ, перевѣдайся съ нами.» Князь не ожидалъ такой помѣхи и отослалъ свои полки назадъ, а вскорѣ и самъ уѣхалъ, оставивъ въ Новгородѣ своего племянника Юрія Андреевича. (335) Съ этимъ княземъ Новгородцы въ 1268 г. ходили за Нарову на

Датчанъ къ Раковору (Везенбергъ), землю опустошили, но города не взяли и вернулись назадъ. (336) Они задумали повторить походъ въ томъ же году, но только съ бо́льшими силами. Новгородцы послали просить помощи у Дмитрія Александровича Переяславскаго и у в. к. Ярослава. Ярославъ на помощь Новгородцамъ послалъ не только своихъ сыновей, Святослава и Михаила, съ полками, но кромѣ того еще нѣкоторыхъ другихъ князей. Въ Новгородѣ отыскали стѣнобитныхъ мастеровъ и начали на владычнемъ дворѣ чинить стѣнобитныя ма́шины. Когда Ливонскіе Нѣмцы узнали о такихъ приготовленіяхъ, то прислали сказать Новгородцамъ: «у насъ съ вами миръ, перемогайтеся съ Колыванцами и Раковорцами, мы къ нимъ не пристаемъ, на томъ и крестъ цѣлуемъ.» Послѣ такого клятвеннаго договора съ Нѣмцами, Новгородцы выступили въ походъ вмѣстѣ съ союзными князьями, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонтъ Псковскій. Они все опустошили по дорогѣ къ Раковору, и наконецъ подъ этимъ городомъ произошла знаменитая Раковорская битва, въ которой они должны были имѣть дѣло и съ Нѣмцами, обманувшими ихъ и нарушившими клятву. Новгородцы выиграли битву, преслѣдовали враговъ 7 верстъ, но и сами понесли большія потери: многіе были убиты, въ томъ числѣ посадникъ Михаилъ, многіе безъ вѣсти пропали, напр. тысяцкій Кондратъ (когда-то ѣздившій звать Ярослава въ Новгородъ). Князь же Юрій въ этой битвѣ «вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть.» (337)

Вернувшись изъ похода, Новгородцы вмѣсто убитаго посадника выбрали новаго — Павшу, сына того Ананьи, который когда-то былъ во главѣ ме́ньшихъ, призвавшихъ Ярослава (въ 1255 г.). Мѣсто же тысяцкаго осталось незанятымъ, ибо думали, что Кондратъ можетъ быть спасся отъ смерти и вскорѣ вернется. Новгородцы еще не примирились окончательно съ Нѣмцами. Въ Новгородѣ сдѣлался мятежъ: одни полагали, что только в. к. Ярославъ можетъ примирить съ Нѣмцами и что безъ него обойтись нельзя, и потому хотѣли послать за нимъ во Владиміръ; другіе же были противъ этого. Ярославъ Ярославичъ хотѣлъ отнять должности у нѣкоторыхъ бояръ, на поддержку которыхъ онъ не могъ расчитывать, и замѣстить ихъ своими сторонниками. Онъ думалъ, что Новгородцы все сдѣлаютъ по его желанію, потому что онъ имъ много помогъ въ походѣ на Раковоръ, да притомъ и тогда еще они въ немъ сильно нуждались. Великій князь полагалъ, что для такого удаленія непріязненныхъ ему лицъ было тогда самое удобное время. Въ 1269 г. онъ пріѣхалъ въ Новгородъ и сталъ жаловаться на Жирослава Давыдовича, на Михаила Мишинича, на Юрія Сбыславича; онъ требовалъ, чтобы у нихъ была отнята власть на томъ основаніи, что будто бы они поссорили Новгородъ съ Нѣмцами. Новгородцы не соглашались на это, но вмѣстѣ съ тѣмъ просили князя не гнѣваться на нихъ и отъ нихъ не уѣзжать, потому что они еще не примирились съ Нѣмцами. На это-то князь конечно и расчитывалъ; онъ хотѣлъ запугать вѣче и выѣхалъ изъ города,

Новгородцы послали за нимъ владыку съ лучшими мужами, которые и догнали его въ Бронницахъ. Князь вернулся, но за то Новгородцы на вакантное мѣсто тысяцкаго выбрали Ратибора Клуксовича, одного изъ его сторонниковъ. Въ тотъ же годъ, зимою, Ярославъ помогъ Новгородцамъ заключить миръ съ Нѣмцами. Онъ велѣлъ сыну своему Святославу привести въ Новгородъ низовые полки; призвалъ также и Татаръ, которые пришли подъ начальствомъ «великаго баскака Владимірскаго Амрагана» и его зятя Айдара. Ярославъ хотѣлъ идти на Колывань, но Нѣмцы испугались и прислали сказать: «кланяемся на всей волѣ вашей, отступаемся всей Наровы, только крови не проливайте.» Былъ заключенъ миръ на всей волѣ Новгородской. Князь хотѣлъ было пойти пограбить Корелу, но Новгородцы отклонили его отъ этого, потому что считали Корелу за своихъ. Князь согласился и отослалъ свои и Татарскіе полки; самъ же остался въ Новгородѣ.

Борьба съ Нѣмцами была окончена успѣшно благодаря Ярославу. Самъ Ярославъ думалъ, что Новгородъ безъ него обойтись не можетъ. Онъ показалъ Новгороду, что и самъ онъ въ случаѣ надобности можетъ собрать большіе полки, да и Татары придутъ къ нему немедленно на помощь. Посадникомъ былъ Павша Ананьевичь, а тысяцкимъ его любимецъ Ратиборъ. Ярославъ полагалъ, что Новгородъ теперь ему сопротивляться не будетъ, да и не въ состояніи. И вотъ теперь Ярославъ началъ въ Новгородѣ поступать самовластно, подобно своему отцу и брату Александру.

Ярославъ самовольно захватилъ дворъ какого-то Алексы Морткинича; взялъ деньги у Никифора Манускинича, Романа Болдыжевича и Варѳоломея; отнялъ нѣкоторыя вотчины у храма Св. Софіи; сталъ перевершать прежнія грамоты; захватилъ грамоту своего отца Ярослава касательно посылки осетринника и медовара въ Ладогу; захватилъ Новгородскихъ купцевъ въ Костромѣ и другихъ городахъ; сталъ вмѣшиваться въ Нѣмецкую торговлю въ Новгородѣ и такимъ образомъ ее стѣснять; его «гогольные» ловцы мѣшали судоходству по Волхову. Княжескіе любимцы, расчитывая на его поддержку, также стали тѣснить народъ.

Новгородцы не могли выносить такихъ притѣсненій. Народъ возсталъ въ 1270 г. и собрался на вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Убили какого-то Иванка, хотѣли добраться и до другихъ княжескихъ сторонниковъ и совѣтниковъ. Нѣкоторые скрылись въ церкви Св. Николая, а другіе съ тысяцкимъ Ратиборомъ и какимъ-то Гаврилой Кіяниновымъ убѣжали къ князю на Городище. Народъ не успѣлъ ихъ схватить, но за то разорилъ и разграбилъ ихъ дома. Къ самому же князю народъ послалъ грамоту, въ которой были прописаны всѣ его вины: «зачѣмъ отнялъ Волховъ гогольными, а поле заячьими ловцами? зачѣмъ взялъ дворъ Алексы Морткинича? зачѣмъ взялъ серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, и на Романѣ Болдыжевичѣ, и на Варѳоломеѣ? зачѣмъ выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ? и зачѣмъ дѣлаешь многое другое незаконное? а теперь, князь, мы не можемъ терпѣть твоего насилія,

поѣзжай отъ насъ, а мы себѣ князя промислимъ.» Когда князь увидѣлъ такое рѣшительное возстаніе, то сталъ дѣлать уступки. Онъ послалъ на вѣче сына Святослава и своего тысяцкаго Андрея Воротиславича (послалъ Святослава и *тысяцкого* своего Андрѣя Воротиславича. Ник. III, 50) сказать, что онъ отступается отъ всего того, въ чемъ его обвиняютъ, и даже готовъ цѣловать крестъ на всей волѣ Новгородской. Уступить сейчасъ же князю — значило дать ему возможность повторить въ другой разъ подобные же поступки, а между тѣмъ при князѣ не было войска, которое могло бы грозить Новгородцамъ, а потому послѣдніе стояли на своемъ: «князь, поѣзжай прочь, не хотимъ тебя, говорили они, а не то всѣмъ Новгородомъ пойдемъ прогнать тебя.» Дѣлать было нечего. При видѣ такого единодушія со стороны народа, князь увидѣлъ свою слабость, малое число своихъ приверженцевъ, и выѣхалъ изъ города по неволѣ.

Новгородцы стали звать къ себѣ Дмитрія Переяславскаго, но тотъ не рѣшился идти противъ в. князя, а потому прислалъ сказать Новгородцамъ, что онъ не хочетъ взять стола предъ дядею. «И быша Новгородци печални,» замѣчено въ лѣтописи.

Между тѣмъ Ярославъ во Владимірѣ готовился къ походу на Новгородъ: къ нему пришли на помощь Дмитрій Переяславскій и Глѣбъ Смоленскій со своими полками. Кромѣ того Ярославъ сталъ просить войска у Татаръ и чтобы вѣрнѣе въ этомъ успѣть, онъ хотѣлъ оклеветать Новгородцевъ предъ ханомъ. Его любимецъ Ратиборъ Клуксовичь, ушедшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Новгорода, поѣхалъ въ орду и по приказанію князя такъ говорилъ хану Менгу-Тимуру, премнику Берке: «Новгородцы тебя не слушаютъ, мы дани просили для тебя, а они насъ выгнали, иныхъ избили, наши дома разграбили и Ярослава безчествовали.» (338) Ханъ также послалъ на Новгородъ Татарскую рать. Положеніе Новгорода было затруднительное. Но они нашли себѣ защитника тамъ, гдѣ можетъ быть и не ожидали, именно въ лицѣ брата Ярославова, Василіи Мезинномъ, князѣ Костромскомъ. Костромскому князю невыгодно было усиленіе Твери, одного изъ близкихъ княжествъ. Тверской князь былъ и в. к. Владимірскимъ. Если бы Тверской князь подчинилъ себѣ Новгородъ, то что могло бы помѣшать ему захватить и Костромское княжество. Притомъ же Ярославъ недавно поступилъ насильственно и въ самой Костромѣ, велѣвши тамъ захватить Новгородскихъ купцевъ. Теперь представился случай Василію и отплатить Ярославу за обиду, и его ослабить, вмѣшавшись въ Новгородскія дѣла, да кстати и расположить Новгородцевъ въ свою пользу, прикинувшись ихъ доброжелателемъ. Въ Новгородъ онъ послалъ своихъ пословъ, которые на вѣчѣ отъ имени своего князя сказали: «кланяюсь святой Софіи и мужамъ Новгородцамъ; слышалъ, что Ярославъ, Дмитрій и Глѣбъ идутъ на Новгородъ со всею силою своею; жаль мнѣ своей отчины.» Самъ же поѣхалъ въ орду (339) и объяснилъ хану, что Новгородцы правы, а на оборотъ Ярославъ виноватъ. Ханъ вернулъ свои войска, но

оставилъ при Ярославѣ своихъ пословъ, Чевгу и Баиши, конечно для наблюденія за ходомъ дѣлъ, впрочемъ далъ имъ свой ярлыкъ, т. е. грамоту. Такимъ образомъ Ярославъ получилъ отъ хана не помощь, а какихъ-то надсмотрщиковъ за своими поступками. Новгородцы между тѣмъ укрѣпили городъ острогомъ по обѣ стороны, а имѣніе свое ввезли въ городъ (а товаръ въвозиша въ городъ). Весь Новгородъ отъ мала до велика вооружился. Къ Новгороду пришли на помощь Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане. (340) Все Новгородское ополченіе двинулось къ Городищу, и стояло два дня — пѣшіе за Жилотугомъ, а конные за Городищемъ. Ярославъ пошелъ было прямо къ Новгороду, но, при видѣ Новгородскихъ полковъ, отступилъ къ Русѣ, а въ Новгородъ на вѣче послалъ (341) сказать: «отказываюсь отъ всего того, за что вы меня не взлюбили; всѣ князья въ томъ поручатся за меня.» Но Новгородцы видѣли свою силу и не шли на мировую, а къ в. князю послали Лазаря Моисѣевича сказать: «князь, ты задумалъ на Св. Софію; уѣзжай, или мы честно умремъ за Св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но Богъ, и правда, и Св. Софья, а тебя не хотимъ.» Все Новгородское ополченіе двинулось на Голино, (342) гдѣ и стало на бродѣ не доходя Русы. Цѣлую недѣлю стояли Новгородцы на одномъ берегу, а Ярославъ на другомъ. Ни та, ни другая сторона не рѣшалась первая начать битву. Вся Новгородская волость встала какъ одинъ человѣкъ, а Татары къ Ярославу не пришли. Тогда Ярославъ рѣшился дѣйствовать другимъ оружіемъ, которое было подѣйствительнѣе всякихъ Татарскихъ ратей и Ханскихъ ярлыковъ. Онъ обратился къ духовной власти митрополита (Кирилла II). Духовная власть по самому свойству своему должна была заботиться о мирѣ. Въ послѣдствіе времени духовная власть много и успѣшно помогала Москвѣ, а на этотъ разъ такую же дѣйствительную поддержку оказала Тверскому князю. Митрополитъ прислалъ въ Новгородъ слѣдующую грамоту: «мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русской землѣ, вы должны слушаться Бога и меня; вы крови не проливайте, а Ярославъ перестанетъ гнѣваться («а Ярославъ всей злобы лишается»); я въ томъ ручаюся; если вы даже и крестъ цѣловали (не мириться съ Ярославомъ), то я принимаю эпитемью на себя и отвѣчаю за то предъ Богомъ.» (343) Въ случаѣ же непослушанія Новгородцевъ, митрополитъ въ концѣ грамоты грозилъ наложить запрещеніе на Новгородцевъ, на своихъ духовныхъ сыновъ. Митрополичья грамота поразила Новгородцевъ: они боялись поссориться съ духовною властью и тѣмъ навлечь на себя гнѣвъ Божій. И потому, когда Ярославъ теперь послалъ въ Новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы отступились отъ своего прежняго слова — не принимать его княземъ. Теперь обѣ стороны сдѣлали уступку. Новгородъ призналъ его опять своимъ княземъ, но за то заключилъ миръ на всей своей волѣ, въ чемъ Ярославъ цѣловалъ крестъ.

Ярославъ долженъ былъ тогда же цѣловать крестъ на новую грамоту, по которой онъ обѣщалъ держать Новгородъ въ старинѣ,

по пошлинѣ. Въ этой грамотѣ между прочимъ было сказано, что Ярославъ долженъ отдать назадъ отцовскую грамоту о посылкѣ осетринника и медовара въ Ладогу; долженъ посуженныя грамоты отнять, а старыя оправить; въ Нѣмецкомъ дворѣ торговать чрезъ Новгородцевъ, а двора Нѣмецкаго не затворять, и приставовъ не приставлять; возвратить село Св. Софiи; захваченныхъ Новгородскихъ купцевъ въ Костромѣ и другихъ городахъ отпустить съ товаромъ; освободить плѣнныхъ; не мѣшать торговать Новгородскимъ купцамъ по Суздальской землѣ, чтобъ имъ было безъ рубежа, т. е. безъ задержки по ханской грамотѣ, которую Новгородцы успѣли выправить себѣ въ ордѣ. (344)

Послѣ крестнаго цѣлованiя со стороны князя, онъ былъ посаженъ на престолъ Новгородцами и Татарскими послами. Зимою в. князь возвратился во Владимiръ, оставивши въ Новгородѣ своимъ намѣстникомъ Андрея Воротиславича, а во Псковѣ посадилъ почему-то какого-то Литовскаго князя Айгуста, хотя былъ тамъ Довмонтъ.

Такимъ образомъ Ярославъ хотя и не подчинилъ Новгородъ своей волѣ, но за то и не допустилъ Василiя Костромскаго сдѣлаться тамошнимъ княземъ. Ярославъ одно время даже могъ опасаться, что Татары помогутъ его младшему брату. (345) Кажется, в. князь Ярославъ хотѣлъ въ ордѣ судиться со своимъ братомъ Василiемъ Костромскимъ; по крайней мѣрѣ въ 1271 г. онъ поѣхалъ къ хану съ Василiемъ и съ племянникомъ Дмитрiемъ Александровичемъ Переяславскимъ, но неизвѣстно, что произошло у нихъ въ ордѣ. Въ томъ же году на обратномъ пути изъ орды онъ умеръ, привезенъ въ Тверь и погребенъ въ церкви Св. Козьмы и Демiана епископомъ Тверскимъ Симеономъ. (346)

Ярославъ Ярославичь, какъ мы выше видѣли, вступилъ во второй бракъ съ Ксенiей, дочерью одного Новгородца. (Его первая супруга была убита Татарами, о чемъ сказано было раньше.) Съ именемъ Ксенiи народное преданiе (вѣрнѣе вымыселъ какого нибудь книжника) соединяетъ разсказъ объ основанiи Тверскаго Отроча Успенскаго монастыря; въ этомъ разсказѣ говорится также и о происхожденiи названiя Отроча монастыря. При первомъ Тверскомъ князѣ была образована Тверская епископiя: ко времени же перваго Тверскаго князя преданiе относитъ и основанiе знаменитаго Тверскаго монастыря — Отроча. У Кар. (IV, пр. 118, взято изъ одного рукописнаго житiя благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго, сына Ксенiина) разсказывается слѣдующее: «юный Ярославъ, ловя звѣрей на берегу Волги, долженъ былъ ночевать близъ села Едимонова, гдѣ жила Ксенiя, добродѣтельная и прекрасная дочь одного церковнаго причетника, именемъ Аѳанасiя, помолвленная тогда за Княжескаго отрока и любимца, Григорiя. Въ сiю ночь Ярославъ и Ксенiя видѣли во снѣ, что Богу угодно сочетать ихъ бракомъ. Первый еще не понялъ того и на другой день изъ любопытства захотѣлъ войти въ домъ къ Аѳанасiю, желая узнать Григорiеву невѣсту. Тамъ уже все готовилось къ свадебному пирше-

ству; но Ксенія, вѣря сновидѣнію, говорила своимъ подругамъ: «любимецъ жениха моего здѣсь; скоро онъ будетъ и самъ.» Подруги не разумѣли ея словъ; ибо Григорій сидѣлъ рядомъ съ невѣстою, и никто не думалъ объ иномъ женихѣ. Князь явился въ простой одеждѣ: красавица узнала его, и сказала окружающимъ: «воздайте честь нашему Государю!» Хозяинъ и гости изумились. Ярославъ взглянулъ на Ксенію, вспомнилъ сонъ, и велѣвъ Григорію искать другой невѣсты, повелъ суженую въ церковь; обвѣнчался и далъ пиръ всѣмъ жителямъ села Едимонова. Одинъ бѣдный Григорій тосковалъ и плакалъ; возненавидѣлъ свѣтъ, постригся, и съ дозволенія Княжескаго основалъ въ Твери богатый монастырь, называемый *Отрочь.*» У Щекатова (Слов. геогр. II, 341) приводится этотъ разсказъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: говорится, что Ксенія и Григорій были уже въ церкви, когда улетѣвшій соколъ привелъ въ нее князя и т. д. Вѣроятно на основаніи этого разсказа и на основаніи года втораго брака князя Ярослава, нѣкоторие (напр. Щек. въ своемъ словарѣ IV, отд. I, стр. 951) относятъ основаніе Отроча монастыря къ 1265 г., тогда какъ его имя въ лѣтописяхъ встрѣчается, какъ мы видѣли, гораздо раньше. Еще Карамзинъ хотя и сообщалъ этотъ разсказъ, но ему не вѣрилъ. Въ Твер. губ. вѣд. 1865 г. (№ 36) была напечатана довольно распространенная повѣсть поддѣльнымъ стариннымъ языкомъ: *«о зачатіи во градѣ Тфери Отроча монастыря»*. (347) Тамъ же (№ 38) неизвѣстный авторъ, опровергая легенду о построеніи Отроча монастыря, приводитъ нѣкоторые анахронизмы этого разсказа, напр. 1) въ сказаніи говорится, что Ксенія (изъ Едимонова) была первая супруга Ярослава, между тѣмъ изъ лѣтописей видно, что первая супруга Ярослава убита въ Неврюево нашествіе; 2) извѣстно, что во второе супружество Ярославъ вступилъ съ Ксеніею, дочерью Новгородца Юрія Михайловича; 3) Св. Петръ Митрополитъ, упоминаемый въ сказаніи, сдѣлался митрополитомъ въ 1308 г., слѣдовательно лѣтъ чрезъ 36 послѣ смерти Ярослава Ярославича.

О происхожденіи названія Отроча монастыря есть другое объясненіе. «Народное же преданіе производитъ названіе Отроча монастыря отъ бывшаго на этомъ мѣстѣ замка (дѣтинца), въ которомъ жили княжескіе отроки или дѣти обязанные защищать укрѣпленіе.» (348) Если возможно производство слова *дѣтинецъ* отъ *дѣтскій*, (349) слова обозначавшаго младшаго члена дружины, то можно производить и названіе монастыря *Отрочимъ* отъ слова *отрокъ*, которое до конца XI в. употреблялось чаще нежели названіе *дѣтскій*. (350) И отроками, и дѣтскими назывались младшіе члены дружины. Можно допустить, что въ укрѣпленіи, построенномъ при впаденіи р. Тверцы въ Волгу, ставились гарнизономъ отроки, названіе которыхъ и перешло на монастырь, возникшій на мѣстѣ прежде бывшаго укрѣпленія или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ.

Что же касается до самой княгини Ксеніи, то мѣстные жители

почитают память Ксеніи, как молитвенницы за родину. (351) Лѣтописи Ксенію называютъ премудрою, блаженною, преподобною, святою (352), чѣмъ конечно желаютъ охарактеризировать ее какъ женщину подвижнической, высоконравственной жизни. Она преставилась въ 1312 г. въ иноческомъ чину и въ схимѣ съ именемъ Маріи и погребена въ Твери. (353)

Какую же можно сдѣлать оцѣнку дѣятельности перваго Тверскаго князя? Соловьевъ въ III т. стр. 205 дѣлаетъ такую замѣтку о характерѣ дѣятельности перваго Тверскаго князя: «при стремленіи каждаго Великаго князя усилить свое собственное княжество, при чемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій — усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси, выпалъ сперва Твери, но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василія воспрепятствовали усиленію Твери.» Едва ли можно первому Тверскому князю виною его неудачь поставить недостатокъ твердости, а не тогдашнія обстоятельства. Ярославъ былъ даже до опрометчивости смѣлъ: это видно и изъ того, что онъ долго не ѣхалъ къ Татарамъ, и изъ того, что онъ былъ заодно съ Андреемъ и кажется даже съ Даніиломъ, стало быть шелъ противъ Татаръ; въ Новгородѣ онъ рѣшился поступать также самовластно (быть можетъ даже самовластнѣе) какъ его отецъ и братъ; хотѣлъ даже нанести Новгороду сильный ударъ при помощи Татаръ, но тутъ ему помѣшало дѣйствительно соперничество его брата Василія Костромскаго — стало быть обстоятельства, а не его собственная вина. Разъ только по видимому онъ выказалъ недостатокъ твердости — когда остановилъ по настоянію Новгорода свой походъ на Псковъ; но вѣдь если бы Ярославъ упорствовалъ, то тогда пришлось бы ему имѣть дѣло съ Новгородомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и съ Василіемъ Костромскимъ: подобное случилось же позже.

Ярославъ Ярославичь руководствовался только узкими интересами, интересами своего княжества, а не общерусскими. Москва— да и то позже — первая подняла знамя народности.

III.

Княженіе Святослава Ярославича. — Его участіе въ спорѣ Василія Костромскаго и Дмитрія Переяславскаго. — Опустошеніе Твери Татарами. — Участіе Святослава въ союзѣ противъ Дмитрія. — Княженіе Михаила Ярославича. — Споръ Михаила съ в. к. Дмитріемъ. — Поѣздка Михаила въ орду. — Татарское раззореніе. — Несогласіе Михаила съ Андреемъ Александровичемъ. — Съѣздъ во Владимірѣ. — Договоръ Михаила съ Новгородомъ. — Съѣздъ въ Дмитровѣ. — Вступленіе Михаила на в. к. Владимірскій престолъ. — Неудачный походъ Михаила къ Москвѣ. — Отношеніе Михаила къ Новгороду. — Попытка овладѣть Нижнимъ Новгородомъ. — Переяславскій соборъ. — Борьба Михаила съ Новгородомъ. — Гибельный походъ Михаила на Новгородъ. — Борьба съ Юріемъ Московскимъ. — Кавгадый. — Опустошеніе Тверской земли Юріемъ и Кавгадыемъ. — Бортеневская битва. — Судъ надъ Михаиломъ въ ордѣ и его смерть. — Отзывъ лѣтописцевъ о личности Михаила. — Анна Кашинская. — Характеръ дѣятельности втораго и третьяго Тверскихъ князей.

Послѣ смерти Ярослава Ярославича в. княземъ Тверскимъ сталъ его старшій сынъ Святославъ Ярославичь. Въ одинъ годъ съ Ярославомъ Ярославичемъ умеръ его второй сынъ Михаилъ (354); но вскорѣ послѣ смерти Ярослава Ярославича, въ томъ же году, родился и третій сынъ (355), который названъ во Св. крещеніи Михаиломъ въ честь Михаила Архистратига безплотныхъ силъ. (356)

Въ то время, по смерти в. к. Ярослава, в. княземъ Владимірскимъ былъ братъ покойнаго, Василій Ярославичь Костромской. Онъ заспорилъ со своимъ племянникомъ Дмитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ изъ-за Новгорода, куда послѣдній былъ призванъ на княженіе. Тогда в. к. Василій въ 1272 г. чрезъ Переяславль прошелъ къ Торжку, взялъ его, пожогъ хоромы, посадилъ въ немъ своего тіуна и оставилъ своихъ воеводъ; а на слѣдующій годъ Василій съ великимъ баскакомъ Владимірскимъ и съ Татарами опять появился въ Новгородскихъ владѣніяхъ, повоевалъ Новгородскія волости и съ большимъ полономъ вернулся во Владиміръ, гдѣ какъ и въ Костромѣ онъ велѣлъ захватить и ограбить Новгородскихъ купцевъ. Хотя хлѣбъ въ Новгородѣ вздорожалъ, но Новгородцы еще не думали уступать.

Тверь была близка къ сценѣ военныхъ дѣйствій: она лежала между Костромой, Переяславлемъ и Новгородомъ. Помощь Тверскаго князя могла оказать значительную поддержку той или другой сторонѣ, а между тѣмъ оставаясь нейтральнымъ, онъ могъ навлечь на свое княжество войска враждующихъ князей; особенно опасно было раздражать в. к. Владимірскаго, на сторонѣ котораго былъ ханъ: въ такомъ случаѣ на Тверь могли нахлынуть Татары и, по тогдашнему выраженію, «положить ее пусту». А Татарскія нашествія были тогда знакомы и памятны всѣмъ Русскимъ; Святославъ же Ярославичь, самъ нѣсколько лѣтъ пробывшій въ Татарскомъ плѣну, зналъ, что значитъ прогнѣвать Татаръ. Конечно, и Василій, и Димитрій, просили помощи у Святослава. Сильный

тогда Переяславль былъ ближе Костромы; Димитрій княжилъ тогда и по сосѣдству съ Тверью — въ Новгородѣ. Выгодно было для Твери ослабить своего ближняго сосѣда, Переяславльскаго князя. Идти же противъ Василія — значило идти вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Татаръ. Расчетливѣе было принять сторону сильнѣйшаго — Василія. Святославъ Ярославичь такъ и поступилъ. Онъ въ 1273 г. собралъ свои войска. Съ нимъ были и Татары. (357) Святославъ началъ раззорять Новгородскія волости. Онъ повоевалъ Волокъ, Бѣжецкъ, Вологду. Конечно, здѣсь досталось и торговымъ людямъ. Съ большей добычей онъ вернулся въ Тверь. Въ Твери, а также во Владимірѣ, въ Костромѣ, вообще по всей Низовской землѣ были ограблены Новгородскіе купцы. Для Новгорода торговля съ Низовой землей совершенно прекратилась; теперь хлѣбъ въ Новгородѣ конечно вздорожалъ еще болѣе; тамъ могли опасаться даже голода. Дмитрій и Новгородцы послали пословъ къ в. кн. Василію во Владиміръ просить, чтобы онъ отказался отъ Новгорода, возвратилъ бы пограбленное, отпустилъ бы захваченныхъ Новгородскихъ купцевъ съ ихъ товаромъ. Хотя Василій принялъ и отпустилъ Новгородскихъ пословъ съ честью, но мира не далъ. Самъ же Дмитрій съ Новгородцами пошелъ на Тверь, Новгородцы дошли только до Торжка, гдѣ они остановились и стали разсуждать такимъ образомъ: «отвсюду намъ горе, вотъ в. к. Владимірскій, а вотъ в. к. Тверской, а вотъ и в. баскакъ царевъ съ Татарами, и вся Низовская земля на насъ.» Такимъ образомъ тутъ Новгородцы приравняли Тверскаго князя по его силамъ къ в. к. Владимірскому и Татарамъ. И поневолѣ захотѣли теперь Новгородцы в. к. Василія; Дмитрій же, видя это, уѣхалъ въ свой Переяславль. Такимъ образомъ поддержка Твери оказала большую услугу Василію. (358)

Съ тѣхъ поръ (съ 1273 г.) 8 лѣтъ прошли мирно для Твери и для ея князя. Другіе князья въ это время ссорились, мирились, помогали Татарамъ въ ихъ походѣ на Кавказъ (напр. Глѣбъ Васильковичь Ростовскій, Өедоръ Ростиславичь Ярославскій), Рязань даже испытала Татарское нашествіе — но Тверской князь не принималъ участія въ этихъ тревогахъ. Но вотъ настал 1281 г., памятный тогда для Русскихъ княжествъ по ихъ варварскому опустошенію. Въ этомъ году Андрей Александровичь Городецкій захотѣлъ отнять Владиміръ у своего старшаго брата в. к. Дмитрія. Андрей поѣхалъ въ орду, задарилъ хана и вельможъ ордынскихъ, и такимъ образомъ выпросилъ себѣ в. княженіе Владимірское. Однако Дмитрій не думалъ уступать, а напротивъ готовился дать отпоръ. Тогда ханъ послалъ на него съ Андреемъ Татарскую рать подъ начальствомъ воеводъ Кавгадыя и Алчедая. Андрей съ Татарскою ратью пришелъ къ Мурому и звалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Русскихъ князей, но только не Тверскаго князя. (359) Союзники пошли къ Переяславлю на Дмитрія, откуда тотъ бѣжалъ въ Новгородъ. Но Дмитрій былъ не въ ладахъ съ Новгородцами, особенно потому что на ихъ землѣ построилъ крѣпость Копорье.

Новгородцы его не приняли и онъ бѣжалъ за море, а Андрей вошелъ во Владиміръ, а за тѣмъ былъ призванъ и въ Новгородъ. А Татары, начиная отъ Мурома, разсыпались по всему Суздальско-Ростовскому краю и раззорили его. Они «и около Твери пусто сотвориша по самый Торжокъ» и далѣе по направленію къ Новгороду. Татары «все пограбиша, и въ полонъ ведоша мужи и жены и дѣти; испустошиша грады и волости, села и погосты, монастыри и церкви пограбиша, иконы и кресты, и сосуды священныа, и пелены, и книги и всякое узорочье пограбиша.» (360) Ничто не было пощажено. Притомъ же была зима, а потому многіе, бѣжавшіе отъ Татаръ, погибли отъ мороза. Не избѣгла общей участи и Тверь. Тверская земля была также варварски опустошена, какъ и другія Русскія области. Такимъ образомъ Святославъ не примкнулъ ни къ той ни къ другой сторонѣ, а Тверское княжество все-таки поплатилось. Но борьба между братьями еще не кончилась, а потому великій князь Святославъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ бы охранить свое княжество, сторону какого князя принять. Между тѣмъ Дмитрій вернулся въ Переяславль, сталъ его укрѣплять и собирать рать; (361) тогда Андрей въ 1282 г. опять поѣхалъ въ орду, гдѣ онъ сказалъ хану, что Переяславльскій князь не хочетъ повиноваться Татарамъ и платить имъ дань. Тверской князь могъ ожидать, что при вторичномъ нашествіи Татары опять нахлынутъ и на его княжество. Онъ не хотѣлъ дать усилиться Дмитрію: въ случаѣ успѣха Дмитрій могъ мстить Твери за то, что Святославъ не поддержалъ его. Если Дмитрій былъ опасенъ въ будущемъ, то въ настоящее время нельзя было идти противъ Андрея, на сторонѣ котораго были Татары. И вотъ Святославъ теперь поступаетъ также, какъ и 9 лѣтъ назадъ, т. е. примыкаетъ къ сильнѣйшему князю, за котораго былъ самъ ханъ. Пока еще Андрей былъ въ ордѣ, а уже Тверской князь вступилъ въ союзъ съ Новгородцами и съ Московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ противъ Дмитрія. Какъ союзникъ Новгороду, онъ не мѣшалъ теперь Новгородской торговлѣ, не захватывалъ купцевъ и такимъ образомъ не останавливалъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ чрезъ свою землю. Посадникъ же Новгородскій, Семенъ Михайловичь, блюдяся Дмитрія, занялъ Торжокъ, «а обиліе попровади все въ Новгородъ въ лодіяхъ», гдѣ хлѣбъ уже успѣлъ вздорожать, конечно, въ слѣдствіе прошлогодняго опустошенія Татарами Приволжскаго края. Затѣмъ Тверской князь съ Москвичами и съ Новгородцами пошелъ къ Переяславлю и дошелъ до Дмитрова, куда пришелъ на встрѣчу и Дмитрій со своимъ войскомъ. Такимъ образомъ Святославъ отстранилъ военныя дѣйствія отъ своего княжества. Войска простояли у Дмитрова пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно только на какихъ условіяхъ. (362) Между тѣмъ Андрей вернулся изъ орды съ Татарами; тогда Дмитрій бѣжалъ къ Татарамъ, но не въ Золотую орду, а къ царю Ногаю, въ его орду къ берегамъ Чернаго моря, гдѣ и получилъ помощь. (363)

На этотъ разъ Андрей долженъ былъ уступить Дмитрію.

Вскорѣ послѣ этого умираетъ в. к. Святославъ. Въ которомъ именно году онъ умеръ — неизвѣстно, но должно полагать, что между 1282 и 1286 г. Въ 1282 г. Святославъ велъ войну, а въ 1286 г. при закладкѣ соборнаго храма во имя Спаса Преображенія въ Твери присутствовали в. к. пятьнадцати-лѣтній Михаилъ Ярославичь и его мать в. к. Ксенія; Святославъ же при этомъ не упоминается. (364)

Михаилъ Ярославичь родился въ 1271 г., слѣдовательно въ 1282 г. ему было лѣтъ 11. Вмѣсто такого князя-ребенка первоначально управляли, конечно, его мать и бояре.

Молодой князь, вскорѣ по вступленіи на престолъ, долженъ былъ дать отпоръ Литовцамъ, которые ворвались въ Тверское княжество (въ 1286 г.) и повоевали церковную волость Тверскаго владыки Олешну съ нѣкоторыми другими волостями. Отсюда Литовцы могли пройти и въ другія сосѣднія Русскія земли; опасность для нихъ всѣхъ была одинакова. А потому сосѣди дружно пошли на Литовцевъ: Тверичи, Зубчане, Ржевичи, Москвичи, Дмитровцы, Волочане, Новоторжцы соединились, догнали Литовцевъ, разбили ихъ въ одномъ лѣсу, отняли у нихъ весь полонъ и даже захватили ихъ князя Доманта. (365) Конечно, чтобы обезопасить западные предѣлы Тверскаго княжества былъ укрѣпленъ Зубцевъ. (366)

Вскорѣ (1288 г.) в. к. Михаилъ долженъ былъ выдержать нападеніе со стороны в. к. Дмитрія, котораго какъ видно онъ самъ вызвалъ на войну. Онъ не захотѣлъ ему подчиняться наравнѣ съ другими князьями (не захотѣлъ Михаилъ поклонитися в. к. Дмитрію). Великій князь Дмитрій хотѣлъ за то наказать Тверскаго князя и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ отмстить за то, что Тверь прежде помогала Андрею противъ него. Въ 1288 г. онъ двинулся на Тверь. Дмитрій вѣроятно надѣялся легко управиться съ Тверскимъ княземъ, который былъ еще очень молодъ — 17 лѣтъ. Съ Дмитріемъ отправились въ походъ Новгородцы, его братья — Андрей Городецкій и Даніилъ Московскій, а также Дмитрій Борисовичь Ростовскій (дочь котораго была замужемъ за Иваномъ Дмитріевичемъ). (367) Великій князь Дмитрій со своими союзниками вошелъ въ Тверское княжество и прошелъ до Кашина (по видимому послѣ нашествія Батыя Кашинская волость не подвергалась раззореніямъ; не видно, чтобы прежнее нашествіе Алчедая и Кавгадыя коснулось ея). Союзники простояли подъ Кашинымъ 9 дней, города не взяли, но за то «все пусто сотвориша»; затѣмъ они взяли Кснятинъ, раззорили его, и пошли къ Твери. Михаилъ Ярославичь выступилъ на встрѣчу, однако битвы не было; князья стали ссылаться и разошлись, заключивши миръ — неизвѣстно на какихъ условіяхъ; но вѣроятно Тверской князь теперь приравнялъ себя къ другимъ князьямъ относительно Дмитрія. (368)

Въ 1293 г. Михаилъ Ярославичь былъ въ ордѣ. Зачѣмъ и когда онъ туда пошелъ — источники не говорятъ. Это была первая по-

ѣздка Тверскаго князя Михаила въ орду; онъ могъ туда ѣздить къ новому хану Тохтѣ за ярлыкомъ на свое княжество. Во время пребыванія Михаила Ярославича въ ордѣ туда же пріѣхалъ Андрей Городецкій съ нѣкоторыми другими князьями жаловаться на в. к. Дмитрія Александровича. (369) Андрей Городецкій сдѣлалъ попытку овладѣть в. к. престоломъ. Тогда ханомъ въ Золотой ордѣ былъ Тохта, сынъ Менгу-Тимура. Не видно, чтобы Тверской князь вмѣстѣ съ другими князьями жаловался на Дмитрія Александровича. Ханъ выслушалъ жалобы недовольныхъ князей и послалъ на Дмитрія Александровича Татаръ подъ начальствомъ своего брата Дуденя. Татары же раззорили не одинъ Переяславль, но и многіе другіе города. Они взяли и разрушили 14 городовъ, въ томъ числѣ Владиміръ (гдѣ ограбили Богородичную церковь), Суздаль, Юрьевъ, Дмитровъ, Москву, Коломну, Можайскъ, Волокъ, Угличь. (370) Когда Переяславцы услыхали о такой грозѣ, то не понадѣялись на то, чтобы укрѣпленія ихъ города и ихъ князь могли ихъ защищать, и разбѣжались, а Дудень и ихъ городъ ограбилъ. Татары «много пакости учиниша Христіанамъ и всю землю пусту сотвориша.» Жители бѣжали изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовали Татары. Бѣглецы пробирались далѣе на сѣверъ въ Тверское княжество. Въ Твери набралось множество народу со всѣхъ сторонъ. Они дали клятву биться съ Татарами, но имъ не сдаваться. Сперва смущало Тверичей отсутствіе ихъ князя. Между тѣмъ Михаилъ возвращался изъ орды въ Тверь мимо Москвы, чрезъ тотъ край, гдѣ рыскали Татары. (371) Какой-то священникъ вывелъ князя на безопасный путь и такимъ образомъ помогъ ему добраться до Твери, гдѣ Михаилъ былъ встрѣченъ съ радостью. Выраженіе Лаврентьевской лѣтописи: «Татарове же и Андрѣй князь слышавше приходъ княжь Михаиловъ и не поидоша на Тфѣрь», а также слова Воскресенской лѣтописи: «Татарове же слышавше пришедша князя Михаила, и не поидоша ко Твери,» — даютъ возможность предполагать, что не ходилъ ли Михаилъ дѣйствительно въ орду за ярлыкомъ на свое княженіе и получилъ его, а потому Андрей и Татары не рѣшились напасть на Тверь. Изъ выраженій этихъ лѣтописей видно, что Татары и Андрей побоялись именно князя Михаила, когда узнали, что онъ пришелъ изъ орды. Кромѣ того, могло остановить Татаръ также и то обстоятельство, что въ Твери твердо положили дать имъ отпоръ: Татарамъ приходилось не просто грабить беззащитныхъ жителей, но выдержать битву съ людьми рѣшительными. Какъ бы то ни было, но Тверь уцѣлѣла среди тогдашняго погрома. Татары повернули къ Волоку и грозили самому Новгороду. Новгородцы послали Дуденю дары, и тотъ повернулъ назадъ; къ Андрею же послали съ поклономъ и такимъ образомъ признали его своимъ княземъ. Дмитрій же Александровичъ бѣжалъ во Псковъ къ своему зятю Довмонту. Никакого непріязненнаго дѣйствія со стороны Михаила противъ Дмитрія на этотъ разъ не видно. Онъ даже въ слѣдующемъ 1294 г. принялъ къ себѣ Дмитрія, который изъ Пскова пробрался въ Тверь. Конечно, съ согласія Ми-

хаила, Дмитрій посылалъ къ Андрею и Новгородцамъ для переговоровъ Тверскаго владыку Андрея и какого-то князя Святослава. (372) Въ томъ же 1294 г. умираетъ Дмитрій Александровичъ. (373) Теперь для Твери, какъ и для другихъ княжествъ, былъ опасенъ не Переяславль, а Андрей Городецкій, сдѣлавшійся в. к. Владимірскимъ и Новгородскимъ.

Тверь не пострадала отъ нашествія Дуденя, но за то въ 1293 г., когда Михаилъ пришелъ изъ орды, въ Тверь приходилъ Татарскій царевичъ Тохтамеръ, который «многу тягость учинилъ людемъ.» Этотъ царевичъ приходилъ изъ орды въ слѣдъ за кн. Михаиломъ, можетъ быть, для переписи. Не сказано въ лѣтописи, что онъ приходилъ ратью, а сказано только, что онъ многу тягость учинилъ людемъ. (374) Можетъ быть была связь между поѣздкой Михаила въ орду и приходомъ царевича въ Тверь.

Въ 1294 г. умираетъ Дмитрій Борисовичъ Ростовскій, а на княженіе въ Ростовѣ садится его братъ Константинъ Борисовичъ. Въ томъ же году и Михаилъ Тверской и в. к. Андрей Александровичъ женятся на дочеряхъ покойнаго Дмитрія Борисовича — Михаилъ (8 Ноября) на Аннѣ, и Андрей на Василисѣ. (375) Оба князя, женясь на дочеряхъ Ростовскаго князя, вѣротно надѣялись получить въ послѣдствіе времени богатое наслѣдство. У Михаила Ярославича могъ быть расчетъ и такого рода: Ростовскій князь въ 1288 г. нападалъ на Тверь, теперь Михаилъ вступилъ съ нимъ въ родственную связь.

Въ 1296 г. изъ за чего-то Михаилъ Ярославичъ поссорился съ Андреемъ Александровичемъ. На сторонѣ Михаила былъ Даніилъ Александровичъ Московскій и Переяславцы со своимъ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ, который впрочемъ тогда былъ въ ордѣ и на время отсутствія своего поручилъ блюсти свою отчину князьямъ Тверскому и Московскому. На сторонѣ Андрея былъ Ѳедоръ Ростиславичъ Ярославскій и Константинъ Борисовичъ Ростовскій. Князья собрались во Владимірѣ, сюда для разбора ихъ спора былъ присланъ посолъ изъ орды, но примирилъ ихъ не Татаринъ, а владыка Симеонъ. (376) Великій князь Андрей хотѣлъ чѣмъ-то обидѣть другихъ князей (377), впрочемъ лѣтописи не объясняютъ причину спора. Вѣроятно несогласіе у князей вышло изъ-за Переяславля. Тогда уже конечно было извѣстно, что Иванъ Дмитріевичъ намѣренъ отдать Переяславль своему младшему дядѣ Даніилу, что безъ сомнѣнія не нравилось его старшему дядѣ Андрею, а также Ѳедору Ярославскому, который уже однажды короткое время владѣлъ этимъ городомъ и потому могъ считать себя въ правѣ претендовать на него. Михаилъ же могъ поддерживать Даніила только потому, чтобы не дать усилиться Андрею. Это предположеніе становится тѣмъ вѣроятнѣе, что въ томъ же году (1296) (378), сейчасъ же послѣ Владимірскаго съѣзда, Андрей хотѣлъ идти къ Переяславлю, Москвѣ и Твери. Михаилъ и Даніилъ со своими войсками стали у Юрьева и не дали ему пройти къ Переяславлю. Князья примирились и на этотъ разъ. (379) Михаилъ

Ярославичь и съ другой стороны могъ дѣйствовать противъ Андрея.

Въ 1295 г. Тверской князь заключилъ договоръ съ Новгородомъ. Тверской князь объявляетъ, что онъ въ союзѣ съ Даніиломъ Московскимъ и съ Иваномъ Переяславскимъ и обязывается помогать Новгороду въ случаѣ обиды отъ кого либо; съ своей стороны и Новгородъ обѣщаетъ поддержку Михаилу, если ему будетъ тягота отъ Андрея или отъ Татарина, или отъ кого нибудь другаго. (380) Бѣляевъ (разск. рус. ист. II, 395) замѣчаетъ, что Андрей «такъ строго соблюдалъ изконные Новгородскіе порядки, что пользовался общимъ уваженіемъ и любовію народа, и въ его десятилѣтнее правленіе не было ни возмущеній, ни безпорядковъ въ Новгородѣ.» Можетъ быть этотъ договоръ Новгорода съ Михаиломъ сдерживалъ Андрея.

Андрей выказывалъ не разъ самовластныя стремленія относительно и своихъ братьевъ, и относительно другихъ князей, а между тѣмъ относительно Новгорода онъ является другимъ. Этого кажется ничѣмъ другимъ объяснить нельзя, какъ только союзомъ Новгорода съ сильнымъ Тверскимъ княземъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ договоръ показываетъ попытку сосѣдей, Твери и Новгорода, прочнѣе установить свои взаимныя отношенія на случай защиты отъ общихъ враговъ. Новгородъ для защиты себя прибѣгаетъ къ союзу съ однимъ княземъ противъ другаго. Новгородъ и Тверь на этотъ разъ мирно и довѣрчиво отнеслись другъ къ другу. Этотъ же договоръ показываетъ, что Тверь не думала дѣйствовать раболѣпно съ Татарами и въ случаѣ крайности намѣревалась дать имъ отпоръ. Однимъ словомъ Тверь относительно Татаръ не думала придерживаться такой политики какъ Москва, что со стороны Твери было ошибочно. Требуя у Новгорода помощи въ случаѣ *тяготы отъ Татарина*, Тверь могла по крайней мѣрѣ имѣть въ виду защиту себя отъ посѣщеній хотя такихъ Татарскихъ царевичей, какъ Тохтамеръ, бывшій за два года предъ тѣмъ въ Твери.

Тверской князь съ своей стороны хотѣлъ выполнить свое обязательство относительно Новгорода — защищать его. Въ 1300 году Шведы построили укрѣпленіе Ландскрону на Невѣ при устьѣ р. Охты. Шведы могли теперь мѣшать Новгородской торговлѣ по Балтійскому морю. Новгородъ этого допустить не могъ. Конечно и для Твери была выгодна заграничная торговля Новгорода; заморскіе товары чрезъ Новгородъ шли и въ Тверь. Въ 1301 г. Новгородцы съ Андреемъ и полкомъ Владимірскимъ отправились въ походъ на Ландскрону и сожгли ее. (381) Тверской князь шелъ на помощь Новгородцамъ, но повернулъ назадъ, услышавъ, что Шведы побѣждены. (382)

Предъ Новгородомъ Михаилъ заявилъ, что онъ въ союзѣ съ Даніиломъ и съ Иваномъ. Но Михаилъ скоро разссорился съ Иваномъ. Въ томъ же (1301 г.) году былъ княжескій съѣздъ въ Дмитровѣ. Сюда пріѣхали князья Андрей Александровичь, Михаилъ Тверской, Даніилъ Московскій, Иванъ Дмитріевичь Переяславскій.

На этомъ съѣздѣ князья Михаилъ и Иванъ не могли уладить своихъ дѣлъ — какихъ, изъ лѣтописей не видно. (383) Не былъ ли споръ опять изъ-за Переяславля? По крайней мѣрѣ, когда въ 1302 г., по смерти Ивана Дмитріевича Переяславскаго, Андрей хотѣлъ захватить Переяславль, то не видно, чтобы Михаилъ, который въ 1296 г. защитилъ Переяславль, сдѣлалъ теперь какую либо попытку для обороны Переяславля. Впрочемъ, Даніилъ и самъ удержалъ Переяславль за собою: онъ выгналъ оттуда намѣстниковъ Андреевыхъ, (384) да и сами Переяславцы не хотѣли быть за Андреемъ, а хотѣли быть за Даніиломъ Московскимъ, а по смерти Даніила въ 1303 г. за его сыномъ Юріемъ. (385) Съ 1304 г. начинается продолжительная и упорная борьба Твери съ Москвою.

Въ 1304 г. умираетъ в. к. Андрей Александровичь. Его бояре, въ томъ числѣ бояринъ Акинѳъ, сейчасъ отъѣзжаютъ въ Тверь. Такой поступокъ бояръ показываетъ, что Тверь считалась тогда сильнѣйшимъ княжествомъ, бояре были увѣрены, что за Тверскимъ княземъ останется в. княжескій Владимірскій престолъ. Михаилъ Ярославичь поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ «ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степени княженіа великого.» (386) Но съ Михаиломъ заспорилъ его племянникъ Юрій Даніиловичь Московскій. «И быть замятня на всѣй Суздалстей землѣ во всѣхъ градѣхъ.» Юрій также поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ на в. княжеское достоинство. Когда Юрій былъ во Владимірѣ, то тамъ встрѣтился онъ съ митрополитомъ Максимомъ. Митрополитъ, какъ духовное лице, долженъ былъ стараться о мирѣ, о томъ чтобы князья не ссорились, да притомъ конечно онъ отдавалъ преимущество дядѣ передъ племянникомъ, а потому Максимъ запрещалъ Юрію идти въ орду, даже — неизвѣстно самъ ли собою или по стороннему побужденію — ручался именемъ в. к. Ксеніи, матери в. к. Михаила, въ томъ, что Тверской князь ему Юрію «чего восхощешь изо отчины вашея, то ти дасть.» Юрій обманулъ митрополита, сказавши ему, что хотя онъ и идетъ въ орду, но только не за ярлыкомъ на в. княженіе. (387) Между тѣмъ пока Михаилъ былъ въ ордѣ, Тверскіе бояре также дѣйствовали въ пользу своего князя.

Тверь считала себя на столько сильною, что надѣялась легко управиться и съ Новгородомъ, и съ Переяславлемъ, и съ Юріемъ. Тверичи захватили въ Костромѣ Бориса Даниловича, брата Юріева; хотѣли захватить и самого Юрія, но тотъ успѣлъ пробраться въ орду. Затѣмъ Тверскіе бояре послали въ Новгородъ намѣстниковъ на имя в. к. Михаила «съ силою и съ безстудствомъ многимъ.» (388) Можетъ быть въ Твери теперь вспомнили про то, что въ 1295 г. заключенъ былъ союзъ у Михаила съ Новгородомъ. Но въ своихъ расчетахъ ошиблись. Новгородцы конечно были оскорблены самовольнымъ поступкомъ Тверитянъ, (особенно послѣ княженія Андрея, съ которымъ Новгородъ былъ въ ладу) да притомъ и не знали еще впередъ, чѣмъ рѣшенъ будетъ споръ князей въ ордѣ,

а потому Новгородъ не только не принялъ намѣстниковъ Михаиловыхъ, но даже выслалъ къ Торжку сильную рать, собранную со всей земли, зная что непріятелю всегда выгодно захватить столь важный для Новгорода Торжекъ, а особенно это легко было сдѣлать Твери, какъ близкой сосѣдкѣ. И въ самомъ дѣлѣ Тверская рать также подошла къ Торжку. Однако обѣ стороны примирились, рѣшившись подождать пріѣзда князей изъ орды. (389) Въ то же время Тверичи подъ начальствомъ боярина Акинѳа хотѣли внезапно овладѣть Переяславлемъ и пошли къ этому городу. Но кто-то тайно далъ знать объ этомъ въ Москву. Иванъ Даніиловичь, братъ Юрьевъ, съ Московской и Переяславской ратью выступилъ на встрѣчу боярину Акинѳу. При этомъ Иванъ Даніиловичь «укрѣпилъ всѣхъ своихъ бояръ и Переяславцевъ»; должно быть онъ боялся, чтобы кто либо не передался на сторону Твери. Подъ Переяславлемъ произошелъ сильный бой, Тверичи были разбиты, многіе были убиты, причемъ погибъ и бояринъ Акинѳъ со своимъ зятемъ Давыдомъ; сыновья же Акинѳовы, Иванъ и Ѳедоръ, съ малымъ остаткомъ рати убѣжали въ Тверь. «И бысть во Твери печаль и скорбь велия, а въ Переславлѣ веселие и радость велия.» (390).

Такимъ образомъ Тверскіе бояре хотѣли помочь Михаилу и ни въ чемъ не успѣли. Князя Юрія не захватили, намѣстниковъ Михаиловыхъ въ Новгородѣ не посадили, Переяславлемъ не овладѣли.

Между тѣмъ, самъ великій князь Михаилъ Ярославичь удачнѣе дѣйствовалъ въ ордѣ. Когда въ орду пріѣхали князья Михаилъ и Юрій, то у нихъ начались съ Татарскими князьями переговоры о ярлыкѣ на великокняжеское достоинство. Начались споры. Князь Тверской не жалѣлъ денегъ, чтобы получить ярлыкъ. Татарскіе князья сказали Юрію, что если онъ дастъ бо̀льшій выходъ, то получитъ ярлыкъ. Юрій не былъ въ состояніи этого сдѣлать и потому отказался. Ярлыкъ на великокняжеское достоинство Владимірское остался за Михаиломъ. Конечно, большая дань отзывалась тягостно на Русской землѣ. «И бысть тягота велика въ Русской земли за наша согрѣшеніа,» замѣчаетъ лѣтописецъ. (391) И Михаилъ «сяде на великомъ княженіи в Володимери.» (392) Достоинство великаго князя Владимірскаго было въ рукахъ Михаила. Теперь онъ хотѣлъ обезсилить свою соперницу Москву. Въ отсутствіе Михаилово его бояре сдѣлали попытку овладѣть Переяславлемъ и не успѣли въ этомъ; теперь самъ Тверской князь пошелъ уже на самого Юрія и его братьевъ къ Москвѣ, но не могъ ея взять, а потому помирился съ Московскимъ княземъ и вернулся въ Тверь. (393)

Тогда какъ походъ Тверскаго князя на Москву кончился неудачно, Московскій князь въ слѣдующемъ году (1305 г.) усилился на счетъ Рязани: онъ убилъ бывшаго у него въ плѣну Рязанскаго князя Константина Романовича и удержалъ Коломну. Въ томъ же году Юрьевы братья, Александръ и Борисъ Даніиловичи, отъ-

ѣхали въ Тверь—почему, въ лѣтописяхъ не объяснено. (394) Михаилъ зимою (1308 г.), но уже съ бо̀льшею ратью чѣмъ прежде, ходилъ къ Москвѣ и «много зла сотворилъ», имѣлъ битву подъ Москвой, но города все-таки не взялъ и вернулся въ Тверь. (395) Тверской и Московскій князья заключили миръ, но неизвѣстно на какихъ условіяхъ. (396) Такимъ образомъ съ Москвою не удалось справиться.

Михаилъ, вернувшись изъ орды съ ярлыкомъ, какъ мы видѣли не поѣхалъ тотчасъ же въ Новгородъ, но сдѣлалъ сперва походъ на Москву и тогда уже отправился въ Новгородъ.

Отчего же Михаилъ сдѣлалъ сперва походъ на Москву, а потомъ поѣхалъ въ Новгородъ? Новгородцы предъ отъѣздомъ Михаила въ орду заключили миръ «до пріѣзда князей», т. е. обѣщали признать своимъ княземъ того, кому ханъ дастъ ярлыкъ на в. княжеское Владимірское достоинство. Михаилъ получилъ ярлыкъ, слѣдовательно онъ былъ увѣренъ, что и Новгородъ его призналъ,—что безъ сомнѣнія такъ и было. Слѣдовательно, онъ уже былъ признанъ Новгородскимъ княземъ и конечно тамъ уже должны были быть его намѣстники, а потому онъ прежде всего бросился на Москву. Конечно месть къ своему сопернику, Московскому князю, могла сильно говорить въ сердцѣ Тверскаго князя и заставить его пойти на Москву. Можетъ быть Михаилъ даже позже поѣхалъ бы въ Новгородъ, если бы его не позвали сами Новгородцы.

Только въ 1307 г. поѣхалъ Михаилъ Ярославичь въ Новгородъ, гдѣ и былъ посаженъ на столъ, (397) хотя у Новгорода были и тогда несогласія съ Михаиломъ. Безъ сомнѣнія Новгородцы признавали Михаила своимъ княземъ съ того времени, какъ онъ получилъ ярлыкъ въ ордѣ, и управлялись его намѣстниками. (398) Но до сихъ поръ самъ Михаилъ не былъ въ Новгородѣ; поѣхалъ же туда въ 1307 г., потому что его звали сами Новгородцы для разбора своихъ споровъ съ однимъ изъ намѣстниковъ, Борисомъ Константиновичемъ. (399) Когда Новгородъ долженъ былъ признать Михаила своимъ княземъ (слѣдовательно съ 1304 г.), то въ теченіе этого времени, до 1307 г., онъ заключилъ съ Тверскимъ княземъ 4 договорныхъ грамоты, чрезвычайно сходныхъ между собою; кромѣ того была еще пятая грамота съ жалобою на двухъ намѣстниковъ. (400) Кромѣ обычныхъ Новгородскихъ условій съ своими князьями, въ этихъ грамотахъ говорится о селахъ и слободахъ владыки, князя, княгини, бояръ и слугъ Тверскаго князя на Новгородской землѣ, а также о рубежѣ между Новгородомъ и Тверью. Для содержанія князя въ Новгородской землѣ были назначены нѣкоторые доходы, напр. нѣкоторыя слободы и села, которыми онъ пользовался такъ сказать «на помѣстномъ, а не на вотчинномъ правѣ, ибо они принадлежали не лично князю, а княжеской власти, и князь, оставляя Новгородъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и данныхъ ему областей и городовъ.» (401) Вся же Новгородская земля считалась принадлежностью Св. Софіи и Великаго Новгорода. Новгородцы на этомъ основаніи требовали въ договор-

ныхъ грамотахъ, чтобы ни князь, ни княгиня, ни его бояре и дворяне селъ не покупали и въ видѣ дара не принимали по всей волости Новгородской. (402) Новгородцы когда-то дали в. князьямъ Дмитрію и Андрею нѣкоторыя слободы и села (и что сельць тягнуло къ тымъ свободамъ). Михаилъ Ярославичь не только удержалъ эти слободы и села, но еще онъ, его княгиня, его бояре и слуги, а также владыка Тверской, пріобрѣли себѣ и другія имѣнія на Новгородской землѣ. (403) Новгородъ хотѣлъ, чтобы князь Михаилъ возвратилъ безплатно слободы и села Дмитріевы и Андреевы, а также и имъ самимъ пріобрѣтенныя безденежно; за другія же Новгородъ предлагалъ возвратить деньги. До такой степени Новгородъ считалъ важнымъ владѣніе этими землями. (404) Всего удобнѣе такія пріобрѣтенія Тверь могла дѣлать въ пограничныхъ Новгородскихъ земляхъ, напр. въ Бѣжицахъ; оттого-то уже въ первой извѣстной намъ договорной Новгородской грамотѣ говорится такъ: «а въ *Бежицахъ*, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати», а затѣмъ уже прибавляется «и по всей волости Новгородьской». (405) Такія слободы и села Михаилъ могъ причислить прямо къ Тверскимъ владѣніямъ. (406) Въ прежнихъ договорныхъ грамотахъ съ Ярославомъ Ярославичемъ Новгородцы ничего не говорятъ о границѣ между Новгородомъ и Тверью; а въ договорахъ съ Михаиломъ Ярославичемъ уже встрѣчаются такія выраженія: «А межю Тфѣрью и Новагорода розъѣздъ по давной пошлинѣ.» (407) «А рубежь ти, княже, межю Суздальскою землею и Новгородьскою дати ти старый, какъ было при дѣдѣ твоемъ и при отци твоемь Ярославѣ.» «А рубежь ти дати правый по старому рубежю, въ хрестьное цѣлование, какъ было при отци твоемь Ярославѣ.» (408) Къ сожалѣнію мы не знаемъ гдѣ шла настоящая граница между Новгородскою и Суздальскою, а также стало быть и Тверскою землею, при Ярославѣ Ярославичѣ и Ярославѣ Всеволодовичѣ. Какъ бы то ни было, только во всѣхъ 4 грамотахъ съ Михаиломъ Новгородъ требуетъ, чтобы онъ отказался отъ присвоенныхъ имъ слободъ и селъ (409) и точно опредѣлилъ рубежъ между Новгородомъ и Тверью. Но Михаилъ не соглашался на это съ самаго начала и до конца своего княженія. (410) Конечно, оттого между Новгородомъ и Тверью не могло установиться мирныхъ отношеній; Новгородъ по необходимости пока подчинялся Тверскому князю, а при первомъ удобномъ случаѣ готовъ былъ идти и противъ него. Были и другія причины неудовольствія, напр. какъ видно Михаилъ кромѣ Волока и Торжка сталъ держать своего тіуна также и въ Вологдѣ, и Новгородцы требовали, чтобы князь вывелъ его оттуда. (411) Новгородъ также опредѣлилъ, что князь можетъ брать дары по станамъ только тогда, когда поѣдетъ въ Новгородъ; а когда поѣдетъ изъ Новгорода, то этого дара не имѣетъ права брать. (412) Не видно, чтобы количество этого дара князю, такъ сказать «княжескаго подъѣзда» было опредѣлено. Но Михаилъ сдѣлалъ и уступку. До вступ-

ленія на великокняжескій Владимірскій престолъ Михаилъ съ Новгородомъ условился такъ: «а что будетъ давныхъ людий въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровали ко Тфѣри при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ.» (413) Теперь же Новгородъ, по крайней мѣрѣ со своей стороны, предъявилъ такое требованіе: «а кто живеть въ Търъжку на Новотързьской земли, а къ святому Спасу не тягнеть къ Търъжку, *князем отъемъся* (передавшись князю), а тии идуть и съ Торъжку, куда имъ годно.» (414)

Новгородцы также жаловались Михаилу на двоихъ намѣстниковъ, Өедора Михаиловича и Бориса Константиновича. (415) Псковскій намѣстникъ, Өедоръ Михайловичь, (еще назначенный в. к. Андреемъ) во время войны бѣжалъ отъ непріятеля, да еще бѣжавши пограбилъ Новгородскую волость. (416) Корельскій же намѣстникъ Борисъ Константиновичь своимъ управленіемъ раззорилъ Кореловъ и тѣ убѣжали къ Шведамъ. Новгородцы не хотѣли такихъ намѣстниковъ кормить «Новгородскимъ хлѣбомъ» и чтобы съ ними окончательно раздѣлаться, требовали возврата ихъ селъ, впрочемъ изъявили готовность заплатить за нихъ деньги. (417)

Михаилъ изъ Новгорода вернулся въ Тверь, а все-таки спорныхъ волостей не возвратилъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ в. к. Михаилъ, не успѣвши овладѣть Москвою, составилъ новый планъ — овладѣть Нижнимъ Новгородомъ. (418) Московскій князь убилъ же Рязанскаго князя и удержалъ Коломну, отчего же Тверскому князю не попытаться захватить Нижній Новгородъ. Если бы Тверскому князю удалось овладѣть Нижнимъ, значительнымъ торговымъ городомъ, то это — кромѣ земельнаго пріобрѣтенія — могло бы ему доставить и много другихъ выгодъ. Имѣя въ своихъ рукахъ устье Тверцы и верховья Волги, Тверской князь могъ вредить Новгороду. Имѣя въ своихъ рукахъ устье Оки, Тверской князь могъ бы съ двухъ сторонъ дѣйствовать на города лежащіе по Волгѣ между Тверью и Нижнимъ, а также на всѣ области въ бассейнѣ р. Оки, слѣдовательно и на Москву. По смерти в. к. Андрея Александровича его бояре отъѣхали къ Тверскому князю, но какъ видно не всѣ, а нѣкоторые почему-то остались въ Нижнемъ. (419) Эти бояре (1305 г.) были избиты черными людьми Нижняго Новгорода, опять таки конечно не всѣ. (420) Такимъ образомъ Михаилъ могъ расчитывать, что въ Нижнемъ все-таки есть люди, которые примутъ его сторону, а потому (въ 1311 г.) онъ и послалъ на этотъ городъ сильное войско подъ начальствомъ своего двѣнадцатилѣтняго сына Дмитрія. (421) Самъ же Михаилъ остался въ Твери. Должно быть онъ боялся, чтобы Новгородъ или Москва не бросились въ это время на Тверь, воспользовавшись отсутствіемъ его самого. Но другіе князья, въ томъ числѣ соперникъ Твери, Юрій Даниловичь Московскій, и не мѣшали походу Тверской рати и она дошла до Владиміра. Но тутъ Твери помѣшала та же духовная власть, которая когда-то (митроп. Кириллъ II) оказала поддержку Тверскому князю Ярославу Ярославичу противъ Новгорода (въ

1270 г.). Тогда во Владимірѣ былъ митрополитъ Петръ. Онъ остановилъ кн. Дмитрія и «неблагослови его Петръ митрополитъ столомъ.» Дмитрій же простоялъ три недѣли во Владимірѣ «бія челомъ Петру митрополиту, да его разрѣшитъ.» Святитель разрѣшилъ его и тогда князь, распустивъ свою рать, вернулся домой. (422) Если въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ не ошибкою прибавлено, что кн. Дмитрій ходилъ не только на Нижній, но и на Юрія, то оказывается, что Тверь считала себя весьма сильною, что Михаилъ готовилъ новый ударъ Москвѣ заодно съ Нижнимъ и всетаки это не удалось. Но какъ бы то ни было, ходилъ ли Дмитрій только на Нижній, или на Нижній и на Юрія, только мы видимъ, что митрополитъ Петръ остановилъ Тверскую рать. Весьма важно знать, когда это случилось — до размолвки Петра съ Тверскимъ епископомъ Андреемъ и до Переяславскаго собора — или послѣ. Не былъ ли поступокъ митр. Петра слѣдствіемъ его неудовольствія на Тверь.

По смерти митрополита Максима въ 1305 г. какой-то игуменъ Геронтій взялъ на себя святительскій санъ, конечно съ согласія Михаила Ярославича, которому безъ сомнѣнія хотѣлось видѣть на митрополичьемъ престолѣ человѣка, который бы былъ ему обязанъ этимъ саномъ. Великій князь Михаилъ искалъ поддержки у духовной власти. Неизвѣстно почему, только Геронтій не скоро отправился для рукоположенія въ митрополиты въ Царьградъ, а года черезъ два; но его предупредилъ игуменъ Ратскій Петръ, который, по старанію Галицкаго князя Юрія Львовича, былъ посвященъ въ митрополиты патріархомъ Цареградскимъ Аѳанасіемъ и отпущенъ въ Россію въ 1308 году. Но здѣсь въ Россіи нѣкоторые встрѣтили Петра непріязненно и не хотѣли признавать его митрополитомъ, однако вскорѣ съ нимъ примирились, исключая епископа Тверскаго Андрея. *) Андрей позавидовалъ Петру. (423) Андрей былъ епископомъ въ томъ городѣ и княжествѣ, гдѣ тогда княжилъ Михаилъ Ярославичь в. князь Тверской и Владимірскій: Андрей самъ могъ расчитывать занять престолъ русской митрополіи. Притомъ же Андрей былъ послѣдователемъ явившагося еретика, какого-то протопопа Новгородскаго, который училъ, что погибъ рай на землѣ и хулилъ монашество; это ученіе увлекло многихъ духовныхъ и мірянъ; многіе иноки оставили монастыри и оженились. Къ этому протопопу Новгородскому присталъ и Андрей, что конечно помогло еритикамъ. Тутъ назначается митрополитомъ Петръ. Андрей, чтобы повредить Петру, оклеветалъ его предъ патріархомъ, который удивился доносу и послалъ въ Россію своего ученаго клирика разсмотрѣть дѣло на соборѣ, велѣвши сказать Петру: «потщися убо сіе очистити и исправити.» Патріархъ могъ узнать въ то же время и о ереси. Петръ же между тѣмъ уже раньше зналъ о доносѣ Андрея. (424) Со-

*) Объ игуменѣ Геронтіи и Переяславскомъ соборѣ подробнѣе см. въ приложеніи № 2.

боръ былъ созванъ въ Переяславлѣ, по всей вѣроятности, въ 1310 году. На соборѣ были Ростовскій епископъ Симеонъ, игуменъ Прохоръ, Тверскіе княжичи Дмитрій и Александръ Михайловичи и много другихъ князей, вельможъ, игуменовъ, иноковъ, пресвитеровъ. Въ числѣ князей былъ также Іоаннъ Даніиловичь. Петру на этомъ соборѣ должно было и обличить Андрея въ его клеветѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обличить самое еретическое ученіе. Когда на соборѣ начались пренія, то Петръ сказалъ: «братія и чада о Христѣ! я не лучше пророка Іоны; если изъ-за меня великое смятеніе, изгоните меня, да утихнетъ молва.» На соборѣ былъ обличенъ Андрей, котораго Петръ простилъ, сказавши: «миръ тебѣ, чадо, не ты это сотворилъ, но діаволъ.» Безъ сомнѣнія Андрей раскаялся и въ своемъ еретическомъ ученіи, иначе Святитель, не могъ бы оставить его епископомъ. При этомъ на соборѣ Иванъ Даниловичь помого Петру обличить ересь. (425) Ересеучителя же, протопопа Новгородскаго, Петръ проклялъ, какъ невнимавшаго истинѣ.

На Переяславскомъ соборѣ не были сильнѣйшіе князья того времени — Михаилъ Ярославичь Тверской и его соперникъ Юрій Московскій. Вѣроятно, они оставались въ своихъ городахъ затѣмъ, чтобы оберегать ихъ отъ внезапнаго нападенія другъ друга. Однако, какое же участіе Михаилъ Тверской могъ принимать въ дѣлѣ Андрея съ Петромъ? Объ этомъ ни лѣтописи, ни житія Св. Петра (т. е. Ник. Тат. Степ. Жит.) не говорятъ ни слова. Но конечно Михаилъ зналъ и о сопротивленіи Андрея Петру и о его клеветѣ на святителя — зналъ и не остановилъ своего епископа. По крайней мѣрѣ, если Михаилъ и не поддерживалъ Андрея, то онъ не принялъ и стороны Петра, тогда какъ Иванъ Даниловичь Московскій на соборѣ помогалъ Митрополиту. Конечно, здѣсь начало любви и расположенія Петра къ Ивану Даниловичу, а слѣдовательно и къ Москвѣ. Понятно, что Святитель отдалъ свое сочувствіе Московскимъ князьямъ, а не Тверскимъ. (426) И Тверскому князю пришлось испытать такое неудобное положеніе вещей не далѣе, какъ въ 1311 г., когда Петръ не допустилъ Тверскую рать захватить Нижній. Уже давно въ Исторіи Россіи Соловьева касательно расположенія Петра къ Москвѣ замѣчено: «Во сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея епископа Андрея къ св. Петру, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны упускать этого обстоятельства изъ вниманія.» (427)

Въ 1313 г., по случаю вступленія на престолъ Узбека, поѣхали въ орду в. к. Михаилъ Ярославичь и митрополитъ Петръ. Святитель вернулся въ Россію въ томъ же 1313 году «со многою честію», получивъ отъ хана Узбека ярлыкъ, а в. к. Михаилъ въ 1315 г. (428) Въ томъ же 1315 г., когда Михаилъ вернулся изъ орды, Андрей оставилъ епископію и удалился въ монастырь, а на его мѣсто св. Петръ посвятилъ Варсунофія. (429) Неизвѣстно, добровольно или по требованію князя Андрей оставилъ епископію. Если по требованію

князя, то значитъ Михаилъ Ярославичъ хотѣлъ изгладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное Тверскимъ епископомъ на Митрополита и если бы это удалось, то князь могъ расчитывать на то, что онъ можетъ болѣе сблизиться съ Петромъ. У Михаила въ это время возобновилась борьба съ Новгородомъ и съ Москвой.

Послѣ открытаго столкновенія въ 1304 году между Новгородомъ и Тверью, между ними не было непріязненныхъ дѣйствій. Тогда въ 1304 г. Новгородъ выставилъ открытое сопротивленіе Твери за то, что Тверитяне силою хотѣли ввести своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ по смерти Андрея Александровича Городецкаго. Рѣшено было тогда отложить рѣшеніе дѣла до возвращенія князя Тверскаго изъ орды. Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ орды съ ярлыкомъ на в. княженіе Владимірское, Новгородцы признали его своимъ княземъ. Михаилъ пріѣзжалъ въ Новгородъ въ 1307 г.; Новгородцы, какъ мы выше видѣли, заявили ему разныя жалобы. Если князь и не удовлетворилъ вполнѣ Новгородъ по этимъ жалобамъ, то на это могъ претендовать Новгородъ, а не князь. А между тѣмъ въ 1312 г. Михаилъ Ярославичъ прогнѣвался (430) на Новгородъ и пошелъ на него ратію — неизвѣстно, какая могла быть этому причина. Бѣляевъ (разск. рус. ист. II, 408) полагаетъ, что Михаилъ Ярославичъ вѣроятно былъ недоволенъ смѣною посадника Михаила Павшинича, своего сторонника. (431) Какъ бы то ни было, только Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и не пустилъ «обилья въ Новгородъ», занялъ Торжекъ, Бѣжичи и всю тамошнюю волость. Остановка обозовъ съ хлѣбомъ всегда была ударомъ для Новгорода, тѣмъ болѣе теперь, потому что въ прошломъ году (1311 г.) Новгородъ былъ опустошенъ пожаромъ. Въ такой крайности Новгородцы послали владыку Давида въ Тверь, весною, въ роспутицу. Давидъ и Михаилъ Ярославичъ въ Городкѣ на Волгѣ заключили миръ, по которому Новгородъ обязался заплатить Михаилу 1500 гривенъ серебра, а Михаилъ за то «ворота отворилъ», т. е. пропустилъ обозы, шедшіе въ Новгородъ, и затѣмъ вернулъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ. (432) И прежде Новгородъ имѣлъ свои причины жаловаться на Михаила, а теперь такое насилье Тверскаго князя конечно еще болѣе прежняго вооружило Новгородъ противъ Твери. Если когда-то прежде Тверичи такъ были горды, что въ 1304 г. хотѣли посадить своихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ, не спрашивая о томъ Новгородцевъ, то теперь въ 1312 г. послѣ успѣха своего князя намѣстники Михаиловы стали еще смѣлѣе. Они болѣе прежняго стали тѣснить Новгородцевъ, что безъ сомнѣнія между послѣдними произвело сильный ропотъ. Новгородъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы начать дѣйствовать. Такой случай вскорѣ представился. Въ 1313 г. умеръ Тохта и на ханскій престолъ вступилъ Узбекъ, при которомъ Исламъ распространяется въ ордѣ. Митрополитъ Петръ, Михаилъ Ярославичъ и другіе князья поѣхали въ орду за подтвержденіемъ своихъ прежнихъ ярлыковъ или за полученіемъ новыхъ.

Новгородцы воспользовались отсутствіемъ Михаила Ярославича и въ 1314 г. на вѣчѣ рѣшили выгнать его намѣстниковъ, а въ Москву послали звать къ себѣ кн. Юрія Даниловича. Прежній ханъ утвердилъ Михаила Ярославича в. княземъ; новый — Узбекъ не имѣлъ пока причины отнять у Тверскаго князя в. княжеское Владимірское достоинство, да и безъ сомнѣнія Михаилъ въ ордѣ хлопоталъ объ удержаніи его за собою. Юрій согласился на предложеніе Новгородцевъ: передъ ханомъ онъ могъ потомъ оправдаться тѣмъ, что не онъ самъ хотѣлъ Новгорода, а напротивъ сами Новгородцы звали его къ себѣ, не будучи болѣе въ состояніи переносить притѣсненій Тверскихъ намѣстниковъ — Новгородцы были вольны въ князьяхъ, кого хотѣли, того и призывали. Однако Юрій послалъ сперва въ Новгородъ князя Ѳедора Ржевскаго, который перехваталъ намѣстниковъ Михаиловыхъ и заключилъ ихъ подъ стражу на владычнемъ дворѣ. Затѣмъ Новгородцы съ кн. Ѳедоромъ Ржевскимъ вошли въ Тверское княжество и пожгли села на лѣвомъ берегу Волги. Такъ какъ самого Михаила все еще на было въ Твери, то вмѣсто него выступилъ противъ Новгородцевъ его сынъ 15-лѣтній Дмитрій Михаиловичъ. Тверская и Новгородская рать сошлись на Волгѣ, ихъ раздѣляла рѣка; однако онѣ не вступили въ битву, а простояли въ виду другъ друга шесть недѣль до наступленія морозовъ. (433) Тогда заключенъ былъ миръ — должно быть на условіяхъ выгодныхъ для Новгорода, потому что Новгородцы не медля ни мало послали въ Москву звать къ себѣ Юрья Даниловича на всей своей Новгородской волѣ. Московскій князь пришелъ въ Новгородъ со своимъ братомъ Аѳанасьемъ (434) Такимъ образомъ Тверь своими притѣсненіями раздражила Новгородъ и теперь по неволѣ должна была сдѣлать уступку. Но хотя Новгородъ и настоялъ на своемъ, взялъ себѣ князя такого, какой ему нравился, но и короткое размирье со Тверью отозвалось невыгодно на Новгородѣ и даже на Псковѣ. «Той же зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ, что по всей вѣроятности произошло оттого, что былъ остановленъ Тверскимъ княземъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. Во Псковѣ даже происходили грабежи. (435) Впрочемъ, не долго Юрій пробылъ въ Новгородѣ, а Тверь только на короткое время уступила. Вскорѣ Юрій долженъ былъ оставить Новгородъ и чрезъ Ростовъ поѣхалъ въ орду, куда его звалъ Узбекъ. (436)

Не напрасно провелъ Михаилъ Ярославичь два года въ Ордѣ. Хотя въ лѣтописяхъ не говорится, о чемъ онъ тамъ хлопоталъ, но по результату его поѣздки можно видѣть, чего онъ добивался отъ Узбека. Узбекъ утвердилъ его въ достоинствѣ в. князя Владимірскаго. Кромѣ того, Михаилъ какъ видно нажаловался ему на Новгородцевъ и на Юрія Московскаго. Ханъ отпустилъ въ 1315 г. съ Михаиломъ въ Русь не только своихъ пословъ, но и Татарское войско на Новгородъ. Юрія же Узбекъ позвалъ въ орду. Ханъ могъ звать Юрія не только по жалобѣ Михаила, но также и по своему неудовольствію на него. Когда Узбекъ въ 1313 г. вступилъ

на престолъ, то къ нему сейчасъ же поѣхалъ Михаилъ и нѣкоторые другіе князья, а Юрій этимъ временемъ воспользовался, велѣлъ захватить въ Новгородѣ Тверскихъ намѣстниковъ, а въ слѣдъ затѣмъ и самъ туда явился. Конечно, Михаилъ могъ указать хану на этотъ поступокъ Юрія, какъ на неуваженіе къ нему самому. Юрій, какъ кажется, не торопился ѣхать въ орду, а хотѣлъ выждать — чѣмъ кончится походъ Михаила на Новгородъ.

Между тѣмъ Михаилъ собралъ большія силы: съ нимъ были Низовскіе полки и Татары; при немъ же были и ханскіе послы, въ числѣ которыхъ былъ Тайтемиръ. (437) Если этотъ походъ Михаила на Новгородъ сравнивать съ походомъ его отца Ярослава, то окажется слѣдующая разница: Ярославъ когда-то шелъ на Новгородъ также съ большими силами, съ нимъ были ханскіе послы и Татарская рать; но Василій Костромской съумѣлъ эту рать воротить съ дороги; тогда Ярославъ обратился за помощью къ митрополиту, грамота котораго подѣйствовала успѣшно. Теперь Михаилъ идетъ на Новгородъ, съ нимъ и Татары, которыхъ никто не мѣшаетъ ему вести съ собою. Но Михаилъ не обращается къ митрополиту Петру. Можетъ быть Михаилъ опасался обратиться къ святителю, возбудивши въ немъ неудовольствіе къ себѣ еще раньше и на дѣлѣ (въ 1311 г. по случаѣ похода на Нижній) испытавши его нерасположеніе. Михаилъ хотѣлъ покончить однимъ оружіемъ дѣло съ Новгородомъ. Его войска вступили въ Новгородскую землю, начали грабить; многія села заложились за Тверскаго князя, за его княгиню или за бояръ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы избавиться отъ раззоренія. Михаилъ встрѣтилъ Новгородцевъ съ Новоторжцами подъ начальствомъ князя Аѳанасія Даниловича у Торжка, гдѣ они уже стояли шесть недѣль, собирая вѣсти про Тверскаго князя. Новгородцы были разбиты, въ битвѣ ихъ погибло болѣе 1000 человѣкъ, пригородъ Торжка былъ сожженъ. Новгородцы и Новоторжцы вбѣжали въ Торжокъ и затворились въ городѣ. Михаилъ могъ теперь захватить въ руки своихъ главныхъ враговъ. Онъ послалъ сказать въ Торжекъ: «выдайте мнѣ кн. Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго и я съ вами миръ заключу.» Новгородцы на такое требованіе отвѣчали: «не выдаемъ Аѳанасія, но умремъ всѣ честно за Св. Софію.» (438) Тогда Михаилъ потребовалъ выдачи одного князя Ѳедора Ржевскаго; и не хотѣли Новгородцы его выдать, но по неволѣ выдали. (439) Здѣсь у Торжка былъ теперь заключенъ миръ и Новгородцы Михаилу дали за себя окупа 5000 гривенокъ серебра. По заключеніи мира Михаилъ призвалъ къ себѣ кн. Аѳанасія и Новгородскихъ бояръ, захватилъ ихъ и отослалъ въ Тверь въ качествѣ заложниковъ (можетъ быть потому что Михаилъ не довѣрялъ Новгородцамъ, что они исправно заплатятъ условленный окупъ). Послѣ этого насилія Михаилъ сдѣлалъ еще новое насильство. Съ оставшихся людей въ Торжкѣ сталъ брать еще окупъ, сколько кто могъ дать, отобралъ коней и оружіе, и разрушилъ кремль. Послѣ такого раззоренія Торжка Михаилъ послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ. Новоторжская битва

была 10 Февраля 1315 г. (440) Но хотя Михаилъ и заключилъ миръ, а все-таки тѣснилъ торговлю Новгородскую: не пропускалъ ни купцевъ, ни обозовъ съ хлѣбомъ.

Такимъ образомъ Михаилъ возвратился въ Тверь съ полнымъ успѣхомъ. Новгородцы разбиты, обязаны заплатить 5000 сер.; кромѣ того Михаилъ захватилъ кн. Аѳонасія съ Новгородскими боярами, и отослалъ ихъ въ Тверь въ качествѣ заложниковъ. Затѣмъ, онъ воспользовался своимъ перевѣсомъ и заставилъ Новгородцевъ заключить съ собою новый для себя выгодный договоръ. (441)

По этому договору князь и Новгородъ условились: 1) взаимно не искать другъ на другѣ пограбленнаго товара въ это розратье, въ эту замятню, въ княжей волости или по всей волости Новгородской; 2) на основаніи старой Ѳеоктистовой грамоты должно было взять деньги (куны) и отказаться отъ тѣхъ селъ и людей, которые въ эту замятню заложились за князя или за княгиню, или за бояръ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы села были куплены; 3) отдать безъ выкупа плѣнныхъ, взятыхъ по всей волости Новгородской; 4) великій князь Михаилъ и бояре его не должны наводить рати на Новгородъ, и не задерживать гостей въ Суздальской землѣ и нигдѣ; 5) а за все за то князь получаетъ съ Новгорода 12000 серебра, и въ эту сумму зачислить тѣ 3000, что взяли княжескіе повѣренные Федоръ Юрьевичь и Ельферій Жидъ Славичь у заложниковъ (442); заплатить эти деньги въ три срока въ низовой вѣсъ, т. е. вдвое легче Новгородскаго; по уплатѣ первой же условленной части князь долженъ пустить въ Новгородъ хлѣбъ и всякихъ гостей; послѣдній срокъ для уплаты остальныхъ денегъ — вербное воскресенье; а когда князь получитъ серебро, то по цѣлованью долженъ отпустить всѣхъ заложниковъ. А нелюбье князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова, и отъ пригородовъ; а посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ не должны мстить тѣмъ, которые въ Торжкѣ выдали князю его недруговъ. Новгородъ долженъ держать княженье честно, безъ обиды, а князь великій долженъ держать Новгородъ безъ обиды по пошлинѣ. Когда Новгородъ заплатитъ всѣ 12000 сер., то князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты — грамоту заключенную въ городкѣ на Волгѣ и грамоту Новоторжскую заключенную въ Торжкѣ (при Тайтемирѣ). (443) Должно быть Михаилъ не хотѣлъ уничтожить прежнихъ грамотъ, хотя деньги конечно по нимъ получилъ.

Юрій былъ еще на Руси въ это время, конечно выжидая, чѣмъ кончится столкновеніе Михаила съ Новгородомъ. Только черезъ мѣсяцъ (15 Марта) послѣ Новоторжской битвы онъ поѣхалъ въ орду вмѣстѣ съ нѣкоторыми Новгородцами (444), которые конечно готовы были подкрѣпить жалобы Московскаго князя передъ ханомъ. Юрій со свитой бывшихъ при немъ Новгородцевъ выѣхалъ изъ Новгорода еще, до Новоторжской битвы, а затѣмъ чрезъ Ростовъ проѣхалъ въ орду. Послѣ же Новоторжской битвы опять Новгородцы пошли въ орду по какимъ-то своимъ дѣламъ, какъ сказано въ лѣтописи. (445) Шли ли они съ новыми жалобами на Тверь,

или дѣйствительно по какимъ либо другимъ своимъ дѣламъ — можетъ быть, торговымъ — мы не знаемъ, только Тверичи переняли ихъ на дорогѣ и привели къ себѣ въ Тверь.

Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ происходили волненія. Новгородцы разбиты, должны заплатить деньги Тверскому князю, а тутъ еще Тверичи перехватываютъ и тѣхъ изъ нихъ, которые шли въ орду! Все это вмѣстѣ взятое сильно вооружало Новгородъ противъ Тверскаго князя. Новгородъ подозрѣвалъ измѣну и отыскивалъ измѣнниковъ у себя дома. (Новгородцы въ послѣднихъ своихъ неудачахъ, какъ видно, обвиняли Тверскую партію, бывшую въ самомъ Новгородѣ.) Въ 1316 г. въ Новгородѣ схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчѣ и потомъ расправились съ нимъ по Новгородски — сбросили съ моста въ Волховъ: его подозрѣвали въ томъ, что онъ тайно сносится съ Михаиломъ. «А то Богъ вѣсть,» замѣчаетъ при этомъ Новгородскій лѣтописецъ. Тогда же убитъ былъ какой-то Данилко Писцевъ своимъ холопомъ, который оклеветалъ своего господина предъ Новгородцами, сказавши: «господинъ мой Данило держитъ любовь и совѣтъ съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и посылалъ меня къ нему съ грамотами.» (446) Можетъ быть Новгородцы подозрѣвали этихъ перевѣтчиковъ (Игната и Данила) въ томъ, что они дали знать Михаилу о поѣздкѣ тѣхъ Новгородцевъ въ орду, которыхъ онъ перехватилъ. А можетъ быть Новгородцы совершенно напрасно заподозрили Игната Бѣска и Данилу Писцева; самъ лѣтописецъ про вину одного изъ нихъ замѣчаетъ, что она извѣстна только одному Богу. Но во всякомъ случаѣ эти слухи и волненія показывали, что въ Новгородѣ существуетъ сильное раздраженіе противъ Твери. Опасно было показать себя другомъ Твери, стало быть еще опаснѣе было быть въ Новгородѣ самимъ Тверичамъ. При такихъ событіяхъ невозможно было Тверскимъ намѣстникамъ оставаться въ Новгородѣ и они должны были въ томъ же 1316 г. его оставить. (447)

Опять Тверской князь сталъ собираться въ походъ на Новгородъ (въ томъ же 1316 г.). Нужно было и за своихъ намѣстниковъ отмстить, и свою партію поддержать въ Новгородѣ. Михаилъ Ярославичь пошелъ на Новгородъ со всею землею Низовскою. (448) Новгородцы приготовились дать отпоръ. Они сдѣлали острогъ по обѣ стороны города. Къ нимъ пришла на помощь вся волость Новгородская: Псковичи, Ладожане, Рушане, и Корѣла, Ижера, Вожане. Михаилъ благополучно прошелъ по Новгородской землѣ до Ильменя и остановился на Устьянахъ, верстъ за 50 отъ Новгорода. (449) Дальше онъ не пошелъ, а напротивъ повернулъ назадъ. Можетъ быть онъ не ожидалъ такого энергическаго сопротивленія со стороны Новгорода. Къ этой причинѣ могла присоединиться и другая: онъ узналъ, что Юрій, побывавшій въ ордѣ, готовится напасть на него самого. (450) Притомъ же и самъ Михаилъ захворалъ. И такъ, вотъ были три причины, которыя остановили дальнѣйшій походъ Тверскаго князя: сильныя приготовленія самого Новгорода къ защитѣ, вѣсть о враждебныхъ замыслахъ

Юрія и собственная болѣзнь. Тверской князь рѣшилъ отступить и географическія условія Новгородской земли сдѣлали это отступленіе гибельнымъ для Михаила Ярославича. На обратномъ пути его войско заблудилось въ озерахъ и болотахъ, стало страдать отъ голода, отъ котораго многіе воины умерли; ратники ѣли своихъ коней, кожи со щитовъ своихъ, голенища, ремни; для облегченія похода они пожгли свои доспѣхи и оружіе. «И пріидоша пѣши въ домы своя, прибавляетъ лѣтописецъ,......... и много же зла тогда подъяша бывшеи въ войнѣ той.» (451) Такимъ образомъ походъ Тверскаго князя кончился вполнѣ неудачно и бѣдственно. Новгородъ спасся на этотъ разъ, благодаря разнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ и въ томъ числѣ благодаря соперничеству Москвы съ Тверью.

Расчитывая теперь на свой успѣхъ и на бѣдствіе Твери, Новгородъ послалъ въ Тверь предложеніе, освободить захваченныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, которыхъ Михаилъ все еще не отпускалъ. Въ Тверь пріѣхалъ Новгородскій владыка Давыдъ, предлагая окупъ за заложниковъ; князь не послушалъ владыки. (452) Михаилу какъ видно нужно было имѣть въ своихъ рукахъ Новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ Московскимъ. (453) Дѣйствительно Михаилу должно было приготовиться къ новой борьбѣ съ Юріемъ, который въ 1317 г. вернулся изъ орды и шелъ на Михаила. Какъ извѣстно, Юрій не даромъ пробылъ въ ордѣ 2 года. Онъ съумѣлъ пріобрѣсть милость хана Узбека, женился на его сестрѣ Кончакѣ, принявшей при крещеніи имя Агаѳіи, (454) и затѣмъ получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Князь Юрій вернулся въ Русь не одинъ; съ нимъ были Татары и Ханскіе послы, въ числѣ которыхъ былъ князь Кавгадый, пользовавшійся — какъ видно по дальнѣйшему ходу событій — большимъ довѣріемъ у хана. (455) Однако, князья Суздальскіе остались пока на сторонѣ Михаила — вѣроятно потому что еще не знали навѣрное съ какимъ успѣхомъ вернулся Юрій изъ орды, а пока великимъ княземъ Владимірскимъ считался Михаилъ; да если бы Суздальскіе князья и знали, что ярлыкъ на великокняжеское достоинство получилъ Юрій, то они не могли впередъ знать, уступитъ ли Михаилъ Юрію безъ борьбы и чѣмъ кончится въ такомъ случаѣ ихъ споръ. Притомъ же Суздальскіе князья (да пожалуй и самъ Михаилъ) могли думать, что дѣло идетъ совсѣмъ не о великокняжескомъ достоинствѣ, а о Новгородѣ — кому владѣть послѣднимъ. Михаилъ не хотѣлъ допустить врага раззорять свое княжество и выступилъ къ нему на встрѣчу. Михаилъ и Суздальскіе князья сошлись съ Юріемъ на Волгѣ у Костромы. Здѣсь они стояли долгое время, въ теченіе котораго Михаилъ сносился съ Кавгадыемъ. Теперь Михаилъ могъ разузнать навѣрное о положеніи дѣлъ — и о бракѣ Юрія въ ордѣ, и о ярлыкѣ на великокняжеское достоинство. Опасно было Михаилу идти противъ родственника Ханскаго. Кромѣ того, трудно было Михаилу и по другой причинѣ отважиться на битву: прошлогодній неудачный и гибельный походъ на

Новгородъ безъ сомнѣнія уменьшилъ силы Тверскаго князя, осторожность требовала пока уступить. На князя Михаила могли имѣть сильное вліяніе и совѣты Кавгадыя, который благопріятствовалъ Юрію и какъ видно по всему игралъ тутъ главную роль. Въ лѣтописи сказано, что Михаилъ именно «съслався съ Кавгадіемъ, съступися великаго княженіа князь великій Михайло Юрію князю.» (456) Такимъ образомъ Михаилъ не хотѣлъ себя выставить ослушникомъ ханской воли и рѣшился выждать болѣе благопріятнаго времени. Михаилъ отказался отъ великокняжескаго Владимірскаго достоинства въ пользу Юрія (457); затѣмъ вернулся въ Тверь и заложилъ большой кремль. (Въ предъидущемъ году кремль пострадалъ отъ пожара.) По собственному опыту могъ знать Михаилъ, что Московскій князь не оставитъ его и теперь въ покоѣ. Когда самъ Михаилъ сдѣлался в. к. Владимірскимъ, вѣдь онъ тогда немедленно пошелъ на Москву: того же самаго онъ могъ ожидать теперь и со стороны Московскаго князя. Михаилъ и не ошибся. А тутъ еще «бысть знаменіе на небеси», явился кругъ надъ Тверью, что конечно въ то время должно было сильно подѣйствовать на суевѣрное воображеніе людей.

Тогда какъ Михаилъ вернулся въ Тверь, Юрій остался въ Костромѣ (458), собирая войско для похода на самую Тверь. Въ Кострому къ Юрію теперь пришли и князья Суздальской земли. Если и самъ Михаилъ не отважился на борьбу съ Юріемъ и отказался отъ великокняжескаго достоинства, то какъ же могли удѣльныя князья отказать въ своей помощѣ Юрію: это значило бы навлечь раззореніе на свои княжества. Юрій приготовлялъ ударъ сильный и вѣрный для Твери. Тогда какъ самъ онъ съ союзными князьями хотѣлъ съ Юга напасть на Тверскую землю, въ то же время послалъ онъ къ Новгородцамъ какого-то Телебугу, приглашая ихъ напасть съ Сѣвера. (459) Юрій и Новгородцы хотѣли въ одно время напасть съ двухъ сторонъ на Тверь. Михаилу приходилось защищать уже не великокняжеское Владимірское достоинство, а свою собственную отчину. Михаилъ долженъ былъ быть готовымъ дать отпоръ врагамъ съ двухъ сторонъ. Конечно, онъ постарался разбить непріятелей отдѣльно. Сперва онъ пошелъ на Новгородцевъ, которые пришли въ Торжокъ, гдѣ простояли 6 недѣль, пересылаяся съ Юріемъ о томъ, какъ бы за одно съ нимъ ударить на Михаила—«срекаа срокъ», по выраженію Тверской лѣтописи. Наконецъ Новгородцы вышли изъ Торжка и начали воевать по Тверскому рубежу. Михаилъ выступилъ противъ нихъ «не дождався срока ихъ», какъ будто иронически замѣчено въ той же Тверской лѣтописи. Онъ встрѣтился съ Новгородцами, имѣлъ съ ними стычку («и бысть поторжка не мала» сказано въ Твер. лѣт.), въ которой было убито до 200 Новгородцевъ. Что же было дѣлать Новгородцамъ? При первой же встрѣчѣ они разбиты, да и притомъ заложники ихъ еще были въ рукахъ Михаила. Новгородцы сами послали къ Тверскому князю съ челобитіемъ, заключили миръ, по которому обѣщали не заступаться ни за Михаила, ни за Юрія, и вернулись

въ Новгородъ. (460) Слѣдовательно, были двѣ причины, по которымъ Новгородцы должны были примириться съ Михаиломъ, а не потому, что они «не вѣдяху князя Юрья кдѣ есть», какъ замѣчаютъ нѣкоторые лѣтописцы. (461) Какъ было имъ не знать, гдѣ находится князь Юрій, если они изъ Торжка пересылалися съ нимъ.

Управившись съ однимъ врагомъ, Михаилъ выступилъ противъ другаго. Юрій въ это время успѣлъ изъ Костромы передвинуться къ Клину. При Юріи были Суздальскіе князья и посолъ Кавгадый съ Татарами. (462) Почему-то въ этотъ походъ вмѣстѣ съ Юріемъ отправилась и его жена Кончака. Юрій со своимъ войскомъ изъ Костромы прошелъ чрезъ Ростовъ, Переяславль и Дмитровъ къ Тверскому городу Клину. По дорогѣ его войска «много зла творяху христіанамъ.» (463) «И бысть туга не мала, имающе мужи и мучащи различными муками и смерти предаяху, а жены ихъ оскверниша поганіи.» (464) У Клина Юрій вошелъ въ Тверскую землю и началъ жечь, грабить, раззорять, а людей въ полонъ забирать. Однако онъ не рѣшился напасть на Тверь, гдѣ недавно были возобновлены укрѣпленія, и остановился въ 15 верстахъ отъ города; на этомъ мѣстѣ Юрій простоялъ пять недѣль. Всего же непріятель опустошалъ Тверскую землю въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Кавгадый какъ видно игралъ тутъ главную роль. Онъ, а не Юрій, сталъ посылать пословъ къ Михаилу. Послы ѣздили къ Тверскому князю, замѣчаетъ лѣтопись «все съ лестію, и не бысть межи ими мира.» Жаль, что намъ неизвѣстны хотя какія нибудь подробности этихъ переговоровъ, въ чемъ тутъ заключалася «лесть» Кавгадыева. Кавгадый съ Юріемъ и съ Суздальскими князьями пошелъ къ Волгѣ и сталъ на переѣздѣ у Волги. Опустошивши Тверское княжество по одну сторону Волги, они захотѣли переправиться и на лѣвый берегъ этой рѣки, на ту сторону, которая еще не была раззорена и стало быть обѣщала богатую поживу. Если бы это имъ удалось, то Тверское княжество было бы окончательно раззорено.

Что же между тѣмъ дѣлалъ Тверской князь послѣ побѣды надъ Новгородцами, отчего онъ далъ врагу раззорять свое княжество въ теченіе трехъ мѣсяцевъ? Боязнь или какія либо особенныя обстоятельства удерживали Михаила? Разбивъ Новгородцевъ, Михаилъ засѣлъ въ укрѣпленной Твери. Здѣсь онъ могъ хорошо защищаться за ея укрѣпленіями. Рѣшиться на битву — онъ медлилъ. Какъ видно, онъ не расчитывалъ на успѣхъ въ битвѣ съ одними своими Тверичами противъ союзнаго войска. Или можетъ быть Михаилъ опасался, что въ случаѣ побѣды надъ Юріемъ и Кавгадыемъ, его, т. е. Михаила могли бы выставить передъ ханомъ какъ опаснаго ослушника ханской воли, котораго немедленно слѣдуетъ покарать. Тогда онъ долженъ былъ бы перевѣдаться съ самимъ ханомъ Узбекомъ. По крайней мѣрѣ лѣтописи (465) заставляютъ его вести подобнаго содержанія разговоръ съ епископомъ, князьями и боярами Тверскими. Михаилъ призвалъ епископа, князей, бояръ и сказалъ имъ: «братья! видите ли, я и отъ великаго княженія отказался, и выходъ давалъ, и все-таки сколько зла сдѣлали въ вотчинѣ моей!

я терпѣлъ и надѣялся, что злобѣ ихъ настанетъ конецъ, но вижу, что они и моей головы ищутъ. Развѣ я виноватъ, а если виноватъ, то скажите мнѣ.» Тогда епископъ, князья и бояре отвѣчали: «ты правъ, господине, во всемъ. Ты передъ племянникомъ своимъ показалъ смиреніе, а они взяли всю волость твою и хотятъ другую сторону также раззорить; ты, господине, ступай противу ихъ, а мы хотимъ за тебя животъ свой положить.» Въ отвѣтъ на эти слова бояръ, Михаилъ указалъ на плѣнныхъ, захваченныхъ Татарами, и на слова Евангелія, которое совѣтуетъ душу свою положить за други своя. Кажется, что тутъ можно привести еще и другія соображенія. Въ Тверской лѣтописи сказано, что когда враги намѣревались раззорить княжество и по другую сторону Волги, то «великій же князь Михайло съвокупися, и мужи Тверичи и Кашинци поидоша противу Юрію.» При этомъ случаѣ въ лѣтописи въ первый разъ встрѣчается выраженіе «мужи Кашинци» и они въ первый разъ поставлены наравнѣ съ Тверичами. Это показываетъ, что пригородъ Кашинъ въ это время достигъ значительной степени силы. (466) Тверское княжество на лѣвомъ берегу Волги пользовалось относительно бо́льшимъ спокойствіемъ, нежели на правомъ берегу. Въ случаѣ разрыва Твери съ Новгородомъ военныя дѣйствія обыкновенно сосредоточивались около Торжка, или Тверскія войска шли на самый Новгородъ. (Можетъ быть и многіе жители съ праваго берега переселялись на лѣвый.) Кашинъ возвысился между остальными другими городами Тверскаго княжества. Вышеприведенное мѣсто Тверской лѣтописи какъ будто намекаетъ на то, что Кашинъ первоначально хотѣлъ дѣйствовать особнякомъ. Пока враги опустошали правый берегъ Волги, Кашинъ не трогался, не шелъ на помощь Тверичамъ, а это и могло удерживать князя Михаила въ бездѣйствіи: Кашинъ могъ думать, что враги уйдутъ и до него очередь не дойдетъ. Но вотъ опустошеніе грозитъ и лѣвому берегу Волги, стало быть и самому Кашину. Въ виду такой близкой, неминуемой опасности «мужи Кашинци» соединилися, «совокупилися» съ Тверичами. И такъ только теперь «мужи Тверичи и Кашинци поидоша противу Юрію.» Михаилъ встрѣтилъ Юрія и Кавгадыя съ ихъ союзниками въ 40 верстахъ отъ Твери при селѣ Бортеневѣ. (467) Здѣсь 22 Декабря произошелъ сильный бой, кончившійся тѣмъ, что Тверской князь одержалъ рѣшительную побѣду. Михаилъ Ярославичь отбилъ множество плѣнныхъ (468) и самъ захватилъ въ плѣнъ многихъ бояръ и князей, въ томъ числѣ и брата Юрьева Бориса: такимъ образомъ въ его рукахъ были и Борисъ и Аѳанасій Даниловичи. Михаилъ Ярославичь захватилъ также и Кончаку. Кавгадый, видя побѣду Михаилову, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и уйти въ станъ. (469) Юрій же съ немногими спутниками убѣжалъ въ Новгородъ.

Михаилъ одержалъ полную побѣду. Одни враги захвачены въ плѣнъ, Юрій же бѣжалъ. Но передъ Тверью оставался еще Кавгадый, который въ этихъ событіяхъ игралъ такую важную роль.

По всему видно, что Михаилъ не только старался его щадить, но даже ему угодить: онъ видѣлъ, какъ много значитъ Кавгадый и потому пытался перетянуть его на свою сторону, а затѣмъ снискать и милость самого хана. Михаилъ не только запретилъ избивать Кавгадыевыхъ Татаръ (должно быть онъ боялся озлобленія Тверичей противъ нихъ), но на другой день послѣ битвы самъ видѣлся съ Кавгадыемъ, примирился съ нимъ, и взялъ его въ Тверь со всей его дружиной, гдѣ держалъ ихъ въ большой чести. Кавгадый теперь обѣщалъ Михаилу свою защиту, говорилъ, что онъ приходилъ на него безъ царева повелѣнія; въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (470) прибавлено, будто Кавгадый даже признался Михаилу, что онъ боится опалы отъ хана. Какъ видно, Кавгадый хотѣлъ тутъ вывернуться половче.

Между тѣмъ Юрій просилъ покровительства Новгородцевъ. Новгородъ конечно не хотѣлъ дать перевѣса своему врагу Твери надъ Москвой. Притомъ же Юрій былъ родственникъ хана и могъ получить новую помощь изъ орды; въ случаѣ отказа Новгорода, онъ могъ съ новымъ Татарскимъ войскомъ опустошить и Новгородскія владѣнія. По такимъ соображеніямъ Новгородъ долженъ былъ помочь Юрію. Но съ другой стороны Новгородскіе заложники были еще въ рукахъ Михаила; кромѣ того Тверь могла мѣшать подвозу хлѣба въ Новгородъ. Новгородъ былъ въ затруднительномъ положеніи. А потому Новгородъ рѣшился быть посредникомъ между спорящими князьями, не принимая окончательно стороны ни того ни другаго. Еще до Бортеневской битвы Новгородъ обѣщалъ Михаилу не вступаться ни за него, ни за Юрія (како не въступатися ни по одиномъ) и Новгородъ счелъ за лучшее сдержать свое обѣщаніе. Весь Новгородъ и Псковъ, взявши съ собою владыку Давыда, пошелъ съ Юріемъ на Волгу. Михаилъ встрѣтилъ ихъ у Брода. Это было весною. (471) Здѣсь было рѣшено, что оба князя пойдутъ на судъ въ орду, и Михаилъ заключилъ, въ томъ же 1317 г., договоръ съ Юріемъ и съ Новгородомъ. По этой договорной грамотѣ Михаилъ: 1) обязался признать старыя границы между Новгородскими и Тверскими владѣніями; при этомъ обязательствѣ въ первый разъ въ грамотахъ встрѣчается названіе Кашина, который разграничивается съ какими-то Новгородскими землями. Кромѣ того Михаилъ обѣщалъ 2) не задерживать гостей и пословъ Новгородскихъ въ своихъ владѣніяхъ и пустить обозы съ хлѣбомъ въ Новгородъ. 3) Михаилъ обязался возвратить Новгороду села захваченныя какъ имъ самимъ, такъ и дѣтями его, и княгиней его, и боярами его, — изъ за чего Михаилъ велъ споръ съ Новгородомъ съ самаго начала своего княженія. Наконецъ 4) Михаилъ долженъ былъ уничтожить двѣ прежнія грамоты — заключенную въ Городкѣ на Волгѣ (о 1500 сер.) и заключенную въ Торжкѣ при Тайтемирѣ (о 5000 сер.). (472) Послѣ заключенія этого договора Михаилъ обязался освободить жену Юріеву и его братьевъ, Бориса и Аѳанасія, а также и когда то захваченныхъ Новгородцевъ. Такимъ образомъ Михаилъ хотя и одержалъ побѣду при Бортеневѣ, а все-

таки долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки. Но жена Юріева Кончака умерла въ Твери и разнесся слухъ, что ее отравили: слухъ о насильственной смерти Кончаки много повредилъ Михаилу въ послѣдствіе времени. Тѣло Кончаки отвезли въ Ростовъ. (473)

И такъ, Михаилъ освободилъ и плѣнныхъ Московскихъ князей, и плѣнныхъ Новгородцевъ, согласился идти въ орду на судъ къ Узбеку, а между тѣмъ самъ не спѣшилъ ѣхать къ хану, а послалъ вмѣсто себя своего 12-лѣтняго сына Константина. (474) Князь-ребенокъ конечно былъ плохой ходатай за своего отца въ ордѣ. Посылая своего малолѣтняго сына въ орду, Михаилъ вѣроятно расчитывалъ на свои права (старѣйшинства), надѣялся легко оправдаться, особенно послѣ обѣщанія поддержки со стороны Кавгадыя, и если послалъ своего сына Константина, то уже конечно не какъ заступника, а какъ заложника своей вѣрности и повиновенія хану. Въ Москву же Михаилъ послалъ (въ 1318 г.) Александра Марковича «посольствомъ о любви». Михаилъ безъ сомнѣнія хотѣлъ предварительно до поѣздки въ орду покончить всѣ свои споры съ Юріемъ, а это конечно могло удерживать Тверскаго князя на Руси. Но Юрій уже хлопоталъ о томъ, какъ бы повѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ, а потому онъ не обратилъ вниманія на мирныя предложенія Тверскаго посла и велѣлъ его убить. Между тѣмъ Кавгадый, обѣщавшій свою поддержку Михаилу, давалъ совѣты Юрію, какъ лучше дѣйствовать въ ордѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ даже называютъ Кавгадыя «начальникомъ всему злу». (475) Кавгадый посовѣтовалъ Юрію взять съ собою въ орду многихъ князей, бояръ и Новгородцевъ. Конечно всѣ они должны были помогать Юрію въ его жалобахъ на Михаила; самыми надежными помощниками въ этомъ случаѣ должны были быть Новгородцы: они много лѣтъ терпѣли притѣсненія отъ Тверскаго князя, спорили съ нимъ, переплатили ему большія суммы денегъ, уже однажды, именно послѣ Новоторжской битвы ѣздили съ Юріемъ въ орду жаловаться Узбеку на Михаила, и теперь готовы были воспользоваться новымъ случаемъ повредить Твери и ее ослабить, однимъ словомъ отмстить за все прежнее. Новгородцы могли снабжать Юрія и деньгами, что было очень важно. По совѣту того же Кавгадыя были написаны многія «лжесвидѣтельства» на Михаила. (476) Почему же Кавгадый обманулъ Михаила и дѣйствуетъ какъ его самый жестокій врагъ и теперь до поѣздки въ орду, давая совѣты Юрію, и потомъ въ самой ордѣ передъ ханомъ? Конечно, обѣщаніе помощи Михаилу со стороны Кавгадыя было только однимъ притворствомъ. Деньги Юріевы могли убѣдительно дѣйствовать на Кавгадыя, но кромѣ того Кавгадый долженъ былъ и въ собственныхъ интересахъ стараться погубить Михаила. Если бы Михаилъ оказался правымъ, то Кавгадый въ такомъ случаѣ — виноватымъ, какъ главный виновникъ всего происшедшаго. Ханъ довѣрился Кавгадыю, онъ его послалъ въ Русь съ своимъ ярлыкомъ и отрядомъ, и что же? и самъ посолъ захваченъ какъ плѣнникъ. Чрезъ это падалъ авторитетъ хана, въ этомъ виноватъ былъ Кавгадый какъ худой

исполнитель воли Узбека. Враги же Кавгадыевы въ ордѣ могли воспользоваться этимъ случаемъ и сильно вооружить хана противъ него. (477) Кавгадый могъ потерять милость, всякое значеніе, а пожалуй и самую голову. И вотъ Кавгадый, для собственнаго самосохраненія, спѣшитъ дѣйствовать и старается какъ можно болѣе оклеветать Михаила. Тогда какъ Тверской князь медлилъ, оставался у себя въ Твери, «начальникъ всего зла, беззаконный, треклятый» Кавгадый и Юрій съ князьями, боярами и Новгородцами поѣхали въ орду (въ 1318 г.). Кавгадый между прочимъ взвелъ на Михаила одно обвиненіе, которое уже употреблялось князьями и раньше, именно утайку дани. Онъ такъ говорилъ хану: «Тверской князь Михаилъ собралъ по городамъ многія дани и хочетъ бѣжать къ Нѣмцамъ, а къ тебѣ идти не хочетъ и твоей власти не повинуется.» (478) Ханъ разгнѣвался и велѣлъ было уморить голодомъ Михаилова сына Константина, но тутъ нѣкоторые вельможи сказали ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ не явится въ орду. Тогда Узбекъ велѣлъ освободить молодаго княжича. (479) Однако Кавгадый боялся, что Михаилъ можетъ оправдаться (480), и потому онъ послалъ многихъ Татаръ перехватить его гдѣ нибудь на дорогѣ и убить, но это не удалось. (481). Тогда Кавгадый сталъ говорить хану, что Михаилъ никогда не пріѣдетъ въ орду, и ханъ хотѣлъ уже послать на него войско (482), но тутъ наконецъ самъ Михаилъ отправился къ Татарамъ.

Въ Августѣ 1318 г. Михаилъ Ярославичь выѣхалъ изъ Твери въ орду, принявъ благословеніе отъ своего епископа Варсонофія. (483) До р. Нерли его проводили (484) княгиня Анна и младшій сынъ Василій; старшіе же сыновья Дмитрій и Александръ поѣхали съ нимъ дальше. Когда Михаилъ пріѣхалъ во Владиміръ, то встрѣтилъ здѣсь ханскаго посла Ахмыла. Должно быть этотъ Ахмылъ былъ врагъ Кавгадыю: онъ предупредилъ Михаила, что Кавгадый оболгалъ его въ ордѣ, а потому торопилъ его въ орду для скорѣйшаго оправданія. «Зоветъ тебя царь», говорилъ Ахмылъ, «поѣзжай скорѣе, будь чрезъ мѣсяцъ, а если не поспѣешь, то уже назначена рать на тебя и на твои города; оболгалъ тебя предъ царемъ Кавгадый, говоря, что не будешь ты въ ордѣ.» (485) Тогда бояре стали совѣтовать Михаилу не ѣздить самому въ орду, а послать еще одного изъ сыновей. Дмитрій и Александръ совѣтовали отцу то же самое, предлагая такимъ образомъ обождать время, пока минетъ ханскій гнѣвъ. Но Михаилъ «крѣпкымъ же умомъ, исполненъ смиренія» отвѣчалъ: «царь хочетъ не кого либо другаго, а именно меня; если я не поѣду, то вотчина моя въ полону будетъ и множество Христіанъ убито; придется же когда нибудь умирать, то не лучше ли теперь положить свою душу за многія души.» (486) Онъ отослалъ своихъ сыновей домой «давъ имъ рядъ, написа грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою.» (487) Михаилъ отправился далѣе въ путь и въ началѣ Сентября нашелъ хана на берегу Азовскаго моря, при устьѣ Дона. Узбекъ далъ ему пристава для его безопасности. Михаилъ одарилъ всѣхъ кня-

зей ордынскихъ и ихъ женъ, а потомъ и самого хана и ханинъ. (488) Но Юрій и Кавгадый пріѣхали въ орду раньше Михаила: они уже успѣли настроить кого нужно въ свою пользу. Юрій побывалъ въ Новгородѣ предъ поѣздкой въ орду, съ нимъ были Новгородцы, стало быть онъ могъ располагать деньгами, да и притомъ на его сторонѣ былъ такой сильный союзникъ какъ Кавгадый. Чрезъ полтора мѣсяца Узбекъ велѣлъ судить Михаила съ Юріемъ. (489) Ордынскіе князья (490) собрались въ одной вежѣ за царскимъ дворомъ. Тутъ-то и были представлены противъ Михаила обвинительныя грамоты — конечно тѣ самыя, которыя были раньше составлены по совѣту Кавгадыя. (491) Два раза Михаилъ являлся въ судъ, на которомъ Кавгадый былъ и обвинителемъ и судьею. Послѣ перваго же допроса хану сказали, что Михаилъ по суду достоинъ смерти. Ханъ велѣлъ еще разъ разсмотрѣть дѣло Михаила; Кавгадый при этомъ настоялъ, чтобы Михаила на слѣдующій судъ привели связаннаго. (492) Ордынскіе князья обвиняли Михаила въ томъ, что онъ утаилъ отъ хана многія собранныя дани (Татары могли знать, что Михаилъ бралъ большія суммы денегъ съ Новгородцевъ, и могли поставить ему въ вину то, зачѣмъ онъ съ ними не подѣлился), гордъ и непокорливъ хану, бился съ его посломъ, побилъ многихъ князей и Татаръ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною и отравилъ Кончаку. (493) Судьи не обратили вниманія на оправданія Михаиловы: (494) они всѣ шли за Кавгадыемъ и такимъ образомъ помогали Юрію; Кавгадый сказалъ Михаилу, что онъ достоинъ смерти; потомъ всѣ судьи сказали то же самое хану, который и утвердилъ ихъ приговоръ. (495) Это было въ пятницу вечеромъ, а на другой день въ субботу Михаила опять привели въ собраніе ордынскихъ князей, но не для суда, а за тѣмъ, чтобы приставить къ нему стражу и заковать руки, а въ слѣдъ за тѣмъ на шею надѣли ему тяжелую деревянную колоду. (496) Въ такомъ видѣ повели Михаила (497) за Узбекомъ, который тогда отправлялся въ походъ на хана Абусаида, Монгольскаго повелителя Ирана; дорогою Узбекъ развлекался охотой. (498) Хотя ханъ и согласился на казнь Михаила, однако объ этой волѣ Узбека сообщили ему почти чрезъ мѣсяцъ. Быть можетъ ханъ и пощадилъ бы Михаила, но онъ шелъ въ походъ; опасно было оставлять безъ наказанія князя, который былъ обвиненъ въ неповиновеніи хану; Узбекъ могъ думать, что это подастъ примѣръ другимъ русскимъ князьямъ, которые воспользуются его отдаленнымъ походомъ и возстанутъ противъ него. У Татаръ еще со временъ Чингисъ-хана было постановлено закономъ, что если самый высшій изъ князей провинится въ чемъ нибудь, и государь пошлетъ къ нему кого нибудь изъ приближенныхъ своихъ, для наказанія его, то виновный князь долженъ повергнуться къ ногамъ посланнаго, хотя бы онъ былъ изъ самыхъ низшихъ служителей, и лежать доколѣ не будетъ исполнено надъ нимъ повелѣнное государемъ наказаніе, даже еслибъ это было и лишеніе жизни. (499) Въ одинъ день Кавгадый велѣлъ привести

Михаила «яко разбойника и злодѣя нѣкоего» на торгъ, гдѣ было много народу и «много зла изглагола на него». (500) Кромѣ того Кавгадый созвалъ всѣхъ заимодавцевъ и велѣлъ поставить Михаила на колѣни. (501) Затѣмъ Кавгадый сказалъ: «гнѣвъ ханскій на виновныхъ и наказаніе съ милостію всегда пребываетъ, но этотъ достоинъ смерти; извѣстно и достовѣрно слово хана и судъ его праведенъ. Ханъ нашелъ, что князь Михаилъ милости не достоинъ и заслужилъ смерть своими злыми дѣлами, и вотъ онъ теперь въ тягости и нуждѣ и скоро смерть пріиметъ; но по ханской милости и по его величеству подобаетъ его почтити, потому что онъ уже при смерти.» Кавгадый велѣлъ расковать Михаила, принести воды, омыть его, надѣть на него дорогую одежду, также «повелѣ ясти принести и овощи всякія, также пити принести.» Таковъ былъ Монгольскій обычай. Михаилъ ни до чего не дотронулся. Тутъ было много народу «аки песокъ»; здѣсь были и Греки, и Нѣмцы, и Литва, и Русь, и многіе православные; всѣ они видѣли въ какое унизительное положеніе былъ поставленъ сильный русскій князь. Кавгадый потомъ велѣлъ снять съ него дорогую одежду и опять заковать. (502) Еще прошло 26 дней и наконецъ настала среда 22 Ноября 1318 г. Орда тогда была недалеко отъ Дербента. (503) Этотъ день былъ назначенъ для казни Михаила, и Михаилъ кажется зналъ объ этомъ, потому что онъ началъ готовиться къ смерти. По отъѣздѣ изъ Владиміра князь каждую недѣлю постился и причащался, а во время содержанія подъ стражей утѣшалъ себя чтеніемъ псалмовъ Давыдовыхъ. Теперь же въ среду утромъ, въ день своей кончины, онъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ правило причащенія, исповѣдался съ нимъ бывшему игумену и причастился Св. Таинъ. Призвалъ сына своего Константина, далъ ему нѣкоторыя наставленія, (504) потомъ началъ читать Псалтырь. Вскорѣ въ шатеръ вбѣжалъ одинъ изъ его отроковъ и объявилъ, что къ нему идутъ Кавгадый, Юрій и множество народа. Михаилъ догадался, зачѣмъ они идутъ, и послалъ сына своего Константина къ ханшѣ (вѣроятно къ Баялынѣ или Беялунѣ) съ просьбою о защитѣ, которую она обѣщала. (505) Но Кавгадый съ Юріемъ уже были близко. Они впередъ послали убійцъ, а сами сошли съ коней на торгу недалеко отъ вежи Михаиловой, на перелетъ камня. Убійцы ворвались въ вежу Михаила, разогнали всѣхъ людей его, — также и тѣхъ многихъ Татаръ, которые у него служили, (506) — схватили его за колоду, и такъ сильно ударили о стѣну, что вежа проломилась; онъ вскочилъ, тогда многіе убійцы бросились на него, повалили на землю, и били нещадно пятами. Одинъ изъ убійцъ, именемъ Романецъ, (507) большимъ ножемъ ударилъ Михаила въ ребра и вырѣзалъ сердце. (508) Его вежу разграбили Русскіе и Татары, а всѣхъ бывшихъ при немъ, какъ Христіанъ, такъ и Татаръ, служившихъ ему, обобрали и заковали. (509) Не успѣли спастись кн. Константинъ и тѣ немногіе бояре и слуги, которые убѣжали къ ханшѣ. Тѣло Михаила было брошено нагое. Когда Кавгадый и Юрій узнали о смерти Михаила, то подъѣхали

къ трупу. Кавгадый «съ яростію» сказалъ Юрію: «не братъ ли онъ тебѣ старѣйшій, какъ отецъ; зачѣмъ же тѣло его лежитъ нагое.» (Татарину теперь нечего было бояться убитаго Михаила.) Тогда по приказанію Юрія одинъ изъ свиты покрылъ тѣло своею котыгою. Тогда же князья и бояре въ одной вежѣ пили вино и хвалились тѣмъ кто что наговорилъ на Михаила. (510) Тѣло положили на телѣгу, увязали крѣпко веревками и повезли въ Русь въ сопровожденіи Московскихъ бояръ. Когда проѣзжали Маджары (511), то гости, знавшіе покойнаго, хотѣли поставить его въ церкви, съ честію, со свѣчами; бояре же Московскіе не дали имъ и взглянуть на него, но «со многою укоризною» поставили его въ хлѣвѣ за сторожами. Наконецъ тѣло привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ.

Не скоро обо всемъ случившемся узнали въ Твери, потому что не кому было вѣсти подать. Юрій Даниловичь, получившій ярлыкъ на великокняжеское и Владимірское достоинство, захватилъ и держалъ какъ плѣнныхъ князя Константина, бояръ и слугъ отца его. На слѣдующее лѣто пріѣхалъ Юрій въ Русь на в. княженіе и привелъ съ собою узниковъ. Тогда только въ Твери узнали обо всемъ обстоятельно. Великая княгиня Анна, ея сыновья Дмитрій, Александръ, Василій просили Юрія, чтобы онъ отпустилъ тѣло ихъ отца. Съ такою просьбою ѣздилъ во Владиміръ къ Юрію князь Александръ Михайловичь съ Тверскими боярами (въ Іюнѣ 1319 г.) и они едва умолили кн. Юрія Даниловича. (512) Въ Москву были присланы Тверскіе бояре, игумены, священники, которые и привезли тѣло Михаила въ Тверь, гдѣ на Волгѣ въ насадахъ его встрѣтили князья Дмитрій, Александръ, Василій, вдовствующая княгиня Анна, а на берегу у св. Архангела Михаила епископъ Варсонофій, игумены и священники. Тѣло св. князя оказалось совершенно нетлѣннымъ не смотря на то, что лежало весну и лѣто то въ землѣ, то на открытомъ воздухѣ. «И пѣвше надъ нимъ надгробное пѣніе, и положиша въ церкви святаго Спаса на десной странѣ, юже бѣ самъ создалъ, посторонь преподобнаго епископа Семеона, мѣсяца сентября въ 6 день.» (513) Лѣтописцы заключаютъ разсказъ свой о смерти и погребеніи Михаила похвалою этому князю. (514) Такъ напр. они говорятъ: «Если бы князь Михаилъ не пошелъ въ орду, а убѣжалъ въ другія земли, то пришли бы Татары, сколько бы Христіанъ замучили, и церкви святыя предали бы поруганію. Но этотъ в. к. Михаилъ за всѣхъ пострадалъ. Хотя онъ былъ убитъ и не ради вѣры, но нѣтъ выше заповѣди какъ та, если кто душу свою положитъ за други своя.» Также лѣтописецъ счелъ нужнымъ сказать, что Михаилъ воздерживался отъ пьянства, за что и любимъ былъ своею матерью Ксеніею.

Ксенія очень любила своего сына Михаила Ярославича. Она воспитала его «въ страхѣ Господнемъ и научила святымъ книгамъ и всякой премудрости.» (515) А что онъ былъ начитанъ священнымъ книгамъ, то это видно изъ того, что во время суда и содержанія подъ стражею въ ордѣ, Михаилъ читалъ Псалтырь; священ-

ники, бывшіе при немъ, замѣтили, что все это псалмы ему знакомые. Въ житіи Дмитрія Донскаго хотя и прославляется строгая жизнь Димитрія, отвращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, цѣломудріе до брака и послѣ брака, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорится: «аще и *книгамъ неученъ* бѣаше добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше.» (516) Лѣтописи свой разсказъ о смерти и погребеніи кн. Михаила заключаютъ похвалою этому князю. (517) Этотъ блаженный христолюбивый в. к. Михаилъ Ярославичь, говорятъ лѣтописцы, былъ «тѣломъ преболій человѣкъ», сановитъ и смысленъ болѣе многихъ, страшенъ былъ врагамъ (страшень бывь ратнымъ); во многихъ случаяхъ показалъ свое мужество и добрый нравъ, съ Божіею помощью всегда одолѣвалъ непріятеля, о чемъ слава прошла и въ дальнія страны; онъ съ дѣтства былъ боголюливъ, всегда «въ сладость» слушалъ божественныя книги, любилъ правду, воздавалъ честь епископамъ и попамъ, болѣе же всего любилъ чернеческій чинъ; былъ воздерженъ отъ «похоти пьянства» (нашелъ нужнымъ замѣтить лѣтописецъ), за что и былъ любимъ своею матерью Ксеніею, которую во всемъ слушался; онъ имѣлъ въ сердцѣ божественную ревность, часто вспоминалъ подвиги святыхъ мучениковъ, которые пострадали ради вѣры Христовой; самъ желалъ испить ту же чашу, почему Богъ и сподобилъ его одного за многихъ Христіанъ принять блаженную смерть; если и не ради вѣры убитъ былъ блаженный, какъ святые мученики, но все же по заповѣди Спасителя, который сказалъ, что нѣтъ выше той любви какъ та, если кто душу свою положилъ за други своя.

Въ иконописныхъ подлинникахъ (518) описывается наружность Михаилова: «Мало сѣдинка. Брада со Власіеву. Шапка на главѣ, шюба на немъ лазорь; исподъ багоръ, отворотъ куней. Въ правой крестъ; въ лѣвой мечь въ ножнахъ.» — «Сѣдина мала. Плѣшивъ. Брада, аки Михаила Черниговскаго. На главѣ шапка, въ правой руцѣ крестъ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.» Въ рукописныхъ святцахъ (519) читаемъ: «сѣдина мала, плѣшивъ, на головѣ шапка, въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой мечь въ ножнахъ; обрѣтены быша мощи его въ лѣто 1632 Нояб. 24 дня, а принесены въ лѣто 1654 Сент. 1.» Въ ризницѣ соборнаго Тверскаго храма хранится снимокъ съ образа св. благовѣрнаго князя Михаила и его матери Ксеніи. (Какъ раскрашенное изображеніе этого образа, такъ и описаніе его можно найти въ книгѣ Соколова объ этомъ князѣ: Св. князь Михаилъ Тверской. Тверь. 1864; по мнѣнію автора этотъ снимокъ съ образа св. благовѣрнаго князя Михаила и его матери Ксеніи имѣетъ достоинство замѣчательной древности.) На немъ можно также видѣть (замѣчаетъ авторъ г. Соколовъ) изображеніе древней крѣпости города Твери, потому что князь и княгиня представлены держащими въ рукахъ городъ Тверь, какъ бы поручая его покровительству Бога; подлинникъ образа 11½ вершк. длины и 9 вершк. ширины. (520)

Супругой Михаила Ярославича была княгиня Анна Дмитріевна (дочь к. Дмитрія Борисовича Ростовскаго), съ которой онъ соче-

тался бракомъ въ 1294 г. Послѣ трагической кончины своего супруга, в. к. Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ—но неизвѣстно въ которомъ году. Въ лѣтописи подъ 1357 г. (521) встрѣчаемъ извѣстіе, изъ котораго можно видѣть, что въ этомъ году она уже была пострижена; подъ этимъ годомъ разсказывается, что «у к. Михаила Александровича Тверскаго внука Михаилова, правнука Ярославля, преставись сынъ к. Александръ у бабы своея, у в. к. Соѳьи въ Соѳѣйскомъ монастырѣ.» По этому извѣстію можно подъ именемъ Софіи разумѣть и бабушку Михаила Александровича, Анну, и бабушку его сына, мать самого Михаила, Анастасію. Но Никоновская же лѣтопись подъ 1365 г., говоря о преставленіи, во время мора въ Твери, «в. княгини Настасьи Александровой», не называетъ ее Софьей, а подъ 1368 г. выражается еще яснѣе: «Преставись в. к. Соѳья, в. князя Михаила Ярославича Тверскаго.» (522) Вотъ все, что мы о ней, послѣ кончины ея супруга, знаемъ изъ лѣтописей: что она въ 1357 г. уже была пострижена, а въ 1367 г. умерла. Но не знаемъ ни того когда она постриглась, ни того гдѣ она умерла — въ Твери или Кашинѣ, ни того гдѣ она постоянно жила — въ Твери или Кашинѣ.

Составленное въ Кашинѣ въ XVII в. житіе (рукописное) благовѣрной княгини Анны Кашинской, во иночествѣ Софіи, говоритъ, что погребенная въ Кашинѣ княгиня есть именно в. к. Анна, супруга Михаила Ярославича, дочь Дмитрія Борисовича Ростовскаго. Житіе говоритъ, что в. к. Анна, послѣ страдальческой кончины супруга, приняла постриженіе съ именемъ Софіи въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ и пребывала то въ Твири, то въ Кашинѣ, удѣлѣ меньшаго сына своего Василія, до блаженной своей кончины. Въ XVII в. по волѣ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Іоасафа, мощи княгини-инокини, обрѣтенныя нетлѣнными, перенесены митрополитомъ Ростовскимъ Варлаамомъ изъ Кашинской Успенской церкви въ соборный храмъ того же города. А въ 1677 г. по желанію царя Ѳеодора, патріархъ Іоакимъ посылалъ въ Кашинъ духовныхъ лицъ для освидѣтельствованія мощей и изслѣдованія записанныхъ чудесъ; затѣмъ, вмѣстѣ съ бывшими въ Москвѣ архіереями и другими властями, сравнивалъ житіе блаженной княгини, написанное дьячкомъ Никифоромъ Варлаамовымъ, съ лѣтописями и нашелъ много несогласій. Чудеса, приписанныя къ житію, оказались сомнительными и самое нетлѣніе мощей и одеждъ при осмотрѣ не подтвердилось. А потому присутствовавшіе на Соборѣ святители рѣшили отложить сопричисленіе блаженной Анны къ лику святыхъ «до подлиннаго извѣщенія, егда аще впредь Богъ объявитъ и утвердитъ.» Вслѣдствіе того рака благовѣрной княгини запечетана, иконы ея, служба и житіе отобраны и спрятаны архіепископомъ Тверскимъ, пѣніе молебновъ воспрещено, храмъ, созданный во имя ея въ Кашинѣ, освященъ вновь во имя всѣхъ святыхъ. Съ того времени мощи почиваютъ подъ спудомъ, а память благовѣрной княгини мѣстно чтится 2 Октября. (523)

Въ какомъ же положеніи была Тверь при своихъ второмъ и

третьемъ князьяхъ, Святославѣ и Михаилѣ Ярославичахъ? Святославъ не хлопоталъ ни о великокняжескомъ Владимірскомъ достоинствѣ, ни о захватѣ Новгорода, а думалъ только о томъ, какъ бы сохранить свое княжество во время споровъ его дяди и двоюродныхъ братьевъ. Его дѣятельность была гораздо скромнѣе дѣятельности его отца.

Но вотъ дѣлается в. княземъ Михаилъ Ярославичь. Онъ ведетъ споры съ Москвой и съ Новгородомъ (съ послѣднимъ чаще). «Новгородское княжествованіе Михаила, продолжавшееся 14 лѣтъ, было одно изъ самыхъ тяжелыхъ и нещастныхъ для Новгорода; во всѣ 14 лѣтъ Новгородцы были почти постоянно во враждѣ съ княземъ; и князь, имѣя въ Новгородѣ довольно сильную партію, не только ни въ чемъ не помогалъ Новгородцамъ, а напротивъ постоянно притѣснялъ ихъ. Впрочемъ, не смотря на силу Михаила, Новгородцы во все это время держали себя съ достоинствомъ и постоянно отстаивали свои изконныя права, и стараясь упрочить свою самостоятельность, заключили съ Михаиломъ болѣе десяти (по нашему счету — до десяти) договорныхъ грамотъ, въ которыхъ опредѣлялись отношенія князя къ Новгородцамъ.» (Бѣл. разск. рус. ист. II, 417).

Тверь была между двумя врагами: Новгородомъ и Москвой. Борьба съ ними изнуряла Тверь. Новгородъ и Москва, имѣя противъ себя общаго врага — Тверь, постоянно дѣйствовали противъ нея и если было можно, то подавали другъ другу руку помощи. Тверь раздражала Новгородъ, и Новгородъ дѣйствовалъ противъ Твери — то оружіемъ, то деньгами и жалобами предъ ханомъ. Новгородъ помогалъ Москвѣ противъ Твери, способствовалъ возвышенію Москвы, хотя такимъ образомъ и рылъ самъ себѣ яму въ будущемъ. Михаилъ сильно вооружилъ противъ себя и Новгородъ и Москву, и они при помощи Татарскаго временщика (Кавгадыя) и самого хана Узбека погубили Михаила.

Не удалось князю Тверскому пріобрѣсть любовь и склонить на свою сторону митрополита Петра: при Иванѣ Даниловичѣ Петръ жилъ въ Москвѣ, а его преемники окончательно поселились въ ней. «Инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше в себѣ живуща.» (Такъ замѣчено въ Ник. III, 140 о времени Ѳеогноста, преемника Петру.) Не говоря уже о томъ, что духовная власть митрополита помогаетъ Московскимъ князьямъ, но быть можетъ и самый титулъ митрополичій навелъ Московскихъ князей на мысль употреблять подобный же, т. е. «в. князья всея Руси» (который начали употреблять Московскіе князья со времени Ивана Даниловича). 524)

Въ исторіи Россіи Соловьева (IV, 142) говорится слѣдующее: «По смерти Невскаго Ярославу Тверскому помѣшалъ усилиться Василій Костромской, но самъ умеръ скоро и бозпотомственно, очистивъ такимъ образомъ старшій столъ для сыновей Невскаго; здѣсь повторяется тоже явленіе: Димитрію Переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей Городецкій; начинается продолжительная

усобица, во время которой старшіе Александровичи истощають свои силы, не могуть сдѣлать ничего для своего потомства, при томъ же сынъ Димитрія умираетъ бездѣтнымъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей Переяславскаго и Городецкаго, въ *тиши усиливаются* два княжества: *Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ*, и Московское при младшемъ сынѣ Невскаго, Даніилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

«До сихъ поръ при стремленіи сѣверныхъ князей къ примысламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріяльныхъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою волю Новгородъ-Великій, утвердиться здѣсь прочнѣе прежнихъ князей; но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики, средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, поступаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же примыслы на ихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даніилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пунктъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оку; сынъ Даніиловъ Юрій обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, также важный пунктъ при верховьяхъ Москвы рѣки. Гораздо замѣтнѣе, крупнѣе по тогдашнимъ отношеніямъ, было пріобрѣтеніе Переяславля Залѣсскаго, доставшагося Даніилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника Ивана Дмитріевича: Андрей Городецкій не хотѣлъ уступить Переяславля Московскому князю; не хотѣлъ уступить ему его и Михаилъ Тверской, когда сталъ в. к. Владимірскимъ, но Москва крѣпко держалась за свой примыслъ, не смотря на то, что и ея князья, до самаго Василія Темнаго, признавали Переяславль волостію великаго княженія.»

Нельзя вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что высказываетъ здѣсь нашъ современный историкъ о Твери. Если Москва вооружалась противъ слабыхъ сосѣдей и усиливалась на ихъ счетъ, то не таково было положеніе Твери, окруженной съ одной стороны сильнымъ Переяславлемъ, а съ другой еще болѣе сильнымъ Новгородомъ. (Позже сосѣдомъ Твери на ея югозападныхъ границахъ является также весьма сильное княжество — Литовскорусское.) Ей не приходилось усиливаться въ тиши. Первый Тверской князь почти въ самомъ началѣ своего княженія подвергнулся сильному погрому, принявши участіе въ спорѣ Александра Невскаго съ Андреемъ Суздальскимъ: его семейство гибнетъ, самъ онъ бѣжитъ изъ Твери. Позже онъ хотѣлъ усилиться на счетъ Новгорода, но не успѣлъ: ему помѣшалъ Василій Костромской, Татары не помогли, а Новгородъ выставилъ сопротивленіе.

Второй в. князь Тверской, Святославъ Ярославичь, принималъ участіе въ спорѣ Дмитрія Переяславскаго съ Васильемъ Костромскимъ и Андреемъ Городецкимъ; одно время Святославъ хотѣлъ быть нейтральнымъ и Татары все-таки опустошили Тверскій край.

Михаилъ Ярославичь въ началѣ своего княженія выдержалъ борьбу съ в. к. Дмитріемъ, которому помогали Новгородцы, а также нѣкоторые русскіе князья (въ томъ числѣ Даніилъ Московскій), при чемъ Тверская земля была раззорена. Въ слѣдъ затѣмъ, какъ извѣстно, Михаилъ Ярославичь ведетъ борьбу съ Юріемъ Московскимъ и съ Новгородомъ. Что же касается Переяславля, то городъ этотъ не достался Твери, а остался за Москвой. Тверь своихъ предѣловъ не увеличила. Да и вообще ни откуда не видно, чтобы Тверь, во все время своего почти двухъсотъпятидесяти-лѣтняго слишкомъ существованія, усилила себя какими либо пріобрѣтеніями: ея границы оставались однѣ и тѣ же съ начала до конца ея жизни, за исключеніемъ — какъ мы видѣли и еще разъ съ этимъ встрѣтимся — Ржевы, да и ту Тверь пріобрѣла не въ исключительное свое владѣніе, а въ смѣсное.

IV.

Княженіе Дмитрія Михайловича. — Вражда Дмитрія съ Юріемъ и гибель его самого въ ордѣ. — Княженіе Александра Михайловича. — Щелкановщина. — Раззореніе Тверскаго княжества. — Бѣгство Александра Михайловича. — Княженіе Константина Михайловича. — Возвращеніе Александра въ Тверь и возобновленіе соперничества съ Москвой. — Гибель Александра въ ордѣ. — Вторичное княженіе Константина Михайловича. — Замѣчаніе о характерѣ дѣятельности Дмитрія, Александра и Константина Михайловичей.

У Михаила Ярославича было четверо сыновей: Дмитрій (род. 1299 г.), Александръ (род. 1301 г.), Константинъ (род. 1306 г.) и младшій Василій, неизвѣстно когда родившійся. (525) Сообразно тогдашнему порядку вещей, каждый изъ нихъ долженъ былъ получить особый удѣлъ. Дѣйствительно, Михаилъ, отправляясь въ орду на судъ къ Узбеку, раздѣлилъ свою отчину между своими сыновьями, но что каждый изъ нихъ получилъ, того мы не знаемъ. Можетъ быть Александръ получилъ Холмъ и Микулинъ, а Константинъ Дорогобужъ. Такъ можно думать на томъ основаніи, что эти удѣлы въ послѣдствіе времени были въ потомствѣ ихъ сыновей и внуковъ. Младшій же, Василій, могъ тогда же получить Кашинъ: такъ можно заключить изъ того, что онъ позже владѣлъ этимъ городомъ. (526)

Дмитрій, какъ старшій, сталъ в. княземъ Тверскимъ. Онъ, его братья, Александръ и Василій, и ихъ мать, вдовствующая княгиня Анна, просили Юрія объ отпускѣ тѣла Михаилова. Впрочемъ въ Тверь пріѣзжалъ Прохоръ, владыка Ростовскій, который, конечно не безъ вѣдома Юрія, звалъ одного изъ братьевъ, именно втораго, девятнадцатилѣтняго Александра, къ нему Юрію «въ любовь по цѣлованію ихъ крестному». (527) Александръ отправился во Владиміръ, гдѣ и «докончалъ миръ» (528) съ кн. Юріемъ. Тогда сейчасъ же и было отпущено тѣло Михаилово. Въ лѣтописяхъ не говорится, какія были остальныя условія примиренія между Тверью и Москвою, но кажется при этомъ Юрій обѣщалъ освободить и к. Константина Михайловича вмѣстѣ съ тѣми Тверскими боярами, которыхъ онъ захватилъ въ ордѣ; по крайней мѣрѣ вскорѣ (въ томъ же 1320 г.) Константинъ вступилъ въ бракъ, какъ и его старшіе братья, такъ что въ семействѣ Михаила въ одномъ году справлялись три свадьбы. Константинъ женился на Софіи, дочери в. к. Юрія: конечно Московскій князь имѣлъ при томъ свои расчеты. (529) Касательно же Александра, мы знаемъ только имя его супруги, но не знаемъ кто она была. (530) Старшій же изъ братьевъ, Дмитрій, женился на Маріи, дочери Литовскаго князя Гедимина. (531) Съ этихъ поръ начинаются связи Твери съ Литвою. Твери трудно было бороться одной съ Москвою; она при прежнихъ князьяхъ вела частыя войны, а теперь она была изнурена недавнимъ опустошеніемъ Татаръ и Юрія; она должна была искать сильныхъ союзниковъ, и по неволѣ Тверь начинаетъ искать поддержки у Литовскихъ князей. (532) Литовское же княжество при Гедиминѣ становится княжествомъ сильнымъ. Тверь не могла расчитывать на Новгородъ; его силой и богатствами пользуются Московскіе князья. Тверь, какъ видно, теперь не могла раздавать такія суммы денегъ, какъ прежде. Ея князья впадаютъ въ долги во время ордынскихъ поѣздокъ. Въ 1321 г. пришелъ изъ орды въ Кашинъ (а почему именно въ Кашинъ, а не въ другой какой либо Тверской городъ — на это отвѣта дать нельзя) Татаринъ Таянчаръ «съ Жидовиномъ должникомъ и много тягости учинилъ Кашину.» (533) Должно быть еще Михаилъ, а можетъ быть его Тверскіе бояре, пріѣхавшіе раньше съ его сыномъ Константиномъ къ Узбеку по княжескимъ дѣламъ, должны были занять денегъ въ ордѣ (Константинъ былъ тогда еще очень молодъ и не могъ дѣйствовать самостоятельно) и теперь пріѣхалъ въ Кашинъ Татаринъ съ какимъ-то Жидовиномъ должникомъ выбирать долгъ. (534) Не успѣлъ Кашинъ опомниться отъ такого посѣщенія, какъ ему грозитъ новая бѣда въ томъ же году. Великій князь Юрій отправился въ походъ на Кашинъ. Значитъ Кашинъ былъ въ его время значителенъ на столько, что обращаетъ на себя вниманіе и Татаръ и Московскаго князя. По обыкновенной краткости и сухости лѣтописныхъ извѣстій, причина такого нападенія на Кашинъ не высказана, но по результату похода можно догадываться: въ то время старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ

усиленія своего на счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одни знать орду, т. е. собирать дань и отвозить ее къ хану, (535) и такимъ образомъ не допускать другихъ князей до сношеній съ ордою. Москва хотѣла въ такое же подчиненное положеніе относительно себя поставить и Тверь. Юрій собралъ въ Переяславлѣ «всю силу Низовскую и Суздальскую» и пошелъ на Кашинъ. Михайловичи, князь Дмитрій съ братьями, съ Тверскимъ полкомъ и съ Кашинскимъ, выступили на встрѣчу Юрія, но дѣло не дошло до битвы, потому что при посредствѣ прежде бывшаго Тверскаго владыки Андрея, между ними было заключено «докончаніе», по которому Тверскіе князья должны были отдать Юрію 2000 рублей выходнаго серебра и кромѣ того Дмитрій долженъ былъ обѣщать не искать великаго княженія подъ кн. Юріемъ. (536) Такимъ образомъ Тверь должна была уступить, но Тверской князь выжидалъ перваго удобнаго случая, которымъ бы онъ могъ воспользоваться, что вскорѣ и случилось. Юрій, взявъ выходное серебро для хана, не пошелъ на встрѣчу «цареву послу» (537) и не отдалъ ему денегъ, а уѣхалъ въ Новгородъ, куда его звали для дѣлъ военныхъ. Князь Дмитрій сейчасъ же поѣхалъ въ орду (1322 г.) и объявилъ, что Юрій удержалъ у себя взятое для хана Тверское выходное серебро. Ханъ далъ Дмитрію ярлыкъ на в. княженіе. (538) Братъ Юріевъ, Іоаннъ Калита, бывшій тогда въ ордѣ, ничего не могъ сдѣлать въ пользу своего брата. Юрій самъ поѣхалъ въ орду; при немъ конечно было и захваченное Тверское выходное серебро, а также могли быть и деньги, полученныя въ Новгородѣ. Но Александръ, братъ Дмитріевъ, стерегъ Московскаго князя, напалъ на него на р. Урдомѣ (539) и захватилъ всю его казну. Самъ же Юрій успѣлъ бѣжать во Псковъ, откуда былъ перезванъ Новгородцами по случаю войны со Шведами. Дмитрій же Михайловичь вернулся въ это время изъ орды въ Русь съ ярлыкомъ на в. княжеское Владимірское достоинство и съ Татарскимъ посломъ Сивенчъ-Бугой. Въ слѣдъ за ними пріѣхалъ Іоаннъ Калита и съ нимъ Татарскій посолъ, который «много зла учинилъ Низовскимъ городамъ», Ярославль сжегъ, а затѣмъ позвалъ Юрія въ орду на судъ къ Узбеку, (540) куда тотъ и проѣхалъ р. Камою. (541) Въ слѣдъ за Юріемъ поспѣшилъ въ орду и Дмитрій Михайловичь, боясь чтобы Юрій не повредилъ ему также какъ и его отцу; до суда передъ ханомъ дѣло не дошло, потому что Дмитрій — характеръ котораго обрисовываетъ его прозваніе «Грозныя Очи» — понадѣясь на «царево жалованье, безъ царева слова, мстя кровь отчу» убилъ Юрія 21 Ноября 1324 г. (стало быть наканунѣ того дня, въ который былъ убитъ отецъ Дмитріевъ). Такое самоуправство сильно разгнѣвало Узбека, однако онъ еще не рѣшилъ какъ поступить съ Дмитріемъ и безпрепятственно отпустилъ въ Русь его брата, Александра Михайловича. Должно быть Александръ Михайловичь долженъ былъ передавать много денегъ Татарамъ въ ордѣ, потому что онъ вернулся домой не одинъ, а съ нимъ были Татары «должницы его». Отъ нихъ много было «тяготы Тверской

землѣ». (542) Между тѣмъ ханъ долго колебался, не зналъ на что рѣшиться, думалъ цѣлый годъ, и только въ 1325 г. Сент. 15 приказалъ убить Дмитрія Михайловича. Кто что сѣетъ, то и пожнетъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Узбекъ гнѣвался на всѣхъ Тверскихъ князей, называлъ ихъ крамольниками, противными и ратными себѣ; однако не смотря на все это, онъ отдалъ в. княжеское Владимірское достоинство Александру Михайловичу, брату Дмитріеву, а не Іоанну Калитѣ, тогда также бывшему въ ордѣ. (543) Почему? Конечно, дары Александровы должны были произвесть свое дѣйствіе, а кромѣ того Узбекъ, навѣрное зная, что Юрій удержалъ ордынскій выходъ, могъ опасаться того же самаго и со стороны его брата Іоанна Калиты. (544)

Александръ Михайловичь много истратилъ денегъ въ ордѣ тогда, когда его братъ Дмитрій, убивъ Юрія, заслужилъ ханскій гнѣвъ. Александръ тогда вернулся изъ орды не одинъ, а съ нимъ были Татары «должницы его», отъ которыхъ много было тяготы Тверской землѣ. О чемъ же Александръ тогда хлопоталъ еще до смерти Дмитрія. Можетъ быть онъ, зная характеръ брата, предугадывалъ, что тотъ непремѣнно погибнетъ, и старался — если не о томъ, чтобы получить в. княжеское Владимірское достоинство, то по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы удержать за собою Тверь. По смерти же Дмитрія онъ даже получилъ в. княженіе Владимірское по волѣ Узбека. Тогда же и Новгородъ призналъ его и заключилъ съ нимъ договорную грамоту на обыкновенныхъ условіяхъ. (545)

Такимъ образомъ Тверь, не смотря на казнь двухъ своихъ князей въ ордѣ, опять получила первенство. Но это первенство не долго оставалось въ рукахъ Александра, какъ взрывъ народнаго негодованія навлекъ раззореніе на Тверь и гнѣвъ на молодаго князя. Это случилось по поводу извѣстнаго избіенія въ Твери Татаръ и ханскаго родственника Чолъ-хана (Шевкалъ или Щелканъ Дюденевичь нашихъ лѣтописей). (546)

Въ 1327 г. Узбекъ прислалъ посломъ въ Тверь своего двоюроднаго брата Шевкала, сына того Дуденя, который лѣтъ за 30 назадъ приходилъ въ Русь съ Татарской ратью. Изъ лѣтописей не видно, зачѣмъ пришелъ Шевкалъ въ Тверь. Можетъ быть онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы получить ордынскій выходъ, а можетъ быть затѣмъ, чтобы позвать Александра въ орду по какимъ либо дѣламъ. Какъ бы то ни было, только свита Шевкалова своими притѣсненіями вывела Тверитянъ изъ терпѣнія. На Руси и прежде случалось, что народъ, доведенный до крайности, возставалъ противъ Татаръ, такъ напр. было при Александрѣ Невскомъ, или въ 1320 г. когда Ростовцы изгнали Татаръ. Татары, какъ побѣдители, притѣсняли побѣжденныхъ. Не только Татарскій князь, завладѣвшій какою либо землею, но и правитель его, и каждый Татаринъ, а особенно знатный, проѣзжая чрезъ покоренный городъ или землю, повелѣвалъ такъ, какъ государь. (547) Неудивительно, если Шевкалъ, близкій ханскій родственникъ, со своей свитой позволялъ себѣ величайшія насилія въ Твери. Онъ прогналъ в. князя съ его двора и самъ его

занялъ, а затѣмъ «воздвиже гоненіе велико надъ христіаны, насилствомъ, и грабленіемъ, и біеніемъ, и поруганіемъ.» На долю Тверской земли выпало тогда въ короткое время вытерпѣть нѣсколько Татарскихъ раззореній. То Кавгадый съ Татарами опустошалъ Тверское княжество, то Татаринъ Таянчаръ съ «Жидовиномъ должникомъ много тягости чинилъ Кашину», то Александръ Михайловичь вернулся изъ орды не одинъ, а съ нимъ были Татары «должницы его, отъ которыхъ много было тяготы Тверской землѣ.» Теперь же появился въ Твери Шевкалъ, который тѣснилъ и грабилъ Тверитянъ. Народъ былъ раздраженъ и доведенъ до крайности. Оскорбленный народъ нѣсколько разъ жаловался в. князю, прося, чтобы онъ его оборонилъ. Но князь или не умѣлъ, или не хотѣлъ, а вѣрнѣе всего не могъ, а потому и не смѣлъ заступиться за народъ и остановить грабительства Шевкала, потому что этотъ посолъ былъ таковъ, что и самого князя согналъ съ его двора. На такого посла оставалось только жаловаться самому хану. Но какъ бы еще въ ордѣ взглянули на такую жалобу. На Тверскаго князя взглянули бы какъ на князя строптиваго, да и прислали бы другаго посла и Татарскія войска. Оттого Александръ, хотя и видѣлъ озлобленіе своихъ людей, но велѣлъ имъ терпѣть и ждать, пока гроза пройдетъ. Князь и народъ были одинаково обижены. Дѣла дошли до такого положенія, что какой-либо самъ по себѣ незначительный случай могъ заставить народъ не подумать о будущемъ, а отмстить за настоящія и прошедшія оскорбленія. Между тѣмъ въ Тверь набралось много народа по случаю приближающагося праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, 15 Августа. Такъ какъ князь не заступался за народъ, то народъ самъ расправился съ грабителями. Въ самый день праздника, 15 Августа, представился случай, по которому народъ, уже раньше раздраженный, возсталъ на Татаръ. Случай былъ такой: «въ 15 день мѣсяца Августа, въ полуутра, како торгъ снимается, нѣкто діаконъ, Тверитинъ, прозвище ему Дюдко, поведе кобылицу младу и зѣло тучна поити на Волзѣ воды.» Татары начали отнимать лошадь, діакону стало ея жаль, онъ сталъ кричать: «Тверитяне, не выдайте!» Собрался народъ и началась драка съ Татарами. Татары, по выраженію лѣтописца, «надѣющеся на самовластіе, начаша сѣчи.» Тогда «смятошася людіе, и удариша въ колоколы, и сташа вѣчіемъ.» Взволновался весь городъ, сдѣлалась «замятня», Тверитяне начали избивать Татаръ, гдѣ кого изъ нихъ заставали; наконецъ перебили всѣхъ и даже самого Шевкала, такъ что, по выраженію лѣтописца, не осталось и вѣстоноши. Спаслись только настухи, пасшіе въ полѣ коней; они схватили лучшихъ лошадей и бѣжали въ Москву, а оттуда въ орду и тамъ возвѣстили о кончинѣ Шевкала.

Такъ просто и естественно разсказано возстаніе на Шевкала въ такъ называемой Тверской лѣтописи. (548) Оно представлено какъ внезапный взрывъ народнаго негодованія, подготовленный предшествующими поступками Шевкала и его дружины. Но въ

другихъ лѣтописяхъ (549) оно изложено съ прибавкою позднѣйшихъ слуховъ о нетерпимости Татаръ относительно вѣры и притомъ съ риторическими прикрасами. Разсказывается, будто Шевкалъ хотѣлъ избить всѣхъ Тверскихъ князей, самъ сѣсть на Тверскомъ княженіи, своихъ Татарскихъ князей посажать по другимъ Русскимъ городамъ, а Христіанъ привести въ Татарскую вѣру. Нечего и говорить о томъ, что подобная мысль, особенно относительно вѣры, и не могла придти въ голову Татарамъ. (550) Далѣе разсказывается, что когда Александръ «увѣдалъ мысль окаяннаго», то созвалъ Тверичей, вооружился и пошелъ на Щелкана, говоря: «не азъ почахъ избивати, но онъ; Богъ да будетъ отместникъ отца моего крове князя великаго Михаила и брата моего князя Дмитрея, зане пролія кровь безъ правды, да егда и мнѣ же се же створитъ?» Эти слова, которыя лѣтописецъ заставляетъ произносить Александра, есть ничто иное какъ повтореніе словъ сказанныхъ Ярославомъ, когда онъ шелъ на Святополка: «не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместьникъ Богъ крове братья моея: зане безъ вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведною, еда и мнѣ сице же створить? но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго.» (551) Разсказъ оканчивается тѣмъ, что послѣ битвы, продолжавшейся цѣлый день, Александръ одолѣлъ, Шевкалъ убѣжалъ на княжескій дворъ, который былъ подожженъ, гдѣ онъ и сгорѣлъ съ прочими Татарами. Такимъ образомъ въ этомъ разсказѣ если не упоминается, какъ въ Тверской лѣтописи, о томъ, что Шевкалъ, придя въ Тверь, согналъ кн. Александра съ его двора, то все-таки разсказъ оканчивается тѣмъ, что Шевкалъ бѣжалъ въ княжескій теремъ и тамъ сгорѣлъ. Если бы Шевкалъ раньше не остановился на княжескомъ дворѣ, то едва ли бы онъ могъ туда пробраться во время битвы. Да и притомъ, если бы на княжескомъ дворѣ оставалось княжеское семейство, то конечно Тверичи не рѣшились бы поджечь терема. Въ Тверской лѣтописи впрочемъ не говорится о пожарѣ княжескаго двора. (552) Если сравнить разсказъ Тверской лѣтописи съ другими лѣтописями въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ, то окажутся нѣкоторыя лишнія черты такія, какихъ нѣтъ въ Тверской лѣтописи, такъ напр. говорится, что во время возстанія Тверитяне убили какъ прежнихъ ордынскихъ гостей, такъ и пришедшихъ со Щелканомъ, однихъ изрубили, другихъ утопили, а нѣкоторыхъ сожгли. (553) Впрочемъ и въ Тверской лѣтописи находятся риторическія прикрасы — но не въ концѣ, а въ началѣ разсказа о Шевкалѣ. Должно быть составитель такъ называемаго Тверскаго сборника имѣлъ передъ собою и мѣстную Тверскую лѣтопись и другія; изъ Тверской онъ взялъ простой, дѣйствительный разсказъ, а къ нему въ началѣ прибавилъ и украшенный; впрочемъ и въ этомъ вымышленномъ разсказѣ Тверской лѣтописи не говорится о введеніи *Татарской вѣры*, а только о раззореніи Христіанства и избіеніи Русскихъ князей. Въ другомъ мѣстѣ Тверскаго лѣтописнаго сборника (стр. 465, 466), именно

въ похвалѣ князю Михаилу Александровичу, дѣло Шевкала разсказывается уже нѣсколько иначе — съ прикрасами, риторически, — нежели ранѣе въ самомъ текстѣ Тверской лѣтописи. Шевкалъ хану говоритъ такъ: «повели ми, о царю, да шедъ убо на Русь, Александра приведу къ тебѣ, а христіане сътворю по воли твоей.» Изъ словъ Александра, здѣсь помѣщенныхъ, выходитъ, что онъ рѣшился убить Шевкала и его Татаръ, именно онъ такъ говоритъ о Шевкалѣ: «да въспріиметъ христіанскый губитель мьзду дѣлатель своихъ. и наполнится мѣра ему безаконія его, и сѣть, юже простре, да впадется въ ню. Яко же збысться ему и въспріатъ нечестіе пути своего, огнемъ бо попалиша кости церковнаго борителя и т. д.» Но замѣтимъ, что это находится уже въ позднѣйшемъ произведеніи — въ похвалѣ князю Михаилу Александровичу, писанной уже по приказанію князя Бориса, княжившаго въ половинѣ XV в. (554) Въ этой похвалѣ князю Михаилу также говорится про Шевкаловыхъ Татаръ, будто они «хотѣвше нечествовать на церковь Господа Бога.......» Что же касается личнаго участія князя Александра въ избіеніи Шевкала и его дружины, то изъ Тверской лѣтописи не видно, чтобы онъ повелъ своихъ Тверичей на Татаръ; напротивъ того говорится, что князь, хотя и видѣлъ озлобленіе своихъ людей, но велѣлъ имъ терпѣть. Тверичи же не могли терпѣть и искали удобнаго времени, чтобы отмстить. (555) Да кажется, оно (т. е. что князь велѣлъ терпѣть) иначе и быть не могло. Александръ очень хорошо могъ знать, что избіеніе Шевкала не спасетъ Твери отъ будущихъ Татарскихъ погромовъ, а напротивъ того ихъ навлечетъ.

Сохранилась извѣстная пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Судя по этой пѣснѣ въ Твери даже и слуха не было о томъ, что будто бы Татары желаютъ ввести свою вѣру.

Если бы въ то время дѣйствительно разнесся такой слухъ, то онъ конечно нашелъ бы себѣ отголосокъ въ пѣснѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ; пѣсня же не вспоминаетъ ни о желаніи Татаръ ввести свою вѣру, ни о ихъ намѣреніи истребить князей: она осмѣиваетъ Татарскіе суды, и не забываетъ, что Щелканъ забрался въ княжескій теремъ. По словамъ пѣсни, самъ царь Азвякъ Тавруловичъ такъ суды разсуживаетъ и ряды разряживаетъ, что отъ нихъ достается и своимъ Татарамъ. Онъ

Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ
По синимъ плѣшамъ.

Азвякъ жалуетъ городами, кого посылаетъ на Плесу, кого къ Вологдѣ, кого къ Костромѣ: только онъ не пожаловалъ млада Щелкана Дудентьевича, потому что его дома не случилося. Когда Щелканъ вернулся домой, то онъ просилъ Азвяка, чтобы тотъ его пожаловалъ

Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву-удалыми Борисовичи.

Азвякъ пожаловалъ его по прошенію.

И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками —
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его *въ домъ у себя*
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили —
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося. (556)

Что же послѣдовало послѣ убіенія Шевкала? Не успѣли въ Твери еще опомниться отъ того, что случилось, какъ уже обо всемъ происшедшемъ узнали и въ Москвѣ, и въ ордѣ. Можетъ быть Александръ Михайловичъ, подобно Александру Невскому, поѣхалъ бы въ орду, чтобы умилостивить хана; но у него былъ соперникъ, который съумѣлъ ловко воспользоваться обстоятельствами, что впрочемъ было нетрудно.

Конечно Узбекъ весьма сильно разгнѣвался, узнавъ о Тверскихъ событіяхъ. Узбекъ зналъ кому поручить наказаніе Тверскаго князя. По однимъ извѣстіямъ онъ самъ сейчасъ же послалъ за Иваномъ

Даниловичемъ (557), а по другимъ извѣстіямъ выходитъ, какъ будто самъ Калита поспѣшилъ въ орду, не дожидаясь ханскаго приглашенія. (558) Во всякомъ случаѣ, звалъ или не звалъ ханъ, а Московскій князь непремѣнно поѣхалъ бы въ орду, чтобы не пропустить такого удобнаго случая погубить своего врага. Калита могъ увѣрять Узбека, а Узбекъ легко повѣрить, что возстаніе Тверитянъ на Татаръ было устроено Александромъ, что онъ главный виновникъ этого событія. Узбекъ далъ Калитѣ 50000 Татарскаго войска подъ начальствомъ 5 темниковъ; съ Калитою соединился и кн. Александръ Васильевичь Суздальскій. Войско нагрянуло на Тверское княжество и раззорило его, причемъ досталось и Новгородскимъ владѣніямъ, именно Новоторжской волости. «По велѣнію цареву, поидоша ко Твери, и взяша градъ Тверь и Кашинъ, а прочая грады и волости пусты сотвориша, а люди изсѣкоша, а иныхъ во плѣнъ поведоша, и Новоторжскую волость пусту сотвориша.» (559) Новгородъ спасся отъ дальнѣйшаго раззоренія, пославши Татарамъ 2000 серебра и множество даровъ. (560) Конечно, досталось и тѣмъ Русскимъ землямъ, гдѣ хотя Татары и не воевали, а только проходили. «И тако Татарове возвратишася оттуда со многимъ полономъ и богатствомъ, и бысть тогда всея руской землѣ велія тягость, и томленіе, и кровопролитіе отъ Татаръ.» Свое же княжество Иванъ Даниловичь съумѣлъ уберечь отъ разоренія. «Точію соблюде и заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву, и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія Татарскаго», замѣчаетъ лѣтописецъ. Когда-то отецъ Александровъ Михаилъ Ярославичь рѣшился на борьбу съ Юріемъ и Кавгадыемъ, но тогда съ Кавгадыемъ былъ только небольшой Татарскій отрядъ, а не такое огромное войско, какое пришло съ Калитою. Немного лѣтъ прошло со времени нашествія Кавгадыя; притомъ съ того времени Тверь перенесла еще другія Татарскія раззоренія. Трудно, невозможно было теперь думать о борьбѣ съ Калитою и съ Татарами. Александръ Михайловичь и не выставилъ имъ никакого сопротивленія: онъ не только что не приготовился къ отпору, но даже и самъ бѣжалъ со своимъ семействомъ—сперва въ Новгородъ (гдѣ впрочемъ не былъ принятъ и понятно почему), а потомъ во Псковъ. (561) *)

Константинъ и Василій Михайловичи, братья Александровы, вмѣстѣ съ матерью и боярами также бѣжали изъ Твери и вернулись тогда, когда ушли Татары. Вся Тверская земля была раззорена, люди разбѣжались какъ послѣ Батыева нашествія. Князья-братья должны были стараться о томъ, чтобы успокоить населеніе и на сколько возможно поправить разстроенное положеніе своего княжества. Въ лѣтописяхъ такъ отзываются о положеніи Твери и о ихъ дѣятельности послѣ Татарскаго нашествія: «и съ матерію ихъ, и съ бояры пріидоша во Тверь, препочивше отъ великія печали и скорби, и сѣдоша во Твери въ велицѣй нищетѣ и убоже-

*) О пребываніи Александра Михайловича во Псковѣ см. въ приложеніи № 3.

ствѣ, понеже вся земля Тверская пуста, и вѣ быша лѣсы и пустыни непроходимые, крамолы ради и лукавства и насилія Татарскаго; и начаша по малу сбирати люди, и утѣшати отъ великія печали и скорби, и во святыхъ церквахъ и въ монастырехъ паки начинатесь пѣніе и служба божественная.» (562) «Князь Константинъ, по рати, съ братомъ съ княземъ Василіемъ, и съ матерію и съ бояры, пріихавше въ Тверь, преставъ же отъ туги, помолися святому Спасу и всѣмъ церквамъ, хотя того, дабы въ нихъ молитьва опять была, а кто избылъ отъ безбожныхъ Татаръ, тіи бы опять были по своимъ мѣстомъ, и укрѣпивъ ихъ всѣхъ съ любовію.» (563)

Въ слѣдующемъ 1328 г. Константинъ Михайловичъ, теперь старшій изъ Тверскихъ князей послѣ Александра, поѣхалъ въ орду вмѣстѣ съ Московскимъ княземъ. Узбекъ далъ Калитѣ великое княженіе Владимірское «и иныя многія княженія царь Азбякъ даде ему въ Москвѣ», а Константину великое княженіе Тверское. (564)

Должно быть въ Твери тогда сильно опасались новаго нашествія и того, что ханъ можетъ быть не только не утвердитъ Константина на Тверскомъ княжествѣ, а напротивъ велитъ его казнить вмѣсто убѣжавшаго брата въ отмщеніе за Шевкала, и отъ такихъ опасеній окончательно успокоились только тогда, когда Константинъ вернулся изъ орды. По крайней мѣрѣ такъ можно думать на томъ основаніи, что въ Тверской лѣтописи объ этой поѣздкѣ Константина въ орду замѣчено слѣдующимъ образомъ: «*Божіемъ милосердіемъ* выиде изъ орды князь Константинъ въ свою отчину въ Тверь, и нача княжити тогды мирно и тихо; и бояре, и слуги въ Твери и люди, избывше отъ безбожныхъ Татаръ, утвердишася о немъ; а церкви пожженіа опять ставиша по спомъ, и молитва въ нихъ утврьдишася.» (565) Какъ современники смотрѣли на дѣятельность Константина, можно видѣть изъ отзыва о немъ его брата Александра; Александръ назвалъ Константина «наставникомъ и собирателемъ отчины, о немъ же утвердишася люди по рати сей.» (566) Про Іоанна Калиту современники говорили, что со времени его великаго княженія настала тишина великая по Русской землѣ и Татары перестали воевать ее; (567) потомство назвало его первымъ собирателемъ Русской земли; (568) Московское княжество не пострадало отъ Татаръ при Калитѣ, отчего конечно въ немъ должно было умножиться населеніе.— Дѣло Москвы было обширнѣе. Тогда какъ Москва могла оказывать сильное вліяніе на другія княжества, Тверь должна была по неволѣ ограничиваться интересами болѣе узкими, только своими собственными. Она была раззорена, населеніе въ ней должно было уменьшиться. Она и думать не могла о борьбѣ съ Москвой, а напротивъ ей подчиниться, да кромѣ того стараться еще ослабить въ ханѣ воспоминаніе о Щелкановщинѣ, (569) т. е. объ избіеніи Шевкала съ дружиной. И дѣйствительно, когда Узбекъ приказалъ Русскимъ князьямъ искать кн. Александра, то Константинъ вмѣстѣ съ Калитой посылалъ къ Александру во Псковъ о томъ, чтобы онъ шелъ въ орду.

Александръ не пошелъ; Узбекъ приказалъ Русскимъ князьямъ «изымавъ» Александра, прислать его въ орду. Тогда Константинъ и Василій Михайловичи должны были за одно съ Калитой и другими Русскими князьями идти на Псковъ въ 1329 году; какъ извѣстно митрополитъ Өеогностъ своей духовной властью заставилъ Псковъ разстаться съ Александромъ, и тогда Русскіе князья, въ томъ числѣ и Тверскіе, послали сказать хану, что провинившійся князь ушелъ въ Литву. (570)

Когда Калита поссорился съ Новгородомъ изъ-за серебра Закамскаго и въ 1333 г. вмѣстѣ съ другими князьями началъ опустошать Новгородскія волости, то Калитѣ долженъ былъ помогать въ этомъ походѣ и Тверской князь. (571) Вѣроятно Тверской князь даже не самъ доставлялъ выходъ въ орду, а отдавалъ его Калитѣ, т. е. сообразно договору 1321 г. Юрія съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по которому Михайловичи Тверскіе отдали серебро выходное Юрію.

Князь Константинъ ходилъ и въ орду, и притомъ неизвѣстно почему вмѣстѣ съ Калитой въ 1331 г. (572) Это было послѣ того, какъ Гедиминъ и Александръ безуспѣшно старались объ особомъ епископѣ для Пскова и были остановлены въ этой попыткѣ митрополитомъ Өеогностомъ. Можетъ быть эта поѣздка въ орду имѣетъ связь съ этимъ церковнымъ вопросомъ.

Тогда какъ Тверской князь дѣлалъ то, что потребуетъ Московскій, и старался княжить у себя тихо и мирно, его соперникъ Иванъ Даниловичъ Московскій увеличивалъ свое княжество, чему Тверь помѣшать не могла. Извѣстно, что Калита въ свое княженіе примыслилъ довольно много селъ, волостей и даже городовъ. Такъ онъ пріобрѣлъ Рузу, Звенигородъ, Перемышль, Серпуховъ, Галичь, Угличь, Бѣлоозеро, село во Владимірѣ, сельце на Костромѣ и т. д., хотя по Новгородскимъ порядкамъ ни одинъ князь не могъ Новгородскихъ селъ ни покупать, ни даромъ принимать, тѣмъ не менѣе Іоаннъ сдѣлалъ пріобрѣтенія, хотя небольшія, и на Новгородской землѣ. Тверь не могла сдѣлать прочныхъ пріобрѣтеній ни на Новгородской землѣ, ни въ сосѣднихъ княжествахъ; это сдѣлала Москва. И кромѣ того Тверское княжество съ одной стороны примыкало къ враждебнымъ себѣ Новгородскимъ владѣніямъ, съ другихъ сторонъ—хотя не вездѣ—оно постепенно охватывалось владѣніями Московскихъ князей. Бо̀льшую часть своихъ пріобрѣтеній Калита конечно сдѣлалъ въ княженіе Константина, во время изгнанія Александрова. (573)

Прошло нѣсколько лѣтъ тихаго и мирнаго княженія Константина Михайловича, Тверь нѣсколько отдохнула и поправилась, но въ 1337 г. Константинъ долженъ былъ уступить княжество Александру, получившему прощеніе отъ Узбека.

Еще въ 1335 г. Александръ посылалъ сына своего Өеодора въ орду узнать, нельзя ли ему получить обратно Тверь. Өедоръ вернулся съ ханскихъ посломъ Авдуломъ и съ отвѣтомъ, что есть на-

дежда на ханскую милость, но что впрочемъ Узбекъ ждетъ самого Александра.

На обратномъ пути изъ орды Θедоръ остановился въ Твери; Авдулъ вѣроятно объявилъ Константину и Василію Михайловичамъ, что на этотъ разъ они должны не задерживать, а пропустить Александра къ хану. Александръ на короткое время заѣхалъ въ Тверь, и должно быть переговорилъ самъ съ ханскимъ посломъ, взялъ сына своего Θедора и опять вернулся во Псковъ. Получивъ благословеніе отъ митрополита Θеогноста, онъ въ 1337 г. поѣхалъ въ орду, гдѣ отъ хана и получилъ обратно Тверское княжество. Трудно объяснить, почему Узбекъ простилъ Александра. Александръ долго жилъ въ богатомъ торговомъ Псковѣ, а потому могъ и дарами склонить хана на милость; Узбеку можетъ быть притомъ хотѣлось и Калиту держать въ страхѣ и получать съ него побольше денегъ.

Александръ вернулся изъ орды въ Тверь съ ханскими послами; съ нимъ были князь Киндякъ и Авдулъ. (Вѣроятно тотъ самый Авдулъ, который уже разъ пріѣзжалъ въ Тверь съ его сыномъ Θедоромъ.) Неизвѣстно, зачѣмъ пришли эти послы: можетъ быть затѣмъ, чтобы посадить Александра на Тверское княженіе, а можетъ быть затѣмъ, чтобы получить выходъ. Но только немедленно по пріѣздѣ Александра въ Тверь, нѣкоторые бояре отъѣхали отъ него къ Московскому князю и возобновилось соперничество Твери съ Москвою. Карамзинъ по поводу отъѣзда бояръ замѣчаетъ слѣдующее: «Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали.» Нынѣшній писатель-историкъ про этотъ отзывъ Карамзина говоритъ: «Догадка эта очень основательна: это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новые бояре Александровы *заѣхали* старыхъ Тверскихъ.» (574) Кромѣ этой *очень вѣроятной* причины могла быть и другая причина боярскаго отъѣзда. Тверскіе бояре предвидѣли возобновленіе спора Александра съ Калитой, и поспѣшили уйти къ сильнѣйшему князю, чтобы сберечь и свою жизнь, и свои имѣнія отъ раззоренія въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, Московскій князь могъ нарочно тѣснить Тверскихъ бояръ затѣмъ, чтобы заставить ихъ перейти къ себѣ. (575)

Касательно того, какимъ же образомъ возобновилось соперничество Твери съ Москвой, въ лѣтописи коротко замѣчено: «князь Александръ Михайловичь Тверскій посла сына своего князя Θедора со Авдуломъ посломъ во орду, съ великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ не докончаша и мира не взяша.» (576) Спрашивается, о чемъ же они не докончали? Такъ какъ лѣтопись причину не объясняетъ, то остается объяснить ее болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями. Можетъ быть Александръ самъ хотѣлъ знать орду и высылать въ нее выходъ, а Московскій князь требовалъ, чтобы ордынская дань ему отдавалась; Тверской князь не хотѣлъ стать въ такое подчиненное положеніе и потому не могъ примириться съ Иваномъ Калитой. Но вѣрнѣе всего, что Александръ Михайловичь, уже прежде бывшій в. княземъ Владимір-

скимъ, разсчитывая теперь на ханскую милость, захотѣлъ опять получить великое княженіе. На это есть и намеки въ лѣтописи. Когда Узбекъ хотѣлъ заманить Александра въ орду, то послалъ сказать, что онъ сотворитъ всю *волю* его, дастъ ему в. княженіе и честь велію. (577) Александръ уже былъ в. княземъ Тверскимъ: какую же еще бо́льшую честь могъ оказать ему Узбекъ, въ чемъ онъ могъ исполнить его дальнѣйшую волю, какъ не дать ему вторично в. княженіе Владимірское. При томъ въ лѣтописи же, при описаніи послѣднихъ минутъ Александровыхъ въ ордѣ сказано, что нѣкоторые Татары подавали ему надежду на в. княженіе, говоря: «княженіе великое даетъ тебѣ царь.» (578) Такимъ образомъ вѣрнѣе всего должно полагать, что изъ-за в. княженія Владимірскаго и не докончали Александръ и Калита; если же это справедливо, то оказывается, что Александръ былъ весьма недальновиденъ и опрометчивъ, — онъ не съумѣлъ сообразить средства Твери и Москвы. Въ этомъ случаѣ его бояре оказались гораздо расчетливѣе. Конечно Александръ, задумавъ искать в. княженіе Владимірское, посовѣтовался объ этомъ со своими думцами-боярами; когда же бояре узнали о такомъ намѣреніи своего князя, то нѣкоторые изъ нихъ, предвидя что Тверь проиграетъ, воспользовались правомъ отъѣзда и ушли къ Московскому князю, чтобы спасти и свою жизнь и свое имѣніе въ случаѣ новой войны.

Самъ Александръ не поѣхалъ въ орду хлопотать по своимъ дѣламъ, а послалъ своего сына Ѳедора съ посломъ Авдуломъ: должно быть этотъ посолъ Авдулъ подавалъ Александру надежду на успѣхъ, если поѣхалъ съ его сыномъ. Лишь только Калита узналъ объ этой поѣздкѣ Ѳедора, то сейчасъ же и самъ отправился къ хану. Здѣсь въ ордѣ Калита склонилъ Узбека, безъ сомнѣнія легко, на свою сторону. Никоновская лѣтопись говоритъ, что *много клеветаша нѣцыи* на кн. Александра. (579) Изъ этихъ *нѣцыи* главную роль конечно игралъ самъ Калита. Въ нѣкоторыхъ же лѣтописяхъ прямо говорится, что *думою* Калиты Узбекъ позвалъ Александра, а также Василія Давыдовича Ярославскаго и другихъ князей. (580) И Калита сильно опасался Василія Ярославскаго, который ему, т. е. Калитѣ, приходился зятемъ. Василій Давыдовичъ какъ видно былъ недоволенъ Калитой (можетъ быть изъ-за сожженія Ярославля) и держалъ сторону Тверскаго князя: Калита послалъ отрядъ въ 500 человѣкъ, чтобы захватить Василія, но тотъ отбился и прошелъ въ орду. (581)

Узбекъ должно быть боялся, что Александръ опять убѣжитъ изъ Твери и потому приказалъ звать его «не съ яростію и жестокостію, но съ тихостью и кротостью.» Отъ имени Узбека такъ говорили Александру: «иди въ орду и съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ, ханъ сотворитъ всю волю твою, и ты примешь отъ него великое княженіе и честь велію.» Александръ, хотя и разузналъ уже о гнѣвѣ Узбека, (582) все-таки сталъ собираться въ путь. Калита же опять поспѣшилъ въ орду съ двумя своими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, гдѣ онъ принялъ великую честь отъ Узбека, который

снова послалъ за Александромъ. Калита вскорѣ уѣхалъ изъ орды, но оставилъ при ханѣ своихъ сыновей. Александръ же сперва отправилъ въ орду сына своего Өедора, чтобы разузнать положеніе дѣлъ; сынъ далъ знать отцу, что дѣла идутъ плохо.

Наконецъ въ 1339 г. самъ Александръ поѣхалъ въ орду. Его проводили епископъ, игуменъ, священники, княгиня съ дѣтьми, бояре, гости, *житейскіе* мужи и весь градъ. Когда онъ садился въ насадъ, то вѣтеръ долго мѣшалъ гребцамъ двинуться впередъ. Константинъ не провожалъ брата, потому что лежалъ въ тяжкой болѣзни; въ это-то время Александръ и отозвался о немъ, какъ «о наставникѣ и собирателѣ отчины, о которомъ утвердились люди по рати сей.» Василій же со своими боярами и слугами проводилъ его до Святославля поля. (583) Александръ пріѣхалъ въ орду, гдѣ прожилъ около мѣсяца. Здѣсь онъ нашелъ своего сына Өедора, роздалъ подарки и сталъ собирать вѣсти; одни изъ Татаръ говорили ему: «княженіе тебѣ даетъ великое царь», а другіе: «убьетъ тебя.» Наконецъ ему объявили, что онъ приговоренъ къ смерти и будетъ казненъ чрезъ три дня. Въ день своей казни, 28 окт., Александръ помолился, исповѣдался, причастился, сдѣлалъ распоряженіе о своей отчинѣ (о вотчинѣ своей глаголавъ); но должно быть Александръ расчитывалъ на помилованіе, потому что за нѣсколько времени до своей смерти, онъ, разъѣзжая на конѣ, собиралъ вѣсти о своей участи, и даже посылалъ къ ханшѣ. Наконецъ пришли Черкасы и Татары; казнью распоряжался какой-то вельможа Товлубій, (584) который и приказалъ убить Александра и сына его Өедора. Тверскіе бояре и слуги взяли тѣла своихъ князей и повезли на Русь; во Владимірѣ ихъ встрѣтилъ митрополитъ Өеогностъ, а въ Переяславлѣ епископы Ростовскій и Өедоръ Тверской. Наконецъ тѣла князей привезли въ Тверь и «положиша ихъ въ церкви Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.» Сыновья же Калиты, Симеонъ и Іоаннъ, были отпущены изъ орды съ *пожалованіемъ и со многою честію*, «и пріидоша на Москву съ великою радостію и веселіемъ.»

«И тако Тверское княженіе до конца опустѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ. (585)

По смерти Александра его братъ Константинъ опять сдѣлался в. княземъ Тверскимъ и правилъ до самой своей смерти, до 1345 г. Въ княженіе Калиты было много притѣсненій другимъ княжествамъ отъ Москвы, такъ что лѣтописецъ по этому случаю замѣчаетъ слѣдующее: «наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое московское досталось князю великому Ивану Даниловичу.» (586) Извѣстно, какъ при Калитѣ въ Ростовѣ самовластно распоряжались Московскіе вельможи, Василій Кочева и Миняй. «Немало ихъ отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своемъ со укоризною взимающе....... яко не токмо имѣнія обнаження быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претерпѣша.» (587) По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій Московскихъ:

Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву: насиліе очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ. (588) Этотъ колоколъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ другими Тверскими колоколами призывалъ народъ къ возстанію на Шевкала.

Вскорѣ умираетъ и соперникъ Александровъ, Іоаннъ Даниловичъ Московскій, и великимъ княземъ дѣлается его сынъ Симеонъ Ивановичъ.

Константинъ Тверской, Симеонъ Московскій и многіе другіе князья поѣхали въ орду. Симеонъ былъ пожалованъ в. княженіемъ Владимірскимъ и всѣ Русскіе князья были даны «подъ руцѣ его», по выраженію лѣтописи. (589) Тверской князь и думать не смѣлъ о спорѣ съ Москвой изъ-за великокняжескаго Владимірскаго стола, а долженъ былъ стараться о томъ, какъ бы Тверь удержать за собою, да княжить въ ней по прежнему мирно и тихо. По лѣтописямъ видно, что Константинъ еще два раза ходилъ въ орду: разъ вмѣстѣ съ Симеономъ и нѣкоторыми другими князьями къ новому хану Чанибеку, сыну Узбекову, когда тотъ вступилъ на престолъ (590) и въ другой разъ, черезъ годъ, опять вмѣстѣ съ ними же. (591)

Не видно, чтобы Константинъ въ это свое второе княженіе помогалъ Калитѣ и Симеону въ ихъ походахъ, какъ онъ прежде помогалъ Московскому князю въ свое первое княженіе. (592)

Спокойно княжилъ Константинъ Михайловичъ, но въ годъ своей смерти онъ разсорился со своимъ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, (593) т. е. со старшимъ сыномъ Александра Михайловича. Съ этого времени въ Тверскомъ княжествѣ начинаются усобицы, подавшія поводъ Московскимъ князьямъ вмѣшиваться въ Тверскія дѣла и такимъ образомъ постепенно усиливать тамъ свое вліяніе.

Въ 1345 г. Константину Михайловичу «бысть нелюбье со княгинею съ Настасьею и съ княземъ со Всеволодомъ Александровичемъ.» (594) Изъ-за чего началось это нелюбье — неизвѣстно, но только Константинъ Михайловичъ «нача имати бояръ ихъ и слуги въ серебрѣ за волости, чрезъ людцкую силу, и бысть надъ нимъ скорбь велика.» (595) Вѣроятнѣе всего, что Константинъ Михайловичъ, подобно всѣмъ другимъ князьямъ, хотѣлъ усилить себя на счетъ родственниковъ и потому началъ тѣснить вдовствующую княгиню и племянника. Племянникъ «того не моги терпѣти» ушелъ въ Москву къ в. к. Симеону Ивановичу, а дядя поѣхалъ въ орду къ хану Чанибеку. Константинъ поѣхалъ въ орду конечно не съ пустыми руками. Тогда и Всеволодъ Александровичъ также отправился въ орду. Но ханъ не успѣлъ разсудить дядю съ племянникомъ, потому что Константинъ Михайловичъ скончался въ ордѣ въ томъ же (1345 г.) году. (596)

Что же можно сказать о дѣятельности трехъ князей — Дмитрія, Александра и Константина Михайловичей? И. Д. Бѣляевъ въ своей монографіи о в. к. Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ (Чт. М.

О. И. Д. Р. 1861. № 3) говоритъ слѣдующее: «Въ знаменитой семьѣ Тверскихъ князей Михаилъ Александровичъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто; онъ своимъ умомъ, благородствомъ характера и твердостію воли далеко оставилъ за собою и дѣда и отца. Тѣ едва не погубили Тверскаго княженія въ то время, когда оно было первенствующимъ на Руси, и когда Москва и Литва только что начинали выходить на поприще исторіи; онъ же умѣлъ поддержать свое княжество, и даже привесть его въ возможно цвѣтущее состояніе и уваженіе отъ сосѣдей въ то время, когда Тверь была уже сильно потрясена и ослаблена, и когда Литва и Москва развили свое могущество на счетъ сосѣдей.»

Уже выше въ настоящемъ сочиненіи было сказано о дѣятельности Михаила Ярославича, дѣда Михаилу Александровичу. Здѣсь замѣтимъ о характерѣ дѣятельности трехъ Михайловичей — Димитрія, Александра и Константина. Вспыльчивость Дмитрія навлекла гнѣвъ на Тверскихъ князей, которыхъ ханъ Узбекъ называлъ крамольниками, но какимъ-то образомъ (какимъ именно — мы не знаемъ) Александръ поправилъ дѣло и удержалъ за собою не только Тверь, но даже получилъ и в. княжеское Владимірское достоинство. Избіеніе Шевкала съ дружиной навлекло раззореніе на Тверское княжество и заставило бѣжать самого князя, но въ этомъ, какъ мы видѣли, виноватъ былъ не князь, а обстоятельства. Виноватъ былъ Александръ въ томъ, что въ послѣдствіе времени, получивъ прощеніе въ ордѣ и вернувъ Тверь, поднялъ споръ съ Москвой и за то погибъ самъ въ ордѣ, но Тверское княжество не пострадало. Тихой и мирной дѣятельности Константина Тверское княжество обязано тѣмъ, что успѣло поправиться, отдохнуть, собраться съ силами, — но за то въ немъ въ слѣдъ затѣмъ начинается у Василія Михайловича Кашинскаго усобица — сперва съ однимъ племянникомъ, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, а потомъ съ другимъ, Михаиломъ Александровичемъ Микулинскимъ. Послѣдній, сдѣлавшійся в. к. Тверскимъ, знаменитъ своей упорной борьбой съ Москвой.

V.

Княженіе Василія Михайловича (Кашинскаго). — Всеволодъ Александровичъ Холмскій. — Ихъ усобица. — Литовскія связи. — Вліяніе Литвы и Москвы на Тверскія событія. — Церковный вопросъ.

По смерти в. к. Константина въ живыхъ изъ 4 Михайловичей оставался еще младшій, Василій Михайловичъ, удѣльный князь Кашинскій. (597) Онъ узналъ о смерти Константина въ ордѣ. Какъ старшій изъ Михайловичей, какъ дядя Всеволода Холмскаго и другихъ Александровичей и Константиновичей, онъ считалъ за собою право на в. княженіе Тверское. Но въ этомъ достоинствѣ его долженъ былъ утвердить ханъ; въ орду же нужно было ѣздить съ деньгами. И вотъ Василій начинаетъ самовольно распоряжаться въ Холмѣ, въ удѣлѣ своего племянника Всеволода, бывшаго въ ордѣ. Василій прислалъ своихъ «даньщиковъ» въ Холмъ и взялъ «дань» на тамошнихъ людяхъ, а за тѣмъ поѣхалъ къ хану Чанибеку. Между тѣмъ Всеволодъ Холмскій, остававшійся въ ордѣ по смерти Константина, выхлопоталъ (какимъ-то способомъ) (598) себѣ в. княженіе Тверское. Онъ узналъ, что дядя взялъ дань на его «вотчинѣ, на Холму», «оскорбился» этимъ, пошелъ изъ орды съ ханскимъ посломъ, встрѣтилъ въ Бездежѣ Василія Кашинскаго и ограбилъ его. «Князь же Василій Михайловичь Кашинскій опечалися зело отъ братанича своего Всеволода Александровича Холмскаго и Тверскаго, даде бо ему царь Чанибекъ все княженіе Тверское.» (599)

Дядя и племянникъ, тягаясь о Твери, долго пробыли въ ордѣ, именно только въ 1347 г. они вернулись домой — Всеволодъ Холмскій съ Татарскимъ посломъ, съ великою честью и съ ханскимъ пожалованіемъ, т. е. съ в. княженіемъ Тверскимъ, а Василій Кашинскій пріѣхалъ по прежнему въ свой Кашинъ. (600) Дядя съ племянникомъ не могъ примириться. Жители стали опасаться внутренней усобицы, которая могла быть продолжительнѣе, нежели внѣшнее нашествіе: они стали расходиться. «И сотворися межи ими (т. е. Всеволодомъ и Василіемъ) нелюбіе, а людемъ Тверскимъ тягость, и мнози люди Тверскія того ради нестроенія разыдошася.» И дѣйствительно, ихъ опасенія оправдались. Произошелъ сильный споръ у дяди съ племянникомъ, хотя дѣло до войны еще не дошло. Въ томъ же 1347 г. «бысть брань велія во Твери в. к. Всеволоду Александровичу Холмскому, иже сѣдяше жалованіемъ царевымъ на в. княженіи Тверскомъ, съ дядею его со кн. Васильемъ Михайловичемъ Кашинскимъ, внукомъ Ярославлимъ, и мало кровопролитія не бысть межи ими.» (601) Однако въ слѣдующемъ году, владыкѣ Тверскому Ѳеодору удалось примирить дядю съ племянникомъ.

Всеволодъ уступилъ Василію Тверь, а самъ удовольствовался своимъ прежнимъ удѣломъ Холмомъ, и Василій хотя и не получилъ отъ хана ярлыкъ на Тверь, но все-таки дядя и племянникъ «укрѣпишась межи собою крестнымъ цѣлованіемъ во единомысліи, въ совѣтѣ и во единствѣ жити.» Это сейчасъ же выгодно отозвалось для Тверской земли: населеніе успокоилось и стало собираться. «И поидоша къ нимъ людіе отвсюду во грады ихъ, во власти и во всю землю Тверскую, и умножишась людіе и возрадовашась радостію великою.» (602)

Когда Василій Михайловичъ сдѣлался в. к. Тверскимъ, то онъ отдалъ Кашинъ своему сыну Василію (603), слѣдовательно призналъ за Кашиномъ (какъ замѣчаетъ г. Костомаровъ) почетное право имѣть своего князя. (604) А когда умеръ Василій Васильевичъ, то Кашинскимъ княземъ назывался другой сынъ Василія Михайловича, именно Михаилъ Васильевичъ. (605)

До сихъ поръ дядя и племянникъ какъ будто колебались, не знали гдѣ они могутъ найти вѣрную поддержку. Оба они ѣздили на судъ въ орду; даже одно время Всеволодъ, при спорѣ съ дядей Константиномъ, обращался въ Москву къ Симеону Ивановичу. Но теперь постепенно начинаетъ опредѣляться, гдѣ каждый изъ никъ можетъ найти для себя помощь. Всеволодъ Холмскій вскорѣ начинаетъ опираться на Литву, а Василій Кашинскій на Москву.

Въ 1348 г. Литовскій князь Ольгердъ, впрочемъ съ разрѣшенія в. к. Симеона Ивановича, женился на его свояченицѣ, на Тверской княжнѣ Ульянѣ, сестрѣ Всеволода Холмскаго и дочери Александра Михайловича. Вмѣстѣ съ тѣмъ это показываетъ, какъ велико было вліяніе в. к. Симеона Московскаго въ Твери: Тверское княжеское семейство не могло породниться съ Ольгердомъ безъ позволенія Московскаго князя. (606) Неизвѣстно съ кѣмъ поѣхала княжна Ульяна въ Литву, но можно предполагать, что со своей матерью в. к. Настасьей; по крайней мѣрѣ подъ 1363 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что изъ Литвы пріѣхала в. к. Настасья со своей внукой, дочерью Ольгерда. (607) Если теперь в. к. Настасья поѣхала въ Литву, то чрезъ нея могли завязаться сношенія ея сына Всеволода съ Ольгердомъ; она прежде за-одно со Всеволодомъ терпѣла притѣсненія отъ Константина. Если же в. княгиня не теперь отправилась ко двору Ольгерда, то во всякомъ случаѣ, по причинѣ сватовства, пріѣзжали въ Тверь какіе либо Литовскіе послы и съ ними могъ переговорить Всеволодъ о союзѣ съ Литвой въ случаѣ надобности. Кстати отмѣтимъ здѣсь тѣ извѣстія, которыя сохранились объ образѣ жизни княгини Іуліаніи въ Литвѣ: эти извѣстія рисуютъ намъ ее какъ хорошую хозяйку, добрую мать и усердную Христіанку.

Она рѣдко выѣзжала изъ дому, совершенно посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей, при которыхъ были наставники и наставницы различныхъ предметовъ. При ея дворѣ былъ штатъ придворныхъ дамъ, которыя помогали ей въ ея работахъ и сопровождали ее въ церковь; работы, выходившія изъ ихъ рукъ, были рѣдкаго

совершенства; три крещеныя Татарки (Azyatki) были весьма искусными работницами. Мы были въ придворной церкви, говоритъ современникъ-очевидецъ, въ которой находилися всѣ дамы на хорахъ (na wielkim balkonie), закрытыхъ зеленой сѣткой, такъ что видѣть можно было только ихъ тѣни. (608) По ея убѣжденію Ольгердъ, передъ смертью, принялъ крещеніе и даже облекся въ схиму. (609) Ульяну въ Литвѣ навѣщала ея мать, вдовствующая в. к. Настасья: по крайней мѣрѣ подъ 1363 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе, что в. к. Настасья пріѣхала изъ Литвы въ Тверь со своею внучкою (имя не обозначено), дочерью Ольгерда; но только эта дочь Ольгерда еще не была крещена, и для ея крещенія пріѣзжалъ въ Тверь митрополитъ Алексѣй. (610)

Между тѣмъ черезъ годъ послѣ брака Ульяны и Ольгерда, именно въ 1349 г. Василій Михайловичъ женилъ своего сына Михаила на дочери в. к. Симеона Ивановича. (611) Значеніе Симеона въ ордѣ было велико, и можетъ быть родство съ Московскимъ княземъ помогло Василію Михайловичу получить въ 1351 г. ярлыкъ отъ хана на в. княженіе Тверское, который былъ ему привезенъ посломъ Ахматомъ. Теперь Василій Михайловичъ былъ и родственникъ Московскому князю и былъ утвержденъ ханомъ. Опираясь на то и другое Василій Михайловичъ перестаѣтъ сдерживаться относительно своего племянника и опять началъ его тѣснить, и его бояръ и слугъ. «Нача негодованіе имѣти на братанича своего на князя Всеволода Александровича Холмскаго, поминая Бездежскій грабежъ его. И нача братанича своего кн. Всеволода Александровича обидити чрезъ докончаніе, и бояръ и слугъ его тягостію данною (т. е. большими данями) оскорбляти, и бысть межи ихъ неимовѣрство и нелюбіе, по бѣсовскому злодѣйству.» (612) Впрочемъ подобныя притѣсненія слабѣйшихъ князей сильнѣйшими происходили не въ одномъ Тверскомъ княжествѣ, но и въ другихъ Русскихъ княжествахъ. (613) Долго терпѣлъ Всеволодъ. (614) Наконецъ въ 1356 г. онъ поѣхалъ во Владиміръ, гдѣ тогда былъ митрополитъ Алексѣй и сталъ ему жаловаться на своего дядю, вѣроятно расчитывая на то, что онъ ихъ также примиритъ, какъ владыка Өедоръ. Василій Михайловичъ узналъ объ этомъ; митрополитъ посовѣтовалъ ему обратиться къ в. к. Ивану Ивановичу. Тогда Василій «по митрополичью слову» послалъ въ Москву къ в. князю и «сотвори миръ и любовь велію съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ.» Конечно въ этомъ вопросѣ митр. Алексѣй дѣйствовалъ согласно съ видами в. к. Ивана Ивановича. Только послѣ этого, т. е. переговоривши съ митрополитомъ (на что намекаетъ выраженіе лѣтописи «по митрополичью слову») и сблизившись съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ, Василій Михайловичъ также отправился къ митрополиту Алексѣю во Владиміръ, взявъ съ собою владыку Өедора. Но обѣ духовныя особы, и митрополитъ Алексѣй, и епископъ Өедоръ, не могли примирить племянника съ дядей. Если Василій и не отнималъ Холмскаго удѣла у своего племянника, то онъ какъ видно (что выяснится дальше) не хотѣлъ дать ему трети (или

жребія) въ самой Твери. «И многа быша межи ихъ (Василіемъ и Всеволодомъ) глаголанія, но конечный миръ и любовь не сотворися.» (615)

Въ томъ же самомъ году въ ордѣ сталъ ханомъ Бердибекъ послѣ смерти отца своего Чанибека. Вмѣстѣ съ другими русскими князьями къ новому хану отправились и Василій Михайловичь и Всеволодъ Александровичь, но только не вмѣстѣ, а разными дорогами. Всеволодъ хотѣлъ пройти въ орду чрезъ Переяславль, но такъ какъ в. князь Московскій держалъ сторону Василія, то его намѣстники не пропустили Всеволода. Василій Тверской и Иванъ Московскій хотѣли конечно предъ новымъ ханомъ обвинить Всеволода Холмскаго, что имъ было удобнѣе сдѣлать въ отсутствіе послѣдняго. Василій же Михайловичь въ слѣдующемъ 1357 г. возвратился изъ орды въ Тверь. (616) Василій Тверской и Иванъ Московскій дѣйствовали тогда согласно и помогали другъ другу: рати Тверская и Можайская отняли у Литовцевъ Ржеву, (617) захваченную ими раньше. (618) По всей вѣроятности съ 1357 г. Тверь и Москва, общими силами отнявши Ржеву у Литовцевъ и не возвративши ея Смоленску, стали и владѣть ею вмѣстѣ, пополамъ, т. е. удержали ее въ своемъ смѣсномъ владѣніи. Но впрочемъ въ слѣдующемъ году Литовцы опять овладѣли Ржевою. (О Ржевѣ подробно было говорено выше.)

Между тѣмъ Всеволодъ Александровичь, не пропущенный въ орду чрезъ Переяславль, прошелъ въ Литву, гдѣ онъ однако помощи не получилъ, о которой вѣроятно тогда еще не просилъ, (619) считая за лучшее предварительно побывать въ ордѣ. Изъ Литвы онъ проѣхалъ въ орду, но здѣсь уже все было настроено противъ него. Василій Михайловичь даже самъ и не поѣхалъ на этотъ разъ въ орду, а послалъ туда какихъ-то Григорчука и Корея жаловаться на племянника. Тогда ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Холмскаго Василью Михайловичу. Такъ какъ Всеволодъ Холмскій былъ выданъ Василью Михайловичу, то конечно послѣдній взялъ себѣ удѣлъ своего племянника и сталъ имъ управлять. И вотъ его бояре и слуги стали при судѣ тѣснить жителей Холмскаго удѣла. Они стали ихъ подвергать *грабленію*, т. е. потоку, разграбленію, конфискаціи имущества, и кромѣ того *продажъ*, т. е. денежнымъ штрафамъ въ пользу князя, и брать большія дани съ черныхъ людей. Въ Ник. III, 211 о притѣсненіяхъ сказано такъ: «И бысть князю Всеволоду Александровичю отъ дяди его князя Василья Михайловича томление велие, покаже (такоже?) и бояромъ его и слугамъ, и *продажа*, и *грабление* велие на нихъ; тако же и чернымъ людемъ *данная продажа* велия» (у Тат. дани великія). (620)

Положеніе дѣлъ было такое тревожное, что владыка Ѳедоръ, прежній миротворецъ Тверскихъ князей, хотѣлъ даже оставить Тверскую епископію; его едва отклонилъ отъ такого намѣренія митрополитъ Алексѣй. (621)

Въ 1358 г. Всеволодъ ушелъ въ Литву. Въ этомъ же году Ольгердовъ сынъ Андрей захватилъ Ржеву и Ольгердъ посадилъ въ

ней своихъ намѣстниковъ, а затѣмъ самъ пріѣзжалъ ее осматривать. (622) Можетъ быть пребываніе Всеволода въ Литвѣ и взятіе Ржевы имѣютъ связь между собою.

Въ слѣдующемъ 1359 г. Всеволодъ вернулся изъ Литвы въ Тверь. Хотя онъ никакой помощи съ собою не привелъ, но все-таки его дѣла теперь пошли успѣшнѣе: такъ великъ былъ страхъ передъ Литвою въ Твери. Въ лѣтописи сказано про Всеволода такъ, что онъ «взя миръ и любовь съ братьею своею; а князь Василій Михайловичь, дядя ихъ, *треть* ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми.» (623) Выходитъ, какъ будто и другіе племянники Васильевы были въ ссорѣ со Всеволодомъ. Однако едва ли братья Всеволода держали сторону дяди: имъ не было выгоды поддерживать и усиливать Кашинскаго князя. Въ такомъ случаѣ значитъ, что онъ и его двоюродные братья, всѣ вмѣстѣ, помирились съ Васильемъ, тѣмъ болѣе что далѣе говорится, что дядя уступилъ треть *ихъ* отчины. Василій Михайловичь уступилъ племянникамъ *треть* ихъ отчины, т. е. треть въ самой Твери, а себѣ удержалъ двѣ трети, должно быть, на старѣйшій путь. Теперь всѣ Тверскіе князья помирились и раздѣлились волостьми. (Если сказано, что *раздѣлились волостьми*, то это намекаетъ какъ будто на то, что у племянниковъ были отняты удѣлы, чего однако не видать.)

Но тутъ вопросы политическіе соприкасаются съ церковными.

Литовско-Русскіе князья, стараясь подчинять себѣ русскія земли, могли встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны Москвы. Ольгердъ уже выказалъ свою политику. Онъ сжегъ Можайскъ и опустошилъ его окрестности (624); приходилъ на помощь Псковитянамъ противъ Нѣмцевъ (впрочемъ по просьбѣ же Псковитянъ) (625); ходилъ на Новгородъ, опустошилъ его волости, взялъ окупъ съ Порхова и съ Опокъ (626); посылалъ своего брата Коріята съ нѣкоторыми другими Литовцами къ Чанибеку, прося у него помощи противъ великаго князя Симеона Московскаго, но ханъ задержалъ Литовскихъ пословъ и даже выдалъ ихъ Московскому князю (627); во время похода Симеона Ивановича на Смоленскъ, присылалъ къ нему пословъ со многими дарами о мирѣ. (628)

Митрополитъ Кіевскій и всей Россіи, жившій въ Москвѣ своею духовною властью всегда поддерживалъ Московскаго князя, а въ ордѣ пользовался большимъ уваженіемъ. Ольгердъ всегда могъ встрѣтить противодѣйствіе со стороны владыки, и въ тоже время Литовскій князь такъ мало значилъ въ ордѣ, что его собственные послы ханомъ были выданы Московскому князю.

Ольгерду хотѣлось образовать особую митрополію, въ составъ которой бы входили всѣ русскія земли, ему подчиненныя, или такія, на которыя онъ имѣлъ вліяніе. Имѣя своего особеннаго митрополита, Ольгердъ думалъ чрезъ него вліять на русскія земли и такимъ образомъ противодѣйствовать митрополиту Восточной Руси.

Ольгердъ ждалъ перваго удобнаго случая, чтобы хлопотать объ открытіи особой митрополіи. Хотя въ Константинополѣ всегда для

всей Россіи назначался одинъ митрополитъ, но у Ольгерда передъ глазами былъ примѣръ, когда однажды сдѣлано было исключеніе для Южной Россіи. Въ половинѣ XIV в. во время церковныхъ смутъ въ Византіи, открыта была особая митрополія въ Галичѣ, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій Волыни, или, по тогдашнему, малой Россіи: владимірской, холмской, перемышльской, луцкой и туровской. Для достиженія этой цѣли употреблялъ всѣ мѣры епископъ Галицкій. Слухи объ открытіи галицкой митрополіи, естественно, огорчили митрополита Өеогноста и в. кн. московскаго Симеона, и они посовѣщавшись между собою, отправили въ 1346 г. пословъ къ патріарху «о благословеніи». Въ августѣ 1347 г. императоръ издалъ золотую буллу, въ которой извѣщалъ, что открытіе въ Галиціи особой митрополіи есть нововведеніе, совершившееся не задолго предъ тѣмъ во время смутныхъ обстоятельствъ въ Византіи; что отнынѣ «святѣйшія епископіи, находящіяся въ странѣ малой Россіи, называемой Волынью, именно: галицкая, владимірская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская» должны вновь подчиняться святѣйшей митрополіи кіевской и всея Россіи, и что это дѣлается по просьбѣ в. к. русскаго Симеона и другихъ князей, какъ въ силу съ давняго времени укоренившагося церковнаго обычая, такъ и ради «добродѣтельной и богоугодной жизни святѣйшаго митрополита кіевскаго, препочтеннаго и экзарха всей Россіи Өеогноста.» Соотвѣтственно царской буллѣ и патріархъ съ своимъ соборомъ постановилъ подчинить вновь и навсегда означенныя волынскія епископіи кіевскому митрополиту, отмѣнить прежнее соборное опредѣленіе относительно галицкой митрополіи и утвердить, чтобы это новое постановленіе было соблюдаемо и всѣми будущими цареградскими патріархами и русскими митрополитами.

Такимъ образомъ не удалась попытка образовать особую Галицкую митрополію. Но это было при жизни Өеогноста. Ольгердъ же рѣшился дѣйствовать тогда, когда умеръ Өеогностъ и въ Константинополѣ должно было поставить новаго митрополита для Россіи.

Въ то самое время, какъ въ слѣдствіе ходатайства в. к. московскаго Симеона и митрополита Өеогноста, уже умершихъ, св. Алексій вызванъ былъ въ Царьградъ для поставленія въ санъ митрополита всей Россіи, Ольгердъ избралъ своего кандидата изъ среды своихъ подданныхъ, по имени Романа (кто былъ онъ, неизвѣстно) и спѣшилъ отправить его въ Царьградъ для той же цѣли.. Ольгердъ выставлялъ одно, что онъ не желаетъ признавать Алексѣя, какъ избраннаго Москвою и ему совершенно неугоднаго, митрополитомъ надъ своими подданными, т. е. надъ православными, живущими въ предѣлахъ литовскаго княжества. А на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду чрезъ Романа, вполнѣ ему преданнаго, когда онъ сдѣлается митрополитомъ, простирать свое вліяніе на всю Россію и на управленіе ею. Все это ясно изложено въ грамотѣ Константинопольскаго собора 1380 года. Романъ прибылъ въ Константи-

пополь, когда Алексѣй былъ уже поставленъ митрополитомъ отъ патріарха Филоѳея въ 1354 г., но еще не отправлялся въ отечество. Литовскій князь не пощадилъ даровъ, и присланный имъ немедленно возведенъ былъ въ санъ митрополита литовскаго, безъ всякаго сомнѣнія, тѣмъ же патріархомъ Филоѳеемъ. Въ слѣдствіе этого между обоими нашими митрополитами, еще въ самомъ Царьградѣ, открылось великое несогласіе, и оба они прислали оттуда своихъ пословъ къ тверскому епископу съ требованіемъ церковной дани. (629) «И бысть священническому чину тяжесть велія вездѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ.

Должна была быть причина, почему они оба избрали Тверь. Тверское княжество было сильнѣйшимъ послѣ Москвы. Очень важно потому было для Романа склонить скорѣе на свою сторону это княжество. Ольгердъ былъ женать на сестрѣ Всеволода Холмскаго; въ Литвѣ конечно знали о его раздорѣ съ дядей Василіемъ Михайловичемъ. (Уже тогда чрезъ в. к. Настасью, — если только она тогда была къ Литвѣ, — могли завязаться переговоры о союзѣ съ Литвой.) Расчитывая на родство Литовскаго князя съ удѣльными Тверскими Александровичами и на вражду одного изъ нихъ съ дядей, Романъ надѣялся всего скорѣе склонить котораго нибудь изъ Тверскихъ князей, недовольныхъ Москвою, къ признанію себя и потому поспѣшилъ туда послать за церковной данью. Конечно и св. Алексѣй не хотѣлъ допустить, чтобы Тверь вышла изъ его митрополіи и вошла въ составъ другой, и потому также послалъ туда за церковною данью. Лѣтописцы молчатъ о томъ, какъ на этотъ разъ принято было посольство Романово, но судя потому, что позже епископъ Тверской Ѳедоръ неблагосклонно встрѣтилъ самого Романа, должно полагать, что и на этотъ разъ его послы получили отвѣтъ неблагопріятный. (630)

Скоро впрочемъ оба они, можетъ быть по убѣжденію патріарха, отправились въ отечество, сперва Алексѣй, потомъ Романъ. Алексѣй былъ принятъ въ Москвѣ съ радостію, началъ заниматься архипастырскими дѣлами: посвящалъ епископовъ въ Ростовъ, Смоленскъ, Рязань и Сарай. Романъ прибылъ въ Литву, но искалъ большаго: онъ постоянно вторгался въ предѣлы митрополіи собственно русской, пріѣзжалъ въ самый Кіевъ, гдѣ однакожъ не былъ принятъ, и причинялъ Алексѣю открытыя оскорбленія. Не довольствуясь этимъ, онъ вновь поѣхалъ въ Царьградъ и обратился къ самому императору, патріарху и собору, чтобы достигнуть цѣли своихъ желаній. Вызвали туда (въ 1356 г.) и святителя Алексѣя и, выслушавъ того и другаго, соборнѣ съ согласія императора постановили, чтобы Алексѣю, по утвердившемуся издревле обычаю, быть и считаться митрополитомъ Кіева и всей Россіи, куда онъ былъ и хиротонисованъ, а Роману, какъ хиротонисованному въ митрополита литовскаго, имѣть подъ своею духовною властію, для умиротворенія и спокойствія того края, вмѣстѣ съ находящимися въ Литвѣ двумя епархіями, города Полоцкъ, Туровъ и Новгородокъ, гдѣ должна находиться каѳедра митрополита, и еще епархіи малой

Россіи, т. е. волынскія, и чтобы оба митрополита отнюдь не вторгались въ предѣлы другъ друга, подъ опасеніемъ тяжкой отвѣтственности предъ канонами церкви. Алексѣй совершенно покорился соборному рѣшенію и зимою того же года возвратился въ отечество.

Но Романъ, оставшись недовольнымъ, не захотѣлъ взять патріаршихъ грамотъ для удостовѣренія въ соборномъ рѣшеніи, не оказалъ самому патріарху должнаго повиновенія и поспѣшно ушелъ въ назначенную ему область. Оттуда началъ новыя вторженія въ область митрополита Алексѣя: пріѣзжалъ въ Кіевъ, литургисалъ въ немъ, совершалъ хиротоніи, величая себя митрополитомъ кіевскимъ и всей Россіи; проникалъ въ Брянскую эпархію и дѣлалъ тоже; всюду разглашалъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что онъ имѣетъ великую силу у своего князя и можетъ имѣть во власти своей всякую епархію русской митрополіи. Патріархъ, слыша о всемъ этомъ, нѣсколько разъ писалъ къ Роману, убѣждалъ его прекратить такія дѣйствія, противныя канонамъ, и чтобы сколько нибудь удовлетворить его, уступилъ ему Брянскую епархію. Но Романъ нимало не смирялся, и въ 1360 году, безъ вѣдома митрополита Алексѣя, пріѣхалъ въ Тверь. (631) Въ Твери Романъ пробылъ недолго; епископъ Тверской Ѳеодоръ не хотѣлъ съ нимъ даже видѣться, «ни чести ему коея даде.» Въ это самое время изъ Литвы въ Тверь вернулся и Всеволодъ. Онъ былъ родственникъ Ольгерду; митрополитъ Алексѣй и в. князь Московскій не только не помогли ему въ спорѣ съ дядей Василіемъ, а напротивъ были даже на сторонѣ послѣдняго. По неволѣ приходилось Всеволоду искать себѣ поддержки у Ольгерда и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать почетъ его митрополиту Роману. Лѣтописецъ про Всеволода прямо говоритъ, что онъ «многу сотвори честь и дары даде Роману митрополиту.» Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописецъ замѣчаетъ про отношенія другихъ Тверскихъ князей къ Роману, что онъ «потребное пріемля отъ князей и отъ бояръ Тверскихъ и отъ другихъ нѣкихъ.» Какіе же это могли быть другіе Тверскіе князья, воздавшіе такую честь Роману? Конечно не Василій Михайловичь, который такимъ поступкомъ могъ бы оскорбить своего покровителя митрополита Алексѣя. Безъ сомнѣнія это были братья Всеволода, которые, должно полагать, его поддерживали и, подобно своему брату, были также въ родствѣ съ Ольгердомъ; въ числѣ ихъ можетъ быть былъ также и ихъ двоюродный братъ Семенъ Константиновичь, который былъ такъ расположенъ къ Михаилу Александровичу (одному изъ братьевъ Всеволода), что въ послѣдствіе времени даже отказалъ ему свой удѣлъ помимо своего роднаго брата Еремея (какъ это мы увидимъ далѣе). Но и помимо этихъ обстоятельствъ (и опасныхъ для Василія Литовскихъ связей), Василій Михайловичь долженъ былъ тогда уступить своимъ племянникамъ. Тогда умеръ его защитникъ в. князь Иванъ Ивановичь Московскій, и не сынъ послѣдняго, ребенокъ Дмитрій Ивановичь, былъ назначенъ въ ордѣ в. княземъ Владимірскимъ, а Дмитрій Константиновичь Суздальскій (который тогда же былъ признанъ и Новгородцами).

А Суздальскіе князья были въ родствѣ и съ племянниками Василья Михайловича и съ Ольгердомъ. (632) Великимъ княземъ былъ такой человѣкъ, на котораго Василій Михайловичъ расчитывать не могъ, а къ этому еще ему грозятъ Литовскія связи его племянниковъ, — по неволѣ дядя долженъ былъ уступить племянникамъ. (633) Можетъ быть и Романъ пріѣзжалъ съ Ольгердовымъ порученіемъ примирить князей и выговорить Всеволоду наиболѣе выгодныя условія. И вотъ Василій Михайловичъ отдаетъ племянникамъ *треть* въ Твери, а себѣ удерживаетъ двѣ трети. Послѣ этого князья «раздѣлишася волостьми», глухо замѣчаетъ лѣтописецъ. Романъ же возвратился въ Литву, а Всеволодъ велѣлъ его проводить съ честью. (634)

Что касается Романа, то онъ вскорѣ умеръ, въ 1361 г., а патріархъ Филоѳей постановилъ, чтобы, во избѣжаніе смутъ и нестроеній, земля Литовская на все послѣдующее время ни по какимъ причинамъ не отдѣлялась отъ области и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго. Не смотря на это, Ольгердъ не оставлялъ своего намѣренія и (въ 1371 г.) требовалъ отъ патріарха особеннаго митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ, на Тверь, на малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ. (635)

Такимъ образомъ сами обстоятельства указали Всеволоду Александровичу и его братьямъ, гдѣ имъ искать для себя опоры противъ своего же старѣйшаго в. к. Тверскаго и противъ Москвы. Можетъ быть даже не съ цѣлью ли поддержать племянниковъ противъ дяди, приходили Литовцы въ слѣдующемъ году ратью на Тверскія волости. (636)

Въ дальнѣйшихъ Тверскихъ событіяхъ на первый планъ выступаетъ не в. к. Василій Михайловичъ, а Михаилъ Александровичъ, удѣльный князь Микулинскій, сдѣлавшійся вскорѣ в. княземъ Тверскимъ, къ описанію дѣятельности котораго мы и переходимъ.

VI.

Княженіе Михаила Александровича. — Его вражда съ Кашиномъ и борьба съ Москвой. — Вмѣшательство Литвы. — Дѣйствія князей Тверскаго, Литовскаго и Московскаго при дворѣ Константинопольскаго Патріарха. — Церковный вопросъ. — Московскіе бѣглецы въ Твери. — Иванъ Васильевичь и Некоматъ сурожанинъ. — Пятая, послѣдняя война Михаила Александровича съ Москвой. — Невыгодный договоръ съ Москвой. — Эпоха Куликовской битвы. — Неудачное возобновленіе Михаиломъ Александровичемъ прежнихъ притязаній на в. к. Владимірскій престолъ. — Отношенія къ Литвѣ и Москвѣ. — Договоръ Михаила Александровича съ Василіемъ Димитріевичемъ. — Забота Михаила о внутреннемъ устроеніи Тверскаго княжества. — Дѣло Евфимія Висленя. — Послѣдніе дни жизни Михаила, его пострижение и смерть. — Отзывъ лѣтописей о личности Михаила. — Характеръ дѣятельности Михаила Александровича.

Василій Михайловичь, послѣ вышеописанныхъ событій, не нападалъ болѣе на Всеволода. Но для него становился опасенъ другой племянникъ, уже возмужавшій, Михаилъ Александровичь, удѣльный князь Микулинскій, (637) который съ этого времени начинаетъ играть большую роль въ тогдашнихъ событіяхъ. Тверь конечно не хотѣла подчиняться своему старинному пригороду Кашину, его князю и его боярамъ. Тверичи хотѣли лучше зависѣть отъ потомковъ своего прежняго князя, Александра Михайловича. Тверичи какъ видно этого и не скрывали. Прежде когда Москва помогала Василію Михайловичу противъ его племянника, слѣдовательно когда на сторонѣ Василія былъ перевѣсъ въ силахъ, Тверичи должны были затаить свою вражду къ Кашину; но когда Василій долженъ былъ сдѣлать уступку племянникамъ, за которыхъ была Литва и тогдашнія обстоятельства, то Тверичи высказали свои чувства относительно Кашинцевъ. Они очень привязаны были къ Михаилу Александровичу и охотно къ нему обращались. «И бысть Василіеви Тверскый столъ дрьжащу, Михайлови же възмужавшу...... Вси сынове Тверстіи прилагахуся къ нему (т. е. къ Михаилу) и храбри служаху ему.» Великая княгиня Елена, супруга Василія Михайловича, знала это и боялась, что такимъ образомъ ихъ потомство никогда не получитъ Твери. Она стала говорить своему мужу, вооружая его на Михаила: «видиши, господине мой, сый Михаилъ възмагаетъ, а старшаго ти брата сынъ, и есть мужъ доблій, сладокъ всѣмъ, и весь градъ Тверскый любитъ его, да убо хощетъ княжити на градѣ семъ, сынове ваши изгнани будутъ. Василей же начатъ гнѣватися на Михаила, и зло враждоваше на него.» (638) Кажется только такими отношеніями и можно объяснить нападеніе Василія Михайловича на Макулинъ въ 1363 г.: онъ боялся Михаила Александровича, хотѣлъ предупредить опасность, ослабить соперника и напалъ на него. Однако Михаилъ устоялъ противъ дяди и

нападеніе кончилось тѣмъ, что они оба «паки смиришась и любовь сотвориша.» (639)

Михаилъ Александровичъ настолько былъ силенъ, что имѣлъ средства защитить себя. А вскорѣ ему представилась возможность увеличить свои владѣнія. Въ 1364 г. повторилась моровая язва, которая уже однажды въ княженіе Симеона Гордаго опустошала Россію. Отъ этой моровой язвы сильно пострадало семейство Тверскихъ князей. Отъ нея умерли в. к. Настасья (вдова Александра Михайловича), в. к. Авдотья (вдова Константина Михайловича), Семенъ Константиновичъ, Всеволодъ Александровичъ Холмскій съ супругою Софьей, Андрей Александровичъ съ супругой Евдокіей, Владиміръ Александровичъ, много бояръ и народу. «Бысть страхъ велій на всѣхъ.» Неизвѣстно, какіе удѣлы были у Владиміра и Андрея Александровичей. Удѣлъ Всеволода Александровича долженъ былъ достаться его сыновьямъ, Ивану и Юрію. Не знаемъ, кому достались удѣлы — кажется бездѣтныхъ — Владиміра и Андрея Александровичей, (640) — захватилъ ли себѣ эти удѣлы Василій Михайловичъ, или Михаилъ Александровичъ получилъ удѣлы этихъ двухъ своихъ братьевъ? Но мы знаемъ, что одинъ изъ двухъ удѣльныхъ Дорогобужскихъ князей, бездѣтный Семенъ Константиновичъ (двоюродный братъ Михаиловъ и должно быть сильно къ нему привязанный) умирая отказалъ свой удѣлъ Михаилу (удѣлъ свой и княгиню приказалъ ему) (641) помимо своего роднаго старшаго брата Еремѣя Константиновича. (642) Такимъ образомъ Михаилъ Александровичъ, присоединившій къ своему удѣлу еще новый удѣлъ, становился сильнѣе прежняго, а стало быть и опаснѣе для своихъ враговъ.

Тогда два другіе князя Тверской земли, великій — Василій Михайловичъ и удѣльный Дорогобужскій Еремѣй Константиновичъ — начали споръ съ Михаиломъ Александровичемъ изъ-за удѣла Семена Константиновича. Былъ такой обычай у князей на случай несогласія между ними: если произойдетъ какое нибудь спорное дѣло между князьями, то они для разбора дѣла посылаютъ своихъ бояръ; если бояре не будутъ въ состояніи покончить дѣла, то выбираютъ третейскимъ судьей (на третей) митрополита, а въ случаѣ его отсутствія кого нибудь другаго; если бояре и обвинятъ (умолвятъ) котораго князя, то они въ томъ не виноваты. (643) Должно быть спорившіе князья обратились къ митрополиту, потому что «по митрополичью благословенію» судилъ ихъ Тверской владыка Василій и оправилъ князя Михаила Александровича, конечно на томъ основаніи, что онъ получилъ удѣлъ по завѣщанію. (644) Но Михаилъ Александровичъ предвидѣлъ, что конечно дѣло этимъ не кончится, можетъ начаться открытая борьба и потому въ томъ же году на всякій случай «поставилъ Городокъ Новый на Волгѣ.» (645)

Между тѣмъ Василій Михайловичъ отыскивалъ средства болѣе дѣйствительныя, чтобы управиться съ племянникомъ. По смерти в. к. Ивана Ивановича, Василій Михайловичъ остался безъ помощи Москвы, потому что молодой Московскій князь, Дмитрій Ивано-

вичь, самъ былъ занятъ споромъ изъ-за великаго княженія съ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ. Но уже и во время этого спора выказалась вся сила Москвы: Дмитрій Московскій уже и тогда взялъ всю волю свою надъ Ростовскимъ княземъ Константиномъ, а князей Галицкаго и Стародубскаго согналъ съ ихъ княженій. (646) Его же соперникъ, Дмитрій Суздальскій, самъ отказался отъ ярлыка на Владиміръ и даже просилъ помощи у Москвы противъ своего роднаго брата Бориса, захватившаго Нижній. (647) Торжество осталось за Москвою. Дмитрій Іоанновичь Московскій окончательно утвердился на в. княжескомъ престолѣ.

Теперь и князь Василій Михайловичь съ сыномъ Михаиломъ и племянникомъ кн. Еремѣемъ Константиновичемъ, эти три врага кн. Михаила Микулинскаго, обращаются въ Москву за помощью. Они жаловались въ Москвѣ на своего владыку Василія, будто бы онъ не по правдѣ разобралъ дѣло объ удѣлѣ князя Семена Константиновича. Москва конечно не опустила случая вмѣшаться въ дѣла Твери и утвердить въ ней насколько возможно свое вліяніе. Тогда Михаилъ долженъ былъ просить защиты у Литвы. А Литва рада была пользоваться возможностью, чтобы ослабить Москву и получить вліяніе на русскія земли. Москва и Литва вступаютъ въ борьбу по поводу Твери. Если одни Тверскіе князья становились подъ покровительство Москвы, то князь не искавшій ея защиты, державшій себя самостоятельно, чрезъ то становился опаснымъ и подозрительнымъ для Москвы.

Послѣ Московскаго *великаго пожара Всесвятскаго* (начался церковію Всѣхъ Святыхъ) (648) Дмитрій Ивановичь Московскій заложилъ каменный кремль, говоритъ лѣтописецъ, и началъ всѣхъ князей Русскихъ приводить подъ свою волю, «а которые не повиновахуся волѣ его и на тѣхъ нача посегати, тако же и на кн. Михаила Александровича Тверскаго.» (649) Михаилъ ушелъ въ Литву къ Ольгерду за помощью (1367 г.). Князь Василій Михайловичь съ сыномъ Михаиломъ и съ племянникомъ кн. Еремѣемъ Константиновичемъ воспользовались отсутствіемъ Михаила Александровича и митрополичьимъ приставомъ позвали въ Москву на судъ передъ митрополита Алексѣя владыку Василія за то, что онъ судилъ не но правдѣ объ удѣлѣ князя Семена. «И тако на Москвѣ про тотъ судъ владыцѣ Василью сотворися проторъ великъ (большіе убытки), а во Твери житейскимъ людемъ нужно бысть про удѣлъ княже-Семеновъ.» Достовѣрно неизвѣстно, какъ поступили съ владыкою Василіемъ, но должно быть его обвинили: митрополиты всегда поддерживали Московскихъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ союзниковъ. Между тѣмъ въ Тверскую землю пришла вспомогательная рать Московская и Волотцкая и началось раззореніе. Князь Василій Михайловичь со своей княгиней, и съ сыномъ Михаиломъ, и съ племянникомъ Еремѣемъ «и со всею силою Кашинскою» и со вспомогательными войсками пошелъ на Тверь. Хотя соединенныя войска и подступили къ самой Твери, но города взять не могли: жители не хотѣли уступать Кашинцамъ съ ихъ союзниками, и

съумѣли сами отстоять свой городъ и въ отсутствіе кн. Михаила Александровича, къ которому они были привязаны. Но за то Кашинцы и ихъ союзники всюду гдѣ могли и какъ могли тѣснили Тверичей. Враги, по выраженію лѣтописи, дѣлали Тверичамъ досады безчестіемъ и муками и *грабежемъ* имѣнія и *продажею* (650) безъ помилованія; они повоевали Тверскія волости и села по одну сторону Волги (какъ видно по ея правому берегу) и многихъ въ полонъ повели. Досталось также и церковнымъ волостямъ владыки Тверскаго Василія, который недавно оправдалъ кн. Михаила Александровича: враги эти волости «плѣнили, пожгли и пусто все сотворили.» Послѣ этого Василій Кашинскій ушелъ со своими союзниками.

Тогдашнія событія рисуютъ современныя дѣла въ такомъ положеніи, что хотя не Михаилъ Александровичъ Микулинскій, а его дядя Василій Михайловичъ Кашинскій назывался Тверскимъ, слѣдовательно старѣйшимъ или в. княземъ Тверской земли, но Тверичи не хотѣли признавать его, не хотѣли подчиняться Кашинскому князю и, при возникшей усобицѣ по поводу удѣла Семенова, стали открыто на сторону Микулинскаго князя, хотѣли ему доставить старѣйшинство. Тверичи хотѣли подчиняться своему избраннику, а не чуждому для нихъ — по ихъ взгляду — князю Кашинскому. За это Тверичи теперь дорого поплатились.

Осенью (651) вернулся Михаилъ Александровичъ отъ Ольгерда со вспомогательными Литовскими войсками и повелъ свои дѣла такъ удачно, что въ самомъ началѣ захватилъ въ плѣнъ двухъ княгинь съ ихъ боярами — жену кн. Еремѣя и свою тетку княгиню Елену (652) — также бояръ и слугъ своего дяди Василія, (653) а затѣмъ со своею ратью и Литовскою двинулся къ самому Кашину. Приходилось теперь Кашинцамъ въ свою очередь подвергнуться такой же участи, какую они передъ тѣмъ заставили перенесть Тверичей, однимъ словомъ расплатиться за недавній грабежъ и раззореніе. Между тѣмъ вспомогательныя войска ушли отъ Василія Михайловича, а одному ему не подъ силу было бороться съ Михаиломъ Александровичемъ и съ Литвой; къ тому же его жена была въ рукахъ его враговъ. Онъ рѣшился просить мира у племянника. Его послы ожидали Михаила Александровича въ селѣ Андрѣевскомъ; (654) владыка Василій чрезъ своихъ пословъ также хлопоталъ о мирѣ. Лѣтописецъ замѣчаетъ: «Господь Богъ, и пречистая Богородица утиши его (т. е. Михаила Александровича) ярость, и милость возложи на сердце его, и благую мысль ему даде.» Михаилъ Александровичъ согласился на мирныя предложенія и «взялъ миръ и любовь» съ дядею Васильемъ Михайловичемъ Кашинскимъ, съ двоюроднымъ братомъ кн. Еремѣемъ Константиновичемъ и съ в. к. Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ; зимой о Крещеніи къ Михаилу Александровичу приходилъ отъ отца своего кн. Михаилъ Васильевичъ Кашинскій «взять миръ» и со своей стороны съ кн. Михаиломъ Александровичемъ. (655) Неизвѣстно на какихъ условіяхъ былъ заключенъ миръ у Михаила Александровича съ его

противниками: должно быть Михаилъ Александровичъ удержалъ за собою спорный удѣлъ кн. Семена. Однако не видно, чтобы теперь же онъ сдѣлался в. княземъ Тверскимъ; по крайней мѣрѣ онъ такимъ еще не называется въ лѣтописяхъ: слѣдовательно Твери не удалось — если она только хотѣла — доставить старѣйшинство Михаилу Александровичу въ Тверской землѣ.

Радость была общая по случаю заключенія мира; всѣ теперь расчитывали на мирное спокойное время. Лѣтописецъ, говоря объ общей радости, прибавляетъ свои разсужденія по этому поводу: «И отпустилъ ихъ (по смыслу судя — пословъ Кашинскихъ и Московскихъ) съ честію, и радовались бояре ихъ, и всѣ вельможи ихъ, также гости и купцы и всѣ работники, люди рода и племени Адамова; всѣ они единъ родъ и племя Адамово, и цари и князья и бояре и вельможи и гости и купцы и ремественницы и работные люди, единъ родъ и племя Адамово; и забывшись другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, отступая отъ заповѣдей Божіихъ, еже любити и искреннего своего яко самъ себе.» (656)

Однако миръ былъ обманчивъ и радость непродолжительна. Димитрій Донской послалъ Владиміра Андреевича на Ржеву, который и овладѣлъ ею, а кн. Еремѣй въ томъ же 1367 г. сложилъ крестное цѣлованіе къ кн. Михаилу Александровичу и уѣхалъ въ Москву къ кн. Дмитрію Ивановичу, конечно съ прежними жалобами. (657) Въ Москвѣ обрадовались случаю вновь вмѣшаться въ Тверскія дѣла; Москва выставила себя защитницею утѣсненнаго князя; по общему совѣту в. князя Дмитрія, митрополита и бояръ сюда звали Михаила Александровича переговорить о Тверскихъ дѣлахъ. (658) Можетъ быть Михаилъ Александровичъ и побоялся бы пріѣхать въ Москву, но въ числѣ приглашавшихъ его былъ митрополитъ. Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ въ Москву (1368 г.), здѣсь устроенъ былъ третейскій судъ, (659) но этотъ судъ дѣла не устроилъ, а дошло до того, что Михаила Александровича «на миру в правде да его изымали», и не только его самого, но и всѣхъ бояръ его захватили и посадили въ заточеніе. (660) Отъ него силою хотѣли вытребовать то, на что онъ добровольно не соглашался. Но тутъ неожиданно пріѣхали въ Москву три Татарскіе князя. (661) Михаилъ Александровичъ не былъ такимъ княземъ, какъ Рязанскій князь, котораго можно было захватить и убить въ Москвѣ, (662) или въ родѣ князей Галицкаго и Стародубскаго, которыхъ можно было согнать съ ихъ княженій безъ особенныхъ хлопотъ, или въ родѣ князя Константина Ростовскаго, надъ которымъ легко было взять всю волю свою. Это былъ князь позначительнѣе. А потому когда пріѣхали Татарскіе князья и узнали о случившемся, то «слышавше сія усумнѣшась.» Тогда Московскій князь со своими боярами (663) освободилъ Михаила Александровича и его бояръ. Но освобождая его «укрѣпили его крестнымъ цѣлованіемъ», вѣроятно на счетъ уступки если не всего, то по крайней мѣрѣ части удѣла Симеонова. Конечно, Михаилъ Александровичъ былъ сильно оскорб-

ленъ и раздраженъ такимъ поступкомъ съ собою, особенно же онъ гнѣвался на митрополита Алексѣя, главнымъ образомъ приписывая ему захватъ и задержаніе себя. Онъ такъ говорилъ: «колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга.» Позже онъ даже жаловался патріарху на митрополита.

Въ слѣдъ за тѣмъ Московскій князь отнялъ (664) у Михаила Александровича «Градокъ», часть отчины изъ удѣла княже-Семенова, и посадилъ въ немъ своего намѣстника вмѣстѣ съ кн. Еремѣемъ. Такимъ образомъ Дмитрій Ивановичъ показывалъ, какъ будто онъ дѣйствуетъ не по личнымъ цѣлямъ, а заступается за обиженнаго князя Еремѣя. Самъ же между тѣмъ готовился вновь ворваться въ Тверскую землю, причемъ конечно онъ расчитывалъ на то, что въ ней самой найдетъ себѣ еще одного прежняго союзника, Василія Михайловича, но послѣдній умеръ въ томъ же (1368) году предъ самымъ началомъ войны, (665) оставивъ удѣлъ сыну своему Михаилу. (666)

Теперь Михаилъ Александровичъ становится безпрепятственно великимъ княземъ Тверскимъ.

Смерть Василія Кашинскаго не остановила Дмитрія Донскаго. Московскій князь послалъ сильную рать на Тверскаго князя. Князь Еремѣй конечно не могъ оказать дѣятельной помощи Московскимъ войскамъ; какъ видно, онъ оставался въ Москвѣ во время войны, а новый князь Михаилъ Васильевичъ Кашинскій не принималъ въ ней участія. Михаилъ Александровичъ опять ушелъ въ Литву къ Ольгерду, просилъ у него помощи и вмѣстѣ съ тѣмъ научалъ свою сестру Ульяну, супругу Ольгердову, просить своего мужа о томъ же самомъ. Ольгердъ согласился, и на этотъ разъ рѣшился самъ идти въ походъ. Ольгердъ былъ извѣстенъ своими военными способностями въ то время; онъ преимущественно бралъ верхъ надъ непріятелемъ быстротою и неожиданностью. Союзъ съ Литвой доставилъ Михаилу помощь и нѣкоторыхъ другихъ Русскихъ князей. Ольгердъ пошелъ съ войсками Литовскими, съ нимъ также была Смоленская рать. Михаилъ Александровичъ соединился съ союзниками и вмѣстѣ съ ними пошелъ на самую Москву, гдѣ никакъ не ожидали такого быстраго нападенія. Союзники, войдя въ Московскія области, по обыкновенію начали всюду жечь и грабить, разбили на р. Тростнѣ (667) Московскій сторожевой полкъ и наконецъ осадили самую Москву, гдѣ затворился в. к. Дмитрій Ивановичъ, предварительно приказавшій пожечь посадъ вокругъ города. Въ то время рѣдко удавалось брать укрѣпленныя мѣста даже такимъ полководцамъ, каковъ былъ Ольгердъ: онъ три дня простоялъ подъ Москвою, города не взялъ и ушелъ во свояси, «а зла много сотворилъ, по замѣчанію лѣтописца, пожегъ и монастыри и церкви, и волости и села, пограбилъ имѣнія, и поплѣнилъ людей безчисленно и въ полонъ повелъ, и скотину всю съ собой угналъ...... Такого зла никогда не бывало прежде Москвѣ отъ Литвы.» Дѣйствительно, впервые по прошествіи сорока лѣтъ, т. е. начиная отъ перваго

года княженія Калиты, Московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. (668) Въ разворенія Московской области конечно большое участіе принимали и Тверитяне. Такимъ образомъ Михаилъ Александровичь отплатилъ за раззореніе своего княжества, но не одиѣми своими силами: сама по себѣ одна Тверь уже не могла бороться съ Москвою, она дѣйствовала при помощи Литвы, а въ интересахъ Литвы было ослабленіе Москвы; только благодаря этой враждѣ князей Московскаго и Литовскаго, Тверь могла получить и помощь отъ Ольгерда и вмѣстѣ съ тѣмъ временной успѣхъ относительно Москвы, потому что Дмитрій Ивановичь возвратилъ Михаилу Тверскому Градокъ (отступился Градка и всѣе части удѣла княже Семенова). Въ Москвѣ даже перестали удерживать кн. Еремѣя и отпустили его въ Тверь. Князь Еремѣй съ этихъ коръ перестаетъ дѣйствовать противъ Михаила Александровича, а его сынъ, Дмитрій Еремѣевичь, какъ мы увидимъ вскорѣ, помогаетъ в. к. Тверскому въ его войнахъ.

Но этотъ временной успѣхъ въ борьбѣ съ Москвой и на самой Твери отозвался теперь же очень тяжело. Въ томъ же году «гладъ великъ бысть во Твери», что конечно было слѣдствіемъ прошлогодняго раззоренія Тверской земли. (669)

Михаилъ Васильевичь Кашинскій, сынъ покойнаго Василія Михайловича, не принималъ никакого участія въ этой войнѣ между Михаиломъ и Дмитріемъ. Въ лѣтописи о немъ разсказывается слѣдующее: онъ велѣлъ изъ одного Кашинскаго монастыря перенести церковь Богородицы во внутрь города и «мѣсто то святое раскопати, и во гробехъ мертвыхъ кости разрушили издавна положенныхъ иноковъ.» Вскорѣ тяжко захворалъ какъ онъ, такъ и его княгиня, которая и умерла. Князь Михаилъ Васильевичь устрашился и ужаснулся, того ради и прощенія просилъ у владыки Василія и у всего священнаго собора. И повелѣлъ ему владыка не до конца то мѣсто раззорить; онъ послушалъ владыки и поставилъ на прежнемъ мѣстѣ малую церковь Пречистыя Богородицы, но потомъ и ту разнесли. (670)

Между тѣмъ Михаилъ Александровичь, какъ видно не надѣявшійся на продолжительный миръ, поправилъ деревянныя укрѣпленія Твери и смазалъ ихъ глиною (въ 1369 г.: градъ Тверь срубили древянъ и глиною помазали). И дѣйствительно, могъ ли онъ быть спокоенъ, когда со стороны Москвы видѣлъ и приготовленія и движенія воинственныя: такъ князь Московскій велѣлъ почему-то укрѣпить именно Переяславль, а затѣмъ посылалъ свою рать на Смоленскія волости и на городъ Брянскъ, конечно мстя ихъ князьямъ за союзъ съ Ольгердомъ и за помощь оказанную Тверскому князю. (671)

Тверской князь долженъ былъ постоянно ожидать, что вскорѣ очередь опять дойдетъ и до него. Сперва поѣхалъ въ Москву кн. Михаилъ Васильевичь Кашинскій жаловаться митрополиту Алексѣю на Тверскаго владыку Василья — вѣроятно по дѣлу объ удѣлѣ кн. Семена. Въ Авг. 1370 г. Дмитрій Московскій опять объявилъ войну

Михаилу Тверскому (по оспожинѣ дни на третей день) (672), а послѣдній, по обыкновенію, и на этотъ разъ ушелъ въ Литву. Въ его отсутствіе Москвичи два раза успѣли опустошить Тверское княжество: сперва Московскія войска вошли въ Тверское княжество, землю пожгли и пограбили, а многихъ жителей въ плѣнъ повели; потомъ опять явились уже подъ начальствомъ самого в. к. Дмитрія Ивановича (въ Сентябрѣ), взяли Зубцовъ и Микулинъ, а затѣмъ «всѣ волости и села Тверскія повоевали и пожгли и пусто сотворили, а людей многое множество въ полонъ повели, и все богатство ихъ взяли, и весь скотъ ихъ взяли въ свою землю.» Лѣтописецъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что такимъ образомъ в. к. Дмитрій Ивановичъ «смириша Тверичь дозела.» (673) Однако до смиренія еще было далеко. Правда, что сперва Михаилу Александровичу не удалось выпросить помощи у Ольгерда, который часто отвлекался на Западъ Нѣмецкими дѣлами. (674) Тогда Михаилъ Александровичъ поѣхалъ въ орду Мамаеву. До сихъ поръ Тверской князь велъ войну и искалъ помощи у Ольгерда, чтобы защитить себя, къ чему онъ вынужденъ былъ нападеніемъ Москвы. Теперь же Тверской князь идетъ дальше, поднимаетъ свои требованія выше: онъ возобновилъ прежнія притязанія Тверскихъ князей и при помощи Татаръ захотѣлъ сдѣлаться в. княземъ Владимірскимъ. Чрезъ это борьба Твери съ Москвою должна была стать еще упорнѣе.

Въ ордѣ Михаилъ испросилъ себѣ у хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское (675) и посла Сарыхожу, и пошелъ на Русь. Но въ Москвѣ теперь уже не такъ уважали ханскіе ярлыки, какъ въ былое время. Когда Дмитрій Ивановичъ узналъ о стараніяхъ Михаила въ ордѣ, то «негодова о семъ.» Онъ разослалъ на всѣ дороги отряды, чтобы перехватить Михаила. Но Московскіе доброхоты Тверскаго князя дали ему тайно знать объ этомъ, и онъ избѣжалъ погони, сколько за нимъ ни гонялись. Михаилъ опять ушелъ въ Литву, опять, при помощи своей сестры Ульяны, сталъ умаливать Ольгерда о помощѣ и на этотъ разъ успѣшно. Лѣтописцы замѣчаютъ, что тогда было знаменіе страшное на небѣ, предвѣщавшее нахожденіе ратныхъ и кровопролитіе: нѣсколько ночей небо казалося кровавымъ и по нему были столпы; все казалося червленымъ и снѣгъ и люди; когда же человѣкъ входилъ подъ кровъ, то переставалъ казаться червленымъ. Второй разъ Ольгердъ пошелъ на Москву. На помощь къ Михаилу пошелъ не одинъ Ольгердъ съ Литовской ратью, съ нимъ также былъ кн. Святославъ Ивановичъ Смоленскій. Союзники ограбили окрестности Волока и затѣмъ опять осадили Москву, (676) въ которой по прежнему затворился в. к. Дмитрій Ивановичъ. Союзники города не могли взять, но сожгли посадъ и простояли подъ Москвою 8 дней, опустошили всюду гдѣ только было можно и набрали много полона. Между тѣмъ двоюродный братъ Дмитріевъ, Владиміръ Андреевичъ, стоялъ въ Перемышлѣ, собирая рать; къ нему сюда пришли кн. Владиміръ Пронскій и кн. Олегъ Рязанскій. Отъ Перемышля Владиміръ Андреевичъ могъ направиться къ сѣверу, пройти на западъ отъ Москвы

и — либо ворваться въ Тверское княжество, либо ударить въ тылъ союзникамъ Михаила, стоявшимъ подъ Москвою. Ольгердъ, узнавъ о сборахъ въ Перемышлѣ, испугался и сталъ просить вѣчнаго мира, предлагая выдать дочь свою за Владиміра Андреевича (бракъ этотъ состоялся въ слѣдующемъ году). Дмитрій же согласился только на перемиріе до Петрова дня. Ольгердъ ушелъ домой, предоставивъ Михаила самому себѣ; Михаилъ по неволѣ долженъ былъ заключить миръ съ Дмитріемъ и вернулся въ Тверь. Михаилъ и на этотъ разъ ничего не терялъ изъ своихъ владѣній. (677)

Но Михаилу этого казалось мало. Онъ хотѣлъ получить бо̀льшее, да и боялся вмѣстѣ съ тѣмъ новаго нападенія Москвы, хотѣлъ его предупредить и ослабить Москву. Недавній успѣхъ въ ордѣ побуждалъ его къ новой попыткѣ, а испугъ Ольгерда и его желаніе породниться съ Московскимъ княземъ — заставили Михаила колебаться въ надеждѣ на успѣшную помощь со стороны Литвы.

Весной 1371 г. Михаилъ Александровичь опять пошелъ въ орду. Въ ордѣ онъ былъ ласково принятъ Мамаемъ и вернулся въ Тверь (10 Апр.) съ прежнимъ посломъ Сарыхожею и съ ярлыкомъ на в. княженіе Владимірскіе, но безъ Татарскаго войска. (678) Изъ Твери онъ пошелъ подлѣ Волги и хотѣлъ пройти во Владиміръ. Но Дмитрій уже по всѣмъ городамъ привелъ къ крестному цѣлованію бояръ и черныхъ людей не принимать князя Тверскаго и не пускать его на в. княженіе Владимірское, а самъ съ войскомъ сталъ въ Переяславлѣ. Михаилъ хотѣлъ было войти во Владиміръ, но Владимірцы его не приняли, сказавъ: «ты взялъ обманомъ великое княженіе.» (679) Такимъ образомъ уже и само населеніе не хотѣло признавать Тверскихъ князей князьями Владимірскими. Онъ отступилъ, а посолъ Сарыхожа послалъ своихъ Татаръ и одного Тверскаго боярина звать Дмитрія во Владиміръ къ ярлыку, на что, какъ извѣстно, Московскій князь отвѣтилъ такъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Владимірское не пущу, а тебѣ послу путь чистъ», — и позвалъ посла къ себѣ. Сарыхожа отдалъ ярлыкъ Михаилу Александровичу, а самъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ обласканъ и задаренъ; пріѣхавши въ орду Сарыхожа превозносилъ Дмитрія Ивановича за его добрый нравъ и смиреніе. (Передъ тѣмъ Новгородъ также заключилъ договоръ съ Михаиломъ Александровичемъ и обѣщалъ признать его в. княземъ въ случаѣ успѣха; а такъ какъ Михаилъ Александровичь встрѣтилъ себѣ противодѣйствіе, то и Новгородъ не захотѣлъ его признать.) (680) Такимъ образомъ посолъ оставилъ Михаила, ярлыкъ самъ по себѣ оказалось ничего не значилъ, ни князь ни населеніе не обратили вниманія на ханскую грамоту — тогда Михаилъ послалъ въ орду хлопотать своего старшаго сына Ивана Михайловича, которому эти хлопоты обошлись очень дорого — онъ тамъ много задолжалъ. Чтобы избавиться отъ всякихъ опасеній со стороны орды, Дмитрій (лѣтомъ въ Іюлѣ) самъ поѣхалъ въ орду, гдѣ онъ не щадилъ денегъ и былъ хорошо принятъ Мамаемъ. «Окаанніи же Измалтяне, за беззаконіе наше, ввергоша мечь въ Русскую землю, и

почестили кн. Дмитреа», замѣчаетъ лѣтописецъ (681) Мамай опять его пожаловалъ в. княженіемъ Владимірскимъ, а Михаилу послалъ сказать: «мы дали тебѣ великое княженіе и давали тебѣ рать, а ты не захотѣлъ и сказалъ, что своею силою садешь, и ты сиди съ кѣмъ тебѣ любо.» (682) Въ концѣ осени вернулся Дмитрій изъ орды. Но Московскому князю хлопоты въ ордѣ обошлись дорого. Онъ самъ тамъ много задолжалъ и вернулся въ Москву оттуда не съ одними ханскими послами, но также и съ многими должниками. (683)

Такимъ образомъ ярлыкъ, данный прежде Мамаемъ Михаилу, теперь не только фактически, но и формально не имѣлъ уже никакой силы. Въ этомъ отношеніи Тверской князь совершенно проигралъ, но съ другой стороны онъ затруднилъ и ввелъ въ большіе денежные убытки Московскаго князя, да и притомъ временно выигралъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, т. е. пребываніемъ въ ордѣ. На Москву напасть одинъ Михаилъ не рѣшался, но небольшое Тверское княжество занимало такое положеніе, что изъ него легко и быстро можно было дѣлать внезапныя нападенія на сосѣднія земли, гдѣ были владѣнія или самихъ Московскихъ князей или ихъ подручныхъ князей. И вотъ Михаилъ Александровичь, разставшись съ Сарыхожею на Мологѣ, дѣйствуетъ быстро; онъ прошелъ въ Бѣжецкій Верхъ, который онъ повоевалъ (684) и вернулся въ Тверь (23 Мая). Затѣмъ опять отправился въ походъ, взялъ Кострому, (685) Мологу, Углече-поле, вторично Бѣжецкій Верхъ и посажалъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ; послѣднимъ поступкомъ, т. е. захватомъ Бѣжецкаго Верха, Михаилъ вооружилъ противъ себя и Новгородцевъ. Такое нападеніе Твери на Новгородскія владѣнія вызвало тѣснѣйшій союзъ Новгорода съ Москвой, и Новгородцы тогда заключили договорную грамоту съ Московскимъ княземъ, по которой Новгородъ обязывался помогать Москвѣ противъ Твери и Литвы, а Москва должна была помогать Новгороду противъ Литвы, Твери и Нѣмцевъ. (686) Тогдашнія военныя дѣйствія вдвойнѣ тяжело отзывались на населеніи, потому что въ слѣдствіе «сухмени» и пожаровъ былъ голодъ и дороговизна хлѣба.

Когда Дмитрій вернулся изъ орды, то онъ сейчасъ же послалъ рать на Бѣжецкій Верхъ, которая убила Тверскаго намѣстника Никифора Лыча, и пограбила Тверскія волости. Можетъ быть теперь же бы Дмитрій продолжилъ войну съ Тверью, но онъ долженъ былъ заняться другой войной, именно отправиться въ походъ на Олега Рязанскаго, такъ что Рязанская война отвлекла силы Москвитянъ отъ Тверскаго княжества. Должно быть въ это же время Дмитрій также посылалъ въ орду жаловаться хану на Михаила. (687) Михаилъ долженъ былъ спѣшить воспользоваться Рязанскимъ походомъ Дмитрія, но тутъ противъ Михаила началъ дѣйствовать прежній домашній врагъ — Кашинскій князь. Впрочемъ тогдашній Кашинскій князь, его двоюродный братъ, Михаилъ Васильевичь, до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ прежнихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Дмитрія, и только теперь (неизвѣстно почему

именно *теперь* кажется минута была неудобная) сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и заключилъ союзъ съ Дмитріемъ. Но за то кн. Еремѣй держалъ сторону Михаила, что видно изъ того, что его сынъ кн. Дмитрій Еремѣевичъ вмѣстѣ съ Михаиловыми воеводами ходилъ (въ 1372 г.) къ Кистмѣ, гдѣ они захватили тамошнихъ воеводъ и привели ихъ въ Тверь. Затѣмъ самъ Михаилъ пошелъ ратью къ Дмитрову, взялъ окупъ съ города (на Ѳоминой недѣлѣ), а посады, волости и села пожегъ, а захваченныхъ бояръ и людей привелъ въ Тверь; потомъ онъ подвелъ тайно Литовскую (688) рать на Переяславль, взялъ и здѣсь также окупъ съ города, а посадъ, волости и села пожегъ, и увелъ большой полонъ. Но при этомъ Переяславцамъ все-таки удалось изрубить многихъ Литовцевъ, «а иная погань въ рѣцѣ истопоша въ Трубежѣ, подъ Переяславлемъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. (689) Въ слѣдъ за тѣмъ, съ Литовской помощью, онъ пошелъ наказать Кашинъ: взялъ съ этого города также окупъ, волости и села повоевалъ, а людей въ полонъ повелъ; самого же Кашинскаго князя, Михаила Васильевича, приневолилъ въ свою волю и крестнымъ цѣлованіемъ утвердилъ. Съ той же Литовской ратью Михаилъ взялъ Торжокъ (690) и своихъ намѣстниковъ въ немъ посадилъ. Но отъ Литовскихъ союзниковъ отчасти потерпѣла и сама Тверь: Литовцы не только дорогою отъ Кашина къ Торжку, но и проходя мимо самой Твери «много пакости учиниша.» Послѣ того Литовская рать ушла во свояси со многимъ полономъ.

Новгородцы пришли на защиту Торжка и «свѣщаша золъ совѣтъ», (691) выслали Тверскихъ намѣстниковъ, а Тверскихъ гостей и другихъ Тверитянъ избили и пограбили. Въ Торжкѣ были поправлены укрѣпленія и сдѣланы приготовленія, чтобы дать отпоръ Михаилу Александровичу. Дѣйствительно, Михаилъ не замедлилъ явиться подъ Торжкомъ (въ Понедѣльникъ 31 мая) и послалъ сказать Новгородцамъ и Новоторжцамъ: «выдайте мнѣ тѣхъ, кто билъ и грабилъ моихъ Тверитянъ, а намѣстника моего посадите; больше того я ничего не требую и не учиню вашей землѣ пакости.» (692) И ждалъ онъ отъ жителей покоренія до полудня, «а врагъ дьяволъ возмяте ихъ злобою.» «Новгородцы похвалились силою и послали къ в. князю съ высокою мыслью, а сами вооружились и вышли противъ кн. Михаила.» (693) Въ происшедшей битвѣ Михаилъ разбилъ Новгородцевъ «помощью в. архистратига Михаила.» (694) Разбитые Новгородцы—одни побѣжали къ Новгороду, а другіе въ городъ Торжокъ. Торжокъ и Тверь были близкіе сосѣди и давнишніе враги; Тверитяне же были конечно озлоблены недавнимъ избіеніемъ и грабежемъ своихъ братій въ Торжкѣ и вотъ теперь Торжокъ долженъ былъ за это поплатиться. Тверитяне зажгли съ поля посады у города по вѣтру, и ударилъ сильный вѣтеръ съ огнемъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу, и вскорѣ погорѣлъ весь городъ, и церкви, и монастыри; нѣкоторые жители сгорѣли въ своихъ дворахъ, а другіе бѣжали въ Святый Спасъ и тамъ задохлись; были и такіе, которые отъ огня бросались въ рѣку Тверцу

и въ ней тонули; Тверитяне не пощадили и чернецовъ съ черницами. «Нѣкоторыя добрыя жены и дѣвицы, видя надъ собою такое лупленіе отъ Тверитянъ,—потому что тѣ обдирали ихъ до послѣдней наготы,—отъ такого срама и бѣды сами бросались въ воду.» «Въ одинъ часъ весь городъ обратился въ пепелъ, который развѣянъ былъ вѣтромъ, и отъ города ничего не осталось, развѣ кости мертвыхъ.» Много пограблено было и разнаго товара, и серебра, и золота, что уцѣлѣло отъ пожара; много было содрано и серебра съ иконъ; много было взято и колоколовъ и церковныхъ книгъ. Наметали пять скудельницъ убитыми, погибшими отъ огня и утонувшими; а кромѣ того многіе безъ вѣсти и сгорѣли и утонули и внизъ поплыли по Тверцѣ. Захватили спасшихся отъ огня, меча и воды и увели въ Тверь, и весь городъ Торжокъ опустѣлъ. Про этотъ погромъ Торжка Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что такого зла и отъ поганыхъ не бывало. (695) А Тверитянинъ отзывается такъ: «Разумѣйте, братіи, аще бо ти побѣженіи, то есть мужество, еже уповати на Бога; а человѣческая помощь ничтоже есть, еже сіи сотвориша собѣ Новогородци за высокоуміе.» (696) Вѣсть о погромѣ Торжка нагнала такой страхъ на Новгородцевъ, что они боялись за самый Новгородъ и принялись его укрѣплять. (697)

Наконецъ пошелъ и самъ Ольгердъ (въ третій разъ) на помощь къ Михаилу со своей Литовской ратью. До сихъ поръ Михаилъ не рѣшался нападать на Москву; для такого нападенія однѣ свои силы онъ считалъ недостаточными. Но теперь вмѣстѣ съ Ольгердомъ онъ опять хочетъ напасть на самую Москву. Михаилъ и Ольгердъ соединились у Любутска (698), но имъ не удалось застать на этотъ разъ Дмитрія Ивановича врасплохъ и опять пожечь и пограбить около самой Москвы. Дмитрій Ивановичь съ сильнымъ войскомъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и въ первой же стычкѣ у Любутска разбилъ сторожевой полкъ Ольгердовъ. Ольгердъ побѣжалъ и остановился за однимъ крутымъ оврагомъ, который помогъ ему привести войско въ порядокъ. Князья простояли нѣсколько дней въ виду другъ друга, на битву однако не рѣшились, а примирились и разошлись. Здѣсь собственно было заключено перемиріе у Ольгерда съ Дмитріемъ, однако въ него былъ включенъ и Михаилъ, (699) за котораго договаривался Литовскій князь и уже впередъ опредѣлилъ условія будущаго мира Тверскаго князя съ Московскимъ. Такимъ образомъ, Тверской князь, ведшій борьбу съ Москвой и добивавшійся в. княженія Владимірскаго, самъ попалъ въ зависимость отъ Литвы на столько, что Ольгердъ ему же впередъ обозначилъ главныя условія мирнаго договора.

Перемиріе это между Ольгердомъ и Дмитріемъ съ 31 Іюля до 26 Октября (отъ Спожина заговѣнья до Дмитріева дня) заключало въ себѣ слѣдующія условія, касавшіяся Михаила: Михаилъ долженъ возвратить все пограбленное имъ въ области вел. княженія (въ нашей отчинѣ въ Вел. Княженьи) на первомъ, на второмъ и на третьемъ перемиріи; а гдѣ въ вел. княженіи, въ отчинѣ Дмитрія

Ивановича, успѣли сѣсть намѣстники или волостели кн. Михаила, то онъ долженъ ихъ вывести; если во время перемирія Михаилъ будетъ грабить въ вел. княженіи, то Дмитрій самъ съ нимъ перевѣдается, а Ольгердъ не заступается; что же касается людей, пошедшихъ въ орду жаловаться на кн. Михаила, то пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу и Царю, т. е. хану. (700)

По заключеніи перемирія съ Ольгердомъ Дмитрій Ивановичь посылалъ Владиміра Андреевича въ Новгородъ, гдѣ послѣдній пробылъ нѣкоторое время: конечно, это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы подкрѣпить Новгородцевъ и сдержать Тверитянъ, тѣмъ болѣе что по недавнему договору съ Новгородомъ Московскій князь долженъ былъ помогать Новгороду противъ Твери.

Михаилъ вернулся въ Тверь. Миръ однако почему-то еще не скоро былъ заключенъ, хотя военныя дѣйствія у Твери съ Москвою и прекратились. Михаилъ долженъ былъ быть на сторожѣ въ ожиданіи новаго нападенія, а тутъ противъ него опять началъ дѣйствовать прежній домашній врагъ — Кашинскій князь. Передъ тѣмъ во время самой войны Михаилъ Васильевичь долженъ былъ дать окупъ съ своего Кашина и отдаться въ волю Михаила Александровича. Конечно, онъ ждалъ удобнаго случая отмстить Михаилу; теперь онъ полагалъ настало удобное къ тому время, потому что Ольгердъ заключилъ перемиріе и Литовская помощь удалилась. Кашинскій князь сейчасъ же сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, ушелъ въ Москву, а изъ Москвы отправился о чемъ-то хлопотать въ орду. Но въ ордѣ тогда была сильная неурядица и вѣроятно по этой причинѣ онъ вернулся въ Кашинъ ни съ чѣмъ. (701) Вскорѣ онъ умеръ, а его сынъ, Василій Михайловичь, по совѣту своей бабки кн. Елены, пріѣхалъ въ Тверь съ своими Кашинскими боярами, добилъ челомъ Михаилу Александровичу и отдался въ его волю. (702) Такимъ образомъ Кашинъ все-таки долженъ былъ подчиниться Тверскому князю. Между тѣмъ Михаилъ Александровичь если и не велъ военныхъ дѣйствій, но за то все-таки на всякій случай готовился отразить нападенія Дмитрія: онъ поправилъ Тверскія укрѣпленія, именно велѣлъ выкопать ровъ и насыпать валъ отъ р. Волги до р. Тмаки. (703)

Но Дмитрій Ивановичь въ то время не напалъ на Тверь. Московскій князь все лѣто 1373 г. простоялъ на берегу Оки не допуская чрезъ нея переправиться Мамаевыхъ Татаръ, которые въ то время напали на Рязань и опустошили ее. Можетъ быть именно этотъ походъ и помѣшалъ Дмитрію заключить миръ, а съ другой стороны можетъ быть могло мѣшать тому же самому и другое обстоятельство: старшій сынъ Михаиловъ, Иванъ Михайловичь, былъ въ рукахъ Дмитрія. Иванъ Михайловичь много задолжалъ въ ордѣ, а Московскій князь «окупилъ его въ долгу въ ордѣ, давши за него 10000 рублей.» Для насъ здѣсь важно то, замѣчаетъ одинъ историкъ, что Тверской князь принужденъ былъ задолжать въ ордѣ 10000 рублей, а Московскій имѣлъ средства выкупить его — борьба

была не равная. (704) Въ Москвѣ Иванъ Михайловичь былъ посаженъ на дворѣ митрополичьемъ, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать, пока отецъ выкупитъ его. И вотъ наконецъ, въ концѣ 1373 г., Михаилъ заключилъ миръ съ Дмитріемъ: Московскій князь «отпустилъ съ любовію» съ Москвы во Тверь Ивана Михайловича, а Тверской князь свелъ своихъ намѣстниковъ (705) изъ занятыхъ имъ волостей великаго княженія. Такъ коротко въ лѣтописяхъ замѣчено объ этомъ мирѣ, договорная грамота котораго не сохранилась. Можно прибавить, что вѣроятно Михаилъ долженъ былъ исполнить также то, что за него обѣщалъ Ольгердъ, т. е. возвратить пограбленное. «И бысть радость велика всѣмъ Христіанамъ», замѣчаетъ лѣтописецъ по случаю заключенія мира. (706)

Въ то время, когда князь Тверской, Литовскій и Московскій вели между собою такую упорную и кровопролитную борьбу, они тогда же дѣйствовали другъ противъ друга и при дворѣ Константинопольскаго патріарха.

Св. Алексѣй предалъ церковному отлученію Смоленскаго князя Святослава за то, что онъ, заключивъ съ в. княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ договоръ, скрѣпленный клятвою и присягою,—воевать вмѣстѣ противъ враговъ вѣры, огнепоклонниковъ Литовцевъ, не только не исполнилъ этой клятвы, но еще соратовалъ (въ 1368 г.) Ольгерду противъ Москвы. Равнымъ образомъ онъ предалъ анаѳемѣ и другихъ русскихъ князей, заключившихъ такой же договоръ съ Дмитріемъ Іоанновичемъ и такъ же измѣнившихъ ему. О всемъ этомъ Московскій князь и первосвятитель донесли патріарху Филоѳею и просили его оказать имъ свое духовное содѣйствіе. Патріархъ немедленно прислалъ тому и другому письма (отъ 8 іюня 1370 г.), въ которыхъ увѣрялъ ихъ въ своей особенной любви и въ своей готовности исполнять ихъ просьбы. А въ тоже время писалъ онъ къ Смоленскому князю и прочимъ князьямъ Русскимъ, что признаетъ клятву, наложенную на нихъ Алексѣемъ, совершенно законною и справедливою, и не сниметъ съ нихъ этой клятвы, пока они не исполнятъ принятаго на себя обѣта—сразиться вмѣстѣ съ великимъ княземъ противъ Литовцевъ, не падутъ къ стопамъ своего митрополита и пока митрополитъ не извѣститъ что они раскаялись. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ прислалъ князьямъ Русскимъ увѣщательную грамоту, чтобы они оказывали своему митрополиту подобающую честь и уваженіе, слушались его и любили его, какъ истинные сыны Церкви. (707)

Но съ другой стороны жаловались на Алексѣя Тверской князь Михаилъ Александровичь и литовскій — Ольгердъ. Первый послѣ того, какъ въ 1368 г. былъ дѣйствительно обманомъ заключенъ въ Москвѣ подъ стражу, обвиняя въ этомъ коварствѣ не только князя Московскаго, но и митрополита, жаловался на Алексѣя Константинопольскому патріарху Каллисту и настоятельно требовалъ судить его — митрополита на соборѣ. А Ольгердъ въ тоже время доносилъ патріарху, что Алексѣй, постоянно живя въ Москвѣ, никогда не посѣщаетъ ни Кіева, ни литовскаго княжества и, будучи

преданъ одному князю Московскому, вовсе не любитъ другихъ князей русскихъ. По поводу первой жалобы патріархъ приказывалъ нашему святителю, чтобы онъ или самъ явился на судъ, или прислалъ для того своихъ особыхъ чиновниковъ въ Константинополь, или, всего лучше, какъ отецъ и учитель, позаботился примириться съ княземъ Тверскимъ Михаиломъ и, если сдѣлалъ какую ошибку, то уступилъ бы ему и имѣлъ его, какъ сына, наравнѣ съ другими князьями, — къ чему тогда же патріархъ убѣждалъ и Тверскаго князя. Вслѣдствіе же донесенія Ольгердова патріархъ писалъ нашему митрополиту, что справедливость требуетъ, чтобы онъ надзиралъ всю землю Россійскую, имѣлъ къ Литовскому князю любовь и расположеніе, какъ и къ другимъ князьямъ. Всѣ эти посланія патріарха остались однакожъ безъ добрыхъ послѣдствій. Покрайней мѣрѣ, Тверской князь Михаилъ (едва только скончался Каллистъ и на мѣсто его снова взошелъ Филоѳей) повторилъ свою жалобу предъ патріархомъ. (708) Филоѳей съ начала рѣшилъ было (Сент. 1371 г.) вызвать св. Алексѣя на судъ и потребовалъ, чтобы и митрополитъ, если самъ не можетъ явиться, и Тверской князь прислали въ Царьградъ для производства суда своихъ уполномоченныхъ. Но вскорѣ измѣнилъ свое рѣшеніе и убѣждалъ князя примириться съ митрополитомъ. Должно замѣтить, что въ то время, какъ князья Тверской и Литовскій обращались въ Царьградъ съ своими жалобами на святителя Алексѣя, онъ и съ своей стороны слалъ къ патріарху письма, въ которыхъ естественно оправдывалъ себя и обвинялъ своихъ противниковъ. Вмѣстѣ съ Алексѣемъ относился въ Царьградъ съ своими жалобами на Ольгерда и в. к. Дмитрій. Узнавъ о всемъ этомъ, Ольгердъ въ защиту себя отвѣчалъ (1371 г.) патріарху особой граматой, въ которой обвинялъ Московскаго князя, а себя оправдывалъ и даже выставлялъ защитникомъ Москвитянъ противъ Нѣмцевъ; въ заключеніе поднималъ старое требованіе объ особомъ митрополитѣ не только для Литовскаго княжества, но и для нѣкоторыхъ другихъ русскихъ княжествъ. Такъ онъ въ этой грамотѣ писалъ между прочимъ слѣдующее: «прислалъ ты ко мнѣ писаніе, что митрополитъ печалуется тебѣ о неправдѣ и говоритъ: «царь-де Ольгердъ дѣлаетъ набѣги.» Не я началъ нападать, а начали сперва они, и крестнаго цѣлованія, что имѣли ко мнѣ, не сложили, и клятвенной грамоты ко мнѣ не отослали. И дѣлали они на меня набѣги девять разъ, и шурина моего кн. Михаила подъ клятвою переманили къ себѣ. И митрополитъ обнадежилъ его, что онъ будетъ приходить и уходить по своей волѣ, а потомъ его взяли подъ стражу. И зятя моего Бориса, князя Нижняго Новгорода, и его схватили и княжество его взяли, и зятя Ивана кн. Новосильскаго, и мать его, схватили, и дочь мою взяли, и клятву, прежде данную, не сложили....... И мы, того не терпя, на нихъ самихъ сдѣлали нападеніе; а не исправятъ ко мнѣ, и нынѣ терпѣть не буду. По благословенію твоему митрополитъ благословляетъ ихъ на пролитіе крови. А донынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого митрополита, каковъ сей митропо-

лить: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови! И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе?........ Подобало митрополиту благословлять Москвитянъ, чтобъ намъ помогали: такъ какъ мы ратуемъ за нихъ съ Нѣмцами. А мы зовемъ митрополита къ себѣ, и онъ нейдетъ къ намъ. Дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ, на Тверь, на малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ.....» Это значило, что Ольгердъ просилъ отдѣльнаго митрополита не только для областей собственно литовскихъ, но и для тѣхъ областей русскихъ, князья которыхъ были недовольны Московскимъ княземъ и прибѣгали подъ покровительство Литовскаго князя. Слѣдствіемъ такого посланія и требованія Ольгерда было то, что патріархъ (Авг. 1371 г.), сообщивъ содержаніе посланія святителю Алексѣю, приглашалъ его пріѣхать въ Константинополь или прислать благонадежнаго человѣка, чтобы разсудить вмѣстѣ, какъ лучше поступить въ этомъ случаѣ.

Между тѣмъ еще прежде Ольгерда, хотя въ томъ же (1371) году, обратился въ Царьградъ съ подобнымъ требованіемъ польскій король Казиміръ, владѣвшій и Галицкою землею. Патріархъ уступилъ и въ Константинополѣ (въ Маѣ 1371 г.) состоялось соборное дѣяніе о перемѣщеніи въ Галичь прибывшаго изъ малой Россіи епископа Антонія, о возведеніи его въ санъ митрополита Галицкаго и подчиненіи ему четырехъ епархій: холмской, туровской, перемышльской и владимірской.

Успѣхъ Казиміра, который вынудилъ патріарха Филоѳея дать Галиціи особаго митрополита, подѣйствовалъ на Литовскаго князя Ольгерда. Обращался ли онъ снова въ столицу Греціи, или вслѣдствіе еще прежняго его письма, только чрезъ два года (1373 г.) Филоѳей счелъ нужнымъ отправить въ Россію своего посла, инока Кипріана, родомъ Серба, чтобы онъ разобралъ обоюдныя жалобы князя Ольгерда и митрополита Алексѣя, и постарался примирить ихъ. Но Кипріанъ не оправдалъ довѣренности патріарха и съ самаго начала принялъ тайное намѣреніе, во-чтобы-то ни стало, свергнуть митрополита Алексѣя и занять его каѳедру. Кипріанъ прибылъ къ митрополиту Алексѣю, странствовалъ съ нимъ въ Тверь и другіе города, убѣдилъ его не ѣздить въ Константинополь и не ожидать себѣ оттуда ничего пріятнаго, самъ вызвался хлопотать за него, обѣщалъ ему особенныя милости и, получивъ отъ святителя множество даровъ, отправился въ Литву. Здѣсь, оставаясь довольно долго, съумѣлъ войти въ ближайшую довѣренность и любовь Ольгерда и другихъ князей, приготовилъ ложныя записи, наполненныя обвиненіями противъ Алексѣя, и самъ составилъ отъ лица литовскихъ князей грамоты къ патріарху, въ которыхъ они убѣждали его сдѣлать для нихъ митрополитомъ Кипріана и угрожали, что если желаніе ихъ не будетъ исполнено, то они станутъ просить себѣ митрополита у латинской церкви. Филоѳей и на этотъ

разъ уступилъ, повѣривъ обвиненіямъ противъ Алексѣя, и въ 1376 году рукоположилъ Кипріана въ санъ митрополита Кіевскаго (хотя Кіевъ доселѣ считался за Московскимъ митрополитомъ) и Литовскаго, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексѣя. Кипріанъ добивался, чтобы Алексѣй былъ немедленно низложенъ; но не успѣлъ въ своихъ замыслахъ. Отпуская отъ себя Литовскаго митрополита въ Россію, патріархъ послалъ съ нимъ новыхъ своихъ уполномоченныхъ повѣрить обвиненія, взведенныя на Алексѣя. Посланные донесли, что всѣ обвиненія оказались клеветою; что напротивъ всѣ почитали Алексѣя и дорожили имъ, какъ своими головами, а Кипріана, поступившаго такъ оскорбительно противъ святаго мужа, всѣ проклинали. Можно судить, какъ долженъ былъ подѣйствовать поступокъ Кипріана особенно на Московскаго князя Дмитрія Іоанновича. Пытался было Кипріанъ, не признаетъ ли его Новгородъ митрополитомъ всей Русской земли, но встрѣтилъ неудачу, послѣ которой онъ не рѣшился отправиться въ Москву, а поселился съ этого времени въ Кіевѣ. Такимъ образомъ въ Россіи оказались разомъ три митрополита: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ, третій въ Галичѣ. (709)

Конечно, не безъ вѣдома Тверскаго князя Ольгердъ требовалъ особаго митрополита не только для Литвы, но и для Твери. Такимъ образомъ Михаилъ Александровичъ, ведя борьбу съ Москвой и отыскивая для себя союзниковъ, примыкалъ къ Литвѣ не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи. И если бы эти послѣднія стремленія оказались прочными и получили успѣхъ,— или теперь или позже, — то для іезуитовъ и для Уніи была бы проложена дорожка и въ Тверь, а не въ одну только Западную Россію.

Между тѣмъ Михаилъ Тверской, заключивши въ 1373 г. миръ съ Дмитріемъ, выжидалъ удобнаго времени, чтобы снова начать борьбу съ Москвой. Въ то время мирныя докончанія и крестныя цѣлованія часто нарушались князьями, если они только замѣчали выгодную для себя перемѣну обстоятельствъ. Такъ было и съ Тверскимъ княземъ, который рѣшился воспользоваться ордынскими отношеніями.

Тогда быстро приближалось время, въ которое у Москвы съ ордой должна была начаться открытая, прямая борьба.

Были тогда разныя обстоятельства, по которымъ Мамай не могъ быть вполнѣ доволенъ своимъ улусникомъ, Московскимъ княземъ. Хотя, какъ выше было сказано, Мамай въ 1371 г. и утвердилъ снова великокняжеское достоинство за Дмитріемъ Ивановичемъ, но тѣмъ не менѣе по уговору съ нимъ онъ долженъ былъ довольствоваться мѐньшимъ количествомъ дани, нежели какую платили великіе князья при Узбекѣ и Чанибекѣ. (710)

Мало того: чрезъ два года послѣ этого, именно въ 1373 г. (о чемъ выше также было сказано), когда Мамаевы Татары опустошили Рязанское княжество, Дмитрій со всею силою своею все лѣто простоялъ на берегу р. Оки и не допустилъ Татаръ перейти чрезъ

нея. На слѣдующій годъ у его тестя, у Дмитрія Константиновича, въ Нижнемъ Новгородѣ перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1500 Татаръ, а старшаго посла Сарайку и съ дружиною заперли въ крѣпости. Было изъ-за чего прогнѣваться Мамаю на Московскаго князя. И потому конечно, не случайно и не ошибочно, въ томъ же году (1374) замѣчаетъ лѣтописецъ: *А князю в. Дмитрею Ивановичю Московскому бысть розмиріе съ Татары съ Мамаемъ.* (711) А тутъ еще въ слѣдующемъ 1375 г. Нижегородцы избили Сарайку и его дружину. Конечно въ отмщеніе за это, въ томъ же году, Мамаевы Татары опустошили Нижегородскіе предѣлы, берега Киши и Пьяны. (712) Можетъ быть Мамай тогда же бы послалъ войско и на Дмитрія Московскаго, но ему вѣроятно помѣшали какія-нибудь обстоятельства, можетъ быть тотъ великій моръ въ ордѣ, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ въ томъ же году въ Тверь являются изъ Москвы два бѣглеца, а передъ тѣмъ только что изъ Твери въ Москву бѣжалъ кн. Василій Михайловичъ Кашинскій. (713)

Эти два Московскихъ бѣглеца были Иванъ Васильевичъ, сынъ послѣдняго Московскаго тысяцкаго Василія Васильевича Вельяминова, и Некоматъ сурожанинъ, т. е. купецъ, ведшій торговлю южными товарами. Когда (въ 1374 г.) умеръ въ Москвѣ послѣдній тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, то в. князь не назначилъ другаго на его мѣсто, на которое конечно расчитывалъ сынъ покойнаго, Иванъ. Тогда недовольный Иванъ Васильевичъ бѣжалъ въ Тверь; съ нимъ вмѣстѣ почему-то ушелъ и Некоматъ. Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ, обращавшійся въ тогдашнемъ Московскомъ боярскомъ кругу, и потому могъ знать такія политическія обстоятельства, которыя другимъ были неизвѣстны. Онъ могъ знать и о какой либо думѣ Московскаго князя и его бояръ относительно орды, могъ также слышать о какихъ либо требованіяхъ Мамая. Все это Иванъ Васильевичъ могъ передать Тверскому князю и притомъ въ преувеличенномъ видѣ. Кромѣ того въ Москвѣ тогда проживалъ Кашинскій князь, Василій Михайловичъ, только что передъ тѣмъ бѣжавшій изъ Твери въ Москву; конечно онъ явился къ Дмитрію Ивановичу не съ какими либо дружелюбными замыслами относительно Тверскаго князя, а безъ сомнѣнія въ Москвѣ жаловался на Михаила и противъ него просилъ себѣ защиты у Дмитрія: можетъ быть даже Дмитрій его и обнадежилъ. И это могъ передать Иванъ Вельяминовъ Тверскому князю. Трудно объяснить, почему Некоматъ сурожанинъ также удалился въ Тверь; но про него можно предположить, что онъ, какъ торговецъ южными товарами, могъ бывать и въ ордѣ, и въ домахъ Московскихъ бояръ, а можетъ быть даже и у самого Московскаго князя, слѣдовательно онъ также могъ кое-что слышать и знать, а потомъ и передать Тверскому князю. (714) Видно только, что они, пріѣхавши въ Тверь, и перетревожили и обнадежили Михаила Александровича, потому что послѣдній сейчасъ же начинаетъ думать о новой войнѣ и хлопотать о союзѣ противъ Москвы. Современники даже

считали Московскихъ бѣглецовъ главными виновниками новой войны Москвы съ Тверью; по крайней мѣрѣ о нихъ въ лѣтописяхъ отзываются такъ, что они пріѣхали въ Тверь къ князю Михаилу «на христіанскую напасть, на христіанскую пагубу, со многою ложью, льстивыми словами, что отъ нихъ-то и огонь весь загорѣлся.» (715) И дѣйствительно, можетъ быть Тверской князь началъ бы новую борьбу съ Москвой и позже, при другихъ обстоятельствахъ, а ихъ прибытіе принудило его скорѣе рѣшиться; онъ могъ думать, что самъ Дмитрій на него нападетъ, а потому онъ спѣшитъ предупредить нападеніе, и броситься на врага быстро и неожиданно, подобно тому какъ это дѣлалъ Ольгердъ.

Михаилъ Александровичъ послалъ Ивана Вельяминова и Некомата въ орду къ Мамаю, а самъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ ему обѣщали помощь; изъ Литвы онъ вскорѣ вернулся назадъ въ Тверь. Это было въ посту 1375 года. А въ срединѣ Іюля (716) уже вернулся изъ орды и Некоматъ въ Тверь съ посломъ Ачихожею и съ ярлыкомъ на в. княженіе Владимірское. (717) Въ тотъ же день Михаилъ послалъ посла въ Москву сложить крестное цѣлованіе къ Дмитрію Ивановичу, намѣстниковъ въ Торжокъ и рать на Угличь.

Такимъ образомъ Тверской князь самъ начиналъ борьбу въ надеждѣ на помощь Литвы и орды. Конечно, если бы орда и Литва во время пришли на помощь къ Твери, то трудно было бы Москвѣ выдержать такую борьбу: ей бы приходилось въ одно время вести борьбу съ тремя врагами — ордой, Литвой и Тверью. Но расчеты Тверскаго князя не оправдались. Въ то же лѣто кн. Дмитрій Ивановичъ пошелъ къ Волоку, а отъ Волока къ Твери (718) съ своимъ войскомъ и войсками другихъ русскихъ князей, которыхъ лѣтописецъ насчитываетъ до 20; въ числѣ ихъ были Владиміръ Андреевичъ, Дмитрій Суздальскій съ братьями и съ сыномъ, князья Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскій, Моложскій, Стародубскій, Романъ Новосильскій, Оболенскій, Торусскій и другіе, прибавляетъ лѣтописецъ. Былъ и кн. Василій Михайловичъ Кашинскій, а также и кн. Романъ Михайловичъ Брянскій, и наконецъ Иванъ Васильевичъ Смоленскій, двоюродный братъ того Святослава Ивановича, который прежде былъ союзникомъ Ольгерда противъ Москвы. Припомнимъ, что митр. Алексѣй предавалъ церковному отлученію тѣхъ князей, которые помогали Ольгерду противъ Москвы. Всѣ эти князья, по словамъ лѣтописца, сильно негодовали на Тверскаго князя, говоря: «сколько разъ онъ приводилъ ратью зятя своего Ольгерда и много зла Христіанамъ сотворилъ, а нынѣ сложился съ Мамаемъ, и съ ханомъ его, и со всею ордою Мамаевою, а Мамай яростію дышетъ на всѣхъ насъ; и если мы допустимъ это (имъ троимъ соединиться), то соединясь съ ними, онъ насъ побѣдитъ.» (719) Почти всѣ Восточнорусскіе князья пошли на Тверь. Тверскому князю конечно не подъ силу было съ ними бороться и онъ заперся въ Твери, а союзныя войска въ Августѣ начали воевать Тверскія волости, взяли Микулинъ (1 Авг. (720)), а окрестности поплѣнили и пожгли. Августа 5 союзники подступили къ самой

Твери, сожгли посадъ и церкви. Въ половинѣ Іюля была объявлена война, а уже 5 Авг. Дмитрій стоялъ подъ Тверью. Походъ для того времени очень быстрый, который вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что Дмитрій уже раньше приготовился къ войнѣ, такъ что Михаилъ не напрасно боялся и хотѣлъ предупредить его. Августа 8, въ Среду, союзники, какъ видно, хотѣли приступомъ взять городъ: они подошли со всею силою, и туры прикатили, и приметъ метали, и стрѣльницу зажгли на Тмацкомъ мосту, такъ что Тверичи едва загасили. «И въ скорби бысть весь градъ, говоритъ лѣтописецъ. И притекоша людіе въ Спасъ, съ слезами къ Богу возваша; и помилова Богъ, посла свою помощь.» (721) Михаилъ сдѣлалъ вылазку чрезъ Волжскія ворота, отбилъ Москвитянъ, пожегъ и порубилъ туры, и Москвичи вечеромъ отступили отъ города. Тогда Дмитрій Ивановичъ рѣшился прервать всякое сообщеніе городу съ окрестностями и принудить его къ сдачѣ голодомъ. Онъ окружилъ городъ острогомъ, поставилъ войска по ту и другую сторону Волги, а черезъ Волгу сдѣлалъ мостъ. (722) Тогда какъ Михаилъ ни откуда никакой помощи не получалъ, Дмитрій посылалъ за Новгородцами. (723) Послѣ раззоренія Торжка въ 1372 г. Новгородцы предлагали Михаилу миръ на условіяхъ довольно выгодныхъ для него: они отступались отъ всего пограбленнаго Тверитянами, и требовали только, чтобы онъ отпустилъ безъ окупа всѣхъ захваченныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, а также свелъ своихъ намѣстниковъ съ Торжка. (724) Но Михаилъ тогда на это не согласился. Конечно, такой отказъ могъ только еще болѣе усилить желаніе мести въ Новгородцахъ. И когда теперь Дмитрій послалъ за ними, то они желая отмстить за обиду «бывшую у града Торжка», собрались въ три дня и пришли подъ Тверь «рыкающе, съ яростію, скрежчюще зубы на Тфѣричь» (725) и многа зла сдѣлали Тверичамъ. Четыре недѣли простоялъ Дмитрій подъ Тверью; въ это время онъ посылалъ взять Зубцевъ, Бѣлгородъ, (въ Соф. I и Воскр.-Бѣлгородокъ) и городокъ Старицу, (726) а Михаилъ все ожидалъ помощи отъ Мамая и отъ Литвы. Литовская рать хотя и поздно, но наконецъ показалась близъ Твери, однако сейчасъ и побѣжала назадъ, когда узнала, что тамъ находится Дмитрій Ивановичъ съ большими силами. (727)

Тогда Михаилъ Александровичъ, видя, что ему ни откуда нѣтъ помощи «и видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возста на него, и посла к в. к. Дмитрею Ивановичю изо Твери владыку Евоимія и старѣйшихъ и нарочитых боярь своихъ с челобитьемъ прося мира, и во всю волю даяся.» (728) Теперь кончилась пятая и послѣдняя война Михаила съ Москвой, продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ и онъ заключилъ мирные договоры какъ съ Новгородомъ, такъ и съ Москвой.

Тверской князь долженъ былъ сдѣлать уступки и Новгороду, и Москвѣ, наконецъ признать независимость Кашинскаго княжества и отказаться отъ всякихъ притязаній на в. княженіе Владимірское.

Съ Новгородомъ миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ усло-

віяхъ: (729) Михаилъ возвращалъ Новгороду всѣ села, купленныя Тверскими князьями, ихъ боярами и слугами какъ при прежнихъ князьяхъ, такъ и въ его княженіе. Отсюда видно, что князья, не смотря на всегдашнее обѣщаніе возвращать купленныя села Новгороду, не исполняли онаго. (730) А такое уклоненіе отъ исполненія обѣщаннаго конечно вооружало Новгородъ противъ Твери. Замѣтимъ, что въ тоже время Московскіе князья имѣли возможность удержать за собою села пріобрѣтенныя на Новгородской землѣ и передаютъ ихъ по наслѣдству, что видно изъ ихъ духовныхъ. Далѣе, по мирному договору, Михаилъ должень свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ Новгородскихъ волостей; снимается цѣлованье съ тѣхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, которыхъ Михаилъ привелъ къ присягѣ; (731) Михаилъ по крестному цѣлованію отпускаетъ безъ окупа всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ; отказывается искать за пограбленный товаръ, за побитыхъ людей, за грабежъ княжихъ людей на Волгѣ (732) или *индѣ гдѣ*; «а что взялъ кн. Михайло городъ Торжокъ, или волости Новъгородьскыи, то все Новгородъ отложилъ отъ князя отъ Михаила»; Михаилъ обязанъ возвратить пограбленный товаръ «все чисто, по человашию» у Новгородскихъ и Новоторжскихъ купцевъ до Новоторжскаго взятія А рубежъ между Тверью и Торжкомъ, Кашиномъ, Бѣжицами по старымъ грамотамъ, вообще рубежъ такой какъ былъ при Иванѣ Калитѣ. Эти условія касательно Новгорода дополняются еще нѣкоторыми условіями въ договорной грамотѣ Михаила съ Дмитріемъ. Именно, тамъ встрѣчаются еще слѣдующія: Михаилъ обязывается не держать закладней въ Новгородѣ, въ Торжкѣ и въ пригородахъ и грамотъ не давать; если кто изъ Новгородскихъ бояръ или слугъ будетъ служить Михаилу, то ихъ села, земли и воды вѣдаетъ Новгородъ (733); Михаилъ долженъ возвратить все пограбленное въ Торжкѣ, въ томъ числѣ и колокола, и церковныя книги и оклады по цѣлованью. (734)

По договору съ Московскимъ княземъ (735) вел. кн. Михаилъ признавъ себя младшимъ братомъ Дмитрію Ивановичу и равнымъ удѣльному Владиміру Андреевичу. (736) Михаилъ Александровичь цѣлуетъ крестъ къ Дмитрію Ивановичу, къ Владиміру Андреевичу и къ Великому Новгороду за своихъ дѣтей и за своихъ племянниковъ; Михаилъ долженъ имъ добра хотѣть во всемъ (737) вездѣ безъ хитрости; если что онъ услышитъ отъ христіанина или отъ поганина, «о добрѣ или о лисѣ» то долженъ повѣдать въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости. (738) Михаилъ обязался давать военную помощь Дмитрію Ивановичу на такихъ условіяхъ: если въ походъ пойдетъ не только Дмитрій Ивановичь, но даже Владиміръ Андреевичь, то и Михаилъ долженъ садиться на коня; а если пойдутъ воеводы, то и Михаилъ долженъ послать воеводъ; (739) Михаилъ обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ и племянниковъ, не искать Москвы и всего Великаго Княженія и Новгорода; обязался не искать великаго княженія Владимірскаго, *отчины* (740) Московскаго князя, если бы Татары даже и давали его;

съ своей стороны Дмитрій обязался не искать Твери. «А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ Вел. Княженьи не держати, (741) ни грамотъ не давати». (742) Кашинское княжество признавалось независимымъ отъ Тверскаго: Михаилъ обязался не вступаться въ Кашинъ, который вѣдается своимъ *вотчичемъ* княземъ Василіемъ, и ордынскимъ выходомъ Кашинъ не тянетъ къ Твери; Михаилъ не долженъ обижать Кашинскаго князя, въ противномъ случаѣ за него заступается Дмитрій. Это условіе о независимости Кашинскаго княжества, (замѣчаетъ Соловьевъ III, 348) условіе, важное, выгодное для Москвы, тяжкое для Тверскаго княжества, которое обезсиливалось раздробленіемъ на двѣ волости независимыя. Михаилъ обязывался отпустить захваченныхъ Кашинскихъ бояръ, слугъ и людей. (743) Относительно Татаръ постановлено: «съ Татары оже будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же.» (744) Если Татары пойдутъ на Москву или на Тверь, то биться съ ними общими силами; если Дмитрій пойдетъ на Татаръ, то и Михаилъ обязанъ идти на нихъ. Михаилъ не только отказывается отъ союза съ Ольгердомъ, его братьями, сыновьями и племянниками, но даже обязывается воевать съ Литвою, если она пойдетъ на Смоленскаго или Московскаго князя, или на князей союзныхъ; въ свою очередь Московскій князь обязывается помогать Тверскому въ подобномъ же случаѣ. (745) Михаилъ обязывается возвратить захваченныхъ имъ Московскихъ и Княженія Великаго бояръ, слугъ и людей, а также и то, что у нихъ пограблено, хотя бы кто изъ нихъ и не былъ на рати. Не отыскивается то, что взято обѣими сторонами во время самой осады. Бояре и слуги вольные имѣютъ право отъѣзда съ удержаніемъ селъ въ прежнихъ волостяхъ, исключая Ивана Вельяминова и Некомата, села которыхъ князь беретъ себѣ. «А кто будетъ служа намъ Княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ Вел. Княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости.» Если случится какое спорное дѣло между Тверскимъ и Московскимъ княземъ, то ихъ бояре съѣзжаются на рубежъ для рѣшенія дѣла, но если они не сговорятся на такомъ судѣ, то обращаются къ В. К. Рязанскому Олегу, который въ такомъ случаѣ считается третейскимъ судьей, а князья Московскій и Тверской въ такой общій судъ не вступаются.

Такимъ образомъ по окончаніи войны и Кашинскій князь и Московскій князь добились своего: Кашинскій князь становился независимъ отъ Твери, чрезъ что самое Тверь ослаблялась, а Московскій князь привелъ въ свою волю Тверскаго князя.

Татары Мамаевы совсѣмъ не появлялись на помощь Твери. Впрочемъ, въ томъ же году (1375 г.); но уже по заключеніи мира у Михаила съ Дмитріемъ, они пришли отмстить двумъ князьямъ за ихъ походъ на Тверь, но и то такимъ князьямъ, владѣнія ко-

торыхъ лежали на границѣ съ ихъ кочевьями: въ глубь же Русскихъ владѣній они не рѣшились идти. Именно, они пришли на Нижній Новгородъ и на Новосиль, пограбили тамошнія земли и со многимъ полономъ ушли во свояси. А Ольгердъ за тоже самое повоевалъ Смоленскую землю. Какъ Ольгердъ, такъ и Татары, тѣмъ князьямъ, землю которыхъ они воевали, говорили такъ: «зачѣмъ ходили ратью на Тверскаго князя.» (746) Димитрій же въ 1376 г. посылалъ Владиміра Андреевича ратью ко Ржевѣ, подъ которой онъ простоялъ три дня, города по обыкновенію не взялъ, а посадъ сжегъ. (747) По видимому изъ мести за Тверь, Татары хотѣли (въ слѣдующемъ 1376 г.) сдѣлать подобный же набѣгъ и на Московскія владѣнія, но Димитрій ходилъ за р. Оку, остерегаяся Татарской рати отъ Мамая. (748)

Такимъ образомъ опасенія русскихъ князей оправдались: не дѣйствуй они такъ быстро и дай соединиться Тверскому князю съ Литвой и Ордой, то и борьба съ ними и опустошеніе русскихъ земель приняли бы большіе размѣры.

Хотя Ольгердъ и не пришелъ на помощь къ Твери, но все-таки Михаилъ не хотѣлъ прерывать связей съ Литвой, а напротивъ укрѣпить ихъ еще болѣе. Онъ женилъ (въ концѣ 1375 г.) своего старшаго сына Ивана на Маріи, дочери Кейстута. (749)

Теперь больше не было войнъ у Твери съ Москвою, онѣ заключились договоромъ 1375 г. По этому договору Михаилъ Тверской обязанъ былъ давать помощь Дмитрію противъ Татаръ. Требовалъ ли такую помощь Дмитрій отъ Михаила? Когда въ 1376 г. Дмитрій ходилъ на Оку, остерегаяся рати Татарской отъ Мамая, то съ нимъ не было Тверичей. Когда въ 1377 г. Дмитрій ходилъ на помощь къ Дмитрію Нижегородскому противъ царевича Арапши, и потомъ самъ вернулся въ Москву, то оставилъ Дмитрію Константиновичу своихъ воеводъ съ разными полками, напр. Владимірскимъ, Ярославскимъ и др., то въ числѣ ихъ также не упоминаются Тверичи. (750) Когда въ 1378 г. Дмитрій долженъ былъ выйти на встрѣчу мурзѣ Бегичу на берега р. Вожи, то также ни откуда не видно, чтобы Дмитрій требовалъ присылки вспомогательной рати отъ Тверскаго князя. (751)

Но, спрашивается, принимала ли Тверская рать участіе въ Куликовской битвѣ? (752)

Въ тѣхъ редакціяхъ сказанія о Куликовской битвѣ, которыя пользуются большимъ довѣріемъ, (753) не упоминается ни о Тверитянахъ, ни о Кашинцахъ, ни о Смольнянахъ, ни о Нижегородцахъ, ни о Новгородцахъ (хотя говорится о Псковичахъ).

Но въ сказаніяхъ распространенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе украшенныхъ, говорится, что Дмитрій Московскій послалъ просить помощи у Михаила Тверскаго и послѣдній прислалъ своего племянника Ивана Всеволодовича Холмскаго (754); говорится, что въ Куликовской битвѣ, въ засадномъ полку, вмѣстѣ съ другими былъ и Василій Михайловичь Кашинскій; упоминается Иванъ Васильевичь Смоленскій (755); называются Новгородцы (756),

Тверской полкъ, бывшій впереди войска вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ и Ярославскимъ (757), полкъ Суздальскій (758), Сѣверяне (759) и т. д.

Что же, спрашивается, на сколько мы должны довѣрять извѣстіямъ о нѣкоторыхъ князьяхъ, упоминаемыхъ въ этихъ распространенныхъ сказаніяхъ?

Если, объясняя поведеніе Олега Рязанскаго въ эпоху Куликовской битвы, говорятъ, что онъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе, потому что болѣе другихъ русскихъ князей былъ настращанъ Татарами (760), то такое же объясненіе, кажется, приложимо и къ князю Дмитрію Константиновичу Нижегородскому. Нижній Новгородъ также сильно пострадалъ отъ Татарскихъ набѣговъ: въ 1377 г. царевичь Арапша сжегъ и ограбилъ Нижній; въ 1378 г. (въ годъ Вожской битвы) Мамаевы Татары опять сожгли и ограбили Нижній. (761) А потому кн. Нижегородскій едвали и могъ быть въ Куликовской битвѣ.

Едвали и Смольняне могли быть въ Куликовской битвѣ: если Смоленскъ — не такъ сильно боялся Татаръ какъ Нижній и Рязань — то за то онъ опасался Литвы. Въ 1375 г. Иванъ Васильевичь Смоленскій помогалъ Москвѣ въ походѣ на Тверь и за то въ томъ же году Литва повоевала Смоленскую землю; теперь же, въ 1380 г., Ягайло, идя на помощь Мамаю по направленію къ Одоеву, долженъ былъ проходить по границамъ Смоленскаго княжества и такимъ образомъ долженъ былъ сдержать Смоленскаго князя.

Едвали и Новгородцы были потребованы Московскимъ княземъ на помощь. По договору съ Дмитріемъ Ивановичемъ (заключенному въ 1371 г. или 1372 г. какъ выше говорилось объ этомъ), Новгородъ обязывался помогать Москвѣ противу Литвы и Твери, а не противу Татаръ. (762)

Въ другомъ положеніи были князья Кашинскій и Тверской.

При помощи Москвы Кашинскій князь пріобрѣлъ себѣ независимость отъ Тверскаго и чтобы удержать эту независимость, онъ долженъ былъ всегда придерживаться Москвы: по неволѣ Кашинскій князь долженъ былъ стать въ подчиненное положеніе относительно Москвы. Если и болѣе сильная Тверь обязывалась помогать Москвѣ противу Литвы и Татаръ, то и менѣе сильный Кашинъ, само собою разумѣется, долженъ былъ посылать свои войска по требованію Москвы. Если же Московскій князь потребовалъ въ походъ противу Мамая отдаленныхъ Бѣлозерскихъ князей, то онъ могъ послать и за княземъ болѣе близкимъ — за Кашинскимъ. Такимъ образомъ очень вѣроятно извѣстіе, говорящее что Кашинскій князь былъ въ Куликовской битвѣ.

Теперь, на сколько вѣроятно извѣстіе о томъ, что и Тверская рать была на Куликовомъ полѣ?

Объ участіи, которое принимала Тверь въ борьбѣ съ Татарами въ эпоху Куликовской битвы, отзываются такъ: «Есть извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ. Извѣстіе очень вѣроятное, ибо мы ви-

дѣли, что Михаилъ обязался помогать Дмитрію въ войнѣ съ Татарами.» (763) Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же писатель замѣчаетъ, «что на извѣстіе о Тверской помощи нельзя много настаивать.» (764) Извѣстіе о Тверской помощи не находится въ болѣе достовѣрныхъ сказаніяхъ о Куликовской битвѣ, но въ сказаніяхъ распространенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе украшенныхъ, именно въ Ник. лѣт. (765) и у Тат. (766), гдѣ говорится, что Дмитрій Ивановичъ послалъ за помощью къ Михаилу Тверскому и тотъ къ нему прислалъ своего племянника Ивана Всеволодовича Холмскаго. Что же, извѣстіе это вѣроятное или совершенно вымышленное?

Дѣйствительно, по договору 1375 г., Михаилъ Тверской обязался помогать Дмитрію Московскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязывался самъ лично выступить въ походъ, если пойдутъ Дмитрій Московскій или его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ, а тутъ въ 1380 г. онъ посылаетъ вмѣсто себя своего племмянника Ивана Всеволодовича. Это какъ будто наводитъ сомнѣніе. Но можетъ быть это условіе о личномъ выступленіи въ походъ было измѣнено, можетъ быть сдѣлано было снисхожденіе изъ вниманія къ пожилымъ годамъ Михаила Александровича (ему тогда было 48 лѣтъ) (767) Напротивъ, еслибы какой либо авторъ котораго нибудь изъ равсказовъ о Мамаевомъ побоищѣ или перепищикъ захотѣлъ бы придать болѣе вѣроятности своему вымыслу, то онъ конечно назвалъ бы личность болѣе крупную, болѣе извѣстную, именно самого Михаила Александровича, а не второстепенное лице — Ивана Всеволодовича. Или, можетъ быть преданіе удержало въ памяти, что ходилъ именно племянникъ Иванъ Всеволодовичь, а не дядя Михаилъ Александровичь. Кромѣ того, у Тат. (768) говорится, что на Куликовомъ полѣ въ передовомъ полку были Тверичи. Объ участіи Тверичей въ походѣ противъ Ахмата на р. Угру, 1480 г., говорится только въ одной Тверской, а въ другихъ лѣтописяхъ не говорится. Если бы мы не имѣли передъ собой Тверской лѣтописи, то можно было бы также утверждать, что Іоаннъ III не требовалъ Тверичей на Угру.

Такимъ образомъ если «на извѣстіе о Тверской помощи нельзя много настаивать,» то вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется и нельзя совершенно его отвергать. (769)

Вскорѣ послѣ Куликовской битвы, именно въ 1382 г., умеръ Василій Михайловичь Кашинскій. (770) Василій Михайловичь не оставилъ дѣтей и потому Кашинъ переходитъ теперь въ семейство Михаила Александровича, чрезъ что Тверской князь сталъ нѣсколько сильнѣе, хотя Кашинъ по прежнему имѣлъ особаго князя, но этотъ князь былъ одинъ изъ сыновей Михаила Александровича. Именно, Михаилъ Александровичь сперва отдалъ Кашинъ своему сыну Борису, а по смерти Бориса, въ 1395 г. (771), передалъ Кашинъ другому сыну, Василію, и своему внуку, Ивану Борисовичу. (772)

Не одно это обстоятельство могло усилить Тверь. Со времени послѣдней войны 1375 г. прошло нѣсколько мирныхъ лѣтъ, въ те-

ченіе которыхъ Тверь могла отдохнуть и поправиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и населеніе въ Тверскихъ владѣніяхъ должно было увеличиться, тогда какъ въ Москвѣ, во все это время обращавшей большое вниманіе на Татаръ и даже посылавшей свои войска противъ нихъ, должно было появиться нѣкоторое истощеніе силъ, особенно послѣ битвы съ Мамаемъ и нашествія Тохтамыша: это обстоятельство (773) вмѣстѣ съ тѣмъ, что Кашинъ опять зависѣлъ отъ Твери и что Тохтамышъ напалъ на Москву — могло навести Михаила Тверскаго на мысль поднять свои притязанія на великое княженіе Владимірское. Онъ свои притязанія на великое княженіе Владимірское поднялъ послѣ нашествія Тохтамыша.

Послѣ Куликовской битвы въ ордѣ произошла перемѣна. Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ, который, завладѣвши Золотою Ордою, послалъ извѣстить всѣхъ русскихъ князей о своемъ воцареніи. Всѣ русскіе князья, стало быть въ томъ числѣ и Тверской князь, приняли его посла хорошо; а затѣмъ послали въ орду и своихъ киличеевъ со многими дарами къ Тохтамышу, и къ ханшамъ, и къ князьямъ его; киличеи возвратились съ пожалованіемъ и со многою честію. (774) Но вскорѣ самъ Тохтамышъ скрытно и поспѣшно пошелъ къ Москвѣ. (775) Нижегородскій князь послалъ къ нему двухъ своихъ сыновей, Олегъ Рязанскій обвелъ его около своего княжества и указалъ ему броды на Окѣ. Московское княжество, сильно оскудѣвшее народомъ послѣ Куликовской битвы, не могло вдругъ выставить достаточнаго числа войска, а потому Дмитрій Ивановичь отправился въ Кострому собирать войска. (776) Въ Москвѣ безъ князя поднялось волненіе, многіе хотѣли бѣжать; митрополитъ Кипріанъ удалился въ Тверь, куда въ слѣдъ за нимъ должны были стремиться еще многіе бѣглецы, потому что Тохтамышъ, (777) раззоривши Москву, послалъ отряды опустошать и другіе города и волости. Такъ его отряды побывали у Владиміра, Переяславля, Юрьева, Звенигорода, Можайска, Боровска, Рузы, Дмитрова. Гроза такимъ образомъ приближалась и къ Тверскому княжеству. Татары хотѣли идти и на самую Тверь. Тогда Михаилъ Александровичь послалъ къ Тохтамышу своего киличея Гурленя со многими дарами; Тохтамышъ принялъ дары, Тверскихъ владѣній не тронулъ, а напротивъ отпустилъ Гурленя въ Тверь и послалъ съ нимъ ярлыкъ, «жалованье свое къ в. к. Михаилу Александровичу Тверскому.» (778) Такимъ образомъ Тверской князь спасъ свое княжество отъ раззоренія, и про него Московскій лѣтописецъ могъ бы сказать (впрочемъ лѣтописецъ этого не сказалъ) то же самое, что сказалъ про Олега, указавшаго Тохтамышу броды на Окѣ, что онъ «хотяше добра не намъ, но своему княженію помогаше.» (779) Въ это время Владиміръ Андреевичь, стоявшій у Волока съ большою силою, разбилъ одинъ изъ Татарскихъ отрядовъ и тогда Тохтамышъ, встревоженный этимъ, ушелъ назадъ.

Московское княжество было раззорено, а Тверское уцѣлѣло отъ раззоренія; посолъ Тверской былъ принятъ Тохтамышемъ благосклонно, Кашинъ зависитъ отъ Твери — и вотъ эти обстоятельства

обнадеживають Тверскаго князя и онъ спѣшитъ ими воспользоваться: Михаилъ Александровичь поднимаетъ свои прежнія неудавшіяся притязанія. Онъ со своимъ сыномъ Александромъ, прозваннымъ Ордынцемъ, (780) поѣхалъ въ орду съ дарами, но поѣхалъ не прямою дорогою, а околицею «опасаясь и таясь в. к. Дмитрія Ивановича, ища себѣ в. княженія Володимерскаго и Новгородскаго.» (781) Такое притязаніе встревожило Дмитрія Ивановича и хотя онъ самъ не поѣхалъ въ орду, но вмѣсто себя послалъ (1383 г.) къ Тохтамышу своего старшаго сына Василія съ лучшими, старѣйшими боярами тягаться о вел. княженіи съ Тверскимъ княземъ. (782)

Михаилъ Александровичь пробылъ въ ордѣ цѣлый годъ, но не могъ перетягать Московскаго князя. Тохтамышъ отпустилъ его изъ орды въ 1384 г., но не далъ ему в. княженія Владимірскаго, а пожаловалъ его только «отчиною и дѣдиною в. княженіемъ Тверскимъ,» причемъ сказалъ ему: «я улусы свои самъ знаю, и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою и я его жалую, а что неправда предо мною улусника моего кн. Дмитрія Московскаго и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую постаринѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую.» Михаилъ Тверской не получилъ в. княженія Владимірскаго, но конечно его искательства затруднили Дмитрія Московскаго и безъ сомнѣнія онѣ отчасти тяжело отозвались на Московскомъ княжествѣ. (783) Хотя Михаилъ уѣхалъ изъ орды, но оставилъ въ ней своего сына Александра, гдѣ тогда оставался также и княжичь Московскій, Василій Дмитріевичь. Кажется Тверской князь оставилъ своего сына въ ордѣ, потому что питалъ еще слабую надежду получить в. княженіе Владимірское: какой-то князь ординскій смущалъ княжичей Тверскаго и Московскаго «обѣщевая комуждо дати в. княженіе, яко и царя глаголаше на сіе приведу.» (784) Только въ 1386 г. вернулся Александръ Михайловичь изъ орды съ Татарскимъ посломъ. (785) Такимъ образомъ можно полагать, что въ этомъ, 1386 г., окончательно прекратились всѣ искательства Михаила въ ордѣ, и Михаилъ болѣе не имѣлъ открытой вражды ни съ Дмитріемъ Донскимъ, ни съ его преемникомъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Александръ Михайловичь прожилъ въ ордѣ три года, отчего онъ, вѣроятно, и получилъ прозваніе *Ордынца.* Онъ умеръ въ 1389 г. въ Кашинѣ, (786) что даетъ поводъ предполагать, что не былъ ли онъ княземъ Кашинскимъ по смерти (своего троюроднаго брата) Василія Михайловича Кашинскаго.

Хотя Михаилъ оставилъ мысль о борьбѣ съ Москвой, но онъ все-таки поправлялъ укрѣпленія Тверскихъ городовъ. Въ 1387 г. у Твери около Волги поправили укрѣпленія. (787) Въ 1391 г. Михаилъ увеличилъ укрѣпленія Новаго Городка на Волгѣ, обвелъ новымъ рвомъ, а въ Твери сдѣлалъ новыя Васильевскія ворота. (788) Въ 1395 г. Михаилъ Александровичь велѣлъ вмѣсто ветхой стѣны въ Твери сдѣлать новую изъ брусьевъ. (789)

Между тѣмъ, пока Александръ Михайловичь оставался въ ордѣ, Михаилъ Александровичь въ 1385 г. женилъ двухъ своихъ сыновей—Бориса на дочери Святослава Ивановича Смоленскаго и Василья на дочери Владиміра Ольгердовича Кіевскаго. (790) Послѣдній бракъ доказываетъ, что Михаилъ и теперь не хотѣлъ прерывать своихъ связей съ Литвой, а напротивъ усиливалъ ихъ еще больше. Старшій же сынъ Михаиловъ, Иванъ, уже давно былъ женатъ на Маріи, сестрѣ Витовта. Этотъ бракъ долженъ былъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Московскій дворъ и сдерживать его въ случаѣ замысловъ противъ Твери. На сколько любилъ и уважалъ Витовтъ Тверскаго князя, видно изъ того, какъ Витовтъ принялъ Ивана Михайловича въ 1398 г. Въ этомъ году Иванъ Михайловичь съ женой былъ отпущенъ своимъ отцемъ въ Литву для свиданія со своимъ шуриномъ Витовтомъ. Въ Литвѣ, по всѣмъ городамъ его принимали съ почестями, а не доѣзжая Вильны онъ былъ встрѣченъ самимъ в. к. Витовтомъ и его супругою, и панами, и князьями, и боярами, и множествомъ народа. Онъ прогостилъ въ Литвѣ довольно долго и поѣхалъ домой съ честью и дарами. (791)

Съ другой стороны Михаилъ Александровичь старался также имѣть друзей и въ Москвѣ. Въ 1391 г. Михаилъ Александровичь женилъ младшаго сына своего Өедора на дочери знаменитаго Московскаго боярина Өедора Андреевича Кошки (792), одного изъ совѣтниковъ Димитрію Ивановичу и Василію Дмитріевичу, того самаго Өедора Кошки, про котораго Эдигей писалъ Василію Дмитріевичу, что добрые нравы, и добрая дума, и добрыя дѣла были къ ордѣ отъ Өедора. Этотъ бракъ показываетъ, (793) что Михаилъ всюду искалъ себѣ союзниковъ и помощниковъ; такъ какъ Москва имѣла въ виду ослабленіе Твери, то отношенія Тверскаго князя къ Московскому Двору никогда не могли быть надежны и безопасны; ему, т. е. Михаилу хорошо было извѣстно значеніе и сила старѣйшихъ бояръ при Московскомъ Дворѣ, онъ помнилъ какъ Московскіе бояре управлялись съ князьями Ростовскими, Галицкими и Стародубскими въ первые годы княженія Димитрія Донскаго; конечно также онъ не забылъ и о своемъ заключеніи въ Москвѣ, а потому Михаилъ счелъ за полезнѣйшее вступить въ родство съ однимъ изъ боярскихъ родовъ въ Москвѣ. (794)

Вѣроятно этому родству (если не-совершенно, то отчасти, какъ и тѣснымъ связямъ съ Литвой) былъ обязанъ Михаилъ Александровичь тѣмъ, что Москва по обыкновенію своему не вмѣшалась во внутреннія дѣла Тверскаго княжества и не поддержала тамошнихъ недовольныхъ Тверскимъ княземъ. (795) Это случилось тогда, когда Иванъ Всеволодовичь Холмскій (въ 1398 г.) изъ-за чего-то разошелся съ своимъ дядей Михаиломъ Александровичемъ (вѣроятно, дядя тѣснилъ племянника), сложилъ къ нему крестное цѣлованіе и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь Иванъ Всеволодовичь женился на Настасьѣ Дмитріевнѣ, сестрѣ в. к. Василія Дмитріевича. (796) Однако не смотря на такое близкое родство, Холмскій князь не нашелъ для себя поддержки противъ своего дяди. (797) Онъ про-

жилъ цѣлый годъ въ Москвѣ. Въ 1399 г. пріѣхали въ Москву послы изъ Пскова и просили у в. к. Московскаго дать имъ Ивана Всеволодовича, на что и было изъявлено согласіе; но Иванъ Всеволодовичь пробылъ во Псковѣ только четыре мѣсяца и уѣхалъ. (798)

Сохранилась договорная грамота, заключенная Михаиломъ Александровичемъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ. (799) Въ этой грамотѣ Михаилъ признается равнымъ Василію Дмитріевичу: онъ называется братомъ ему, тогда какъ въ договорѣ 1375 г. съ Дмитріемъ Донскимъ Михаилъ былъ названъ младшимъ братомъ Московскому князю. Михаилъ обязывается за себя, за своихъ дѣтей, внуковъ и племянниковъ не искать ни Москвы, ни в. княженія Владимірскаго, ни Новгорода; обязывается быть за-одно съ Московскимъ княземъ на Татаръ, на Литву, на Нѣмцевъ, на Ляховъ. Если въ случаѣ похода на коня сядетъ самъ Василій Дмитріевичь, то Михаилъ обязанъ послать двухъ сыновей и двухъ племянниковъ, оставивъ одного сына у себя дома; «а кормъ имъ взять, а инымъ не корыстоватись ничѣмъ.» Если на Тверское княжество нападутъ Татары, или Литва, или Нѣмцы, то Василій Дмитріевичь самъ долженъ идти на помощь со своими братьями; «а кормъ взять, а не корыстоватись ничѣмъ.» По договору 1375 г. Михаилъ долженъ былъ и самъ садиться на коня, если въ походъ пойдетъ Дмитрій Ивановичь или Владиміръ Андреевичь; по этому же договору сдѣлана уступка въ пользу Тверскаго князя. Эта разница въ обстоятельствахъ объясняется старостію Михаила относительно Василія. (800) Далѣе, Михаилъ обязывается сложить крестное цѣлованіе къ Витовту и объявить ему, что онъ одинъ человѣкъ съ в. княземъ Московскимъ; обязываются взаимно другъ безъ друга не брать любви съ Витовтомъ: это послѣднее условіе (брать любовь съ Витовтомъ и Литвой) касалось также дѣтей и внуковъ Михаиловыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ братьевъ и дѣтей Васильевыхъ. (801) Въ орду Тверскому князю путь чистъ, точно также какъ и его дѣтямъ, внукамъ и людямъ. Тверской князь обязывается отпустить безъ окупа полонъ Московскій и Новгородскій; а кто купилъ полонянника, тотъ возьметъ цѣну по цѣлованію. (802) Рубежъ между Москвой, в. княженіемъ и Новгородомъ долженъ быть такой же, какъ и при прежнихъ Московскихъ князьяхъ; съ Новгородомъ быть по старинѣ. Повторяется также обыкновенное условіе, что боярамъ и слугамъ вольнымъ воля. Въ первый разъ (803) Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братьи Богъ поручилъ: если кто нибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за Московскимъ княземъ. Въ концѣ грамоты прибавлено, что Московскій князь, въ случаѣ смерти своей или кого нибудь изъ княжескаго Московскаго семейства, поручаетъ Михаилу печаловаться объ ихъ княгиняхъ и дѣтяхъ. (804)

Когда окончилась борьба съ Москвой, то Михаилъ въ послѣдніе 24 года своего правленія могъ обратить вниманіе на внутреннее

устроеніе Тверскаго княжества, въ чемъ оно сильно нуждалось послѣ предшествовавшаго тревожнаго времени, и вотъ потому встрѣчается о немъ отзывъ, что онъ отвсюду собиралъ людей, что въ его княженіе исчезли разбойники, тати (воры), ябедники, корчемники, мытари, истребились торговыя злыя тамги, нигдѣ не было насилованія и грабленія. (805) Михаилъ отличался правосудіемъ и сильнымъ не потакалъ: «паче же всего любляше судъ правъ, не на лица судити, боляромъ не потакаше, но паче сиротамъ во всемъ помагаше, милостыню присно безпрестани творяше.» (806) Полувѣкомъ раньше Калита сдѣлалъ подобное же для Московскаго княжества. (807) И что можно сказать про Калиту, то можно замѣтить и про Тверскаго князя, т. е. что современники представляли себѣ Михаила Александровича установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ дѣйствительно былъ нарушаемъ то внѣшними, то внутренними войнами, то грабежами Татаръ.

Къ важнымъ внутреннимъ дѣламъ Михаилова княженія относится также его раздоръ съ Тверскимъ епископомъ Евфиміемъ Висленемъ, который начался давно.

Именно, въ 1386 г. изъ-за чего-то (лѣтописи не объясняютъ) князь Михаилъ не захотѣлъ владыки Евфимія, который и удалился въ монастырь Св. Николая надъ ручьемъ (при чемъ видно, что онъ не отказался отъ своей епископской власти). (808) Наконецъ въ 1390 г. Михаилъ пригласилъ (809) Кипріана въ Тверь для суда надъ Евфиміемъ. (810) Тотъ пріѣхалъ съ бывшими тогда въ Россіи двумя греческими митрополитами, а также съ епископомъ Смоленскимъ Михаиломъ и Пермскимъ Стефаномъ. Внукъ Михаиловъ, князь Александръ Ивановичь, съ боярами встрѣтилъ митрополита за 30 верстъ отъ Твери; на другой день Кипріанъ былъ встрѣченъ старшимъ сыномъ Михаиловымъ, Иваномъ Михаиловичемъ, и боярами за 20 верстъ отъ Твери. На третій же день, въ Субботу вечеромъ, за 5 верстъ отъ Твери, Кипріанъ былъ встрѣченъ самимъ в. княземъ Михаиломъ; митрополитъ вышелъ на встрѣчу изъ шатра своего, благословилъ в. князя и они долго бесѣдовали. На другой день утромъ (811) в. князь со своими дѣтьми, племянниками и боярами вторично встрѣтилъ митрополита на *Перемърь*. (812) Въ городѣ, въ соборномъ храмѣ, митрополитъ совершилъ литургію, по окончаніи которой онъ отправился со всей своей свитой кушать къ в. князю: три дня князь угощалъ и дарилъ митрополита. На четвертый день все духовенство и иноческій чинъ, и бояре собрались въ великокняжескій теремъ; когда же сюда явился и митрополитъ, то всѣ они начали жаловаться на своего владыку Евфимія Висленя, обвиняя его въ *мятежъ и раздоръ церковномъ*. Тогда митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, въ томъ числѣ и съ греческими митрополитами, всѣмъ соборомъ, началъ судить по божественнымъ и священнымъ правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ. По извѣстію Ник. лѣтописи всѣ обвиненія, взведенныя на епископа, были клеветами: на него клеветали всѣ духовные, и бояре, и вель-

можи, и даже простые люди. По другимъ же извѣстіямъ, (813) «не обрѣтеся у Евфимія правда во устѣхъ его, якоже рече Давидъ: мужъ кривъ не препловитъ дній своихъ.» По извѣстію Ник. лѣтописи, (814) Кипріанъ, судивъ по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, постановилъ запретить до окончательнаго суда Евфимію священнодѣйствовать. Но князь былъ недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и Кипріанъ тогда *отставилъ* Евфимія отъ епископства, а на мѣсто его назначилъ своего протодіакона Арсенія. И послѣ этого, по извѣстію той же Ник. лѣтописи, митрополитъ старался примирить князя съ Евфиміемъ, но не только въ этомъ не успѣлъ, но напротивъ явились еще новыя клеветы на Евфимія *зело тяжкія и неудобоносимыя, и бысть вражда и брань люта зело.* Тогда Кипріанъ уѣхалъ въ Москву, взялъ съ собой Евфимія, повелѣлъ ему жить въ Чудовѣ монастырѣ; Арсеній также уѣхалъ въ Москву, боясь принять владычество во Твери, потому что видѣлъ тамъ брань и вражду многую.

Другіе источники (815) разсказываютъ это дѣло проще и короче: они не говорятъ, чтобы Кипріанъ хотѣлъ запретить Евфимію священнодѣйствовать, а сообщаютъ, что митрополитъ съ соборомъ судили, и *извергоша* Евфимія (а не отставили, какъ Ник.; слѣдовательно въ Ник. поставлено выраженіе мягче, а въ Карамз. припискѣ и въ Твер. рѣзче) и назначенъ былъ Арсеній на мѣсто его. Далѣе Ник. лѣтопись (816) прибавляетъ, что в. к. Михаилъ въ томъ же году вторично послалъ въ Москву звать Кипріана въ Тверь. Митрополитъ прибылъ съ прежними греческими митрополитами; пріѣхали также 4 русскихъ епископа (Смоленскій, Звенигородскій, Пермскій, Рязанскій). Михаилъ обрадовался, однако съ трудомъ уговорили Арсенія остаться въ Твери епископомъ: онъ былъ посвященъ 15 Авг.

При такомъ противорѣчіи разсказовъ нельзя сказать, кто былъ правъ — князь или епископъ? Изъ источниковъ даже не видна причина ихъ спора.

Г. Бѣляевъ (817) отдавая предпочтеніе разсказу Ник. лѣтописи, замѣчаетъ слѣдующее о дѣлѣ Евфимія: Такія выраженія, какъ *многія вины тяжкія и неудобоносимыя*, *раздоръ и мятежъ церковный*, слишкомъ общи и неопредѣленны; изъ нихъ можно развѣ только догадываться, что Евфимій былъ виноватъ въ упорствѣ и неуступчивости характера, въ слѣдствіе чего власть церковная стала въ борьбу съ властію князя. Обвиненія же должны были быть клеветой. А относительно такъ называемаго церковнаго суда и доходовъ, границы правъ епископскихъ были неопредѣлены, оттого нельзя обвинять и князя. Обѣ стороны, князь и епископъ, должны были опредѣлять границы своихъ правъ особыми уставами, составляемыми по взаимному согласію. Причемъ Г. Бѣляевъ указываетъ на уставную грамоту Кипріана съ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ, говоря, что уставы, подобные этому, дѣлались именно по согласію князя съ митрополитомъ или епископомъ.

Этотъ дѣятельный князь, Михаилъ Александровичъ, умеръ въ

1399 г. Въ лѣтописяхъ сохранился особый разсказъ о преставленіи этого князя. (818)

Лѣтомъ 1399 г. Михаилъ Александровичъ такъ сильно захворалъ, что приказалъ писать и «грамоты душевныя». Въ то время, въ половинѣ Августа, возвратились изъ Константинополя Тверскіе посланцы — Даніилъ, протопопъ соборной церкви Св. Михаила, и Калоянъ со своими товарищами, посланные Михаиломъ два года назадъ въ Константинополь къ патріарху и царю съ милостынею для соборной церкви Св. Софіи. (819) Съ ними вмѣстѣ прибылъ и посланный патріархомъ архимандритъ Германъ съ владычнимъ (т. е. патріаршимъ) благословеніемъ князю Михаилу, съ иконою Страшнаго Суда, съ мощами Святыхъ и съ честнымъ и драгимъ мvромъ. Князь, узнавъ о такихъ дарахъ патріарха, провелъ всю ночь въ слезахъ и молитвѣ и рѣшился воспріять иноческое житіе. Когда же на другой день, утромъ во вторникъ, къ нему пришли его сыновья, князья, бояре и другіе люди по обычнымъ дѣламъ управленія (градцкаго ради управленія — Ник.), то онъ ихъ не принялъ, а позвалъ къ себѣ епископа Арсенія, которому и объявилъ о желаніи своемъ принять постриженіе; впрочемъ онъ просилъ владыку пока никому не говорить объ этомъ, чтобы его сыновья и княгиня не вздумали его отклонять отъ принятаго намѣренія. Однако по всему городу разошелся слухъ, что князь хочетъ оставить княженіе и принять постриженіе; всѣ удивлялись такому намѣренію князя, но никто не смѣлъ ему этого сказать, потому что всѣ боялись его: «яко бѣ мужъ страшенъ и сердце его яко сердце лву.» (Ник.) Между тѣмъ икону и остальные дары патріарха внесли въ городъ, гдѣ они были встрѣчены духовенствомъ, множествомъ народа и самимъ княземъ, — хотя больнымъ и слабымъ, — у церкви Св. Михаила. (820) Затѣмъ князь велѣлъ устроить пиръ, на который пригласилъ епископа Арсенія, архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, діаконовъ, клирошанъ, чернецевъ, черницъ, нищихъ, убогихъ, слѣпыхъ и хромыхъ (всѣмъ имъ онъ роздалъ много отъ своего имѣнія); на этомъ пиру князь простился со всѣми, самъ подавалъ каждому чашу вина, говоря «простите меня и благословите.» По окончаніи пира князь простился со своими дѣтями, боярами и слугами, заповѣдалъ своимъ сыновьямъ любить другъ друга, а старѣйшаго брата слушать; просилъ бояръ, чтобы они напоминали его дѣтямъ о взаимной любви, и раздѣлилъ между сыновьми Тверское княжество такимъ образомъ: старшему Ивану (821) и его дѣтямъ Александру и Ивану Ивановичамъ онъ отдалъ Тверь, Новый Городокъ, Ржеву, (822) Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; (823) другому сыну Василью и внуку Ивану Борисовичу (824) назначилъ Кашинъ и Коснятинъ, а третьему сыну Ѳедору два городка Микулина и съ волостями. (825) Затѣмъ Михаилъ пошелъ въ соборную церковь, гдѣ указалъ мѣсто для своей будущей могилы. (826) Когда онъ вышелъ на паперть къ народу, то поклонился всѣмъ и сказалъ: «братья, простите меня и благословите всѣ.» Всѣ думали, что князь вернется въ свой теремъ, но онъ по-

шелъ въ монастырь Св. Аѳанасія, (827) гдѣ и былъ 20 Авг. епископомъ Арсеніемъ постриженъ съ именемъ Матѳея. (828) Князь-инокъ помѣстился въ кельѣ инока Григорія; чувствуя приближеніе смерти, онъ принялъ схиму, призвалъ къ себѣ игуменовъ Тверскихъ монастырей, роздалъ имъ серебро на сорокоусты и смотрѣлъ какъ они записывали его имя въ поминанья. Михаилъ скончался 26 Авг. 1399 г. на 66 году отъ рожденія. Случившіеся при его кончинѣ иноки Св. горы, Савва и Спиридонъ, окутали тѣло его по лаврскому обычаю Св. горы. Всѣ сожалѣли объ умершемъ князѣ и плакали по немъ. Въ Ник. лѣтописи говорится, что гости разныхъ странъ, бывшіе тогда въ Твери, также плакали и говорили другъ другу: «смотрите, какую любовь заслужилъ этотъ князь у народа; счастлива была Тверь, что имѣла такого князя.»

О личности Михаила лѣтописи отзываются, что его боялись «яко бѣ мужъ страшенъ и сердце его яко сердце лву.» (829) Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ лѣтописныхъ сборникахъ онъ выхваляется за свою любовь къ дружинѣ и за безпристрастіе: «Сладокъ же бѣаше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многоцѣнныхъ, но вся, елико имѣаше, и симъ подавъ родомъ вашимъ, дружинѣ своей. Сего ради друголюбецъ прозвашеся, зане яко обидно здержаше други своа; и не имѣаше единого или дву любити паче инехъ всѣхъ, но къ всѣмъ разсудинѣ достойную честь подаваше и сладкую любовь простираше.» (830) Ему въ заслугу ставится также то, что онъ людей отовсюду собиралъ, грады Тверскіе утвердилъ. (831)

Михаилъ Александровичъ родился во Псковѣ во время изгнанія его отца, Александра Михайловича; онъ былъ крещенъ Новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ (извѣстенъ посланіемъ о раѣ), который нарочно съ этой цѣлью пріѣзжалъ во Псковъ. Когда Михаилу исполнилось девять лѣтъ, то онъ былъ посланъ учиться грамотѣ къ своему крестному отцу, арх. Василію, а тотъ поручилъ его своему протодіакону. Лѣтописи хвалятъ благочестивую жизнь Михаила съ дѣтскихъ лѣтъ. (832)

Въ лѣтописяхъ сохранился любопытный разсказъ о томъ, какъ Михаилъ Александровичъ, послѣ своего постриженія, объявилъ народу о своемъ наслѣдникѣ, старшемъ сынѣ Иванѣ. (833) На другой день, послѣ принятія постриженія, в. князь призвалъ епископа и сказалъ ему, что вмѣсто себя поручаетъ управленіе сыну своему Ивану. Епископъ приказалъ звонить, народъ сошелся, и епископъ съ высокаго мѣста (на высоцѣ мѣстѣ; вѣроятно съ церковной паперти) сказалъ ему: «до сихъ поръ вы были управляемы (блюдомы) государемъ в. к. Михаиломъ, а отнынѣ будетъ управлять в. к. Иванъ, котораго отецъ благословилъ на в. столъ города Твери.» Народъ же на это отвѣтилъ: «многія лѣта в. князю!» Такъ разсказывается въ Тверской лѣтописи. Въ Никоновской же сказано, что князь Михаилъ самъ, послѣ прощальнаго пира, на паперти объявилъ народу, что оставляетъ своимъ наслѣдникомъ сына своего Ивана.

Какое же заключеніе мы можемъ сдѣлать о характерѣ дѣятельности в. к. Михаила Александровича? Сперва онъ былъ выну-

жденъ къ борьбѣ съ Москвою, потому что сама Москва напала на него: съ этою цѣлью онъ и велъ три первыя войны. Слѣдующія двѣ войны были вызваны собственно самимъ в. к. Михаиломъ. Кромѣ того онъ дѣйствовалъ опрометчиво въ томъ отношеніи, что хотѣлъ сдѣлаться в. к. Владимірскимъ (сами Владимірцы сказали ему, что онъ обманомъ взялъ великое княженіе), онъ захотѣлъ пересилить Москву, и какія же средства онъ для того избралъ? Онъ заключилъ союзъ съ *поганью*, *огнепоклонниками* Литовцами и съ *безбожными*, *нечестивыми*, *сыроядцами*, *кровопролитцами христіанскими* Татарами. Москва тогда обороняла Русскую землю отъ Татарскихъ нашествій, Москва вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовала Литвѣ — и въ это время врагомъ такихъ дѣйствій является одинъ изъ Русскихъ же князей, Тверской князь. (834) Конечно такой князь не могъ возбудить къ себѣ сочувствія большинства Русскаго населенія. (Сами Тверичи могли любить своего князя, быть благодарными ему за то, что онъ ихъ защищалъ отъ посягательствъ Москвы, но едвали они могли быть благодарны ему за тѣ средства, которыя онъ выбиралъ.) Русскіе князья говорили идя на Тверь: «сколько разъ онъ приводилъ Ольгерда и сколько зла надѣлалъ *Христіанамъ*, а теперь еще соединился съ Мамаемъ.......» А придерживаясь союза съ Литвою, Михаилъ невольно входилъ и въ планы Литовскіе относительно церковнаго управленія — онъ заодно съ Литвой въ церковномъ отношеніи хотѣлъ отдѣлиться отъ Московскаго митрополита и подчиниться особому Литовскому — и притомъ дѣйствовалъ противъ такого митрополита, какъ Св. Алексѣй, столь уважаемый уже и при жизни своей. Притомъ Михаилъ и средствъ Тверскихъ не соразмѣрилъ съ средствами Москвы и кромѣ того сильно раздражилъ Новгородцевъ. Если онъ въ началѣ и имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ съ Москвою, то этимъ обязанъ былъ Литовской помощи да отчасти своимъ военнымъ талантамъ. Ушла Литовская помощь и что же? Михаилъ долженъ былъ признать себя младшимъ братомъ Дмитрію Московскому и даже на время признать независимость Кашинскаго княжества. Начала немного оправляться Тверь послѣ продолжительной и упорной войны и вотъ Михаилъ — не думая о томъ чему можетъ подвергнуться Тверь, а подстрекаемый только своимъ самолюбіемъ — послѣ Тохтомышева нашествія опять поднялъ свои притязанія на в. княженіе Владимірское. Успѣха въ этомъ конечно онъ не имѣлъ. Михаилъ не могъ теперь расчитывать на военныя средства Твери, а также и на денежныя; гораздо раньше, почти въ началѣ борьбы съ Москвой, сынъ Михаиловъ Иванъ задолжалъ въ ордѣ 10,000 рублей. Конечно и Куликовской битвой и Тохтамышевымъ нашествіемъ была изнурена Москва, но должно полагать все-таки не столько, какъ Тверь прежними войнами, происходившими на ея территоріи. Москва не начала теперь новой войны съ Тверью, да собственно и не изъ за чего было: Михаилъ хотѣлъ сдѣлаться в. княземъ Владимірскимъ — и не сдѣлался. Можетъ быть эта новая война съ Тверью для Москвы была бы труднѣе. Но впрочемъ и послѣ Кули-

ковской битвы управился же Димитрій съ Олегомъ Рязанскимъ (Сол. III, 367), а племянники Димитрія Константиновича Суздальскаго просили же у него помощи противъ дяди своего Бориса, получившаго ярлыкъ на Нижній отъ Тохтамыша, (Сол. III, 368) — значитъ современники считали Москву еще достаточно сильной. Да и самъ Михаилъ какъ видно сознаяъ, хотя и поздно, силу Москвы: его сынъ Өедоръ женился на дочери Московскаго боярина Кошки.

Замѣчаютъ, что его правленіе поддержало независимость Твери на дальнѣйшее время. (835) Но, кажется, нужно обратить вниманіе и на то, что Михаилъ безъ сомнѣнія раззорилъ своими войнами Тверь, которая когда-то отдохнула и поправилась благодаря дѣятельности князя Константина. Притомъ, Михаилъ долженъ же былъ одно время признать независимость Кашина. А послѣ смерти Михаила Тверь хотя и продолжала быть независимой, но при его же преемникѣ, Иванѣ Михайловичѣ, она должна была почти постоянно слѣдовать за политикой Москвы и такимъ образомъ быть въ нѣкоторой зависимости относительно послѣдней.

Конечно Михаилъ дѣйствовалъ какъ и всякій другой удѣльный князь, имѣя въ виду узкіе интересы своего княжества,— но онъ хотѣлъ быть в. княземъ Владимірскимъ, онъ не сообразилъ средствъ своего княжества, долженъ былъ выбрать себѣ въ союзники Литву и Татаръ (когда Татаръ уже перестали бояться въ такой степени какъ прежде, но не перестали ненавидѣть и хотѣли отъ нихъ избавиться) — въ этомъ отвѣтственность падаетъ на него.

Этотъ князь, все-таки своей громкой дѣятельностью, обращалъ на себя вниманіе современниковъ, чему служитъ доказательствомъ особое сказаніе о его преставленіи.

Но если Михаила Александровича можно упрекнуть за его внѣшнюю политическую дѣятельность, то нельзя того же сказать о его внутренней дѣятельности: о немъ отзываются, что онъ заботился о внутреннемъ устроеніи своего княжества, былъ правосуденъ, сильнымъ не потакалъ, и кромѣ того какой-то лѣтописецъ (вѣроятно изъ дружинниковъ) превозноситъ его за любовь къ дружинѣ.

VII.

Княженіе Ивана Михайловича. — Преслѣдованіе удѣльныхъ князей. — Бѣгство князей Кашинскаго и Холмскаго въ Москву. — Союзъ Ивана Михайловича съ Литвой и Москвой. — Разрывъ съ Литвой. — Плавское событіе. — Разрывъ съ Москвой. — Колебаніе между Москвой и Литвой. — Споръ Ивана Михайловича съ Юріемъ Всеволодовичемъ Холмскимъ и поѣздка ихъ въ орду. — Неудачныя домогательства князя Холмскаго. — Преслѣдованіе Ивана Борисовича, бѣгство послѣдняго въ Москву и его возвращеніе домой.—Поѣздка Ивана Михайловича въ орду. — Безуспѣшная попытка князя Кашинскаго. — Нашествіе Эдигея. — Сближеніе съ Литвой. — Помощь Витовту противъ Тевтонскихъ рыцарей. — Характеръ дѣятельности Ивана Михайловича.

Михаилъ Александровичь, какъ мы видѣли, слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ Тверское княжество между своими сыновьями: старшій Иванъ Михайловичь и его сыновья, Александръ и Иванъ, получили Тверь, Новый Городокъ, Ржеву, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; второй сынъ Василій и внукъ Иванъ Борисовичь — Кашинъ и Коснятинъ; (836) третій же сынъ Ѳедоръ два городка Микулина и съ волостями.

Иванъ Михаиловичь становится в. княземъ Тверскимъ. Онъ не думаетъ уже ни о Владимірѣ, но о Новгородѣ, (837) а посылаетъ къ хану Темиръ-Кутлую своихъ киличеевъ Ѳедора Гурленя и Константина съ просьбою пожаловать его «отчиною его и дѣдиною, а своимъ улусомъ в. княженіемъ Тверскимъ.»

Тверскіе послы не застали въ живыхъ Темиръ-Кутлуя, вмѣсто котораго царствовалъ Шадибекъ. Послы поднесли дары Шадибеку, а также его ханшамъ и князьямъ. Ханъ отпустилъ Ѳедора Гурленя и Константина «съ честію»; съ ними также поѣхалъ ханскій посолъ Софря, которые и привезли Ивану Михайловичу ярлыкъ на в. княженіе Тверское. (838)

Иванъ Всеволодовичь Холмскій, — такъ долго жившій въ Москвѣ (съ 1398 г.) и не нашедшій тамъ поддержки, не смотря на свое родство съ Василіемъ Дмитріевичемъ, — «сослался» съ Иваномъ Михайловичемъ и пріѣхалъ въ Тверь со своей женой и боярами: князья (т. е. Иванъ Всеволодовичь и Иванъ Михайловичь) взяли между собою «миръ и докончаніе». (839)

Иванъ Всеволодовичь не спорилъ съ Иваномъ Михайловичемъ: впрочемъ онъ вскорѣ умеръ бездѣтнымъ (въ 1402 г.). Какъ видно, онъ не могъ распорядиться своимъ удѣломъ какъ хотѣлъ; по крайней мѣрѣ умирая онъ отказалъ свой удѣлъ не брату своему, Юрію, а сыну в. князя, Александру Ивановичу. (840) Конечно Иванъ не могъ отказать всего Холма, а только часть его к. Александру Ивановичу, потому что кромѣ Ивана въ Холмскомъ удѣлѣ княжилъ еще его братъ Юрій, отъ котораго продолжилась линія Холмскихъ князей. Если бы Иванъ Всеволодовичь отказалъ свою отчину

брату Юрію, то по всей вѣроятности Иванъ Михайловичь отнялъ бы ее. Иванъ Михайловичь былъ сильнѣе всѣхъ другихъ удѣльныхъ Тверскихъ князей вмѣстѣ взятыхъ: онъ одинъ, по завѣщанію отца, получилъ кромѣ Твери еще семь городовъ. Иванъ Михайловичь и не замедлилъ воспользоваться своими средствами: онъ началъ тѣснить своихъ братьевъ и племянника (въ 1400), приказавши своимъ боярамъ сложить къ нимъ крестное цѣлованіе.

Василій Михайловичь Кашинскій сталъ жаловаться на это своей матери, в. княгинѣ Евдокіи Константиновнѣ, говоря: «брата нашего бояре крестное цѣлованіе къ намъ сложили, а отецъ нашъ привелъ ихъ къ тому, чтобы они хотѣли намъ добра.» Тогда в. княгиня послала своихъ бояръ къ в. к. Ивану Михайловичу, что сдѣлали также ея сыновья, Василій и Ѳедоръ, и внукъ, Иванъ Борисовичь. Посланные бояре такъ говорили отъ лица своихъ князей: «господинъ князь великій! не по грамотѣ отца нашего в. к. Михаила Александровича твои бояре къ намъ крестное цѣлованіе сложили, и ты бы, господинъ князь великій, пожаловалъ, велѣлъ бы своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотамъ нашего отца.» Иванъ Михайловичь, сознавая свою силу, и не хотѣлъ скрывать, что такъ дѣлается по его приказу, а потому прямо отвѣтилъ боярамъ: «бояре наши сложили къ вамъ крестное цѣлованіе по моему слову.» Князья-жалобщики должны были удовольствоваться такимъ отвѣтомъ, но Ивану Михайловичу не понравилось и то, какъ осмѣлились князья — хотя и на словахъ — заявить свой протестъ, а потому онъ началъ «враждовать и держать нелюбье,» какъ на нихъ, такъ и на свою мать в. княгиню Евдокію. Тогда супруга покойнаго Бориса Михайловича и мать Ивана Борисовича (дочь Святослава Смоленскаго), видя что такимъ образомъ дѣйствій ничего не достигнешь, поступила иначе. Она со своимъ сыномъ и своимъ бояриномъ пошла «бить челомъ» в. князю Ивану и сказала ему: «мы, господинъ, не посылали къ тебѣ своихъ бояръ.» Такая «лукавая лесть» по выраженію лѣтописца, понравилась Ивану Михайловичу. Съ этихъ поръ начинается у него особенно сильное несогласіе съ Василіемъ Михайловичемъ, которое то прекращалось, то опять начиналось. (841) Иванъ Михайловичь вознаградилъ племянника на счетъ брата, а именно въ слѣдующемъ году (1401) онъ отнялъ у Василія Михайловича двѣ мѣстности, озеро Луское и въ самомъ городѣ Кашинѣ Ерусалимскую слободку Срѣтенскаго монастыря (842) и отдалъ ихъ Ивану Борисовичу. Что же было дѣлать Василію Михайловичу? Самъ по себѣ одинъ онъ не въ состояніи былъ бороться съ Иваномъ Михайловичемъ; на помощь другихъ слабыхъ удѣльныхъ князей Тверской земли онъ расчитывать не могъ. Искать помощи у Москвы или Литвы онъ также не могъ. Иванъ Всеволодовичь, не смотря на свое родство съ Василіемъ Московскимъ, не нашелъ же у него поддержки. Иванъ Михайловичь притомъ былъ въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ князьями Москвы и Литвы: онъ былъ женатъ на сестрѣ, а Василій Дмитріевичь на дочери Витовта. Эти

три князя даже въ томъ же году (1401) «сотвориша за единъ мирѣ и любовь межи собою.» (843) Изъ этого также видно, что хотя Тверь въ то время была уже на столько слаба, что не могла бороться съ Москвой, однако она была еще княжествомъ довольно значительнымъ, такъ что Василій Дмитріевичь считалъ полезнымъ имѣть ее своей союзницей; родственныя связи могли оказывать здѣсь свою долю вліянія. Конечно въ этомъ тройственномъ союзѣ Тверь играла подчиненную роль относительно Москвы: хотѣла Москва, чтобы Тверь была въ союзѣ съ Литвой—и Тверь должна была подчиниться такому требованію; захотѣла бы Москва, чтобы Тверь разорвала свой союзъ съ Литвой — и такое требованіе Москвы должно было быть исполнено,—что какъ мы увидимъ въ послѣдствіе времени и случилось. (844) Но въ то время Тверской князь былъ въ такихъ отношеніяхъ къ Московскому и Литовскому князьямъ, что Кашинскій князь не рѣшился обратиться къ нимъ съ просьбою о помощѣ противъ ихъ же союзника. Въ такой крайности Василій Михайловичь обратился (по старому обычаю) къ посредничеству духовнаго лица, именно онъ выбралъ своимъ ходатаемъ весьма уважаемаго въ Тверской землѣ владыку Арсенія и послалъ его къ Ивану Михайловичу съ просьбою объ общемъ судѣ (прося суда общаго, какъ сказано въ Ник.); послѣдній не обратилъ вниманія на заступничество самого владыки и далъ такой отвѣтъ брату: «суда тебѣ о томъ не дамъ.» Василій Михайловичь поѣхалъ въ свою отчину, въ Кашинъ. (845)

Вражда между братьями замолкла, но не надолго. Въ 1403 г. она возобновилась съ бо́льшею силою и дошла до открытаго междоусобія. Въ этомъ году сперва было пошелъ самъ Иванъ Михайловичь, а потомъ послалъ сына своего Александра съ войскомъ на Кашинъ. Конечно, главная причина должна была заключаться въ томъ, что в. князь Тверской хотѣлъ привести въ свою волю удѣльныхъ Тверскихъ князей и — если можно — забрать себѣ ихъ удѣлы. Но все-таки не видно, какой былъ ближайшій поводъ, по которому Тверской князь пошелъ на Кашинскаго. Хотя въ Твер. лѣтописи и говорится, что «Василій Кашинскій не почалъ слушати брата своего старшаго в. к. Ивана,» (846) но за тѣмъ не объясняется — въ чемъ именно заключалось это непослушаніе. Князь Александръ овладѣлъ Кашиномъ, а Василій Михайловичь убѣжалъ въ Москву. Московскій князь (въ томъ же году) помирилъ соперниковъ, и Кашинскій князь получилъ обратно свой удѣлъ. Въ Твер. лѣтописи (847) не говорится о посредничествѣ Московскаго князя; но за то въ ней встрѣчается замѣчательное выраженіе о примиреніи князей Тверскаго и Кашинскаго: «*пожаловалъ* князь великій Іоаннъ Михайловичь брата своего князя Василія его удѣломъ.» (848) Въ Никоновской же (849) говорится такъ: «князь великиі Василеі Дмитреевичь Московскиі смири ихъ.» Далѣе: «тогожъ лѣта (1403) Божиею милостию взяша братия межи собою миръ, князь великиі Иванъ Михайловичь Тверскиі с братомъ своимъ со княземъ Василиемъ Михайловичемъ Кашинскимъ, и укрепишась крестнымъ це-

лованиемъ, а врази ихъ облекошась в студъ.» (850) Если сопоставить извѣстія той и другой лѣтописи, взаимно ихъ пополнить, обращая главное вниманіе на извѣстіе Твер. лѣтописи, то можно придти къ такому заключенію: Иванъ Михайловичь хотѣлъ привести въ свою волю брата своего Василія Кашинскаго, на что послѣдній не согласился; тогда Иванъ Михайловичь отнялъ удѣлъ у брата, отчего послѣдній бѣжалъ въ Москву. При посредничествѣ Московскаго князя Тверской и Кашинскій князья примирились на томъ условіи, что Кашинскій князь призналъ волю Тверскаго, за что и получилъ обратно свой удѣлъ. (851)

Но недолго братья пожили мирно. Зимой 1405 г. Василій Михайловичь Кашинскій пріѣхалъ почему-то въ Тверь: здѣсь онъ былъ схваченъ Иваномъ Михайловичемъ вмѣстѣ со своими боярами. (852) Однако братья помирились въ томъ же году: (853) они цѣловали крестъ и Иванъ Михайловичь отпустилъ брата своего Василія съ любовію въ Кашинъ на святой недѣлѣ во Вторникъ, а въ слѣдъ за тѣмъ чрезъ три мѣсяца, въ Петровскій постъ, между ними возстала еще бо̀льшая вражда и нелюбіе, по словамъ лѣтописца: Василій Михайловичь «не хотя самъ себя вдати въ напасть» убѣжалъ изъ Кашина въ Москву, а Иванъ Михайловичь послалъ на Кашинъ своихъ намѣстниковъ, которые много зла сотворили христіанамъ, «продажами и грабежемъ.» Въ томъ же году ѣздилъ въ Кашинъ Александръ Ивановичь, сынъ Ивана Михайловича, а въ слѣдующемъ году и самъ Иванъ Михайловичь: можетъ быть они ѣздили осматривать Кашинскія укрѣпленія. (854)

Конечно, Василій Кашинскій просилъ защиты и помощи у Московскаго князя; Василій Дмитріевичь и на этотъ разъ какъ прежде не помогъ ему. Однако онъ далъ изгнанному Кашинскому князю Переяславль въ кормленіе; но въ это время Василій Дмитріевичь разошелся съ Витовтомъ, и когда явился изъ Литвы болѣе важный для Москвы выходецъ, князь Александръ Нелюбъ, то в. князь Василій предпочелъ бѣглому Кашинскому князю Литовскаго выходца и отдалъ Переяславль ему, т. е. Александру Нелюбу; вѣроятно, это самое обстоятельство заставило Кашинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, Иваномъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ. Братья снова цѣловали крестъ на томъ, что быть имъ въ мирѣ и въ любви за одинъ. (855) И должно быть Кашинскій князь долженъ былъ сдѣлать значительныя уступки Тверскому князю. Съ этого времени лѣтъ шесть братья, Иванъ и Василій, жили мирно. Но за то Тверской князь встрѣтилъ себѣ другаго врага въ лицѣ безпокойнаго Холмскаго князя Юрія Всеволодовича.

Еще тогда (въ 1405 г.) когда Иванъ Михайловичь захватилъ своего брата Василія съ его боярами въ Твери, князь Юрій Всеволодовичь перепугался, чтобы и съ нимъ не случилось того же самаго. Какіе-то совѣтники уговорили князя Юрія бѣжать въ Москву (его же извадиша зліи человѣци отъ предѣла его — въ Твер. лѣт.): можетъ быть въ числѣ этихъ совѣтниковъ былъ и тотъ

Романъ Скудинъ, который послѣ подбилъ своего князя бѣжать и въ орду. (856) Когда Юрій Всеволодовичь прибѣжалъ въ Москву, то вскорѣ туда прибылъ и Василій Кашинскій (въ слѣдъ затѣмъ получившій отъ Московскаго князя Переяславль, какъ выше было сказано). Ни откуда не видно, чтобы Юрій, подобно Василію Кашинскому, получилъ какой либо городъ отъ Василія Дмитріевича. Иванъ Михайловичь почему-то старался примириться съ княземъ Юріемъ; онъ нѣсколько разъ посылалъ въ Москву уговаривать князя Юрія такимъ образомъ: «и не отлучайся, брате, дому св. Спаса и своего отечества, но поди, живи въ предѣлахъ своего отца, а злыхъ человѣкъ не слушай; если же тебѣ есть какая либо обида, то вотъ насъ разсудитъ епископъ Арсеній и отцовскіе бояре (да се о насъ епископъ Арсеній и мужи честніи отецъ нашихъ).» (857) Года четыре назадъ, во время ссоры со своимъ братомъ Василіемъ, Иванъ Михайловичь не обратилъ вниманія на посредничество того же самаго Арсенія, на котораго теперь самъ ссылался. Тѣмъ не менѣе князь Юрій, должно быть человѣкъ довѣрчивый, готовъ былъ склониться на увѣщанія в. князя Ивана, но былъ удержанъ своими совѣтниками, какъ видно не полагавшимися на слова в. князя Тверскаго. (858) Князь Юрій Всеволодовичь остался въ Москвѣ, выжидая болѣе благопріятнаго для себя времени.

Такое благопріятное для князя Юрія время настало послѣ похода Василія Дмитріевича на р. Плаву противъ Витовта въ 1406 г.

До Плавскаго похода Тверь дѣйствовала вообще согласно съ Москвою, какъ напр. это видно относительно Смоленска, когда послѣдній Смоленскій князь Юрій Святославичь просилъ у Московскаго князя защиты противъ Витовта. Юрій Святославичь пріѣхалъ въ Москву и такъ умолялъ Василія Дмитріевича: «тебѣ все возможно, потому что онъ (т. е. Витовтъ) тебѣ тесть, а ты ему зять, и любовь между вами большая, помири меня съ Витовтомъ, пусть онъ меня не обижаетъ; если же онъ не послушаетъ слезъ моихъ и твоего дружескаго совѣта, то помоги мнѣ бѣдному и не отдавай ему меня на съѣденіе; если же ты этого не захочешь сдѣлать, то возьми себѣ мой городъ, владѣй имъ лучше ты, а не *поганая Литва.*» Какъ извѣстно, Московскій князь, бывшій до сихъ поръ въ постоянномъ союзѣ съ Витовтомъ, не заступился за Юрія Смоленскаго. Однако предварительно Василій Дмитріевичь по этому дѣлу счелъ нужнымъ сослаться съ в. к. Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ и узнать его мнѣніе на счетъ просьбы Юрія о помощѣ. Тверской князь отвѣтилъ такъ: «у меня миръ и любовь съ Витовтомъ; не могу ни помогать князю Юрію, но просить за него.» (859) Такой уклончивый отвѣтъ Тверскаго князя могъ зависѣть какъ оттого, что онъ былъ женатъ на сестрѣ Витовта и заключилъ съ нимъ союзъ хотя и сообща съ Москвой, такъ и оттого, что его старшій сынъ Александръ былъ въ это время у своего дяди Витовта, отъ котораго онъ вернулся въ Тверь хотя въ томъ же году (1404 г.), но уже послѣ окончательнаго захвата Витовтомъ Смоленска. Обратилъ или не обратилъ Василій Московскій внима-

ніе на слова Тверскаго князя — объ этомъ источники не говорятъ, но такъ какъ Василій Дмитріевичъ послѣ переговоровъ съ Тверскимъ княземъ отказалъ Смоленскому князю въ своей помощѣ; то такой отказъ можно считать результатомъ нерѣшительности Тверскаго князя и результатомъ переговоровъ Твери съ Москвой. (860) Смоленскъ на долгое время перешелъ въ руки Литвы. И очень легко могло быть, что только отказъ Твери удержалъ Василія Дмитріевича отъ дѣйствій противъ Витовта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ его политики захвата Русскихъ земель. (861) Тѣмъ болѣе можно придти къ такому заключенію, если обратить вниманіе на дѣйствія Москвы и Твери въ 1406 г. относительно Литвы. Когда Витовтъ, ободренный взятіемъ Смоленска, обнаружилъ свои дальнѣйшіе замыслы касательно Русскихъ земель и раззорилъ Псковскій пригородъ Коложе, (862) то Московскій князь не хотѣлъ ему уступить ни Пскова, ни Новгорода. Князь Московскій сложилъ крестное цѣлованіе къ Витовту въ 1406 г. Тверской князь былъ въ зависимомъ положеніи отъ Москвы; его враги, Василій Кашинскій и Юрій Всеволодовичь Холмскій, находились у Василія Дмитріевича. Тверской князь могъ опасаться, что Московскій князь поддержитъ ихъ противъ него. Вѣроятно на этотъ разъ должно было оказать вліяніе на Ивана Михайловича и то обстоятельство, что въ предъидущемъ году (1405) умерла его супруга, сестра Витовта: такимъ образомъ порвалась родственная связь соединявшая его съ Витовтомъ. (863) И вотъ, Иванъ Михайловичь за одно съ Москвой также складываетъ крестное цѣлованіе къ Витовту. Только теперь, когда и Тверь разорвала союзъ съ Витовтомъ, Василій Дмитріевичь послалъ свои полки въ Литовскую землю (они приступали безуспѣшно къ Вязьмѣ, Серпейску и Козельску). (864) А такъ какъ лѣтопись говоритъ, что Московскій князь «собра *силу многу* да съ ними воеводъ своихъ посла ратью воевати земли Литовскія», (865) то конечно въ этой *многой силѣ* были и Тверскіе полки: безъ сомнѣнія такой помощью и долженъ былъ выразиться разрывъ Твери съ Литвой и союзъ съ Москвой. (866) Василій Дмитріевичь въ слѣдъ затѣмъ отнимаетъ Переяславль у Василія Кашинскаго и отдаетъ его Александру Нелюбу (какъ уже объ этомъ было сказано).

Такой разрывъ съ Литвой, старинной союзницей Твери, и военная помощь Москвѣ противъ Литвы — представляютъ важный поворотъ въ политикѣ Тверскихъ князей.

Но вскорѣ въ томъ и другомъ — какъ въ разрывѣ съ Литвой, такъ и въ тѣсномъ союзѣ съ Москвой — пришлось Тверичамъ раскаяться, именно тогда когда Тверскіе полки ходили на р. Плаву вторично помогать Москвичамъ противъ Витовта.

Когда Василій Дмитріевичь рѣшился самъ выступить противъ Витовта и позвалъ Татаръ на помощь, то онъ опять также просилъ помощи и у Ивана Михайловича Тверскаго. Тверской князь послалъ къ нему на помощь своихъ братьевъ, Василія Кашинскаго и Ѳедора Микулинскаго, своего сына Ивана Ивановича и кн. Ивана

Еремѣевича (Дорогобужскаго) со своими воеводами. Тверскіе полки присоединились къ Василію Дмитріевичу и осенью 1406 г. встрѣтили Витовта на р. Плавѣ (на Пашковѣ гати). Войска здѣсь простояли въ виду другъ друга нѣсколько дней: Василій Дмитріевичь началъ переговоры съ Витовтомъ и заключилъ съ нимъ перемиріе. (867) Но тутъ на р. Плавѣ произошелъ раздоръ у Тверичей съ Московскимъ княземъ. До сихъ поръ Тверской князь былъ союзникомъ, а не служебнымъ княземъ Московскому князю; онъ помогалъ Василію Дмитріевичу противъ Литвы и конечно смотрѣлъ на себя какъ на равнаго, какъ на *брата* (868) в. князю Московскому. Но съ другой стороны Василій Дмитріевичь, подобно своимъ предшественникамъ, естественно хотѣлъ подчинить себѣ Тверскаго князя и смотрѣлъ на него какъ на князя зависимаго: такой взглядъ Московскій князь ясно выразилъ при заключеніи перемирія съ Витовтомъ на р. Плавѣ. Здѣсь, начавъ переговоры съ Витовтомъ, Московскій князь не заявилъ о нихъ тамъ же бывшимъ Тверскимъ князьямъ и воеводамъ — хотя прежде Василій заключилъ съ Иваномъ Тверскимъ за единъ миръ и любовь между собою — и не только помѣстилъ въ перемирной грамотѣ имя Тверскаго князя, не предупредивъ его самого о томъ, но даже, по выраженію Тверской лѣтописи, «въ грамотѣ перемирной *не написа честно* имени *брата своего* в. князя Ивана Тферскаго, но написа и́ *послѣ братіи своей*, а Тверичемъ никако же не вѣдающимъ того.» Если в. князь Московскій считаетъ самого в. к. Тверскаго ниже своихъ братьевъ, то значитъ онъ еще ниже ставитъ удѣльныхъ князей Тверской земли. Тверскіе князья «вознегодовали» на такой поступокъ в. князя Московскаго. «Развѣ мы пришли на службу къ Василію? говорили они, онъ безъ насъ думаетъ и мирится, и таясь отъ насъ (стаашеся отъ насъ) нечестно поставляетъ имена в. князя Ивана.» Тверичи съ гнѣвомъ ушли домой и о происшедшемъ разсказали своему в. князю, который на это замѣтилъ, что «и онъ самъ, и ихъ отцы и дѣды всегда мирны бывали съ Витовтомъ, а вотъ онъ теперь послалъ братью свою, и сына, и дружину добрую на помощь къ Московскому князю, а тотъ между тѣмъ поставилъ имя его безъ чести, — что это разсудитъ Богъ.» Съ тѣхъ поръ Тверь не захотѣла помогать Москвѣ.

Тверская лѣтопись, (869) разсказывая о тогдашнихъ событіяхъ, замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: «Подобно есть здѣ *написати*, *назнаменати*, *властодръжацъ ради*, *рекше князей ради:* не сами точію едини, безъ искуснѣйшихъ, вся простѣйшіи, отъ своеа мудрости самочиную(тъ), или пакы силѣ и величеству надѣющееся на братію, *да не възносятся;* но зелнымъ смотрѣніемъ да зрятъ сеа случившаяся вещи, и тоа ради единоя и не въсхотѣша Тверичи помагати Москвичемъ, иже то глаголати начинаемъ.» И далѣе: «Московскіе князи *неравны къ собѣ почетше братію свою*, *Тверскыа князя*, того же ради, но не по съвѣту съ ними сами едини думу и миръ поставляху, и не стрегуще имени Тферскаго въ грамотѣ поставляху, и симъ озлобиша братію свою, Тверскыа князя,

и тую вещь не въсхотѣша помагати Москвичемъ, якоже и бысть.» (870)

Тверь еще не въ такомъ была положеніи, чтобы безропотно подчиниться домогательствамъ Московскаго князя. Оскорбленный Тверской князь вскорѣ выказалъ свой протестъ. Когда въ слѣдующемъ 1407 г. Московскій князь опять обратился съ просьбой о помощѣ къ Тверскому князю, то послѣдній отказалъ въ своей помощѣ на будущее время (се отселѣ не помагаю вы — въ Твер.), ссылаясь на то, что Василій Дмитріевичь обидѣлъ честь его при заключеніи Плавскаго перемирія; кромѣ того Тверской князь указалъ Василію Дмитріевичу на то, что прежніе Тверскіе князья бывали великими князьями Владимірскими — такимъ напоминаніемъ Тверской князь безъ сомнѣнія думалъ поднять свое значеніе въ глазахъ Московскаго князя. (871)

Тверь разошлась съ Москвой. Но Тверь сама по себѣ не могла долго оставаться одна. И вотъ теперь начинается колебаніе у Ивана Михайловича: сблизиться ли опять съ Москвой или заключить союзъ съ Литвой? Кого выбрать, предпочесть? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ колебанія Тверь, какъ можно будетъ видѣть далѣе, заключила союзъ съ Литвой.

Между тѣмъ разрывомъ Твери съ Москвой спѣшилъ воспользоваться князь Юрій Всеволодовичь. До сихъ поръ Юрій Всеволодовичь, жившій въ Москвѣ со времени своего бѣгства, не могъ получить никакой поддержки отъ Московскаго князя противъ Тверскаго. Московскій князь до сихъ поръ былъ въ союзѣ съ Тверскимъ, но отъ этого союза отсталъ Тверской князь. Московскій князь въ это время былъ занятъ борьбою съ Литвою: (872) можетъ быть онъ и хотѣлъ бы въ это время наказать Тверскаго князя и помочь Юрію Всеволодовичу, но дѣла Литовскія мѣшали ему вступиться въ усобицу Тверскихъ князей. (873) Но если Василій самъ не могъ или, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ помочь Юрію, то за то онъ его не удерживалъ въ Москвѣ и не мѣшалъ ему искать себѣ помощи гдѣ хочетъ. И вотъ по совѣту одного изъ своихъ приближенныхъ, Романа Скудина, Юрій въ Іюнѣ 1407 г. (въ Петрово говѣніе) поѣхалъ въ орду попытаться, нельзя ли при помощи Татаръ одержать верхъ надъ Иваномъ Михайловичемъ и получить какую либо долю Тверскаго княжества *). Иванъ Михайловичь, до сихъ поръ самъ не бывавшій въ ордѣ, также поѣхалъ (рѣкою Волгою въ судахъ) туда въ Іюлѣ того же года; но онъ уже въ ней не засталъ того хана Шадибека, отъ котораго онъ, при своемъ вступленіи на престолъ, получилъ ярлыкъ на великое княженіе Тверское. (874) Передъ его приходомъ былъ согнанъ съ престола ханъ Шадибекъ, а возведенъ Булатъ-Салтанъ. Новый ханъ долженъ былъ судить двоюродныхъ братьевъ, Ивана съ Юріемъ. «Но легко было предвидѣть, кто изъ двухъ будетъ оправданъ

*) О поѣздкѣ князей Ивана Михайловича и Юрія Всеволодовича, о домогательствахъ Юрія и т. д. см. въ приложеніи № 4.

на этомъ судѣ — богатый ли Иванъ, или безземельный Юрій?» (875) Булатъ-Салтанъ судилъ и всѣ князья ординскіе «оправили» великаго князя Ивана Михайловича Тверскаго. Великій князь Иванъ пробылъ въ ордѣ около полугода; царь отпустилъ его съ честію, сдѣлалъ все по волѣ его — онъ далъ ему ярлыкъ на всю землю Тверскую. (876) Великій князь Иванъ въ Январѣ слѣдующаго 1408 г. вернулся въ Тверь и съ нимъ прибылъ, — кажется данный ему Едигеемъ, — Татарскій посолъ. Великій князь былъ встрѣченъ духовенствомъ и жителями. Между тѣмъ Юрій оставался въ ордѣ и не терялъ времени даромъ. Хлопоталъ ли онъ у прежнихъ своихъ покровителей или у какихъ либо другихъ — неизвѣстно, но только провелъ это время тамъ онъ не напрасно. Вскорѣ (послѣ пріѣзда Ивана въ Тверь) и Юрій вернулся изъ орды въ Москву — и не одинъ; съ нимъ прибылъ «посолъ царевъ Мамаитъ Дербышъ.» Василій Дмитріевичъ принялъ ихъ у себя въ Москвѣ; онъ конечно хотѣлъ запугать в. князя Тверскаго. Но самъ Юрій, какъ видно, не очень-то много полагался на своего посла. Онъ остался въ Москвѣ, а посолъ одинъ отправился въ Тверь. (877) Великій князь Иванъ принялъ и этого посла съ честію; онъ велѣлъ его встрѣтить на Владимірскомъ мосту, куда вышли многіе граждане. Такъ какъ и прежній посолъ еще оставался въ Твери, то такимъ образомъ у великаго князя Ивана оказалося въ гостяхъ два Татарскихъ посла: одинъ пришедшій съ нимъ самимъ и другой, Юрьевъ. Юрьевъ посолъ объявилъ в. князю Ивану, что царь далъ Юрію часть Тверскаго княжества. Тверской великій князь на это отвѣтилъ слѣдующее: «я самъ *вчера* отъ царя пришелъ, и царевъ посолъ еще у меня, и царевъ ярлыкъ данъ мнѣ на всю землю Тверскую, и самъ Юрій въ ярлыкѣ царемъ данъ мнѣ, а потому я тебя не послушаю, пока къ царю не пошлю разузнать.» Иванъ Михайловичь съ честію отпустилъ обоихъ пословъ. (878) Такъ раздѣлался в. князь Иванъ съ Юріемъ. Князь же Юрій опять уѣхалъ въ орду. Дальнѣйшая участь князя Юрія неизвѣстна: гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, гдѣ сложилъ свою голову—на Руси или въ ордѣ? Можетъ быть и Юрій Холмскій кончилъ свою жизнь такимъ же образомъ, какъ князь—изгнанникъ и скиталецъ Юрій Святославичь, послѣдній князь Смоленскій, который бѣжалъ въ орду, скитался нѣкоторое время въ степяхъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской. Или можетъ быть его дальнѣйшая судьба похожа на судьбу Семена Дмитріевича Суздальскаго, который, по отзыву лѣтописей, много истомы претерпѣлъ, въ ордѣ и на Руси трудился, добиваясь своей отчины, восемь лѣтъ служилъ въ ордѣ четыремъ царямъ, а все то подымая рать на Московскаго князя, какъ бы добиться своей отчины, много труда претерпѣлъ, своего пристанища не зналъ, не обрѣталъ покоя ногамъ своимъ — и все то напрасно.

Какъ поступилъ Иванъ Михайловичь съ удѣломъ Юрія Всеволодовича — взялъ ли онъ себѣ весь его удѣлъ, или только часть, или ничего не взялъ, отдавши все Дмитрію, сыну Юрьеву — объ

этомъ источники ничего не говорятъ, но должно быть Иванъ Михайловичь хотя часть прежняго удѣла все-таки уступилъ князю Дмитрію Юрьевичу, потому что далѣе въ описаніи Тверскихъ событій мы встрѣтимъ Холмскихъ князей (сыновей Дмитрія).

Передъ тѣмъ за годъ (въ 1407 г.) умеръ одинъ удѣльный Тверской князь, Дмитрій Еремѣевичь Дорогобужскій. (879) На одной изъ его дочерей (зимою 1408 г.), Авдотьѣ Дмитріевнѣ, женился Иванъ Михайловичь. (880) Также неизвѣстно, захватилъ ли Иванъ Михайловичь себѣ какую либо часть удѣла покойнаго Дмитрія Еремѣевича, или весь удѣлъ предоставилъ его сыновьямъ. (881)

Вскорѣ (въ 1408 г.) Иванъ Михаиловичь началъ тѣснить Ивана Борисовича, которому онъ покровительствовалъ въ началѣ своего княженія. Иванъ Михайловичь пошелъ съ войскомъ къ Кашину на своего племянника, который по примѣру прежнихъ недовольныхъ удѣльныхъ Тверскихъ князей убѣжалъ въ Москву. Должно быть у Ивана Борисовича съ Васильемъ Михайловичемъ былъ заключенъ союзъ противъ в. князя Тверскаго: такъ по крайней мѣрѣ можно заключить на основаніи лѣтописи, въ которой говорится, что Иванъ Михайловичь, придя къ Кашину, помирился со своимъ братомъ Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ. Иванъ Борисовичь бѣжалъ такъ поспѣшно, что Иванъ Михайловичь успѣлъ захватить важнаго для себя заложника, а именно «сноху свою княгиню Борисову изымалъ, приведе въ Тверь.» Затѣмъ в. князь Тверской «посади на Кашинѣ намѣстники своя и дань на нихъ взя.» (882)

Неизвѣстно, когда именно Иванъ Михайловичь помирился съ Иваномъ Борисовичемъ и когда послѣдній возвратился въ Тверь, но только года чрезъ три в. князь Тверской снова началъ тѣснить другаго удѣльнаго князя — своего прежняго противника Василія Михайловича. Въ 1412 г. между князьями Тверскимъ и Кашинскимъ опять произошло «нелюбіе веліе.» Въ это время пришелъ отъ новаго хана Зелени-Салтана Тохтамышевича (Джелаледдинъ-Султанъ) «посолъ лютъ,» который звалъ съ собою въ орду в. князя Тверскаго. Тогда собирался въ орду также и в. князь Московскій. Приходилось ѣхать и Ивану Михайловичу. Нужно полагать, что Тверской князь могъ расчитывать на милость тогдашняго хана, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Витовтомъ, съ которымъ тогда у самого Тверскаго князя начиналось опять сближеніе. (883) Во всякомъ случаѣ в. князь Иванъ могъ опасаться, что Кашинскій князь воспользуется его отсутствіемъ, а потому онъ велѣлъ (28 Іюня) схватить какъ его самого, такъ и его княгиню, и его бояръ, и его слугъ, а въ Кашинъ послалъ своего намѣстника. На другой день (на завтрѣе въ четвертокъ) онъ послалъ Кашинскаго князя подъ стражей въ Новый городокъ; княгиня же была отвезена въ Тверь. Когда дорогою арестованный князь и его спутники должны были въ одной мѣстности сойти съ лошадей, (884) то Василій Михайловичь въ одномъ терликѣ (885) и безъ кивера, погналъ своего коня, переправился въ бродъ чрезъ р. Тмаку и ускакалъ въ сторону отъ дороги. Нигдѣ не могли найти князя. А князь

между тѣмъ въ одномъ селѣ нашелъ какого-то человѣка, который скрылъ его въ лѣсу, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ въ Москву. Лѣтописецъ замѣтилъ, что тогда были зловѣщія знаменія. Когда Василій Михайловичь еще не былъ захваченъ и былъ въ своемъ селѣ Страшковѣ (886) въ одинъ праздничный день (въ Дек.), то изъ Кашина по направленію къ западу пролетѣлъ по небу огненный змѣй; послѣ же ареста князя, въ Кашинѣ люди видѣли серпъ изъ облака. (887)

Въ Москвѣ недолго пробылъ Василій Михайловичь. Въ то же лѣто онъ поѣхалъ въ орду, куда тогда же отправился и Василій Дмитріевичь Московскій съ большей свитой и со множествомъ богатства. Въ слѣдъ за ними поѣхалъ къ Зелени-Салтану (Авг. 15) и Иванъ Михайловичь Тверской «рѣкою Волгою въ судахъ, благословясь у отца своего епископа Антонія, и у всего священнаго собора, и проводили его сыновья его, и множество народа со слезами, а съ нимъ бояръ и слугъ множество, а иные бояре и слуги проводили его до Нижняго Новгорода; тамъ онъ ихъ отпустилъ, а самъ пошелъ въ орду.» Въ то время вступилъ на престолъ уже новый ханъ Керимъбердей, который убилъ своего брата Зелени-Салтана. (888) Въ Октябрѣ Василій Кашинскій вернулся изъ орды вмѣстѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ Московскимъ, а 24 Дек., наканунѣ Рождества Христова, Кашинскій князь подошелъ къ своему удѣльному городу, Кашину, съ толпою Татаръ, вѣроятно бывшихъ подъ начальствомъ какого нибудь царевича — въ родѣ царевича Ейтяка или Талыча, помогавшихъ изгнаннымъ Нижегородскимъ князьямъ. (889) Не смотря на то, что Василій подошелъ къ Кашину на канунѣ большаго праздника и что Иванъ Михайловичь былъ еще въ ордѣ, онъ никого въ расплохъ не засталъ и города захватить ему не удалось: въ городѣ былъ Тверской гарнизонъ, который вмѣстѣ съ Иваномъ Борисовичемъ (неизвѣстно когда возвратившимся изъ своего бѣгства и какъ видно на какихъ-то условіяхъ помирившимся съ Иваномъ Михайловичемъ) дали ему отпоръ и въ Кашинъ не пустили. Князь Василій Михайловичь опять пошелъ въ орду. Проживалъ ли онъ потомъ въ ордѣ или въ Москвѣ — неизвѣстно, но только при жизни Ивана Михайловича онъ не показывался въ Тверскомъ княжествѣ. (890)

Весною 1413 г. былъ отпущенъ Иванъ Михайловичь новымъ ханомъ Керимбердеемъ «съ честію и съ пожалованіемъ.» Онъ вернулся въ Тверь 9 Апр., гдѣ и былъ встрѣченъ епископомъ Антоніемъ и духовенствомъ. (891)

Остальныя двѣнадцать лѣтъ своего княженія Иванъ Михайловичь не велъ внутренней борьбы съ Тверскими удѣльными князьями, но за то въ эти остальные года его княженія Тверское княжество сильно потерпѣло отъ другихъ внутреннихъ враговъ: его посѣтили четыре раза моръ и четыре раза голодъ.

Такъ какъ со времени Плавскихъ событій (1406 г.) Тверь разошлась съ Москвой, то недовольные Тверскіе удѣльные князья находятъ если не открытую поддержку, то пріютъ и покровительство

въ Москвѣ: они уходятъ въ Москву, живутъ въ ней, уѣзжаютъ въ орду, возвращаются оттуда съ Татарами чрезъ Московскія владѣнія — Василій Дмитріевичъ въ этомъ отношеніи ничему не препятствуетъ.

Что же касается до орды, то Иванъ Михайловичъ всегда находитъ хорошій пріемъ въ ордѣ при разныхъ ханахъ, и если его противники, князья Холмскій и Кашинскій, являются въ Тверское княжество съ отрядами Татаръ, то нужно полагать, что эти отряды едва-ли посылались самими ханами, оказывавшими ему «честь и пожалованіе,» а были какіе нибудь самовольные толпы наемныхъ Татаръ.

Въ 1408 г. Тверь была поставлена въ затруднительное положеніе Эдигеемъ, во время его нашествія на Москву.

Зимой 1408 г. Эдигей пошелъ къ Москвѣ; Василій Дмитріевичъ, застигнутый врасплохъ, съ семействомъ своимъ уѣхалъ въ Кострому. Посады вокругъ Москвы были выжжены. Эдигей, разославши отряды въ разныя стороны, самъ остановился подъ Кремлемъ; хотя приступовъ онъ не дѣлалъ, но рѣшился зимовать и непремѣнно взять городъ. Для осады ему была необходима артиллерія. Должно быть Тверь въ тѣ времена славилась своей артиллеріей. (892) За огнестрѣльными снарядами онъ послалъ именно въ Тверь. Можетъ быть Эдигей расчитывалъ на благодарность со стороны Ивана Михайловича (если только справедлива догадка, что именно Эдигей держалъ сторону Тверскаго князя, во время спора послѣдняго въ ордѣ съ Юріемъ Всеволодовичемъ). Эдигей хотѣлъ разбить стѣны Кремлевскія и за «сосудами градобійными» послалъ въ Тверь пословъ, приказывая Ивану Михайловичу немедленно прибыть къ Москвѣ со всею Тверскою ратью и «съ пушками, и съ тюфяками, и съ пищалями, и съ самострѣлами.» Такое требованіе поставило было Тверскаго князя въ очень затруднительное положеніе, какъ слабаго между двумя сильными — Москвой и ордой. Татарскіе отряды, всюду грабя, могли опустошить и Тверское княжество, чего конечно не хотѣлось Ивану Михайловичу. Онъ хотѣлъ извернуться такъ, чтобы не прогнѣвить ни князя Московскаго, ни Эдигея. Онъ показалъ видъ, что послушался приказа, отправился въ путь съ небольшой дружиной и съ Татарскими послами, но шелъ медленно, а потомъ сперва ихъ отпустилъ, а потомъ и самъ отъ Клина вернулся домой. (893) Такой двоедушный поступокъ заслужилъ похвалу лѣтописца, какъ дѣло мудрости. «И таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Едегея разгнѣва, ни Князю Великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи *уменски*, паче же *истински*.» (894) Вскорѣ и Эдигей ушелъ отъ Москвы, но все-таки пострадали и Тверскія волости. «Едигеева рать и Тверскаго предѣла, дому св. Спаса взяша волость Клинскую, и множество людей избиша, а иныхъ въ плѣнъ отведоша.» Конечно Эдигей велѣлъ ихъ раззорить за то что Тверской князь не пришелъ на помощь — такимъ образомъ все-таки онъ не избѣжалъ гнѣва Едигеева. (895)

Между тѣмъ Тверской князь нѣсколько лѣтъ колебался—сблизиться или не сблизиться ему опять съ Литвой. Въ 1411 г. князь Александръ Ивановичъ Тверской поѣхалъ къ Витовту, съ которымъ онъ видѣлся въ Кіевѣ; здѣсь же тогда былъ и Зелени-Салтанъ (Джелаледдинъ-Султанъ), Тохтамышевъ сынъ, вскорѣ, въ слѣдующемъ 1412 г., сдѣлавшійся ханомъ въ ордѣ. Александръ Ивановичъ былъ хорошо (честь многу пріемъ) принятъ Витовтомъ и возвратился въ Тверь. (896) Но какъ видно Иванъ Михайловичъ все еще медлилъ. Только тогда, когда въ 1412 г. Василій Михайловичъ убѣжалъ въ Москву, Иванъ Михайловичъ заключилъ союзъ съ Витовтомъ, чтобы быть имъ всюду за одинъ. (897) Василій Дмитріевичъ едва ли обратилъ особенное вниманіе на союзъ Твери съ Витовтомъ и даже не мстилъ за то княжеству слабому сравнительно съ Москвой.

Но впрочемъ Иванъ Михайловичъ не воспользовался никакой помощью отъ Витовта: удѣльные князья болѣе не поднимались противъ в. к. Ивана; ни Москва, ни Татары не нападали на Тверь. Даже Иванъ Михайловичъ въ концѣ своего княженія, подобно своему отцу, постарался породниться съ однимъ изъ Московскихъ бояръ, безъ сомнѣнія за тѣмъ, чтобы имѣть опору при дворѣ Василія Дмитріевича. Въ 1422 г. Иванъ Михайловичъ женилъ своего младшаго сына князя Юрія на дочери Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. (898) Да и нельзя было много' расчитывать на поддержку Витовта, въ томъ случаѣ, если бы Москва вздумала напасть на Тверь. Со времени мира на Угрѣ въ 1408 г. у Василія съ Витовтомъ не было непріязненныхъ дѣйствій; въ 1423 г. Софья Витовтовна, супруга Васильева, ѣздила въ Смоленскъ со своимъ 8-лѣтнимъ сыномъ Василіемъ на свиданіе со своимъ отцемъ Витовтомъ; (899) Василій Дмитріевичъ въ своихъ духовныхъ приказываетъ, т. е. поручаетъ свое семейство Витовту. (900)

И не только Иванъ Михайловичъ не получалъ никакой помощи отъ Витовта, но еще самъ посылалъ ему свои войска на помощь противъ Тевтонскаго ордена. Именно, когда въ 1422 г. Витовтъ съ Ягайломъ ходили на рыцарей, то въ этомъ походѣ участвовала и Тверская рать, подъ начальствомъ воеводы Александра Одинцева, которая помогла овладѣть Голубомъ. (901) Не эта ли помощь со стороны Твери дала поводъ автору похвалы в. к. Витовту сказать, что ему т. е. Витовту *служилъ* в. к. Тверской. (902)

В. князь Иванъ Михайловичъ Тверской скончался 22 Мая въ 1425 г., постригшись предъ смертью съ именемъ Іева. (903)

Какое же заключеніе можно сдѣлать о характерѣ дѣятельности этого князя?

Этотъ князь не питаетъ такихъ широкихъ замысловъ, какъ его отецъ. Москва теперь была сильнѣе, чѣмъ прежде, а Тверь слабѣе. Иванъ Михайловичъ не заявляетъ своихъ претензій ни на Владиміръ, ни на Новгородъ. Разъ только, будучи оскорбленъ униженіемъ своего имени въ договорной грамотѣ (на р. Плавѣ), онъ въ

досадѣ напоминаетъ Московскому князю о томъ, что и его предки, Тверскіе князья, бывали в. к. Владимірскими. Онъ даже не думаетъ пользоваться нашествіемъ Эдигея на Москву, подобно своему отцу, который возобновилъ свои притязанія на Владиміръ послѣ Тохтамышева нашествія; напротивъ того, Иванъ Михайловичъ,— боясь прогнѣвать Эдигея,— боится вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы не прогнѣвать и в. к. Московскаго. Иначе и не могъ дѣйствовать Иванъ Михайловичъ. У него не было такихъ средствъ, какъ у его отца. Если онъ и былъ въ союзѣ съ Литвой, то при другихъ обстоятельствахъ, нежели его отецъ. Сперва онъ былъ въ союзѣ съ Литвой за одно съ Москвой; потомъ онъ оставилъ этотъ союзъ, потому что и Москва порвала этотъ союзъ — даже помогалъ Москвѣ войсками противъ недавняго союзника, Витовта. Затѣмъ, оскорбленный князь (р. Плава) — скорѣе съ досады, нежели по политическимъ расчетамъ, — разрываетъ съ Москвой, — и все-таки боится даже прогнѣвать ея князя (во время нашествія Эдигея). Затѣмъ Иванъ Михайловичъ колеблется нѣсколько лѣтъ, заключаетъ союзъ съ Литвой, но этотъ союзъ никакой ему пользы не приноситъ; напротивъ того онъ самъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ посылать свои войска на помощь Витовту противъ Тевтонскихъ рыцарей. Василій Дмитріевичъ допускаетъ союзъ Твери съ Литвой: Московскій князь самъ со времени мира на р. Угрѣ не имѣлъ непріязненныхъ дѣйствій съ Витовтомъ какъ прежде, даже — какъ мы видѣли — въ концѣ своего княженія сближается съ Литовскимъ княземъ. Да и наконецъ самъ Иванъ Михайловичъ ищетъ родственной опоры при дворѣ Московскаго князя среди его боярства.

Что же касается до борьбы его съ Тверскими удѣльными князьями, то она вообще шла для него успѣшно. Онъ тѣснитъ удѣльныхъ князей безъ пощады, забираетъ себѣ ихъ удѣлы, сажаетъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Изгнанные князья не могутъ вернуть назадъ своихъ удѣловъ и при помощи орды, гдѣ какъ видно благоволятъ болѣе сильному и богатому Ивану Михайловичу. Иванъ Михайловичъ тѣснитъ братьевъ — и роднаго, и двоюроднаго — и племянника. Въ этомъ стремленіи усилиться на счетъ удѣльныхъ князей онъ поступаетъ также какъ и вообще всѣ великіе князья со своими удѣльными. Одинъ лѣтописецъ по поводу вообще всѣхъ тогдашнихъ усобицъ замѣчаетъ: «встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, тоже на брата своего, или на дядю, и бываетъ промежду ими вражда и непокореніе, гнѣвъ же и ярость, конечнѣ же рать, брань, сѣча бо и кровопролитіе, еже есть межусобная рать, межюусобица, промежу ими бываютъ. Воини, обои суще правовѣрніи Христіяне, сюду и овоюду, овіи по своемъ князи ратуютъ, желающе нетокмо дерзнути, но и умрети за своего князя, а друзіи съ другую сторону, такоже православніи суще воини, зѣло поборающе за своего князя волею и неволею стоять, хотяще и дрьзающе и главы своя положити за нь...... Мы же не токмо не полагаемъ душа своя за ближняго, но изъ ближняго из-

влачимъ ю, хотяще изяти ю оружіемъ заколенія.» (904) Такъ дѣйствовали всѣ тогдашніе князья (сильные относительно слабыхъ)— такъ дѣйствовалъ и Иванъ Михаиловичь.

Таковы были дѣйствія одного изъ послѣднихъ Тверскихъ князей. Онъ иначе и дѣйствовать не могъ.

VIII.

Послѣднія времена независимости Тверскаго княжества. — Княженіе Бориса Александровича. — Заключеніе подъ стражу Василія Михайловича Кашинскаго. — Окончаніе борьбы съ удѣльными князьями. — Тѣсное сближеніе съ Литвой. — Ярославъ Александровичь, походъ въ Литву. — Поведеніе Твери относительно Московской усобицы. — Бѣгство в. к. Василія Васильевича Темнаго въ Тверь. — Договоръ Бориса Александровича съ Москвою. — Набѣгъ Тверскаго князя на Новгородскія владѣнія. — Вторичное пребываніе в. к. Василія Васильевича Московскаго въ Твери. — Обрученіе Іоанна Васильевича Московскаго съ Марьей Борисовной Тверской. — Помощь Тверскаго князя Московскому. — Уступка Ржевы и походъ на нея. — Договоръ Бориса съ Казиміромъ и Василіемъ Темнымъ. — Посланіе митрополита Іоны къ Тверскому епископу. — Княженіе Михаила Борисовича. — Договоръ съ Москвой. — Помощь Іоанну III противъ Новгорода и Золотой Орды. — Отъѣздъ изъ Твери въ Москву многихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. — Договоръ Михаила Борисовича съ Казиміромъ — Раззореніе Тверскаго княжества Московскими войсками. — Новый договоръ съ Москвой. — Новый отъѣздъ въ Москву Тверскихъ князей и бояръ. — Возобновленіе сношеній съ Литвой. — Походъ Іоанна III на Тверь. — Паденіе Твери. — Замѣчаніе о характерѣ дѣятельности двухъ послѣднихъ Тверскихъ князей, Бориса Александровича и Михаила Борисовича.

По смерти Ивана Михайловича сдѣлался в. княземъ его сынъ Александръ, который вскорѣ, чрезъ пять мѣсяцевъ, умеръ отъ начавшейся тогда въ Твери съ Ильина дня сильной моровой язвы, оставивъ наслѣдникомъ своимъ сына своего Юрія Александровича, княжившаго еще менѣе своего отца, именно скончавшагося чрезъ четыре недѣли по вступленіи на престолъ. Хотя послѣ Юрія остался сынъ Иванъ, однако не онъ сдѣлался в. княземъ, а его дядя, братъ Юрьевъ, Борисъ Александровичь. Дядя далъ племяннику городъ Зубцевъ. Источники не говорятъ, почему в. княземъ сдѣлался дядя, а не племянникъ, и какъ племянникъ уступилъ престолъ своему дядѣ—добровольно или послѣ борьбы. Источники молчатъ на счетъ того — была ли здѣсь такая же борьба между родственниками, какъ тогда начавшаяся въ Московскомъ княжествѣ — между Юріемъ Галицкимъ и Василіемъ Московскимъ. Но скорѣе должно допустить борьбу, если обратить вниманіе на то, какъ поступилъ Борисъ съ своимъ двоюроднымъ дѣдомъ, Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ.

Когда-то князь-изгнанникъ Иванъ Всеволодовичь Холмскій вернулся въ Тверь после смерти Михаила Александровича при наступленіи новаго княженія; такъ теперь по смерти Ивана Михайловича возвратился въ Кашинъ Василій Михайловичь, конечно надѣясь на наступленіе для себя времени болѣе счастливаго, нежели прежде — но онъ ошибся, потому что Борисъ приказалъ посадить его подъ стражу. (905) Затѣмъ уже о Василіи Кашинскомъ въ лѣтописяхъ не встрѣчается никакихъ извѣстій. Изъ лѣтописей и грамотъ не видно, назначалъ ли Борисъ Александровичь или его преемники особаго князя въ Кашинъ. Но въ нѣкоторыхъ грамотахъ Кашинъ упоминается особо наравнѣ съ Тверью, напр. при опредѣленіи рубежа въ договорныхъ грамотахъ съ в. князьями Московскими. Это означаетъ, что Кашинъ, хотя и не имѣлъ особаго князя, а все-таки считался городомъ значительнымъ.

Борисъ Александровичь болѣе не велъ внутренней борьбы съ удѣльными князьями: по крайней мѣрѣ въ источникахъ на этотъ счетъ мы ничего не находимъ. Борисъ Александровичь все свое вниманіе теперь обратилъ на отношенія къ Москвѣ и Литвѣ, на то какъ бы поддержать среди нихъ самостоятельность своего княжества. Въ Москвѣ тогда княземъ былъ малолѣтній Василій Васильевичь, у котораго начинается борьба съ дядею, Юріемъ Галицкимъ. Московскій князь долженъ былъ тогда думать о собственной своей защитѣ, а не о нападеніи на Тверь. Тверь также не нападаетъ на Москву, не принимаетъ стороны ея враговъ, не думаетъ о в. княженіи Владимірскомъ. Тверской князь надѣется сохранить свою самостоятельность примкнувши къ Литвѣ — старинной союзницѣ Твери. Впрочемъ не одна Тверь держалась тогда такой политики: въ одно время съ Тверскимъ княземъ поддались тогда Витовту также князья Рязанскій и Пронскій. (906)

Въ Августѣ 1427 г. Борисъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, (907) по которому обязывается быть съ Литовскимъ княземъ заодно, *при его сторонѣ*, и пособлять ему на всякаго безъ исключенія, за что Витовтъ, съ своей стороны, обязывается оборонять Бориса Александровича отъ всякаго, словомъ и дѣломъ (думою и помочью); въ великое княженіе Тверское, въ земли и въ воды, Витовтъ не вступается. Въ этомъ договорѣ, замѣчаетъ Соловьевъ, всего любопытнѣе то, что Тверской в. князь не позволяетъ Витовту никакаго вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ Тверскимъ князьямъ, — знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными. (908) Дядямъ моимъ, братьямъ моимъ, говоритъ Борисъ Александровичь, и племени моему — князьямъ быть въ моемъ послушаніи; я, князь великій Борисъ Александровичь, воленъ, кого жалую, кого казню, а моему господину дѣду, в. князю Витовту не вступаться; если кто изъ нихъ восхочетъ (перейдетъ) къ моему господину дѣду, в. к. Витовту съ отчиною, и моему господину дѣду, в. к. Витовту съ отчиною не принимать;

кто изъ нихъ пойдетъ къ моему господину дѣду, къ в. к. Витовту, то онъ отчины лишается, а въ отчинѣ его воленъ я в. князь Борисъ Александровичь, а моему господину дѣду в. князю Витовту не вступаться.» На счетъ же порубежныхъ владѣній постановлено слѣдующее: «А которыи мѣста порубежныи потягли будутъ къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Тферы: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому; а которыи мѣста порубежныи потягли будутъ ко Тферы, а подать будуть даивали къ Литвѣ или къ Смоленску: ино имъ и нынѣчы тягнути по давному, а подать давати по давному жъ.»

Въ силу этого договора Тверская рать, подъ начальствомъ воеводы Захарія Ивановича, ходила въ 1428 г. на Новгородъ съ Витовтомъ, (909) когда послѣдній взялъ съ Новгородцевъ значительный окупъ, сказавъ, что онъ беретъ это за то, что Новгородцы называли его измѣнникомъ и бражникомъ.

Въ 1429 г. Борисъ Тверской и Василій Московскій ѣздили къ Витовту, (910) который намѣревался короноваться вѣнцемъ королевскимъ и устроилъ знаменитый съѣздъ коронованныхъ лицъ со множествомъ вельможъ Польскихъ, Литовскихъ и Русскихъ.

По смерти Витовта (27 Окт. 1430 г.) Борисъ не прервалъ своихъ тѣсныхъ связей съ Литвой: онъ вступилъ въ родственный союзъ съ братомъ Ягайловымъ, в. княземъ Свитригайломъ Ольгердовичемъ, и помогалъ ему въ его борьбѣ съ Витовтовымъ братомъ, Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Въ 1430 г. Свитригайло женился на Тверской княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ, (женщинѣ набожной и имѣвшей на него большое вліяніе, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ) двоюродной сестрѣ Бориса Александровича. (911)

Въ начавшейся затѣмъ открытой борьбѣ Юрія Галицкаго съ Василіемъ Московскимъ, Борисъ Александровичь не принимаетъ участія, а оказываетъ таковое въ дѣлахъ Литовскаго княжества. Въ 1432 г. Борисъ послалъ свои войска, подъ начальствомъ своего брата Ярослава, на помощь Свитригайлу противъ Сигизмунда въ Литву, гдѣ онѣ и были разбиты въ Декабрѣ того же года; при чемъ былъ убитъ Семенъ Зобнинъ, бояринъ Ярославовъ. (912) При чемъ, судя по Твер. лѣтописи, въ этомъ походѣ кромѣ собственно Тверской рати была также и рать изъ удѣла Городецкаго, (сила Городецкаа, — кажется въ лѣтописи напрасно отдѣлены запятыми выраженія: *съ нимъ сила Городецкаа)* княземъ котораго не былъ ли Ярославъ.

Въ слѣдующемъ 1433 г. Борисъ Александровичь опять посылалъ войска на помощь Свитригайлу. (913) Даже и послѣ 1433 г. Борисъ посылалъ свои войска на помощь Свитригайлу; но въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, въ 1435 г., Свитригайло былъ разбитъ, а князь Ярославъ убитъ. (914) Борисъ заключилъ договоръ и съ Сигизмундомъ (915)

Между тѣмъ въ то время, какъ Борисъ принимаетъ участіе въ Литовскихъ дѣлахъ, его Тверь дѣлается убѣжищемъ недовольныхъ и изгнанныхъ.

Прежде другихъ, въ 1433 г., явился въ Тверь изъ Москвы бояринъ Иванъ Дмитріевичь Всеволожскій, дочь котораго была замужемъ за Юріемъ Ивановичемъ, дядею Бориса Александровича. Когда Иванъ Дмитріевичь ошибся въ своихъ расчетахъ на родственныя связи съ в. княземъ Василіемъ Васильевичемъ, то убѣжалъ изъ Москвы: онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію Галицкому, и потому кинулся сперва къ брату его Константину Дмитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, наслѣдственному сопернику Москвы: (916) но все это была уже старина, надъ которою самъ Всеволожскій такъ недавно посмѣялся въ ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться, могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію и былъ принятъ радушно. (917) Вскорѣ, въ томъ же году, Юрій пошелъ на племянника, разбилъ его на р. Клязьмѣ. Тогда Василій Васильевичь, спасаясь отъ дяди, убѣжалъ и съ матерью и съ женою въ Тверь. Борисъ Александровичь не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, онъ не захватилъ Василія Васильевича и далъ ему уѣхать въ Кострому. (918) Извѣстно, что Юрій, взявъ Москву, далъ Василью Васильевичу въ удѣлъ Коломну. «Князь великій же, Василій Васильевичь, пришедъ на Коломну, началъ звать къ себѣ людей отовсюду, и многіе собиралися къ нему; также князья, и бояре, и воеводы, и всѣ дворяне, и слуги начали откладываться отъ князя Юрія Дмитріевича за в. князя Василья Васильевича и пошли съ Москвы на Коломну безпрестанно отъ мала и до велика.» (919) Тогда Юрій возвратилъ Москву Василью Васильевичу. Въ слѣдующемъ 1434 г., послѣ вторичной побѣды Юрія надъ Васильемъ Васильевичемъ, въ Тверь прибѣжалъ (вмѣстѣ со своею матерью) кн. Иванъ Можайскій, который сперва держалъ сторону Василія, а потомъ перешелъ къ Юрію. (920) По смерти Юрія Галицкаго, его сынъ Василій Косой, разбитый Васильемъ Васильевичемъ, спасся бѣгствомъ въ Кашинъ, гдѣ онъ собралъ своихъ разсѣявшихся ратниковъ и ушелъ къ Вологдѣ. (921)

Такимъ образомъ Тверское княжество пока не принимало участія въ Московскихъ смутахъ. Оно до сихъ поръ служило какою-то нейтральною землею и для враговъ Василія и для самого в. к. Василія Васильевича: тѣ и другіе находятъ въ ней временное убѣжище. Но вотъ Свитригайло въ Литвѣ долженъ былъ уступить Сигизмунду, положеніе Сигизмунда оказывается непрочнымъ, а между тѣмъ оказывается, что все Московское княжество за Василія Васильевича. Тогда Борисъ Александровичь примыкаетъ къ Москвѣ и заключаетъ договоръ (между 1437—1440 годами) съ Московскимъ в. княземъ, причемъ сохраняетъ предъ нимъ равенство положенія, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, т. е. тѣмъ, что в. к. Московскій, будучи занятъ внутренними смутами, не имѣлъ возможности дѣйствовать наступательно

на Тверь. (922) Въ этомъ договорѣ Тверской князь называется братомъ Московскому князю. (923) Василій Васильевичъ обязывается не принимать въ даръ отъ Татаръ великое княженіе Тверское. Тверь и Москва обѣщаютъ быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Нѣмцевъ. Борисъ долженъ сложить цѣлованіе къ Сигизмунду и объявить ему, что теперь Тверь въ союзѣ съ Москвою. Безъ Тверскаго князя Московскій князь не можетъ заключать договора ни съ какимъ княземъ Литовскимъ. Въ концѣ договора Борисъ выступаетъ какимъ-то заступникомъ Новгорода противъ Москвы: «А съ Новымъ ти городомъ жити по старинѣ,» говоритъ Тверской князь. (924) Тѣмъ не менѣе, когда Василій II въ 1440 г. ходилъ на Новгородъ, то Борисъ Тверской далъ ему свои войска подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Александра Романовича и Карпа Федоровича, (925) и такимъ образомъ помогъ Василію II и раззорить владѣнія Новгородцевъ и взять съ нихъ значительный окупъ.

Неизвѣстно изъ-за чего самъ Борисъ въ 1444 г. пошелъ на Новгородъ войною. Можетъ быть это происходило только изъ одного желанія воспользоваться внутренними неурядицами Новгорода и пограбить его владѣнія. (926) (Походъ Василія на Новгородъ могъ разлакомить и Бориса.) Тверскія войска въ этомъ году повоевали пограничныя Новгородскія волости — Бѣжецкій Верхъ, Заборовье, всѣ Новоторжскія волости.

Въ слѣдующемъ году Тверской князь свой набѣгъ на Новгородъ повторилъ два раза. Сперва Борисъ напалъ зимою этого года и повоевалъ и пограбилъ 50 Новгородскихъ волостей, Бѣжецкихъ и около Торжка, и взялъ самый Торжокъ. Затѣмъ въ Августѣ того же года — вѣроятно обнадеженный прежнимъ успѣхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плѣномъ в. к. Василія у Татаръ — онъ вторично напалъ на Новгородскія владѣнія, взялъ опять Торжокъ, пограбилъ и разогналъ остатокъ людей, съ иныхъ взялъ окупъ, а товару Московскаго, Новгородскаго и Новоторжскаго свезъ въ Тверь 40 павозковъ, изъ которыхъ нѣкоторые потонули съ товаромъ въ рѣкѣ. Такимъ образомъ Тверитяне въ два года повоевали 80 волостей въ Бѣжецкомъ Верху и по Заборовью. (927) И если теперь Тверь, съ давнихъ поръ не трогавшая Новгорода, болѣе слабая чѣмъ прежде, нападаетъ на Новгородъ и грабитъ его, то дѣлаетъ это успѣшно только потому, что Новгородъ былъ обезпокоиваемъ Нѣмцами, а еще болѣе внутренними раздорами. Можетъ быть Тверь во время этихъ набѣговъ даже захватила какія-либо пограничныя Новгородскія земли: въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1446 или 1447 г. (въ слѣдъ о которомъ говорится здѣсь же) какъ будто есть намекъ на это, ибо говорится, что Борисъ Александровичъ далъ старый рубежъ Новгородскимъ землямъ относительно Тверскихъ.

Кажется послѣ этой войны Бориса Александровича съ Новгородомъ была между ними заключена договорная грамота (въ 1446 или 1447 г.) (928). По крайней мѣрѣ такъ можно думать по нѣко-

торымъ выраженіямъ въ началѣ этой грамоты. Начинается она такъ: «А на семъ на всемъ, Господинъ к. в. Борисъ Александровичь, цѣлуй крестъ ко всему Великому Новгороду. А старый, Господинъ князь великій, рубежъ земли и водѣ дай промежду Тверью и Кашиномъ, и Новгородской отчинѣ, и Торжкомъ и Бѣжецкимъ Верхомъ; и к. в. Борисъ Александровичь далъ рубежъ земли и водѣ между своимъ в. княженьемъ Тверью и Кашиномъ, и между Новгородской отчиной, и Новоторжской земли и воды и Бѣжицкой, по в. князя грамотѣ Ивана Даниловича. А поцѣлуетъ крестъ к. в. Борисъ Александровичь къ В. Новгороду, а земли и водѣ дастъ старый рубежъ, по в. князя грамотѣ Ивана Даниловича; то дать к. в. Борису Александровичу своего боярина судьею на рубежъ, а Великому Новгороду дать своего боярина судьею на рубежъ: а тѣмъ судьямъ судить порубежныхъ людей, татей и разбойниковъ съ себѣ половины по крестному цѣлованью....... и т. д.» Борисъ Александровичь обязывается, по примѣру прежнихъ князей, что ни онъ, ни его братья и дѣти, и его княгиня, и ихъ бояре не будутъ Новгородскихъ селъ ни покупать, ни даромъ принимать, и не будутъ также держать закладчиковъ. Если кто изъ Новгородцевъ или Новоторжцевъ начнетъ жить въ Твери, или въ Тверскомъ княженьи, или въ Кашинѣ, то земля ихъ къ Новгороду, а к. в. Борису Александровичу она не надобна; или если кто изъ Тверитянъ начнетъ жить въ Новгородѣ или въ Торжкѣ, то земля ихъ к. в. Борису Александровичу, а Новгороду она не надобна.

Вскорѣ Тверь должна была принять участіе и въ Московской смутѣ. Когда Василій Васильевичь освободился изъ Татарскаго плѣна, то Дмитрій Шемяка, отъискивая себѣ сторонниковъ противъ него, хотѣлъ склонить и Тверскаго князя на свою сторону. Онъ попытался его запугать. Шемяка послалъ сказать Борису Александровичу, будто Василій Васильевичь обязался отдать хану все Московское княжество, а себѣ взять Тверь. Въ нѣкоторыхъ источникахъ говорится, будто Тверской князь, услышавъ такую новость, испугался и принялъ сторону враговъ Московскаго князя. (929) Ходилъ ли тогда такой слухъ въ народѣ, или самъ Шемяка придумалъ такое обвиненіе, но только едвали такому нелѣпому слуху могъ повѣрить Тверской князь? Въ Тверской лѣтописи и намека на это нѣтъ. (930) (Никто бы тогда и не повѣрилъ въ такую силу Татаръ.) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ даже говорится, будто Василій Васильевичь былъ ослѣпленъ (1446 г.) по распоряженію не только князя Можайскаго и Шемяки, но что въ этомъ принималъ участіе также и Тверской князь. (931) Съ этимъ также нельзя согласиться. Если бы дѣйствительно Тверской князь принималъ въ этомъ участіе, то онъ бы не сблизился такъ скоро съ Василіемъ Темнымъ, какъ мы увидимъ это далѣе. Ослѣпленнаго в. князя сослали въ Угличь; затѣмъ Шемяка далъ Вологду в. князю. Изъ Вологды Василій Темный, побывавъ въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, отправился въ Тверь, о чемъ онъ предварительно сослался съ Борисомъ Александровичемъ. (932) Если Борисъ и Василій чрезъ до-

вѣренныхъ людей вели переговоры, то конечно тутъ шли и переговоры объ условіяхъ, на которыхъ Борисъ обѣщалъ свою помощь Василію. Положеніе Бориса въ то время было довольно выгодное. Онъ былъ изъ князей значительныхъ, — и если его старался, хотя и безуспѣшно, склонить на свою сторону Шемяка, — то теперь когда къ нему обратился и Василій, безъ сомнѣнія Борисъ могъ предложить ему условія такія, какія на то время и при тѣхъ обстоятельствахъ казались ему болѣе выгодными, и Московскій князь долженъ былъ поневолѣ согласиться. Въ противномъ случаѣ Московскій князь могъ опасаться, что Тверской князь перейдетъ на сторону его враговъ. И конечно еще до прибытія Василія Темнаго въ Тверь, между князьями было рѣшено, что сынъ Василіевъ, Іоаннъ, женится на Маріи, дочери Бориса. Борисъ Александровичь съ большимъ почетомъ принялъ Василія Темнаго у себя въ Твери, поднесъ ему дары; затѣмъ послѣдовало обрученіе семилѣтняго Іоанна Васильевича съ Марьей Борисовной. Въ Тверь теперь также пришли многіе сторонники Василія Темнаго. (933) Съ Тверскими полками Василій пошелъ на Шемяку. Хотя въ пользу Василія начинаютъ дѣйствовать и другіе союзники (кн. Василій Ярославичь Серпуховскій, кн. Семенъ Оболенскій, Басенокъ, Татары и др.), тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что союзъ Твери долженъ былъ ускорить счастливый оборотъ дѣлъ въ пользу Василія Темнаго. Люди толпами бѣжали отъ Шемяки. Угличь задержалъ передъ собою Василія Темнаго цѣлую недѣлю, но и этотъ городъ сдался послѣ того, какъ Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ Василій въ слѣдъ затѣмъ вступилъ въ Москву, а Борису Александровичу уступилъ Ржеву. (934)

Но Ржеву нужно было еще завоевать. Ржевичи затворились у себя въ городѣ. Борисъ Александровичь самъ пошелъ ко Ржевѣ, три недѣли билъ городъ пушками; наконецъ Ржевичи сдались, добили ему челомъ, и Борисъ Александровичь «пожаловалъ, городъ Ржеву взялъ, да посадилъ своихъ намѣстниковъ Василія Константиновича и Льва Измайлова.» (935) Такое сопротивленіе въ Ржевичахъ Тверскому князю можетъ показывать въ нихъ съ одной стороны нежеланіе войдти въ составъ Тверскаго княжества, а съ другой — стремленіе, тогда проявившееся и свойственное другимъ Русскимъ землямъ — не отдѣляться отъ Москвы, а соединиться съ нею.

Но Ржевой хотѣлъ владѣть также король и в. к. Литовскій Казиміръ. Когда въ слѣдующемъ году зимою Борисъ пріѣхалъ во Ржеву со своей княгиней, то едва не попался въ плѣнъ, однако успѣлъ убѣжать въ близь лежащія Опоки; но одинъ изъ его намѣстниковъ, Левъ Измайловъ, былъ захваченъ со многими Тверитянами и Ржева занята Казиміромъ. (936) Тогда Борисъ заключилъ въ 1449 г. договоръ съ Казиміромъ, который возвратилъ ему Ржеву. По этому договору Борисъ и Казиміръ обязываются помогать другъ другу на всѣхъ безъ исключенія. «Если кто, говоритъ Борисъ, изъ братьи моей молодшей и князей служебныхъ (здѣсь

въ первый разъ упоминаются князья служебные въ Твери) отъѣдетъ къ тебѣ, королю Польскому и в. к. Литовскому, тотъ отчины своей лишенъ, а мнѣ в. князю не вступаться; если кто изъ князей служебныхъ отъѣдетъ отъ тебя короля Польскаго и в. к. Литовскаго ко мнѣ къ в. к. Борису, тотъ отчины своей лишенъ, а тебѣ королю и в. князю не вступаться; а боярамъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля.» (937) Въ томъ же году, (Авг. 1449 г.) Василій Темный заключилъ договоръ съ Казиміромъ, по которому они обязуются быть на всѣхъ за единъ; въ этомъ договорѣ также говорится, что Тверской князь находится въ сторонѣ Казиміра, а съ нимъ, съ Василіемъ, въ любви и докончаніи. «А к. в. Борисъ Александровичъ Тверской, говорится въ договорѣ, и со своими братьями и братаничами *въ твоей* (Казиміра) *сторонѣ*, а со мною съ в. к. Васильемъ въ любви и докончаніи........ А съ Новгородцами в. к. Борису жить по старинѣ........ и митрополитъ на кого помолвитъ (въ случаѣ несогласія судей по какому либо дѣлу), помолвитъ ли на Новгородца, а не исправится, а ему послать ко мнѣ, къ в. к. Василью, и мнѣ то оправить; а помолвитъ ли на Тверитина, а не исправится, и ему послать къ тебѣ, королю и в. к. Казиміру, и тебѣ то оправить.» (938)

Но въ 1453 или 1454 г. Тверской князь опять заключилъ договоръ съ княземъ Московскимъ. (939) Они взаимно обязываются не принимать отъ Татаръ — съ одной стороны Тверь и Кашинъ, а съ другой Москву и Новгородъ Великій; быть вмѣстѣ на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ, и вообще на всякаго недруга. «А что отъ тебя отступилъ к. Иванъ Можайскій, да князь Иванъ, сынъ Дмитрія Шемяки, или который другой братъ тебѣ сгрубитъ; и мнѣ в. князю Борису, и моимъ дѣтямъ, и моимъ младшимъ братьямъ къ себѣ ихъ не принимать, а быть намъ съ тобою на нихъ за одно и съ твоими дѣтьми.» Такое же обязательство принимаетъ на себя в. к. Василій относительно тѣхъ, которые сгрубятъ в. к. Борису, или его сыну Михаилу, или его меньшимъ дѣтямъ. «А кто моихъ (Борисовыхъ) князей служебныхъ къ тебѣ отъѣдетъ, въ тѣхъ ти отчину не вступатися, кого ми Богъ поручилъ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоей братьи молодшей. А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля.» Подобное же обязательство и со стороны Василья Васильевича. Оба князя обязываются взаимно заботиться о женѣ и дѣтяхъ того князя, который раньше умретъ. Въ этихъ взаимныхъ договорахъ в. князья Тверской и Московскій называются братьями относительно другъ друга. «А пойдутъ, брате, на насъ (т. е. на Бориса Александровича) Литва, или Ляхове, или Немци; и тебѣ, брате, къ намъ на помочь самому всѣсти на конь и съ своею братьею молодшею въ правду безъ хитрости. А которой ти братъ надобѣ оставити, а кормъ взяти, а не користоватися ни чемъ.» Подобное же обязательство и со стороны Бориса Александровича. (940)

По этимъ договорамъ Бориса съ Казимиромъ и съ Васильемъ можно заключать, что Борисъ въ то время былъ въ какомъ-то

колебаніи: примкнулъ было на время къ Литвѣ изъ-за Ржевы, а когда укрѣпилъ Ржеву за собой отъ Казимира, то опять принялъ сторону Москвы.

Года за два до подписанія договора съ Москвой, Борисъ скрѣпилъ свой союзъ съ Василіемъ Темнымъ: въ 1452 г. его дочь Марья Борисовна вышла замужъ за Ивана Васильевича Московскаго. (941)

Такъ какъ Борисъ породнился съ Московскимъ княземъ, а передъ тѣмъ помогалъ ему войсками, то Шемяка не могъ расчитывать на помощь Твери, и въ 1453 г., предъ побѣгомъ въ Новгородъ, напалъ на Кашинъ, города не взялъ, а посады пожегъ. (942)

Когда Иванъ Можайскій заключалъ договоры съ Васильемъ Васильевичемъ, то обѣ стороны брали порукою Бориса Александровича, супруга котораго к. Настасья была родной сестрой Ивана Можайскаго. (943) Она умерла 1451 г. (944) Въ 1453 г. Борисъ Александровичь вступилъ во второй бракъ, (945) отъ котораго онъ имѣлъ сына Михаила, родившагося въ томъ же году и потомъ вступившаго на престолъ, и Александра, родившагося въ 1455 г. и тогда же умершаго. (946)

Замѣчаютъ слѣдующее объ участіи митрополита Іоны въ отношеніяхъ Твери и Москвы: (947)

Въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому епископу о томъ, чтобы тотъ убѣдилъ своего князя подать помощь великому князю Василію противъ Татаръ. «Благословляю тебя, пишетъ митрополитъ епископу: чтобы ты сыну моему в. к. Борису Александровичу говорилъ, и билъ челомъ и докучалъ твердо, *по своему святительскому долгу*, чтобы онъ послалъ своихъ воеводъ къ в. к. Василію Васильевичу на безбожныхъ, ибо самъ ты знаешь, что если в. к. Василій Васильевичь получитъ надъ ними верхъ, то это будетъ *общее добро обоихъ великихъ государей* и *всего нашего православнаго* христіанства.» Такъ духовенство старалось тогда поддержать сознаніе общихъ Русскихъ выгодъ. (948)

Великій князь Борисъ Александровичь скончался 1461 года 10 Февраля. (949) Послѣ него вступилъ на престолъ его осмилѣтній сынъ Михаилъ Борисовичь. (950) И не смотря на малолѣтство новаго князя, Михаила Борисовича, его двоюродный братъ, Иванъ Юрьевичь Зубцевскій, не споритъ съ нимъ о престолѣ.

Великіе князья Тверскіе привели въ свою волю удѣльныхъ князей своего княжества, но уже приближалось время для Твери, что и ее самое долженъ былъ взять себѣ Московскій князь. Удѣльные князья Тверскіе предпочитаютъ лучше быть въ службѣ болѣе сильнаго и богатаго князя Московскаго, чѣмъ подъ рукою своего великаго князя Тверскаго. Такъ къ Московскому князю выѣхалъ изъ Твери Холмскій князь Даніилъ Дмитріевичь. (951)

Однако Тверь пока еще находится въ прежнихъ отношеніяхъ къ Москвѣ—по видимому въ положеніи равенства, но конечно это равенство было равенство призрачное. Такъ когда въ Москвѣ всту-

пилъ на престолъ Іоаннъ III, женатый на сестрѣ Михаила Борисовича, то въ 1462 г. были заключены двѣ договорныя взаимныя грамоты между Москвою и Тверью, въ которыхъ Михаилъ Борисовичь называется братомъ Іоанну III. (952) Въ силу этихъ договоровъ положительно охранялось право Тверскаго князя надъ его землею. Не въ характерѣ Іоанна III было безъ нужды раздражать сосѣда, жившаго на перепутьи между Москвою и Новгородомъ. (953) Эти грамоты подобны прежнимъ договорнымъ грамотамъ Москвы и Твери. Такъ оба князя взаимно обѣщаютъ не принимать отъ Татаръ — одинъ домъ Св. Спаса, а другой Москву и Новгородъ, быть за одно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ, и вообще на всякаго недруга; каждый изъ нихъ обѣщаетъ не принимать къ себѣ недруговъ другаго; рубежъ Твери и Кашину, Москвѣ и Новгороду по старому; если которыя земли и воды отошли отъ Твери и Кашина, отъ Москвы и Новгорода со временъ Василія Дмитріевича Московскаго и Ивана Михайловича Тверскаго, тѣмъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны; каждый князь не вступается въ отчины тѣхъ служебныхъ князей, которые къ нему отъѣдутъ отъ другаго; (954) боярамъ и слугамъ вольнымъ воля и т. д.

Тверскому князю не пришлось просить помощи у Москвы, но самъ онъ посылалъ свои войска на помощь Іоанну III, по первому его требованію, въ его двухъ походахъ на Новгородъ.

Въ первомъ походѣ 1471 г. Тверская рать была подъ начальствомъ двухъ воеводъ, князя Юрія Андреевича Дорогобужскаго и Ивана Никитича Жито; (955) во второмъ походѣ 1477 г. подъ начальствомъ воеводы кн. Михаила Федоровича Микулинскаго, впрочемъ при войскѣ былъ и самъ в. к. Михаилъ Борисовичь. (956) Когда во второмъ походѣ Іоаннъ III шелъ на Новгородъ и доѣхалъ до Волока, то сюда къ нему Тверской князь выслалъ своего сына боярскаго, именемъ Хидырщика, *отдавать кормы по своей отчинѣ;* на первый же станъ отъ Волока въ Лотошино Михаилъ Борисовичь послалъ кн. Андрея Борисовича Микулинскаго встрѣтить Іоанна III и звать его къ себѣ «хлѣба ѣсти.» (957) Такимъ образомъ Тверь помогла Москвѣ покорить Новгородъ, своего стариннаго врага.

Точно также Тверской князь помогъ Москвѣ уничтожить Монгольское иго: Тверскіе полки были и на р. Угрѣ подъ начальствомъ двухъ воеводъ, кн. Михаила Дмитріевича Холмскаго и кн. Іосифа Андреевича Дорогобужскаго. (958)

Тверской князь былъ въ зависимомъ положеніи отъ Москвы: по первому требованію Москвы онъ посылаетъ ей на помощь свои полки. Вмѣстѣ съ тѣмъ не видно, чтобы Тверской князь жаловался Московскому на то, что на службу въ Москву уходятъ изъ Твери многіе бояре и дѣти боярскіе. Конечно, по договору они имѣли право отъѣхать, но все же этого явленія, занесеннаго по своей важности въ лѣтопись, мы не должны оставлять безъ вниманія. (959) Такъ послѣ перваго Новгородскаго похода, изъ Твери

(въ Маѣ 1476 г.) отъѣхали въ Москву многіе бояре и дѣти боярскіе: Григорій Никитичь, Иванъ Жито (должно быть братъ предъидущаго), Василій Даниловъ, Василій Бокѣевъ, три Карповича, Дмитрій Киндыревъ и «иные многіе», прибавляетъ лѣтопись. (960)

Пока Михаилъ Борисовичь былъ еще очень молодъ и Новгородъ не былъ покоренъ, то онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія Московскаго князя и переносилъ отъѣзды множества бояръ и дѣтей боярскихъ въ Москву. Но вотъ Новгородъ былъ присоединенъ къ Москвѣ и Тверь такимъ образомъ охвачена Московскими владѣніями; самъ же князь уже возмужалъ. Онъ видѣлъ, что и до него скоро дойдетъ очередь — отказаться отъ своего княжества, которое войдетъ въ составъ Московскихъ владѣній. Михаилъ Борисовичь дѣлаетъ попытку сопротивленія. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ обращается за помощью къ Литвѣ. Онъ заключилъ въ 1483 г. договоръ съ Казимиромъ, королемъ Польскимъ и в. к. Литовскимъ. Тверской князь обѣщаетъ свою помощь Казимиру противу всѣхъ его враговъ, за что съ своей стороны выговариваетъ у Казимира также себѣ помощь противу всѣхъ своихъ враговъ безъ исключенія. Вообще этотъ договоръ съ Казимиромъ заключенъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ были заключены прежніе договоры съ Москвой. Тверской князь хотѣлъ сохранить самостоятельность Твери въ союзѣ съ Литвой, оставаясь въ такомъ же положеніи относительно ея, въ какомъ прежде былъ относительно Москвы. (961) Кромѣ того Михаилъ Борисовичь, для болѣе тѣснаго сближенія съ Казимиромъ, сталъ хлопотать о бракѣ съ внучкой послѣдняго. (962)

Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то послали войска, которыя и раззорили Тверское княжество. Какъ Казимиръ не помогъ Новгородцамъ и Ахмату, точно также онъ не пришелъ на помощь и Михаилу. Михаилъ Борисовичь своими средствами не могъ бороться съ Москвой, а между тѣмъ помощь, на которую онъ расчитывалъ, не являлась, и потому поневолѣ онъ послалъ къ Ивану Васильевичу владыку «и доби ему челомъ на всей воли его.» Іоаннъ, по своей осторожной политикѣ, не присоединилъ сразу Тверь къ Москвѣ, но далъ ей сперва миръ на такихъ условіяхъ, на какихъ ему было угодно. (963) Были заключены двѣ взаимныя договорныя грамоты, которыя во многомъ отличаются отъ прежнихъ. (964) Въ нихъ Михаилъ Борисовичь отказывается отъ равенства съ Московскимъ княземъ и называется младшимъ братомъ не только Ивану Васильевичу, но и его сыну, Ивану Ивановичу, и приравнивается удѣльному Андрею Васильевичу; (965) обязывается имѣть общихъ враговъ и друзей съ Иваномъ Васильевичемъ; отказывается отъ союза съ королемъ Казимиромъ, не имѣетъ права посылать къ нему пословъ безъ вѣдома и думы Московскаго князя; если Казимиръ пришлетъ своего посла въ Тверь, то объ этомъ должно дать знать Московскому князю; Михаилъ Борисовичь не имѣетъ права посылать пословъ въ орду безъ позволенія Московскаго князя; въ соблюденіи договора цѣлуетъ крестъ в. к. Михаилъ Борисовичь вмѣстѣ со своимъ братомъ молодшимъ Михаиломъ Дмитріевичемъ

(Холмскимъ). Кромѣ того въ Соф. II лѣтописи сказано, что было заключено еще условіе такого рода: «а что назоветъ князь великій (Іоаннъ III) земель своими землями и Новоторжскими, то тѣ земли князю великому.» (966) Вѣроятно Тверь хотѣла получить себѣ вознагражденіе за помощь Москвѣ въ ея походахъ на Новгородъ на счетъ земель послѣдняго и думала себѣ присвоить Новоторжскія губы, но Москва не захотѣла подѣлиться.

Послѣ этого, въ 1485 г., еще два князя оставили Тверское княжество и перешли въ Московскую службу: князь Андрей Микулинскій, которому Иванъ Васильевичь далъ Дмитровъ, и кн. Іосифъ Дорогобужскій получившій отъ Ивана Васильевича Ярославль. Въ слѣдъ за ними отъѣхали къ Московскому князю многіе Тверскіе бояре. (967) Хотя въ послѣднемъ договорѣ, какъ и въ прежнихъ, было сказано, что «если которые земли и воды отошли отъ Москвы и Новгорода, или отъ Твери и Кашина, тѣмъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны,» но какъ видно это условіе не выполнялось съ Московской стороны. Въ той же Соф. II лѣтописи (968) разсказывается слѣдующее: «Тогда же бояре *всѣ* Тверскіе пріѣхали служить в. князю на Москву, не терпя обидъ отъ в. князя, потому что много было обидъ о земляхъ отъ в. князя, и отъ бояръ, и отъ его дѣтей боярскихъ: если гдѣ межи сошлись съ межами, то гдѣ не изобидятъ Московскіе боярскіе дѣти, то пропало, а гдѣ Тверичи изобидятъ, то князь великій съ поношеніемъ и съ угрозами посылаетъ къ Тверскому, а отвѣтамъ его не вѣритъ и суда не даетъ.»

Въ такомъ положеніи Тверской князь возобновилъ свои сношенія съ Литвой. Но въ Москвѣ зорко слѣдили за Михаиломъ Борисовичемъ: былъ перехваченъ Тверской гонецъ съ грамотами къ королю. Иванъ Васильевичь сталъ укорять Михаила Борисовича. Тверской князь послалъ въ Москву владыку Вассіана бить челомъ, но в. князь не принялъ его челобитья; тогда были посланы кн. Михаилъ Дмитріевичь Холмскій, (969) (имя котораго упоминается и въ договорныхъ грамотахъ съ Москвой вмѣстѣ съ именемъ Михаила Борисовича) (970) Василій Даниловичь и Дмитрій Никитичь Чередъ, но в. князь и на глаза къ себѣ ихъ не пустилъ, а сталъ собирать войско. Иванъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ на Тверь 21 Авг. 1486 г. Приказано было также и Новгородцамъ съ бояриномъ Яковомъ Захарьичемъ идти на Тверь. При Московскомъ войскѣ былъ и Аристотель съ пушками, тюфяками и пищалями. Сентября 8 Московское войско подошло къ Твери, 10-го зажжены были посады, 11-го пріѣхали изъ Твери къ в. князю въ станъ князья и бояре Тверскіе (коромольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ) и били ему челомъ въ службу. Тогда же ночью Михаилъ Борисовичь «видя свое изнеможеніе» взялъ свою казну и убѣжалъ изъ Твери «съ малою дружиною» въ Литву. Сентября 12 пріѣхали къ в. князю Тверской владыка Вассіанъ, происходившій изъ Московскихъ бояръ, князь Михаилъ Холмскій съ братьею и съ сыномъ, и другіе князья и бояре, и земскіе люди,

и отворили городъ. Иванъ Васильевичь велѣлъ жителей привесть къ присягѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «отъ своей силы беречь, чтобы ихъ не грабили.» Послѣ того 15 Сент. Иванъ Васильевичь самъ пріѣхалъ въ Тверь, слушалъ обѣдню у Спаса. Великій князь Московскій Иванъ Васильевичь многихъ князей и бояръ Тверскихъ свелъ на Москву, (а владыку Вассіана съ Твери не свелъ, замѣчено въ Твер.) а Тверію пожаловалъ сына своего в. князя Ивана Ивановича. Намѣстникомъ же въ Тверь былъ назначенъ бояринъ Василій Федоровичь Образецъ Добрынскій. (971) Іоаннъ Васильевичь Тверскихъ бояръ «и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и далъ имъ свои грамоты на ихъ вотчины. Такимъ образомъ Тверскіе бояре увидѣли всю выгоду быть Московскими боярами: теперь ихъ уже не могли какъ прежде обижать Московскіе бояре и дѣти боярскіе. (972)

Нѣкоторые лѣтописцы говорятъ, что Іоаннъ взялъ Тверь измѣною боярскою. (973)

О князѣ Михаилѣ Холмскомъ и о матери Михаила Борисовича имѣемъ слѣдующія извѣстія: «Тояжь зимы (1487 г.) поима к. великій князя Михаила Холмскаго и въ заточеніе на Вологду посла за то, что отступилъ князя своего Михайла Тферскаго, и цѣлававъ ему крестъ, измѣнилъ, а в. князю на него лгалъ, рекучи: Не добрѣ вѣрити тому, кто Богу лжетъ. Повелѣ же и княгиню Тферскую, матерь княже Михаилову, поимати про то, что пыталъ у нее отсаженія (отъ саженія) и каменія драгаго, и она рекла: сынъ мой все увезъ съ собою въ Литву; а потомъ служащіи ей жонки сказаша, что хочетъ сынови послати, и наидоша у нея отсаженія и каменія драгаго, золота и сребра много, и посла ю князь великій въ заточеніе въ Переславль.» (974) Впрочемъ, что касается князя Михаила Холмскаго, то не слѣдуетъ ли это мѣсто лѣтописи считать испорченнымъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичь Холмскій за одно съ Михаиломъ Борисовичемъ цѣловалъ крестъ въ соблюденіи послѣднихъ договорныхъ грамотъ, и если эти грамоты, это цѣлованіе креста были нарушены Михаиломъ Борисовичемъ, то значитъ были нарушены и Михаиломъ Холмскимъ, который конечно зналъ о возобновленныхъ Михаиломъ Борисовичемъ сношеніяхъ съ Литвой, оставался при немъ до послѣдней минуты и только тогда явился къ Іоанну III, когда Михаилъ Борисовичь убѣжалъ въ Литву. Михаилъ Борисовичь успѣлъ спастить бѣгствомъ, Михаилъ Холмскій попался въ руки в. к. Московскаго, который его теперь и наказалъ за нарушеніе тѣхъ условій, въ вѣрности соблюденія которыхъ онъ прежде самъ цѣловалъ крестъ.

Самъ же Михаилъ Борисовичь, пришедши въ Литву, просилъ помощи у Казимира, но получилъ отказъ, о чемъ король и извѣщалъ Іоанна III. Послѣ того Михаилъ Борисовичь куда-то уѣзжалъ, вернулся, былъ въ Краковѣ, получалъ отъ короля поминки, а также получилъ отъ короля нѣкоторыя села. (975)

Въ Несвижскомъ замкѣ показываютъ портретъ молодой жен-

щины въ Русскомъ платьѣ: преданіе говоритъ, что это дочь изгнанника князя Тверскаго, вышедшая замужъ за одного изъ Радзивиловъ. (976)

Въ 1491 г. в. к. Иванъ Васильевичь послалъ Тверскую землю писать *по Московски въ сохи*, а писалъ Тверь князь Өедоръ Алабышъ, а Старицу Борисъ Кутузовъ, а Зубцевъ да Опоки Дмитрій Пѣшковъ, а Клинъ Петръ Лобанъ Заболотцкой, а Холмъ и Новый Городокъ Андрей Карамышевъ, а Кашинъ Василій Карамышевъ. (977)

Что же можно сказать о времени двухъ послѣднихъ Тверскихъ князей, о Борисѣ Александровичѣ и Михаилѣ Борисовичѣ? Борисъ Александровичь жилъ въ такое время когда, казалось, онъ легко могъ бы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Василія Темнаго для своего собственнаго усиленія на счетъ Москвы, но онъ этого не дѣлаетъ. (Какъ весь народъ сжился съ тою мыслью, что великими князьями *всея Руси* могутъ быть только собственно Московскіе князья, а не Галицкіе или какіе бы то ни было другіе, такъ точно на основаніи того же взгляда и Тверской князь не добивается чести быть старшимъ вел. княземъ). Какъ къ Василію Васильевичу въ Коломну пошли князья, бояре, воеводы и другіе— чѣмъ вообще и выразилось сочувствіе Московскаго населенія Василію Васильевичу, такъ и самъ Тверской князь отчасти является—невольно, въ слѣдствіе обстоятельствъ—выразителемъ такого настроенія общества. Онъ не вступаетъ въ союзъ ни съ Юріемъ Галицкимъ, ни съ Василіемъ Косымъ, (978) ни съ Дмитріемъ Шемякой, онъ не захватываетъ Василія Васильевича тогда, когда тотъ бѣгствомъ спасается въ Тверь. Если и допустить, что Борисъ Александровичь помогъ одно время Василію Косому, то онъ ему помогъ оружіемъ, конями и платьемъ, но не ратниками. Борисъ Александровичь сперва было сближается съ Литвой, но потомъ самъ же ищетъ опоры въ Москвѣ, выдаетъ свою дочь замужъ за Іоанна Васильевича и даетъ Василію Темному свои войска. Тверское духовенство, по указанію митрополита, должно было *по своему святительскому дому* также стараться о томъ, чтобы Тверской князь помогалъ Московскому. Михаилъ Борисовичь также помогаетъ Москвѣ; его князья, бояре и дѣти боярскіе отъѣзжаютъ не въ Литву, но къ Московскому князю, а когда Михаилъ Борисовичь увидѣлъ надъ своей головой приближающуюся грозу и захотѣлъ опереться на Литву противу Москвы, то тогда—волей неволей—еще большее число князей, бояръ, дѣтей боярскихъ ушло въ Москву же. Тогда только Михаилъ Борисовичь увидѣлъ свое *изнеможеніе*, не захотѣлъ самъ подчиниться Москвѣ и убѣжалъ къ Казимиру. Какъ многіе Новгородцы были выселены изъ своей земли, такъ теперь Иванъ Васильевичь многихъ Тверскихъ князей и бояръ свелъ въ Москву.

IX.

Замѣтки о внутреннемъ состояніи Тверскаго княжества. — Іерархія, церкви и монастыри. — Жалованныя грамоты монастырямъ. — Управленіе, органы управленія. — Доходы князя. — Пошлины. — Служилое сословіе. — Выѣзжіе служилые люди. — Тысяцкіе въ Твери. — Замѣчаніе о происхожденіи дѣтей боярскихъ — Служебные и удѣльные князья — Право отъѣзда. — Черные люди. — Закладни. — Вѣроятность существованія житьихъ людей во Твери. — Опустошенія Тверскаго княжества и придивъ населенія. — Замѣчаніе о монетѣ.

Когда Тверь образовала особое самостоятельное княжество, то при первомъ же своемъ князѣ Ярославѣ Ярославичѣ, она составила и особую епископію. Тверскіе епископы иногда бывали посредниками между Тверскими князьями, во время ихъ споровъ и усобицъ. Здѣсь мы не будемъ говорить о томъ, какъ они принимали участіе въ подобныхъ политическихъ дѣлахъ, потому что объ этомъ говорилось и раньше въ надлежащихъ мѣстахъ. Здѣсь мы представимъ только списокъ Тверскихъ іерарховъ, съ нѣкоторыми краткими замѣчаніями (на сколько позволяютъ источники) о нихъ. Первымъ Тверскимъ епископомъ (впрочемъ, неизвѣстно съ какого года) былъ блаженный Симеонъ, котораго лѣтописи называютъ «преподобнымъ епископомъ», чѣмъ показываютъ въ немъ подвижническую, святую жизнь; въ рукописныхъ Святцахъ онъ поставленъ между святыми русской церкви. (979) По свидѣтельству лѣтописи, онъ былъ добродѣтеленъ, силенъ въ книгахъ божественнаго писанія, безъ боязни говорилъ правду князьямъ, за слабыхъ и обижаемыхъ заступался, былъ страшенъ «всѣмъ неправду творящимъ.» (980) Такой характеръ Симеона очерчивается и въ извѣстномъ разговорѣ его съ полоцкимъ княземъ Константиномъ. «Константинъ, кн. Полоцкій, нарицаемый Безрукій, у себя на пиру желая укорить своего тіуна, сказалъ епископу предъ всѣми: владыко, гдѣ быть тіуну на томъ свѣтѣ? Епископъ Симеонъ отвѣчалъ: тамъ же, гдѣ и князю. Князю это не понравилось и онъ сказалъ епископу: тіунъ судитъ не право, беретъ мзду, продаетъ и мучитъ людей, дѣлаетъ все лихое, а я что дѣлаю? Епископъ сказалъ ему: если князь — добръ и богобоязненъ, жалѣетъ людей, любитъ правду и потому избираетъ тіуномъ или какимъ волостелемъ человѣка добраго и богобоязненнаго, исполненнаго страха божія, разумнаго, праведнаго, дѣлающаго все и судъ творящаго по закону Божію, то князь будетъ въ раю и тіунъ въ раю. Если же князь безъ страха Божія, не жалѣетъ христіанъ, не милуетъ сиротъ, не заботится о вдовицахъ, и поставляетъ тіуномъ или какимъ нибудь волостелемъ человѣка злаго, не боящагося Бога, закона Божія не знающаго и суда не разумѣющаго, только бы доходъ князю доставлялъ (товара добывалъ), а людей не щадящаго, точно бѣшеный человѣкъ, бросившійся на людей съ мечемъ въ ру-

кахъ и получившій отъ князя волость, чтобы губить людей, то и князь будетъ въ аду и тіунъ съ нимъ въ аду. Говорю вамъ царямъ, князьямъ и намѣстникамъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте многихъ отъ рукъ сильныхъ. Богатые обижаютъ ихъ и они къ вамъ притекаютъ какъ къ защитникамъ благимъ. Вы же цари, князья и намѣстники, подобны дождевой тучѣ, истекающей надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды. Вы тѣмъ даете и помогаете, у которыхъ много золота и серебра, а не тѣмъ, которые не имѣютъ ни пенязя; бѣдныхъ порабощаете, а богатыхъ надѣляете.» (981) Тверскому владыкѣ принадлежали различныя волости, какъ напр. церковная волость Олешна (по Ник. Олешка), ограбленная Литовцами въ 1286 г. (982)

При Симеонѣ въ 1285 г. на мѣстѣ сломаннаго каѳедральнаго храма Св. Козьмы и Даміана (въ которомъ былъ погребенъ Ярославъ Ярославичь) былъ заложенъ каменный соборный храмъ Спаса Преображенія. (983) Кажется, это была первая каменная церковь въ Твери; по крайней мѣрѣ ни откуда не видно, чтобы ранѣе этого года во Твери была построена каменная церковь. (984) Такимъ образомъ создался во Твери патрональный храмъ, святиня Твери, по имени котораго и самая Тверь называлась — домъ Св. Спаса. Пока строился каменный соборъ, Симеонъ внутри его создалъ въ 1287 г. временную деревянную церковь Св. Спаса, въ которой и совершалъ божественную службу. (985) Святитель скончался 1289 г., (986) и былъ погребенъ въ созданномъ имъ храмѣ, который впрочемъ былъ уже оконченъ послѣ его смерти и освященъ въ 1290 г. его преемникомъ епископомъ Андреемъ. (987) Въ 1292 г. была подписана иконописцами *церковь соборная: Святый Спасъ во Твери.* (988) Въ этомъ храмѣ въ 1319 г. былъ погребенъ погибшій въ ордѣ в. к. Михаилъ Ярославичь. Онъ былъ погребенъ «посторонь преподобнаго епископа Симеона.» Такимъ образомъ въ Тверскомъ каѳедральномъ храмѣ были рядомъ погребены князь и епископъ, оба—знаменитые дѣятели своего времени. Въ послѣдствіе времени въ этой же церкви были погребены погибшіе въ ордѣ, в. к. Александръ Михайловичь и его сынъ Ѳедоръ.

Преемникомъ Симеону на епископскую каѳедру, по желанію в. к. Михаила Ярославича и его матери в. к. Ксеніи, былъ посвященъ митрополитомъ Максимомъ Андрей изъ игуменовъ общаго монастыря Пречистой Богородицы. Епископъ Андрей былъ сынъ Литовскаго князя Герденя. (989) При этомъ епископѣ въ Твери въ одинъ годъ (1297 г.) была построена и освящена церковь Св. Афонасія. (990) Въ 1300 г. Андрей сопутствовалъ митрополиту Максиму и Ростовскому епископу Симеону въ Новгородъ и Псковъ, гдѣ участвовалъ съ нимъ вмѣстѣ въ поставленіи новаго архіепископа Новгороду и Пскову. (991) Когда умеръ митрополитъ Максимъ и назначенъ былъ новый митрополитъ, Св. Петръ, то Андрей, увлекшійся однимъ распространившимся тогда еретическимъ ученіемъ, оклеветалъ Петра, почему и былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ, куда долженъ былъ явиться Андрей для оправданія. (992)

Въ 1315 г. Андрей оставилъ епископію и удалился въ монастырь, (993) а на его мѣсто св. митрополитъ Петръ поставилъ Варсунофія. (994) Въ лѣтописяхъ не сказано, чтобы Андрей оставилъ епископію по своей волѣ, по какой либо причинѣ, напр. по нездоровью, по немощи или по чему либо другому; такъ что можетъ быть Андрей принужденъ былъ оставить епископію по требованію своего князя Михаила Ярославича, который думалъ этимъ угодить митрополиту Петру и такимъ образомъ склонить его на свою сторону или загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на митрополита клеветой Андрея. При епископѣ Варсунофіи во Твери была воздвигнута (въ 1323 г.) каменная церковь во имя Св. Ѳеодора, которую построилъ и украсилъ одинъ игуменъ, извѣстный подъ именемъ Ивана Цареградца или Цареградскаго — вѣроятно прозваннаго такъ по тому что бывалъ въ Цареградѣ. (995) Варсунофій умеръ въ 1327 г. (996)

Чрезъ три года, въ 1330 г., епископомъ Твери былъ поставленъ Ѳеодоръ, (997) который черезъ 10 лѣтъ и умеръ, именно въ 1341 г. (998) Его преемникомъ былъ епископъ съ именемъ также Ѳеодора, неизвѣстно въ какомъ году посвященный (впрочемъ вѣроятно тогда же когда умеръ Ѳеодоръ I). Этотъ епископъ Ѳеодоръ II въ Тверскомъ соборномъ храмѣ Преображенія Господня «сотвори двѣри мѣденыя.» (999) Не говорится, чтобы эти двери были сдѣланы иностранными мастерами: значитъ ихъ дѣлали свои собственные Тверскіе мастера. (1000) Онъ же «подписалъ олтарь во святѣмъ Спасѣ во Твери.» (1001) При немъ же поставленъ былъ «крестъ золоченъ на церкви Св. Спаса, таже потомъ на св. Дмитріи и на св. Введеніи.» (1002) Онъ же сдѣлалъ мѣдныя двери «у церкви Св. Спаса отъ своего двора,» (1003) «въ соборной церкви Св. Спаса намости дно мраморено,» (1004) «подписалъ малую церковь Введеніе Пречистыя Богородицы.» (1005) Въ 1357 г. епископъ Ѳеодоръ хотѣлъ было отказаться отъ владычества «нестроенія ради князей Тверскихъ» во время усобицы Всеволода Холмскаго съ дядей Василіемъ Кашинскимъ. Но митрополитъ Алексѣй уговорилъ Ѳеодора не оставлять епископской каѳедры. (1006) Этотъ же епископъ Ѳеодоръ былъ поборникъ независимости Русской Церкви отъ Литовскаго митрополита и не хотѣлъ отлагаться отъ Московскаго митрополита Алексѣя. Когда въ Тверь пріѣзжалъ митрополитъ Романъ, поддерживаемый Литовскимъ княземъ, то Ѳеодоръ не хотѣлъ видѣться съ нимъ и «*ни чести ему коея даде.*» (1007) Въ 1359 г. Ѳеодоръ оставилъ епископію и удалился въ Отрочь монастырь, (1008) гдѣ и умеръ въ 1366 г. и былъ погребенъ въ малой церкви Введенія, тамъ же гдѣ и владыка Андрей. (1009) Къ этому епископу Ѳеодору II писалъ Новгородскій архіепископъ Василій (до монашества Григорій Калѣка, поставленъ въ архіепископы 1330; † 1352 г. Новг. I, 75, 85: воспитатель в. к. Михаила Александровича Тверскаго) свое извѣстное посланіе о земномъ раѣ. Въ то время въ Твери, какъ видно изъ посланія, возникла распря о томъ — существуетъ ли еще на землѣ рай на-

саждённый Богомъ для Адама на востокѣ въ Эдемѣ, или уже не существуетъ болѣе рай земной, а только мысленный. Θеодоръ придерживался того мнѣнія, что рай на землѣ не сохранился болѣе. Василій возстаетъ противъ такого мнѣнія епископа Θеодора и прочихъ Тверичей. Онъ приводитъ различныя доказательства въ пользу того, что на Востокѣ еще сохранился насажденный Богомъ для Адама земной рай, а на Западѣ адъ. Въ числѣ своихъ доказательствъ онъ приводитъ и разсказы какихъ-то Новгородцевъ (Моислава съ сыномъ Яковомъ) нашедшихъ мѣсто святаго рая: вѣтеръ долго носилъ ихъ судно по морю и принесъ къ высокимъ горамъ, на которыхъ находится рай. — Неизвѣстно, на сколько убѣдительно подѣйствовало на Тверитянъ это посланіе Василія (1010).

Преемникъ Θеодора II Василій, (1011) бывшій игуменъ Спасскій, (1360 — 1372) по порученію митрополита (по митрополичью благословенію) судилъ кн. Михаила Александровича съ князьями Василіемъ Михайловичемъ и Еремѣемъ Константиновичемъ за удѣлъ кн. Семена Константиновича и оправилъ князя Михаила. Тогда потерпѣвшіе князья позвали владыку Василія въ Москву на судъ къ митрополиту за то, что онъ будто бы судилъ не по правдѣ объ удѣлѣ князя Семена. Владыка долженъ былъ ѣхать въ Москву и понесъ большіе убытки. Кромѣ того въ войнѣ, въ слѣдъ затѣмъ начавшейся, его церковныя волости были раззорены войсками Московскими и Кашинскими. (1012) Василій умеръ въ 1372 г. (1013)

Преемникомъ Василія былъ Евфимій Висленъ, (1373 — 1390) поставленный въ епископы въ 1373 г. (1014) Въ 1382 г. былъ позолоченъ верхъ у Св. Спаса во Твери (Тв. 441). О раздорѣ этого владыки съ Михаиломъ Александровичемъ было сказано въ своемъ мѣстѣ при описаніи княженія этого князя.

Преемникомъ Евфимія былъ Св. Арсеній Чудотворецъ (1390—1409), по происхожденію Тверитянинъ, инокъ Кіево-Печерской Лавры, изъ архидіаконовъ посвященный въ епископы Тверскіе митр. Кипріаномъ по желанію кн. Михаила Александровича, хотя Св. Арсеній самъ сперва упорно отказывался. «Блаженный Арсеній болѣе всего боялся смутъ и раздоровъ княжескихъ и боярскихъ, отъ которыхъ положеніе Тверскаго архипастыря дѣйствительно бывало невыносимо тяжелымъ; участь Евфимія, ставшая печальною всего болѣе отъ столкновенія не совсѣмъ опредѣленныхъ правъ князя и епископа по церковно-гражданскимъ дѣламъ, также оскорбляла блаж. Арсенія.» (1015) Первосвятитель Кипріанъ любилъ блаженнаго святителя, три раза вызывалъ его въ Москву для соборныхъ совѣщаній. (1016) Арсеній постригъ Михаила Александровича. Арсеній возобновилъ каѳедральный Спасскій соборъ, (1017) для котораго въ 1403 г. слитъ былъ колоколъ в. княземъ Иваномъ Михайловичемъ, (1018) освятилъ каменные храмы архангела Михаила въ Микулинѣ и въ Новомъ городкѣ, во имя Св. Николая во Твери. (1019) Въ 1406 г. «во Твери подписаша церковь Св. Архистратига на горкѣ» (Ник. IV, 317). Въ 4 верстахъ отъ Твери

на р. Тмакѣ онъ построилъ храмъ въ честь преп. Антонія и Θеодосія, поставилъ кельи, пригласилъ иноковъ и избралъ для нихъ игумена. Это было въ 1394 г. Этотъ монастырь извѣстенъ подъ именемъ Успенскаго Желтикова монастыря. (1020) Съ того времени онъ часто проживалъ здѣсь, занимаясь богомысліемъ, молитвами и трудами пустынника. Въ 1404 г. Святитель основалъ и въ слѣдующемъ году освятилъ въ любимой обители своей каменный храмъ въ честь Успенія Богоматери (1021)—новое напоминаніе о близкой къ душѣ его Печерской обители. Въ Февр. 1409 г. блаженный Арсеній сильно заболѣлъ. Марта 1 Тверской князь съ братьями, дѣтьми и боярами пришелъ къ одру болящаго святителя, надъ нимъ совершено было елеосвященіе; ночью постоянно находились при немъ 10 черноризцевъ. Онъ преставился 2 Марта 1409 г. (1022) и погребенъ въ любимомъ имъ Желтиковомъ монастырѣ. (1023) Русская литература обязана блаженному Арсенію древнѣйшей редакціей Патерика Печерскаго, сдѣланной въ 1406 г. и отличающейся простотою въ своемъ составѣ, древностію языка и надлежащимъ помѣщеніемъ статей, безъ всякой перестановки оныхъ, какъ принадлежатъ онѣ своимъ сочинителямъ. (1024)

Перечислимъ слѣдующихъ преемниковъ Арсенія на епископской каѳедрѣ, про которыхъ иногда даже неизвѣстно, когда они начали епископствовать или сколько лѣтъ были владыками.

Въ 1411 г. митрополитъ Фотій пришелъ въ Тверь и поставилъ Антонія епископомъ. (1025) Въ 1421 г. во Твери была заложена 1 Іюня, вмѣсто старой, новая каменная церковь въ монастырѣ, во имя Св. Θеодора Тирона, а 5 Окт. того же года и освящена. (1026) Но въ 1446 г. Борисъ Александровичь «разорилъ монастырь св. вел. страстотрьпца Феодора Тирона, и поставилъ городъ, архимандритію перевелъ къ Св. Григорію Богослову и церковь поставилъ Св. Феодора.» (1027)

По случаю освященія въ Твери въ 1438 г. каменной церкви Св. Бориса и Глѣба (строилась 3 года) упоминается епископъ Илія, (1028) изъ иноковъ Желтикова монастыря. Къ этому епископу Ильѣ писалъ митрополитъ Іона, побуждая его уговаривать своего князя подать помощь в. к. Василію противъ Татаръ. (1029) Въ 1452 г. заложена, а въ 1455 г. окончена каменная церковь Арх. Михаила. Епископъ Илья умеръ 30 Дек. 1457 г. (1030) и вмѣсто него поставленъ епископомъ 29 Янв. 1458 г. Моисей, (1031) изъ архимандритовъ Отроча монастыря. Сохранилась грамота митрополита Іоны къ этому Тверскому епископу Моисею съ подтвержденіемъ прибыть къ нему, въ Москву, по важнымъ дѣламъ Церкви, (1032) причемъ митрополитъ упрекаетъ Моисея въ томъ, что онъ, Іона, уже дважды писалъ къ нему, призывая его въ Москву, по важнымъ церковнымъ дѣламъ, и тотъ все-таки не пріѣхалъ. Можетъ быть такая медленность Моисея была причиною, что его въ 1461 г. заточили въ Отрочь монастырь, и вмѣсто него поставили епископомъ Геннадія Кожу (1033) изъ архимандритовъ Отроча монастыря. До насъ дошли: настольная грамота еп. Геннадію отъ

22 Марта 1461 г. (1034); его же присяжная (Мартъ 1461) грамота при поставленіи (1035) и соборная грамота ему же (отъ 31 Марта 1461) о кончинѣ митрополита Іоны и о пріѣздѣ въ Москву на поставленіе преемника его, Ѳеодосія архіепископа Ростовскаго. (1036) Геннадій умеръ въ 1477 г. (1037)

Преемника ему назначили въ Москвѣ, — и даже не видно, чтобы спрашивали согласія в. к. Тверскаго на это избраніе (6 Дек. 1478 г.), — именно священноинока архимандрита Вассіана, сына знаменитаго Московскаго боярина и воеводы князя Ивана Васильевича Стриги Оболенскаго. (1038) Вассіанъ встрѣчалъ Іоанна, когда тотъ вступалъ побѣдителемъ въ Тверь. Тверская лѣтопись (стр. 500) замѣчая, по поводу взятія Твери, о томъ, что в. к. Іоаннъ многихъ Тверскихъ князей и бояръ свелъ на Москву, прибавляетъ «а владыку Вассіана съ Твери не свелъ.»

Кромѣ тѣхъ монастырей и церквей, которые упомянуты при перечисленіи Тверскихъ іерарховъ, въ Тверскомъ княжествѣ было еще много другихъ, такъ напр. Макарій Колязинскій пришелъ изъ Клобукова монастыря. Затѣмъ въ дозорныхъ книгахъ 1614 г. называются монастыри, существовавшіе конечно ранѣе: 1) Монастырь Благовѣщенскій, Большіе Перемѣры, на р. Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки. 2) Егорьевскій монастырь, Меньшіе Перемѣры. 3) Въ городѣ Твери, за соборною церковью, за алтаремъ былъ монастырь Аѳанасьевскій (въ которомъ, какъ мы видѣли, постригся Михаилъ Александровичь). 4) Въ Твери былъ монастырь Михайловскій. 5) Монастырь Михаиловскій на р. Шошѣ. 6) Церковь Рождество Пресв. Богородицы, что на Городнѣ, соборная церковь, да придѣлъ Іоанна Предтечи, каменная, строенье в. к. Бориса Александровича Тверскаго. А въ церквахъ образа и всякое строенье церковное в. к. Бориса Тверскаго. 7) Погостъ Городище на Шошѣ, а въ немъ храмъ Николая Чудотворца. (1039) Безъ сомнѣнія были еще другіе церкви и монастыри, изъ которыхъ нѣкоторые упоминаются въ жалованныхъ грамотахъ, таковы напр. монастыри приписные (зависѣвшіе) къ Отрочу монастырю: Воскресенскій за Волгою, Богородицкій на Бору, Спасскій во Зьзехъ, Воскресенскій и Богородицкій на р. Шошѣ, Воскресенскій въ Бардинскомъ на р. Шошѣ, Богородицкій на Гостомлѣ. (1040)

Тверскіе монастыри, подобно монастырямъ другихъ княжествъ, надѣлялись въ силу жалованныхъ грамотъ своихъ князей привиллегіями, которыя состояли изъ различныхъ исключеній. Такія исключенія обыкновенно состояли въ освобожденіи монастырскихъ земель отъ княжескихъ даней, пошлинъ и повинностей и отъ суда княжескихъ чиновниковъ, права и обязанности которыхъ переходили въ такомъ случаѣ на тѣ лица, въ пользу которыхъ установлялось исключеніе. Сумма привиллегій жалуемыхъ монастырю бывала одинакова съ привиллегіями даруемыми частному лицу. Жалованныя грамоты преобладаютъ въ XIV, XV вв. (1041)

До насъ дошло только четыре грамоты, пожалованныя Тверскимъ монастырямъ ихъ князьями, а именно: двѣ Отрочу мона-

стырю, одна Кашинскому женскому Срѣтенскому монастырю и одна Колязину монастырю на Сергѣевское село.

Обѣ грамоты Отрочу монастырю даны отъ имени в. князей Тверскихъ и удѣльныхъ Тверскихъ «по одиному слову со отци своими съ владыкою Ѳедоромъ и со владыкою съ Васильемъ» (въ одной грамотѣ)....... «съ владыкою Ильею» (въ другой грамотѣ). (1042) Онѣ даются Отрочу монастырю и его приписнымъ монастырямъ (Архимандриту Святое Богородици и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнуть къ Св. Богородици Отрочью монастырю, Въскресенье за Волгою и др.). Люди монастырскіе (т. е. церковнослужители, причетники, крестьяне) въ силу этихъ грамотъ освобождаются отъ всѣхъ даней, пошлинъ и повинностей (ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмьничее, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волостемъ....... не надобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи ни старосты атъ ихъ не займаютъ ни про что; въ другой грамотѣ прибавлено еще *ни бобровое*). Княжескіе намѣстники и волостели и разные княжескіе слуги не имѣли права ѣздить на монастырскія земли, ни посылать зачѣмъ либо къ монастырскимъ людямъ, которые зависятъ только отъ одного архимандрита. Если архимандритъ перезоветъ инокняженцевъ на монастырскія земли (изъ зарубежья во отчину нашю, на землю Святое Богородици, или кого въ городѣ посадитъ во Тфѣри и въ Кашинѣ), то они также пользуются этими привиллегіями; но запрещается (прибавлено во второй грамотѣ) перезывать людей тутошнихъ, волостныхъ на монастырскія земли. Княжескіе намѣстники и волостели не судятъ монастырскихъ людей, даже въ случаѣ разбоя, душегубства или татьбы; судить ихъ (и дворянъ давать) можетъ только одинъ монастырскій тіунъ. Если же смѣшаются судомъ монастырскіе люди съ волостными, то въ такомъ случаѣ судитъ «монастырскій тіунъ съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими (т. е. княжескими судьями), а прибытокъ имъ на полы.» Такимъ образомъ Отрочу монастырю давалось не только освобожденіе отъ всѣхъ даней, пошлинъ и повинностей, но и полное освобожденіе отъ княжескаго суда. Но при всѣхъ этихъ привиллегіяхъ Тверской монастырь со своими приписными не освобождался отъ чрезвычайной дани, дани неминучей Татарамъ (по второй грамотѣ), но и въ такомъ случаѣ эту дань собираетъ и даетъ самъ архимандритъ, а князь не посылаетъ за нею къ монастырскимъ людямъ: «придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а немочно будетъ его опровадити, ино тогды архимандритъ съ тѣхъ сиротъ (т. е. крестьянъ) пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку Тверскими кунами; а намъ и тогды не послати къ монастырскимъ людемъ ни по что.» (1043) Въ концѣ грамоты (именно второй) заключается угроза наказанія и въ настоящей и въ будущей жизни тому, кто нарушитъ эту грамоту.

Подобная же жалованная грамота дана была в. к. Тверскимъ

Борисомъ Александровичемъ Кашинскому Срѣтенскому женскому монастырю (1435—1461) на имя игуменьи Ѳедотьи съ сестрами. (1044) Въ силу этой грамоты Срѣтенскій монастырь получалъ также полное освобожденіе отъ княжескихъ даней, пошлинъ, повинностей и суда; только грамота эта составлена короче нежели грамоты Отрочу монастырю (...... и тѣмъ ихъ сиротамъ ненадобѣ ни дань, ни ямъ, никоторые пошлини и дѣла мои В. Князя; а намѣстникомъ, ни волостелемъ, на ихъ люди пристава не давати, ни судити, и тіуномъ и доводчикомъ къ нимъ не въѣзжати). (1045) Точно также, подобно Архимандриту Отроча монастыря, игуменья Ѳедотья судитъ своихъ монастырскихъ людей даже и въ татьбѣ съ поличнымъ, въ разбоѣ и душегубствѣ; если сплетется монастырскій человѣкъ съ городскимъ или съ волостнымъ, то игуменья судитъ вмѣстѣ съ княжескимъ намѣстникомъ или волостелемъ, и смотря по тому кто будетъ виноватъ — монастырскій человѣкъ или волостной «монастырьской человѣкъ монастырю и въ винѣ и въ посулѣхъ, а волостной волостелю.» Точно также и Срѣтенскій монастырь, подобно Отрочу, не освобождается отъ дани неминучей: «А придетъ моя дань В. Князя неминучая, и игуменья сберетъ сама дань съ тыхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ.»

Есть еще одна грамота (прежде 1461 г.) в. князя Тверскаго Бориса Александровича Колязину монастырю на Сергѣевское село, но это собственно не жалованная грамота, а скорѣе запродажная запись: въ ней в. к. Борисъ Александровичь объявляетъ, что онъ пожаловалъ игумена Макарья Колязинскаго съ братьею — продалъ имъ за 10 рублей да за 10 воловъ село Сергѣевское Молявина и съ деревнями, и съ пустошами, и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу издавна потягло. (1046)

Тверскіе князья Борисъ Александровичь и Михаилъ Борисовичь предоставили различныя льготы въ своемъ княжествѣ также монастырямъ — Троицкому Сергіеву и Кирилло-Бѣлозерскому. (1047)

Внутреннее устройство и управленіе Тверскаго княжества, судя по сохранившимся чертамъ, были таковыя же, какъ и другихъ Русскихъ княжествъ.

Мы имѣемъ три лѣтописныхъ извѣстія о вѣчахъ въ Тверской землѣ. Въ 1293 г. Тверичи, во время отсутствія в. к. Михаила Ярославича, цѣловали между собою крестъ, чтобы биться съ Татарами, — что безъ сомнѣнія Тверичи порѣшили на вѣче. Когда Юрій и Кавгадый опустошали Тверское княжество и собирались перейти на лѣвый берегъ Волги, то «мужи Кашинцы» соединились съ Тверичами и пошли противъ Юрія. Когда Шевкаловы Татары стали обижать Тверичей и у нихъ началась драка, то Тверичи помимо воли князя «сташа вѣчіемъ.» Но здѣсь указываются исключительные случаи дѣятельности вѣча, а потому и нельзя дѣлать выводовъ о какихъ либо особенныхъ отношеніяхъ князя къ вѣчу въ Тверской землѣ.

Князь самъ завѣдывалъ всѣми дѣлами своего княжества, т. е. управленіемъ, судомъ, финансами и военными дѣлами.

Лѣтопись, описывая послѣдніе дни жизни Михаила Александровича, замѣчаетъ, что бояре и князья пришли къ нему для *градикаго управленія.* (1048)

У князя были помощники, высшіе и низшіе, по различнымъ вѣтвямъ управленія. Въ жалованныхъ грамотахъ Тверскихъ князей (впрочемъ самая ранняя изъ жалованныхъ грамотъ Тверскому Отрочу монастырю, напечатанная въ А. А. Э. I, № 5, не восходитъ ранѣе второй половины XIV в.) называются различные княжескіе чиновники для управленія, суда, сбора дани, торговыхъ пошлинъ и для наблюденія за исправленіемъ различныхъ повинностей.

Въ грамотахъ (1049) перечисляются слѣдующіе чиновники: намѣстники, волостели, судьи, тіуны, пристава, доводчикъ, старосты, сотскіе, дворскіе, дворянинъ, посельскіе, ямщики, писцы, подлазчикъ, бобровникъ, данники, таможникъ, мытники (или мытчики), заказщики, гостинники, пошлинники, ѣзовщики.

Грамоты различаютъ городскихъ и волостныхъ людей: намѣстники (1050) управляли городомъ съ его городскими жителями, а волостели волостью съ ея волостными жителями (а городской человѣкъ или волостной намѣстнику или волостелю въ винѣ и правдѣ, грам. № 79). Иногда въ одинъ городъ назначалось двое намѣстниковъ, какъ напр. въ Ржеву. Не видно, чтобы намѣстники и волостели подчинялись другъ другу; они зависѣли только отъ князя. Намѣстники, какъ видно, завѣдывали и военною частью: такъ напр. во время войны съ Дмитріемъ Донскимъ былъ убитъ Тверской намѣстникъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ Никифоръ Лычь; Ржевскіе намѣстники, Тверитяне Василій Константиновичь и Левъ Измайловъ, не могли отстоять Ржеву отъ Ляха Станислава и убѣжали отъ него. (1051) Кашинскій намѣстникъ бояринъ Иванъ Яковлевичь Киньдиръ защищалъ городъ отъ Шемяки. (1052)

Намѣстникъ и волостель назначался княземъ, но въ свою очередь не только князь, но и намѣстникъ и волостель могли назначать тіуновъ, а тіуны какъ и намѣстники и волостели могли давать приставовъ. (1053) Тіунамъ, сколько извѣстно, принадлежала только одна судебная власть, (1054) и безъ сомнѣнія въ Твери, какъ и въ другихъ русскихъ княжествахъ, они назначались изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже изъ рабовъ. (1055) Пристава призывали отвѣтчика къ суду. Упоминается доводчикъ. (1056)

Намѣстники и волостели завѣдывали крупными подраздѣленіями княжества, городами и волостями; болѣе же мелкими, — селами, деревнями и т. п., — завѣдывали старосты и сотскіе, которые были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновниками. (1057) Сотскіе и старосты, судя по грамотамъ, (1058) должны были наблюдать за исполненіемъ различнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, какъ напр. постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, нарядъ подводъ для княжескихъ ѣздоковъ, сборъ и взносъ кормовъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ чиновникамъ, косьба княжескаго сѣна и т. п.

Дворскіе (или дворецкіе, вѣдавшіе дворъ князя, его имущество, хранившіе княжескія пошлины и дани, выдававшіе ихъ по назначенію князя. Сергѣев. 377) въ грамотахъ, (1059) при исправленіи своихъ обязанностей, упоминаются заурядъ съ сотскими и старостами: на этомъ основаніи можно заключить, что ихъ обязанности были одинаковы съ обязанностями старостъ и сотскихъ, но только въ отношеніи къ князю. Они заявляли старостамъ и сотскимъ о княжескихъ надобностяхъ, наблюдали за исполненіемъ повинностей съ ихъ стороны и получали отъ нихъ необходимое для князя.

Въ грамотахъ упоминаются еще слѣдующія лица: дворянинъ — вѣроятно въ родѣ пристава, могъ быть изъ рабовъ; (1060) посельскій занимался хозяйственнымъ управленіемъ въ деревняхъ князя, наймомъ работниковъ и пр., иногда участвовалъ въ судѣ; (1061) данники (или даньщики), собиравшіе дань; ямщики; писцы, описывавшіе лица и земли, имъ принадлежавшія, повинности, на нихъ лежавшія, различныя угодья, вообще разное имущество и состояніе подданныхъ, какое могло имѣть вліяніе на обложеніе ихъ налогами и повинностями; (1062) подлазчикъ, завѣдывавшій пчеловодствомъ и въ особенности выниманіемъ меда изъ ульевъ и бортныхъ деревьевъ; (1063) бобровникъ. (1064)

Доходы Тверскаго князя, какъ и другихъ князей, состояли изъ дани, судебныхъ и торговыхъ пошлинъ, и разнаго рода повинностей, отправляемыхъ въ пользу ихъ жителями.

Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самого князя. Для сбора даней и пошлинъ назначались имъ особые чиновники. Вотъ какіе изъ нихъ упоминаются въ Тверскихъ жалованныхъ грамотахъ: данники (собиравшіе всякаго рода дань), таможники (конечно собиравшіе тамгу), мытники или мытчики (безъ сомнѣнія собиравшіе мытъ), закащики или заказники, гостинники (вѣроятно собиравшіе пошлину за складъ товаровъ въ какихъ либо гостиныхъ дворахъ), и вообще всѣ пошлинники; къ числу пошлинниковъ можно, кажется, отнести и ѣзовщиковъ. (1065) Если ѣзовщиками или езовниками (1066) назывались люди, занимавшіеся ловлею рыбы для князя, то также могли называться и тѣ пошлинники, которые собирали ѣзовое или езовое.

Князья въ своихъ жалованныхъ грамотахъ обращаются къ мытникамъ и вообще къ различнымъ сборщикамъ пошлинъ и называютъ ихъ своими, т. е. княжескими: «И вы бъ *мои* мытники Дубенскіе, и Кашинскіе, и Скнятинскіе, и Жабенскіе таможники, и заказщики, и гостинники, и ѣзовщики, и всѣ пошлинники.» (1067) Отсюда, т. е. изъ такого обращенія князя слѣдуетъ, что всѣ пошлинники назначались самимъ княземъ и зависѣли только отъ него, а не отъ какихъ либо мѣстныхъ правителей. (1068)

Въ жалованныхъ грамотахъ Тверскихъ князей не упоминаются нѣкоторыя другія должностныя лица, бывшія въ другихъ княжествахъ, напр. казначеи, ключники, дьяки. Судя по аналогіи съ другими русскими землями, они должны были быть и въ Тверской, но только не было случая назвать ихъ въ грамотахъ.

Доходы князя состояли изъ дани, повинностей и разнаго рода пошлинъ торговыхъ и др. (1069) (Здѣсь не будетъ говориться о судебныхъ пошлинахъ.)

Въ жалованныхъ грамотахъ Тверскихъ князей встрѣчается слово *дань* безъ дальнѣйшаго опредѣленія; оно, какъ видно, употреблялось въ довольно обширномъ значеніи и означало прямыя подати. (Но слово *податъ* въ грамотахъ Тверскихъ князей не встрѣчается). Кромѣ дани обыкновенной была еще дань чрезвычайная, которая называлась *неминучей*, о которой упоминалось, какъ мы видѣли, въ жалованныхъ грамотахъ Тверскому Отрочу монастырю и Кашинскому Срѣтенскому.

Затѣмъ въ грамотахъ встрѣчаются названія слѣдующихъ повинностей и различнаго рода пошлинъ.

Ямъ — возникъ изъ повинности давать подводы; села и деревни, удаленныя отъ линіи сообщеній, кажется платили денежный сборъ.

Подвода. Повинность давать подводы состояла въ томъ, что по волѣ князя, въ его княжествѣ, каждый обязанъ былъ (по дѣламъ управленія) доставлять на своихъ лошадяхъ, куда прикажутъ, все, что поручалось — древнѣйшая повинность натурой.

Кормъ — повинность, неразлучная съ подводою, прокармливать, вообще содержать княжескихъ чиновниковъ.

Косить боръ в. князя — повинность, отъ которой князь иногда освобождалъ своими жалованными грамотами.

Дѣло княже, дѣло мое в. князя, дѣла мои в. князя — подъ которымъ нельзя разумѣть одной какой либо опредѣленной повинности, а исправленіе нѣсколькихъ.

Служба — встрѣчается въ грамотахъ безъ объясненія; вѣроятно обнимала собою также отправленіе нѣсколькихъ повинностей, какъ и *дѣла в. князя*.

Сторожевое. Сторожа были необходимы въ войскѣ, на охотѣ; сторожевое, т. е. денежная плата замѣнившая собою натуральную повинность.

Медовое, бобровое, ѣзовое (езовое) — натуральныя повинности, которыя могли быть переводимы и на деньги. (1070)

Писчее — бралось за записку пятнаныхъ лошадей въ книгу.

Тамга или торговая пошлина, введенная въ Россію Татарами, бралась съ цѣны товара. (Въ договорѣ Василія I съ Михаиломъ Алексадровичемъ, А. А. Э. I, № 14, читаемъ: «а тамгы и осмничего отъ рубля алтынъ.» Въ договорѣ в. к. Тверскаго Михаила Борисовича съ Іоанномъ III, С. г. г. д. I, № 88, тоже въ томъ же размѣрѣ).

Осьмничее (называется въ различныхъ грамотахъ и восмничее, восменичее, восмичее и т. д.) — торговая пошлина, бравшаяся подобно тамгѣ съ цѣны товара. (1071) Бѣляевъ (крест. на Р. 47) замѣчаетъ, что *осминничее* платилось *кажется* съ получаемаго отъ земли хлѣба.

Мыто. Слово *мыто* означало и таможню, и пошлину, собирае-

мую съ торговыхъ людей. Брали не съ цѣнности, а съ количества товара. (Такъ Новгородцы уговариваются съ в. к. Тверскими платить мыта по 2 вѣкши съ воза и съ лодьи, и со хмѣльна короба, и со льняна.) По своей величинѣ, какъ видно, мыто равнялось пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ костки.

Костки. Пошлина съ торговыхъ людей, а не съ ихъ товаровъ. Величина этой пошлины кажется равнялась величинѣ мыта. (Въ А. А. Э. № 14, въ договорѣ Василія I съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ: «а на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка мортка.» Въ договорной грамотѣ Михаила Борисовича Тверскаго съ Іоанномъ III переведено (С. г. г. д. I, № 88) на другой счетъ: «А новыхъ мытовъ не замышляти, а на старыхъ мытѣхъ имати пошлина съ воза денга, а костокъ съ человѣка денга же.»)

Побережное — брали съ судовъ, пристававшихъ къ берегу.

Явленое (у Горбунова также явка) — пошлина платимая при предъявленіи товаровъ должностнымъ лицамъ на торгу. Не надобно смѣшивать *явку*, какъ таможенную пошлину, платимую при продажѣ или покупкѣ чего либо, съ явочными пошлинами, собираемыми напр. при объявленіи жалованныхъ грамотъ.

Пятеное (или у Арист. пятно) собирали за наложеніе тавра на проданную или промѣненную лошадь.

Съзорное (у Горб. также подзорное). Горбуновъ (Льготн. грам.) считаетъ чѣмъ-то въ родѣ промыта. (1072)

Конечно въ жалованныхъ грамотахъ Тверскихъ упоминаются не всѣ пошлины и повинности, которыя, судя по аналогіи съ другими русскими княжествами, должны были быть и въ Тверскомъ (напр. не упоминаются помѣрное, плошки, вѣсчее, контарное, рубить или ставить или дѣлать городъ, кормить княжаго коня и др.). Но что кромѣ выше исчисленныхъ были и другія пошлины и повинности — видно изъ того, что жалованныя грамоты Тверскихъ князей, перечисливши тѣ и другія пошлины и повинности, прибавляютъ, что жалуемые освобождаются также и отъ всѣхъ другихъ пошлинъ, отъ всякой тяготы, проторовъ и разметовъ. (1073)

Конечно, эти разнообразныя дани, пошлины и повинности тяжело ложились на народъ. Тягость же такая еще болѣе увеличивалась притѣсненіями должностныхъ лицъ: лѣтопись хвалитъ Михаила Александровича за то, что при немъ исчезли разбойники, тати, ябедники, корчемники, *мытари*, истребились *торговыя злыя тамги*, нигдѣ не было насилованія и грабежа. (1074)

Если одна сторона, бравшая пошлины, въ своихъ интересахъ желала ихъ увеличить, то за то другая сторона, платившая пошлины, была противъ ихъ возвышенія; оттого въ договорахъ Твери съ сосѣдями, т. е. съ Новгородомъ, Москвой и Литвой постоянно встрѣчается условіе, чтобы новыхъ мытовъ не замышлять, а брать прежнія пошлины по старинѣ. Слѣдствіемъ такого условія было то, что пошлины были довольно постоянны, что особенно замѣтно въ договорахъ съ Новгородомъ. Такъ въ своей первой намъ извѣст-

ной договорной грамотѣ съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ Новгородъ условливается, чтобы по его Ярославовой землѣ, и по всей Суздальской землѣ платить по двѣ векши съ воза и съ лодьи, также съ короба хмѣля и съ короба льна. (1075) Это условіе повторяется и въ послѣдующихъ договорахъ Новгорода съ Тверью. (1076) Если же гдѣ не встрѣчается такого условія, то вмѣсто него находится такая статья: «А што пошлины городьскыя во Тфѣри, и въ Новѣгородѣ, и въ Торъжьку, и въ Волоцѣ; а то по *давной пошлинѣ*. А гостю гостити съ обѣ половинѣ безъ рубежа.» «А въ Русѣ и въ Торжку имати у Тферичь *гостинное по старинѣ;* а во Тфери у Новгородцевъ и у Новоторжцевъ имати *гостинное и мытъ по старинѣ*. А гостю гостити всякому съ обѣ сторонѣ, путь чистъ безъ рубежа.» (1077) Или Дмитрій Донской, заключая договоръ съ Михаиломъ Александровичемъ, выговариваетъ для Новгорода: «А гостемъ и торговцемъ Новагорода Великаго и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безъ рубежа сквозѣ Тферь и Тферьскии волости; *а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти*, а мыта ти имати и пошлины *по старинѣ* у Новгородцевъ и у Новоторжцевъ.» (1078) До насъ не дошло договорныхъ грамотъ Новгорода съ послѣднимъ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ, но что и при немъ Новгородъ платилъ прежнія пошлины — можно заключить изъ того, что и въ своемъ договорѣ съ Іоанномъ III Новгородъ удерживаетъ старину и выговариваетъ себѣ по прежнему: «А что мытъ по Суздальской земли въ вашей волости, отъ воза имати по двѣ вѣкши, и отъ лодьи, и отъ хмелна короба, и ото лняна.» (1079)

Въ договорахъ Твери съ Москвой замѣтно то же стремленіе удержать старину относительно пошлинъ. Хотя условій о торговлѣ у Твери съ Москвой не встрѣчается ранѣе договора Михаила Александровича съ Дмитріемъ Донскимъ, но и въ этомъ договорѣ вспоминается о старинѣ, бывшей при в. к. Иванѣ Калитѣ: «А мыта ти держати и пошлины имати по *старой пошлинѣ* у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ *дѣдѣ при в. к. при Иванѣ*, и при нашемъ дяди при в. к. при Семенѣ, и при моемъ Отци при в. к. при Иванѣ; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти.» (1080) Это же упоминаніе о невведеніи новыхъ пошлинъ замѣчается и въ послѣдующихъ договорахъ Твери съ Москвой, при чемъ довольно полно опредѣляются пошлины и встрѣчающееся въ этихъ грамотахъ опредѣленіе промыта. Михаилъ Александровичъ въ договорѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ обязывается слѣдующими условіями: «А новыхъ ти мытовъ не замышляти; а на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка морътка; а поѣдетъ на версѣ съ торговлею, ино мортка же; (слѣдуетъ опредѣленіе промыта). А съ лодьи пошлинъ, съ доски по два алтына всѣхъ пошлинъ, а болѣ того пошлины нѣтъ, а струга алтынъ всѣхъ пошлинъ; а тамгы и осминичего отъ рубля алтынъ, а тамга и осминичее взять; а оже иметъ торговати, а поѣдетъ мимо, знаетъ мытъ да

коски, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торъговли, съ того мыта и пошлинъ нѣтъ. А межъ насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа: а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежщика и выведщика выдати по исправѣ.» (1081) Въ этой грамотѣ опредѣляется денежный штрафъ или промыто съ того, кто умышленно объѣдетъ мытъ, чтобы не заплатить мыта. «А промыта то, говоритъ грамота, гдѣ объѣдетъ мытъ (въ послѣдующихъ договорахъ: а промыта то, кто обьѣдетъ мытъ; а промыта тогды, хто обьѣдетъ мытъ). Если кто промытится, то платитъ съ воза «*по штидесятъ, а заповѣди шестьдесятъ одина* (въ послѣдующихъ договорахъ добавленіе *одина* не встрѣчается) *колко бы возовъ ни было.*» Если же у завора (у заставы) не будетъ мытника, а въ это время кто либо проѣдетъ, то въ такомъ случаѣ проѣхавшій не платитъ ни мыта, ни промыта; если его даже мытникъ и догонитъ, то можетъ взять только мытъ, *а промыты и заповѣди нѣтъ.* (1082) — Эти условія договора Михаила Александровича съ Василіемъ Дмитріевичемъ почти буквально потомъ повторяются въ договорахъ между послѣднимъ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ и в. к. Московскимъ Іоанномъ III, съ тою только разницею, что въ нихъ счетъ мортками замѣненъ счетомъ деньгами, именно одна мортка приравнена деньгѣ, а промыта и заповѣдь въ *шестьдесятъ* равняется промытѣ и заповѣди въ 6 алтынъ. (1083)

Въ договорахъ Твери съ Литвой является то же стремленіе удержать старину въ торговыхъ пошлинахъ, но о величинѣ этихъ пошлинъ не говорится. Въ договорной грамотѣ 1427 г. в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ в. к. Литовскимъ Витовтомъ говорится слѣдующее: «А людемъ нашымъ, гостемъ, гостити межы насъ путь чыстъ, безъ рубежа и безъ пакости; а пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей въ моего господина дѣда, в. к. Витовътовѣ отчынѣ, у Смоленьску, у Витебъску, на Кіевѣ, въ Дорогобужы, у Вязмѣ и по всему его великому княженью, *по давному*, а нового не примышляти; а по моей отчынѣ к. в. Борыса Александровича пошлины имати зъ людей моего господина дѣда, в. к. Витовта, во Тферы, въ Кашинѣ, въ Городку, въ Зубцовѣ и по всему моему великому княженью, *по давному, а нового не примышляти.*» То же самое условіе повторяется въ договорѣ в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ королемъ Казиміромъ и въ договорѣ в. к. Тверскаго Михаила Борисовича съ тѣмъ же королемъ Казиміромъ. (1084)

Служилое сословіе Тверскаго княжества, какъ и другихъ Русскихъ земель, называлось дружиною. Дружина также называется дворомъ. (1085) Старшіе дружинники назывались бояре (или *мужи честные*, такъ напр. в. к. Иванъ Михаиловичь предлагалъ к. Юрію Всеволодовичу Холмскому обратиться къ суду епископа и *мужей честныхъ отецъ нашихъ)* а младшіе — отроки (слово *дѣтскій* не встрѣчается), слуги.

Когда в. к. Михаила Александровича, во время суда надъ нимъ въ ордѣ, заковали, то прогнали отъ него *бояръ и слугъ* его. (1086)

Въ ордѣ передъ смертью Михаилъ утѣшалъ *бояръ и слугъ* своихъ. (1087) Онъ ихъ называетъ своей *дружиной*. (1088) Когда Кавгадый съ Юріемъ шли убить Михаила, то въ вежу его съ извѣстіемъ объ этомъ вбѣжалъ — по однимъ лѣтописямъ (Ник. III, 120; Тат. IV, 106; Воскр. 195; Соф. II, 213) *отрокъ*, а по другимъ (Твер. 411) одинъ изъ *слугъ*. *Слуги* совѣтовали Михаилу бѣжать изъ орды. (1089) *Бояре и слуги* убѣжали къ ханшѣ, спасаясь отъ грабежа во время убійства Михаила. (1090) Когда Юрій Даниловичъ Московскій возвратился изъ орды, то онъ привелъ съ собою к. Константина Михайловича и *бояръ и слугъ* его. (1091) В. к. Александръ Михайловичъ собрался ѣхать въ орду со своими *боярами и слугами*. (1092) Когда онъ поѣхалъ въ орду, то его провожалъ до Святославля поля его братъ Василій Михайловичъ Кашинскій со своими *боярами и слугами*. (1093) Передъ своей смертью Александръ Михайловичъ посылалъ одного изъ своихъ *слугъ* за вѣстями къ ханшѣ; *отроки* возвѣстили Александру Михайловичу, что его идутъ убить; при убіеніи Александра Михайловича въ ордѣ разбѣжались всѣ его *бояре и слуги*. (1094) Въ 1345 г. Константинъ Михайловичъ Тверской «нача имати *бояря* ихъ (к. Всеволода Александровича Холмскаго и в. к. Настасьи) и *слуги* в серебрѣ за волости.» (1095) Василій Михайловичъ Кашинскій обижалъ Всеволода Александровича и оскорблялъ его *бояръ и слугъ* тягостію данною. (1096) Потомъ отъ Василія Михайловича Кашинскаго *боярамъ и слугамъ* Всеволода Александровича были и продажа и грабленіе велїе. (1097) Когда въ Твери (въ 1399 г.) узнали, что Михаилъ Александровичъ хочетъ постричься и удалиться въ монастырь, то «*бояре жъ и отроцы его* по малу склоншесь другъ ко другу слезы источаху.» (1098) Когда онъ удалялся въ монастырь, то онъ вообще всѣхъ Тверитянъ назвалъ своей дружиной: «Онъ же ставъ на высоце степени предъ церковию поклонись всѣмъ людемъ прощения отъ нихъ прося, и сице глагола имъ: братия мои *дружина*, добрии сынове тверстии, мнѣ Господь Богъ доселе повелѣ быть у васъ, ннеже простите мя, и се вамъ оставляю любимаго и старѣйшаго сына моего Василия (чит. Ивана) да будетъ вамъ князь в мене мѣсто.....» (1099) *Бояре и слуги* Василія Михайловича были захвачены в. к. Иваномъ Михайловичемъ. (1100) Иванъ Михайловичъ поѣхалъ въ орду со множествомъ *бояръ и слугъ*. (1101) Во второй половинѣ XV в., уже передъ самымъ паденіемъ Твери, упоминаются въ ней дѣти боярскіе: въ 1476 г. отъѣхали въ Москву на службу Іоанна III многіе бояре и дѣти боярскіе; (1102) когда Іоаннъ III шелъ во второй походъ на Новгородъ и былъ на Волокѣ, то Михаилъ Борисовичъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего сына боярскаго Хидырщика «отдавати кормы по отчинѣ своей.» (1103) Такимъ образомъ мы видимъ, что старшіе служилые люди постоянно называются бояре, а младшіе — отроками и слугами, но чаще слугами, и притомъ названіе отроки съ половины XIV в. даже не встрѣчается.

У нѣкоторыхъ князей, какъ видно, бывалъ особенно многочисленный дворъ. При описаніи пожара терема в. к. Михаила Яро-

славича говорится, что сѣни были полны спавшихъ *княжатъ и боярченковъ*, и много было стражи. (1104) У любимаго, щедраго князя Михаила Александровича былъ также многочисленный дворъ. (1105) Судя по отзыву лѣтописи, какъ мы выше видѣли, у в. к. Ивана Михайловича было также *множество* бояръ и слугъ.

У княгинь Тверскихъ были также свои бояре, такъ напр. они были у в. к. Евдокіи Константиновны, вдовы Михаила Александровича; одинъ изъ ея бояръ даже извѣстенъ по имени — бояринъ Воронецъ. (1106)

Бояре были думцами, совѣтниками князя, особенно въ дѣлахъ важныхъ; они дѣлили иногда и несчастье со своимъ княземъ; случалось, что бояре въ отсутствіе своего князя энергически дѣйствовали въ его пользу. Примѣры этому встрѣчались въ настоящихъ разсказахъ о Тверскомъ княжествѣ. Здѣсь вспоминаются нѣкоторыя. (Князь призывалъ на совѣтъ иногда также и епископа.) Когда въ 1254 г. в. к. Ярославъ Ярославичь бѣжалъ изъ Твери сперва въ Ладогу, а потомъ въ Новгородъ, то съ нимъ бѣжали и его бояре. Когда въ 1304 г. в. к. Михаилъ Ярославичь поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ на в. княжеское Владимірское достоинство, то бояре Тверскіе захватили въ Костромѣ к. Бориса, брата Юрія Даниловича, послали въ Новгородъ Тверскихъ намѣстниковъ, хотѣли овладѣть Переяславлемъ. Когда Юрій съ Кавгадыемъ ворвался въ Тверское княжество, то Михаилъ Ярославичь созвалъ на совѣтъ епископа, князей и бояръ, которые свой отвѣтъ ему заключили такъ: «ты, господине, ступай противу ихъ, а мы хотимъ за тебя животъ свой положить.» Бояре не совѣтовали Михаилу ѣхать въ орду во время его послѣдней туда поѣздки. Константинъ и Василій Михайловичи, братья в. к. Александра, вмѣстѣ съ матерью и боярами бѣжали (послѣ избіенія Шевкала съ его Татарами) изъ Твери, и вмѣстѣ съ ними вернулись домой. Лѣтопись, говоря о томъ, что Михаилъ Александровичь рѣшился отказаться отъ престола и постричься въ иноческій чинъ, замѣчаетъ, что князья, бояре и всѣ люди пришли ко двору князя и ожидали, чтобы идти къ нему «*обычнаго градцкаго ради управленія.*» (1107) Михаилъ Александровичь просилъ бояръ, чтобы они напоминали дѣтямъ его о взаимной любви. (1108) Какой-то, вѣроятно бояринъ, Романъ Скудинъ имѣлъ большое вліяніе на Юрія Всеволодовича Холмскаго и уговорилъ своего князя отправиться въ орду искать себѣ помощи у Татаръ. Великій князь Иванъ Михайловичь, ссорясь съ к. Юріемъ Всеволодовичемъ, предлагалъ отдать ихъ споръ на рѣшеніе епископа и бояръ (въ лѣт: мужи честные отецъ нашихъ).— Но эти же Тверскіе бояре, пользуясь правомъ отъѣзда, оставляютъ своего князя при сильномъ неудовольствіи на него, а особенно тогда, когда въ послѣдніе годы грозитъ сильная опасность Твери со стороны Москвы. Такъ напр. во вторичное княженіе Александра Михайловича отъ него отъѣхали нѣкоторые бояре къ Московскому князю, вѣроятно потому что ихъ заѣхали новые любимцы Александровы. Отъ послѣдняго Тверскаго князя, Михаила Борисовича,

нѣсколько разъ отъѣзжали многіе бояре и дѣти боярскіе, и однажды ихъ отъѣхало такъ много, что лѣтопись (Соф. II) даже замѣчаетъ, что будто бы отъѣхали всѣ Тверскіе бояре.

Старшимъ дружинникамъ, боярамъ, обыкновенно поручались дѣла бо̀льшей важности, а младшимъ — меньшей важности. Изъ бояръ были тысяцкіе; боярамъ поручалось обыкновенно напр. воеводство, намѣстничество; они бывали послами; бояре вліятельные, почетные называются старѣйшими, нарочитыми. Такъ напр. безъ сомнѣнія изъ бояръ былъ Жидиславъ, воевода Ярослава Ярославича, убитый въ Неврюево нашествіе; (1109) воевода Захарій Ивановичъ, ходившій съ Тверской ратью противъ Новгорода на помощь Витовту; (1110) Тверская рать ходила помогать Василію Темному въ его походѣ на Новгородъ подъ начальствомъ своихъ воеводъ Александра̀ Романовича и Карпа Ѳедоровича; (1111) въ Кашинѣ намѣстникомъ былъ бояринъ Иванъ Яковлевичъ Киньдиръ; Михаилъ Александровичъ посылалъ изъ Твери для переговоровъ къ Дмитрію Донскому вмѣстѣ съ владыкой Евфиміемъ и своихъ *старѣйшихъ и нарочитыхъ бояръ*. (1112)

Какъ въ другихъ княжествахъ, такъ безъ сомнѣнія было и въ Твери, что изъ младшихъ дружинниковъ назначались тіуны (которые впрочемъ иногда бывали даже изъ рабовъ), пристава, сборщики податей и пошлинъ, казначеи, постельники, стольники и пр.

Слуги, младшіе члены дружины, назывались также дворянами, что̀ видно изъ слѣдующаго:

Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ в. князьями встрѣчается названіе *дворяне*, которое иногда замѣняется словомъ *слуги*; (иногда слово *слуги* ставится вмѣсто слова *дворяне*); иногда въ одной и той же грамотѣ встрѣчаются и то и другое слово. Такъ напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1270 г. (С. г. г. д. I, № 3) почти въ началѣ грамоты встрѣчается выраженіе: «а въ Бежичяхъ тобе, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ *слугамъ* селъ не держати, ни купити и т. д.» А въ двухъ первыхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ (С. г. г. д. I, №№ 1, 2) на этомъ мѣстѣ вмѣсто *слуги* поставлено *дворяне*, напр. въ первой извѣстной намъ договорной грамотѣ Новгорода съ тѣмъ же Ярославомъ Ярославичемъ (ib. № 1) сказано: «а въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ *дворяномъ* селъ не дерьжати, ни купити и т. д.» Затѣмъ въ вышеназванной грамотѣ (ib. № 3), въ срединѣ ея, говорится: «а *дворяномъ* твоимъ у купчевъ повозовъ не имати, разве ратной вести;» точно также сказано и въ первой грамотѣ (ib. № 1). Также въ договорной грамотѣ Новгорода съ Михаиломъ Ярославичемъ (ib. № 6) въ началѣ грамоты упоминаются *слуги*, а въ концѣ *дворяне*. Точно также и въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ (ib. №№ 7, 8, 20 подъ 1471 г.; въ грам. № 20 договоръ Новгорода съ Іоанномъ III). Впрочемъ здѣсь сравнены не всѣ грамоты, но кажется и этихъ достаточно. Бѣляевъ, основываясь на договорныхъ грамотахъ Новгородскихъ, которыя и

здѣсь приведены, въ своей статьѣ о слугахъ или дворянахъ, стр. 361—363 (служилые люди въ Московскомъ государствѣ. Слуги или дворяне, а въ послѣдствіе дѣти боярскіе) замѣчаетъ слѣдующее: «почти можемъ допустить, что *слуги* (т. е. вольные) и дворяне въ XIII, XIV и XV вѣкахъ были одно и тоже. И такъ какъ въ приведенныхъ Новгородскихъ грамотахъ (у Бѣляева раньше приводились изъ С. г. г. д. I, №№ 1, 2, 14, 18) вездѣ дворяне являются только низшими служебными лицами, т. е. сборщиками податей и пошлинъ, разсыльщиками, и служителями при судьяхъ, то изъ этого можно заключить, что дворяне или слуги, пользуясь одинакими правами съ боярами относительно свободы перехода изъ службы одного князя къ другому и относительно владѣнія недвижимыми имѣніями, — въ отношеніи къ самой службѣ были на низшей степени противъ бояръ и могли занимать должности только второстепенныя...... Но очевидно, что сихъ дворянъ нельзя же принимать за одно съ дворянами царя Ивана Васильевича послѣ 1566 года, когда симъ именемъ стали называть высшее служебное сословіе...... дворяне XIII, XIV и XV вѣковъ и до половины XVI составляли именно то самое сословіе, которое послѣ 1566 г. получило названіе боярскихъ дѣтей, то есть къ нему принадлежали древніе лѣтописные дѣтцкіе, отроки и другіе свободные княжескіе служители низшихъ степеней, извѣстные подъ названіемъ молодшей дружины.»

Ко двору Тверскихъ князей, какъ и ко двору другихъ Русскихъ князей, являлись выходцы не только изъ другихъ русскихъ княжествъ, но также изъ орды, Литвы и изъ «Нѣмецъ». Именъ такихъ пришельцевъ можно найти въ родословныхъ книгахъ, причемъ обозначается къ какому именно Тверскому князю явился выходецъ. Слѣдующіе изъ нихъ упоминаются въ родословныхъ книгахъ. (1113)

Въ родословной книгѣ (стр. 106, 107) о родѣ князей Ѳоминскихъ и Березуйскихъ замѣчено, что у кн. Константина Юрьевича Ѳоминскаго, сына кн. Юрья Святославича Смоленскаго, былъ средній сынъ Ѳедоръ Слѣпой, у котораго былъ внукъ Ѳедоръ, пришедшій во Тверь, но не сказано къ какому в. князю Тверскому; у этого Ѳедора были дѣти: Семенъ Бокѣй, да Карпъ и т. д. При послѣднемъ в. к. Тверскомъ Михаилѣ Борисовичѣ въ лѣтописяхъ въ числѣ прочихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, отъѣхавшихъ отъ него въ 1476 г. въ Москву, упоминается Василій Бокѣевъ.

Про родъ *Шетневыхъ* (стр. 117, 118) въ родословной книгѣ замѣчено, что Борисъ Ѳедоровичь Половой пришелъ изъ Чернигова въ Тверь, сынъ боярина Ѳедора, что убитъ отъ царя Батыя въ ордѣ съ в. к. Михаиломъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ. Если дѣйствительно Борисъ Ѳедоровичь былъ сынъ боярина Ѳедора, погибшаго въ ордѣ, то въ такомъ случаѣ онъ пришелъ въ Тверь при в. к. Ярославѣ Ярославичѣ, потому что лѣтописи относятъ убіеніе боярина Ѳедора къ 1246 г. (1114) У Бориса былъ сынъ Ѳедоръ, а у Ѳедора сынъ Михаилъ Шетенъ, про котораго родословная замѣчаетъ, что онъ былъ *первымъ тысяцкимъ* въ Твери,—

конечно въ томъ смыслѣ *первый* тысяцкій въ Твери, что онъ былъ первый тысяцкій изъ Шетневыхъ; раньше его упоминается другой тысяцкій: такъ въ лѣтописяхъ подъ 1270 г. говорится, что Ярославъ Ярославичъ посылалъ на Новгородское вѣче для переговоровъ *своего тысяцкаго* Андрея Воротиславича. (1115) А у Михаила, продолжаетъ родословная, были три сына: Константинъ былъ *тысяцкій же* въ Твери, да Григорій Садыковъ и отъ того повелися Садыковы, да Захарья Гнѣздо; а у Константина Михайловича два сына: Андрей *Зюзя*, да Афанасій Шетневъ былъ бояринъ же и т. д. Наконецъ, Григорій, сынъ Василья, въ Литву отъѣхалъ; а у Григорья *Зюзина* сынъ Василій и тотъ изъ Литвы пріѣхалъ. Василій Зюзинъ, уже въ Москвѣ, въ челобитной в. к. Іоанну Васильевичу подалъ такой списокъ (нѣсколько разнящійся отъ списк. родосл. кн.) своего родства: «Пріѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвище ему было Половой, а былъ во Твери Бояринъ; у Бориса сынъ Ѳедоръ и тотъ въ Твери Бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайла Шетенъ, а въ Твери былъ *тысяцкой*, у Михаила сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ *тысяцкой же.* А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери *тысяцкой же*, а другой сынъ у Константина Михайло Гнѣздовскій. У Ивана у Шетнева дѣтей: Ондрей *Зуза*, прадѣдъ мой, да Ѳѳонасей Шетневъ. У Андрея у Зузы дѣтей: дѣдъ мой Василій, да Григорей Страдникъ, да Олексѣй, да Карпъ, Василей меньшой, Андрей въ чернцахъ былъ, Антоній у Чюда, у дѣда большой, мой отецъ Григорій да Иванъ.» Тотъ же Василій Зюзинъ говоритъ: «дѣдъ, Господине, мой Василей Ондреевичь Зюзинъ з'братьею поѣхалъ съ своимъ государемъ съ в. княземъ Михайломъ Борисовичемъ въ Литву.....» Потомъ изъ Литвы Зюзинъ пріѣхалъ въ Москву. Такимъ образомъ изъ родословной и изъ челобитной видно, что санъ тысяцкаго въ Твери сохранялся въ одномъ родѣ и переходилъ отъ отца къ сыну. (1116)

Тысяцкій былъ начальникъ земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. (1117) Соловьевъ (III, 328, 329), говоря о насильственной смерти Московскаго тысяцкаго боярина Алексѣя Петровича Хвоста въ 1357 г., замѣчаетъ слѣдующее о его должности: «большее значеніе (при осѣдлости князей и бояръ) долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, получившій возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, могла даже явиться наслѣдственность должности въ одномъ родѣ (Соловьевъ указываетъ здѣсь на Тверскихъ тысяцкихъ). Но при такихъ обстоятельствахъ власть тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городовому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской....... Никто не видалъ, какъ совершилось убійство (Алексѣя Петровича); но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей

Боголюбскій отъ Кучковичей. Сильный мятежъ всталъ въ городѣ въ слѣдствіе этого убійства, и большіе бояре Московскіе отъѣхали въ Рязань съ женами и дѣтьми (двое изъ нихъ въ слѣдующемъ году вернулись въ Москву).» Изъ Рязанскихъ тысяцкихъ извѣстно четверо, имена которыхъ сохранились въ лѣтописи; изъ нихъ трое погибли насильственною смертью. (1118) «Такое убійство тысяцкихъ, замѣчаетъ г. Иловайскій (Ист. Ряз. княж. 120, 121), можетъ намекать на какое нибудь болѣе общее явленіе, нежели просто личная вражда. Очень вѣроятно, что при обособленіи Рязанскаго княжества, дѣло не обошлось безъ глухой борьбы между усиливающеюся княжескою властію и такими земскими начальниками, каковы были тысяцкіе.» О Тверскихъ тысяцкихъ нельзя сказать ничего подобнаго тому, что говорится о тысяцкихъ Московскихъ и Рязанскихъ. Судя по одному примѣру, тысяцкіе въ Твери иногда даже не удерживали свою должность за собою до конца жизни. Такъ лѣтопись подъ 1270 г. назвавъ тысяцкаго Андрея Воротиславича, въ слѣдъ за тѣмъ подъ тѣмъ же годомъ говоритъ, что в. к. Ярославъ Ярославичь оставилъ его въ Новгородѣ намѣстникомъ. Лѣтопись даже не сохранила именъ Тверскихъ тысяцкихъ, кромѣ имени одного Андрея Воротиславича: ихъ имена становятся извѣстны изъ родословной книги да изъ челобитной Зюзина. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ источниковъ впрочемъ не видно, удержался ли въ Твери санъ тысяцкаго до паденія Твери или онъ былъ уничтоженъ раньше.

При дворѣ Тверскихъ князей были также выходцы изъ Татаръ.

О родѣ Бибиковыхъ да Якимовыхъ въ родосл. книгѣ (стр. 202) замѣчено, что пріѣхалъ служить въ Тверь къ в. к. Михаилу изъ Синей Орды Татаринъ именемъ Жидимеръ, а сказывается онъ, что былъ сродичь царямъ Синей Орды; а у Жидимера былъ сынъ Дмитрій, а у Дмитрія сынъ Микула и т. д. Родословная не говоритъ къ какому Михаилу выѣхалъ Жидимеръ — къ Михаилу Ярославичу или къ Михаилу Александровичу. (1119) Можно предположить, что къ Михаилу Ярославичу, потому что у этого князя на службѣ было много Татаръ: по словамъ лѣтописи, въ ордѣ, при убійствѣ Михаила Ярославича, «разгнаша отъ него всѣхъ людей его, и Татаръ его, бѣ бо и Татаръ тогда много у него служащихъ ему.» (1120).

Когда въ 1304 г. умеръ Андрей Александровичь Городецкій, то по нашимъ лѣтописямъ, бояринъ покойнаго, извѣстный Акинѳъ, сейчасъ же отъѣхалъ въ Тверь къ Михаилу Ярославичу (о чемъ было говорено выше въ своемъ мѣстѣ). Про этого Акинѳа родословная (о родѣ Свибловыхъ, стр. 102) говоритъ, что его предокъ былъ Ратша, Нѣмецъ выѣхавшій къ Александру Невскому. Потомковъ Акинѳа мы видимъ въ Москвѣ.

О родоначальникѣ *Нагихъ* въ родословной (стр. 117) говорится: «Пріѣхалъ въ Тверь къ в. к. Михаилу Ярославичу изъ Нѣмецъ мужъ честенъ Олгердъ Нѣмчинъ, а прозвище ему Впрягай, да кре-

стился; а во крещеніи имя ему Дмитрей, а у Андрея сынъ Григорій и т. д.

По родословнымъ книгамъ ко двору Александра Михайловича выѣхали изъ «Нѣмецъ» Левашовы и Нащокины.

О родѣ *Левашовыхъ*, довольно многочисленномъ, разсказывается въ родословной книгѣ (по синод. сп. стр. 118, 119) слѣдующее (впрочемъ здѣсь будутъ перечислены не всѣ лица этого рода упоминаемыя въ родосл.):

Пріѣхалъ изъ Нѣмецъ во Псковъ Нѣмчинъ Долга (Долъ), отчина его былъ городъ Вдовъ (Гдовстемъ), крестился во Псковѣ съ именемъ Василія и поставилъ во Псковѣ церковь во имя Св. Василія у Трупорѣховскихъ (по др. сп. Трупеховскихъ) воротъ; изъ Пскова онъ пріѣхалъ въ Тверь къ в. к. Александру Михайловичу и былъ во Твери у в. князя *бояринъ;* у него былъ сынъ Михаилъ (по сп. А Михаила нѣтъ, а прямо Василей), у Михаила сынъ Василій, у Василья былъ внукъ Александръ *Левашъ*, у котораго было двое сыновей: Константинъ и Никита, бывшіе оба *боярами* во Твери. У Константина былъ второй сынъ бездѣтный Иванъ, бывшій *дворецкимъ* во Твери. У Никиты Александровича были сыновья: Иванъ, Степанъ Сакмышъ, Ѳедоръ *Хидырщикъ*, Дмитрій Мисюрь бездѣтенъ, Тимофей Тюмень. У Степана Сакмыша былъ сынъ Аѳанасій, бывшій *окольничимъ*. (1121). У *Хидырщика* были сыновья Дмитрій (1122) и Василій бездѣтенъ и т. д.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ фамиліи Левашовыхъ во Твери были и бояре, и окольничіе, и дворецкіе. Между прочими другими лицами этого рода Левашовыхъ упоминается *Ѳедоръ Хидырщикъ*, про котораго въ родословной не говорится, кто онъ былъ такой. Но въ лѣтописяхъ онъ называется сыномъ боярскимъ при исполненіи довольно важнаго порученія вмѣстѣ съ кн. Андреемъ Борисовичемъ Микулинскимъ, именно когда Іоаннъ III шелъ во второй походъ на Новгородъ, то «еще же князю великому на Волоцѣ сущу прислалъ противу ему к. в. Михаило Тверскиц своего *сына боярского Хидырщика* отдавати кормы по отчинѣ своей,........ а на первомъ стану отъ Волока в Лотошинѣ стретилъ в. князя отъ тверскаго в. князя, звати в. князя хлѣба ести, кн. Андрей Борисовичь Микулинскоі.» (1123) Такимъ образомъ мы видимъ, что потомство выѣзжаго Нѣмца Долга весьма развѣтвилось во Твери; его потомки размножаясь получали все мѣньшую и мѣньшую долю изъ дѣдовскаго наслѣдства и такимъ образомъ бѣднѣли сравнительно со своими отцами и дѣдами. Его ближайшіе потомки называются въ родословныхъ книгахъ боярами, а одинъ изъ дальнихъ называется въ лѣтописяхъ борскимъ сыномъ. Такимъ образомъ этотъ фактъ, впрочемъ одиночный, не можетъ ли служить подкрѣпленіемъ тому мнѣнію, что боярскими дѣтьми дѣйствительно назывались обѣднѣвшіе потомки бояръ, и въ послѣдствіе (въ Москвѣ) ихъ именемъ, т. е. именемъ боярскихъ дѣтей стали называть низшій классъ служилыхъ людей, независимо отъ того — происходили они или не происходили отъ бояръ. (1124)

Про другаго выходца въ Тверь къ Александру Михайловичу, про родоначальника Нащокиныхъ, родословная (стр. 197), объясняя его прозвище, сообщаетъ слѣдующее преданіе, о которомъ уже говорено было выше: «Пріѣхалъ въ Тверь къ в. к. Александру Михайловичу Тверскому изъ Нѣмецъ, изъ Наталинскіе земли изъ Ншива Государства, имя ему Дускъ, а прозвище Величка; въ Твери Дускъ крестился, въ крещеніи имя ему дали Дмитрій Красной. И у Дмитрія былъ сынъ Дмитрій Нащока, названный такъ потому что у него рана была на щекѣ сабельная: какъ былъ посолъ Щолканъ изъ орды во Твери отъ царя отъ Бака, и нача во Твери творити людемъ насиліе веліе; Тверичи же со многими людьми хотѣли его убить. Щелканъ же утече отъ нихъ на дворъ в. князя и заперся в сѣняхъ своихъ съ своими людьми; Тверичи же приступали къ сѣнямъ, не могли его взять и сожгли сѣни, и Щелканъ со своими людьми сгорѣлъ в сѣняхъ, а Дмитрія Нащоку тутъ у сѣней ранили по щекѣ. Дмитрій Нащока отъѣхалъ в Москву служить и т. д.»

О родѣ *Бороздиныхъ Тверичь* въ родосл. (стр. 115, 116), сообщаются слѣдующія извѣстія: что къ в. к. Ивану Михаиловичу Тверскому вышелъ изъ Литвы Юрій Лазыничь, у котораго былъ хотя прямой, но довольно отдаленный потомокъ Никита Борозда, а у Никиты были два сына: Григорій, да Иванъ Жито. По лѣтописямъ, Тверская рать, ходившая вмѣстѣ съ Московской ратью Іоанна III въ его первый походъ на Новгородъ, была подъ начальствомъ двухъ воеводъ — кн. Юрья Андреевича Дорогобужскаго и Ивана Никитича Жито, а въ 1476 г. отъѣхали изъ Твери въ Москву Григорій Никитичь, Иванъ Жито и другіе бояре и дѣти боярскіе. По лѣтописи трудно судить, кѣмъ были эти двое Жито — боярами или дѣтьми боярскими, хотя они называются послѣ того, какъ были названы дѣти боярскіе, а именно: «Пріѣхаша къ в. к. Івану Васильевичу со Твери служити мнози бояря и дѣти боярские, *Григорій Никитичь*, *Іванъ Жито*, Василей Даниловъ, Василей Бокѣевъ, три Карповичи, Дмитрей *Киндыревъ* и иные многиі.» (1125)

Судя по родосл. кн. (стр. 116) къ тому же в. к. Тверскому Ивану Михайловичу и также изъ Литвы пріѣхалъ Марко Демидовъ, родоначальникъ *Коробовыхъ*, у котораго былъ правнукъ Яковъ, а у Якова сынъ Иванъ Киндырь, а у Ивана Киндыря сынъ Дмитрій. Въ лѣтописи (Твер. 495) подъ 1453 г. упоминается Кашинскій намѣстникъ бояринъ Иванъ Яковлевичь Киньдиръ. Одинъ изъ этого семейства, именно Дмитрій Киндыревъ вмѣстѣ съ Жито отъѣхалъ въ Москву; но про этого Киндырева тоже нужно замѣтить, что и про Жито: неизвѣстно, кто онъ былъ — бояринъ или сынъ боярскій (сравн. только что выше приведенное извлеченіе изъ лѣтописи объ отъѣхавшихъ изъ Твери въ Москву).

Такимъ образомъ изъ родословныхъ и отчасти изъ лѣтописей мы видимъ, что къ Ярославу Ярославичу явился выходецъ съ Юга Россіи, къ Михаилу Ярославичу приходили изъ Татаръ, Нѣмцевъ

и Русскихъ земель, къ Александру Михайловичу изъ Нѣмцевъ, къ Ивану Михаиловичу изъ Литвы.

Въ Тверскомъ княжествѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ, были также служебные князья, бывшіе въ одномъ разрядѣ съ боярами, образовавшіеся изъ Русскихъ и чужеземныхъ владѣтельныхъ князей, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ утратившихъ свои владѣнія и поступившихъ на службу къ какому либо князю. (1126)

Въ повѣсти объ убіеніи в. к. Михаила Ярославича въ ордѣ говорится, что когда Юрій съ Кавгадыемъ опустошалъ Тверское княжество, то в. к. Михаилъ Ярославичь созвалъ на совѣтъ епископа, *князей* и бояръ. Тогда семейство Тверскаго князя было не велико, состояло только изъ нѣсколькихъ сыновей, — если дѣйствительно были тогда на совѣтѣ князья, то конечно какіе же это иначе могли быть князья, какъ не служебные? Въ повѣсти о житіи в. к. Михаила Александровича также упоминаются *князья*, пришедшіе къ Михаилу вмѣстѣ съ боярами для *градикаго* управленія. Въ то время Тверское великокняжеское семейство было уже велико, а потому подъ *князьями*, здѣсь упомннаемыми (если только это не прикраса какого либо повѣствователя), можно разумѣть братьевъ Михаила Александровича—родныхъ и двоюродныхъ, а также его племянниковъ, вообще родственниковъ. Въ Воскрес. лѣт. (прод. 22) подъ 1375 г. упоминаются *князья* въ Твери, во время ея осады Дмитріемъ Донскимъ.

Можно думать, что когда в. к. Тверскіе обезсилѣли удѣльныхъ Тверскихъ князей, то въ такихъ служебныхъ князей они могли обратить князей Чернятинскихъ, Телятевскихъ, имена которыхъ не встрѣчаются ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ за періодъ независимаго существованія Тверскаго княжества, а ихъ можно найти только въ родословныхъ книгахъ. (Въ одной жалованной грамотѣ Отрочу монастырю, какъ мы увидимъ далѣе, встрѣчается имя *кажется* одного изъ Телятевскихъ князей, именно Ѳедора Александровича). Можно предполагать, что въ число такихъ служебныхъ князей могли попасть также и князья Дорогобужскіе. Но выводу такого заключенія мѣшаютъ нѣкоторыя обстоятельства. Въ первый разъ въ лѣтописяхъ встрѣчается названіе *князь Дорогобужскій* при описаніи похода Іоанна III на Новгородъ въ 1471 г., когда въ числѣ Тверскихъ воеводъ былъ воевода кн. Юрій Андреевичь Дорогобужскій. Въ 1480 г. на Угрѣ Тверскія войска были съ воеводою кназемъ Іосифомъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ. (Этотъ кн. Іосифъ Дорогобужскій въ 1485 г. отъѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ кн. Андреемъ Микулинскимъ.) Впрочемъ здѣсь же на Угрѣ былъ и Тверской воевода кн. Михаилъ Дмитріевичь Холмскій, а этотъ князь въ договорныхъ грамотахъ называется молодшимъ братомъ в. к. Михаилу Борисовичу. (1127) Когда Іоаннъ III заключалъ договоры съ Тверью, то въ соблюденіи ихъ онъ цѣловалъ крестъ не только къ в. к. Михаилу Борисовичу, но также и къ его молодшей братьи Ивану Юрьевичу (Зубцевскому), Михаилу

Дмитріевичу (Холмскому) и къ его меньшей братьи, которая по именамъ не называется. (Князь Даніилъ Дмитріевичь Холмскій, братъ Михаила Дмитріевича, отъѣхалъ въ Москву, кажется, вскорѣ по вступленіи на престолъ Михаила Борисовича.) Во второмъ походѣ Іоанна III на Новгородъ 1477 г. Тверская рать была подъ начальствомъ (по лѣтописямъ) воеводы кн. Михаила Ѳедоровича Микулинскаго. Въ родословныхъ книгахъ встрѣчается кн. Михаилъ Ѳедоровичь Телятевскій, а не Микулинскій. Въ договорныхъ грамотахъ Твери съ Москвой (при в. к. Тверскомъ Борисѣ Александровичѣ и при в. к. Московскомъ Васильѣ Васильевичѣ) называются удѣльные Тверскіе Ѳедоръ Ѳедоровичь (Микулинскій), Иванъ Юрьевичь (Зубцевскій), Дмитрій Юрьевичь (Холмскій) и Андрей Ивановичь (изъ какихъ? не изъ Холмскихъ ли? Или другой какой? Ср. родосл. и прим. 923). Когда Тверь заключала договоры съ отцемъ Іоанна III, съ Васильемъ Васильевичемъ, то въ соблюденіи договоровъ Василій Васильевичь цѣлуетъ крестъ не только къ в. к. Борису Александровичу и его сыну Михаилу Борисовичу, но также и къ его братьи молодшей кн. Ѳедору Ѳедоровичу, Дмитрію Юрьевичу, Ивану Юрьевичу, Андрею Ивановичу и къ его меньшей братьи, которые здѣсь по именамъ также не перечисляются. (1128) Въ жалованной грамотѣ Отрочу монастырю (писана 1437—1461 г.) называются молодшей братьей относительно Бориса Александровича слѣдующіе князья: Ѳедоръ Ѳедоровичь, Иванъ Юрьевичь, Андрей Дмитріевичь (Дорогобужскій? см. въ родосл.), Ѳедоръ Александровичь (Телятевскій? см. родосл.) (1129) Въ жалованной же грамотѣ Отрочу монастырю в. к. Василія Михайловича и удѣльныхъ Тверскихъ, писанной цѣлымъ столѣтіемъ раньше, именно 1362—1364, названы самъ в. к. Василій и его племянники, которые въ грамотѣ называются просто братаничами Василія Михайловича безъ всякаго опредѣленія. Молодшіе удѣльные князья Тверскіе называются въ грамотахъ по именамъ, а подъ тѣми князьями, которые называются *меньшая братья* или *племя В. Князя*, (1130) конечно должно разумѣть остальныхъ мелкихъ удѣльныхъ князей Тверской земли. Къ сожалѣнію до насъ не дошло договорныхъ грамотъ Тверскихъ князей между собою. А потому не имѣя вѣрныхъ фактическихъ указаній, можно только *предполагать*, что *вѣроятно* нѣкоторые мелкіе Тверскіе удѣльные сдѣлались служебными князьями в. князей Тверскихъ.

Тверскіе служебные князья, подобно не-Тверскимъ служебнымъ князьямъ, отличались своими правами на вотчины отъ бояръ и слугъ вольныхъ; тогда какъ первые, переходя изъ службы одного князя въ службу другаго, лишались своихъ вотчинъ, послѣдніе удерживали ихъ за собою. Въ пользу этихъ подданныхъ одного князя, служившихъ другому, въ княжескихъ договорахъ выговаривается такое же покровительство ихъ территоріальнаго государя, какое онъ оказываетъ и тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые состояли на его собственной службѣ. Отъѣхавшій слуга ни въ какомъ отношеніи не терпѣлъ умаленія своихъ правъ; его имущество оставалось за нимъ, если бы даже оно и находилось въ предѣлахъ

владѣній того князя, службу котораго онъ оставлялъ. Бояре и слуги вольные относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, гдѣ у нихъ недвижимая собственность; князья обязываются вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ своихъ. (1131) Такъ какъ служебные князья, оставляя службу прежняго князя, лишались своихъ вотчинъ, то потому въ договорахъ они иногда въ этомъ отношеніи пишутся вмѣстѣ съ младшими удѣльными князьями, которые также теряли свои вотчины, переходя въ службу другаго князя. Въ первый разъ служебные князья въ Твери упоминаются въ договорѣ 1449 г. в. к. Тверскаго Бориса Александровича съ королемъ Казимиромъ. Относительно отъѣзда служебныхъ князей, бояръ и слугъ встрѣчаются слѣдующія условія въ этомъ договорѣ: «А хто отъѣдетъ отъ мене къ тобѣ, къ королю Полскому и в. князю Литовскому, *братьи моей молодшей и князей служебныхъ:* ино тотъ отчыны своее лишонъ, а мнѣ в. князю не вступатися; а хто отъѣдетъ отъ тебе короля Полского и в. князя Литовского князей служебныхъ ко мнѣ къ в. князю Борысу: ино тотъ отчыны своее лишонъ; а тобѣ королю и в. князю не вступатися; а *бояромъ и слугамъ нашымъ волнымъ* воля межи насъ.» Это условіе повторяется въ договорѣ (пис. около 1483 г.) в. к. Михаила Борисовича съ тѣмъ же королемъ Казимиромъ. (1132)

Въ договорахъ Твери съ Москвой находятся слѣдующія условія, опредѣляющія права отъѣщиковъ:

Въ договорѣ Михаила Александровича съ Дмитріемъ Донскимъ: «А кто *бояръ и слугъ* отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не въступатися. (Исключая Ивановыхъ селъ Васильевича и Нѣкоматовыхъ). А *боярамъ и слугамъ* волнымъ воля....... А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости. (Не брать дани на полныхъ холопахъ, на которыхъ ключники цѣлуютъ.) А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ.» (1133)

Въ договорѣ Бориса Александровича съ Васильемъ Васильевичемъ: «А кто моихъ (т. е. Борисовыхъ) *князей служебныхъ* къ тебѣ отъедетъ, въ тѣхъ ти отчину не въступатися, *кого ми Богъ поручилъ*, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоей братье молодшей. А *бояромъ и слугамъ* межи насъ волнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не въступати. А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ; (не брать дани на холопахъ, на которыхъ ключники цѣлуютъ) а которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ.» (1134) Условія этихъ двухъ договорныхъ грамотъ повторяются и въ договорахъ в. к. Михаила Борисовича съ в. к. Іоанномъ III. (1135)

Но если какой либо Новгородскій бояринъ, или слуга, или вообще какой либо Новгородецъ или Новоторжецъ переходилъ въ

службу в. к. Тверскаго, то лишался своихъ земель: «А хто иметъ бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку и изъ пригородей служити тобѣ, говоритъ Дмитрій Донской Михаилу Александровичу, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ Великій Новъгородъ, а то (въ подлинникѣ *ты*) бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потомъ кто приѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новагорода Великого и исъ Торжку и исъ пригородей, а тымъ такоже не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новъгородъ Великии.» (1136) «Новгородскою землею, говоритъ Бѣляевъ (разск. рус. ист. II, 27), по исконному обычаю могъ владѣть, какъ собственникъ, только тотъ, кто самъ признавалъ надъ собою власть Новгорода, кто принималъ на себя обязанности Новгородскаго гражданина. Даже истый Новгородецъ по происхожденію, или какой Новгородскій пригорожанинъ, какъ скоро отказывался тянуть къ своему городу, которому принадлежала земля на государственномъ правѣ, то тѣмъ самымъ уже терялъ право собствености на землю, подчиненную городу. Такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ прямо сказано: «А кто живетъ въ Торжку на Новоторжской землѣ, а къ Св. Спасу не тянетъ къ Торжку, княземъ отъемся (передавшись князю), а тіи идутъ съ Торжку, куда имъ годно.» (1137)

Въ договорѣ Новгорода съ в. к. Борисомъ Александровичемъ находится условіе, которое касается и Тверитянъ: «А князю в. Борису Олександровичу, и его братьи и его дѣтемъ, и его княгини, и ихъ бояромъ земли и воды Новгорочкой и Новоторжской не купити, ни даромъ не приимати, ни закладщиковъ не держати. А хто почнетъ Новгородцевъ или Новоторжцовъ во Тфери жити, или во Тферьскомъ княженьи или въ Кашини; земля ихъ къ Новугороду, а князю в. Борису Олександровичу то не надоби: или хто почнетъ Тферичь жити въ Новѣгородѣ, или въ Торжку; земля ихъ князю в. Борису Олександровичу, а Новугорду то не надоби.» (1138)

Въ противоположность служилому сословію, дружинѣ, остальное населеніе, тяглое, называется въ лѣтописи *черные люди*, именно при описаніи одной Тверской усобицы (Всеволода Александровича и Василья Михайловича подъ 1357 г.) говорится, что тяжело было боярамъ и слугамъ, а также и *чернымъ людямъ*. (1139) Въ жалованныхъ грамотахъ низшее населеніе называется *людями*, *крестьянами*, а также *сиротами*. (1140) Въ грамотахъ различаются *городскіе люди* (собственно встрѣчается названіе *городской человѣкъ*), *волостные люди* (напр. въ жалов. грамотахъ запрещается принимать волостныхъ людей въ монастырскія села) (1141), *монастырскіе люди* (или также монастырскіе крестьяне); (1142) для послѣднихъ также встрѣчается названіе *игуменовъ человѣкъ*, *игуменовы люди*. (1143) Встрѣчается названіе *половникъ*, т. е. крестьянинъ платящій землевладѣльцу за уступленный ему участокъ земли половину ея произведеній (1144); встрѣчается названіе *вольные люди*, т. е. люди не имѣющіе за собой участка земли и обыкновенно нанимавшіеся въ работники (1145); встрѣчается названіе *слободчане*

(монастырскіе). (1146) Встрѣчаются *монастырскіе купчины.* (1147) Въ Тверскомъ княжествѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ княжествахъ, крестьяне имѣли право переходить съ одной земли на другую (что видно изъ жалованныхъ грамотъ Тверскихъ князей монастырямъ). Вскорѣ по завоеваніи Твери в. к. Иванъ Васильевичь въ 1492 г. послалъ Тверскую землю писать *по Московски въ сохи.* Мы не знаемъ, какъ велика была поземельная доля въ Тверской землѣ для раскладки податей и повинностей, а потому намъ неизвѣстно — равнялась ли Тверская соха сохѣ Новгородской или Московской, или она чѣмъ либо отъ нихъ отличалась. (1148)

Во все продолженіе древней Русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей *закладываться* за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежавшихъ на свободномъ и самостоятельномъ человѣкѣ, то князья и условливаются не держать закладней (напр. въ городѣ Москвѣ). (1149) Въ договорныхъ грамотахъ Тверскихъ князей съ Москвой и Новгородомъ встрѣчается условіе какъ о томъ, чтобы не держать закладней или закладниковъ во владѣніяхъ другъ друга, такъ и не выводить людей изъ областей другъ друга, и при этомъ выговаривается условіе о томъ, чтобы блюсти людей другъ друга какъ своихъ.

Въ договорѣ Михаила Александровича съ Дмитріемъ Донскимъ: «А *закладней* ти (т. е. Михаилу Александровичу) въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А *закладней* ти въ Новѣгородѣ въ Великомъ и въ Торжьку и въ пригородахъ не держати, ни грамотъ не давати........ А *вывода* и рубежа межи себе не замышляти: а хто замыслитъ рубежъ, *рубежника* по исправѣ выдати.» (1150)

Въ договорѣ Михаила Александровича съ Василіемъ Дмитріевичемъ: «А закладней вы, брате, не держати въ нашей вочинѣ Москвѣ и вел. княженіи, и Вел. Новѣгородѣ. А людій вы нашихъ Москвитина и Вел. Новагорода блюсти какъ и своихъ.» Въ этой же грамотѣ раньше помѣщено условіе: «а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежщика и выведщика выдати по исправѣ.»

Въ договорѣ Бориса Александровича съ Василіемъ Васильевичемъ: «А *закладневъ* вы, брате, въ дому Св. Спаса и въ моей отчинѣ въ вел. княженье во Тфѣри и въ Кашинѣ не дръжати; а людей вы нашихъ Тфѣричь и Кашинцовъ блюсти какъ и своихъ. А хто учинитъ рубежъ или выводъ, и рубежщыка и выводчыка выдати по исправѣ. А *закладней* вы, брате, въ нашей отчинѣ въ вел. княженьѣ въ Московскомъ и въ Новѣгородѣ не держати; а людей вы нашыхъ Москвитина и Новогородца блюсти какъ и своихъ.» (1151)

Эти условія повторяются въ договорахъ Михаила Борисовича съ Іоанномъ III. (1152)

Тверскіе князья въ договорахъ съ Новгородомъ обязуются не держать закладниковъ по Новгородской землѣ, *а также не выводить* людей изъ нея; причемъ иногда дѣлается, какъ видно, временное отступленіе отъ перваго правила.

Въ первомъ же договорѣ Ярослава Ярославича съ Новгородомъ находится слѣдующее условіе: «А изъ Бежиць, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины.» Это условіе повторяется и во второй договорной грамотѣ Ярослава Ярославича съ Новгородомъ, при чемъ условіе о выводѣ выражено въ такой формѣ: «А выводъ ти, княже, въ всей волости Новгородьской ненадобе.» (1153) Эти условія повторяются и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ договорахъ в. к. Тверскихъ съ Новгородомъ. (1154)

Но въ двухъ первыхъ же договорныхъ грамотахъ в. к. Михаила Ярославича съ Новгородомъ находится такое условіе: «А кто будеть *закладень позоровалъ* ко мнѣ, а жива въ Новгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступился есмь Новугороду. А кто будеть давныхъ людий въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Александрѣ и при Ярославѣ, *тѣмъ тако и сѣдѣти*, *а позоровати* имъ ко мнѣ.» (1155)

Что касается до людей несвободныхъ, то в. к. Тверскіе обыкновенно уговариваются съ Москвой, Новгородомъ, Литвой, чтобы *холопа*, *робу по исправѣ выдать.* (1156)

Извѣстно, что только въ Новгородѣ и Псковѣ былъ классъ жителей, называвшихся *житейскими или житьими людьми.* Но судя по лѣтописи въ Твери былъ такой же классъ жителей. Житейскіе люди въ Твери упоминаются два раза, подъ 1339 г. и подъ 1365 г.

Лѣтопись подъ 1339 г., говоря о томъ, что Александръ Михайловичь пошелъ въ орду, замѣчаетъ, что «мати же его и бояря его и гости и *житейские мужи* і весь градъ плакаша о немъ и унимаше его много.» (1157) Вторично, подъ 1366 г., лѣтопись, по поводу Тверскихъ усобицъ, замѣчаетъ, что «во Твери *житейскимъ людемъ* нужно бысть про удѣлъ княже — семеновъ.» (1158) Въ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ житейскими людьми названо вообще все населеніе Твери. Такимъ образомъ остается обратить вниманіе только на одно первое свидѣтельство. Въ этомъ же первомъ свидѣтельствѣ названы не *люди* житейскіе, а *мужи* житейскіе; слово же *мужи* заключаетъ въ себѣ понятіе о бо̀льшемъ достоинствѣ, чѣмъ слово *люди.* (1159) Кто же эти *житейскіе мужи?* Они не бояре и не гости; поставлены даже послѣ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются и отъ *всего* остальнаго населенія, — сказано, что провожали житейскіе мужи и *весь градъ.* Что это былъ за слой населенія въ Твери, каково было его положеніе — этого ни откуда не видно. Во всякомъ случаѣ кажется нельзя оставлять безъ вниманія этого указанія лѣтописи, хотя и единственнаго, на существованіе *житейскихъ мужей* въ Твери. Также едвали здѣсь ошибкою

лѣтописца поставлено выраженіе житейскіе мужи. Верхневолжскій край болѣе всего былъ населенъ Новгородскими колонистами и житейскіе мужи въ Твери могли быть какъ слѣдъ вліянія Новгородской колонизаціи. — Бѣляевъ (разск. русск. ист. II, 80) такъ объясняетъ названіе житыхъ людей: «Вящшіе богатѣйшіе купцы еще въ XII в., какъ свидѣтельствуетъ Всеволодова грамота, назывались *житьими людьми;* но это послѣднее названіе не было еще тогда постояннымъ, богатѣйшіе купцы еще безразлично назывались и вящшими купцами и житьими людьми; но съ XIV столѣтія названіе лучшихъ богатѣйшихъ купцовъ житьими людьми сдѣлалось постояннымъ и оффиціальнымъ.»

Сол. IV, 244: «Въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи слоевъ городоваго народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ *житыхъ людей*, значительныхъ по своему богатству, людей, которые, не принадлежа къ городовой аристократіи, къ лицамъ и фамиліямъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не занимались торговлею. За житьими людьми или мужами слѣдуютъ купцы, и наконецъ черные люди;....... иногда житые люди помѣщаются послѣ купцовъ.»

Г. Сергѣевичь (38 стр.), сличая различныя мѣста лѣтописей, въ которыхъ упоминается о житыхъ людяхъ, приходитъ къ такому заключенію; «житьи люди есть общій терминъ, служащій для обозначенія всѣхъ слоевъ городскаго населенія за исключеніемъ однихъ моложшихъ людей. Такимъ образомъ, понятіе житьихъ людей будетъ равняться двумъ понятіямъ, взятымъ вмѣстѣ, — понятію лучшихъ людей и людей среднихъ. По причинѣ этой широты своего объема, понятіе житьихъ людей уступаетъ свое мѣсто болѣе тѣснымъ понятіямъ — бояръ и купцевъ всякій разъ, какъ только лѣтописецъ хочетъ обратить вниманіе читателя именно на разные слои городскаго населенія. При подробномъ перечисленіи разныхъ слоевъ, названіе житьихъ удерживается иногда, какъ спеціальное, для обозначенія тѣхъ среднихъ людей, которые не могутъ претендовать ни на какой другой болѣе характеристическій признакъ, кромѣ своего жительства въ Новгородѣ или Псковѣ. Они занимаютъ при этомъ мѣсто между боярами и черными людьми — то выше, то ниже купцевъ, съ которыми они одного достоинства.»

Въ Сѣвернорусскихъ народоправствахъ (II, 28, 29, Костом.) положеніе житьихъ людей въ Новгородѣ объясняется такимъ образомъ: «Житыми людьми назывались собственно тѣ, которые имѣли свои дворы и осѣдлость въ городѣ въ концахъ. Бояринъ и купецъ могли не имѣть своего двора въ Новгородѣ и быть участниками новгородскаго гражданства,— первый какъ землевладѣлецъ и человѣкъ, пріобрѣвшій вліяніе, второй — какъ торговецъ въ Новгородской Землѣ; и тотъ и другой могли имѣть осѣдлость не въ Новгородѣ, а гдѣ-нибудь въ пригородѣ, или въ волости. Здѣсь представляется недоразумѣніе, неразрѣшаемое при нашихъ свѣдѣніяхъ: были-ли въ числѣ житыхъ людей бояре имѣвшіе дома въ Новгородѣ, или тутъ были только разные мастера и ремесленники — хо-

зяева и вообще такіе домовладѣльцы, которые не могли считаться ни между боярами, ни между купцами — кажется было послѣднее.» Источники представляютъ нѣсколько данныхъ для опредѣленія положенія житьихъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ и все-таки является значительное разнообразіе мнѣній при разрѣшеніи этого вопроса. Касательно же Твери мы имѣемъ только одно указаніе о существованіи въ ней класса *житейскихъ мужей:* тѣмъ невозможнѣе опредѣлить положеніе этого класса.

Соберемъ лѣтописныя извѣстія объ опустошеніяхъ Тверскаго княжества, вслѣдствіе войнъ и бѣдствій физическихъ. (Объ этомъ отчасти упоминалось въ разныхъ мѣстахъ сочиненія.) Укажемъ также на случаи увеличенія населенія.

Въ 1248 г. Литовцы грабили у Зубцева.

Кажется, что въ 1252 г. часть Тверской области пострадала отъ Неврюева нашествія.

Въ 1281 г. во время усобицы Андрея Городецкаго съ его братомъ Дмитріемъ Переяславскимъ, Тверское княжество было раззорено Татарами.

Въ 1286 г. Литовцы ворвались въ Тверское княжество и повоевали волость Тверскаго владыки Олешну.

Въ 1288 г. в. кн. Дмитрій со своими союзниками раззорилъ Тверское княжество (и не могъ взять Кашина). Въ 1293 г. жители областей Московской, Переяславльской, Суздальской и др., спасаясь отъ нашествія Дуденя, бѣжали въ Тверское княжество. Въ 1314 г. Новгородцы въ Тверскомъ княжествѣ раззорили лѣвый берегъ Волги. Въ 1317 г. Юрій и Кавгадый страшно раззорили Тверское княжество на правомъ берегу Волги; они раззоряли въ теченіе 3 мѣсяцевъ; Новгородцы, союзники Юрія, въ этомъ же году, выйдя изъ Торжка раззорили Тверской рубежъ. Въ 1309 г. мышь поѣла рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и всякое жито, отчего появилась дороговизна и голодъ по всей Русской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ моръ на людей, на коней и на всякій скотъ. (1160)

Въ 1318 г. (слѣдовательно на слѣдующій годъ послѣ Кавгадыева и Юріева нашествія) зимою во Твери былъ моръ. (1161) Въ 1327 г. Калита и Татары страшно раззорили Тверское княжество, въ томъ числѣ и главные города — Тверь и Кашинъ.

Въ слѣдующемъ 1328 г. в. к. Константинъ Михайловичъ старался успокоить Тверское княжество, за что лѣтописецъ называетъ его «наставникомъ и собирателемъ отчины, о немъ же утвердишася люди по рати сей.» Въ 1331 г. въ землѣ Русской былъ неурожай (меженина) и сильная дороговизна. «Сию дороговь глаголютъ нѣцыи рослую рожъ.» (1162)

Въ 1347 г. населеніе Тверскаго княжества опасалось усобицы между дядей и племянникомъ, Василіемъ Кашинскимъ и Всеволодомъ Холмскимъ, «и мнози люди Тверскія того ради нестроенія разыдошася.» Но въ слѣдующемъ году дядя и племянникъ примирились, населеніе успокоилось и тогда «поидоша къ нимъ людіе отвсюду во грады ихъ, во власти и во всю землю Тверскую, и

умножашась людіе и возрадовашась радостію великою.» «Это извѣстіе, со многими подобными въ нашихъ лѣтописяхъ, указываетъ на ту подвижность русскаго населенія, которая шла рядомъ съ междоусобіями и часто какъ отъ нихъ зависѣла, такъ и способствовала ихъ учащенію.» (1163) Въ 1364 г. (1164) моровая язва (уже однажды въ княженіе Симеона Гордаго посѣтившая Россію) сильно опустошила Тверское княжество (и Ростовъ.) На этотъ разъ моръ явился съ низовьевъ Волги (отъ низа отъ Бездежа) и прежде всего разразился въ Нижнемъ Новгородѣ, а потомъ началъ свирѣпствовать въ Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлѣозерѣ. Въ Твери отъ мору также погибло много народа. Признаки и развитіе этой болѣзни было таково: передъ началомъ болѣзни человѣка какъ рогатиною ударитъ за лопатку или подъ грудь противъ сердца, или между крыльцами, потомъ больной начнетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, обильный потъ, дрожь, похвараетъ такимъ образомъ день, два, рѣдко три, и умираетъ; появлялись и железа, у одного на шеѣ, у другаго на стегнѣ, у иного подъ пазухою, подъ скулою, за лопаткою. (1165) О силѣ этой моровой язвы можно судить потому, что въ одномъ семействѣ Тверскихъ князей умерло отъ нея 8 человѣкъ. (1166) Въ 1367 г., въ начавшейся войнѣ Михаила Александровича съ Москвой, Тверское княжество было сильно раззорено и своими — Тверичами и Кашинцами, а также и чужими, т. е. ратью Московской и Литовской. (Москвичи раззоряли Тверь, а Литовцы Кашинъ.) На слѣдующій годъ «гладъ великъ бысть во Твери,» что должно полагать было слѣдствіемъ прошлогодняго раззоренія Тверскаго княжества. Въ 1370 г. Москвичи (въ 3-й войнѣ Твери съ Москвою) дважды опустошили Тверское княжество, а въ слѣдующемъ году Новгородцы, союзники Московскаго князя, пограбили Тверскія волости. Въ 1371 г. отъ сильныхъ жаровъ, сухмени и пожаровъ были дороговизна хлѣба и голодъ по всей землѣ (1167); чрезъ два года повторились сильныя жары и бездождіе, къ чему присоединился еще моръ на людей и скотъ. (1168) Въ 1372 г. Михаилъ Александровичъ и Литовцы повоевали Кашинскія волости и села; но союзники-Литовцы пограбили и около самой Твери. Въ 1375 г. Донской (во время 5-й войны съ Тверью) со своими союзниками опустошилъ Тверское княжество.

Въ княженіе Ивана Михайловича (1399—1425) на Тверское княжество было только одно непріятельское нашествіе — Едигей раззорилъ Клинскую волость, но за то Тверское княжество нѣсколько разъ сильно страдало отъ голода и мора. Въ 1407 г. «летяще черви бѣли, яко мотиль, тоже отъ полудне гряде къ полунощи идяше; преходяше рѣкы, поля и жита, и на лѣсы идяше, и пояде и посуши древо елное; того ради и *скора*, *рекше бѣлка*, вся изгыбе, не имый кормля въ сухѣ древѣ.»(1169) Въ 1408 г. въ волостяхъ Ржевскихъ былъ моръ на людей съ харкотою. (1170) Въ 1409 г. была большая дороговизна всякому житу, много народа умерло отъ голода, а «житопродавцы» разбогатѣли. (1171) Въ

1417 г. былъ моръ «зело страшенъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, а также и въ Твери. Моръ былъ такъ силенъ, что живые не успѣвали погребать мертвыхъ; здоровые даже не успѣвали ухаживать за больными, одинъ здоровый смотрѣлъ за 10 и 20 больными; вездѣ столько народа умирало ежедневно, что живые не успѣвали хоронить мертвыхъ до солнечнаго захода. (Болѣзнь сопровождалась такими же признаками, какъ и въ 1364 г.) Предъ страхомъ смерти люди давали многіе обѣты, и во многихъ мѣстахъ въ одинъ день срубали, ставили и святили такъ называемыя обыденныя церкви. По случаю этой язвы лѣтописецъ такъ размышляетъ: «Но убо человѣческая слабость и разсѣянный умъ, егда отъ Бога бываше ярость и гнѣвъ, возвращахусь отъ злобъ своихъ, егдажъ милость и благодать божія бываше на человѣцехъ, тогда схожаху въ забвеніе и во многая злая, и другъ друга ратоваху и убиваху, и чужая восхищаху; и милосердый Богъ паки возвращаше тварь свою на покаяніе гладомъ, моромъ, нашествіемъ иноплеменныхъ, мразомъ, и громомъ, молніями, сухмени, дожди велицими; паче бо всего любитъ и желаетъ спасенія человѣческаго.» (1172) Въ 1419 г. опять былъ сильный моръ въ Новгородѣ, во Псковѣ, въ Торжкѣ, а также въ Твери, и вообще по всей Русской землѣ; умерло такъ много народа, что въ иныхъ мѣстахъ жито стояло на нивахъ, потому что некому было жать. (1173) А послѣ мора, въ Сентябрѣ, пошелъ снѣгъ, шелъ въ теченіе 3 сутокъ, и выпало его на 4 пяди; затѣмъ настали морозы, а потомъ стало тепло: сдѣлался голодъ по всей русской землѣ и теперь, послѣ мора, стали умирать люди отъ голода. (1174) Чрезъ годъ опять, почти по такой же причинѣ, былъ неурожай по всей русской землѣ. (1175) Въ 1422 г. опять былъ голодъ по Новгородской, Тверской и по всей Русской землѣ; ѣли коней, псовъ, кошекъ, кротовъ, падаль, и даже люди людей ѣли. Отъ голода многіе пошли изъ Руси въ Литву и отъ голоду и мороза умерли на дорогѣ. Въ Москвѣ тогда оковъ (т. е. кадь) ржи стоила 1 р. 50 к., (по нынѣшнему счету 4 р. 50 к.) въ Костромѣ 2 рубля, (по нын. сч. 6 р.) а въ Нижнемъ Новгородѣ 6 рублей, (по нын. сч. 18 р.) (1176) Много народа набралось также во Псковъ, гдѣ отъ прежнихъ лѣтъ на Крому клѣти были полны всякаго обилія. Во Псковѣ, его пригородахъ и волостяхъ стали покупать рожь и вывозить за рубежъ; цѣны на хлѣбъ поднялись, такъ что зобница ржи стоила 70 ногатъ, (по нынѣшнему счету 1 р. 50 к.) зобница жита 50 ногатъ, а овса 30 ногатъ. «И оттолѣ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежь ржи и никакова обилія. А нахожихъ людій начаша изо Пскова провадити и изо всѣхъ волостей, и тако мнози разыдошася.» Но перемерли многіе изъ тѣхъ мужей, женъ и малыхъ дѣтей, которые остались во Псковѣ и по волостямъ, и ихъ наклали во Псковѣ четыре скудельницы, а сколько перемерло народу по пригородамъ и по волостямъ, то тѣмъ и числа нѣтъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. (1177) Въ 1424 г. въ Литвѣ, въ Твери и по всей русской землѣ началъ моръ быть «же-

лезою и охракъ кровію.» (1178) А въ 1424 г. въ Кашинѣ былъ моръ и меженина; по полтинѣ платили за оковъ ржи (т. е. по 4 р. нынѣшнихъ.) (1179) А въ 1425 г. съ Ильина дня (т. е. съ 20 Іюля) начался въ Твери сильный моръ, (1180) отъ котораго умеръ и в. к. Тверской Александръ Ивановичъ и его сынъ Юрій Александровичъ. Въ 1426 г. возобновившійся моръ появился и въ Твери. (1181) Въ 1427 г. былъ сильный моръ (мерли прыщемъ) во всѣхъ русскихъ городахъ. (1182) Въ 1431 г. былъ сильный голодъ по всей русской землѣ. (1183) По случаю дороговизны 1436 г. многіе ушли къ Нѣмцамъ. (1184) Въ 1442 г. жито было дорого: въ Твери оковъ ржи стоилъ 16 алтынъ (нын. 3 р. 84 к.), а оковъ овса 6 алтынъ. (1185) Въ 1443 г. опять неурожай (меженина) по всей землѣ русской: въ Твери оковъ ржи стоилъ 26 алтынъ (нын. 4 р. 68 к.), оковъ овса 10 алтынъ, а козлець сѣна 12 алтынъ. (1186) Въ 1448 г. былъ моръ — но не сильный — на людей и животныхъ. (1187)

Въ 1483 г. Московское войско раззорило Тверское княжество. Иногда въ лѣтописяхъ упоминается про то, что была сухмень велія; и земля, лѣса и болота горѣли, и воздухъ курился, и нѣкоторыя водныя мѣста до конца иссохли — конечно все это должно было отзываться болѣе или менѣе бѣдственно, но только неизвѣстно — были ли это явленія мѣстныя или онѣ захватывали по нѣсколько областей; такъ что мы не знаемъ, насколько онѣ проявлялись въ Тверской землѣ, хотя въ лѣтописяхъ при этомъ иногда замѣчается, что «бысть хлѣбная дороговь повсюду, и гладъ велій *по всей земли*, и отъ того люди мряху». (1188) — Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ лѣтописныхъ указаній видно, что Тверь страдала отъ голода, обыкновенно тогда, когда страдала вся Русская земля; только три раза терпѣло Тверское княжество отъ голода и дороговизны хлѣба, а остальная русская земля этому не подверглась: въ 1368, въ 1424 и въ 1442 г. (въ 1424 г. была меженина въ Кашинѣ). Въ этомъ отношеніи только Псковъ, гдѣ земля обработывалась съ большею тщательностью, былъ счастливѣе остальной русской земли. Такъ за время извѣстное намъ по лѣтописямъ съ 1000 г. по 1500 г. во Псковѣ упоминается только одинъ разъ о голодѣ; именно подъ 1230 г. лѣтопись говоритъ: «того же лѣта поби морозъ жито, и бысть гладъ золъ по всей земли, и никогда такъ не бывало, — умирали люди по улицамъ и некому было погребать ихъ и ѣли ихъ собаки, какъ и всякую падаль, даже въ великій постъ люди ѣли конину.» Кромѣ этого одного года въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину о голодѣ во Псковѣ, и только не болѣе семи разъ упоминается — о дороговизнѣ того или другаго хлѣба. (1189) Соловьевъ (IV, 264, 265) приводя число опустошеній Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ усобицъ, доходящее до 232 въ періодъ времени отъ кончины кн. Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины в. к. Василья Темнаго (т. е. 1228 до 1462; слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ) замѣчаетъ слѣдующее: «Но понятно, что на этихъ однихъ цыфрахъ нельзя

основать никакихъ выводовъ; такъ напр. Новгородская и Псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествія внѣшнихъ враговъ, и не смотря на то Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большаго вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій Нѣмецкихъ, Шведскихъ и Литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ, ограничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не могутъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Батыя, съ двукратнымъ Татарскимъ опустошеніемъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго, съ опустошеніемъ Тверской области Татарами и Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Также обманчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ областей; такъ напр. цифры показываютъ, что Московское княжество подвергалось бо̀льшимъ опустошеніямъ, чѣмъ княжество Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ, и именно—когда и какого рода опустошеніямъ подвергались оба соперничествующія княжества, совершенно измѣняетъ дѣло: Тверское княжество подверглось страшному опустошенію въ конецъ отъ Татаръ и Калиты при кн. Александрѣ Михайловичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія, начинаются усобицы княжескія, заставляющія народъ выселяться изъ родныхъ предѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва не терпитъ опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ отъ Калиты до Донскаго, а усобицы начинаются въ ней только въ княженіе Василія Васильевича, когда она уже воспользовалась временемъ отдыха и взяла окончательно верхъ надъ всѣми другими княжествами.» «Вообще съ цыфрами, прибавляетъ Соловьевъ, въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.» (ib. 266)

Сохранились серебряныя и мѣдныя монеты князей Тверскихъ—какъ великихъ такъ и удѣльныхъ. Наиболѣе полное и подробное собраніе ихъ находится у Черткова (описаніе древ. рус. мон. 1834). Самая ранняя изъ нихъ есть серебряная монета в. к. Михаила Александровича Тверскаго. Затѣмъ слѣдуютъ монеты Ивана Михайловича, Бориса Александровича, Михаила Борисовича. Имѣло ли Тверское княжество одинакую монетную систему съ Московскимъ княжествомъ? На такой вопросъ Чертковъ замѣчаетъ, что его рѣшить нельзя, по малому количеству имѣющихся Тверскихъ монетъ. Чертковъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о Тверскихъ монетахъ. Особенность надписей на Тверскихъ монетахъ заключается въ томъ, что онѣ начинаются словомъ *печать*; оно постоянно встрѣчается на Тверскихъ монетахъ до самаго присоединенія Твери къ Москвѣ, даже на монетахъ съ надписью: *деньга Тверъская* (у Рейх. доп. къ Рус. Нум. въ З. А. Н. О. I, стр. 71; монеты Бор. Алекс. съ так. надп.: *денга Тврискася*) и даже на пулахъ, тогда какъ монеты Московскія съ этимъ словомъ только Дмитрія Донскаго. Надписи на Тверскихъ монетахъ доселѣ извѣстныхъ, оказываются всѣ Русскія

и ни на одной изъ нихъ не видно Арабскихъ (Чертковъ, тоже замѣч. и Сахаровъ въ лѣт. рус. нумизм. 1851 стр. 37). Уменьшеніе вѣса денегъ въ Москвѣ, въ половинѣ XV в., имѣло вліяніе и на Тверь. Московскія (при в. к Васил. Темн.) уменьшились отъ 12 гранъ до 6; Тверскія при в. к. Борисѣ отъ 11 до 8. (1190) При сынѣ его Михаилѣ Борисовичѣ, вѣсъ тѣхъ и другихъ — равный; монеты этого Тверскаго князя сходны съ Московскими и формою надписей. Для монетъ Тверскихъ, кажется, не было изображенія постояннаго (какъ въ Москвѣ всадникъ съ копьемъ при Васил. Темномъ, съ мечемъ при Іоаннѣ III): на деньгахъ Бориса Александровича видимъ человѣка съ мечемъ, копьемъ, щитомъ или лукомъ, всадниковъ, четвероногихъ, птицъ и прочихъ баснословныхъ животныхъ не замѣчается. Изъ монетъ Тверскихъ удѣловъ встрѣчаются Кашинскія, (Василія Михайловича. Но котораго?) Микулинскія, Городенскія. (1191)

Сахаровъ замѣчаетъ (деньги Моск. удѣльн. княж. въ Зап. Отд. рус. и Слав. Арх. И. А. О. I, стр. 128) слѣдующее: «На монетахъ Московскихъ: *всадникъ на конѣ, ѣдущій на право, подъ снятымъ мечемъ* перешелъ въ нашу монетную систему изъ Литвы и взятъ изъ Литовскаго герба погони (pogon). В. к. Василій I, женатый на Софьѣ Витовтовнѣ, усвоилъ себѣ Литовскій гербъ для печати и для денегъ. Этотъ типъ видимъ на деньгахъ Тверскихъ князей Бориса Александровича и Михаила Борисовича.» (1192).

Въ одной Тверской жалованной грамотѣ находится счетъ *Тверскими кунами*, именно встрѣчается выраженіе *десятокъ Тверскихъ кунъ*. Горбуновъ (Льготныя Грам. въ Арх. ист. практ. свѣд. 1860—1861, №№ 1, 5, 6, стр. 45 во 2-й ст.) по этому замѣчаетъ слѣдующее: «Дань Татарамъ, кажется, никогда не платилась кожаною монетою, которой Монголы не употребляли: слѣдовательно подъ *кунами* въ текстѣ не должно разумѣть Тверскихъ кожаныхъ денегъ, а или а) *вообще деньги*, въ каковомъ смыслѣ денегъ употреблялось слово куны, или b) *мѣха*, коими иногда уплачивалась дань Татарамъ; ибо мы знаемъ, что какъ мѣха, такъ и условно-цѣнныя частицы ихъ (собственно кожаныя деньги) обращались въ одно и тоже время вмѣстѣ съ серебряною монетою; с) или серебряныя деньги: съ XIII в. такихъ кунъ стали считать въ гривнѣ по 50.» (1193)

Г. Прозоровскій о монетной системѣ Твери (стр. 518—520) замѣчаетъ слѣдующее: «Еще въ XV в. въ Твери была особая монетная система, что видно изъ жалованной грамоты кн. Бориса Александровича Отрочу монастырю, въ которой упоминаются *Тверскія куны*. Отъ Бориса Александровича дошли только серебряныя монеты въ 8—11 гранъ вѣсомъ и мѣдныя пулы 27—30 гранъ; неизвѣстно, были ли въ Твери куны особою монетою, подобно кунамъ новгородскимъ, или такъ назывались мѣдныя монеты; послѣднее мнѣ кажется достовѣрнѣе. Тверская система выразилась метрологически не прежде 1316 г. когда Михаилъ Ярославичь заключилъ миръ съ Новгородомъ. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ окупъ этотъ показанъ въ 50000, а по договору Новгородцы обязались

уплатить 12,000 серебра (С. г. г. д. I, стр. 15 подъ 1317 г.). Известно, что прежнія гривны серебра въ началѣ XIV в. назывались уже рублями; потому сумма 12,000 составилась изъ рублей и равнялась 50,000 гривнамъ, такъ что въ рублѣ содержалось тогда $4^{1}/_{6}$ гр. Надобно сказать, что окупъ выдавался въ низовскій вѣсъ, т. е. въ тверской, а не новгородскій; а это значитъ, что новгородскіе рубли взяты по тверской цѣнѣ. Поэтому низовская гривна, бывъ переложена въ XVI в. въ $^{1}/_{4}$ новгородской гривны серебра, была принята цѣнностью въ $^{24}/_{25}$........ И такъ тверская гривна была подобна новгородской полтинѣ XV в. и московскому рублю того же времени, и содержала до 34 рѣзанъ.» Едвали можно согласиться, что 50,000 гр. равнялись 12,000 серебра, потому что лѣтописное упоминаніе о 50,000 и договорное о 12,000, — сколько видно по ходу событій (о чемъ было выше), — относятся къ разнымъ временамъ; при томъ тогда какъ въ однихъ лѣтописяхъ называется сумма въ 50,000, въ другихъ въ 5,000 (о чемъ было сказано также выше).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1.

О времени поѣздки Даніила Романовича въ Орду.— Чей былъ бояринъ Дмитро Ейковичь—Ярослава Всеволодовича или Ярослава Ярославича?

Можно еще присоединить *догадку* на счетъ обстоятельствъ, по которымъ Ярославъ Ярославичь принялъ сторону своего брата Андрея противу Александра Невскаго. Но при этомъ нужно замѣтить, что для подкрѣпленія такой догадки необходимо точно и вѣрно знать годъ поѣздки Даніила Романовича въ орду.

Въ 1249 г. въ Ордѣ Андрей былъ утвержденъ на столѣ великаго княженія Владимірскаго, а Александръ получилъ Кіевъ и Новгородъ (кромѣ того удержалъ Переяславль Залѣсскій). (1194) Спрашивается, кому принадлежалъ Кіевъ передъ этимъ 1249 г.? Лѣтописныя извѣстія о Кіевѣ приблизительно со второй половины XIII в. чрезвычайно скудны, (1195) такъ что остается иногда предполагать, кому онъ принадлежалъ. Передъ тѣмъ какъ Александръ получилъ Кіевъ въ Ордѣ отъ Татаръ, не принадлежалъ ли этотъ городъ Ярославу Ярославичу? Возможность такого предположенія допускаетъ то мѣсто Ипатіевской лѣтописи (стр. 184) подъ 1250 г., гдѣ говорится о поѣздкѣ Даніила Романовича въ орду: «Изіиде же (Даніилъ) на праздникъ св. Дмитрѣя, помолився Богу, и приде Кыеву, *обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ*.» Чей же это былъ бояринъ Дмитръ Ейковичь, какого князя Ярослава — отца или сына, т. е. Ярослава Всеволодовича или Ярослава Ярославича? Если для поѣздки Даніила въ орду принять годъ, выставляемый Ипатіевскою лѣтописью, т. е. 1250 г., какъ это обыкновенно и дѣлается, (1196) то въ такомъ случаѣ князь, упоминаемый Ипат. лѣтописью, долженъ быть Ярославъ Яро-

славичь, потому что Ярославъ Всеволодовичь по нашимъ лѣтописямъ умеръ 30 Сентября 1246 г., значитъ во время проѣзда Даніила чрезъ Кіевъ въ орду, этотъ городъ принадлежалъ Ярославу Ярославичу Тверскому. Если принять этотъ послѣдній выводъ, то выходитъ, что Ярославъ Тверской, вопреки Татарамъ, отнялъ въ 1250 г. у Александра Невскаго Кіевъ, пожалованный ему послѣдними въ 1249 г. Но на хронологію Ипатіевской лѣтописи полагаться нельзя, а потому нельзя принимать и 1250 г., какъ годъ поѣздки Даніила въ орду.

Оттого нѣкоторые ученые (Мак. И. Р. Ц. IV, 8, пр. 3) замѣчаютъ, что Ипатіевская лѣтопись ошибочно относитъ путешествіе Даніила къ Батыю къ 1250 г, потому что Плано Карпини, посолъ папскій, путешествовавшій къ Татарамъ чрезъ Россію въ 1246 г., замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ съ товарищами прибылъ въ столицу Галицкаго князя Даніила, то не засталъ его дома, такъ какъ Даніилъ находился тогда въ ордѣ. Изъ Кіева же къ Татарамъ Плано Карпини выѣхалъ 4 Февраля 1246 г. На основаніи этого замѣчанія и путешествіе Даніила къ Батыю нужно отнести къ 1246 г. Такимъ образомъ выходитъ, что въ Февралѣ 1246 г. Даніилъ былъ уже у Батыя, а въ Сентябрѣ того же 1246 года умеръ Ярославъ Всеволодовичь, — значитъ бояринъ Дмитръ Ейковичь, бывшій въ Кіевѣ во время поѣздки Даніила въ орду, былъ бояринъ князя Ярослава Всеволодовича.

Если съ этимъ согласиться, то приходится согласиться и съ тѣмъ, что Кіевъ въ 1246 г. принадлежалъ Ярославу Всеволодовичу, — чего однако не видно ни изъ какихъ другихъ источниковъ. Однако несомнѣнно, что Даніилъ былъ въ ордѣ ранѣе 1250 г., потому что ранѣе этого года уже начались сношенія Даніила съ папою Иннокентіемъ IV, (1197) а въ такія сношенія, сколько извѣстно, онъ вступилъ послѣ своей поѣздки въ орду. (1198) Несомнѣнно также и то, что Плано Карпини изъ Кіева выѣхалъ къ Татарамъ 4 Февраля 1246 г.; (1199) что онъ въ концѣ того же года былъ у Татаръ, потому что при немъ умеръ въ Азіи Ярославъ Всеволодовичь (о чемъ говоритъ Плано Карпини), а его смерть, какъ мы видѣли, наши лѣтописцы относятъ къ 30 Сент. 1246 г., а за 10 дней до этого т. е. 20 Сент. того же 1246 г. въ ордѣ былъ убитъ князь Михаилъ Черниговскій. (1200)

Но спрашивается, вѣрно ли то, что Даніилъ во время проѣзда Карпини чрезъ Кіевъ, былъ въ ордѣ, какъ объ этомъ говоритъ самъ Плано Карпини. Плано Карпини во время своего путешествія къ Татарамъ и пребыванія у нихъ не могъ составить свои записки въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь имѣемъ; онъ могъ составлять только болѣе или менѣе краткія замѣтки, которыя онъ послѣ могъ исправлять, дополнять и т. д., а при этомъ-то ему и могла иногда память измѣнять. А что онъ составлялъ свои записки по возвращеніи домой, это напр. видно изъ его одной фразы, когда онъ, говоря о своемъ возвращеніи въ Кіевъ отъ Татаръ, замѣчаетъ, что его благополучному возвращенію въ Кіевъ радовались

Кіевляне, вся Россія, *Польша* и *Богемія*, а затѣмъ уже разсказывается о томъ, какъ онъ былъ принятъ Даніиломъ. Да наконецъ самъ Плано Карпини, въ послѣсловіи къ своимъ запискамъ, говоритъ, что онъ въ удобное время исправлялъ и улучшалъ свои записки а потому никто — изъ имѣющихъ списки съ его прежнихъ неисправленныхъ и недополненныхъ записокъ — не долженъ удивляться, если въ его новыхъ запискахъ найдетъ какія либо подробности и исправленія, какихъ нѣтъ въ прежнихъ. (1201) Плано Карпини, исправляя и пополняя свои записки, и могъ сдѣлать ошибку на счетъ поѣздки Даніила въ орду въ началѣ 1246 г. Когда Плано Карпини пріѣхалъ въ первый разъ въ юго-западную Русь, то не засталъ *почему-то* Даніила дома. Въ послѣдствіе времени Плано Карпини могъ самъ узнать или отъ другихъ слышать, что Даніилъ или собирался въ орду или что въ нее поѣхалъ, и когда потомъ сталъ исправлять свои записки, то причину и перваго отсутствія Даніила объяснилъ тѣмъ, что этотъ князь былъ тогда у Татаръ. Да и странно какъ то выходитъ — Карпини былъ въ ордѣ у Батыя и не видѣлъ тамъ Даніила, который по его словамъ туда поѣхалъ, между тѣмъ Карпини замѣчаетъ о томъ, что видѣлъ Ярослава у великаго хана.

Вотъ еще какія обстоятельства заставляютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы Даніилъ Романовичъ въ 1246 г. ѣздилъ къ Батыю. Не обращая вниманія на хронологію Ипатіевской лѣтописи, замѣтимъ только какія событія въ ней описаны въ періодъ времени отъ смерти Михаила Черниговскаго въ ордѣ до поѣздки въ нея Даніила. Послѣ смерти Михаила въ ордѣ (1245 г. по Ипат.) въ Ипатіевской лѣтописи описывается походъ Даніила на Люблинъ, столкновеніе съ Ростиславомъ Черниговскимъ (котором помогали Венгры), его же военныя столкновенія въ 1246 и 1247 г. съ Литовцами, и наконецъ въ 1249 г. знаменитая Ярославская битва съ Ростиславомъ (которому помогали Венгры и Поляки), окончательно упрочившая Даніила на столѣ Галицкомъ; въ 1250 г. Даніилъ ѣдетъ въ орду. Положимъ, что всѣ хронологическія даты здѣсь выставлены невѣрно, но неужели же Даніилъ въ одинъ и тотъ же годъ, когда погибъ Михаилъ въ ордѣ, успѣлъ принять участіе въ столькихъ событіяхъ и самъ съѣздить въ орду. Или же нужно допустить, что Ипат. лѣтопись не только перепутала всѣ хронологическія показанія за этотъ неріодъ времени, но даже и всѣ факты. Что касается до времени Ярославской битвы, то нѣкоторые относятъ ее ко времени болѣе раннему нежели 1249 г. (1202) Во всякомъ случаѣ, не ѣздилъ ли Даніилъ въ орду въ 1247 г. или въ концѣ 1246 г.' Если это справедливо, то значитъ Даніилъ поѣхалъ въ орду послѣ смерти Ярослава Всеволодовича, и бояринъ Дмитръ Ейковичь, управлявшій въ Кіевѣ, былъ бояринъ Ярослава Ярославича Тверскаго. А если Ярославу Ярославичу удалось посадить въ Кіевѣ намѣстникомъ своего боярина Дмитра Ейковича, то онъ едва ли могъ сдѣлать это безъ согласія Даніила. (1203).

Если Ярославу, кромѣ Твери, хотѣлось имѣть въ своихъ ру-

16*

кахъ и Кіевъ, то это—попытка не новая: еще 15 лѣтъ назадъ его отецъ, Ярославъ Всеволодовичь, владѣя Переяславлемъ Залѣсскимъ и Новгородомъ Великимъ, рѣшился (въ 1235) воспользоваться усобицею Мономаховичей съ Ольговичами на югѣ и захватилъ Кіевъ, впрочемъ на короткое время. (1204)

И если Ярославъ Тверской овладѣлъ Кіевомъ, не встрѣчая препятствій со стороны Даніила, то какъ долженъ былъ отнестись онъ къ Александру Невскому, получившему Кіевъ отъ Татаръ въ 1249 г.? Конечно, враждебно — и это обстоятельство могло быть причиной, по которой онъ вступилъ въ союзъ съ Андреемъ, вѣроятно надѣясь съ его помощью вернуть себѣ Кіевъ, и можетъ быть получить еще какое нибудь вознагражденіе.

Впрочемъ, все это ничто иное, какъ предположенія и догадки— тѣмъ болѣе, что намъ точно неизвѣстенъ годъ поѣздки Даніила къ Татарамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ — и чей былъ бояринъ Дмитро Ейковичь.

Въ Густинской Лѣтописи (стр. 340) есть извѣстіе, будто Дмитръ *Ейконовичъ* былъ посланъ въ Кіевъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1243 г. Извѣстно, что Густинскій списокъ *переписанъ* въ 1670 г. іеромонахомъ Михаиломъ Лосицкимъ; списокъ этотъ изобилуетъ невѣрностями хронологическими и ошибками въ отчествахъ удѣльныхъ князей, которыя въ печатномъ изданіи *по возможности* исправлены (предисл. къ Густ. лѣт. 232). Вотъ тѣ два мѣста, въ которыхъ упоминается о бояринѣ Дмитрѣ Ейконовичѣ: «Въ лѣто *1243.* Ярославъ Всеволодичъ, Московскій князь, пойде во орду ко Батію царю Татарскому, поддаваяся ему, и моли его, да не плѣнитъ болѣе землѣ христіанскія; онъ же обѣщася. и постави его княземъ старѣйшимъ всей Московской землѣ и надъ Кіевомъ. Ярославъ же возвратися въ Москву, а надъ Кіевомъ постави воеводу своего *Дмитра Ейконовича.*» «Въ лѣто *1244.* Данилъ Романовичъ Галицкій пойде ко Батієви чрезъ Кіевъ, поддаваяся ему и моля, да не плѣнитъ болѣе державы его; въ Кіевѣ же тогда бѣ *Дмитро Ейконовичъ*, воевода Ярослава Всеволодича Московскаго.» Неизвѣстно, откуда Густинскій лѣтописецъ почерпнулъ извѣстіе о томъ, что въ 1243 г. Ярославъ Всеволодовичь получилъ отъ Батыя и Кіевъ, въ которомъ онъ и оставилъ своего воеводу Дмитра Ейконовича. Но при первомъ взглядѣ на Густинскую лѣтопись замѣчаются ошибки вольныя или невольныя — происшедшія по винѣ или составителя этой лѣтописи или котораго нибудь изъ ея переписчиковъ, а можетъ быть принадлежащія перу самого іеромонаха Михаила Лосицкаго. Такъ въ Густинской Лѣтописи Суздальскіе князья раньше времени называются Московскими, великое княженіе Владимірское называется Московскимъ, Ярославъ Ярославичь названъ Московскимъ и Кіевскимъ (а въ одномъ изъ списковъ Густ. лѣтописи — Литовскимъ и Кіевскимъ), про Іоанна Калиту сказано, что онъ началъ княжить въ Кіевѣ. Вѣроятно составитель лѣтописи (а можетъ быть и переписчикъ) найдя въ Ипатіевской лѣтописи замѣчаніе о томъ, что Кіевъ держалъ Ярославовъ бояринъ Дмитръ

Ейковичь во время проѣзда черезъ этотъ городъ Даніила Романовича въ орду, задалъ себѣ вопросъ, какого это князя Ярослава бояринъ? когда онъ попалъ въ Кіевъ? а за тѣмъ и порѣшилъ, что это долженъ быть князь Ярославъ Всеволодовичь, котораго Батый въ 1243 г. объявилъ старшимъ между всѣми князьями въ Русскомъ народѣ; а за тѣмъ составителю лѣтописи недалеко было дойти и до такого вывода: если Батый призналъ Ярослава Всеволодовича старшимъ княземъ, то значитъ отдалъ ему и Кіевъ, въ который тотъ и назначилъ Дмитра Ейковича. И если бы Кіевъ былъ отданъ Батыемъ Ярославу Всеволодовичу, неужели бы объ этомъ не было замѣчено ни въ одной лѣтописи, кромѣ Густинской?

Въ Густинской лѣтописи поѣздка Даніила къ Татарамъ неизвѣстно почему отнесена къ 1244 г.

Приложеніе № 2.

О Геронтіи-игуменѣ и Переяславскомъ Соборѣ въ началѣ XIV вѣка.

Когда въ 1305 г. умеръ Митрополитъ Максимъ, то нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ «подъяти санъ святительскій, возмя ризницю, и рипидію, и многія иконы, и сановники, якоже подобаетъ святителю,» и отправился для рукоположенія въ Константинополь, но тотъ корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, заблудился въ морѣ, «и бысть блудя многи дни.»

Но между тѣмъ Галицкій князь Юрій Львовичь, — узнавъ о поѣздкѣ Геронтія, что ему не нравилось, (1205) — послалъ въ Константинополь Ратскаго игумена Петра съ рекомендательнымъ письмомъ отъ себя и со своимъ посломъ.

Патріархъ Аѳанасій рукоположилъ Петра въ Митрополита Русскаго. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого прибылъ Геронтій, но патріархъ, сказавъ ему: «не достоитъ міряномъ избранія святительскія творити,» (1206) отобралъ у него святительскія одежды, пастырскій жезлъ, церковныхъ сановниковъ и все передалъ Петру, а за тѣмъ отпустилъ въ отечество въ 1308 г. (1207)

Такимъ образомъ въ теченіе почти 3 лѣтъ съ 1305 по 1308 г. Русская церковь не имѣла законнаго Митрополита и ея дѣлами, какъ видно, управлялъ Геронтій и даже можетъ быть уже носилъ имя митрополита. Есть-ли этому примѣры прежде и послѣ? Митрополитъ Кириллъ II, покровительствуемый Галицкимъ княземъ Даніиломъ, уже въ 1243 г. носилъ имя Митрополита, а только въ 1246 г. поѣхалъ въ Царьградъ для утвержденія своего въ митрополитской власти. (1208) Лѣтъ черезъ 70 послѣ Максима повторился съ Митяемъ случай подобный случаю съ Геронтіемъ. По

смерти Митрополита Алексѣя (въ 1378 г.), сперва священникъ, а потомъ архимандритъ Митяй, любимецъ Донскаго, сильно имъ поддерживаемый, сталъ носить митрополичье одѣяніе и началъ обращаться съ духовенствомъ и управлять, какъ Митрополитъ. Потомъ онъ отправился для рукоположенія въ Царьградъ съ огромною свитою, въ которой находились три архимандрита, нѣсколько игуменовъ, митрополичьи бояре и др. лица. Правда, что Митяю не удалось достигнуть цѣли своей поѣздки — онъ умеръ на кораблѣ въ виду Константинополя, но все-таки въ Россіи онъ управлялъ дѣлами Русской церкви 18 мѣсяцевъ, хотя и съ согласія Патріарха Макарія, но все-таки не будучи рукоположенъ въ Митрополиты. (1209)

Такимъ образомъ и Геронтій до поѣздки въ Константинополь могъ уже называться Митрополитомъ, на что есть и намекъ въ Степенной книгѣ и въ Житіи Петра. (1210) Даже, если бы онъ и не носилъ такого высокаго сана, все-таки онъ управлялъ дѣлами Русской церкви, иначе какъ же онъ могъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ распоряжаться святительской ризницей, утварью, жезломъ пастырскимъ, церковными сановниками — и наконецъ съ ними отправляется въ Константинополь.

Теперь является новый вопросъ: какъ онъ это сдѣлалъ — самовольно или съ согласія какого либо князя и свѣтскихъ властей города Владиміра. Хотя въ житіи Петра и сказано, что Геронтій «дерзнулъ», но этому слову не слѣдуетъ придавать буквальнаго значенія, потому что житіе Петра составлено гораздо позже этого случая и такой отзывъ поставленъ о Геронтіи, какъ о человѣкѣ не имѣвшемъ успѣха у Патріарха. Могъ ли Геронтій самовольно распоряжаться святительской одеждой, и утварью, и церковными сановниками? Конечно, не могъ. Съ чьего же согласія онъ дѣйствовалъ? Въ такомъ важномъ дѣлѣ его могъ поддержать только князь. (1211) — И безъ сомнѣнія великій князь Владимірской. А тогда в. к. Владимірскимъ былъ великій князь Тверской Михаилъ Ярославичь. (1212) Онъ очень хорошо могъ знать, какую сильную поддержку въ состояніи былъ ему оказать Митрополитъ своею духовною властью. И конечно Михаилу хотѣлось имѣть Митрополитомъ человѣка, которому онъ довѣрялъ и который былъ бы обязанъ дѣйствовать въ его пользу. (1213) И можетъ быть Михаилъ успѣлъ бы въ своемъ планѣ, если бы только Геронтій пріѣхалъ въ Царьградъ раньше Петра; вѣроятно у Геронтія не было достаточной суммы денегъ, а то бы онъ могъ и позже получить митрополичье достоинство, какъ напр. впослѣдствіе времени Пименъ Переяславскій, спутникъ Митяя, уже дѣйствительно самовольно (помимо воли князя Дмитрія Донскаго, но съ согласія своихъ спутниковъ) при помощи денегъ успѣлъ же въ Царьградѣ получить санъ Митрополита, хотя уже раньше былъ назначенъ Митрополитомъ Кипріанъ. (1214) Какъ бы то ни было, только не Геронтій сдѣлался Митрополитомъ, а Петръ, при чемъ все-таки Юрію Львовичу не удалось епископію Галицкую возвести на степень особой

митрополіи и удерживать Кіевскихъ Митрополитовъ на югѣ Россіи. (1215) Митрополитъ Петръ, подобно двумъ своимъ предмѣстникамъ, переѣхалъ на Сѣверъ во Владиміръ. Нѣкоторые недовольные избраніемъ Петра не хотѣли принимать его, но вскорѣ подчинились ему. (1216) (Естественно, что въ числѣ недовольныхъ могъ быть и великій князь Михаилъ Ярославичь, но по крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ не выказалъ своего недовольства.) Въ слѣдъ за тѣмъ въ Житіи Петра, соч. Прохора епископа Ростовскаго (краткое описаніе) и въ Ник. III, 132—135, (1217) разсказывается слѣдующее: Тверской епископъ Андрей, «лехка убо суща умомъ, легчайша же и разумомъ,» по зависти «сплелъ ложная и хулная словеса,» и послалъ доносъ на Петра Константинопольскому Патріарху Аѳанасію, который удивился этому доносу и послалъ въ Россію своего клирика, велѣвши сказать Петру: «потщися убо сие очистити и исправити.»

Но между тѣмъ Петръ уже *раньше* зналъ о доносѣ Андрея. (1218) Когда клирикъ пріѣхалъ въ Россію, то въ Переяславлѣ собрался соборъ, на которомъ были: Ростовскій Епископъ Симеонъ, игуменъ Прохоръ (авторъ Житія Митр. Петра, какъ значится въ заглавіи этого житія), Тверскіе княжичи Дмитрій и Александръ Михайловичи и много другихъ князей, вельможъ, игуменовъ, иноковъ, пресвитеровъ; самъ же в. к. Михаилъ Ярославичь былъ тогда въ Ордѣ. (1219) На Соборѣ клирикъ предъявилъ Патріаршее посланіе святителю Петру. Произошло большое смятеніе, которое унялъ самъ святитель Петръ своими словами, сказавъ: «братия и чада о Христѣ возлюбленная, не лутчи есмъ яз Ионы Пророка; аще убо мене раді есть волнение сие великое, изженитѣ менѣ, и уляжетъ молва отъ васъ; почто убо толико менѣ раді подвижетеся.» Всѣ желали знать имя клеветника, и когда оно открылось, то Петръ простилъ Андрея. Затѣмъ святитель отпустилъ всѣхъ съ миромъ, предварительно поучивъ князей, причетъ и народъ, что впрочемъ дѣлалъ онъ потомъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ слѣдъ затѣмъ въ Житіи прибавлено: *и се тако* еретика препрѣ, пріѣхавши напрю, и прокля й. Въ Никоновской же сказано, что въ тоже время явился *и другой* еретикъ (и се инъ еретикъ явись), котораго Петръ обличилъ и проклялъ какъ непокорившагося истинѣ. Такимъ образомъ въ житіи и въ Ник. лѣт. разсказывается отдѣльно о Переяславскомъ Соборѣ на Андрея и упоминается о какомъ-то тогда явившемся еретикѣ; между Андреемъ и еретикомъ не проведено никакой внутренней связи; даже не объяснено, въ чемъ заключалось тогда явившееся еретическое ученіе. Тогда какъ у Татищева IV, 92, 93 не говорится о клеветѣ Андрея на Петра и хотя о Соборѣ разсказано коротко; но проведена связь у Андрея съ еретикомъ; говорится, что и соборъ составился именно по поводу ереси; у Тат. упоминается и о клирикѣ Константинопольскаго Патріарха, но не говорится, чтобы онъ пріѣхалъ именно для разбора Андреева доноса на Петра; у него разсказывается такъ подъ 1313 г.: явился въ Новгородѣ еретикъ, протопопъ Новгородскій, къ

которому пристали многіе озъ причта церковнаго и міряне, а Тверской епископъ Андрей помогалъ имъ, говорили, что рай на землѣ погибъ и ругали святый ангельскій монашескій чинъ, называли его (монашество) безбожнымъ бѣсовскимъ ученіемъ, отчего многіе иноки оставили монастыри и оженились; тогда преосвященный Митрополитъ Петръ созвалъ большой соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ были всѣ епискупы и игумены, попы, діаконы, чернецы и отъ патріарха Аѳанасія клирикъ ученый, и было большое преніе, и преосвященный Петръ Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи отъ божественнаго писанія, съ помощью и заступленіемъ князя Ивана Даниловича, едва преодолѣлъ проклятаго еретика, а самъ потомъ посѣтилъ многіе города, поучая право вѣровать и укротилъ молву и прогналъ діавольское смущеніе. (1220) Такимъ образомъ въ Ник. лѣт. и въ Житіи св. Петра разсказывается, что Соборъ въ Переяславлѣ былъ созванъ по случаю клеветы Андрея на Петра, но не объясняется, въ чемъ состояла эта клевета; далѣе говорится о какомъ-то еретикѣ, но не упоминается ни объ имени этого еретика, ни о томъ, откуда онъ былъ, ни объ его ученіи. У Татищева же о клеветѣ Андреевой на Петра не упоминается, а говорится что явился одинъ еретикъ, учившій о погибели рая на землѣ и порицавшій монашество; что пристали къ нему многіе міряне и многіе отъ причта церковнаго, въ числѣ которыхъ былъ и Тверской епископъ Андрей; что по случаю ереси былъ созванъ Соборъ, на которомъ Петръ съ помощью Ивана Даниловича преодолѣлъ и проклялъ еретика; у Татищева хотя еретикъ не названъ по имени, но указано что онъ былъ протопопъ Новгородскій. (Стало быть указано мѣсто появленія ереси — Новгородъ, въ которомъ позже, въ 1376 г., появились стригольники, а еще позже Жидовствующіе.) Въ Степенной книгѣ (1221) еретикъ названъ *Сеитомъ*, что конечно ошибка. (1222) При неопредѣленности разсказа Житія и Никоновской (а стало быть и Степенной), въ чемъ заключалась клевета Андрея, слѣдуетъ ихъ извѣстія пополнять Татищевымъ. (1223)

А потому, сопоставляя извѣстія житія, написаннаго епископомъ Прохоромъ, а также житія по Ник. и Степ. и Тат. полагаю, что въ то время явился ересеучитель, какой-то протопопъ Новгородскій, который училъ, что погибъ рай на землѣ и порицалъ монашество; это ученіе увлекло многихъ духовныхъ и мірянъ, къ нему присталъ и Андрей, что конечно помогло еретикамъ. (1224) По всему видно, что ересь успѣла сильно распространиться ко времени Переяславскаго Собора. (Можетъ быть ея распространенію помогло и тогдашнее смутное время въ митрополіи, т. е. время, когда не было законнаго Митрополита.) Въ это время назначается Митрополитомъ Св. Петръ. Нѣкоторые были недовольны его назначеніемъ, въ томъ числѣ и Андрей, который, епископствуя въ томъ городѣ и области, гдѣ княжилъ тогда в. князь (Михаилъ Тверской), самъ, можетъ быть, тайно желалъ и расчитывалъ занять престолъ Русской Митрополіи. (1225) Чтобы повредить Петру онъ оклеве-

талъ его предъ Патріархомъ. Въ чемъ же могла состоять его клевета? Андрей принадлежалъ къ ереси, которая порицала монашество. И вотъ Андрей со своей точки зрѣнія могъ обвинить Петра какъ бывшаго монаха и не отрицавшаго монашество. Патріархъ посылаетъ въ Россію ученаго клирика, чтобы разсмотрѣть дѣло на соборѣ т. е. дѣло о клеветѣ и дѣло о ереси. Составляется соборъ въ Переяславлѣ. Петру предстояло на соборѣ и очиститься отъ клеветы Андреевой и обличить самое еретическое ученіе. Когда на соборѣ начались споры, то Петръ сказалъ: «братія и чада о Христѣ! я не лучше пророка Іоны; если ради меня великое смятеніе, изгоните меня, да утихнетъ молва; почто убо толико менѣ ради подвижетеся.» Эти слова Петра «если ради меня великое смятеніе, изгоните меня» какъ бы намекаютъ на то, что и соборъ былъ созванъ не только противъ еретиковъ, но и по случаю клеветы Андреевой, такъ и на то, что многіе за одно съ Андреемъ не хотѣли признавать Петра. На соборѣ дѣло кончилось съ успѣхомъ для Петра. Петръ однако простилъ Андрея, а еретика, какъ невнимавшаго истинѣ, предалъ проклятію. (Андрей былъ только клеветникъ; Петръ могъ простить его какъ своего личнаго врага; Петръ проклялъ затѣмъ ересеучителя, протопопа Новгородскаго, но не проклялъ Андрея, потому что Андрей только присталъ къ ереси, да конечно и раскаялся въ ней, иначе Петръ не могъ бы его оставить епископомъ.) (1226) Впослѣдствіе времени въ Твери возобновился споръ о земномъ раю. По крайней мѣрѣ въ половинѣ XIV в. архіепископъ Новгородскій Василій писалъ ко владыкѣ Тверскому Өеодору по поводу того, что въ Твери распространилось мнѣніе о погибели рая на землѣ. (1227)

Теперь спрашивается, въ которомъ году былъ Соборъ Переяславскій?

Въ Житіи, въ Степенной книгѣ и въ Никоновской лѣтописи не показанъ годъ, когда былъ соборъ, но замѣчено что въ то время князь Михаилъ Ярославичь былъ въ ордѣ, а Прохоръ, занявшій потомъ мѣсто епископа Симеона Ростовскаго, былъ тогда еще только игуменомъ. (1228) У Татищева Переяславскій Соборъ отнесенъ къ 1313 году. (1229) Неизвѣстно почему Татищевымъ отнесенъ соборъ къ этому году: нашелъ ли онъ такую дату въ какой либо намъ неизвѣстной лѣтописи, или отнесъ соборъ къ этому году по тому соображенію, что въ нѣкоторыхъ источникахъ сказано, что тогда князь Михаилъ Ярославичь Тверской былъ въ ордѣ. (1230) Дѣйствительно, по лѣтописнымъ извѣстіямъ (1231), князь Михаилъ въ 1313 г. ѣздилъ въ Орду, откуда онъ вернулся только въ 1315 г., но въ томъ же 1313 г. ходилъ въ Орду за ярлыкомъ и самъ Митрополитъ Петръ, (1232) и на это путешествіе Петръ употребилъ конечно весь 1313 г.; хотя въ лѣтописяхъ и замѣчено про него, что онъ былъ отпущенъ изъ орды «вборзе» (1233), но это могло быть сказано такъ сравнительно съ довольно долгимъ пребываніемъ самого Михаила въ Ордѣ. Но въ Житіи же, и въ Ник. лѣт. замѣчено, что во время собора преподобный Прохоръ

былъ еще только Игуменомъ. А Епископъ Симеонъ оставилъ епископію Ростовскую и вмѣсто него былъ сдѣланъ епископомъ Ростовскимъ Прохоръ въ 1311 г.: слѣдовательно, соборъ былъ не позже 1311 г. (1234) Такимъ образомъ, здѣсь относительно времени встрѣчается противорѣчіе. Который же годъ слѣдуетъ принять — 1311 или 1313. Должно принять годъ 1311. Однако, какъ же слѣдуетъ смотрѣть на замѣчаніе житія и лѣтописей, что въ годъ собора князь Михаилъ Ярославичь былъ въ ордѣ. Если принять это извѣстіе, то соборъ нужно отнести къ 1313 г. Но этотъ годъ нельзя взять, потому что въ этомъ году и самъ Петръ былъ въ Ордѣ, да и притомъ Прохоръ былъ тогда не игуменомъ, а уже епископомъ Ростовскимъ.

Какъ же однако объяснить такое извѣстіе, что въ годъ собора Михаилъ Ярославичь былъ въ Ордѣ. Или нужно предположить, что Михаилъ ѣздилъ въ орду въ 1311 г., о чемъ лѣтописи забыли упомянуть. Но едва ли могъ быть такой недосмотръ со стороны лѣтописцевъ. Скорѣе всего это ошибочное замѣчаніе, что во время собора Михаилъ былъ въ Ордѣ.

Житіе Петра, написанное Прохоромъ, (если только Прохоръ, а не кто-либо другой составилъ это житіе) конечно было первоначальнымъ источникомъ, прототипомъ, на основаніи котораго потомъ составлялись жизнеописанія Петра какъ отдѣльно встрѣчающіяся, такъ и въ лѣтописныхъ сборникахъ. (1235) Прохоръ, бывшій на Переяславскомъ Соборѣ, жизнеописатель св. Петра, былъ современникъ Петра и описываемыхъ событій, и конечно его слова — какъ слова современника должны быть очень важны. Но Прохоръ могъ и ошибиться, ему могла измѣнить память. Прохоръ написалъ житіе Петра послѣ смерти послѣдняго, а Петръ умеръ 20 Декабря 1326 г., самъ же Прохоръ умеръ въ 1327 г. (1236) Слѣдовательно Прохоръ писалъ послѣ собора спустя не менѣе какъ лѣтъ 13 или 15. Онъ помнилъ, что на соборѣ не было в. к. Михаила Ярославича, но забылъ почему тотъ не былъ, а потому и могъ предположить, а за тѣмъ и написать, что причиною отсутствія Михаила была его поѣздка въ Орду, — тѣмъ болѣе Прохоръ могъ такъ написать, что черезъ два года дѣйствительно Михаилъ поѣхалъ въ Орду; оставался довольно долго — до 1315 г. и вернулся изъ Орды не одинъ, а съ Татарами, съ которыми и ходилъ на Новгородъ. Да и едва ли это жизнеописаніе св. Петра есть твореніе Прохора, епископа Ростовскаго, какъ значится въ заглавіи рукописи, (1237) потому что въ самомъ разсказѣ авторъ самъ себя два раза называетъ преподобнымъ, что едва ли могло случиться, если бы авторъ былъ дѣйствительно Прохоръ; онъ бы себя скорѣе всего назвалъ бы какъ нибудь иначе, напр. смиренный. А житіе могло быть ему приписано для бо́льшаго авторитета. (1238)

Какъ бы то ни было, только извѣстіе, что Михаилъ во время собора былъ въ Ордѣ — ошибочно. Въ Житіи и въ Никон. лѣтоп. говорится, что на соборѣ были сыновья Михаиловы и другихъ князей много, а у Татищева изъ міранъ упомянутъ Иванъ Данило-

вичь, но нигдѣ не говорится, чтобы на соборѣ былъ Юрій Даниловичъ.

Такимъ образомъ на соборѣ не только не былъ Михаилъ, но и другой значительный князь того времени — его соперникъ Юрій Московскій. А почему эти князья не были на соборѣ — мы не знаемъ. По всей вѣроятности, они оставались въ своихъ городахъ, чтобы сторожить ихъ отъ внезапнаго нападенія своего соперника, а на соборъ каждый изъ нихъ послалъ лицъ себѣ близкихъ — Михаилъ своихъ сыновей, а Юрій своего брата. Однимъ словомъ, извѣстіе о небытіи Михаила на соборѣ — не должно смущать. Соборъ былъ не позже 1311 г. (потому что какъ мы выше видѣли, въ этомъ году Прохоръ изъ игуменовъ посвящается въ епископы Ростову), даже можетъ быть раньше — въ 1310 г. (1239) Филаретъ въ рус. свят. Дек. стр. 578 относитъ соборъ Переяславскій ко второй половинѣ 1310 г., на томъ основаніи, что патріархъ Аѳанасій отказался отъ каѳедры въ началѣ 1311 г. и въ томъ же 1311 году игуменъ Прохоръ, присутствовавшій на соборѣ, посвященъ въ ростовскаго епископа. Далѣе Филаретъ на той же стр. 578 и 579, а также примѣчаніе 166 и 167 говоритъ слѣдующее: «На соборѣ были, кромѣ другихъ князей и сыновья в. князя, Александръ и Димитрій. Но благочестивый в. к. Михаилъ не захотѣлъ быть свидѣтелемъ униженія первосвятителя Россіи. Князь Курбскій писалъ, (въ ист. Іоанна, стр. 118) что в. князю извѣстно было содержаніе доноса Андреева на св. Петра, но онъ не сочелъ себя въ правѣ разсматривать это дѣло. Говоря такъ опредѣленно объ этомъ дѣлѣ, Курбскій конечно имѣлъ въ виду неизвѣстную нынѣ лѣтопись. Митрополитъ Кипріанъ говоритъ, что великій князь Михаилъ не былъ на соборѣ отъ того, что былъ тогда въ Ордѣ. Но это — невѣрная догадка. Михаилъ былъ въ ордѣ въ 1313 г. (Ник. III, 108.) Михаилъ просто уклонился отъ собора непріятнаго для него по самому предмету, а для людей могъ указать на болѣзнь матери, которая и скончалась въ 1312 г. Ник. III, 107. — Г. Карповъ хочетъ вѣрить, что соборъ о клеветникѣ Андреѣ былъ въ 1313 г.» — Въ 1311 г. князь Дмитрій Михайловичъ ходилъ въ походъ на Нижній и во Владимірѣ былъ удержанъ Петромъ; въ томъ же году Прохоръ былъ посвященъ изъ игуменовъ въ епископы Ростову. Трудно отнести къ этому году и Соборъ.

Въ 1308 г. Петръ пріѣхалъ изъ Константинополя въ Кіевъ, въ 1309 г. изъ Кіева во Владиміръ. (1240) По всей вѣроятности въ 1308 или въ 1309 г. Андрей и оклеветалъ Петра предъ Патріархомъ; (1241) конечно Андрей торопился повредить Петру. Можно предположить, что Патріархъ, да и самъ Петръ спѣшили разъяснить это дѣло и опровергнуть клеветника и потому собранъ былъ соборъ въ 1310 г. Правда, что въ 1310 г. Петръ ходилъ въ Брянскъ, гдѣ присутствовалъ при распрѣ Василія Брянскаго съ его дядею Святославомъ Глѣбовичемъ. (1242) Но можетъ быть Петръ и въ Брянскъ-то ходилъ затѣмъ, чтобы встрѣтить или проводить клирика Патріаршаго. Даже, если-бы соборъ былъ и въ

1311 г., слѣдовательно въ годъ похода Дмитрія Михайловича на Нижній, и даже если бы походъ Дмитріевъ былъ раньше собора, то все-таки Петръ уже *раньше* пріѣзда клирика, и стало быть раньше собора, зналъ о клеветѣ Андреевой. (1243) Слѣдовательно у Митрополита Петра было неудовольствіе на Тверь и Тверь это испытала, когда ея рать и ея княжичь Дмитрій Михайловичь были остановлены святителемъ во Владимірѣ.

Въ 1854 г. въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ была напечатана статья Г. Бѣлюстина «Андрей второй Епископъ Тверской». Содержаніе этой статьи касательно обвиненій Андрея слѣдующее. Авторъ старается оправдать Андрея по поводу клеветы на Петра и по поводу Переяславскаго собора; авторъ говоритъ, что писатели представили все это дѣло совершенно въ противномъ видѣ. Авторъ такъ объясняетъ и оправдываетъ: 1) Геронтій, игуменъ однаго изъ Кіевскихъ монастырей (?), поѣхалъ въ Константинопль, но раньше его прибылъ и былъ посвященъ Петръ. Петръ былъ извѣстенъ на Югѣ, но неизвѣстенъ на Сѣверѣ, а потому многіе его поступокъ объяснили святокупствомъ. Кромѣ того, Галицкіе князья находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Папою, а въ это время — говоритъ г. Бѣлюстинъ — унія начала въ самомъ Галицкомъ княжествѣ обширно раскидывать свои корни, а потому *тѣ, которые понимали дѣло* и не хотѣли признать Петра изъ Галиціи. Епископъ Тверской, родившійся въ Литвѣ, очень хорошо могъ знать о проискахъ Латинства, и потому онъ сильнѣе другихъ возвысилъ свой голосъ противъ Петра. Андрей боялся за чистоту православія, а потому Патріархъ и предписалъ собору чтобы Петръ очистилъ себя. (Бѣлюстинъ не довѣряетъ Татищеву.)

2) Не одинъ Андрей, а также и Михаилъ Ярославичь былъ противъ избранія Петра. Благочестивый Михаилъ не рѣшился бы поддерживать своего епископа, если бы не былъ увѣренъ въ чистотѣ его дѣйствій. Изъ всѣхъ Русскихъ князей только одинъ Тверской князь оказалъ такое ревностное участіе въ дѣлахъ этого собора, потому что ему не могло быть пріятнымъ избраніе Петра въ Митрополиты однимъ изъ младшихъ князей съ Юга. Въ такомъ случаѣ Андрей былъ только исполнителемъ воли своего князя, а потому и нельзя его обвинять въ дѣйствіяхъ противъ Петра. Кромѣ того, и другіе многіе духовные были противъ Петра, когда Петръ на соборѣ заявилъ готовность отказаться отъ Митрополіи, то такая его готовность сложить санъ убѣдила другихъ въ чистотѣ его дѣйствій и намѣреній. Г. Бѣлюстинъ совершенно не принимаетъ Купріановыхъ словъ: «легка убо суща умомъ, легчайша же разумомъ.» Степенной книгѣ Бѣлюстинъ не довѣряетъ, какъ написанной подъ вліяніемъ политики Московскаго двора, всегда непріязненнаго Твери. Г. Бѣлюстинъ говоритъ, что ни откуда не видно, чтобы Андрей былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ; если бы онъ былъ обличенъ въ клеветѣ, то былъ бы лишенъ сана; Петръ отнялъ же санъ у епископа Сарайскаго Измаила; Андрей еще 7 лѣтъ послѣ Переяславскаго собора епископствовалъ.

Приложеніе № 3.

Князь-бѣглецъ — Александръ Михайловичь во Псковѣ.

Въ 1324 г. Нѣмцы явились подъ Псковомъ въ большихъ силахъ, и въ теченіе 18 дней разбивали стѣны стѣнобитными орудіями. Пскову держаться день ото дня дѣлалось труднѣе, и онъ въ такой крайности разсылалъ гонцевъ за помощью и въ Новгородъ, и въ Литву, и по пригородамъ, но помощи ни откуда не приходило. Новгородъ со своимъ княземъ Юріемъ самъ былъ тогда занятъ дѣлами Шведскими, походомъ на Устюжскихъ князей и въ Заволочье. Нѣмцы уже овладѣли нѣкоторыми частями города, но тутъ къ Псковичамъ на помощь явился служилый Псковскій князь Евстафій, управлявшій Изборскомъ. Онъ разбилъ Нѣмцевъ и отнялъ у нихъ весь обозъ, добычу и плѣнниковъ. И въ это же время явился изъ Литвы и князь Давыдъ Довмонтовичь съ сильною дружиной и, соединясь со Псковичами, ударилъ на Нѣмцевъ, стоящихъ подъ городомъ, выбилъ ихъ изъ всѣхъ занятыхъ ими посадовъ, захватилъ всѣ ихъ городки и стѣнобитныя орудія, и другіе припасы, прогналъ за р. Великую и заставилъ бѣжать со стыдомъ и срамомъ.

За тѣмъ чрезъ нѣсколько дней явилось во Псковъ большое Нѣмецкое посольство отъ всей Нѣмецкой земли для заключенія мира. И Псковичи, недовольные Новгородцами за то, что они не прислали имъ помощи въ крайней нуждѣ, заключили съ Нѣмцами отдѣльный миръ на всей волѣ Псковской, и даже не увѣдомили о томъ Новгорода; такъ что по этому миру Нѣмцы смѣло могли нападать на владѣнія Новгородскія, не опасаясь помѣхи со стороны Псковичей, что кажется дѣйствительно и было; ибо Новгородцы должны были заключить въ 1326 г. отдѣльный миръ съ Нѣмцами при посредствѣ Литовскихъ князей. Нашествіе Нѣмцевъ въ 1324 г., въ которомъ Новгородцы оставили Псковъ безъ помощи, много охладило отношенія Псковичей къ Новгороду; съ этого времени Псковъ годъ отъ года начинаетъ выказывать свое охлажденіе къ Новгороду, хотя явно еще не разрываетъ своего стараго союза и продолжаетъ признавать себя Новгородскимъ пригородомъ. (Бѣл. разс. рус. ист. III, 240 – 242.) Конечно, въ это-то время во Псковѣ и появляется мысль объ отдѣленіи отъ Новгорода. Псковичи «себѣ владыку и князя умыслиша.» (1244) Сперва имъ представился случай сдѣлать попытку отдѣленія политическаго. Въ 1327 г. явился во Псковѣ знаменитый бѣглецъ, преслѣдуемый сильными врагами, подобный Довмонту, великій князь Тверской Александръ Михайловичь, внукъ того Ярослава, который когда-то искалъ убѣжища во Псковѣ. Александръ навлекъ на себя гнѣвъ Узбека тѣмъ, что въ Твери были избиты Шевкалъ и его Татары; Іоаннъ Калита, съ княземъ Суздальскимъ и Татарами, разорилъ Тверскую землю и Новогорж-

скую волость; Александръ сперва просилъ убѣжища въ Новгородѣ; Новгородъ отказалъ въ этомъ своимъ давнишнимъ врагамъ, князьямъ Тверскимъ; Новгородъ не хотѣлъ притомъ подвергать еще бо̀льшему раззоренію свой край; онъ даже остановилъ дальнѣйшее нашествіе Татаръ, пославъ имъ 2,000 серебра.

Тогда Александръ бѣжалъ во Псковъ. Псковичи рѣшили воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, чтобы имѣть своего князя. Псковъ и Александръ цѣловали крестъ другъ другу. Хотя въ разсказѣ о пріемѣ и отношеніяхъ Александра къ Псковичамъ и виднѣются риторическія прикрасы, подобно тому какъ въ разсказѣ объ избіеніи Татаръ и Шевкала въ Твери, но все-таки по ходу обстоятельствъ видно, что Псковичи приняли и рѣшились его защищать не изъ какого-то чувства состраданія къ изгнаннику, но они имѣли тутъ въ виду свои ближайшіе интересы. Во II Псковской лѣтописи сказано, что Псковичи «крестъ къ нему цѣловаша, что его не выдати княземъ Рускымъ,» а въ I Псков. лѣт. такъ: «крестъ къ нему цѣловаше, и посадиша его на княженіе.» Разумѣется, (замѣчаетъ Бѣл. III, 243) преслѣдуемый врагами, Александръ безпрекословно принялъ всѣ тѣ условія относительно княжеской власти, которыя ему предложило Псковское вѣче. Между тѣмъ Калита, утвержденный ханомъ въ достоинствѣ великаго князя Владимірскаго, получилъ отъ него приказаніе искать князя Александра. Іоаннъ пришелъ въ Новгородъ съ войсками разныхъ Русскихъ князей. Новгородъ конечно долженъ былъ поддержать Іоанна, какъ потому что Іоаннъ былъ тогда въ большой милости у хана, такъ и потому что въ пріемѣ Псковомъ Александра Новгородъ видѣлъ и противодѣйствіе самому себѣ. И потому когда Іоаннъ послалъ своихъ пословъ во Псковъ, то и Новгородъ отъ себя послалъ своихъ. Послы требовали, чтобы Александръ ѣхалъ въ орду къ хану. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ весьма кратко замѣчено о томъ что за тѣмъ послѣдовало, а въ другихъ пространно съ явными риторическими прикрасами; приводятся цѣлыя рѣчи Александра и Псковичей, и все это разсказывается такимъ тономъ, чтобы выставить великодушіе Александра, чтобы его обрисовать только, какъ жертву Калиты. Во II Псков. лѣт. подъ 1330 г. сказано такъ: «князь Александръ сложа крестное цѣлованіе, отъиде въ Литву, а княгиню свою ту оставивъ.» А въ Новгородской лѣт. I подъ 1329 г. сказано даже такъ, — что когда Псковичи узнали о разныхъ сборахъ Московскаго князя и Новгородцевъ, — то они «выпроводиша кн. Олександра отъ себе.» Конечно, когда Псковъ и Александръ увидѣли, что имъ не подъ силу предстоитъ борьба, то они должны были разстаться; Псковъ же долженъ былъ примириться съ Іоанномъ и Новгородомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ до поры до времени оставить свою мысль о формальномъ утвержденіи своей самостоятельности и независимости отъ Новгорода. Когда Александръ выѣхалъ изъ Пскова, то судя по Новгородскимъ лѣтописямъ (I, стр. 74; IV, стр. 51) Псковичи послали пословъ съ поклономъ и челобитьемъ не только къ князю Ивану, но и къ Новгородцамъ. Въ нѣ-

которыхъ лѣтописяхъ разсказывается болѣе или менѣе пространно о походѣ Московскаго князя на Псковъ и о томъ, какъ разставался Александръ со Псковомъ, а именно: «Вложилъ окаянный врагъ дьяволъ злую мысль князьямъ Русскимъ взыскать князя Александра Михайловича Тверскаго, повелѣніемъ Татарскаго царя Азбяка и подъяша всю землю Русскую.» Въ 1329 г. въ Новгородъ пришелъ Іоаннъ Даниловичь съ Митрополитомъ Θеогностомъ, князьями Тверскими, князьями Суздальскими и многими иными Русскими князьями. Онъ и Новгородцы послали пословъ во Псковъ, которые сказали Александру: «царь Азбякъ всѣмъ намъ повелѣлъ искать тебя и прислать къ себѣ въ орду; ступай къ нему, не навлеки ярости его на всѣхъ насъ; удобнѣе тебѣ за всѣхъ пострадать, нежели намъ всѣмъ и всей землѣ изъ за тебя.» Александръ отвѣтилъ такъ: «мнѣ должно съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать, нежели мстить лукавствующимъ и крамолящимъ; здѣшняя жизнь ничто, всѣ мы умремъ и воздано будетъ отъ Господа каждому по дѣламъ его. Вамъ было бы хорошо другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать; имъ противиться, стоять другъ за друга и за Русскую землю и за Православное Христіанство; вы же на оборотъ дѣлаете и Татаръ наводите на Христіанъ, и братью свою предаете Татарамъ.» Такъ изложенъ отвѣтъ Александра въ Никоновской и у Татищева; въ Соф. и Воскр. лѣт. онъ приведенъ короче въ такомъ видѣ: «это ли имъ любо, поганые Тверь взяли, людей же — однихъ плѣнили, а другихъ убили (Соф.); лучше одинъ я умру за всѣхъ Христіанъ (Соф. и Воскр.).»

Во всякомъ случаѣ, въ какой бы редакціи ни взять отвѣтъ Александра, онъ сильно напоминаетъ слова когда-то сказанныя Андреемъ Ярославичемъ: «Господи! долго-ли намъ браниться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ сбѣжать въ чужую землю, нежели дружиться съ Татарами и имъ служить.» Послѣ отвѣта посламъ, разсказываютъ далѣе лѣтописи, Александръ рѣшился идти къ Узбеку въ орду. (Въ I Псков. лѣт. даже и не приводится никакого отвѣта Александра, а прямо говорится что онъ хотѣлъ ѣхать въ орду; а во II Псков. лѣт. не говорится, что онъ хотѣлъ ѣхать въ орду, а сказано, что онъ уѣхалъ въ Литву, оставивъ во Псковѣ свою княгиню). Псковичи не пустили его, сказавши что если что будетъ на него, то они всѣ умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ такого отвѣта Московскій князь двинулъ свои войска вмѣстѣ съ присоединившимися Новгородцами на Псковъ, дошелъ до Опоки и тамъ остановился. При этомъ Русскіе князья боялись, чтобы Нѣмцы не подали помощи Пскову. Іоаннъ же уговорилъ митрополита Θеогноста предать Александра и Псковичей проклятію за неисполненіе ханскаго приказанія. Князь Александръ, не желая подвергнуть проклятію себя и Псковичей, сказалъ имъ, т. е. Псковичамъ: «братья и друзья мои! не хочу чтобы на васъ легло проклятіе и отлученіе изъ-за меня, пусть не будетъ вашего цѣлованія (присяга) на мнѣ, ни моего на васъ, только цѣлуйте крестъ княгинѣ моей, чтобы не выдавать ее врагамъ.» Послѣ того Псковичи съ величайшимъ сожа-

леніемъ отпустили самого Александра въ Литву, а къ князю Ивану и Новгородцамъ послали съ поклономъ и челобитіемъ. Митрополитъ же Ѳеогностъ и владыко Новгородскій Моисей благословили весь Псковъ (Псков. лѣт. I и II). Если откинуть всѣ риторическія прикрасы, то вѣрнаго останется то, что Псковъ хотѣлъ обособиться отъ Новгорода, имѣя во главѣ особеннаго князя; но Псковъ принялъ къ себѣ бѣглеца, навлекшаго на себя гнѣвъ Узбека, и такимъ образомъ Псковъ дѣйствовалъ не только противъ Новгорода, но и противъ Москвы и Орды. Когда же Псковъ увидѣлъ, что на его попытку обратили вниманіе и приготовили большія средства для его подавленія, то — притомъ устрашенный церковнымъ отлученіемъ, — по неволѣ долженъ былъ разстаться и съ своимъ княземъ, и со своей мыслью объ отдѣльномъ существованіи, а за тѣмъ принести повинную Московскому князю и Новгородцамъ.

Между тѣмъ Александръ, покинувшій Псковъ, уѣхалъ туда, гдѣ его не могла достать ни рука Московскаго князя, ни рука Татарскаго хана, именно въ Литву, которой тогдашній князь Гедиминъ создавалъ себѣ державу изъ Русскихъ земель. (Въ Ник. и у Тат. сказано, что Александръ сперва уѣхалъ къ Нѣмцамъ, а потомъ въ Литву.) Гедиминъ, соединяя въ своихъ рукахъ Югозападныя Русскія земли, хотѣлъ распространить свою власть и на Новгородъ со Псковомъ. Случай представилъ ему возможность начать со Пскова. Къ нему прибѣжалъ его родственникъ, Александръ Тверской, другъ Пскова, врагъ Москвы и Орды. Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ и затѣмъ при посредничествѣ Гедимина сдѣлался княземъ Псковскимъ. Лѣтописецъ кратко, не объясняя причинъ, говоритъ, что Псковичи посадили Александра у себя на княженіе изъ Литовской руки. Князь Александръ жилъ въ мирѣ и согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ; а бывши въ Литвѣ полтора года, онъ пріобрѣлъ расположеніе в. князя Литовскаго Гедимина и другихъ тамошнихъ князей, и вмѣстѣ съ собою перенесъ это расположеніе и на Псковъ, и тѣмъ самымъ обезпечилъ Псковичей не только со стороны Литвы, но и со стороны Нѣмцевъ; ибо Нѣмцы, занятые у себя дома и зная о тѣсномъ союзѣ страшнаго для нихъ Гедимина съ Псковскимъ княземъ, не осмѣливались безпокоить и Пскова. (Бѣл. III, 245. О пребываніи Александра во Псковѣ, см. Бѣл. III, разск. 6-й). Но оставалась еще церковная зависимость Пскова отъ Новгорода. Гедимину хотѣлось порвать и эту связь, и такимъ образомъ на сколько возможно, отдѣлить Псковъ отъ Новгорода и восточной Руси и примкнуть его къ Западной— Литовско-Русской. Да и самъ Псковъ хотѣлъ отложиться отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. Вотъ теперь-то Псковичи не только князя, но и владыку себѣ *умыслиша и не поставиша Новгорода ни во чтоже* по выраженію лѣтописи. Въ 1331 г. Новгородскій владыка Моисей удалился въ монастырь; Новгородцы на его мѣсто выбрали Василія, который для посвященія поѣхалъ на Волынь, гдѣ тогда находился митрополитъ Ѳеогностъ. Псковичи избрали себѣ въ особые епископы инока Арсенія и послали его

также на Волынь къ митрополиту Өеогносту. За Арсенія просили Александръ, Гедиминъ и другіе Литовскіе князья; не смотря на то Өеогностъ отказался посвятить его и Арсеній ушелъ *посрамленъ.* Новгородскій лѣтописецъ по этому случаю такъ замѣчаетъ о Псковѣ: «вознесъ бо ся высокоуміемъ своимъ, но Богъ и Св. Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ, зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ князя Александра изъ Литовскія руки.» Такимъ образомъ не удалась попытка Пскова учредить у себя особую епархію. Но за то Гедиминъ успѣлъ въ другомъ своемъ намѣреніи: онъ тогда же задержалъ на Волыни Новгородскихъ бояръ съ владыкою Василіемъ и вынудилъ отъ нихъ обѣщаніе, что Новгородъ приметъ къ себѣ его сына Нариманта-Глѣба. И въ самомъ дѣлѣ Новгородъ, оскорбленный притѣсненіями Московскаго князя, призвалъ въ 1333 г. къ себѣ Нариманта. Выходитъ, что и самъ Новгородъ принялъ къ себѣ князя изъ Литовской руки.

Прибытіе Нариманта сдѣлало Ивана Даниловича уступчивымъ къ Новгородцамъ; онъ съ *любовію* принялъ Новгородское посольство и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Онъ хотѣлъ было въ 1335 г. двинуться на Псковъ, (Новг. лѣт. I) чтобы выгнать оттуда Александра. Но Новгородъ поступилъ теперь не такъ какъ въ 1329 г. Теперь Новгородъ самъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Литвою, а потому отклонилъ походъ Московскаго князя. Хотя Иванъ и не пошелъ въ походъ и уѣхалъ изъ Новгорода, но Псковичамъ мира не далъ. (Когда-то Новгородъ не допустилъ Ярослава Ярославича Тверскаго идти на Псковичей и Довмонта.) Въ слѣдъ за тѣмъ Калита послалъ свои войска въ Двинскую область, но они были разбиты Новгородцами. Въ слѣдующемъ году Новгородцы должны были вести еще войну со Шведами. Но союзъ съ Литвою немного принесъ пользы Новгороду; во время войны со Шведами Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы нѣсколько разъ посылали за нимъ, но онъ не только самъ не пріѣхалъ, а даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка въ 1338 г., оставивъ только своихъ намѣстниковъ. Такимъ образомъ союзъ съ Литвой не принесъ тѣхъ выгодъ, на которыя могъ бы расчитывать Новгородъ. Гедиминъ почти постоянно занятъ былъ войнами съ Нѣмецкими рыцарями; тамъ у него было своихъ дѣлъ много; ему было не до Новгорода и не до Пскова съ Александромъ. Можетъ быть кромѣ войнъ съ Нѣмецкими рыцарями, его могли удерживать и другія обстоятельства отъ дѣятельной защиты Новгорода и Пскова противъ Москвы: семнадцатилѣтній сынъ Ивана Даниловича, Симеонъ, женился на дочери Гедимина Августѣ, принявшей имя Анастасіи во св. крещеніи. (Если только справедливо, что Августа была дочь или внучка Гедимина, см. Кар. IV, 137, прим. 292.) Кромѣ того Іоаннъ былъ въ большой дружбѣ съ ордой, въ случаѣ крайности онъ могъ и Татаръ напустить на Литву: въ 1333 г. Татары съ княземъ Дмитріемъ Брянскимъ ходили же на Смоленскъ, стало быть въ этомъ походѣ были недалеко отъ Литвы.

Если и болѣе сильный Новгородъ долженъ былъ разстаться съ Литовской протекціей, то подавно и Псковъ долженъ былъ отказаться отъ нея.

Александръ Михайловичъ около 10 лѣтъ прожилъ во Псковѣ: здѣсь у него въ 1332 г. родился сынъ Михаилъ, котораго пріѣзжалъ крестить Новгородскій владыка Василій. Но Александръ долженъ былъ постоянно бояться, что рано или поздно онъ долженъ будетъ оставить Псковъ. Въ 1335 г. (по Нов. I) хотѣлъ же Іоаннъ Калита идти на Псковъ и Александра, но Новгородцы этому помѣшали; все-таки Іоаннъ Пскову мира не далъ. Слѣдовательно Александръ долженъ былъ постоянно опасаться, быть такъ сказать на сторожѣ. При томъ такое дружелюбное отношеніе Новгорода и Пскова могло и прерваться по какимъ нибудь обстоятельствамъ. (И дѣйствительно, въ 1337 г. Новгородскій владыка Василій поѣхалъ во Псковъ на подъѣздъ, но Псковичи суда ему не дали и онъ поѣхалъ прочь, проклявши ихъ.) Союзъ съ Литвой и для Новгорода и для Пскова оказывался ненадеженъ: Гедиминъ хотѣлъ чтобы и Новгородъ и Псковъ были къ нему привязаны какъ можно тѣснѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ чтобы они сами себя защищали, предоставилъ ихъ самимъ себѣ. (Не смотря на то, что Наримантъ былъ призванъ Новгородцами, въ 1335 г. Литовцы пограбили Новоторжскую область, за что Иванъ Даниловичъ пожегъ города Осѣченъ, Рясну и другіе.) Если бы Александръ оставилъ Псковъ, то опять долженъ былъ бы ѣхать въ Литву и тамъ скитаться, ожидая милости Гедиминовой. Александръ рѣшилъ лучше попытать счастья у себя на Руси — нельзя ли ему будетъ вернуться въ Тверь.

Онъ послалъ въ орду сына своего Ѳедора, который оттуда вернулся съ благопріятнымъ отвѣтомъ и съ Ханскимъ посломъ Авдуломъ. Когда же Александръ рѣшился на такую развѣдку въ ордѣ — до неудавшейся ли попытки Калиты двинуться на Псковъ въ 1335 г. или послѣ нея? Извѣстно, что наши лѣтописцы при опредѣленіи времени какого либо событія нерѣдко разнятся между собою при постановкѣ годовъ, въ слѣдствіе двоякаго счисленія, существовавшаго у насъ на Руси — сентябрскаго и мартовскаго. Въ этомъ случаѣ, при показаніи года поѣздки Ѳедора Александровича въ орду, Ник. списокъ отстаетъ на 2 года отъ нѣкоторыхъ другихъ лѣтописей. Ник. списокъ относитъ эту поѣздку къ 1334 г., Татищ. сводъ къ 1335 г., а Соф. I и Воскр. къ 1336 г.; Тверская же лѣтопись о ней не упоминаетъ. Сравнивая же время однѣхъ и тѣхъ же событій по Ник. и Новг., должно поѣздку Ѳедора въ орду отнести не къ 1334 г., какъ въ Ник. лѣт., а къ 1335 г., а можетъ быть и къ 1336 г. Во всякомъ случаѣ выходитъ, что Ѳедоръ былъ посланъ своимъ отцемъ въ орду послѣ того, какъ Калита хотѣлъ вторично его выгнать изъ Пскова, но Новгородъ этому помѣшалъ; Іоаннъ все-таки не далъ мира Пскову, отчего Александръ во Псковѣ долженъ былъ постоянно опасаться новой попытки со стороны

Московскаго князя, — попытки, которая можетъ быть потомъ и кончилась бы успѣшно. Вотъ тогда-то Александръ, хотя не поѣхалъ самъ сейчасъ же въ орду, но послалъ зато своего сына. Въ Ник. и у Тат. говорится, что Ѳедоръ вернулся съ ханскимъ посломъ Авдуломъ. Въ Тат. сводѣ разсказывается, что Александръ послалъ Ѳедора къ Узбеку съ дарами и съ просьбою о томъ, чтобы ханъ или возвратилъ ему его отчину, или далъ бы дѣтямъ его нѣкоторыя волости; сынъ просилъ «со слезами многими объ отцѣ своемъ»; Узбекъ отвѣтилъ, что пусть самъ отецъ «придетъ съ виною и проситъ, тогда не отъидетъ отъ него безъ милости»; Ханъ отпустилъ Ѳедора съ посломъ своимъ.

Должно быть Ѳедоръ вернулся изъ орды въ Тверь, потому что въ Ник. и у Татищева говорится, что Александръ Михайловичь «поиде изо Пскова въ Тверь и веземъ сына своего князя Ѳеодора, паки возвратися во Псковъ.» Ханскій посолъ должно быть въ Твери видѣлъ Александра. Авдулъ вѣроятно былъ посланъ Узбекомъ въ Тверь за тѣмъ, чтобы объявить Александру о милости Узбека, а его братьямъ, Константину и Василію о томъ, что на этотъ разъ они должны не преслѣдовать Александра, а пропустить его и въ Тверь, и въ орду. Конечно во время этой поѣздки въ Тверь, послѣ долголѣтняго отсутствія, Александръ видѣлся со своими братьями, Константиномъ и Василіемъ, но какъ они отнеслись къ нему на этотъ разъ, о чемъ переговорили братья и какъ они условились дѣйствовать — мы не знаемъ. Въ Ник., въ Твер. и у Тат. разсказывается, что Александръ такъ «тужилъ и скорбѣлъ, живя во Псковѣ,» говоря «если я умру здѣсь, то что будетъ со мною и съ дѣтьми моими! всѣ знаютъ, что я убѣжалъ и умеръ не въ своемъ княжествѣ; дѣти мои будутъ лишены тогда своего княженія; лучше умереть, какъ будетъ Богу угодно, нежели жить такъ какъ я живу теперь.» Говорилъ или не говорилъ этихъ словъ Александръ, но только онѣ удачно обрисовываютъ его положеніе: въ самомъ дѣлѣ, оставаться долѣе во Псковѣ становилось опасно, немного выгоды представлялось и отъ обратной поѣздки въ Литву; онъ посылаетъ своего сына попытать счастья въ ордѣ, получаетъ благопріятный отвѣтъ, самъ заѣзжаетъ на короткое время въ Тверь, безъ сомнѣнія видится здѣсь съ ханскимъ посломъ, и затѣмъ, взявъ сына своего Ѳедора, возвращается во Псковъ. Александръ послалъ бояръ своихъ къ митрополиту Ѳеогносту за благословеніемъ. (Ник., Твер., Тат. О посылкѣ къ Ѳеогносту повторяется и въ IV т. Ник. 286 въ повѣсти о житіи Михаила Александровича. Вообще въ этой повѣсти вкратцѣ повторяются главныя черты изъ жизни Александра Михайловича.) Ѳеогностъ его благословилъ; когда-то Московскій князь просилъ Ѳеогноста о томъ, чтобы онъ отлучилъ Александра, а на этотъ разъ Калита не воспрепятствовалъ митрополичьему благословенію. Можетъ быть Московскій князь расчитывалъ уже теперь на то, что его врагъ, Тверской князь, возвращаясь въ Русь, самъ отдается ему въ руки. Получивъ благосло-

веніе, Александръ началъ собираться съ своими боярами и слугами въ орду, куда онъ и отправился въ 1337 г. Придя въ орду, Александръ такъ говорилъ Узбеку: «я много зла сдѣлалъ тебѣ, но теперь пришелъ къ тебѣ, будучи готовъ на животъ и смерть, какъ тебѣ Богъ извѣститъ; если ты меня помилуешь, то благодарю Бога и твою милость; если же хочешь меня казнить, то я предъ тобою.» Узбекъ «удивился сладости словесъ его и смиренію» и сказалъ своимъ князьямъ: «видите ли князя Алесандра Михайловича Тверскаго, какъ онъ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти.» Узбекъ пожаловалъ его Тверскимъ княженіемъ и отпустилъ на Русь. (Ник. Тат.) (1245) Александръ послалъ во Псковъ за своей женой и дѣтьми. Хотя Узбекъ и слыветъ у Восточныхъ писателей справедливымъ, но довольно трудно объяснить причины такого поступка съ его стороны. Можетъ быть Узбекъ — перегубившій столько Русскихъ князей въ ордѣ, какъ ни одинъ другой ханъ — хотѣлъ показать примѣръ, что онъ какъ прежде не мстилъ Александру за самоуправство его брата Дмитрія и за смерть Юрія, такъ и теперь онъ позабылъ избіеніе Шевкала съ дружиной, и готовъ простить провинившагося въ его глазахъ князя, съ тѣмъ только, если онъ повинится предъ нимъ и впередъ будетъ служить ему вѣрно. А можетъ быть дары Александра склонили Узбека на милость; но во всякомъ случаѣ эти дары должны были уступать щедрымъ дарамъ Московскаго князя. А можетъ быть Узбекъ почему либо — что впрочемъ намъ неизвѣстно — былъ недоволенъ Московскимъ княземъ. Въ 1332 г. Узбекъ самъ присылалъ посла Саранчука за Иваномъ Даниловичемъ. Калита чаще ѣздилъ въ орду тогда, когда не былъ в. княземъ. Когда былъ убитъ Шевкалъ, то Узбекъ самъ послалъ за Калитой и поручилъ ему съ Татарскимъ войскомъ наказать Александра; въ слѣдующемъ году Калита поѣхалъ въ орду, гдѣ и былъ утвержденъ ханомъ въ достоинствѣ великаго князя Владимірскаго, причемъ Узбекъ поручилъ ему заодно съ другими русскими князьями искать Александра; Александръ бѣжалъ изъ Пскова и Калита три года не былъ въ ордѣ, пріѣхалъ на четвертый, и можетъ быть опять прошелъ бы такой же большой промежутокъ, если бы Узбекъ не прислалъ за нимъ своего посла Саранчука. Конечно, Узбеку не нравилось, что Калита забываетъ теперь чаще пріѣзжать въ орду и привозить побольше даровъ. И вотъ теперь Узбеку представляется случай держать Калиту въ страхѣ и почтеніи: Узбекъ благосклонно принимаетъ кн. Ѳедора Александровича и прощаетъ кн. Александра. И въ самомъ дѣлѣ, когда Ѳедоръ Александровичь съѣздилъ въ орду, то и Калита въ слѣдъ за нимъ тотчасъ же побывалъ въ ордѣ; когда самъ кн. Александръ Михайловичь вернулся изъ орды съ ханскимъ пожалованіемъ, то Калита опять поспѣшилъ въ орду. Страшенъ становился Александръ для Калиты. Годы поѣздокъ въ орду Калиты по Ник. и Тат.: 1320 г., 1322 г., 1324 г., (у Тат. нѣтъ) 1325, 1326 (самъ Ханъ позвалъ; у Тат. къ 1327); 1327 г. (у Тат. къ 1328); 1331 (у Тат.

къ 1332); 1332 (позвалъ Саранчукъ, у Татищ. къ 1333); 1335 (Татищ. къ 1336); 1337 (Тат. къ 1338); 1338 съ сыновьями (Татищ. къ 1339 г.).

Можетъ быть Узбекъ хотѣлъ, чтобы Калита былъ пощедрѣе и желая выманить отъ него побольше денегъ, рѣшилъ держать его въ страхѣ, простивши его врага, Тверскаго князя. И въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Даниловичъ какъ будто иногда чего-то сильно опасался, отправляясь въ орду. Сохранились его двѣ духовныя грамоты: въ началѣ той и другой онъ говоритъ, что пишетъ духовную, идя въ орду. (С. Г. Г. Д. I, №№ 21, 22, издателями обѣ отнесены къ 1328 г.) Вообще, можно сдѣлать нѣсколько предположеній на счетъ того, почему Узбекъ помиловалъ Александра, но нельзя найти основательнаго объясненія. Какъ бы то ни было Александръ получилъ Тверь, но не на долго — вскорѣ онъ погибъ въ ордѣ по приказанію того же Узбека.

Что же касается Пскова, то за помощь противъ Шведовъ въ 1348 г. Новгородъ призналъ Псковъ младшимъ братомъ. Въ этомъ году Новгородцы заключили формальный договоръ съ Псковичами, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду, и узаконили посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки Новгородскаго быть намѣстникомъ непремѣнно Псковитину и отнюдь не Новгородцу, и изъ Новгорода не звать Псковичей ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ Софьянъ, ни черезъ извѣстниковъ и биричей, т. е. не вызывать Псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ съ 1348 г. начинается новая жизнь для Пскова, — онъ получаетъ формальное утвержденіе давно уже существовавшаго на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду, — своей прежней митрополіи. Конечно, Псковъ на дѣлѣ давно уже пользовался всѣмъ тѣмъ, что ему уступилъ Новгородъ; но до договора 1348 г. все это было только совершившимся фактомъ; договоръ же превратилъ этотъ фактъ въ право, въ законъ (Бѣл. III, 258).

Приложеніе № 4.

О поѣздкѣ великаго князя Ивана Михайловича Тверскаго и князя Юрія Всеволодовича Холмскаго въ орду и о перепутанности Тверскихъ извѣстій въ Тверской Лѣтописи, 473—482 столб. — Замѣчаніе о повѣсти о Плавѣ, ib. столб. 472, 474—477.

Сколько извѣстно Иванъ Михайловичь ходилъ въ орду для суда съ Юріемъ Всеволодовичемъ одинъ разъ, именно въ 1407 г. Въ этомъ году «въ Петрово говѣніе» поѣхалъ Юрій Всеволодовичь изъ Москвы въ орду «ища вел. княженія Тверскаго подъ в. княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ»; въ слѣдъ за нимъ 20 Іюля того же года поѣхалъ и Иванъ Михайловичь въ орду, гдѣ онъ и одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ Юріемъ; изъ орды Иванъ Михайловичь вернулся въ Тверь «съ царевымъ посломъ» 25 Января слѣдующаго 1408 г. (1246)

Объ этихъ событіяхъ въ Твер. лѣт. разсказывается подъ 1407 и 1408 гг. на столб. 473—480 (до разсказа о побоищѣ Рязанскомъ). Здѣсь почти всѣ событія перебиты, излагаются безъ хронологической послѣдовательности и притомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится и подъ тѣмъ и подъ другимъ годомъ — первый разъ кратче, а второй разъ пространнѣе, напр. подъ 1407 г. столб. 473 говорится слѣдующее: «того же лѣта чръвь окрилатѣ, и идяше отъ востока и до запада, и поиде древо и посуши.» О томъ же самомъ разсказывается и подъ 1408 г. столб. 479, 480 только пространнѣе. Или: подъ 1407 г. столб. 473 упоминается о походѣ (безъ подробностей, безъ обозначенія мѣстностей) Василія Дмитріевича на Витовта и о перемиріи между ними до Петрова дня; а подъ 1408 г. столб. 478 опять говорится —но подробнѣе — о походѣ Василія на Витовта, о приходѣ Московскаго князя подъ Вязьму и о перемиріи между нимъ и Литовскимъ княземъ отъ Августа до Петрова дня. (Или о встрѣчѣ Василія и Витовта на р. Угрѣ упоминается два раза; на столб. 474 кратко, а на столб. 482 пространнѣе.)

Тверскія событія — однѣ и тѣже — въ обозначенныхъ мѣстахъ Тверской лѣтописи также описываются дважды, и также первый разъ кратче, а второй разъ пространнѣе, а объ одномъ и томъ же возвращеніи изъ Орды вел. князя Ивана Михайловича упоминается 4 раза.

Разсмотримъ эти извѣстія подробнѣе и провѣримъ ихъ. Обратимъ сперва вниманіе на событія 1407 г., описанныя въ столбцѣ 473.

Подъ 1407 г. столб. 473 говорится слѣдующее: «*Того же лѣта поиха со Тфери князь Юрій Всеволодичь на Москву и съ Москвы поиде въ Орду; подмолви его Романъ Скудинъ.*»

Прежде всего нужно замѣтить, что не въ одинъ и тотъ же годъ 1407 кн. Юрій уѣхалъ изъ Твери въ Москву, и изъ Москвы въ

орду, а въ разные; кн. Юрій изъ Твери уѣхалъ въ Москву въ 1405 г. (Ник. IV, 313) (1247), что даже видно изъ дальнѣйшаго разсказа самой Твер. лѣт., а именно въ ней подъ 1408 г. столб. 478 говорится: «въ дни же сіа князь Юрій Всеволодичь бѣ на Москвѣ уже *третіе лѣто*, его же извадиша зліи человѣци отъ предѣла его.» Если въ 1408 г. онъ проживалъ третье лѣто въ Москвѣ, то значитъ уѣхалъ изъ Твери въ Москву не въ 1407 г., а въ 1405 г.

Упомянувъ о поѣздкѣ кн. Юрія въ Орду, составитель Тверскаго сборника подъ тѣмъ же годомъ и на томъ же столбцѣ (годъ 1407; столб. 473) замѣчаетъ «о крылатомъ червѣ,» и затѣмъ разсказываетъ о поѣздкѣ в. кн. Ивана Михайловича въ Орду слѣдующими словами: «Того же лѣта 1407 поиде князь великій Иванъ Михайловичь въ Орду Волгою, въ четвертокъ; и до его прихода бысть въ Ордѣ замятня, Булатъ сяде на царство. Судивъ Ивана съ Юріемъ, обвиниша Юріа, и Юрій бѣжа (къ) Азтороканю; а князь в. Иванъ пріиде съ *великою честію* въ Тферь, въ свое отечествіе.» (1248)

Далѣе составитель Тверскаго сборника, упомянувъ о перемиріи Василія съ Витовтомъ до Петрова дня и о смерти князя Юрія Святославича Смоленскаго, заключаетъ свой разсказъ о событіяхъ 1407 г. тѣмъ, что снова замѣчаетъ о возвращеніи кн. Ивана изъ орды: «Той же зыми (а онъ дѣйствительно вернулся зимою въ Январѣ) пріиде изъ Орды кн. в. Иванъ отъ царя съ *великымъ жалованіемъ.*» Такимъ образомъ здѣсь не говорится о вторичной поѣздкѣ кн. Ивана Тверскаго въ Орду, а между тѣмъ повторяется замѣчаніе о его возвращеніи: ясное дѣло, что это второе извѣстіе о возвращеніи кн. Ивана изъ Орды есть ничто иное какъ повтореніе прежняго извѣстія о его возвращеніи изъ Орды съ тою только разницею, что сперва было сказано, что кн. вел. Иванъ вернулся *съ великою честію*, а второй разъ сказано, что онъ вернулся *съ великимъ жалованіемъ.* (1249)

Далѣе въ Твер. лѣт. подъ годомъ 1408 столб. 478, 479 разсказывается вторично, но только пространнѣе, о той же поѣздкѣ князей Юрія и Ивана въ Орду: «Въ дни же сіа князь Юрій Всеволодичь бѣ на Москвѣ уже третіе лѣто, его же извадиша зліи человѣци отъ предѣла его. Князь великій Иванъ многажды посылаше, сице рече: «и не отлучайся, брате, дому святаго Спаса и своего отчества, но поиди, живи на предѣли отца своего, а злыхъ человѣкь не слушай; аще ли ты каа обида есть, да се о насъ епископь Арсеній и мужи честніи отець нашихъ.» Онъ же внимаше, но зліи человѣци на горшаа обратиша й, и повадиша съ Москвы въ Орду; иде князь Юрій Всеволодичь въ Орду. Того же лѣта православный и великій князь Иванъ Михайловичь видѣвь мир(а) христіаньскаго злыми человѣки възмущаема, сице глагола: «довлѣетъ ми аще и нужа въспріати, того радуюся зѣло; хощу потрудитися за христіаны, якоже и господинь мой, отецъ мой.» И вскорѣ нарядися въ Орду, и тако, благодаря Господа Бога, поиде

въ Орду. Православный великій князь Иванъ Михайловичь поиде въ Орду мѣсяца Іюля въ 21 день; (1250) помощію же Божіею, за молитвы отча, царь въскорѣ отпусти, з дары и съ честію отпустивъ, и почти, и елика управленіа хотяща по воли его, царь же ему даваше. Немного же дни бывъ въ Ордѣ, съ честію възвратишася на Русь; немедлено же схо(ди), но яко въ 5 мѣсяць едину, изыиде бо исходящу мѣсяцу Іюлю, и пріиде въ отечество же свое, въ православный градъ Тверскый, мѣсяца Генваря 24 (1251). Епископъ же, весь соборъ и людіе всего града радующеся възстрѣтаху его; и тако, благодатію Божіею, честнѣ въспріатъ столъ отца своего, благодаря Господа Бога. (1252) Безъ сомнѣнія этотъ разсказъ о путешествіи Тверскихъ князей въ Орду въ 1408 г. есть ничто иное какъ повтореніе перваго разсказа о томъ же путешествіи, приведеннымъ въ Твер. лѣт. подъ 1407 г.

Теперь спрашивается, зачѣмъ Юрій ходилъ въ Орду?

Въ Ник. сказано, (1253) что Юрій пошелъ въ Орду искать в. княженія Тверскаго подъ в. княземъ Иваномъ Михайловичемъ. Въ Твер. лѣт. при разсказѣ о самой поѣздкѣ Юрія въ орду не замѣчено, зачѣмъ именно Юрій отправился въ Орду. Разсказывая о самомъ судѣ въ Ордѣ лѣтописецъ употребляетъ такое общее выраженіе, изъ котораго нельзя заключить о требованіи Юріемъ вел. княженія Тверскаго, а именно: «и елика управленія хотяща по воли его (т. е. Ивана), царь же ему даваше.» Далѣе (столб. 480) такое же общее выраженіе употреблено и въ отвѣтѣ кн. Ивана: «ярлыкъ царевь данъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрый въ ярлыцѣ царемь данъ ми есть.» И далѣе, когда говорится о возвращеніи Юрія изъ Орды, то также не видно, чтобы Юрій требовалъ в. княженія Тверскаго; онъ требовалъ только Кашина и еще нѣкоторой части въ Тверскомъ княжествѣ. Вотъ это мѣсто Твер. лѣтописи (подъ 1408 г. 480 столб.): «Зим(ов)авъ же в. князь Иванъ Тверскій, и пріиде изъ Орды. Той же зымы, на весну, пріиде князь Юрый Всеволодичь изъ Орды на Москву, а съ нимъ посолъ царевь Мамаитъ Дербышь. Юрій же оста на Москвѣ, а посолъ пріиде въ Тверь, и глагола в. князю Ивану: «царь далъ Юрію Кашинъ и десять волостей Тверскыхъ.» И князь великій Иванъ отвѣща ему: «азъ самъ вчера отъ царя пріидохъ, и посолъ царевь днесь у мене есть, и ярлыкъ царевь данъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрый въ ярлыцѣ царемь данъ ми есть; да того ради тебе не послушаю, дондеже ко цареви шлю;» почтивь посла, отпусти его. Юрый же, бывь на Москвѣ до лѣта, паки поиде въ Орду.»

У Кар. V, прим. 213 приведенъ изъ Троицкой (харатейной) лѣтописи относящійся къ этому дѣлу отрывокъ такого содержанія: «Тое же весны князь Юрьи Всеволодичь Тферскій приде изъ Орды и приведе съ собою на помощь посолъ именемъ....... добиваяся Кашина, да *третьей части Тфери:* Князь же Иванъ Михаиловичь не съступися ему; они же възвратишася къ Царю Булатъ-Салтану.» (1254)

Такимъ образомъ изъ этихъ отрывковъ оказывается, что Юрій совсѣмъ и не требовалъ вел. княженія Тверскаго. Отвѣтъ же кн. Ивана: «ярлыкъ царевь дaнъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрый въ ярлыцѣ царемь данъ ми есть,» можно понимать такъ, что ярлыкъ былъ данъ на всю землю Тверскую, потому что Юрій требовалъ в. княженія Тверскаго, — какъ равно можно понимать и такъ, что ярлыкъ былъ данъ на всю землю Тверскую, потому что Юрій требовалъ части Тверскаго княжества. Или, можетъ быть, Юрій, встрѣтивъ неудачу въ Ордѣ, понизилъ свои требованія. Если взять во вниманіе послѣднія требованія Юрія, то почему онъ могъ требовать Кашина и кромѣ того — по однимъ извѣстіямъ — десяти волостей Тверскихъ, или — по другимъ извѣстіямъ—третьей части Твери? Вообще эти извѣстія о требованіяхъ Юрія весьма шатки и неопредѣленны.

Почему именно онъ не требуетъ братниной части изъ Холмскаго удѣла или всего Холмскаго удѣла, а требуетъ Кашина, князь котораго Василій Михайловичь жилъ тогда въ немъ и не былъ съ Юріемъ во враждѣ, а скорѣе долженъ бы быть въ союзѣ, потому что и Василій и Юрій должны были имѣть одного общаго врага въ лицѣ Ивана Михайловича. И затѣмъ, что нужно разумѣть подъ этимъ требованіемъ *десяти волостей Тверскихъ* (по однимъ извѣстіямъ) или *третьй части Твери* (по другимъ извѣстіямъ)? Или въ самомъ дѣлѣ Юрій потребовалъ третьей части всего Тверскаго княжества (но только это будетъ, кажется, странное требованіе) и какой-то лѣтописецъ такъ и замѣтилъ, что онъ требовалъ *третьей части Твери*? Или можетъ быть другой лѣтописецъ, встрѣтя такое извѣстіе на счетъ третьей части Твери, вычислилъ что третья часть Тверскаго княжества заключаетъ въ себѣ именно *дясять волостей*; да такъ и занесъ въ свою лѣтопись? Но это также кажется дѣломъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ страннымъ. Какъ же тутъ дѣло разрѣшить? Если отдать предпочтеніе Карамзинскому харатейному Троицкому списку, какъ болѣе древнему (нежели Тверской сборникъ), то нужно принять извѣстіе о *третьей части Твери.*

Выше, говоря о Тверскихъ событіяхъ 1359 г., мы видѣли, что про князя Всеволода Александровича Холмскаго, отца Юрія Всеволодовича, въ лѣтописи сказано что онъ «взя миръ и любовь съ братьею своею, а князь Василій Михайловичь, дядя ихъ, *треть* ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми.» (1255) По этому случаю было замѣчено, что подъ выраженіемъ *треть отчины* не слѣдуетъ ли понимать такія же *трети* или *жеребьи*, какія были въ Москвѣ? Соловьевъ (1256) и Чичеринъ, какъ выше было указано въ своемъ мѣстѣ, допускаютъ существованіе третей въ Твери. Не слѣдуетъ ли и здѣсь подъ требованіемъ Юрія Всеволодовича *третьей части Твери* разумѣть *треть Твери*, т. е. треть доходовъ. Прибавимъ еще соображенія. Въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ князей (С. г. г. д. I, №№ 39, 40) встрѣчается выраже-

ніе *треть Москвы*, напр. «Благословляю сына своего кн. Ивана своею отчиною *третью Москвы*, своимъ жеребьемъ.......» — или: «А приказываю вотчину свою Москву, свою треть.....» Можетъ быть первоначально въ лѣтописи и про кн. Юрья Всеволодовича было сказано, что онъ требовалъ *треть Твери*, т. е. треть доходовъ, и позднѣйшій переписчикъ, не понявъ этого выраженія, написалъ *третья часть Твери.* Тѣмъ болѣе можно такъ предположить, что словамъ *треть* и жеребій вообще какъ-то не посчастливилось въ нашихъ лѣтописяхъ. Только въ Ник. (IV, 190) въ одномъ мѣстѣ довольно точнаго и полнаго извлеченія изъ духовной Донскаго встрѣчается слово *треть* въ неиспорченномъ видѣ, а именно: «а братъ мой князь Володимеръ Ондрѣевичъ вѣдаетъ свою *треть*....» (1257) Въ подобныхъ мѣстахъ (гдѣ упоминается о содержаніи — но не излагается вполнѣ — о духовной Донскаго) другихъ лѣтописей (1258) слова *треть* и *жеребій* встрѣчаются, какъ кажется, въ извращенномъ, не точно понятомъ смыслѣ. Такъ напр. въ прибавл. къ IV т. П. С. Р. Л. стр. 353 сказано, что Дмитрій «раздавалъ же есть комуждо своимъ сыномъ и грады своя въ отчину имъ предастъ по *части*, и *жребіи* княженіа ихъ, на чемъ имъ княжити и жити, по *жребію* раздѣли имъ землю.» (Можетъ быть составитель этого житія выраженіе *по жребію* понималъ *по одному жребію.*) Въ Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 56, сказано такъ: «раздавалъ есть сыновомъ своимъ городы своеа отчины *по частемъ*, на чемъ имъ княжити, и земли имъ раздѣли *по жеребьемъ.*» Въ прибавл. къ I Соф. Лѣт. П. С. Р. Л. VI, стр. 108 такъ: «раздавалъ есть сыномъ своимъ городы своея вотчины *по частемъ*, на чемъ имъ есть княжити, и *землю* имъ раздѣли *по жребію.*» Никто, конечно, прочитывая эти мѣста, не подумаетъ, что Дмитрій Донской раздавалъ землю по жребію, металъ жребій о земляхъ, потому что зная изъ грамотъ, что значатъ *трети* и *жеребьи*, мы конечно легко догадываемся, что нужно понимать подъ *жребіями* въ приведенныхъ мѣстахъ житія. — А можетъ быть слѣдуетъ соединить извѣстія Тверской и Троицкой и допустить, что Юрій Всеволодовичь требовалъ Кашина (хотя непонятно почему именно Кашина), трети Твери и десяти волостей Тверскихъ. (1259) Впрочемъ это мѣсто изъ той и другой лѣтописи такое темное, что никакого опредѣленнаго вывода кажется сдѣлать нельзя, кромѣ одного — что Юрій Всеволодовичь требовалъ какой-то доли, какой-то части изъ Тверскаго княжества. (1260)

Теперь спрашивается, къ какому году относится вышеприведенное извѣстіе Твер. лѣтописи о требованіи Юріемъ Кашина и десяти волостей Тверскихъ? Соловьевъ IV, прим. 24 приводитъ это мѣсто по Карамзинскому отрывку изъ Троицкой лѣтописи и замѣчаетъ, что неизвѣстно къ какому году относится это извѣстіе. Но мы на основаніи Тверской лѣтописи относимъ это къ 1408 г. во 1) потому, что это событіе въ Тверской лѣтописи прямо поставлено подъ 1408 г. (столб. 480). Но такъ какъ мы уже выше за-

мѣтили, что на столб. 473—480 событія перебиты, то можно усумниться въ томъ — дѣйствительно ли это извѣстіе относится къ 1408 г.? Однако во 2) сравнивая это мѣсто Твер. лѣтописи съ однимъ изъ мѣстъ Ник. лѣтописи, все-таки приходится отнести это событіе къ 1408 г. Въ Ник. лѣт. V, 13 подъ 1408 г. говорится: «Тоежъ зимы мѣсяца Генваря въ 25 день, пріиде изо Орды отъ царя Булатъ салтана (1261) во Тѳерь князь великій Иванъ Михайловичъ Тѳерскій, *а съ нимъ посолъ царевъ;* и сретоша великаго князя со кресты честно, и гражане вси выидоша противу его съ великою радостію.» (1262) Въ Тверскомъ сборникѣ разсказъ о путешествіи князей Ивана и Юрія въ Орду и о возвращеніи Ивана изъ Орды (столб. 478, 479; выше это мѣсто было приведено вполнѣ), заключается слѣдующими словами: «и тако, благодатію Божіею, честнѣ воспріатъ (т. е. Иванъ Михайловичъ) столъ отца своего, благодаря Господа Бога.» Далѣе въ сборникѣ говорится о тяжкой зимѣ, о нападеніи Нѣмцевъ и Литвы на Псковъ, о знаменіи на Похрѣ, о крылатомъ червѣ (1263), и за тѣмъ — ни слова не сказавъ о какомъ-либо новомъ путешествіи Ивана Михайловича въ Орду, котораго т. е. путешествія впрочемъ и не было — замѣчаетъ (столб. 480) о его возвращеніи изъ Орды: «Зим(ов)авъ же в. кн. Иванъ Тверскій, и пріиде изъ Орды.» Ясно, что это краткое замѣчаніе есть повтореніе прежняго болѣе подробнаго извѣстія о томъ же самомъ возвращеніи. Затѣмъ послѣ этого краткаго замѣчанія составитель сборника немедленно говоритъ о требованіи Юріемъ Кашина и десяти волостей Тверскихъ и объ отвѣтѣ Ивана: «азъ самъ *вчера* отъ царя пріидохъ, и *посолъ царевъ* днесь у мене есть» и т. д. (выше эта цитата приведена вполнѣ). Такимъ образомъ обращая вниманіе на приведенныя мѣста Ник. и Твер. лѣт. мы видимъ, что въ 1408 г. князь Иванъ Михайловичъ вернулся изъ Орды съ *посломъ*; Татарскому послу, хлопотавшему за князя Юрія, онъ прямо заявляетъ, что посолъ находится еще у него; что онъ, князь Иванъ, самъ *вчера* (принимая это послѣднее выраженіе буквально или не буквально) пришелъ отъ царя. Слѣдовательно это прибытіе князя Юрія изъ Орды для требованія Кашина и десяти волостей Тверскихъ послѣдовало немедленно послѣ возвращенія самого кн. Ивана изъ Орды въ январѣ 1408 г.

Теперь представляется новый вопросъ такого рода: какимъ образомъ изъ Орды вернулись князья-соперники — каждый изъ нихъ съ ярлыкомъ благопріятнымъ для себя? Конечно, одинъ и тотъ же ханъ могъ дать сперва ярлыкъ одному князю, а потомъ и другому — его сопернику (за деньги или по другой какой бы то ни было причинѣ.) Можно предположить также слѣдующее: Юрій пріѣхалъ въ Орду раньше Ивана и могъ выхлопотать ярлыкъ у хана Шадибека, который вскорѣ былъ убитъ, а Иванъ Михайловичъ получилъ ярлыкъ отъ новаго хана, Булата Салтана. Но изъ одного мѣста Твер. лѣт. (столб. 474) подъ годомъ 1408 можно заключить, что ярлыкъ в. кн. Ивану Михайловичу былъ данъ по

старанію Едигея, а Юрію Всеволодовичу по волѣ самого хана. Вотъ это мѣсто: «Выиде Юрій Всеволожь изъ Орды на Москву, князь великій Василей (посла) къ в. князю Ивану, и *посолъ царевъ* пріиде; и князь великій повелѣ *царева посла* срѣтити на Володимерскомъ мосту честно, и мнози изыдоша гражане бесчислены; *царевъ посолъ* поиха къ Москвѣ, корму не взявъ, бѣ бо ему не приказано. А *Едигіева посла* великій князь честивъ и отпусти, и князь Юріа сь Москви поиде.» Еще одно обстоятельство наводитъ на мысль о томъ, что Едигей въ то время поддерживалъ Тверскаго князя. Позже — какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, — Едигей, во время нашествія на Москву посылалъ просить помощи у Ивана Михайловича противъ Москвы. Слѣдовательно Едигей какъ будто ожидалъ какой либо услуги отъ Тверскаго князя въ видѣ благодарности.

Впрочемъ нужно замѣтить, что въ Твер. лѣт. (столб. 474) говорится, что в. кн. Иванъ отпустилъ *Едигіева* посла, а далѣе (столб. 480) самъ Иванъ Михайловичь говоритъ, что у него *царевъ* посолъ. Но нужно полагать, что послѣднее выраженіе *царевъ* посолъ могло быть употреблено въ общемъ смыслѣ — что всякій посолъ пришедшій изъ орды есть царевъ посолъ. Однако нужно еще принять въ соображеніе одно мѣсто Твер. лѣт. 473 столб., гдѣ говорится, что послѣ неудачной тяжбы съ Иваномъ Михайловичемъ передъ ханомъ Булатомъ Юрій Всеволодовичь бѣжалъ въ Астрахань. Можетъ быть какой нибудь тогдашній Астраханскій князекъ (въ родѣ Астрах. князя Салчея, избившаго дружину ушкуйниковъ подъ начальствомъ Прокопа въ 1374 г. Ник. IV, 45. Новг. IV, 72) далъ отъ себя ярлыкъ Юрію. Этотъ Астраханскій князекъ можетъ быть тогда даже и претендовалъ на Золотоордынскій престолъ. Вещь возможная при тогдашней безурядицѣ въ ордѣ.

Впрочемъ, весь разсказъ о поѣздкѣ въ орду князей Ивана и Юрія и о возвращеніи ихъ оттуда — весьма неопредѣленъ, и какіе-нибудь точные выводы на основаніи его сдѣлать нельзя.

Нужно еще замѣтить, что въ лѣтописной литературѣ существовала особая *повѣсть о Плавѣ* и о послѣдовавшей затѣмъ ссорѣ Москвичей и Тверичей. Это можно видѣть изъ Тверскаго сборника. Въ этомъ сборникѣ (столб. 472) составитель его сдѣлалъ заголовокъ: *О Плавѣ повѣсть*. Но затѣмъ вмѣсто повѣсти о Плавѣ помѣстилъ самое короткое замѣчаніе о дѣлѣ на Плавѣ въ такихъ словахъ: «Въ лѣто 6914. На страстной недѣли, въ пятокъ великій, (князь великій Василій Дмитріевичь и Витовтъ) пришедше сташа на Плавѣ; и умиришася, взяша перемиріе на Пашковѣ гати до году.» Хотя далѣе не встрѣчается такого заголовка (т. е. о Плавѣ повѣсть), но по содержанію разсказа въ дальнѣйшихъ столбцахъ видно, что составитель сборника самую повѣсть о Плавѣ (именно, чѣмъ обидились Тверичи и почему они не захотѣли больше помогать Москвичамъ) вписалъ дальше (столб. 474—477, отнеся къ 1408 г.), помѣстивъ послѣ и прежде разбитыхъ разсказовъ о поѣздкѣ на судъ въ Орду князей Ивана и Юрія и о возвращеніи ихъ от-

туда, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ и прежде другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Эту повѣсть о Плавѣ и о послѣдовавшей затѣмъ размолвкѣ Тверичей и Москвичей какой-то неизвѣстный авторъ написалъ для какого-то Варлаама, котораго онъ называетъ «боголюбивый Варламе, освященнаа главо, боголюбиваа главо.» Событія въ повѣсти о Плавѣ также (какъ и разсказъ о поѣздкѣ кн. Юрія въ Орду) разсказаны непослѣдовательно. Извѣстно, что послѣ Плавы Тверской князь отказалъ въ своей помощѣ Московскому. Здѣсь въ Тверской лѣтописи сперва сказано какъ отказалъ Тверской князь въ своей помощѣ, потомъ разсказаны Плавскія событія и затѣмъ опять говорится, какъ отказалъ Тверской князь Московскому, хотя другими словами, нежели въ первый разъ.

Здѣсь же въ повѣсти о Плавѣ вставлена извѣстная жалоба старыхъ бояръ на дружественныя отношенія Василія Дмитріевича къ Татарамъ; эта жалоба напр. въ Никоновской лѣтописи помѣщается въ разсказѣ о нашествіи Едигея на Москву. (Кажется, что здѣсь въ Твер. лѣт. эта жалоба помѣщена болѣе умѣстно, потому что на Плаву приходили Татары помогать Василію Дмитріевичу.) Разсказъ о стояніи на р. Плавѣ лѣтописецъ Тверской заключаетъ такими словами: «Тогды же и Татарове отъидоша, въ помощи мѣсто многу пакость сътвориша христіаномъ, и гнѣвающеся на в. князя Василіа; и оттолѣ начаша зліи мыслити на землю Рускую, якоже старцы прорекоша и глаголаша.»

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Castren, Ethnol. Vorles. стр. 90: Auch beweisen die Traditionen, die Alterthumsüberreste und die zahlreiche Menge finnischer Ortsnamen, welche im nördlichen und mittlern Russland vorkommen, dass die Finnen (ich meine die finnischen Völker) die Aborigines dieses Landes gewesen sind. Нѣкоторые ученые для мѣстожительства Финновъ отводятъ еще бóльшую часть Европы; находятъ слѣды Финновъ въ Скандинавіи, Даніи, Германіи, Англіи; предполагаютъ также, что древнѣйшіе жители Испаніи Иберы, и ихъ потомки Баски, также Финскаго происхожденія, ib., а также его Ueber die Ursitze des finnischen Volkes, стр. 1. Шафарикъ замѣчаетъ, что хотя многіе доводы, особенно предлагаемые филологическимъ разборомъ древне-европейскихъ географическихъ именъ, подтверждаютъ прежнее пребываніе народовъ Сѣвернаго поколѣнія въ Даніи, Скандинавіи, Британіи, Испаніи и т. д., однакожъ отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ эти люди были племени Чудскаго (принимая слово Чудь въ обширнѣйшемъ смыслѣ). Слав. Древн. пер. Бодянскаго, I, кн. 2, 199. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно припомнить, что какъ извѣстно Кастренъ относитъ Финское племя къ Алтайскимъ народамъ, къ которымъ причисляетъ Финновъ, Турокъ, Самоѣдовъ, Монголовъ, Тунгусовъ и т. д. Ethnol. Vorl. 14. Собственно Финновъ Кастренъ дѣлитъ на 4 группы: 1) Угорская (Остяки, Вогулы, Мадьяры), 2) Булгарская или Волжская (Черемисы, Мордва, а нѣкоторые причисляютъ и Чувашей), 3) Пермская (Пермяки, Зыряне, Вотяки) и 4) Финская въ тѣсномъ значеніи слова (Финны, Эсты, Лапландцы, Ижора, Ливь и Чудь) ib. 91. Нѣкоторые ученые относятъ Финновъ и ихъ соплеменниковъ къ желтой или Монгольской расѣ, другіе къ бѣлой или Кавказской, а третьи придаютъ имъ названіе сѣверной или полярной расы. Castr. Ueber die Urs. 9. Г. Европеусъ принимаетъ слѣдующее названіе и дѣленіе: сѣверное европейское или иначе уральское поколѣніе распадается на 2 вѣтви, на 1) угорскую (Остяки, Вогуличи, Мадьяры, а также Весь) и на 2) чудскую или финскую (собственно Финны, Лапландцы, Мордва, Черемисы, Зыряне, Вотяки). Ж. М. Н. П., 1868. Авг. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ Средней и Сѣверной Россіи до прибытія Славянъ, стр. 58.

(2) Лавр. 5. 9. *Перьвіи насельници* въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ *Меря*, въ Бѣлѣозерѣ *Весь*, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. ib. 5.

(3) Карамзинъ границу Веси на сѣверѣ доводилъ до озеръ Онежскаго и Ладожскаго, а на югѣ до Волги, см. его кар. древ. Россіи при I т. И. Г. Р. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, стр. 11, 12: Границы Мери на с.-з. устья Мологи и Шексны, а на ю.-з. поселенія Мери ограничивались лѣвымъ берегомъ Москвы рѣки до самаго ея истока. Въ статьѣ гр. Уварова, Меряне и ихъ бытъ (Труды перв. арх. съѣзда) западная граница Мери продвинута на лѣвый берегъ Волги, гдѣ она захватываетъ часть теченія р. Тверцы, все теченіе р. Кашинки и р. Сити (стр. 647, 648, 654, также карта). Впрочемъ на лѣвомъ берегу Волги гр. Уваровъ раскопокъ не производилъ и какъ видно граница Мери отодвинута за лѣвый берегъ Волги на основаніи тѣхъ названій мѣстностей Тверской губерніи, въ которыхъ слышится имя Мери; но вѣдь и на оборотъ на подобномъ основаніи границы Веси можно продвинуть во Влад. губернію и даже въ Балахнинскій у. Нижегородской губерніи, потому что тамъ есть такія названія мѣстностей, въ которыхъ слышится имя Веси. У гр. Уварова въ той же статьѣ, стр. 644, приведены такія названія мѣстностей; вотъ онѣ: «Вески, Веськово, Веслево, Вексицы въ Переясл. и Ростов. уѣздахъ, и Весь, Веска, Весельки или Васильки въ Сузд. и Юрьев. уѣздахъ; въ Вологодской губ.: Веселково, Веселовскій, Выселокъ, Веслянское, Веслянъ, Весельское Балахн. уѣзда; Весельцы, Вески, Веселки, Веснено, Весцо, Весьегонскъ въ Тверской губ. имѣютъ всѣ одинъ и тотъ же этимологичесій корень.» Барсовъ, Оч. Рус. ист. геогр., стр. 43—47: «Жилища *Веси* она (начальная лѣтопись) указываетъ на Бѣломъ озерѣ; но сродство племеннаго названія этого народца съ названіемъ Води (здѣсь ссылка на Кастрена) даетъ основаніе думать, что они доходили на западѣ до Водскихъ поселеній, т. е. до Ладожскаго озера и рѣки Волхова, у которыхъ и теперь еще есть пять деревень съ Весскими наименованіями: *Весь* къ западу отъ Старой Ладоги, на р. Базловкѣ, *Весь* у праваго берега Волхова между Старой Ладогой и Изсадами, *Веси* (Кисельна) на р. Еленѣ, въ 17 верстахъ, *Весь* и *Весь за ручемъ*, обѣ въ 36 верстахъ по Арх. тракту отъ города Новой Ладоги, въ его уѣздѣ. На сѣверѣ Весь прилегала къ Заволоцкой Чуди, сходясь съ нею на Волокѣ, за которымъ, кажется, нѣтъ мѣстностей Весскихъ наименованій. Такимъ образомъ она занимала области Тверцы, Мологи и Шексны, гдѣ до сей поры сохранились слѣды ея въ названіяхъ сел. *Вески*, къ сѣв.-зап. отъ Торжка, города *Весь-Егонска* на Мологѣ, сел. Веси или *Избищъ* противъ устья Мологи, сел. *Вешка* къ сѣв. отъ Устюжны, рѣчки *Веси*, при впаденіи которой въ Колпь (почти на границѣ Тихвинскаго уѣзда съ Бѣлозерскимъ) находится сел. *Весь* или *Ильинскій погостъ*, р. *Визмы*, вливающейся въ Шексну черезъ Андогу и Суду, и селенія на ней — Везгумы, къ ю. отъ Бѣлозерска; сел. *Перевесье* на верховьяхъ рѣки Согожи, впадающей въ Шексну нѣсколько выше Мологи; на самомъ Бѣлоозерѣ — сел. *Севесъ* старая, извѣстная съ XV в. Крайній сѣверовосточный пунктъ, извѣстный намъ, представляетъ рѣчка *Векса*, лѣвый притокъ Костромы, берущій начало близъ Галицкаго уѣзда. Что *жилища Веси находились и на ю. отъ Волги*, доказываетъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ и урочищъ съ Весскими названіями въ области Волжскихъ притоковъ Шоши и Нерли и Окскаго—Клязмы. Такъ мы видимъ сел. *Вески* въ Волоколамскомъ уѣздѣ; Вязму, притокъ Шоши...... Далѣе на в. въ южной части Ярославской губерніи близъ границы съ Владимірской, встрѣчаются четыре мѣстности съ Весскими наименованіями...... Сколько намъ извѣстно, на югъ отъ Клязмы Веских названій не встрѣчается, за исключеніемъ, можетъ быть, сел. *Вѣшки* къ в. отъ Судогды, рѣчки *Висы* въ Перемышльскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ племя Веси занимало все верхнее Поволжье, примыкая непосредственно къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ Кривичей; поэтому область ихъ рано должна была

подвергнуться славянской колонизаціи. Вѣроятно уже въ эпоху образованія русскаго государства, удержались только слабые остатки этого разбросаннаго на обширномъ пространствѣ племени; по крайней мѣрѣ Начальная Лѣтопись, упомянувъ его въ этнографическомъ очеркѣ своемъ, не говоритъ уже о немъ въ изложеніи событій. Нѣсколько далѣе оно могло сохранять свою независимость на сѣверозападѣ, на водораздѣлѣ между Волжскими притоками и притоками озеръ Ладожскаго и Онежскаго, куда Славянскія колоніи проникали медленнѣе, чѣмъ на востокъ, и гдѣ, какъ полагаетъ Шегренъ, оно смѣшалось съ заволоцкимъ племенемъ Еми.

Въ сосѣдствѣ съ Весью жило племя *Меря*. Поселенія ея Начальная Лѣтопись указываетъ у озера *Ростовскаго* (Неро) и *Клещина* (Плещеева, Переяславскаго), такимъ образомъ къ юго-востоку отъ Веси. Но если принять во вниманіе данныя, представляемыя топографическою и хорографическою номенклатурою средняго Поволжья, то озера Неро и Переяславское должны составлять только часть древней области Мери. Тоже подтверждается и курганными раскопками (гр. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ). По этимъ даннымъ область Мери должна занимать все среднее Поволжье; ея сѣверные предѣлы надо положить на Волокѣ — водораздѣлѣ Поволжья съ Бѣломорскимъ бассейномъ, западные по Шекснѣ и Волжскому изгибу отъ устьевъ Шексны и Мологи до устьевъ Медвѣдицы и Шоши, югозападные и южные — по верховьямъ Клязмы и Москвы рѣки, по теченію Москвы рѣки, мимо области Голядей, къ Окскому бассейну, гдѣ окраины Мери соприкасались съ Славянскими племенами Кривичей, Сѣверянъ и Вятичей; юговосточные и восточные сходились съ поселеніями Мещеры, Муромы и Перми. На сѣверо-западной и западной границѣ отмѣченнаго нами пространства Мерянскія названія мѣстностей переплетаются съ Весскими, обстоятельство, которое усиливаетъ значеніе ихъ для исторической этнографіи, ибо, какъ увидимъ ниже, вообще племенныя названія удержались за мѣстностями главнымъ образомъ на этнографическихъ порубежьяхъ. На всемъ этомъ пространствѣ, и теперь и въ древнихъ географическихъ памятникахъ мы находимъ значительное число селеній и живыхъ урочищъ съ названіями, напоминающими Мерю...... Замѣчательно, что въ древней Переяславской области Мерянскія названія мѣстностей перепутываются съ Весскими, также, какъ и по западнымъ окраинамъ описанной нами области....... Естественно, что при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, лишь только началось колонизаціонное движеніе Славянъ на сѣверо-востокѣ, и это племя, подобно Веси, должно было поступиться и жилищами и народностью передъ Славянами, и немногимъ пережило въ исторіи своихъ сѣверозападныхъ соплеменниковъ. Въ послѣдній разъ лѣтопись называетъ его подъ 907 годомъ, въ числѣ племенъ, ходившихъ тогда съ Олегомъ на Грецію. Въ эпоху составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ, сохранилось только преданіе о томъ, что въ Ростовѣ первыми насельниками были Меря, и едва ли не въ смыслѣ такого же преданія о давноминувшемъ — относительно этой эпохи — слѣдуетъ принимать извѣстія лѣтописи о Мерянской области у озеръ Ростовскаго и Клещина.» Castr. Ethn. Vorl. 152. Die Wessen und Woten waren, nach Sjögren, ein und dasselbe Volk und wurden beide von den Russen Tchuden genannt. Sie erstreckten sich von der Gegend von Bjaloosero, wo die Wessen wohnten, bis in das jetzige Ingermannland hinein, wo der Sitz der Woten war.

(4) Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія Славянъ. Ж. М. Н. П. 1868. Авг. 58, 60.

(5) ib. 61.

(6) Списки населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи, XXVI. У г. Преображенскаго см. стр. 78. Но за эту древнѣйшую Весь Егонскую легко могли быть по какой либо

ошибкѣ приняты позднѣйшіе Карелы, поселившіеся въ Твер., Новгор. и Яросл. губ. въ половинѣ XVII в. Въ настоящее время Карелы въ Твер. губерніи между прочимъ живутъ и въ уѣздѣ Весьегонскомъ, именно въ срединѣ перваго стана и во второмъ станѣ разсѣянно близь рѣки Мологи. ib. XXVII, XXVIII. Замѣчательно слѣдующее извѣстіе: «небольшая Карельская колонія находится на югѣ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ, близь р. Держи. Зубцовскіе Карелы утверждаютъ, что предки ихъ выселились изъ Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, говорятъ даже, что у нихъ есть старики, которые помнятъ то время, когда здѣшніе Карелы ѣздили въ гости къ родственникамъ въ Медынскій уѣздъ. Но въ настоящее время Карелъ въ Калужской губерніи нѣтъ и потому это преданіе или относится къ весьма отдаленному времени, или лишено всякаго основанія.»

(7) О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецы, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Ж. М. Н. П. 1872. № 12, стр. 380.

(8) Съ такими названіями мы нашли четыре деревни и одно сельцо въ спискѣ нас. м. Твер. губ. Господинъ же Европеусъ, въ вышеуказанной своей статьѣ (стр. 61) говоритъ, что въ Тверской губерніи деревень съ подобными именами (какъ во Владимірской губерніи въ родѣ Вески, Веска, Веськова) до девяти. Память о Веси сохранилась доселѣ въ нѣсколькихъ названіяхъ селеній и урочищъ во Влад. губерніи, гдѣ Весь по предположенію нѣкоторыхъ прежде также обитала. Корсаковъ, стр. 45.— Есть въ Твер. губерніи мѣстности, замѣчательныя по созвучію съ именемъ народа Мери: въ Кашинскомъ уѣздѣ *Мерлино* и въ Бѣжецкомъ у. *Мерская пустынь*. Тр. перв. арх. съѣзда, Меряне и ихъ бытъ, гр. Уварова, 642 въ примѣч. Гр. Уваровъ въ своей статьѣ, стр. 641, приводитъ такія названія мѣстностей въ Твер. губерніи, въ которыхъ слышится имя Мери, именно: Мереново въ Новот. у. при р. Тверцѣ, Мериново Бѣж. у., Мериливо Корч. у. близь рѣчки Сози; Меревкино или Мерейкино Зубц. у. по Волоколам. тракту, Мермерины старыя и новыя — двѣ деревни Твер. у., Нерльская Каляз. у. на р. Большой Нерли.

(9) А. А. Э. I, № 251. 1557 г. Послушная грамота Кашинскаго уѣзда села Розмесова крестьянамъ: «Отъ Царя и В. К. Ивана Васильевича всея Русіи, въ Кашинской уѣздъ, въ Чюдской станъ, въ село въ Розмесово, того жъ села въ деревнѣ въ Путилово, и т. д.» Нынѣ дер. *Размѣсово* въ 1 вер. отъ Кашина, а дер. *Путилово* въ 3 вер. отъ Кашина. Знаемъ названія другихъ становъ, которые отличаются уже другимъ характеромъ, такъ Жабенскій станъ Кашин. у. (ib. № 178) безъ сомнѣнія такъ назывался отъ р. Жабны; Нерехотскій станъ (ib. № 165).

(10) Въ Мерянскихъ могилахъ остовы обращены лицомъ на востокъ и съ протянутыми руками. Тр. перв. арх. съѣзда, Меряне и ихъ бытъ гр. Увар. 638. Иногда одна рука, иногда обѣ положены на груди, ib 688. Впрочемъ, по замѣчанію гр. Уварова, скелеты со скрещенными на груди руками попадаются и въ могилахъ несомнѣнно языческихъ.

(11) О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецы въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Твер. губерніи, Европеусъ. Ж. М. Н. П. 1872. № 12, стр. 377—382. Г. Европеусъ приводитъ еще краніологическія соображенія: выкопанные въ селѣ Бѣжецахъ длинноголовые черепа, слѣдовательно весьма любопытны, такъ какъ такимъ образомъ и путемъ археологіи подтверждается, что въ Тверской губерніи въ дорусскія времена и даже въ XI столѣтіи (въ одномъ курганѣ найдена монета Императора Генриха III, 1039—1056) дѣйствительно жила Югра, предки нынѣшнихъ единственныхъ на Сѣверѣ длинноголовыхъ Остяковъ и Вогуличей. ib. 380.

(12) Тверскія губернскія вѣдомости. 1845. Прибавл. № 1. Въ статьѣ «Тверскія древности»: На земляхъ Никольскаго на берегахъ рѣчки Десны, носящей по межевымъ книгамъ названіе р. Скорби, есть два урочища съ курганами, или сопками, какъ ихъ здѣсь называютъ. При разрытіи ближайшихъ къ усадьбѣ найденъ былъ скелетъ великана (?) и при немъ разное оружіе и посуда, которыя, бывъ утаены отъ прежнихъ владѣльцевъ, проданы въ кузницы и превращены въ мирныя сельскія орудія. Дѣти, играя въ пескѣ на господскомъ дворѣ, находятъ мелкія серебряныя монеты треугольной формы. Въ одномъ изъ кургановъ, на глубинѣ 2 сажень, подъ сводомъ изъ неотесанныхъ камней, найденъ скелетъ человѣка и нѣсколько углей. — Въ 1843 и 1844 гг. Ушаковымъ было раскопано нѣсколько кургановъ въ Весьегонскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ. Тр. перв. арх. съѣзда, Меряне и ихъ бытъ, стр. 652 въ примѣч. Они неоспоримо отличаются отъ Мерянскихъ кургановъ, ib. 653. О Бѣжецкихъ курганахъ въ первый разъ упомянулъ Ѳ. Н. Глинка, но его любопытныя свѣдѣнія никогда не были основательно обслѣдованы, ib. 654. Самыя значительныя группы сопокъ или насыпей въ видѣ остроконечныхъ кургановъ находятся въ юго-восточной части Бѣжецкаго уѣзда и въ западной части Весьегонскаго уѣзда. Изъ отдѣльныхъ насыпей замѣчательна Черная горка, на южномъ концѣ Старицкаго уѣзда, съ правой стороны р. Шоши; эта огромная насыпь состоитъ изъ чернозема, тогда какъ почва окрестныхъ полей супесчана и песчана. Вообще эти курганы и сопки всегда находятся въ близкомъ разстояніи отъ рѣкъ и озеръ; группы кургановъ составляютъ обыкновенно кругъ. Курганы суть земляныя насыпи, сдѣланныя съ большимъ тщаніемъ и прочностью, и обложенныя съ низу въ два, иногда въ три ряда разноцвѣтными камнями, въ видѣ огромныхъ, длинныхъ плитъ, сплоченныхъ искусною притескою и каменными же клиньями. Вблизи кургановъ попадается множество камней и каменныхъ обломковъ; на камняхъ этихъ сохранились надписи и изображенія, и нѣкоторые изъ нихъ обвиты какъ бы лентами, высѣченными или выпуклыми. Подъ камнями, сопровождающими ряды бывшихъ кургановъ, встрѣчается правильная мостовая, а ниже цементъ. Между круговинами кургановъ, въ срединѣ ихъ, нельзя не замѣтить глубокихъ ямъ, или колодцевъ, стѣны которыхъ на два аршина отъ устья правильно обложены камнями; земля, вынутая изъ этихъ колодцевъ, должно быть служила для насыпки кургановъ. Ѳ. Н. Глинка приписываетъ основаніе ихъ Норманнамъ, въ IX в. и ранѣе. Спис. нас. мѣстъ Твер. губ. XXV, XXVI стр.

(13) Аравитяне называли Булгарію «внутреннею», точнѣе — «входящею», т. е. входящею въ шестой климатъ Птоломеевъ, или входящею въ составъ Мусульманской Имперіи Халифовъ. Волжскіе Булгары, В. В. Григорьева въ Э. Л. изд. Плюш. VII и въ Библ. для Чт. 1836, № 11. — Аль-Фаргани, мусульманскій писатель IX в., первый между Арабскими учеными ввелъ въ употребленіе греческое раздѣленіе земли на семь климатовъ. Гаркави, сказанія Мусульм. пис. о Слав. и Рус. 26.

(14) Подъ землею Гога и Магога нужно разумѣть страну Югры. Френъ, Ibn-Fossl. 223.

(15) По мнѣнію Френа (ib. 225) дѣйствительно приходилось ѣхать три мѣсяца изъ Булгаръ до Бѣлозерска. Савельевъ, Мух. Нум. CXXVI, принимаетъ также около 3 мѣсяцевъ пути отъ Булгара до Веси.

(16) Бобры водились и позже въ верхне-приволжскомъ краю. Двѣ копіи съ купчихъ отъ 1677 и 1689 г. доказываютъ, что въ Бѣжецкомъ уѣздѣ по р. Мологѣ водились бобры въ концѣ 17 вѣка; въ первой купчей упоминаются *бобровые гоны.* Твер. губ. вѣд. 1850 г. Бобровые гоны въ Тверской землѣ (именно въ Старицѣ, Холмѣ и Новомъ Городищѣ) упоминаются и въ половинѣ XVI в., см. С. г͠. г. д. I, № 187.

(17) Френъ Ibn-Fossl. 210. Срав. Хвольсона Ибнъ-Даста, 186—190. Также Сав. Мух. Нух. CXXVIII, CXXXI, CXXXII.

(18) Френъ, ib. 211. Срав. Савел. Мух. Нум. CXXVIII.

(19) Хвольс. Ибнъ-Даста, 187.

(20) Савел. Мух. Нум. XCIII. Булгарскіе купцы привозили въ страну Веси, вѣроятно, свой хлѣбъ, нѣкоторыя изъ восточныхъ произведеній и арабскія серебряныя монеты и издѣлія. Нумизматическія подтвержденія тому находимъ въ кладахъ, открытыхъ на берегахъ Шексны и Мологи и около Весь — Егонска, въ названіи котораго сохранилось еще народное имя Веси, ib. CXXVII. На Востокъ черезъ Булгаръ шелъ янтарь — главное звѣно, связывавшее Волжскую Булгарію съ Западомъ, ib. LXXXIII.

(21) Савел. Мух. Нум. LV. Торговая связь Новгорода съ Весью несомнѣнна, по замѣчанію Погодина. Изсл. зам. лек. III, 267, 275.

(22) Сав. Мух. Нум. CXXXVI. «Изслѣдованія Мерянскихъ кургановъ доказали, что первоначальные обитатели были не совершенно чужды гражданственности, находясь съ одной — западной — стороны въ сношеніи съ Европою, а съ другой — восточной — съ Азіею чрезъ Волжскихъ Болгаръ. Преобладаніе восточныхъ монетъ передъ западными свидѣтельствуетъ, что Мерянская торговля съ Востокомъ была оживлена болѣе, чѣмъ торговля съ Западомъ.» Меряне и ихъ бытъ, гр. Увар. въ Тр. перв. арх. съѣзда, 706, 707.

(23) Сав. Мух. Нум. XCIII.

(24) Сав. Мух. Нум. XLIV, XLV, XLVI. Пермской губерніи принадлежитъ находка древнѣйшихъ магометанскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Россіи. Кладъ, вырытый въ 1846 г. въ имѣніи гр. Строганова, состоялъ изъ сосудовъ и монетъ двумя съ половиною столѣтіями старше древнѣйшихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи. Въ 1851 г. въ министерство внутреннихъ дѣлъ доставленъ былъ другой кладъ изъ южной части Пермской губерніи, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ вещей и монетъ скандинавскихъ, византійскихъ и индобактрійскихъ, начиная съ половины V в. и оканчивая началомъ VII столѣтія. Ешевскій, Русская колонизація въ В. Е. 1866, № 1, стр. 224.

(25) О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи, В. В. Григорьева. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. томъ I, стр. 115—166. Результаты изслѣдованія на стр. 159, 160. Они также дословно приведены у Погод. изслѣд. зам. лек. III, 292—294.

(26) Герберштейнъ въ перев. Анон. 118.

(27) Castr. Ethn. Vorl. 144, 145. Къ собственно такъ называемому Финскому поколѣнію у Кастрена относятся Карелы, Ямь, Весь или Чудь, Водь, Есты, Ливы. ib.

(28) «Мы видимъ, какъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ.» Сол. I. 77. — «Племена финнскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, какъ вымираютъ туземцы Океаніи въ слѣдствіе поселеній между ними Европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ; на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ сліянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ.» Говоря о населеніи губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, которыя считаются лучшими представителями чисто-великорусскаго типа, авторъ замѣчаетъ, что «въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспомина-

ній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или о ихъ истребленіи. Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массою въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. Движенія сплошною массою мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи.» И такъ, славянское населеніе этихъ 4 губерній слилось съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ. Ешевскій, рус. колонизація. В. Е. 1866. Томъ I, 217, 219.—«Какимъ образомъ была занята Новгородцами страна Мери, чисто ли однимъ мирнымъ путемъ чрезъ поселенія и торговлю или и при помощи завоеваній, мы не знаемъ; ибо *по давности занятія* объ этомъ не дошло никакихъ лѣтописныхъ извѣстій.» Что сказано здѣсь Бѣляевымъ о заселеніи страны Мери Славянами, то кажется можно сказать и о заселеніи другихъ финскихъ земель славянами. См. Бѣляевъ, Рус. земля предъ приб. Рюрика, стр. 88.— «Ни лѣтописи, ни преданія не знаютъ ни общаго истребленія финскихъ племенъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зналъ ихъ первоначальный лѣтописецъ, ни общаго переселенія ихъ оттуда, а между тѣмъ современный этнографъ не находитъ ихъ на этихъ мѣстахъ; стало быть, они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерожденіе это началось, какъ мы замѣтили, въ эпоху доисторическую уже, и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говоритъ въ пользу сравнительно мирныхъ нравовъ нашихъ предковъ.» Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист. I, 64.

(29) Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, 55.

(30) Замысловскій, атласъ къ Рус. ист. изд. 2-е, стр. 9. Срав. также Корсак. 54.

(31) Указанная Бѣляевымъ грамота есть уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данная епископіи Смоленской. Въ этой грамотѣ встрѣчается и слѣдующее упоминаемое выраженіе: «Суждали Залѣсская дань, аже воротитъ Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того Святѣй Богородици десятина.» Что же касается до названія *Крева*, то кромѣ села *Крева* въ Корчевскомъ уѣздѣ при р. Волгѣ и рѣчкѣ Кревкѣ въ 16 верстахъ отъ уѣзднаго города, есть еще село *Крева* или *Назарово* при р. Тифинѣ въ уѣздѣ Вышневолоцкомъ. Списки нас. м. Твер. губ.— Барсовъ, Оч. Рус. ист. геогр. 153, 154: «Свидѣтельство XII в., что *Суздальско-Залѣсская* дань принадлежала первоначально Смоленскимъ, т. е. Кривскимъ князьямъ, даетъ основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ южная часть Суздальской земли стояла въ связи съ Смоленскомъ, зависѣла отъ него. Эта связь и зависимость естественнѣе всего объясняется колонизаціоннымъ движеніемъ Смоленскихъ Кривичей въ земли Мери и Веси, въ область Москвы рѣки и Клязмы до самой Волги, при чемъ переселенцы не теряли земельной связи съ своей митрополіей.» «Если справедливо, что колонизаціонное движеніе Славянъ вообще совершалось по рѣкамъ, составлявшимъ въ этой лѣсистой и дикой странѣ единственные пути сообщенія, то часть верхняго Поволожья между Угрою, Окою, Клязмою и Волгою, пересѣкаемая теченьями Москвы и Клязмы, скорѣе всего могла заселиться Кривичами. Обращаясь затѣмъ къ даннымъ топографической номенклатуры, мы находимъ въ довольно значительномъ количествѣ слѣды Кривскихъ наименованій въ области Клязмы и средняго Поволожья.» Напр. авторъ приводитъ: деревня Кривцовская, селл. Кречково, Кривцы, Кривандина и т. п. «Но болѣе подобныхъ названій замѣчается къ сѣверу отъ Клязмы, въ излучинѣ, которая образуется теченіемъ Волги отъ устья Тверцы до Костромы. Этотъ край могъ заселяться Кривскими выходцами какъ съ

верховьевъ Днѣпра, такъ и съ верхней Волги, которую лѣтопись указываетъ, какъ мѣсто его исконныхъ поселеній.» Слѣды Кривскихъ наименованій, по мнѣнію автора, могутъ указывать какъ далеко простирались разселенія Кривичей, встрѣчавшіяся въ Приволжьѣ съ поселенцами изъ области Ильменскихъ Славянъ.

(32) Преображенскій, описаніе Тверск. губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. 1854. Стр. 78. Также списокъ нас. м. Твер. губ. XXVI. Здѣсь ссылаются на г. Преображенскаго, автора упомянутаго описанія и мѣстнаго жителя, который и относитъ Тудовлянъ къ Бѣлоруссамъ. Здѣсь же въ сп. нас. м. Тв. губ. XXVI, XXVII говорится слѣдующее: «принимая во вниманіе географическое положеніе Ржевскаго уѣзда и историческія судьбы его, именно господство Литвы и принадлежность его Литовскому княжеству, можно думать, что Тудовляне представляютъ собой слѣды Литовскаго владычества въ населеніи, въ настоящее время обрусѣвшемъ. Къ этому племени г. Преображенскій относитъ до 125 тысячъ душъ обоего пола, что конечно преувеличено, ибо все населеніе Ржевскаго уѣзда составляетъ только 108 тысячъ.» Изв. Ак. Н. т. IV, 1855 г. Микуцкаго 6-й отчетъ: «Народъ, говорящій на Бѣлорусскомъ или Литовскорусскомъ нарѣчіи, состоитъ изъ Радимичей, Дрягвичей (Дреговичей), Полочанъ и отчасти Кривичей. Кривичи населяютъ не только часть Бѣлоруссіи, но также почти всю Псковскую губернію, часть Петербургской (уѣзды Гдовскій, Лужскій), часть Тверской и Смоленскую губернію. Сильное измѣненіе въ Кривицкомъ говорѣ произошло вѣроятно отъ смѣшенія Славянъ съ Чудью на верховьяхъ Зап. Двины, Днѣпра и Волги.» Стр. 111, 112.

(33) «Если принять дѣленіе великорусскихъ нарѣчій Сахарова, то нарѣчіе Калязинское примыкаетъ къ Суздальскому. И дѣйствительно, въ звукахъ говора Калязинскаго и Суздальскаго слышится что-то родственное: ясно, что Калязинъ пошелъ отъ Суздаля и долго составлялъ съ нимъ единое.» См. записка о городѣ Калязинѣ. И. Б., стр. 74, въ арх. ист. практ. свѣд. Калачова, II, 1860—1861.

(34) Барсовъ, оч. Рус. ист. геогр. 22—27. «*Озерная область*, въ своихъ многочисленныхъ рѣкахъ и озерахъ, имѣла превосходные водные пути, какъ для внутреннихъ сношеній, такъ и для сношеній съ Поволжьемъ, и съ Чудскимъ побережьемъ Варяжскаго моря....... *Поволжье* было извѣстно Славянамъ еще за долго до начала русскаго государства..... Изъ водъ Волжскаго бассейна лѣтопись называетъ только притоки Волги *Медвѣдицу* (1096. Лавр. 109), *Шексну* (1071. 75), *Оку* (4, 5, 27) съ Клязмой (1096. 109), и озера: *Бѣлоозеро* (Лавр. 3), *Клещино* (ib. Плещеево) и *Ростовское* (ib. Неро). Какъ путь сообщенія, Волга имѣла неизмѣримое значеніе, поставляя славянское Поднѣпровье и озерную область въ связь съ одной стороны съ тюркскимъ востокомъ, и финскимъ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ — (Бѣломорскимъ бассейномъ) съ другой. Съ *Поднѣпровьемъ* она сближалась, какъ мы видѣли, Угрою и Вазузою; съ озерной областью Тверцой и Мологой, — съ Подвиньемъ — р. Селижаровкою, и озеромъ Селигеромъ, служившими также и для сообщенія съ Ильменемъ. О Селегерскомъ (Селигерскомъ) пути находится нѣсколько указаній въ изложеніи событій XII — XIII вѣка. Такъ въ 1199 году на Серегери преставился архіепископъ Новгородскій Меркурій, на пути изъ Новгорода въ Владиміръ на Клязмѣ (Новг. I, 25); въ 1216 г. Новгородцы ходили Серегеромъ на верхъ Волги (ib. 34); въ 1237 году Татары шли къ Новгороду отъ Торжка Серегерскимъ путемъ..... Впрочемъ для озерной области гораздо важнѣе былъ другой путь въ Поволжье, черезъ Мсту и Тверцу. Тверца представляла ключь къ Новгороду..... Многочисленныя развѣтвленія Волги вообще открываютъ превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но и въ самихъ предѣлахъ ея бассейна; особенно богата ими часть верх-

няго Поволжья, ограниченная съ сѣв. Волокомъ до Бѣлоозера, съ сѣв.-вост. Шексною, съ юга и юго-вост. Угрою и Окою, — и пересѣкаемая Мологою и важнѣйшими притоками Оки, Клязмою и Москвою. Многочисленные притоки этихъ рѣкъ, сближающіеся между собою верховьями, покрываютъ какъ бы сѣтью все омываемое ими пространство, представляя такимъ образомъ въ высшей степени выгодныя условія для движенія населенія въ этой области. Они безъ сомнѣнія, съ отдаленнѣйшихъ временъ, послужили главными путями для славянской колонизаціи верхняго Поволжья. Движеніе Славянъ въ этомъ краѣ отъ коренныхъ ихъ обиталищъ, съ Днѣпра, верховьевъ Волги и Оки, могло совершаться по нимъ шагъ за шагомъ, небольшими массами.... Старинныя Славянскія колоніи на озерахъ Клещинѣ (Плещеево, Переяславское) и Ростовскомъ (Неро) стояли въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ верхнимъ Поволжьемъ и озерною областью. Изъ событій 1216 г. видно, что путь съ *Поволжья въ Переяславль* Залѣсскій шолъ отъ Кснятина на Волгѣ при устьѣ Нерли (Большой) вверхъ по *Нерли* къ озеру Сомино и рѣкѣ *Вескѣ* (на картѣ Шуберта Верскѣ), которой истокъ въ Плещеевѣ озерѣ.... Изъ лѣвыхъ притоковъ Волги особенную важность имѣли *Молога* и *Шексна*. Молога служила главнымъ путемъ для распространенія Новгородскихъ Славянъ въ Финской области, которая ограничивается съ сѣверо-зап. и вост. ея круговымъ теченіемъ, и гдѣ, какъ увидимъ ниже, находились важныя Новгородскія волости, уже въ началѣ XII вѣка *Моложскій путь* изъ озерной области шолъ, какъ полагаетъ Д. Ходаковскій (о путяхъ сообщ. 21), или отъ озера Нево посредствомъ р. Сяси и Воложи до *Волока Хотьславля* (въ Тихвинскомъ у.; на подробной картѣ Имперіи 1804 г. въ окрестностяхъ Носова и Зайцева; — на картѣ Шуберта, № 14 — Волокославское при р. Чагодѣ) — или же отъ *Волока Держковскаго* на Мстѣ (ниже Боровичей) ужомъ къ озеру Печенову (у Ходаковскаго Пеленову) по рѣкамъ и озерамъ (Люту и Шерегодру), соединеннымъ протоками, и изъ нихъ *Ситницею* къ озеру *Ямному*, отъ котораго волокомъ до озера *Межволочья* и до р. Песа, впадающей въ *Чагодощу*, лѣвый притокъ Мологи (ib. 27; см. карту Шуб. № 19, Боровицкій уѣздъ). Лѣвий притокъ Чагодощи *Лидь* (у Ходак. Леть) сокращалъ путь изъ озерной области въ Шексну и Бѣлоозеро, сближаясь съ Колпью, впадающею черезъ Суду въ Шексну, у Колпьскаго притока *Волочьны* (въ с.-в. углу Тихвинскаго уѣзда нѣсколько выше сел. Вольскаго). Что же касается Шексны, — то она имѣла важное значеніе, какъ для Ильменскихъ Славянъ, такъ и для Поволжья, составляя какъ-бы ворота въ отдаленное Заволочье.»

(35) Бѣляевъ, Русская земля передъ приб. Рюр. въ Новг. 87, 88.

(36) Ср. Костом. Сѣв.-рус. народ. I, 15, 16.

(37) Ср. Костом. Моногр. I, о знач. В. Новг. 369. Корсак. Меря и Рост. княж. 49. Ибнъ-Фадланъ, писатель начала X в., еще употребляетъ названіе Веси.

(38) Сахаровъ (сказ. Рус. нар. въ пред. къ I т. при конспектѣ книги X) Тверской говоръ относитъ къ Московскому нарѣчію. Костомаровъ (сѣв. нар. I, 17) замѣчаетъ, «что касается до первой (Веси Бѣлозерской), то нарѣчіе, господствующее тамъ въ народѣ до сихъ поръ, сохраняетъ яркія особенности новгородскаго, даже въ болѣе своеобразномъ видѣ, чѣмъ гдѣ нибудь; между тѣмъ этотъ край въ послѣдующія времена не принадлежалъ къ Землѣ Великаго-Новгорода.»

(39) Ср. Костом. Сѣв. нар. I, 15, 16, 17. — Хотя въ лѣт. (Лавр. 8) сказано, что «имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на *всѣхъ Кривичѣхъ*», но уже давно Соловьевъ (I, 91, прим. 151) принимаетъ вмѣсто *всѣхъ Кривичѣхъ* чтеніе *Веси и Кривичѣхъ*, и при этомъ замѣчаетъ, что «если Меря платила дань, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань и потомъ участво-

вала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлоозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса.» Бѣляевъ въ своихъ разсказахъ изъ Рус. Ист. I, 19, 20, 21, что Варяги брали дань съ Славянъ Ильменскихъ, Чуди, Мери, Веси и Кривичей, а призывали Рюрика съ братьями только Новгородцы, Чудь и Кривичи. Въ лѣт. Лавр. 8 говорится, что призывали Чудь, Славяне и Кривичи. Кост Сѣв. нар. I, 15, 17, 19, принимаетъ, что князей призывали Чудь, Весь, Меря, Новгородцы и Кривичи. Интересно, что въ спискахъ Радзив. и Троицк. Серг. Лавры сказано, что Варяги брали дань въ *Чюди на Словѣнехъ*. Лавр. 8, варіанты.

(40) Старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Лавр. 8, 9.

(41) Савел. Мухам. Нумизм. CLV.

(42) Лаврентьевская лѣт., 9.

(43) Лавр. 10. Лѣт. Переясл. Сузд. 6.

(44) Въ 1024 г. волхвы, во время голода, въ Суздалѣ, избивали старыхъ женщинъ, увѣряя что онѣ скрываютъ въ себѣ жито. Въ 1071 г., также во время голода, два волхва изъ Ярославля пошли по Волгѣ и по Шекснѣ, избивая женщинъ за то, что тѣ скрывали въ себѣ жито, медъ, рыбу, но на Бѣлѣозерѣ были схвачены Яномъ, пришедшимъ сюда отъ кн. Святослава собирать дань; Янъ вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что эти волхвы суть смерды его кн. Святослава. Въ 1091 г. волхвъ явился въ Ростовѣ и вскорѣ погибъ. Разсказывается даже о появленіи волхва въ самомъ Новгородѣ, въ 1071 г., гдѣ онъ былъ убитъ кн. Глѣбомъ. (Лавр. 63, 64, 75, 76, 77, 78, 92). Корсаковъ, Меря и Рост. княж. 89, 90, приводитъ любопытныя объясненія по поводу появленія волхвовъ 1071 г., основываясь на статьѣ Мельникова «Очерки Мордвы». Въ главѣ первой своего сочиненія г. Корсаковъ старается возсоздать бытъ и религію исчезнувшаго народца Мери на основаніи аналогіи съ нынѣшнимъ бытомъ и религіозными вѣрованіями Мордвы; едва ли такой путь можетъ быть вѣрнымъ и безошибочнымъ. Погодинъ, изсл. зам. лек. IV, 260, 261, замѣчаетъ слѣдующее о появленіи волхвовъ на Бѣлѣозерѣ въ 1071 г. «Но какъ же попалъ сюда даньщикъ отъ Черниговскаго Святослава? Отвѣчаю: происшествіе разсказано только подъ этимъ годомъ, кстати; а случилось въ другое время.» Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ, что лѣтописецъ, разсказывая старое преданіе, вѣроятно ошибся въ имени князя.

(45) Мак. I, 159, 160. Филар. Рус. Св. Янв. 115. Изъ житія Авраамія Ростовскаго видно, что въ началѣ XI в Христіанство уже утвердилось *гдѣ-то* къ вост. отъ Новгорода, но гдѣ именно, того изъ житія не видно, потому что мы не знаемъ какой дорогой попалъ Авраамій въ Новгородъ. Въ этомъ житіи разсказывается, что Авраамій (ведшій борьбу съ язычествомъ въ Ростовѣ) изъ Чухломы (нын. Костр. губ.), идя на западъ, послѣ многихъ дней, нашелъ наконецъ вѣрующихъ во Христа, а спустя нѣкоторое время достигъ и до Новагорода. (Пойде на западъ; и многія дни шедъ, обрѣте наконецъ вѣрующихъ...... и по нѣкоторомъ времени дойде и великаго Новаграда. Мак. I, 157, прим. 27, житіе Аврааміево по списку третьей обширнѣйшей редакціи. Житіе Аврааміево, подъ именемъ повѣсти о водвореніи Христіанства въ Ростовѣ, напечатано также въ памятн. старин. рус. литер. изд гр. Куш.-Безб. ред. Кост. вып. 1, стр. 221—225). Время жизни Св. Авраамія Макарій относитъ ко временамъ Св. Бориса.— «Вещественные памятники всегда представляютъ наглядное свидѣтельство о прошедшей жизни народа — о мѣстахъ его жительства, о домашнемъ и общественномъ его бытѣ, о степени его образованности, о его сношеніяхъ съ другими народами, о его вѣрованіяхъ и т. п.» Такъ замѣчаетъ Савваитовъ въ рецензіи на соч. Увар. «Меряне и ихъ бытъ» въ отчетѣ Имп. Рус. Геогр. Общ. за 1873 г., стр.

62. А про Весь можно замѣтить, что подобныхъ ее касающихся вещей найдено пока г. Европеусомъ немного, о чемъ выше было упомянуто, и онѣ еще не обслѣдованы. Далѣе г. Савваитовъ замѣчаетъ стр. 63: «Находимые въ Мерянскихъ могилахъ христіанскіе предметы (столкновеніе въ одной и той же гробницѣ предметовъ христіанскихъ съ погребальнымъ обрядомъ языческимъ), какъ бы они ни были рѣдки, могутъ служить памятниками и доказательствами того, что лучи христіанской вѣры еще въ X в. стали прорѣзывать мракъ языческихъ вѣрованій Мерянъ, и что между ними могли быть тайные, а можетъ быть и явные, хотя и одиночные, исповѣдники христіанской вѣры.» Если же у Мери были христіане въ то время, то могли быть и у Веси. Впрочемъ г. Европеусъ замѣчаетъ, что въ его курганахъ ни на одномъ скелетѣ креста не было. Если бы о Веси было такое же изслѣдованіе какъ о Мери гр. Уварова, то можно было бы хотя на сколько нибудь воссоздать народъ Весь.

(46) Воскресенская лѣт. продолженіе, стр. 160.

(47) Краткое описаніе Тверской губерніи, основанное на сравненіи статистическихъ данныхъ 1783 и 1846, Тверь 1847.

(48) Спис. нас. мѣстъ Тверской губ. VII.

(49) ib. VII, VIII.

(50) Кратк. описаніе Твер. губ.

(51) Преображенскій. Описаніе Твер. губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. 1854. Стр. 21. Также кратк. опис. Тв. губ. По плотности населенія уѣзды въ нынѣшней Тверской губерніи слѣдують въ такомъ порядкѣ: Кашинскій (2261 чел. на 1 кв. м.), Калязинскій (1955 чел. на 1 кв. м.), Зубцовскій (1725 чел. на 1 кв. м.), Тверской (1872 чел. на 1 кв. м.), Старицкій (1498 чел. на 1 кв. м.), Новоторжскій (1444 чел. на 1 кв. м.), Корчевскій (1307 чел. на 1 кв. м.), Бѣжецкій (1263 чел. на 1 кв. м.), Ржевскій (1468 чел. на 1 кв. м.), Весьегонскій (982 чел. на 1 кв. м.), Вышневолоцкій (810 чел. на 1 кв. м.), Осташковскій (590 чел. на 1 кв. м.). Сп. нас. м. Тв. губ. XXXI. Такимъ образомъ видимъ, что плотность населенія увеличивается отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, согласно покатости поверхности губерніи и теченію рѣкъ, отъ истока къ устью. Среднее число жителей въ Твер. губ. на 1 населен. мѣстн. (безъ городовъ) составляетъ 113. По уѣздамъ: въ Новоторжскомъ 153, въ Старицкомъ 148, въ Тверскомъ 141, въ Кашинскомъ 138, въ Бѣжецкомъ 136, въ Калязинскомъ 124, въ Корчевскомъ 122, въ Зубцовскомъ 116, въ Весьегонскомъ 111, въ Вышневолоцкомъ 101, въ Осташковскомъ 70, въ Ржевскомъ 61. Мелкость селеній Ржев. и Осташк. уу. объясняется историко-этнографическими данными. Составляя нѣкогда часть Смоленскаго княжества, и принадлежа Литвѣ, эти уѣзды сходствуютъ въ этомъ отношеніи съ западными и Литовскими губерніями. Крупныя селенія встрѣчаются чаще всего по Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ, по Моск. шоссе, и вообще большимъ трактамъ. Сп. нас. м. Тв. губ. XXXI, XXXII, XXXIII. Если обратить вниманіе на плотность населенія въ тѣхъ уѣздахъ, которые прежде входили въ составъ Тверскаго княжества, то самымъ населеннымъ оказывается Кашинскій, а менѣе населенными Ржевскій и Осташковскій. Часть Волокол., Клин. и Дмитр. уу. входили въ составъ Тверскаго княжества. Въ наше время въ Дмитровскомъ у. приходится на 1 кв. м. 1795 чел.; въ Клинскомъ у. на 1 кв. 1400 чел.; въ Волоколам. у. на 1 кв. м. 1687 чел. Сп. нас. м. Моск. губ. XXVI.

(52) Кратк. опис. Твер. губ.

(53) Сп. нас. м. Тв. губ. XIV, XXIII, XXIV.

(54) Аристовъ, промышленность древней Руси, 1.

(55) Преображ. опис. Твер. губ. 2.

(56) Россія снабжала мѣхами и Азію и Европу; русскіе мѣха доставлялись всей Европѣ въ средніе вѣка, когда мѣха составляли главное украшеніе одежды. Ср. Арист. пром. др. Р. 195, 202. Бобровые гоны въ Тверской землѣ (именно въ Старицѣ, Холмѣ и Новомъ Городищѣ) упоминаются и въ половинѣ XVI в. См. мѣнов. грам. 1566 г. въ С. г. г. д. I, № 187.

(57) Арист. пром. др. Р. 173, 174.

(58) Бестужевъ-Рюминъ, о колонизаціи Великорусскаго племени. Ж. М. Н. П. 1867 г. (134 часть, стр. 777, 778). Также его Рус. Ист. 187.

(59) Бѣляевъ, о началѣ Москвы, стр. 15. Р. В. 1868. № 3. Въ этой статьѣ, какъ извѣстно, г. Бѣляевъ высказываетъ свою гипотезу о значеніи земскаго боярства въ Ростовско-Суздальской землѣ.

(60) Бѣляевъ, нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи. Временникъ М. О. И. Д. Р. 1855. XXII. Стр. 46: «Поднимать цѣлину, чертить, подсушивать и выжигать лѣса было въ обычаѣ на Руси даже въ XIV и XV столѣтіяхъ; въ IX же, X, XI и XII вѣкахъ по всему вѣроятію этотъ обычай былъ еще сильнѣе, ибо тогда и Славянскаго народонаселенія на Руси было меньше, и непочатыхъ невоздѣланныхъ лѣсовъ несравненно больше. О сбереженіи лѣсовъ въ старое время Русскіе нисколько не думали, лѣсъ у нихъ считался ни по чемъ: да и по тогдашнимъ обстоятельствамъ истребленіе лѣсовъ было даже благодѣтельно для древняго Русскаго общества...... Обычай чертить и подсушивать лѣса для пашни также существовалъ еще въ XVI столѣтіи...... Вообще земледѣльцы на Руси долго держались обычая не дорожить расчищенною землею, и бросать ее, когда она послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ истощалась, или вообще оказывалась чѣмъ либо неудобною...... Стр. 47: «Всѣ сіи обычаи пахать землю наѣздомъ, чертить и подсушивать лѣса, и бросать не только поля, но и самыя жилища или деревни, обычаи сохранившіеся даже въ XVI в. ясно показываютъ, что на Руси въ болѣе глубокой древности они были еще сильнѣе; ибо ежели въ XVI столѣтіи возможно было бросать разщищенную землю и селиться на другой; то конечно въ X, XI и XII столѣтіяхъ это было гораздо удобнѣе, и для тогдашняго хозяйства выжиганіе лѣса и подыманіе цѣлины представляло болѣе выгодъ, нежели удобреніе земли истощенной многократными посѣвами.» Выраженіе *садить село на сыромъ корени* встрѣчается въ жалованной грамотѣ Витовта Василію Карачевскому отъ 1383 г. о дозволеніи ему садить село Княжую Луку, на сыромъ корени, у Подольской земли. А. З. Р. I, № 6. — Бѣляевъ, разск. Рус. Ист. II, 53: «Иные памятники XII стол. Новгородскихъ бояръ даже прямо называютъ огнищанами, т. е. людьми имѣющими свое собственное огнище; а огнищемъ еще и въ настоящее время въ сѣверномъ краю Руси называется земля расчищенная кѣмъ либо подъ пашню посредствомъ пала или выжиганія дикаго лѣса и этотъ способъ расчистки земли до сего времени общеупотребителенъ въ лѣсистыхъ уѣздахъ глубокаго Сѣвера.»

(61) Преобр. опис. Твер. губ. 17, 18, 19, откуда взяты и первыя девять названій. Остальныя можно найти въ азбучн. указ. къ списк. насел. м. Тв. губ. Есть и такія названія: Пень, Пенье, Пеньково, Пенья, Дегтяри (2), Дегтярка, Горѣлый Мохъ, Горелоши, Горелуха, Раменка, Раменки, Раменники, Раменье (около 30 такихъ назв.), Смолева, Смолино (3 названія), Смолинскій, Смольки, Смольково, Угольница, Бобрище, Бобровая, Бобровая лука, Бобровецъ (2), Бобровка, Бобровники, Боброво (8), Боръ (34), Боры, Доръ (16), Доры (4), Жаръ, Жары (3), Огнишино, Огорѣлокъ. Нѣкоторыя названія (у Преобр.) указываютъ именно на христіанское время, напр. Антоново Лядо, Иваньково, Попово-Лядо, Пономаревъ-Уголъ. Преображенскій (ib. 20) замѣчаетъ, что если бы не ляда, то Тверская губернія имѣла бы порядочно толстый производитель-

ный слой почвы; что всѣ пашни и луга, кромѣ небольшихъ исключеній, произошли отъ истребленія лѣсовъ огнемъ; что черноземъ, частью сгорѣлъ, частью же, возбужденный собственною золою, вошелъ въ растенія, и перенесенъ, увлеченъ вѣтромъ или водою въ низины, болота и рѣки. У Корсакова, Меря и Рост. княж. 56, 57 встрѣчаются слѣдующія замѣчанія: Въ Яросл. и Костром. губерніяхъ есть много селеній съ названіями: Боръ, Доръ, Дёрки, Выгарь, Гарь, Горѣлое, Горѣлово, Погарье, Погорѣлово, Жары, Огнивники, Ожигино, Опалево, Палы, Пенье, Пеньи, Пеньки, Раменье; такихъ названій во Влад. губ. меньше, а въ Моск. они едва-едва встрѣчаются въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Яросл. и Влад. губерніямъ; эти названія указываютъ на способъ заселенія края; славянское населеніе *продиралось* черезъ боръ, лѣсъ, выжигало его, засѣвало, а изъ срубленныхъ деревьевъ, отъ которыхъ оставалось только «пеньё», возникали деревни; на запущенныхъ пашняхъ появлялась хвойная поросль — зачиналось *раменье*; названія нѣкоторыхъ поселеній указываютъ на занятія жителей: Угольники, Угличь, Смолотечье, Смолино, Деготино, Дегтярка и мн. др.; *раменье* въ Яросл. губ. означаетъ лѣсную поросль на запущенной пашнѣ, а иногда настоящій, хвойный, некрупный лѣсъ. Селеній съ названіемъ Пеньё въ Яросл. губ. — 20, а съ названіемъ Доръ — 40. Что касается Твер. губерніи, то всѣ подобныя названія приведены здѣсь или въ текстѣ, или въ примѣчаніи.

(62) Шоша и Дубна впадаютъ въ Волгу съ правой стороны; изъ нихъ первая течетъ въ Зубц., Стариц. и Твер. уу., а вторая на границѣ Каляз. и Корчев. уу. принимаетъ р. Сестру. Тверская лѣт. 212 подъ 1149 г. «И оттолѣ (отъ устья р. Медвѣдицы) поидоша кь Снятину, и къ Углечу и къ Молозѣ, и много воеваша людей Юріевыхъ, даже и до Ярославля, по Волзѣ; и взяша 6 городовъ, и воюючи и жгучи.» Полону взято было 7000 головъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что — начиная отъ Углеча внизъ по Волгѣ — мѣстность уже выходила изъ предѣловъ Тверскаго края. Новг. I, 10: «И по Волзѣ възяша 6 городъкъ, оли до Ярославля попустиша, а *головъ* възяша 7000.» Также Новг. IV, 8. Соф. 1-я, 159. Ник. 179. По 1176 годъ по Никон. лѣт. дѣлаются ссылки по изд. Арх. Ком. 1862, а съ 1177 г. по изд. 1767 —1792. Тат. II, 336.—«И начаста городы жечи и села оба полы Влъгы, а людіе разбѣгошася; и поидоста ко Углечю Полю, а оттуду идоста на усть Мологи...... пріидоша же воевавше у Ярославля.» Воскр. 45. Подъ 1181 г. «И сняшася на устьи на Волзѣ и на усть Тферы, и положиша всю Волгу пусту, вси городы пожгоша.» Твер. 266. Новг. I, 17. Соф. I, 167. Ник. II, 239.—«Онъ же нача воевати Волгу.» Твер. 267. — «Онъ (Ярополкъ) началъ по Волгѣ области Всеволожи разорять, и людей грабить, и пожегъ многія села, не доходя до Переславля только за 40 верстъ.» Тат. III, 246. — Подъ 1216 г. «И идоша (отъ Зубцова внизъ по Волгѣ) по Волзѣ воюючи.» Твер. 318. Новг. I, 34. «И поидоша (отъ Твери внизъ по Волгѣ) по Волзѣ воюючи.» ib. — Подъ тѣмъ же 1216 г. ib. «И пожгоша Шешу и Дубну...... и повоеваша все Поволжіе, и городокъ Късняти нъ взяша.» Также Новг. I, 34. Новг. IV, 21. Воскр. 121.—Поидоша по Волзе воююще, и пожгоша Шошу и Дубну, а князь Владимеръ со Псковичі и со Смольняны взяша городъ Костянтинъ, и пожгоша и все Поволожие.» Ник. II, 323. Тат. III, 388. «Поидоша по Волзѣ воюючи; и пожгоша Шешу и Дубну, а Володимеръ со Пьсковичи и со Смолняны взяша городъ Костянтинъ, и пожгоша й, и все Поволжье.» Троицк. 212.

(63) Сп. нас. м. Тв. губ. XX.

(64) О такомъ значеніи р. Медвѣдицы говорится нѣсколько далѣе въ настоящемъ сочиненіи подъ 1096, 1148 гг.

(65) Нѣсколько выше въ нашемъ сочиненіи о Твер. княжествѣ приведены мѣста,

изъ которыхъ можно видѣть, что рр. Шоша, Дубна, и Поволжье были очень заселены.

(66) Записка о городѣ Калязинѣ, стр. 4, 5, 6. И. Б. Архивъ ист. практ. свѣд. Калачова. II, 1860—61.

(67) Сп. нас. м. Тв. губ. XX. Сводъ мнѣній нѣкоторыхъ ученыхъ о значеніи городищъ и городковъ можно найти въ соч. Самоквасова «древніе города Россіи», стр. 94—96.

(68) Въ сп. нас. м. Моск. губ. стр. XX, замѣчено, что Монголы оставили слѣды въ названіяхъ Моск., а также Твер. губерній, именно въ Зубц. у. Твер. губерніи: Мурзино, Таболово, Ордино; въ Стар. у.: Ермачево, Шерапово, Алаево, Татарки; въ Твер. у. Басурманово и др.

(69) Бест.-Рюм. Рус. Ист. 313. Погод. изсл. зам. лек. V, 353, 354.—Бѣляевъ (Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ. Врем. М. О. И. Д. Р. 1852, XV, стр. 6, 7, 13) замѣчаетъ слѣдующее: «Весь при Рюрикѣ принадлежала Новгороду, ибо въ ней по лѣтописямъ сидѣли мужи Рюриковы, но Весь не была завоевана, ибо лѣтописи не упоминаютъ о завоеваніяхъ Рюрика. Города, уступленные Новгородомъ Рюрику, болѣе уже не возвращались къ Новгороду никогда; Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ со всѣми ихъ областями навсегда остались за Рюриковымъ потомствомъ. Эти города первоначально были Новгородскими колоніями въ Финскомъ краю, вполнѣ зависѣвшими отъ Новгорода и управлявшимися Новгородскими мужами.»

(70) Кар. II, пр. 50 говоритъ слѣдующее: «Въ одной лѣтописи XV в. (Синодал. Библіот. № 349) и въ Новгор. Попа Іоанна сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его, Святославъ Черниговъ и всю страну восточную до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье.» Срав. Пог. изсл. зам. лек. IV, 145. Въ Твер. 183: «Егда бо раздѣлишася тріе Ярославичи всею Рускою землею, взя болшій, Изяславъ, Кіевъ и Новогородъ и иные грады Кіевскаго предѣла, рекше западную страну, а Святославу Ярославичу достася Черниговъ и вся страна восточная и до Мурома, а Всеволоду Переяславль и вся полунощная, Ростовъ и Бѣлоозеро, и все Поволжіе.»

(71) Погод. изслѣд. зам. лек. V, 295, 308.

(72) В. кн. Владимірскій Михаилъ Юрьевичь въ 1176 посадилъ своего брата, Всеволода Юрьевича, въ Переяславлѣ, что на Клещинѣ озерѣ. Лавр. 160, 161. Твер. 259. Ник. 256. Воскр. 92. Переяславцы въ 1177 г. играли важную роль наравнѣ съ Владимірцами въ спорѣ Всеволода Юрьевича съ его племянникомъ Мстиславомъ Ростиславичемъ, и доставили побѣду дядѣ. Срав. Сол. II, 294 — 296. Всеволодъ III Юрьевичь предъ своей смертью въ 1213 г., раздавая волости сыновьямъ, отдалъ Переяславль третьему сыну Ярославу Всеволодовичу, въ которомъ этотъ и родился. Лѣт. Пер. Сузд. 110: «Тогда же въ животѣ своемъ (Всеволодъ) разда волости дѣтемъ своимъ большему Костянтину Ростовъ, а потомъ Гюргю Володимирь, а Ярославу Переяславль, Володиміру Гюргевъ, а меньшеюю Святослава и Іоанна вда Гюргю на руцѣ река: ты имъ буди въ отца мѣсто, и имѣи я яко же азъ имѣхъ я и не мозѣте ратитеся сами и т. д.» Корсаковъ, 123 стр., замѣчаетъ, что это распредѣленіе волостей имѣло для сѣверовосточной Руси, для Поволжья, такое же значеніе, какое завѣщаніе Ярослава для Руси южной, для Приднѣпровья. Тат. III, 372, будто Всеволодъ отказалъ Ярославу Переяславль, Тверь и Волокъ. «Всеволодъ хотя ему (Константину) при себѣ отдать вел. княженіе Суздальское, со всею областію, другому сыну Ростовъ съ городы, третьему Ярославу Переславль, Тверь и Волокъ, четвертому Святославу Юрьевъ и Городецъ, пятому Владиміру Москву, шестому Іоанну Старо-

дубъ.» Срав. Кар. III, пр. 136. — Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрика. Спб. 1793. Составленъ къ запискамъ Имп. Екатерины II, касательно русской исторіи. На стр. 172, подъ 1215 г., князь Ярославъ Всеволодовичъ названъ *Переславскимъ* и *Тверскимъ*.

(73) Воскр. II. Ник. 128. Погод. изсл. зам. лек. IV, 311.

(74) Ник. 158: Константинъ; а по изд. 1768 г. II, 67: «Костянтинъ». Нынѣ село Скнятино Каляз. у. при рр. Волгѣ и Нерли, впадающей въ Волгу съ правой стороны; въ томъ же Каляз. у. есть еще погостъ Рождественскій (Скнятино), вмѣстѣ деревня и погостъ, которые составляютъ одно село. Сп. нас. м. Тв. губ. XX. — Тат. III, 76 и пр. 458, говоритъ, что Юрій построилъ въ своей области многіе города, *но которые точно, о томъ историки не равно написали.*—Погод. изсл. зам. лек. V, 308: «Юрію принадлежитъ основаніе многихъ городовъ въ здѣшней (Суздальской) сторонѣ: Юрьева, Переяславля, Дмитрова, и вѣроятно самой Москвы.» — Бест.-Рюм. Рус. Ист. 188: «Говорятъ, что онъ (Юрій) строилъ здѣсь города и дѣйствительно города несомнѣнно княжескаго построенія (Дмитрова въ честь Всеволода-Дмитрія, здѣсь родившагося; Юрьевъ — въ честь его самого), несомнѣнно имъ построены; но другіе могли быть только укрѣплены имъ.»—Корсак. 77: «Именъ *залѣсскихъ* и *польскихъ* городовъ, построенныхъ Юріемъ, передаетъ лѣтопись немного. Она называетъ только: Кснятинъ или Константиновъ, Юрьевъ-Польскій и Дмитровъ. Но городовъ, построенныхъ Юріемъ, было, по всей вѣроятности, больше. Въ этомъ отношеніи очень справедливы соображенія Татищева и т. д.».— У Арцыбашева, I, прим. 722 сказано: «Ник. II, 67: того же лѣта кн. Юрьи Володимеричь Манамашъ заложи градъ на усть Нерли на Волзе, и нарече имя ему Костянтинъ.» Безъ сомнѣнія онъ названъ здѣсь Вос. I, 303 Скнятинымъ, Ник. II, 8 Снятинымъ; имя Константинъ уродовалось такъ переписчиками. Для доказательства чего Арц. замѣчаетъ, что въ одной лѣтописи сказано: «Посадникъ Снятинъ сынъ Добрынь, а въ Ник. I, 125: «посадникъ Константинъ сынъ Добрынинъ.» Въ одномъ спискѣ I Новг. лѣт. сказано, что былъ пожаръ въ Славнѣ отъ *Къснятина*, а въ другомъ отъ *Костянтинова двора*. Новг. I, 18.

(75) Случалось, что Юрій проходилъ отъ Торжка ближе къ Новгороду, такъ въ 1147 г. онъ взялъ не только Торжокъ, но и повоевалъ Мсту. Ник. 172. Воскр. 38. Тв. 208. Въ слѣдъ затѣмъ, въ томъ же году пошли Новгородцы на Юрія къ Суздалю и воротились отъ Торжка по причинѣ распутицы. Тв. 210. Новг. I, 10.

(76) Тв. 212 (Снятинъ). Соф. I, 159. Ник. 179 (Снятинъ). Воскр. 45 (Скнятинъ). Новг. I, 10. Новг. IV, 8. Ипат. 40 (Кснятинъ). Въ Твер. лѣт. подъ 1216 г. стр. 319 также Кснятинъ. Въ Троицк. 212 подъ 1216 г. Костянтинъ.

(77) «Князь великій же Всеволодъ възмя Торжекъ, декабря 8, полонъ пусти въ Володимеръ, а самъ неребра дружины нѣколико и ѣха къ Волоху Ламскому .... и пригнавше къ городу...... а городъ пожже......» Твер. 265.—Онже поиде на нихъ к Торшку и власти і села пожже...... Онже шедъ взя градъ ихъ, и самѣхъ изби.... а самъ оттоле (отъ Торжка) иде к Волоку Ламскому, и прииде безвѣстно, пожже власти и села...... и градъ Волокъ Ламскиі сожже......» Ник. II, 237. Новг. I, 17.—Костом. Сѣв. нар. II, 67: «остается неизвѣстнымъ, былъ ли онъ (Волоколамскъ) связанъ съ Новоторжскою волостью полосою принадлежащей Новгороду земли черезъ нынѣшній Старицкій уѣздъ, или лежалъ оазисомъ среди чужихъ владѣній.» Погод. изсл. зам. лек. IV, 323 замѣчаетъ: «Самая мудреная задача: какимъ образомъ Волокъ Ламскій могъ попасть въ число Новогородскихъ владѣній, а Зубцевъ въ число Суздальскихъ?» — Ни откуда не видно, чтобы Волоколамскъ былъ связанъ съ Новоторжскою волостью полосою земли принадлежащей Новгороду. — Вѣл. геогр. свѣд. 50:

«Кажется съ перваго похода Всеволода на Новгородцевъ, или по крайней мѣрѣ съ войнъ Юрія Долгорукаго, должно полагать распространеніе Суздальскихъ границъ на счетъ Новгорода въ томъ краю, гдѣ впослѣдствіи образовались владѣнія Тверскія.»

(78) Тв. 266 (и сняшася на устьи на Волзѣ и на усть Тферы). Новг. I, 17 (и съяшася на Вълзѣ; устье Тъхвери). Воскр. 96 (и сняшася на Волзѣ у Тфери; вар. у Тверди). Ник. II, 239 (и сняшася на Волзе усть Твери).

(79) Тв. 267. Ник. II, 241. Воскр. 96. Соф. I, 168. Новг. I, 18. Новг. IV, 16.

(80) Лавр. 178 подъ 1206 г. въ первомъ столбцѣ: «И погребоша ю (княгиню Марію, супругу Всеволода) съ рыданьемъ и плачемъ великимъ, ту сущю надъ нею князю великому и съ дѣтьми своими, и епископъ, и игумени, и черньци и черницы, и множество народа, и епископу Смоленьскому и игумену Михаилу Отрочьего монастыря въ то время пришедшема има къ великому князю Всеволоду молится о мирѣ отъ Мстислава, свата его.» А во втор. столбцѣ: «Смоленьскому епископу Михаилу, и игумену Отрочего монастыря .....» Воскр. 112 подъ 1205 г.: «Смоленьскій епископъ игуменъ Михаилъ Отрочьяго монастыря......» — Лѣт. Пер. Сузд. 108 подъ 1206 г. «И епископъ Іоаннъ, и Смоленскый епископъ, Михаило игуменъ Отроча монастыря: зане бѣста приехали и Смоленска отъ Мстислава молится о извиненіи его, и Симону игумену туже сущю отцу ея духовному, и инѣмъ игуменомъ и попомъ....» Ник. II, 289 — 291 никого изъ духовныхъ по имени не называетъ. Твер. 302 подъ 1205 г.: «Іоанну, епископу Смоленьскому, и Михаилу, игумену Отрочаго манастыра, зане бяста пріихали отъ Смоленска отъ Мьстислава молитися о извѣненіи его, и Симону игумену, отцу ея духовному......» У Кар. III, прим. 118 приведенъ отрывокъ изъ Троицк. лѣт.: «приключися тогда быти (въ Мартѣ 1206) Смоленьскому епископу Игнатью, Игумену Михаилу Отрочья монастыря, занеже пришла быста къ В. к. Всеволоду молиться о мирѣ отъ Мьстислава *Володимерича*, занеже приложился бяше къ Ольговичемъ.» Причемъ Кар. замѣчаетъ, что *Володимеричъ* есть описка вмѣсто *Романовича*. Срав. Сол. II, 352.

(81) «Костянтинъ же съ своею братьею възвратишася со Тьфери, и Святославъ приде къ нимъ изъ Новагорода......» Лавр. 184 подъ 1209 г. — «И бывшимъ имъ (Константинъ съ братьями) на *Твери* съ полкы своими, Новгородци же убоявшеся пустиша Святослава на *Тверь* ко братьи своей, и взяша миръ......» Воскр. 116 подъ 1208 г. Кромѣ того Воскр. ib. упоминаетъ о Твери еще разъ подъ 1209 г. «Приходиша къ Москвѣ Рязаньскіе два князя, Изяславъ Володимеричь и Кюръ Михаилъ Всеволодичь, слышаша бо, яко сынове Всеволожи отошли суть на *Тверь* противу Новгородцемъ, а сего не вѣдаху, яко *урядившеся* съ Новгородци *пріидоша со Твери* въ Володимерь ко отцю своему.» — «Князь же Костянтинъ Всеволодичь съ братьею своею возвратися *со Твери.*» Ник. II, 307 подъ 1210 г. Въ лѣт. Пер. Сузд. 109 походъ Константина съ братьями отнесенъ къ 1212 г. «И бывшимъ имъ на Тфери......» — Кар. III, пр. 132. Тат. III, 367, 368 подъ 1210 г. Срав. Сол. II, пр. 395 о распространенности и ошибкѣ въ именахъ князей Татищевскаго разсказа. У Тат. III, 369 упоминается еще разъ Тверь подъ тѣмъ же годомъ по тому же поводу какъ и въ вышеуказанномъ мѣстѣ Воскр. лѣт. подъ 1209 г. Въ Твер. лѣт. подъ этими годами Тверь не упоминается.

(82) Тат. III, 353.

(83) У Тат. III, 246, говорится, что Всеволодъ, разоривши Торжокъ на Волгѣ, «при устіи рѣки остави войско, велѣлъ въ 1181 г. построить *Т*вердь, и велѣлъ крѣпко наблюдать, чтобъ отъ Новогородцовъ и Торжка люди для воровства на Волгу

не пріѣзжали. Новгородцы увѣдавъ о томъ, что Торжокъ паки возженъ, и Твердь на Волгѣ построена и т. д.» Онъ же I, 520 говоритъ слѣдующее: «Границы, села, области на сѣверъ съ великою Русью по Волгу, какъ о построеніи Твери сказано, в. к. Всеволодъ третій повелѣлъ на сумежьѣ построить твердь или крѣпость, и паки р. Медвѣдицу часто за границу Новогородскую съ Ростовскимъ княженіемъ почитали, но послѣ Кашинъ ко Твери, Углечь къ Ростову пріобщены, на востокъ до Югровъ.... и т. д.» Карамзинъ, разсказывая объ этомъ походѣ Всеволода на Торжекъ, замѣчаетъ III, пр. 61, слѣдующее: «Татищевъ пишетъ, что Всеволодъ построилъ тогда крѣпость на Волгѣ, или *твердь*: ибо нашему историку хотѣлось производить имя города *Твери* отъ *тверди*. Но выше упоминалось о рѣкѣ Тверцѣ или Тъхвери; имя рѣки старѣе города.» Но въ вышеприведенныхъ здѣсь двухъ мѣстахъ, Татищевъ не производитъ названія Твери отъ тверди; онъ только говоритъ, что была построена твердь или крѣпость: Татищевъ самъ же объясняетъ, что твердь значитъ крѣпость; слово твердь у насъ иногда встрѣчается въ лѣтописяхъ вообще въ смыслѣ какого либо укрѣпленія. Если въ первомъ отрывкѣ изъ Тат. слово *Твердь* напечатано чрезъ большое *Т*, то это могли сдѣлать издатели, а у самого Татищева въ собственной рукописи этого могло и не быть. Что же касается до времени построенія такого укрѣпленія или тверди на р. Тверцѣ, то это могъ найти Татищевъ въ какой либо неизвѣстной намъ лѣтописи. А можетъ быть не былъ ли введенъ (только едва ли?) Татищевъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — въ однихъ подъ тѣмъ же 1181 г., а въ другихъ годомъ раньше — (Тв. 267; Соф. I, 167) при разсказѣ о встрѣчѣ Всеволода на р. Вленѣ съ Новгородцами говорится, что Суздальцы учинили около себя твердь.— Иностранные писатели видоизмѣняли названіе Твери различно, такъ напр. Матвѣй Мѣховскій называлъ ее *Twerd* (по изд. 1521 г.), Кампензе — *Tuverd*, Герберштейнъ—*Tvuer* и *Otvuer* (Гербершт. въ перев. Анон.); въ русскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ ея названіе также писалось различно, такъ напр. Тьферь, Тферь, Тфѣрь, Тверь, р. Тъхверца, р. Твѣрца, р. Тъхверь. О построеніи Торжка, сосѣда Твери, въ Торжкѣ сохранилось въ народѣ слѣдующее преданіе: былъ народъ Поляне, которые пришли и поселились близь мѣстности теперешняго Торжка, въ двухъ или трехъ верстахъ; они завели торгъ съ Новгородцами и это мѣсто получило названіе Торжка; на Полянъ, по преданію, напали сосѣди и тѣ должны были оставить прежде избранное мѣсто и поселиться верстахъ въ двухъ вверхъ по теченію Тверцы на новомъ мѣстѣ, можетъ быть, болѣе удобномъ для защиты и жизни, и эта новая мѣстность названа Новымъ Торжкомъ, и сюда изъ страны тѣхъ же Полянъ, изъ Кіевской области прибылъ преподобный Ефремъ, братъ отрока Георгія, погибшаго при защитѣ Бориса. Такое преданіе сообщаетъ неизвѣстный авторъ статьи «Остатки старины въ Тверской губерніи». Тв. губ. вѣд. 1865. № 10.

(84) Бѣляевъ, Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ, 87, 88.

(85) ib. 87.—Довольно остроумное предположеніе высказано было насчетъ происхожденія имени Твери по поводу событій 1181 г., когда Святославъ Черниговскій соединился съ Новгородцами на *устьѣ р. Твери*: здѣшнее поселеніе могло называться *усть-Тверь*. «И теперь слово устье, усть — придается нѣкоторымъ городамъ лежащимъ при устьѣ рѣкъ. Такъ говорятъ: Усть-Югъ, Усть-Молога, Усть-Сысольскъ и проч.» Происшествія въ Россіи, современныя построенію Твери, въ Тверск. губ. вѣд. 1840, № 27.— Если Тверь была первоначально построена на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее р. Тверцы, — гдѣ и теперь Отрочь монастырь — то не есть ли это указаніе на то, что она была построена Новгородцами, которымъ удобнѣе было выѣхать по Тверцѣ въ Волгу и поселиться на лѣвомъ берегу Волги, нежели на пра-

вомъ; Суздальцамъ удобнѣе было селиться на правомъ, такъ Ксятинъ на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нея р. Нерли.

(86) Какъ сказано, вышеприведеннаго выраженія нѣтъ во второмъ спискѣ этой грамоты, но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ опредѣляется величина вѣсовой пошлины съ гостей Низовыхъ, Полоцкихъ, Смоленскихъ, Новоторжскихъ и Новгородскихъ, причемъ съ Новгородца берется меньше всѣхъ. У Сол. III, пр. 166 говорится слѣдующее: «Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастію до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Ист. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какимъ искаженіямъ подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: «Се язъ князь Великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гаврилъ, самодержецъ сынъ Мстиславль, внукъ Володимеровъ Мономаха властвующа всею Русскою землею и властію Новгородскою» А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: «владычествующю ми всею Русскою землею и всею областью Новгородскою,» откуда выходитъ историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.»

(87) Новг. I, 33, Воскр. 119. Ник. II, 318. Тат. III, 383. Соф. I, 170 ошибочно относитъ къ 1195 г. Твер. 315. Въ Твер. лѣт. въ подлинникѣ ошибочно поставлено твердь вм. Тверь; см. прим. внизу стр. Твер. лѣт.

(88) Ср. Бѣл. разск. рус. ист. II, 307—309.

(89) Ник. II, 321. — Воскр. 120: «И учиниша твердь *Ярославли мужи*, пути отъ Новагорода иззасѣкоша и рѣку Тферцу.» — Тв. 317: «Ярославу же бысть вѣсть на Торжокъ, изгониша твердъ, а пути отъ Новагорода засѣкоша и рѣку Твѣрцу.»— Новг. I, 33: «Ярославу же бысть вѣсть на Тържокъ, и изгошиша твьрдь, а пути отъ Новагорода всѣ засѣкоша и рѣку Тьхверцю.»—Кар. III, пр. 162: «изгошише (устроилъ Ярославъ) твьрдь, а пути отъ Новагорода всѣ засѣкоша, и рѣку Тьхверцю.»—Троицк. 211: «Ярославли же мужи учиниша твердь, а пути отъ Новагорода засѣкоша и р. Тферцу.»

(90) Новг. I, 34: «осѣлѣ Святославъ Рьжевку, городьць Мьстиславль.» — Новг. IV, 21: «осѣде Святославъ Ржеву, городецъ Мстиславль.» — Воскр. 120: «осѣлъбѣ городецъ Ржевку Мстиславль.» — Тв. 318: «осѣль Святославъ Всеволодичь Ржевку городокъ Мьстиславль.» — Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г. (Доп. А. И. I, № 4) упоминаются Вержавляне и Вержавскъ. По поводу послѣдняго названія Бѣляевъ (геогр. свѣд. на Руси, 177) замѣчаетъ: «Въ Ростиславовой уставной грамотѣ упоминается *Вержавскъ*, не нынѣшняя ли Ржева?..... По свойству же языка возможно измѣненіе Верженска въ Ржеву,—нынѣшній Брянскъ въ лѣтописяхъ называется же Дебряньскомъ.»

(91) Тат. III, 388: «....... разсудя, что ко Твери приступать не полезно.»

(92) Зубцовъ лежитъ при рр. Волгѣ и Вазузѣ. Рѣка Холохольня впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны при селеніи Холохольнѣ недалеко отъ города Старицы, но ниже обѣихъ рѣкъ Старицъ. Г. Барсовъ (оч. рус. ист. геогр. 165), указывая на извѣстія Воскр. лѣт. объ этомъ походѣ, говоритъ, что р. Холохольня въ началѣ XIII в. является порубежною рѣкою Новгородской и Суздальской земель.

(93) «Ярославъ же слышавъ, оже грабятъ *Тверьское*, и иде съ Торжьку во Тверь.» Воскр. 120.—«Ярославъ же слышавъ, яко грабятъ и пленятъ власти и села, и иде ис Торжку во Тверь.» Ник. II, 322.

(94) О насиліяхъ Ярослава Новгороду и объ этой войнѣ смотри: Новг. I, 33—35. Новг. IV, 20—24. Воскр. 119—124. Ник. II, 318—332. Твер. 315—324. Тат. III, 383—399. Троицк. 211—215.

(95) Если въ лѣтописяхъ говорится, что идя къ Липицамъ, Ярославъ *собралъ всю силу свою* (Ник.), *скопилъ всю волость свою* (Новг. I, Твер.), то значитъ Тверичи принимали участіе въ и Липецкой битвѣ, гдѣ такимъ образомъ былъ особый Тверской полкъ. Слѣдовательно, хотя въ лѣтописяхъ и не упоминается объ участіи Тверичей въ Липецкомъ бою, объ особенномъ Тверскомъ полку, но все-таки Сол. II, 380 могъ справедливо сказать, что Ярославъ въ Липецкомъ бою былъ съ своими полками Переяславскими и Тверскими.

(96) Ср. Бѣл. геогр. свѣд. на Руси, въ Зап. рус. геогр. общ. 1852, VI, стр. 52.

(97) Погод. изсл. зам. лек. IV, 295: «Княжество Суздальское обозначится лучше въ періодѣ Монгольскомъ...... Крайнія владѣнія Суздальскія были (на зап. въ началѣ XIII в.) здѣсь: Москва, Зубцовъ, устье Тверцы, Угличь, Молога, слѣдовательно пограничная линія шла Волгою отъ Зубцова до устья Медвѣдицы.»

(98) О распредѣленіи волостей в. к. Михаиломъ, см. П. С. Р. Л. IV, 360 (въ преставленіи кн. Михаила Тверскаго). П. С. Р. Л. VIII, прод. Воскр. 74. Соф. I, 252. Михаилъ Александровичь умеръ въ 1399 г., а между тѣмъ, при распредѣленіи Михаиломъ волостей — въ П. С. Р. Л. IV и въ продолж. Воскр. — упоминается Борисъ Михайловичь, что конечно ошибка, потому что Борисъ умеръ въ 1395 г.; а въ Соф. I, 252 онъ не упоминается, но за то Иванъ Борисовичь названъ сыномъ, а не племянникомъ Василія Михайловича.

(99) Ник. III, 60. Тат. IV, 48. Воскр. 173. Тв. 405. Въ Твер. лѣт. подъ этимъ же годомъ замѣчено: «По тоже лѣто князя лѣтописецъ.»

(100) Воскр. 176.

(101) Ник. III, 94. Воскр. 181. Тат. IV, 97. Твер. 407 (къ 1296 г.) Лавр. 208 такъ: «Погорѣ городъ Тфѣрь, по Велицѣ дни на 6-й недѣли въ суботу, заутра сборъ отецъ святыхъ.»

(102) Ник. III, 95. Лавр. 208. Воскр. 181. Тат. IV, 78. Можетъ быть въ слѣдствіе этого пожара была *зѣло тяжкая болѣзнь* Михаилу Ярославичу въ томъ же году. Ник. III, 95. Лавр. 208.

(103) Тв. 408. Ник. III, 112. Тат. IV, 96.

(104) Ник. III, 112. (Кремленинъ). Тат. IV, 97.

(105) Ник. III, 115. Тв. 410.

(106) Зажгоша подъ нимъ (Щелканомъ) сѣни и дворъ весь, князь же Михаиловъ отца Александрова. Ник. III, 137. Тат. IV, 118. Соф. I, 217.

(107) Ник. IV, 37. Тат. IV, 229. Твер. 433.

(108) 1386. Того же лѣта у града Твери около Волги рубиша кожегъ и землю насыпаша. Того жъ лѣта и ровъ копаша глубле человѣка. Ник. IV, 154. Тат. IV, 322 (...... рубиша кожухъ......) Кожюхъ, т. е. навѣсъ по замѣчанію Кар. V, пр. 137, стр. 60. На княжескомъ дворѣ была церковь Св. Михаила. Михаилъ Александровичь встрѣтилъ икону, присланную изъ Царяграда, на *своемъ дворѣ* у церкви *Св. Михаила*. П. С. Р. Л. IV, 359.

(109) Ник. IV, 255, 313.

(110) Тв. 474.

(111) Ник. V, 45. Городня, переплетъ изъ бревенъ или свай, наполняемый землею или камнями; звѣно. Слов. церк. сл. и рус. яз. 2 отд. Ак. Н. Впрочемъ, слово *городня* означаетъ и мостовой столбъ, сваю, напр. въ Новгородѣ осенью 1228 г. во время большой воды «въздре 9 городьнъ великаго моста.» Новг. I, 44. Въ лѣт. сказано такъ: «...... на ночь во Твери погорѣ *городенъ* на Волзе...... » Можетъ

быть здѣсь разумѣется Городень = Вертязинъ, нынѣшняя Городня. Въ такомъ случаѣ понятнѣе, почему собраны были не только Тверитяне, но и Кашинцы, чтобы срубить его.

(112) Ник. V, 47. Тат. IV, 464.

(113) Ник. V, 51. Тв. 486. Троицк. 234. Воскр. пр. 87. Соф. II, 140. Соф. I, 259.

(114) Тв. 489.

(115) Тв. 492.

(116) В. к. Борисъ на мѣстѣ монастыря Св. Федора Тирона поставилъ городъ. Тв. 493.

(117) Тв. 494.

(118) Тв. 496.

(119) Тв. 497.

(120) Тв. 499.

(121) ib.

(122) Тв. 445. Ник. IV, 196. 199. Тат. IV, 362.

(123) Тв. 474.

(124) Adelung. Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. Въ атласѣ рисунковъ, приложенныхъ къ нему, на листѣ 26 изображенъ гербъ Тверскаго княжества (всадникъ на конѣ съ бичемъ въ рукѣ; конь и всадникъ обращены лицемъ направо) и Тверскаго селенія Богородицка или Подборье; на листѣ 27 представленъ видъ города Твери.

(125) Твер. губ. вѣд. 1865. № 10. Остатки старины въ Твер. губерніи.

(126) Краткое опис. Твер. губ., основанное на сравненіи статистическихъ данныхъ 1783 и 1846 г. Тверь. 1847 г. стр. 48, 49.

(127) Твер. губ. вѣд. 1865. № 5. Затмацкій посадъ города Твери въ 1626 г. (по неизд. Твер. писцов. книгамъ). Какъ въ Новгородѣ былъ Готскій и Нѣмецкій дворы для Нѣмецкихъ купцевъ, такъ въ Твери былъ Татарскій дворъ для Татарскихъ купцевъ.

(128) Эти замѣчанія о Тверской старинѣ взяты изъ Твер. губ. вѣд. 1865. № 10, ст. Остатки старины въ Тверской губерніи. Въ этой же статьѣ замѣчено, будто въ 1820 г. былъ вырытъ кувшинъ съ старинными кожанными деньгами.

(129) Вотъ этотъ отрывокъ изъ Матвѣя Мѣховскаго по изд. 1521 г.: «In hoc ducatu (т. е. Тверскомъ) capitalis civitas *Twerd* nuncupatur, et est civitas grandis lignea de lignis aedificata: in ea sunt Ecclesiae ligneae centum et sexaginta: castrum etiam ligneum est, et sunt in ipso novem oracula seu Ecclesiae: principalis est Sancti Salvatoris, et illa duntaxat est murata. См. Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum quae in eis continentur. Въ liber secundus, въ главѣ Tracta. secundus libri secundi. capi. primum de Moskovia. См. въ Библіогр. отрыв. (изъ От. Зап. 1854.), III, статью о Матвѣѣ Мѣховскомъ и его сочиненіи «о двухъ Сарматіяхъ».

(130) Библ. иностр. пис. о Россіи, Кампензе, 24. Карамзинъ VII, прим. 287, замѣчаетъ, что Кампензе слышалъ о Россіи отъ своего отца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Матв. Мѣховскаго.

(131) Въ 1392 г. Кашинъ погорѣлъ и былъ срубленъ. Твер. 446.

(132) Сп. нас. м. Твер. губ. XX.

(133) Настоящее сочиненіе о Тверскомъ княжествѣ было уже почти кончено, когда въ только что вышедшемъ № 4 Чт. М. О. И. Д. Р. за 1873 г. появилась статья проф. Иноземцева объ удѣльныхъ князьяхъ Кашинскихъ, изъ которой мы и воспользовались для описанія положенія и укрѣпленій Кашина, стр. 39, гдѣ притомъ замѣчено, что Кашинскіе ровъ и мостъ значатся еще на планѣ города Кашина, Высочайше утвержденномъ въ 1777.

(134) Въ одной грамотѣ (А. А. Э. I, № 78, годъ 1465) Тверской князь говоритъ: «И вы бъ мои мытники Дубенскіе, и Кашинскіе, и Скнятинскіе, и Жабенскіе.....»

(135) Градовскій, ист. мѣстн. управл. въ Рос. 260.

(136) Въ Твер. губ. есть еще нѣсколько мѣстностей съ названіемъ Микулино, Никулино, Никулина. Сп. нас. мѣстн. Твер. губ.

(137) П. С. Р. Л. IV, 360. Соф. I, 252. Воскр. продолж. 74.

(138) Это объясненіе взято изъ такъ названной Микулинской лѣтописи, составленной (въ 1854) по древнимъ актамъ отъ 1354 до 1678 г. Стр. 13, прим. 8.

(139) Въ числѣ ихъ Ирина Головина и Θедосья Голицына, жившія въ 17 в., судя по родосл. приложенной къ только что названной Микул. лѣт.

(140) Это описаніе Микулинской старины взято изъ «Исторической записки о селѣ Микулино-Городище, и древней въ немъ находящейся соборной каменной во имя Св. Архангела Михаила Церкви. 1852. Тверь. 26 страницъ.» Рисунокъ и описаніе Архангельскаго собора въ селѣ Микулинѣ-Городищѣ помѣщены въ «Рус. стар. въ памятн. церк. и гражд. зодч., составл. Мартыновымъ, текстъ И. М. Снегирева», въ т. I, тетр. 11. Здѣсь замѣчено, что девять памятниковъ въ церкви, осмотрѣнные гр. Н. П Румянцевымъ, уничтожены для простора въ церкви. Снегиреву было извѣстно, что храмъ возобновленъ въ 1850 г. Существуетъ обозрѣніе исторіи Микулина, состоящее изъ лѣтописныхъ выписокъ и нѣкоторыхъ актовъ; одинъ изъ этихъ актовъ (1540 г.) хранится въ Вотчинномъ Архивѣ въ Москвѣ; другія (грамоты 1557 г., 1577, 1576, описаніе Микулинской церкви 1602 г.) хранятся у Н. Г. Головина; въ концѣ книги приложены выписки изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ 1627 и 1628 гг., а за тѣмъ прибавлено изображеніе Микулинскихъ монетъ изъ сочиненій Черткова и Рейхеля. Это лѣтописное обозрѣніе Микулина неизвѣстный авторъ назвалъ «Микулинская лѣтопись, составленная по древн. актамъ отъ 1354 до 1678 года. Москва. 1854». У Черткова въ его прибавл. попали многія поддѣльныя монеты, въ числѣ которыхъ есть достаточное количество Микулинскихъ. З. А. Н. О. I, 175, 176. Здѣсь же сказано (изъ Рус. ст.), что на паперти Микулинской соборной церкви на стѣнѣ высѣчена слѣдующая надпись: «въ лѣто 6906 построенъ съборъ сей Архистратига Михаила Великымъ Княземъ Тферскымъ Михаиломъ Олександровичемъ при Владыке Орсенье.» Здѣсь также замѣчено, что у Микулина «сосновый лѣсъ слыветъ Звѣринцемъ: здѣсь, вѣроятно, содержали звѣрей для охоты княжеской.» — Нельзя оставить безъ вниманія замѣчаніе, сдѣланное въ Твер. губ. вѣд. 1859 авторомъ статьи «остатки монастырей въ Твери»; авторъ замѣчаетъ, что онъ зналъ любителей древностей, которые нанимали дѣлать надпись на надгробныхъ памятникахъ древней вязью; что онъ даже знаетъ село, гдѣ это вырѣзывалось.

(141) Сп. нас. м. Тв. губ. Другое *Телятьево* находится въ Ржев. у. при р. Бѣлейкѣ.

(142) Земельныя подраздѣленія или округа въ старину назывались иногда и по рѣкамъ. Напр. Жабенскій станъ Кашин. у. отъ р. Жабны (А. А. Э. I, № 178), волость Лутосна отъ р. Лутосны въ Моск. губ. впад. въ р. Сестру (С. г. г. д. I, № 141,

стр. 385), станъ Локнашъ или Локнашскій, также рч. въ Моск. губ. впад. въ р. Бол. Сестру (С. г. г. д. I, № 141) и т. д.

(143) Сп. нас. м. Тв. губ. XX.

(144) На картѣ Шуб. въ Стар. у. на гран. съ у. Волокол. показана дер. *Поречье*, близь Лотошина, на какой-то рѣчкѣ. Не отсюда ли Порѣтцкой станъ? Впрочемъ это Поречье лежитъ довольно далеко отъ Погорѣлаго Городища.

(145) Далѣе у Бѣл. сказано, что Микулинъ зависѣлъ отъ Холмскихъ князей,— съ чѣмъ согласиться нельзя. Ни откуда не видна такая зависимость: Холмъ и Микулинъ были удѣлы другъ отъ друга независимые. Конечно, Михаилъ Александровичъ получилъ Микулинъ по распоряженію своего отца. Если предположить, что Всеволодъ Холмскій, во время своего короткаго вел. княженія, далъ Микулинъ своему брату Михаилу, то конечно въ такомъ случаѣ Всеволодъ не выдѣлилъ бы удѣлъ Микулинскій изъ своего Холмскаго удѣла, а далъ бы его изъ собственно Тверской волости. См. объ этомъ дальше прим. 637, гдѣ говорится, что Михаилъ сталъ дѣлаться опаснымъ Василію Михайловичу. Осуга впадаетъ въ Вазузу, а Вазуза въ Волгу съ правой стороны.

(146) Ник. IV, 15. Тат. IV, 208.

(147) Выписка изъ лѣтописи Спасокаменнаго, что на Кубенскомъ озерѣ монастыря, см. въ описаніи этого монастыря, нынѣ Спасопреображенскій Бѣлавинской пустыни, составл. Суворовымъ. Вологда. 1871 г., стр. 10 въ примѣч.

(148) Сп. нас. м. Тв. губ. XX.

(149) Вѣроятно на этомъ основаніи «въ Кратк. опис. Твер. губ., основ. на сравн. стат. дан. 1783 и 1846 г.» сказано, что Старица основана Михаиломъ Александровичемъ на Волгѣ въ 1366 г. Въ сп. нас. м. Твер. губ. XVIII сказано, что Старица имъ основана въ 1388 г.

(150) Неизвѣстно, почему у Филар. Рус. Св. Мартъ, 289, 290, сказано, что Новый Городокъ есть *Кожевки*. Нынѣ въ Твер. губ. есть два села съ именемъ *Кожевники* въ Ржев. у. по Торопецкому тракту. Сп. нас. м. Тв. губ.—Неизвѣстно также почему въ Сп. нас. м. Тв. губ. XX, сказано: «Новый Городокъ быть можетъ нынѣшнее с. Городище, или Дубенское устье, въ Корчевскомъ уѣздѣ, при рр. Волгѣ и Дубнѣ, судя по его положенію на судоходно-торговомъ пути изъ Москвы, хотя прямаго указанія на это привести не можемъ.» Арцыбашевъ, сказавши, что Новый Городокъ есть Старица, напрасно далѣе (кн. IV, № 384; т. II, кн. IV, стр. 62, пр. 384; кн. V въ III т. № 1366, стр. 251), указывая на то, что Иванъ Васильевичъ послалъ въ 1492 г. описывать Тверскую землю, причемъ описаны были Холмъ, Новый Городокъ и др.— Новый Городокъ приравниваетъ Городетцку въ Бѣжецкомъ Верху. Въ сп. нас. м. Тв. губ. XVI сказано, что прежній Городецки нынѣ г. Бѣжецкъ, а прежніе Бѣжичи нынѣ пог. Бѣжицы въ Бѣжец. у.

(151) С. г. г. д. I, № 12, о чемъ впрочемъ будетъ говориться далѣе въ своемъ мѣстѣ. Кар. IV, пр. 221, неизвѣстно почему говоритъ, что это нынѣшняя *Городня близъ Твери*.

(152) Невол. общ. спис. Рус. гор. 27, 28 въ его П. С. С. VI.

(153) Ник. IV, 18. Воскр. прод. 15 относ. къ 11 Апр. велик. четв. 1368 г. Тат. IV, 211—прибавлено, что и по другимъ городамъ громъ пожегъ многія церкви. Подъ 1366 г. Ник. IV, 17 сказано, что на *Городцѣ* въ монастырѣ Св. Лазаря громъ побилъ чернецевъ и черницъ, а также и по селамъ многихъ людей избилъ.

(154) У Сол. III, пр. 474, про Градокъ, захваченный Донскимъ, сказано: «можно думать, что это Старица, см. Арцыб. II, пр. 827.» Арцыбашевъ же (II, стр. 116, пр.

827) указываетъ на то, что по Ник. IV, 15, былъ поставленъ *«Градокъ Новый на Волгѣ»*, а затѣмъ на мѣсто (по Кар. V, пр. 254) изъ лѣтописи (неизвѣстно какой) подъ 1398: «Князь Михайло Алекс. Тферскій постави церковь камену Св. Арх. Михаила на Волзѣ *на Городцѣ, на рѣцѣ Старицѣ* и Арсеньемъ еписк. священа бысть Ноября въ 8 день.....» На основаніи этихъ двухъ извѣстій Арцыбашевъ замѣчаетъ: «и такъ Городокъ=Городецъ есть Старица, городъ Тверской губерніи.»

(155) Тат. IV, 214 — «Градня» что конечно невѣрно. Твер. 429 — «Городка».

(156) У Черткова въ 3 прибавл. есть еще монета съ надписью: *печать князя Олександрова Ивановича Городеньс.* Въ 1, 2 и 3 прибавл. Чертк. есть довольное количество поддѣльныхъ монетъ. З. А. Н. О. I, стр. 149 въ ст. кн. Гагарина о подделкѣ рус. мон. (можетъ быть и эта поддѣльная). Въ этой же статьѣ кн. Гагарина про монеты Бориса Александровича, в. к. Тверскаго, битыя въ Городцѣ, замѣчено, что на нихъ надписи всегда на изнанку и по большей части не четки, стр. 166, прим. 15; въ числѣ же Городецкихъ монетъ указана монета Александра Ивановича, бывшаго в. к. Тверскимъ только 5 мѣсяцевъ, стр. 162, а на стр. 167, пр. 20 замѣчено: «Кажется несомнѣнно, что этотъ князь царствовалъ въ Городцѣ прежде, чѣмъ вступилъ на Тверской престолъ, который онъ занималъ съ титуломъ в. к. отъ 1425 до 1426; его монетъ съ послѣднимъ титуломъ неизвѣстно.» Ср. ib. пр. 54.

(157) Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси, изсл. Ивана Некрасова. Одесса. 1870. О жизнеописаніи препод. Макарія Калязинскаго см. на стр. 41 42, 46, 47, 48. — До 1776 г. вмѣсто города Калязина существовали при Макарьевскомъ монастырѣ экономическія слободы, изъ которыхъ въ этомъ году, по именному указу Имп. Екатерины II, образованъ городъ, названный Калязинымъ отъ имени древняго Макарьевскаго Колязинскаго монастыря.

(158) Мак. VII, 21. Здѣсь говорится между прочимъ, что Макарій съ 7 иноками удалился въ пустыню и избралъ для себя уединенное мѣсто въ 18 вер. отъ Кашина, гдѣ старцу сперва угрожала опасность отъ владѣльца сосѣдней земли боярина Ивана Коляги, который сперва хотѣлъ убить Макарія, но потомъ подарилъ ему землю, отчего и обитель здѣсь основанная стала называться Колязинскою.

(159) Вообще о Калязинѣ см. въ Арх. ист. практ. свѣд. Калачова, II, 1860—61, въ ст. «Записка о городѣ Калязинѣ». Годъ поставленія Макарія игуменомъ неизвѣстенъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это было ранѣе 1461 г. Въ грамотѣ Тверскаго кн. Бориса Александровича, которою отдавался Макаріеву монастырю монастырь «Николы на Жабнѣ», онъ названъ игуменомъ. Годъ на этой грамотѣ не означенъ, но Борисъ Александровичъ умеръ 1461 г., слѣд. препод. Макарій поставленъ игуменомъ еще прежде. Путешественикъ Аѳанасій Тверитинъ, посѣтившій Макарія въ 1468 г., также называетъ его игуменомъ. Макарій умеръ въ 1483 г.» Ib. стр. 19.

(160) См. выше прим. 74.

(161) Подъ 1297 г.: «срубленъ бысть во Тверскомъ княжении на Волге городокъ Зобцовъ.» Ник. III, 95. Тат. IV, 78. — А въ Твер. 407 подъ тѣмъ же годомъ: «Срубленъ бысть городъ на Волзѣ, ко Зубцеву, на Старицѣ.»

(162) Сп. нас. м. Тв. губ. XX.

(163) Сп. нас. м. Тв. губ.

(164) Лѣтопись рус. нумизмат. Сахаровъ. 1851. Стр. 17.

(165) Есть еще деревня Городня, Городенька тожъ, въ Твер. у. при колодкѣ въ 13 вер. отъ Твери. Есть еще третья деревня Городня (Горожанка, Рябиниха) въ Бѣжец. у. Сп. нас. м. Тв. губ. Нужно замѣтить, что въ сп. нас. м. Тв. губ. XX, приведено содержаніе духовнаго завѣщанія Михаила Александровича на счетъ горо-

довъ, гдѣ названъ Старица, которой не встрѣчается въ лѣтописномъ извлеченіи изъ духовной; названъ Бѣлгородъ, который совсѣмъ не упоминается, а Вьбрынь или Вьбрынъ названъ Выброкомъ. Щекатовъ въ своемъ геогр. слов. неизвѣстно на какомъ основаніи говоритъ слѣдующее: «Городенъ, село и волость на правой сторонѣ р. Волги, разстояніемъ отъ Твери внизъ 28 верстъ. Примѣчательно потому, что въ древнія времена оно было городомъ и *удѣльнымъ княженіемъ*.» — Въ жалов. грам. 1601 г. Авг. 30 (А. А. Э. II, № 16) упоминаются намѣстники Тверскіе и Городенскіе.

(166) Сп. нас. м. Тв. губ. XX.

(167) Кратк. опис. Тв. губ. 1847. Стр. 68, 69.

(168) Гербершт. въ переводѣ И. Н. Анонимова, стр. 210.

(169) Хотча впадаетъ въ Волгу съ правой стороны. Сп. нас. м. Твер. губ.

(170) Сп. нас. м. Тв. губ.

(171) Твер. губ. вѣд. 1865. № 7, ст. Загородскій посадъ въ 1626 г. Статья Загородскій посадъ составлена по ненапечатаннымъ писцовымъ книгамъ. Сп. нас. м. Тв. губ. 13.

(172) См. дальше прим. 811.

(173) Этногр. Сбор. Рус. Геогр. Общ. вып. 1-й, статья свящ. Лебедева «бытъ крестьянъ Твер. губерніи Твер. уѣзда», стр. 199, гдѣ перечисляются нѣкоторые бывшіе монастыри и церкви въ Твер. у. на основаніи копіи съ дозорныхъ книгъ 1614 г., хранящейся въ церкви села Кошелева. Здѣсь говорится, что былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемѣры на р. Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки, и Егорьевскій монастырь Меньшіе Перемѣры.

(174) Когда Александръ Михайловичь въ 1339 г. ѣхалъ въ орду, то епископъ, игуменъ и попы, и княгиня съ дѣтями проводили его до устья Кашинки; затѣмъ Александръ сѣлъ въ насадъ, а его братъ Василій проводилъ его до Святославля поля. Тв. 418, 419. Ник. III, 167. Тат. IV, 139.

(175) Сп. нас. м. Тв. губ.

(176) Ник. V, 42. Тат. IV, 459.

(177) Ник. V, 16. Соф. I, 257. Воскр. прод. 82. Соф. II, 136. Тат. IV, 438. Эту Ржеву на Волгѣ (Ржеву Володимірову) нельзя смѣшивать съ Ржевою Новгородскою. Напр. въ Соф. I, подъ 1405: «Псковичи повоевали села Новгородскія, Луки и Ржеву», или въ Новг. IV, подъ тѣмъ же годомъ: Псковичи повоевали Ржову Новгородскую и Луки. Эта Ржева съ Великими Луками принадлежали Литвѣ и Новгороду пополамъ, какъ принадлежали прежде Новгороду и Смоленскимъ князьямъ пополамъ. Сол. IV, 176, пр. 34. Объ этой же Ржевѣ говорится въ записи о Ржевской дани, писанной ...нѣ 1479 г. См. А. З. Р. I, № 71. Еще въ Сѣв. Арх. 1822, ч. IV, проф. Цеплинъ ...алъ о мѣстоположеніи древняго города Ржева.—Новгородская Ржева нынѣ есть село Подржевка къ югу отъ города Новоржева Псковской губерніи. Въ 1536 г. вмѣсто прежней Ржевы поставленъ городъ на озерѣ Заволочьѣ, на островѣ Грудѣ, и по этому озеру названъ Заволочьемъ. Великій князь (Іоаннъ IV) повелѣлъ перевезти сюда дворы изъ прежней Ржевы. Почему новому городу присвоялись два названія: Заволочье и Пустая Ржева. Невол. о пятин. и пог. Новг. 225, 226, прим. 1. Ср. Кар. VIII, пр. 49. Герберштейнъ (въ перев. Аноним. о Ржевѣ стр. 109, 110: «Ржевъ Дмитровскій, городъ съ крѣпостью, находится въ 23 миляхъ на западъ отъ Москвы. Крѣпость, отъ которой князь заимствуетъ титулъ, лежитъ на р. Волгѣ и господствуетъ надъ весьма обширной областью. Есть и другой Ржевъ въ 140 миляхъ отъ Москвы, въ 20 отъ Великихъ Лукъ и въ 20 же отъ Пскова; онъ называется пустымъ (deserta).»

(178) См. выше пр. 90.

(179) См. выше то же пр. 90.

(180) Бѣл. геогр. свѣд. 174—176. Два юго-западные уѣзда нынѣшней Тверской губерніи, Ржевскій и Осташковскій, принадлежали къ Смоленскому княжеству. Бѣл. геогр. свѣд. 179.

(181) Ник. III, 207: «Того жъ лѣта Сижскаго сынъ Иванъ седе с Литвою во Ржеве. Тое же осени воевалъ Олгердъ Гедимановичь Бряноскъ и Смоленскъ и у к. Василья Смоленскаго полонилъ сына.»

(182) Ник. III, 211. Тат. IV, 185.

(183) Ник. III, 214.

(184) Ник. IV, 5: «1362. Того же лѣта Литва взяша Коршеву. Тат. IV, 199 — Орешава. Ср. Арц. II, стр. 112, пр. 799. Кар. V, пр. 12.

(185) Ник. IV, 19. Троицк. 231. Воскр. прод. 15.

(186) С. г. г. д. I, № 31.

(187) Ник. IV, 47. Тат. IV, 238. Троиц. 232. Ср. Арц. II, 125, пр. 889. Основываясь на этомъ походѣ можно предположить, что по договору 1372 г. должно было со Ржевы сослать кажется Литовцевъ.

(188) Новг. IV, 93.

(189) Ник. IV, 192. Воскр. пр. 60. Тат. IV, 356.

(190) С. г. г. д. I, № 35, годъ 1389. Кар. V, прим. 139 по этому случаю замѣчаетъ слѣдующее: «Городъ Ржева или нынѣшній Ржевъ принадлежалъ отчасти Московскимъ князьямъ, отчасти Тверскимъ.»

(191) Тат. IV, 366.

(192) С. г. г. д. I, № 38.

(193) Ник. V, 15. Тат. IV, 437. Воскр. пр. 82.

(194) Ник. V, 16. Тат. IV, 438. Соф. I, 257. Воскр. прод. 82. Соф. II, 136.

(195) А. З. Р. I, № 33.

(196) А. З. Р. I, № 51, № 79. — А. З. Р. I, № 51. 1449 г.: «А што былъ еси взялъ подо мною Ржову, будя со мною не въ любви, и я тебе в. князя перепросилъ, съ тобою взялъ любовь, и ты ся Ржовы мнѣ отступилъ; а рубежъ Ржовѣ и Ржовскимъ волостемъ по старынѣ. А мнѣ в. князю Борысу Александровичу у твою отчину не вступатися, ни во все твое великое княженье, ни въ твоее братьи, ни въ Смоленскъ, ни во всѣ Смоленскіе мѣста; а рубежъ отчинѣ моей в. князя Борысовѣ по старынѣ. А мѣста порубежныя, которыи будутъ зъдавна потягли къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать будутъ даивали ко Тферы: ино имъ и нынѣчи тягнути по давному, а мнѣ в. князю не вступатися; а которыи мѣста потягли будутъ ко Тферы, а подать даивали къ Литвѣ или къ Смоленску: ино имъ и нынѣчи тягнути по давному, а тобѣ королю не вступатися.»

(197) С. г. г. д. I, №№ 52, 53, 54, 55. Напр. въ грамотѣ № 54 находится слѣдующее выраженіе: «Такъ же и ты, Господине князь Велики, чѣмъ мя еси пожаловалъ, далъ ми еси въ вотчину и въ удѣлъ удѣлъ дяди нашего княжь Костянтиновъ Дмитріевича, Ржеву и Углече и съ волостями и съ селы.»

(198) С. г. г. д. I, №№ 56, 57, 58, 59. (Четыре взаимныхъ договора Дмитрія Шемяки съ Васильемъ Васильевичемъ въ Іюнѣ 1436 г.) № 60, договоръ Василія Васильевича съ Шемякою отъ Іюня 1440 г.

(199) Твер. 493.

(200) Твер. 493.

(201) Твер. 494. «Въ лѣто 6955. Князь великій Борисъ Александровичь Тверскый на другую зиму ихалъ съ княгинею въ Ржеву, а Дяхъ Станиславъ его изго-

нилъ, да намѣстниковъ его изымалъ, Льва Измайлова, да людей много Тверичь поималъ, да Ржеву городъ засѣлъ; а князь великій Борисъ Александровичь со княинею убѣжалъ въ (О)поки.»

(202) А. З. Р. I, № 51: «А што былъ еси взялъ подо мною Ржеву, будя со мною (Борисомъ Александровичемъ) не въ любви, и я тебе в. князя перепросилъ, съ тобою взялъ любовь, и ты ся Ржовы мнѣ отступилъ; а рубежъ Ржовѣ и Ржевскимъ волостямъ по старынѣ.»

(203) А З. Р. I, № 50. Эта грамота, равно какъ и грамота № 51, обѣ помѣчены индиктомъ 12. Эта же граница обозначается и въ договор. грам. Іоанна III съ Литовскимъ в. к. Александромъ (С. г. г. д. V, № 29, 1494 г. Февр. 5), при чемъ упоминается, что волостели в. к. Кейстута отчасти вѣдали р. Осугу.

(204) С. г. г д. I, № 67.

(205) С. г. г. д. I, № 86. Нынѣ въ Ржев. у. есть 3 мѣстности съ именемъ Андреевскаго. 1) Андреевское (Воробьево), усадьба при р. Городнѣ по лѣвую сторону тракта изъ Старицы во Ржевъ. 2) Андреевское (Воробьево) деревня, также при р. Городнѣ по ту же сторону того же тракта. 3) Андреевская, деревня, по лѣвую сторону дороги изъ Осташкова во Ржевъ. Сп. нас. м. Тв. губ.

(206) С. г. г. д. I, №№ 97, 98, 110, 111, 124. Когда въ 1480 г. кн. Андрей Большой Углицкій и кн. Борисъ поссорились съ своимъ братомъ Іоанномъ III, то отослали своихъ княгинь во *Ржеву*, а сами пошли съ Углича *по тверскому ко Ржевѣ, а отъ Ржевы къ Лукамъ Великимъ*, Іоаннъ III посылалъ за ними во Ржеву Ник. VI, 109, 110. Тат. V, 81.

(207) С. г. г. д. I, № 105. Иванъ Борисовичь Волоцкой въ своей духовной (писано около 1504 г.) отказалъ Іоанну III свою половину Ржевы. (С. г. г. д. I, № 132). Өедоръ Борисовичь Волоцкой въ своей духовной (писанной около 1523 г.) говоритъ, что если у его княгини не будетъ сына или дочери, то онъ Ржеву отдаетъ в. к. Василію Ивановичу. (С. г. г. д. I, № 151). Ржевъ раздѣляется Волгою на двѣ части, изъ коихъ одна называлась *Князь-Өедоровскою*, а другая *Князь-Дмитріевскою*. Щек. геогр. слов.

(208) Кар. V, пр. 139.

(209) Сол. IV, 176. О томъ, что Волокъ, Вологда, Вѣжецкій Верхъ были въ смѣсномъ владѣніи Новгорода и Москвы, см. Сол. IV, 173.

(210) Такъ говоритъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей Христ. Рус. Пр. (стр. 209, пр. 9) по поводу Вел. Лукъ, Ржевы и др., на государственной принадлежности которыхъ себѣ настаивали Новгородцы, а Литвѣ уступали лишь дань.

(211) Какъ мы видѣли выше въ опредѣленіи границы называется еще мѣстность *Поникль* гдѣ-то по р. *Бѣлейкѣ*. Въ настоящее время такой мѣстности въ Твер. губерніи не имѣется. Къ западу отъ верховья р. Бѣлейки, верстъ за 30, въ Смолен. губерніи есть деревня *Поникль*. Рѣка *Осуга* частью своего верхняго теченія нынѣ проходитъ по границѣ Ржевскаго уѣзда и Смоленской губерніи.

(212) Хотя въ межевой грамотѣ подробно перечисляются пограничныя мѣста, но иногда нынѣ ихъ отыскать нельзя: онѣ теперь или не существуютъ, или если и можно найти мѣстность съ упоминаемымъ въ грамотѣ названіемъ, то очевидно что это не та, потому что лежитъ далеко въ сторонѣ. Иногда попадаются на картѣ нѣсколько мѣстностей съ одинакими названіями. Само собою разумѣется, мы здѣсь не говоримъ о такихъ межевыхъ признакахъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ межевыхъ грамотахъ, какъ напр. мохъ, сосны сухія, ели сломленныя, какія нибудь тони и т. п. Но вотъ напр. нынѣ нельзя найти на картахъ: ручей Межникъ, р. Глушица, озерко Мшара и

т. и. Или напр. въ грамотѣ упоминаются Веретья Ямская и Веретья Волчья; нынѣ есть также двѣ Веретьи — Большая и Малая, но это не тѣ, потому что лежатъ къ востоку отъ Селигера, за 34 в. отъ Осташкова. Или въ грамотѣ упоминается озеро *Клѣщино;* нынѣ также есть и деревня и озеро Клещино, но только въ Вышневол. у. близъ Николаевской желѣзной дороги. Эти замѣчанія можно приложить и къ послѣдующимъ межевымъ грамотамъ, которыми приходится пользоваться въ настоящемъ сочиненіи.

(213) С. г. г. д. I, № 117. Межевая грамота в. к. Іоанна Васильевича съ братомъ его к. Борисомъ Васильевичемъ.

(214) Неволинъ, пят. и пог. Новг. 110: «Нѣкоторыя волости даже совершенно выдѣлились изъ погостовъ, къ которымъ онѣ могли принадлежать первоначально, и каждая изъ нихъ, подъ собственнымъ своимъ именемъ, составила особое цѣлое. Таковы были волости Деревской пятины: Стержъ, Березовецъ, Велила, Буецъ, Лопастица, Морева.»

(215) Волость Кличенская, какъ кажется, находилась между озз. Селигеромъ, Стержемъ и Вселугомъ, а волость Вселугская — между озз. Вселугъ, Истошня, Хвошня и р. Кутъ. И теперь существуетъ село Вселуки, Ост. у., между озз. Вселугъ, Пено и р. Волгою. Здѣсь въ межевой грамотѣ эта волость названа Вселутская, что конечно ошибка, тѣмъ болѣе, что далѣе въ грамотѣ № 151 (С. г. г. д. I, стр. 418) она названа *волость Вселукъ*.

(216) Названія рр. Руны, Кути, озз. Хвошни и Истошни встрѣчаются въ межевой грамотѣ. Судя по картѣ Шуберта, нынѣ близъ оз. Селигера къ сѣв. отъ него есть три деревни съ названіемъ Межникъ. «Собственно озеромъ Селигеромъ называется то самое широкое пространство воды, которое находится между городомъ Осташковымъ, Островомъ Хочиномъ (самый большой изъ островов Селигера), Рудинскимъ перевозомъ на Вышневолоцкой дорогѣ и оз. Величкомъ. На немъ находятся острова 1) *Канина* съ 3 малыми, между лукою Хотиньею и пог. Рожкомъ, 2) *Хотка* и *Разбойникъ*, 3) *Столобной*, на немъ Нилова пустынь и т. д........ Всѣхъ островов на Селигерѣ до 160.» Воды Твер. губерніи, сост. Преображенскій, стр. 57, 60 въ Пам. кн. Твер. губ. на 1861. Жаль, что къ этой прекрасной статьѣ о водахъ Тв. губ. не приложена карта, безъ которой трудно, иногда даже нельзя съ должной точностью воспользоваться этой статьей.

(217) Описаніе земель Новгородскихъ писцами великокняжескими начато было 1491 или 1492 году. Деревскую же пятину начали описывать около 1495—1496 года. Невол. о пят. и пог. Новгор. стр. 11, 12. Нельзя сказать, такова ли была граница Деревской пятины въ 1495—96 гг., какъ она обозначена на картѣ Неволина. Нужно замѣтить, что Неволинъ долженъ былъ по необходимости обозначать границы приблизительно; онъ самъ (ib. 42) говоритъ, что означить границы округа каждаго погоста было совершенно невозможно.

(218) Бояринъ Товарковъ такъ говорилъ Борису Васильевичу отъ имени его брата Іоанна III: «......что хотя будешь и принялъ къ своей отчинѣ Новгородскіе земли, доколѣ вотчина наша къ намъ не направилася по Шолоньской бой; и ты и то вели своему (т. е. разводщику) отвести себѣ къ своей вотчинѣ, а мой то видитъ.»

(219) Городъ Осташковъ былъ въ 1500 г. Тимофеевской слободкой *во Ржевѣ, въ Кличанскомъ уѣздѣ*. Въ этомъ году половина Тимофеевской слободки, вмѣстѣ съ деревней Медвѣдковой, была пожалована кн. Өедоромъ Борисовичемъ Волоцкимъ Іосифову Волоколамскому монастырю. Въ 1772 г. нѣкоторыя изъ Осташковскихъ слободъ переименованы въ городъ Осташковъ, причисленный къ Новгородской губерніи. Сп.

нас. м. Тв. губ. XXV. А. А. Э. I, № 136. — Медвѣдкова (Лапино) Ржев. у. при р. Туду, 40 в. отъ Ржева, по правую сторону Торопец. тракта. — Въ XVII на мѣстѣ, занимаемомъ теперь городомъ Осташковомъ, находились слободы, называвшіяся *Осташковскими*, которыя принадлежали Московскимъ патріархамъ. Кратк. опис. Тв. губ. основ. на сравн. стат. дан. — *Барсовъ*, оч. рус. ист. геогр. Геогр. Начальн. лѣтоп. 165: «Неизвѣстно, кому принадлежало озеро Селигеръ; вѣроятно, что этотъ важный *Серегѣрскій путь* изъ озерной области въ Поволжье, и изъ Подвинья въ Озерную область находился въ общемъ пользованіи прилегавшихъ къ нему земель, — и хотя Новгородскій лѣтописецъ, при описаніи набѣга Литвы на Новгородскую область въ 1229 году, называетъ Серегѣрь въ числѣ другихъ разворенныхъ тогда Новгородскихъ волостей, но тѣмъ не менѣе, сколько извѣстно пока изъ писцовыхъ книгъ XVI в., къ Серегерю пріурочивается безспорно только одинъ погостъ *Полоновскій* (Невол. о пят. и пог. Новгор. 183), находившійся на м. теп. *Полоново* (карта Шуб. Полнова), при устьи озера Полонецъ въ самый сѣверный уголъ Серегѣра.» Далѣе авторъ замѣчаетъ, что по указаніямъ Начальной лѣтописи водораздѣлъ бассейновъ Ильменя и Волги долженъ считаться порубежьемъ Смоленскихъ Кривичей.

(220) Напр. въ межевой грамотѣ Дмитрову, Рузѣ и Звенигороду съ Можайскими и Клинскими станами и волостями сказано: «А которые земли, села и деревни монастырские и Боярские по сему списку черезъ тотъ рубежъ перешли въ Клинские станы и въ волости изъ Рузского стану изъ Локнаша........» С. г. г. д. I, № 141, стр. 384.

(221) С. г. г. д. I, № 105. Въ настоящее время, въ предѣлахъ прежней Ржевской земли на пространствѣ отъ Ржевы до оз. Селигера по лѣвой и правой сторонѣ Волги, можно найти нѣкоторыя мѣстности съ такими же названіями: въ Ост. у. при озеркѣ Глухомъ между Холмскимъ и Торопецкимъ трактами есть 1) дер. Осично, 80 вер. отъ Осташкова и 2) дер. Осеченская (Снадырева Гора) 85 вер. отъ Осташкова. Рясня, Стар. у. село, при ключѣ, 42 в. отъ Стар. По Вышнев. торг. тр. Воронкино, пог. Стар. у. при р. Большой Кошѣ, 64½ в. отъ Стар.—Ельцы, село, Ржев. у. при Волгѣ, 57 в. отъ Рж.—Есть нѣсколько деревень съ названіемъ Красное; вотъ нѣкоторыя подходящія: 1) *Красное*, дер. Ост. у. при болотѣ, 70 в. отъ Ост. по лѣв. стор. Тороп. тр. 2) Красное село, Стар. у. при рч. Холохоленкѣ, 21 вер. отъ Стар. Только послѣднее Красное едва ли можетъ быть тѣмъ Краснымъ, которое упоминается въ духовной. Есть три Резанцова во Ржев. у.: 1 и 2) сельцо и дер. *Резанцово* при р. Дунькѣ, Ржев. у. 20 в. отъ Рж. 3) Резанцево, сельцо при р. Сишкѣ, 40 в. отъ Рж. между тракт. Бѣльск. и Тороп.

(222) А. И. № 108. Рожокъ, Ост. у. пог. при озерѣ Селигерѣ, 30 в. отъ Ост. На картахъ показываются два озера *Серемо*, оба къ сѣв.-вост. отъ Селигера, одно изъ нихъ возлѣ самаго Селигера, У. г. Преображенскаго въ его ст. Воды Тв. губ. 77 названо оз. Керегожъ у пог. Рожка въ Ост. у. — Изъ духовной Ѳедора Борисовича Волоцкаго (С. г. г. д. I, № 151), писанной впрочемъ лѣтъ 35 послѣ покоренія Твери, (она писана около 1523 г.) встрѣчаются кромѣ прежнихъ и другія мѣстности: Яжжина, Лещина, Котици, Горышинъ, Хрестецъ, Голенково, Сытково, села Федтково, Спасское. Въ Ост. у. есть двѣ *Лещины*, дер. и сельцо, одна 18, а другое 17 в. отъ Ост. по дорогѣ въ Вышній Волочокъ, при безъименномъ ручьѣ. Въ Ост. у. есть двѣ *Котици*, пог. и дер. (одна изъ нихъ *Нижніе*) при р. Селижаровкѣ, по лѣв. стор. Ржев. тр., одна въ 16, а другая въ 19 в. отъ Ост. — Горышинъ, пог. Ост. у. при Волгѣ, 59 в. отъ Ост. по прав. стор. Ржев. тр. — Въ Ост. у. есть двѣ деревни — *Верхнее* и *Нижнее Голенково*, при р. Тихвинкѣ по пр. стор. Новоторж. тр., одна въ 37, а другая въ 38 в. отъ Ост. Есть во Ржев. у. три *Сытьково* (Никольское),

одно село и двѣ усадьбы, всѣ при Волгѣ и въ 38 в. отъ Ржева. Спасское (Спасъ Митьково) село, при колодцахъ, 13 в. отъ Ржева, по дорогѣ изъ Ост. во Ржевъ.

(223) С. г. г. д. I, № 129.

(224) ib. № 144, писана около 1504 г.

(225) Замѣтимъ, что здѣсь по прежнему мы будемъ называть (справляясь съ кар. Шуб. и сп. нас. м. Моск. губ.) только такія мѣстности, которыя встрѣчаются и въ грамотахъ. При этомъ еще замѣтимъ слѣдующее: 1) въ грамотѣ упоминается Парфеньевское болото. На картѣ Шуб. между низовьемъ р. Большой Сестры и Ламою показаны два большія болота, между которыми проходитъ дорога; на окраинѣ западнаго болота находится деревня *Парфенки* (по кар. Шуб.) или *Парфеньково* (по сп. нас. м. Моск. губ.) 13 в. отъ Волок., — безъ сомнѣнія и болото это называлось или называется *Парфеньевское* (близь р. Большой Сестры есть же дер. Кузяево при Кузяевскомъ болотѣ). 2) въ грамотѣ еще упоминаются двѣ деревни — Ламская деревня Сологина и Колпская дер. Бородино, между которыми проводится рубежъ. И нынѣ можно найти обѣ эти деревни, лежащія одна отъ другой верстъ на 10 не болѣе. Но если межа проводилась *непосредственно* между ними, то въ такомъ случаѣ — при такомъ 10-верстномъ разстояніи — одна изъ деревень, и скорѣе всего Бородино, должно быть не та, которая упоминается въ грамотѣ; если же рубежъ шелъ между ними по различнымъ межевымъ признакамъ, то обѣ деревни нужно принять за упоминаемыя въ грамотѣ. Здѣсь мы принимаемъ послѣднее.

(226) *Стромилово Большое* дер. и *Стромилово Малое* дер. при колодцахъ, безъименныхъ ручьяхъ и прудахъ, 17 вер. отъ Волоколамска; судя по к. Ш. близь р. Большой Сестры. *Сологино*, сельцо, при рч. Черной, 18 в. отъ Волокол.; по к. Ш. недалеко отъ р. Ламы. *Бородино*, дер. при р. Ламѣ, 20 в. отъ Волокол.; по к. Ш. недалеко отъ впаденія р. Большой Сестры въ Ламу. *Оз. Круглое*, нынѣ называемое также Мещерское. Круглово, дер. при оз. Кругломъ, 22 вер. отъ Волоколамска. Р. Большая Сестра впадаетъ въ р. Ламу съ прав. стороны, а р. Лама впадаетъ въ р. Шошу также съ прав. стороны.

(227) Въ періодъ времени до 1307 г. въ С. г. г. д. I.

(228) А. А. Э. I, № 98. Въ этой грамотѣ эти села не называются Новоторжскими, и притомъ *Кунганово* невѣрно названо *Кунчанцово;* но въ грам. ib. № 151, эти села названы Новоторжскими и притомъ названіе втораго села, Кунганово, выставлено вѣрно. Также ib. № 110. Позже село Мѣдное было причислено къ Тверскому уѣзду; Кунганово же считалось въ Новоторжскомъ уѣздѣ; см. двѣ губныя грамоты 1541 г. въ А. А. Э. I, № 194.

(229) А. А. Э. I, № 101.

(230) Карта Шуберта и сп. нас. м. Тв. губ.

(231) Кромѣ того въ этомъ же спискѣ можно найти еще нѣкоторыя села и деревни существующія и теперь, но лежащія или не далѣе Подола или даже ближе его къ Торжку. Таковы: *Маслово*, нынѣ 2 дер. Большая и Малая Маслова, 20 вер. отъ Торжка, по правую сторону р. Осуги. *Щербово*, сельцо, при р. Осугѣ, 26 в. отъ Торжка. *Шумцино*, нынѣ есть дер. Шумчино при р. Осугѣ, 24 вер. отъ Торжка. *Чевакино*, сельцо при рч. Рачинкѣ, 14 в. отъ Торжка, по прав. сторону р. Осуги. *Екотино*, нынѣ есть дер. Екатина, при рч. Рачинкѣ, 20 вер. отъ Торжка, по прав. сторону р. Осуги. Въ жалованной грамотѣ в. к. Василія Іоанновича 1505 г. упоминается село *Гавшыно* съ деревнями въ Жалинской губѣ Новоторжскаго уѣзда. Если это село есть нынѣшнія — или деревня или сельцо *Гавшина* при рч. Холохоленкѣ, одна въ 15, а другое въ 15¼ вв. отъ Старицы, то въ такомъ случаѣ граница Нов-

городская проходила бы чрезвычайно близко. Но только этого допустить кажется нельзя. Но кажется нынѣшнія *Гавшины* не то село Гавшино, которое упоминается въ приведенной грамотѣ. А. А. Э. I, № 141.

(232) Это нынѣшнія болота — Васильевское и Петровское; послѣднее болото окружаетъ озера, извѣстныя также подъ именемъ Петровскихъ. Сп. нас. м. Тв. губ. IX, X.

(233) А. А. Э. I, № 258.

(234) Ср. Сол. IV, 173, 176.

(235) Эти губы нельзя смѣшивать съ позднѣйшими округами по уголовнымъ дѣламъ.

(236) Костом. Сѣвер. народ. II, 63. Градовскій, ист. мѣстн. упр. 269. Никитскій, оч. внутр. ист. Пск. 177. — Значеніе губъ въ этомъ смыслѣ встрѣчается и въ XVI в.: Жалинская губа въ Новот. у. въ грам. 1505. А. А. Э. I, № 141. Дмитріевская губа тамъ же, въ грам. 1579 г. А. И. I, № 205. Чичеринъ (областн. учрежд. 69) замѣчаетъ такъ: «Псковская область съ уѣздами Псковскихъ пригородовъ раздѣлялись на губы: это раздѣленіе встрѣчается въ 1505 году и въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Оно соотвѣтствовало станамъ, волостямъ и погостамъ и не имѣло никакого отношенія къ губнымъ округамъ, введеннымъ Московскими государями для губнаго управленія.»

(237) И. Д. Бѣляевъ. Михаилъ Александровичъ в. к. Тверской. Чт. М. О. И. Д. Р. 1861. № 3, стр. 14.

(238) При чемъ Твер. лѣт. стр. 433, даже называетъ ихъ по именамъ, — ихъ было трое.

(239) Иногда отъ обязанности *рубить городъ* освобождали жалованными грамотами. Напр. А. А. Э. I, № 23, жалованная грамота Василія I, Митр Фотію 1425 (ни города дѣлати).

(240) Ср. Сол. IV, 173.

(241) Соф. II, 236.

(242) С. г. г. д. I, № 15.

(243) См. дальше прим. 573.

(244) С. г. г. д. I, № 141.

(245) Лежатъ на картѣ изд. Ильина.

(246) *Городищи*, село, при р. Вязьминкѣ, 35 в. отъ Клина, по правую сторону Волокол. тр. *Кутино*, дер. при колодцахъ, 43 в. отъ Кл. по лѣв. стор. Волок. тр. *Тархово*, село при колодцахъ, 31 в. отъ Кл. по Волок. тр. *Сотникии*, на к. Ш. есть дер. Сотникова; въ сп. нас. м. Моск. губ. не показано. *Короваева* дер. есть на к. Ш. Въ сп. нас. м. Моск. губ. показано: 1) Короваево, дер. при колодцахъ, 12 в. отъ Кл. по прав. стор. Моск. шоссе. 2) Короваево, сельцо, при каналѣ соединяющемъ Москву съ Волгой, 20 в. отъ Кл., по прав. стор. Звенигор. тр. *Стрѣлково*, сельцо при рч. Катышѣ, 12 в. отъ Кл. по прав. стор. Звенигор. тр. *Сотникова*, *Короваева*, *Стрѣлково* на кар. Шуб. помѣщены весьма близко другъ отъ друга. Верендѣева есть на кар. Шуб. слободка или село; въ сп. нас. м. Моск. губ. не показано. *Лантева*, дер. при р. Сестрѣ, 16 в. отъ Кл. *Подольное* на кар. Шуб., а въ сп. нас. м. Моск. губ. Подолино, сельцо при прудѣ 20 в. отъ Кл. по лѣв. стор. Моск. шоссе. Судя по к. Ш. Подольное лежитъ почти на берегу р. Лутосни. Всѣ эти мѣстности нынѣ находятся въ Клин. у. Моск. губерніи; см. сп. нас. м. Моск. губ. Въ грамотѣ про сближеніе Клинской границы съ Кашинскою сказано такъ: «до Кашинскаго уѣзда Дубенскаго стану до Плоскова ручья, до Васильевы земли Григорьева сына Лазарева деревни Плосково.» Если не все теченіе р. Дубны, то значительная часть ея теченія

принадлежала Тверскимъ князьямъ. Въ жалованной грамотѣ в. к. Тверскаго Михаила Борисовича (пис. около 1465 г.) говорится: «мои мытники Дубенскіе, и Кашинскіе, и Скнятинскіе, и Жабенскіе таможники. . . . .» А. А. Э. I, № 78. Въ грамотѣ А. А. Э. I, № 116, пис. 1486 г. видно, что *устье Дубны* принадлежало Тверскимъ князьямъ. Бѣлгородъ или Бѣлгородокъ на устьѣ Хотчи принадлежалъ Тверскимъ князьямъ.

(247) С. г. г. д. I, № 138. См. дальше прим. 390, гдѣ говорится о р. Вьюлкѣ по Рост. лѣт. Кар. IV, пр. 324 и по Сол. IV, 153, пр. 173.

(248) Пригарина слободка. Нынѣ есть въ Каляз. у. деревня *Пригары*, 72 в. отъ Каляз. по Дмитр. тр. Дедерево, нынѣ въ Кал. у. деревня Дидерево при р. Нерли, 33 вер. отъ Каляз. Рѣчка Поймаша, на к. Ш. есть дер. Поймашъ (Яросл. губ.) на берегу какой-то рѣчки, впадающей съ лѣв. стор. въ р. Жабну; на той же самой рѣчкѣ, но уже въ Каляз. у. Тв. губ. показана деревня Потаповка, про которую (въ сп. нас. м. Тв. губ.) сказано, что она въ 18 вер. отъ Кал. при р. Поймамѣ. Не опечатка ли? Вѣроятно при р. Поймашѣ. Въ сп. нас. м. Яросл. губ. показано село *Поймашъ* въ Угл. у. при прудѣ 35 в. отъ Угл. по прав. стор. дороги изъ становой квартиры въ Заозерье, на границѣ Твер. губ. и близъ границы Влад. губ. *Старобислово*, село при колодцѣ, 22 в. отъ Каляз. почти на самомъ берегу р. Жабны. Замѣтимъ, что на кар. Шуб. вокругъ Нушполя показаны большія болота: въ межев. грамотѣ также упоминаются болота и именно въ этой мѣстности.

(249) Грамота в. к. Іоанна Васильевича, данная сыну его князю Юрью на городъ Кашинъ, которому и рубежъ съ городомъ Ростовомъ учиненъ Наумовымъ Кафтыревымъ. Грамота писана около 1504 г., слѣд. лѣтъ чрезъ 20 послѣ паденія Твери. Въ концѣ ея замѣчено, что изъ Кашинскихъ становъ и волостей въ Ростовскіе станы и волости ничего не перешло. Изъ этой грамоты можно воспользоваться указаніемъ только на одно село Семендяево. С. г. г. д. I, № 137.

(250) Твер. 418, 419. Тат. IV, 139. Ник. Ш, 167. Нынѣ при рр. Волгѣ и Кашинкѣ есть село *Кашинское Устье*. Въ царской тарханной грамотѣ Митр. Діонисію, 1584 г., упоминается какая-то *Святославля слободка*, вымѣненная на городъ Алексинъ. А. И. I, № 215.

(251) Въ двухъ жалованныхъ Углицкихъ грамотахъ Троицкому Сергіеву монастырю (А. А. Э. I, №№ 19, 28), одна отъ 1414 г., а другая отъ 1434—1447 г., упоминаются такія села и деревни, находящіяся нынѣ въ Кашин. у., которыя въ то время принадлежали Угличу. Такъ напр. село *Прилуки*, нынѣ деревня при р. Сити 63 в. отъ Каш.; *Кой*, село при р. Корожишнѣ и рч. Койкѣ, 40 в. отъ Каш.; *Перетерье*, село при р. Корожишнѣ, 45 в. отъ Каш. (въ грам.: *въ Кою Перетержеское съ пустошми*); дер. *Богоявленская*, нынѣ село при р. Сити и руч. Булатѣ, 59 вер. отъ Каш. Изо всѣхъ этихъ селъ и деревецъ *Кой* ближе всего къ Кашину. Въ грамотѣ А. А. Э. I, № 56, 1455 г. рѣчка Корожечна упоминается какъ принадлежащая Угличу.

(252) Длина Псковской земли доходила не менѣе какъ до 300 верстъ, между тѣмъ какъ ширина врядъ-ли гдѣ превышала и сотню верстъ; восточная граница отстояла отъ Пскова не болѣе, какъ на 50 верстъ. Никитскій, очеркъ внут. ист. Пскова, 111.

(253) С. г. г. д. I, №№ 123, 124.

(254) С. г. г. д. I, №№ 125, 126.

(255) Сахаровъ, т. I, кн. 2, стр. 106, 110, 115. Даль, стр. 348, 349, 350, 587. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Тверитяне пѣтуха на канатѣ держали, чтобъ на чужую землю не ходилъ. Зубчане таракана на канатѣ на Волгу поить водили. Зубчане —

Волочане, приходили къ намъ (Ржевцамъ) за щами; мы щей не дали, взашей прогнали. Кашинцы собаку за волка убили, да деньги заплатили. (Собрались Кашинцы на охоту — бить волковъ. Далеко ходить было некуда; лѣсъ росъ подъ ногами и т. д.).

(256) Сах. т. I, кн. 2, стр. 116. У Даля стр. 349. У Сахарова стр. 106 приводится еще слѣдующій отзывъ Тверитянъ: «Да можно имъ жить съ Татарами въ ладу, имѣя въ кладовыхъ награбленное богатство, говаривали Тверитяне, стѣсненные поборами, не могшіе удовлетворять Татарскихъ баскаковъ, какъ Рязань и Москва.»

(257) «Но кажется ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ строительные мастера не отличались знаніемъ своего дѣла, или по крайней мѣрѣ наниматели мастеровъ не всегда обращались къ искуснѣйшимъ. Такъ по свидѣтельству лѣтописи городскія стѣны во Псковѣ, построенныя въ 1420 году, распались въ 1424 году. Или въ Новгородѣ въ 1345 году только-что мастера успѣли сойти съ оконченной ими церкви Іоанна Златоуста, какъ церковь сія распалась.» Бѣл. III, разск. рус. ист. 400. Указанія на паденіе церквей въ разныхъ городахъ, см. Арист. промышл. 104, пр. 325.

(258) Здѣсь не дѣлается указаній, потому что ихъ можно найти въ разсказѣ о Тверской іерархіи далѣе.

(259) О постройкахъ въ Твери было сказано выше въ описаніи самой Твери.

(260) Описаніе Спасакаменнаго, что на Кубенскомъ озерѣ монастыря. Вологда. 1871. Стр. 10 въ примѣч.

(261) Ник. IV, 284.

(262) Снимокъ съ серебряной вызолоченной Тверской печати у договорной грамоты можно видѣть въ С. г. г д. I, №№ 4, 5.

(263) Объ отпускѣ воска Новгородомъ и Смоленскомъ за границу, см. Арист. пром. 39, 40.

(264) Въ жалов. грамотахъ Тверскихъ князей, о которыхъ говорится дальше при разсмотрѣніи пошлинъ и княжескихъ чиновниковъ, упоминаются: подлазчикъ, медовое, бобровникъ, бобровое, ѣзовщикъ, ѣзовое, писчее, пятеное.

(265) Арист. пром. 179, 182.

(266) А. З. Р. I, №№ 33, 51, 79.

(267) Арист. промышл. 176.

(268) С. г. г. д. I, №№ 5, 17, 18.

(269) Такъ уже въ первомъ намъ извѣстномъ договорѣ Новгорода съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ говорится о платежѣ пошлинъ по его Ярославовой землѣ и по всей Суздальской землѣ. С. г. г. д. I, № 1. Или Михаилъ Александровичъ обязывается предъ Димитріемъ Донскимъ дать купцамъ *Новагорода Великого и Торжку и съ пригородей* путь чистый *сквозѣ Тферь и Тферьскии волости.* С. г. г. д. I, № 28. Конечно и Псковичи ѣздили чрезъ Тверскую землю; Псковская 2-я (45) подъ 1486 г. замѣчаетъ, что Тверскіе разбойники убили 2 гонцевъ, посланныхъ въ Москву.

(270) Библ. иностр. пис. Іовій, 11, 37, 38.

(271) Герберштейн. въ перев. Аноним. 3, 117, 118. Срав. торг. Москов. государ. Костом. 5.

(272) Герберштейн. въ перев. Анон. 210: «Перемѣнивъ тамъ (у монастыря св. Иліи) лошадей мы прибыли въ Геродинъ, городъ, стоящій на Волгѣ, въ 3 миляхъ отъ монастыря, и потомъ прямо ѣхали на Шоссу (Schossa), 3 мили, Чорно, почтовый домъ, 3 мили, Клинъ, городъ, стоящій на р. Янугѣ, 6 миль и т. д.» Путь, кажется, менѣе удобный, потому что приходилось ѣхать то водой, то сухимъ путемъ. Нынѣ въ

Моск. губ. существуетъ каналъ, соединяющій р. Истру, притокъ Москвы, съ рѣкою Сестрою. Сп. нас. м. Моск. губ. IX.

(273) Въ первый разъ условія о торговлѣ Твери съ Москвой встрѣчаются въ договорѣ Михаила Александровича съ Димитріемъ Донскимъ, но здѣсь говорится о *старой пошлинѣ* и о безпрепятственной торговлѣ, какъ было и при Иванѣ Калитѣ. С. г. г. д. I, № 28. Условія о торговлѣ между Москвой и Тверью, см. еще А. А. Э. I, № 14; С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.

(274) Въ сказаніи объ убіеніи в. к. Михаила Тверскаго въ ордѣ (1318 г.) говорится, что когда тѣло его было привезено въ Маджары (городище на р. Кумѣ), то *гости, знавшіе покойнаго*, хотѣли поставить его въ церкви, съ честію, со свѣчами.

(275) Сол. IV, 285, 286. Арист. промышл. 193. Срав. Бѣл. III, 412, 438.

(276) Арист. промышл. 193, 194. Сол. IV, 279. Если русскіе купцы въ XIV в. бывали въ Сурожѣ, Кафѣ и Греціи (Ар. 189. Сол. ib.), то не могли ли въ числѣ ихъ быть и Тверитяне, — какъ и въ числѣ тѣхъ русскихъ, которые изъ Рязанской области ходили по Дону и привозили товары къ Татарамъ за Донъ. Арист. 190.

(277) Бѣл. разск. рус. ист. 414, 415.

(278) Ник. VI, 58. Бѣл. разск. рус. ист. 415.

(279) Бѣл. геогр. свѣд. въ древ. Рос. 214 — 222. П. С. Р. Л. VI, 330 — 354 и прим. на стр. 330. — Уч. Зап. 2 отд. А. Н. Кн. II. И. И. Срезневскаго, Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина. Здѣсь также сравнивается это хожденіе съ записками западныхъ путешественниковъ того же XV вѣка.

(280) Вотъ отрывокъ изъ Матвѣя Мѣховскаго, изъ его соч. «Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum quae in eis continentur». Въ liber secundus глава подъ заглавіемъ: «Tracta. secundus libri secundi. capi. primum de Moskovia. Moskovia est regio longissima latissimaque и т. д. . . . . . Est et ducatus seu terra *Twerczka*, de qua quadraginta milia armatorum nobilium duntaxat ad bellum prodeunt. In hoc ducatu capitalis civitas *Twerd* nuncupatur, et est civitas grandis lignea de lignis aedificata: in ea sunt Ecclesiae ligneae centum et sexaginta: castrum etiam ligneum est, et sunt in ipso novem oracula seu Ecclesiae: principalis est Sancti Salvatoris, et illa duntaxat est murata: sub hac civitate et castro amplissimus fluvius Volha labitur. Ducatus *Chelmski* de quo septem millia pugnatorum exeunt. Ducatus *Zubczowski*, de quo quatuor millia armatorum. Ducatus *Glinski* (а по изд. 1517 г. Klinski) de quo duo millia bellatorum prodeunt, ad terram *Twerdensem* annumerantur. Item ducatus Kubensis triginta milliaria in longum continens. Ducatus Jaroslaviensis quadraginta milliaria de terra habens. Ducatus Szuhersiensis (Бѣлозерское, какъ нѣкоторые думаютъ) viginti milliaria terrae habent. Ducatus Szachoviensis (Шаховское?) triginta milliaria in longum continens, — : omnes sunt in milliariis Moscoviae in longum computatis. Insuper ducatus Rzezensis, de quo quindecim millia boiarum seu nobilium armatorum evadunt, et fluvius nominatissimus Tanais de ipso oritur.» Послѣднія главы второй книги Мѣховскаго о двухъ Сарматіяхъ были напечатаны въ Сборникѣ: «Rerum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. 1600» и оттуда перепечатаны Старчевскимъ въ I т. изданныхъ имъ въ Берлинѣ, 1841 г. «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.» (Библ. отр. III, стр. 19). У Старчевскаго перепечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Mathias a Michovia de Moscovia». Въ этомъ изданіи Старчевскаго вмѣсто ducatus *Twerczka* сказано ducatus seu terra *Tuczka*. Въ Библіогр. Отрывк. (изъ Отеч. Зап. 1851) III, есть статья: «Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе О двухъ Сарматіяхъ». Авторъ статьи о Мѣховскомъ

замѣчаетъ, что нельзя окончательно сказать, былъ ли самъ Мѣховскій въ Московскомъ государствѣ; что есть, конечно, много невѣрностей въ книгѣ Мѣховскаго, но за то нѣкоторыя показанія Мѣховскаго имѣютъ характеръ достовѣрности; что вѣроятно Мѣховскій свои свѣденія о Московскомъ государствѣ получилъ отъ русскихъ плѣнныхъ, бывшихъ въ Краковѣ (Библ. отр. III, 4, 5). — Что же касается до Кампензе (изъ котораго здѣсь приведены его замѣчанія о числѣ войска, Библ. иностр. пис. Кампензе, стр. 23, 24), то Кар. VII, пр. 287, замѣчаетъ, что Кампензе слышалъ о Россіи отъ своего отца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Матв. Мѣховскаго. Кампензе называетъ еще слѣдующія княжества: Ярославское (Jaroslavia), Шухерцонское (Schuherzonia), Шаховское (Szachovenia), Рубенское (Rubenia), Хельмское (Chelmschi), Цубецувожское (Zubezuvoschi) и Климское (Climischi). Каждая изъ сихъ областей занимаетъ въ пространствѣ отъ 100 до 150 миль и выставляетъ Государю своему, по его назначенію, опредѣленное число всадниковъ — изъ дворянъ, и пѣшихъ воиновъ — изъ простаго народа. (Камп. ib. 24, 25). — Гваньини (изъ Старч. Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI): «Ducatus Tverensis. Tverensis Ducatus, cujus titulum magnus Dux Moscoviae sibi usurpat, amplissima olim ditis erat, una ex magnis Russiae Principatibus, ad Volgam fluvium sita, 36 miliaribus distat a Moscovia. In ea est civitas Occidentem aestivalem versus Tver dicta, quam Volga fluvius interlabitur. In altera autem Volgae ripa castrum ligneum sibi conjunctum habet, ex cujus opposito Tvertza fluvius Volgam influit.» Свѣденія изъ Мѣховскаго о количествѣ войска и о самомъ городѣ Твери приведены у Сол. географ. изв о древней Россіи, Совр. 1853, т. 86, стр. 111. — Какъ мы видѣли, Мѣховскій и Кампензе называютъ Клинскую область княжествомъ.

(281) И до Торжку нѣсть мѣста идѣ-же не повоеваша. Троиц. 223, Твер. 369. Воскр. 141. — Лавр. 198: «даже и до Торжку, и нѣсть мѣста ни вси, ни селъ тицѣхъ рѣдко, идѣже не воеваша на Суждальской земли. — Извѣстно, что Татары шли къ Новгороду Селигерскимъ путемъ и дошли до Игнача креста. — Вся поплѣниша даже и до Торжку, и нѣсть нигдѣ же мѣста, гдѣ не воеваша. Ник. II, 376.

(282) Ник. II, 376. По этому поводу въ первый разъ упоминается имя Кашина.

(283) Ник. III, 3. «Приде к. Ярославъ Всеволодичь братъ в. к. Юрья Всеволодовича из в. Новаграда в Володимеръ на в. княжение; а в Новѣграде остави сына своего к. Александра: Заступи бо его Господь Богъ и пречистая Богородица от Татаръ, и снимъ осмь сыновъ его Александра Нѣвскаго, Андрея Суздалскаго, Констянтина, Аѳонасия, Данила, Михаила, Ярослава Тверскаго, Василия, и брата его к. Святослава Всеволодича, и т. д.» См. Тат. IV, 1. Лавр. 200. Троицк. 225. — Кар. IV, прим. 78 говоритъ: «Аѳанасіемъ назывался, думаю, Ярославъ. У Кар. IV, примѣч. 39, приводится надгробная надпись, находящаяся въ Новгородскомъ Георгіевскомъ монастырѣ: «Лѣта 6749 (вмѣсто 6752), Маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи о Господѣ чюдная и Великая Княгиня Ѳеодосія, честнѣйшая супружница Вел. Кн. Ярослава Всеволодича, съ нимъ же благоговѣйно и богоугодно поживе, отъ него жъ 9 сыновъ породи и т. д.» Въ Твер. 373, названъ Аѳанасій, но не Ярославъ — при перечисленіи сыновей Ярослава Всеволодовича.

(284) Объ укрѣпл. Переясл. см. Кар. IV, 98; пр. 188.

(285) Александръ Невскій «мало пребывъ у отца и иде въ Переславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ. Ник. III, 13. Тат. IV, 9; Воскрес. П. С. Р. Л. VII, 149; Соф. I, П. С. Р. Л. V, 179. Твер. XV, 380. Новг. I въ П. С. Р. Л. III, 53.

(286) Ник. III, 18. Тат. IV, 12. Могъ ли в. к. Ярославъ тогда раздать удѣлы *всѣмъ* сыновьямъ, если младшему, Василію Мезинному, въ то время было не болѣе 8 лѣтъ? Но князья наши иногда получали удѣлы весьма рано, которыми конечно до поры до времени управляли не сами. Да притомъ же и въ 1247 г., когда уже несомнѣнно Василій имѣлъ Кострому, ему было не болѣе 7 лѣтъ. Онъ род. 1240 г. или 1241 г. Тат IV, 6. Ник. III, 9. А можетъ быть Ярославъ Всеволодовичъ роздалъ удѣлы и предъ своей вторичной поѣздкой въ орду въ 1245 г.

(287) Въ лѣт. не обозначено время, когда рождались сыновья Ярослава Всеволодовича, исключая его старшаго сына Ѳедора, род. 1218 г. и младшяго Василія. Основываясь на этихъ цифрахъ можно приблизительно опредѣлить и возрастъ другихъ сыновей Ярослава Всеволодовича. Въ 1243 г. Ярославу вѣроятно было около 15 лѣтъ.

(288) Того-жъ лѣта (1247 г.) Князь Святославъ Всеволодичь по смерти брата своего Ярослава Всеволодича седѣ на столъ на великомъ Княженіи в Володимере, а братаничи свои Князя Александра Ярославича, и Князя Андрея и Константина, и Афонасия, и Данила, и Михаила, и Ярослава, и Василия, посажа по городомъ, якоже уряди братъ его Князь великiи Ярославъ Всеволодичь, онъ же не прикеви слова его, Ник. III, 26, 27. Тат, IV, 19, 20. — Можетъ быть Ярославъ Ярославичь только въ этомъ году получилъ отъ своего дяди Тверь, которая была ему назначена отцемъ.

(289) Ник. III, 18, 19. Соф. I, 182. Воскр. 152. Тат. IV, 13. — Въ Ник. такъ: «И паки Тверской воевода погонися за ними; Яведѣй и Кербетъ со Тверичи и з Дмитровцы.» Соф. I: «И погони по нихъ Яведъ и Кербѣтъ со Тфѣричи и Дмитровци, и князь Ярославъ Володимеричь съ Новоторжци и т. д.» Такъ какъ здѣсь не упоминается Ярославъ Ярославичь, то можно полагать, что Тверь не составляла еще тогда особеннаго удѣла, и входила въ составъ удѣла Переяславскаго. — Этотъ набѣгъ Литовцевъ былъ передъ самой вторичной поѣздкой Ярослава Ярославича въ орду. — Ср. Narbutt, Dzieje narodu Litewskiego, IV, 108, 109.

(290) Ник. III, 30, 31. Святославъ Всеволодовичь умеръ 1252 г.

(291) По свидѣтельству лѣтописей Александръ былъ самый старшiй, Андрей слѣдовалъ за нимъ. Сол. III, пр. 294.

(292) Тат. IV, 22. Правда, что здѣсь у Тат. вмѣсто Андрея поставлено имя Михаила, но у Сол. III, пр. 296, замѣчено, что это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михаиловой. Въ 1244 году князь Владиміръ Константиновичь Углицкiй и его племянники, Борисъ Ростовскiй и Василiй Ярославльскiй, ходили въ орду «про свою отчину»; Батый «разсудивъ, даде имъ вотчину». Ник. III, 18.

(293) Ник. III, 31 Тат. IV, 22. Лавр. 202. Сол. III, 193.

(294) Ник. III, 32. Лавр. 202 Воскр 159. Съ своей стороны и Даніилъ могъ имѣть въ виду подобную же цѣль: готовясь къ борьбѣ съ Татарами, Даніилъ женилъ же своего сына Льва на дочери Венгерскаго короля Белы. Бракъ этотъ былъ въ 1250 г., но только послѣ поѣздки Даніила къ Батыю. Кар. IV, пр. 88 не соглашается съ кн. Щербатовымъ, который говоритъ, что Монголы боялись родственной связи Андреевой съ Даніиломъ.

(295) Ипат. II, 184. Сол. III, 194.

(296) Можетъ быть Даніилъ, выдавая свою дочь за в. к. Владимірскаго Андрея, съ своей стороны думалъ о томъ, чтобы въ немъ найти себѣ союзника противъ Татаръ. — Даніилъ въ 1255 г. короновался вѣнцемъ королевскимъ въ Дрогичинѣ, уступая

просьбамъ матери и князей Польскихъ, которые обѣщали ему помощь противъ погаными. Сол. III, 219, 220. Ипат. 191.

(297) Можно возразить, что на это нѣтъ доказательствъ въ лѣтописи. Соглаcенъ Но вотъ южный лѣтописецъ говоритъ объ управленіи Кіевомъ Дмитрея Ейковича, но молчитъ о бракѣ дочери Даніиловой съ сѣвернымъ княземъ; а сѣверный лѣтописецъ, сказавъ о бракѣ, молчитъ о захватѣ Кіева. Каждый изъ лѣтописцевъ упоминаетъ о томъ, что было передъ глазами. Лѣтописцы могли и не знать о переговорахъ между князьями; конечно, эти переговоры велись тайно. — Сол. IV, 141: «Въ отвагѣ Андрея нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ.»

(298) Ник. III, 33. Воскр. 162 относ. къ 1258 г. У Тат. IV отнесено это къ 1257 г. Лавр. 203 также къ 1257 г. Троицк. 226 также къ 1257 г. Твер. 400 относ. къ 1256 г. Въ Троицкой и Тверской сказано вообще, что поѣхали всѣ князья, а въ другихъ они поименовываются и притомъ называется также кн. Борисъ, про котораго можно предположить, что онъ испросилъ прощеніе Ярославу.

(299) Ник. III, 33.

(300) Тат. IV, 24: «Жаловася Александръ на брата своего в. к. Андрея, яко сольстивъ хана взя великое княженіе подъ нимъ яко старѣйшимъ и грады отческія ему поималъ, и выходы и тамги хану платитъ не сполна.»

(301) Лавр. 202.

(302) Ник. III, 33, 34. Тат. IV, 24. Въ Лавр. 202 сказано такъ: въ тоже лѣто сдума Андрѣй князь Ярославичь съ своими бояры бѣгати, нежели царемъ служити. Такимъ образомъ въ Ник. и Тат. приведены самыя слова Андрея, а въ Лавр. хотя не приведены слова, но за то вообще замѣчено, что Андрей не хотѣлъ служить Татарамъ. Щерб. III, 65 предполагаетъ, что Татары пошли на Андрея потому, что Андрей, будучи въ родственныхъ связяхъ съ Даніиломъ Романовичемъ, могъ надѣяться чрезъ него получить помощь отъ Зап. Европы.

(303) Радушный пріемъ со стороны Шведовъ можетъ показывать, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова. Сол. III, примѣч. 299.

(304) О нашествіи Неврюя см. Ник. III, 33, 34; у Тат. IV, 24; П. С. Р. Л. VII, Воскрес. лѣт. стр. 159, 160. Въ этой лѣтописи сказано между прочимъ такъ: «безбожныи Татарове подъ Володимеремь бродишася Клязму, и поидоша ко граду къ *Переяславлю таящеся*; наутріе же, на Боришь день, срѣте ихъ к. в. Андрей со своими полкы, и сразишася обои плъци. . . . . . — погаными христіане побѣжены быша. . . . . безбожніи Татарове плѣниша градъ Переаславль, и княгиню Ярославою яша; и дѣти изоимаша и убиша ту воеводу Жидислава, и княгиню убиша, а дѣти Ярославли въ полонъ поведоша.» Здѣсь сказано, что битва была именно у Переяславля. Сол III, прим. 300 замѣчаетъ: какимъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ заодно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго. Въ Твер. 396 также сказано, что Татары шли къ Переяславлю «таящеся». Соф. I, 187 также «таящеся».

(305) Ник. III, 34. Тат. IV, 25.

(306) П. С. Р. Л. V. Соф. I: Прибѣже кн. Яросл. Яросл. съ Низовскіе земли. П. С. Р. Л. I. Троицк. 226: «Въ лѣто 6762. Ярославъ Ярославичь Тферьскый поѣха въ Ладогу.» Лавр 202: Тверской князь Ярославъ «съ своими бояры поѣха въ Ладогу, оставя свою отчину; Ладожане почтиша й достойною честью. Новг. I, 55: выбѣже князь Ярославъ Ярославичь изъ Низовьское земли, и посадиша его въ Пльсковѣ. Твер. 398: выбѣже князь Ярославъ Ярославичь изъ Низовской земли, оставя свою

отчину Тфѣрь; и иде въ Пьсковъ, и посадиша его на столѣ. Ib. 400, годъ 6762: Ярославъ Ярославичь Тверскый поѣха въ Ладогу. Ник. III, 35: Кн. в. Ярославъ Ярославичь Тверскій оставивъ отчину свою Тверь и иде во Псковъ. Стр. 398 и 400 могутъ служить примѣромъ сбивчивости въ Твер. лѣт.

(307) Соловьевъ, говоря объ уходѣ Ярослава изъ Твери, замѣчаетъ, что въ то время между князьями обнаруживается стремленіе усиливать свои удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 году онъ отправился княжить во Псковъ, (а по другимъ извѣстіямъ въ Ладогу) гдѣ приняли его съ большою честію. Сол. III, 195. Но въ 1254 г. Ярославъ не могъ думать о борьбѣ съ Невскимъ; Тверской князь явился въ Новгородскихъ владѣніяхъ какъ бѣглецъ.

(308) Такія двѣ сословныя партіи высказались въ первый разъ. Сол. III, 195.

(309) Ник. III, 35, 36. Тат. IV, 26, 27. Новг. I, 55, 56.

(310) Соловьевъ III, 195, ссылаясь на Тат. IV, 27, говоритъ, что Александръ помирилъ Андрея съ ханомъ, и далъ ему въ удѣлъ Суздаль. Но у Тат. IV, 27, 28, напротивъ сказано, что хотя Александръ принялъ Андрея съ любовію и хотѣлъ дать ему Суздаль, но не далъ, боясь ханскаго гнѣва; Андрею же выпросилъ въ ордѣ прощеніе кн. Борисъ Васильковичь Ростовскій. Князь Борисъ могъ успѣть въ этомъ вѣроятно потому, что его родной братъ кн. Глѣбъ Васильковичь женился въ ордѣ. Изъ Тат. также видно, что въ 1257 г. Александръ водилъ съ собою въ орду Андрея по требованію хана. Ник. III, 66, про Глѣба замѣчено, что онъ отъ юности служилъ Татарамъ и многихъ Христіанъ избавилъ.

(311) Неволинъ, VI, объ успѣхахъ госуд. межев. въ Россіи, стр. 447, 448: «Первая перепись сдѣлана была: жителямъ Кіева и, конечно, всей Южной Россіи, около 1245 года; жителямъ средней Россіи въ 1257 г.; наконецъ жителямъ Новгорода, послѣ упорнаго ихъ сопротивленія, въ 1259 г. Вторая перепись была произведена въ 1273 г. (у Нев. здѣсь не ошибка ли?) Послѣ того о другихъ переписяхъ со стороны Монголовъ въ лѣтописяхъ нашихъ не упоминается.» — Въ 1275 г. «бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число *второе* изъ орды отъ царя.» Ник. III, 59. Тат. IV, 47. Новг. IV, 42. Въ Новг. IV какъ будто относится къ 1273 г.

(312) Ник. III, 37, 38. Тат. IV, 28.

(313) По крайней мѣрѣ этого не видно изъ лѣтописей. Ник. III, 38. Можетъ быть перепись 1257 г и послѣдовавшая затѣмъ поѣздка князей въ орду 1258 г. имѣютъ связь между собою. Когда въ томъ же 1258 г. поѣхали Татарскіе численники въ Новгородъ, то вмѣстѣ съ ними считать землю Новгородскую поѣхали Александръ Невскій, Андрей Суздальскій, Борисъ Ростовскій. Ib.

(314) Можетъ быть Борисъ испросилъ ему прощеніе у хана, какъ и Андрею. Ср. выше пр. 310.

(315) См. пр. 298, гдѣ приведены изъ разныхъ лѣтописей мѣста о времени поѣздки Ярослава въ орду.

(316) Не напрасно должно быть въ лѣтописяхъ замѣчено, что по смерти Берге бысть ослаба Руси отъ насилія Татарскаго. Ник. III, 45 подъ 1266 г.

(317) Какъ у Русскихъ повелося,—прибавлено у Тат. IV, 31.

(318) Такъ владычество Татарское умножало у насъ на Руси число кабальныхъ холоповъ.

(319) Въ Новгородѣ за 4 года предъ тѣмъ въ 1258 г. также была попытка выгнать Татаръ, но не потому что Татары уже тѣснили Новгородцевъ, а потому что «яко хотять Татарове тамги и десятины.» (Новг. I, 56). Извѣстно, что такое недовольство Новгородцевъ было подавлено Невскимъ, причемъ онъ наказалъ и своего сына Василія, выславши его изъ Новгорода за то что онъ держалъ сторону недовольныхъ. Можетъ быть Василій потому держалъ сторону недовольныхъ, что боялся, чтобы Новгородцы не изгнали его и теперь сами, какъ въ 1255 г., когда они предпочли ему Ярослава Тверскаго.

(320) О возстаніи на Татаръ. Ник. III, 41. 1262 Тогожѣ лѣта совѣтъ бысть на Татарове по всѣмъ градомъ русскимъ, ихжѣ посажа властели царь Батыі по всѣмъ градомъ русскимъ, и по убиеніі Батыеве сынъ его Сатаркъ; и по семъ иніи князи въ рустіі, совѣщавшеся мѣжи собою, изгнаша Татаръ изградовъ своихъ; бѣ бо отнихъ насилие, откупаху бо богатыя у Татаръ дани и корыстовахуся сами, и мнози люди убози в ростехъ работаху. И тако князи рустіі изгнаша Татаръ, а иннихъ избиша, а иніі отнихъ крестишася во имя отца и сына и святаго духа. — Тоже у Тат. IV, 31. — Въ лѣто 6770. Изгнаша поганыхъ отъ всѣхъ градовъ, не терпя насилья ихъ. Троицк. 226. — Лавр. 204. Въ лѣто 6770. Избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля; окупахуть бо ти оканьніи бесурмене дани, и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще рѣзы. — Также и въ Твер. 402, изъ тѣхъ же городовъ. Воскр. 163, также изъ тѣхъ же городовъ и изъ Переяславля. Соф. I, 190, также изъ тѣхъ же городовъ и изъ Переяславля — Новг. IV, 39. Годъ 6770. Вѣче бысть на Бесерменъ *по всѣмъ градомъ Рускимъ*.

(321) Ник. III, 41. Троицк. 226. Тат. IV, 31. У Тат. и въ Ник. даже замѣчено, что сами нѣкоторые Русскіе князья уговорились такъ поступить. Однако изъ лѣтописей видно, что народъ возсталъ въ сѣверныхъ городахъ, а не въ южныхъ, сосѣднихъ со степями, напр. Рязани, Муромѣ: тамъ Татары были подъ бокомъ и всегда могли тотчасъ же жестоко отплатить за подобную попытку.

(322) Соф. I, 190. Новг. I, 57. Воскр. 163: А брата своего меншаго Ярослава и сына своего Дмитріа посла съ Новгородци на западныя страны, и вѣ плъки свои съ ними. Ср. Narb. IV, 207, 208. Кромѣ Тверскаго князя на помощь Дмитрію пошли зять Александровъ князь Константинъ и Полоцкій князь Товтивилъ съ Полочанами и Литвою. Товтивилъ, племянникъ Миндовга, былъ первый извѣстный Полоцкій князь изъ Литовцевъ, Сол. III, 225. Kelchen, Liefländische Historia не говоритъ объ этомъ нападеніи Русскихъ на Дерптъ въ 1262 г. Но подъ 1267 г. Кельхъ (стр 94, 95) говоритъ о союзѣ Миндовга съ какими-то сосѣдними Русскими (у Кельха не добавлено съ *какими князьями*), о вторженіи Миндовга въ Лифляндію, о нападеніи Русскихъ на Дерптъ, разореніи ими его округа и сожженіи города. Kelchen, Liefländische Historia, Rewall, 1695.

(323) Соф. I, 190. Ник. III, 42. Воскр. 163.

(324) Тат. IV, 32. Ник. III, 43. Сол. III, 201: «Есть извѣстіе (Тат. IV, 32), что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ занять столъ Владимірскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на в. княжескій престолъ означено не тотчасъ по смерти Александра въ 1263 г., но уже по смерти Андрея въ 1264 г.» Въ Твер. 403; въ Новг. IV, 39; въ Троицк. 226, смерть Андрея поставлена прежде вступленія на престолъ Ярослава; а въ Ник. III,

43; у Тат. IV, 32, 33; Соф. I. 192 наоборотъ. У Тат. такъ описывается вступленіе на престолъ Ярослава: «Егда пріиде Ярославъ въ орду, и ханъ пріятъ его съ честію, даде ему *доспѣхъ*, и повелѣ обвестити его по чину на в. княженіе, коня же его повелѣ вести Володимеру Резанскому да Ивану Стародубскому, бывшимъ тогда въ ордѣ, и Августа мѣсяца отпусти съ посломъ своимъ Жанибекомъ и съ ярлыкомъ на великое княженіе.»

(325) Ник. III, 43. Тат. IV, 33.

(326) Новг. I, 58. Воскр. 164: занеже князь еще младъ бяше.

(327) С. г. г. д. I, № 1.

(328) А что, Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли.

(329) С. г. г. д. I, № 2.

(330) Владиміръ Андреевичь въ своей духовной говоритъ, что его сыновья не имѣютъ право ѣздить на охоту въ удѣлъ другъ друга. «А дѣти мои братъ въ братень удѣлъ и въ матери своей удѣлъ не въѣжжаютъ на свою утѣху, опрочѣ того, аже ся путь получитъ поперекъ удѣла ѣхати.» С. г. г. д. I, № 40. Давыдъ Ростиславичь и Святославъ (въ 1180 г.; Ипат. 122) ѣздили по Днѣпру на охоту въ ладьяхъ съ дружиной и съ женами своими.

(331) Эти условія касательно охоты стали потомъ повторяться въ послѣдующихъ рядахъ Новгородскихъ. Въ договорной Новгорода съ Іоанномъ встрѣчается условіе касательно охоты: «А въ Русу вамъ В. Княземъ ездити на третьюю зиму; а лѣте ѣздити на възвадъ звѣрей гонити. А въ Ладогу вамъ слати осетреника и т. д.» С. г. г. д. I, № 20.

(332) Новг. I, 58. Бѣл. разск. II, 367.

(333) Въ лѣтописяхъ она не названа по имени. У Кар. IV, пр. 118 приводится преданіе объ этой Ксеніи и о монастырѣ Отрочѣ. У Тат. IV, 33; Ник. III, 43; Воскр. 164 она по имени не названа. Ник. III, 85 подъ 1286 г. по случаю освященія церкви, эта вдова Ярославова названа Оксиньей.

(334) Ник. III, 46. Тат. IV, 35. Новг. I. 58, 59. Сказано, что Ярославъ пришелъ съ полками Низовыми.

(335) Новг. I, 59.

(336) Въ этомъ походѣ они потеряли какого-то добраго мужа Өедора Сбыславича. Новг. I, 59.

(337) Новг. I, 59, 60. Ник. III, 46, 47. Тат. IV, 36, 37. Раковорская битва, подобно Невскому и Ледовому побоищу, поминалась на эктиніяхъ во время общаго поминовенія во всѣхъ Новгородскихъ церквахъ. Бѣл. разск. II, 372

(338) Ник. III, 51. Тат. IV, 40 — прибавлено, будто Новгородцевъ обвиняли предъ ханомъ еще въ томъ, что они его хулятъ. Въ томъ же году Татары убили князя Романа Ольговича Рязанскаго, обвиненнаго въ томъ, что онъ хулитъ хана и ругается его вѣрѣ. Ник. III, 53.

(339) Василій взялъ съ собою въ орду Петрилу Рычага и Михаила Пинещинича. Не присылали ли Новгородцы этихъ бояръ въ Кострому просить защиты у Василія? А то какимъ же образомъ попали и зачѣмъ попали эти бояре изъ Новгорода въ Кострому. Имя Михаила Пинещинича упоминается и раньше при описаніи Новгород. событій, именно въ 1256, 1259 г. П. С. Р. Л. III, Новг. I, стр. 56. Въ 1256 г. Михаилъ Пинещиничь упоминается, какъ посолъ Новгородскій. Можетъ быть эти же самые послы ѣздили и въ Переяславль къ Димитрію Александровичу, а послѣ его отказа проѣхали въ Кострому къ кн. Василію.

(340) Новоторжцевъ, какъ видно, не было; должно быть они были удержаны полками Ярославовыми. Въ Ник. III, 51 и Тат. IV, 40 сказано, будто даже Нѣмцы пришли на помощь къ Новгороду.

(341) Въ Новг. I сказано, что Ярославъ въ Новгородъ послалъ Творимира, а въ другихъ спискахъ: творити мира.

(342) Голино на лѣвомъ берегу р. Шелони, при впаденіи въ Ильмень. См. карту Неволина при пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ.

(343) По Новг. I лѣт. и по Соф. I. П. С. Р. Л. V этими словами оканчивалась грамота митрополита; но по Ник., по Тат. и по Воскрес. Митрополитъ въ концѣ грамоты, въ случаѣ неповиновенія Новгородцевъ, грозилъ на нихъ *положить тягость душевную и неблагословеніе*. Грамота Митрополита по Новг. I и по Воскрес. спискамъ совершенно схожа, кромѣ того только, что въ Воскрес. спискѣ прибавлены только что приведенныя выше слова. По Ник. и по Тат. сущность грамоты таже самая, только изложеніе нѣсколько пространнѣе, витіеватѣе.

(344) Должно быть къ 1270 г. относится ярлыкъ Менгу-Тимура къ Ярославу о томъ, чтобы князь не тѣснилъ Нѣмецкихъ купцевъ. Если бы этотъ ярлыкъ былъ ранѣе 1270 г., то по всей вѣроятности Ярославъ не смѣлъ бы тѣснить иноземныхъ купцевъ; послѣ же подобнаго случая или Новгородцы, или сами Рижане выхлопотали себѣ подобный льготный ярлыкъ. См. Русско-Лив. акты, № 26, относ. 1266 - 72. Вотъ онъ: «Менгу-Темерево слово клъ Ярославу князю: дай путь Немецкому гости на свою волость. Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашь чиста есть по моей волости. А кто мнѣ ратный, с тимъ ся самъ вѣдаю. А гостю чистъ путь по моей волости.» — На только что упомянутой грамотѣ Ярослава съ Новгородомъ обозначено имя посадника Павши, но не обозначенъ тысяцкій. Прежняго тысяцкаго Ратибора, бѣжавшаго прежде изъ Новгорода вмѣстѣ съ Ярославомъ, Новгородцы не хотѣли признавать, а новаго еще не успѣли выбрать, когда составлялась договорная грамота.

(345) О насиліяхъ Ярослава въ Новгородѣ, о его послѣдней ссорѣ и примиреніи съ нимъ. Новг. I, 61, 62. Ник. III, 49—53. Тат. IV, 38—42. Соф. I, 196, 197. С. г. г. д. I, № 3; на оборотѣ этой грамоты написано: «Се приехаша послы отъ Менгутемеря Царя сажатъ Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши.» — При Ярославѣ Ярославичѣ былъ заключенъ торговый договоръ у Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ. (Андреевскаго, о договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ.) Г. Андреевскій, стр. 16, говоритъ «что сей договоръ могъ быть написанъ только въ 1270—1271 г., т. е. либо въ послѣдніе мѣсяцы 1270 г., либо въ первые мѣсяцы 1271 г., но какъ Ярославъ Ярославовичь уѣхалъ изъ Новагорода уже зимою, то несомнѣнно полагать можно, что сей договоръ былъ заключенъ въ 1270 г.» Договоръ этотъ писанъ отъ имени князя Ярослава Ярославича, посадника Павла, тысяцкаго Ратибора и отъ всѣхъ Новгородцевъ. Замѣтимъ, что Ратиборъ былъ тысяцкимъ въ 1269 г. и въ началѣ 1270 г. (какъ обозначены года въ I Новг. лѣт.); послѣ бѣгства же его съ княземъ, его болѣе не признавали тысяцкимъ въ Новгородѣ, такъ что даже на послѣдней договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ хотя поставлено имя посадника Павши, а нѣтъ не только имени тысяцкаго, но даже не встрѣчается и слова тысяцкій. (Въ С. г. г. д. есть еще одна грамота безъ обозначенія тысяцкаго, см. ib. № 12.)

(346) Ник. III, 54. Тат. IV, 43. Соф. I, 197. Супрасльск. изв. Обол. въ отдѣлѣ Новгородскихъ извѣстій, стр. 37. — Ярославъ умеръ 16 сент. 1271 г. съ именемъ Аѳанасія (въ схимѣ). Соколовъ, Св. кн. Михаилъ Тверской. Тверь. 1864.

(347) Здѣсь говорится, что Григорій принялъ иноческое имя Гурія, что село Единоново было за 40 поприщъ отъ Твери. Разсказу этому вѣритъ авторъ *краткаго описанія Твер. губ. основаннаго на сравненіи статистическихъ данныхъ 1783 и 1846 г. Тверь. 1847.* Здѣсь на стр. 87 сказано, что въ Корчевскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Волги находится замѣчательное древностію село Единоново, мѣсторожденіе матери в. к. Михаила Ярославича.

(348) Соколовъ. Св. кн. Михаилъ Тверской. Тверь. 1864. Стр. 26.

(349) Кар. IV, пр. 322: «*Дѣтинцемъ* же называли внутреннюю крѣпость, или замокъ отъ имени *Дѣтскихъ* или Отроковъ, коимъ поручалась ея защита.» Погод. иссл. зам. лек. VII, 88: «Мы думаемъ, что *дѣтинецъ*, внутренній городъ, внутренняя крѣпость, получила свое названіе отъ дѣтскихъ, какъ главныхъ воевъ, которымъ предоставлялась защита и охраненіе городовъ, и которые вѣрно имѣли свои жилища по преимуществу въ дѣтинцѣ.»

(350) Погод. VII, 86: «Названіе отрока (младшаго члена дружины), въ нашемъ періодѣ (т. е. удѣльномъ) начало замѣняться названіемъ *дѣтскаго.*» Первое извѣстіе о *дѣтскихъ* приведено у Погодина подъ 1097 г. ib. 87.

(351) Толстой, разск. изъ ист. Рус. Церкви. II, 49 въ прим.

(352) Воскр. 188; Соф. I, 207.

(353) Ник. III, 107. Тат. IV, 92. Въ Твер. 408 такъ: «1313 г. Преставися княгыни великая Ярославля Аксинья, а во постреженіа Маріа.» Въ Ник. и у Тат. имя при постриженіи не обозначено.

(354) Соф. I, 198. Новг. IV, 42. Супрасльск. изд. Обол. въ отдѣлѣ Новгор. извѣстій, стр. 37, подъ 1271 г.: Преставися в. к. Тферскый, того же лѣта преставися сынъ его Михаилъ Тферскый. Этотъ Михаилъ былъ въ послѣднемъ походѣ 1270 г. отца своего на Новгородъ. «Князь же великии Ярославъ Ярославичь з детьми своими........ идоша ратью къ Новугороду» Ник. III, 51.

(355) Ник. III, 55. Тат. IV, 44. Воскр 171.

(356) Соколовъ. Св кн. Михаилъ Тверской. Тверь. 1864. Стр. 29.

(357) Ник. III, 57. Если и были у него Татары, то не видно, самъ ли Святославъ просилъ помощи у Татаръ, или Василій прислалъ ихъ къ нему.

(358) Ник. III, 56, 57. Тат. IV, 45, 46. Новг. I, 62, 63. Соф. I, 198. Воскр. 172. Въ Воскр. лѣт. Тверской князь названъ Святославомъ *Александровичемъ*, но это очевидная ошибка; она повторяется и далѣе подъ 1282 г., гдѣ тотъ же самый князь названъ Святославомъ Александровичемъ Невскаго.

(359) Въ Ник. III, 72 сказано такъ: «и посла по князя Ивана Михайловича Стародубскаго внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго и по все князи рускія.» Въ Воскр. 175 сказано, что Андрей послалъ по кн. Ѳедора Ростиславича, и по кн. Михаила Ивановича внука Всеволожа, и по Костянтина Борисовича и по иныя князя. Въ той и другой лѣтописи перечислены разные князья, но не названъ Тверской князь, хотя въ Ник. спискѣ и сказано, что послано было по всѣхъ князей. Если названы по именамъ князья менѣе значительные, то конечно упомянуто было бы и про князя Тверскаго, какъ князя болѣе сильнаго. На этомъ основаніи можно положить, что въ первомъ походѣ на Димитрія Святославъ не участвовалъ. Въ Соф. I, событія 1281, 1282 гг. немного перепутаны. Что касается до Константина Борисовича, то онъ могъ принять сторону Андрея противъ Димитрія потому, что хотя Дмитрій Александровичь въ томъ же году помирилъ его съ братомъ Дмитріемъ Борисовичемъ Ростовскимъ, но не уговорилъ его подѣлиться землями, такъ какъ хотѣлось бы Константину. Ник. III, 171. Константинъ только въ 1287 г. получилъ Угличь. Ник. III, 85.

(360) Воскр. 175. Тат. IV, 58.

(361) Дмитрій Александровичъ прииедъ во градъ Переславль и нача рать сбирати и градъ крѣпити, и отвсюду къ нему начаша сбиратися люди многи. Ник. III, 73.

(362) Впрочемъ, что касается до Новгородцевъ, то въ Новг. I, сказано, что миръ былъ заключенъ на всей волѣ Новгородской, стр. 64.

(363) Ник. III, 71—75. Новг. I, 64. Воскр. 175, 176.

(364) 1286. Того же лѣта благоговеніемъ Епископа Симеона Тверскаго, кн. в. Михайло Ярославичъ Тверскій, съ матерью своею в. к. Оксиньею преложили соборную церковь, что была прежде Козма и Доміанъ, и преложиша во имя святаго Спаса, что нынѣ Преображеніе и поставиша каменну. Ник. III, 85. Тат. IV, 69. Воскр. 179 относ. къ 1285. Твер. 406 относ. къ 1285 г. — Лавр. 227: Того же (1285) лѣта заложена бысть церкви Св. Спаса на Тфѣри. — Кар. IV, пр. 169 замѣчаетъ: «прежде княжилъ въ Твери старшій Михаиловъ братъ, Святославъ, сынъ первой супруги Ярослава. Въ 1294 г. еще упоминается о Святославѣ; но онъ не названъ княземъ.» Но съ 1286 г. Святославъ не упоминается въ лѣтописяхъ, какъ дѣйствующее лице, а Михаилъ. См. дальше примѣч. 372.

(365) Ник. III, 85. Тат. IV, 69. Лавр. 207. Воскр. 179. Narb. IV, 326, 327.

(366) Онъ былъ укрѣпленъ въ 1297 г. — Срубленъ бысть во Тверскомъ княженіи на Волге городокъ Зобцовъ. Ник. III, 95. — Срубленъ бысть *городъ на Волзѣ, ко Зубцеву*, на Старицѣ. Твер. 407. Но конечно въ Тверской здѣсь говорится не про Зубцевъ. — Тат. IV, 78 какъ Ник.

(367) Впрочемъ Новгородское вѣче не было довольно этимъ походомъ и недовольство свое княземъ вѣче потомъ выразило тѣмъ, что по окончаніи похода смѣнило посадника. Бѣл. II, 393. Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій въ 1286 г. женился на дочери Дмитрія Ростовскаго. Ник. III, 85. Впрочемъ въ Ник. объ этомъ бракѣ сказано еще разъ подъ 1292 г. Воскр. относитъ этотъ бракъ къ 1286, а Троицк. къ 1292 г.

(368) Въ Ник. III, 86, 87 — этотъ походъ разсказанъ два раза, сперва подъ 1287 г. сжато, а за тѣмъ подъ 1288 г. нѣсколько пространнѣе. Тат. IV, 71. Новг. I, 65. Воскр. 179. Соф. I, 201. Твер. 406. Въ Тверской разсказъ объ этой распрѣ Дмитрія съ Михайломъ начинается такими словами: «не въсхотѣ Михаилъ Тверскый поклонитися в. к. Дмитрію и нача наряжати полки. Слышавъ же се в. к. и съзва братію свою, ... и вся, яже суть подъ нимъ.» — Въ 1290 г. Дмитрій Борисовичъ Ростовскій съ Новгородцами опять напалъ на Тверь. Впрочемъ Новгородцы съ Тверичами вскорѣ и примирились, а Дмитрій Борисовичъ прошелъ къ Кашину и тогда уже помирился съ Тверскимъ княземъ. (Въ Новг. I о походѣ Новгородцевъ 1290 г. съ Дмитріемъ Ростовскимъ ничего не говорится, такъ что вѣроятно въ Ник. и въ Тат. спутано, разсказанъ походъ не бывавшій.) Объ этомъ походѣ 1290 г. упоминается только въ Ник. III, 88 и у Тат. IV, 72. Въ Соф. I, 201, хотя о походѣ Дмитрія Ростовскаго разсказано подъ тѣмъ же годомъ, какъ и о походѣ Дмитрія Переяславскаго, но можно понять такъ, что Дмитрій Ростовскій ходилъ въ походъ на Тверь особо послѣ Дмитрія Переяславскаго. «Въ лѣто 6797. Ходи в. к. Дмитрій Александровичь ко Твери ратію, позва съ собою Новгородцевъ, и идоша Новогородци съ посадникомъ Андреемъ; ратніи же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великій и отъиде. А князь Дмитрій Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Кашину ратію.» Также выходитъ по Новг. IV, 44. Ср. также Кар. IV, пр. 169. — Нѣкоторые (Тв. губ. вѣд 1867 г. историч. оч. Кашина) думаютъ, что Кашинъ въ XIII в. принадлежалъ Ростову, а перешелъ къ Твери потому что Анна Дмитріевна вышла

замужъ за Тверскаго князя, который и получилъ Кашинъ въ видѣ приданаго. Но Михаилъ женился на Ростовской княжнѣ въ 1294 г., а еще въ 1290 г. Дмитрій Борисовичь ходилъ ратію къ Кашину, — на свой бы городъ онъ не пошелъ. — Почему Ростовскій князь ходилъ разъ или два на Тверь? (если только не ошибочно извѣстіе лѣтописи о вторичномъ походѣ; лѣтопись могла два раза упомянуть объ одномъ и томъ же походѣ). Для объясненія этого вопроса можно сдѣлать такое предположеніе: Не задолго передъ тѣмъ въ Ростовскомъ удѣлѣ происходили несогласія: одно время Дмитрій Борисовичь Ростовскій отнялъ удѣлъ (Бѣлоозеро) у своего двоюроднаго брата (Михаила Глѣбовича), а въ слѣдъ за тѣмъ разсорился и съ роднымъ (Константиномъ), какъ видно по той же самой причинѣ. Братья помирились въ 1287 г. подѣливши между собою волости. Вѣроятно, такими спорами родственниковъ воспользовалась Тверь и захватила нѣкоторыя пограничныя Ростовскія волости, для возвращенія которыхъ и ходилъ Дмитрій Борисовичь ратію къ Кашину (по однимъ) въ 1288 или (по другимъ) въ 1290 г. Выходитъ, что онъ ходилъ на Тверь не только по приказанію Дмитрія Ростовскаго, но и по собственному побужденію. На это какъ будто намекаетъ и выраженіе Соф. I, 201: «Кн. Дмитрій Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину и ходи къ Кашину ратію.» Въ 1278 г. умеръ Глѣбъ Васильковичь. Въ 1279 г. Дмитрій Борисовичь Ростовскій отнялъ волость у двоюроднаго брата Михаила Глѣбовича Бѣлозерскаго съ грѣхомъ и неправдою. Въ 1281 г. Дмитрій Борисовичь поссорился съ роднымъ братомъ Константиномъ Борисовичемъ и ихъ помирилъ в. к. Дмитрій Александровичь. Въ 1287 г. братья подѣлились: Дмитрій взялъ Ростовъ, Константинъ — Угличь, а Михаилъ — Бѣлоозеро. См. Ник. III подъ соотвѣтствующими годами.

(369) Къ сожалѣнію въ Лавр. сохранилось только окончаніе разсказа объ этой поѣздкѣ князей въ орду съ жалобою на Дмитрія; въ противномъ случаѣ может быть можно бы было выяснить, зачѣмъ Михаилъ Тверской тогда ходилъ въ орду. Въ Лавр. здѣсь недостаетъ листа и затѣмъ разсказъ начинается съ того, какъ уже Михаилъ возвращался изъ орды.

(370) Въ Соф. I, 201, сказано, что Татары разорили 14 городовъ сверхъ Владиміра, Москвы, Дмитрова, Волока, Переяславля. Въ Воскр. 180 сказано такъ: «много городовъ поимаша: Володимерь, Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломну, Москву, Можаескъ, Волокъ, Дмитровъ, Углече-поле, а всѣхъ градовъ взяша 14.»

(371) Въ Ник. III, 90 замѣчено, что Михаилъ шелъ изъ орды «того невѣдуще», т. е. нашествія Татаръ, что невѣроятно. Въ Лавр. 207 сказано: «а не бяшеть ему вѣсти, яко на *Москвѣ* полци Татарьскія и Андрѣй князь» — что вѣроятнѣе.

(372) Въ Ник. Тат. Воск. и Соф. этотъ Святославъ названъ княземъ, а въ Новг. I онъ не назвалъ княземъ. Щербатовъ III, 206 считаетъ этого Святослава за сына Ярослава Ярославича; полагаетъ, что Святославъ оставилъ в. княженіе Тверское, получилъ особый удѣлъ и по своему миролюбію не вмѣшивался въ тогдашнія смуты.

(373) Ник. III, 89 — 92. Тат. 73, 74, 75. Воскр. 180. Соф. I, 201, 202. Лавр. 207, 208. Новг I, 65, 66. Послѣ того, какъ союзные князья, при помощи Татаръ, одержали верхъ надъ Дмитріемъ Александровичемъ, то они такъ подѣлили между собою волости: Андрей получилъ Владиміръ и Новгородъ, Θедоръ Ярославскій — Переяславль, Иванъ (сынъ Дмитрія Ростовскаго) — Кострому. Когда Андрей и Дмитрій помирились послѣ Тверскихъ переговоровъ, то Дмитрій получилъ обратно Переяславль, а Θедоръ за то пожегъ этотъ городъ.

(374) Ник. III, 91. Тат. IV, 75. Лавр. 208.

(375) Ник. III, 93. Тат. IV, 76. Воскр. 181. Троицк. 282. А въ 1297 г. и кн. Юрій Даниловичь женился въ Ростовѣ. Ник. III, 95. Воскр. 181. Троиц. 282. Въ Ник. и въ Тат. сказано про Андрея, что онъ поя дщерь *Василкову* Ростовскаго, — что конечно ошибочно; дочь Василья Ростовскаго была бы уже очень стара. Троицк. 282 называетъ эту супругу Михаилову Анною. Бракъ Михаила Тверскаго съ Анною былъ 8 Ноября. Лавр. 208. Когда тѣло Михаила Ярославича, погибшаго въ ордѣ, привезли въ Тверь, то въ лѣтописяхъ говорится, что его встрѣчала *его княгиня Анна*.

(376) Въ Троицк. 282 сказано, что ихъ примирили владыки Симеонъ и Измаилъ. Также Воскр. 181. Также Соф. I, 202. Также Новг. IV, 45.

(377) У Тат. IV, 77: «Высть брань въ Князехъ Руских о отчинѣ, хотяше К. В. обидѣти братію.»

(378) По Соф. I чрезъ годъ.

(379) Ник. III, 94. Воскр. 181. Соф. I, 202. Лавр. 208. Въ Ник. и у Тат. даже прибавлено, что князья подѣлились княженіемъ; а въ Соф. сказано, что они подѣлились в. княженіемъ.

(380) С. г. г. д. I, № 4, 5.

(381) Ник. III, 98. Тат. IV, 82. Новг. I, 67. Воскр. 183. Соф. I, 203.

(382) Лавр. 209. Лаврентьевская лѣтопись ставитъ этотъ походъ послѣ съѣзда князей въ Дмитровѣ, а Ник. наоборотъ.

(383) Ник. III, 99. Тат. IV, 82. Лавр. 209. Въ Ник. и у Тат. сказано про князей, что они подѣлились вотчиною. Какою?

(384) Ник. III, 99, 100. Тат. IV, 82, 83. Воскр. 183. Соф. I, 204.

(385) Въ Ник. III, 94 подъ 1296 г. говорится, что Переяславцы были заодно съ *Даніиломъ* и съ Михаиломъ. Воскр. 181. Тат IV, 78. Подъ 1303 г. говорится, что Переяславцы «по животѣ его (Даніила) яшася за сына его Юрья.» Ник. III, 100. Воскр. 183. Тат. IV, 83.

(386) Воскр. 188.

(387) Воскр. 189. Соф. I, 207.

(388) И послаша Тверичи в Новъгородъ великии намѣстники князя Михаила Ярославича Тверскаго с силою и в безстудствомъ многимъ. Новгородцы же высокоумие ихъ и безстудство ни во чтоже положиша. Ник. III, 101.

(389) И съсылаючеся послы разъѣхащася, докончавше до пріѣзда князей. Новг. I, 68. Можно подумать, что къ этому времени, т. е. къ 1304 г. относится договорная грамота Михаила съ Новгородомъ, напечат. въ С. г. г. д. I, № 8 (про которую издатели говорятъ, что она написана между 1305 и 1308 гг.). Такъ можно думать на томъ основаніи, что въ концѣ грамоты сказано: «а вынесутъ тебѣ изъ орды княженіе великое, намъ еси князь великій.» Но тутъ же прибавлено, что если онъ не получитъ в. княженія изъ орды, то его намѣстники должны пойти изъ Новгорода вонъ, и въ томъ измѣны Новгороду нѣтъ. А въ 1304 г. намѣстниковъ Михаиловыхъ въ Новгородѣ не было, ихъ Новгородцы не приняли, слѣдовательно эта грамота относится не къ 1304 г., а ко времени позднѣйшему, какъ это мы увидимъ далѣе. Бѣляевъ II, 403 кажется относитъ эту грамоту къ *1304* г., по крайней мѣрѣ онъ помѣщаетъ ее предъ возвращеніемъ Михаила изъ орды. Тогда Новгородскимъ архіепископомъ былъ Ѳеоктистъ. Въ этой грамотѣ, № 8, не упоминается владыка; къ ней приложены двѣ печати — одна посадничья, а другая тысяцкаго Матвѣя Фалелеевича. Кар. V, пр. 26, грамоту помѣщенную въ С. г. г. д. I, № 8, относитъ ко временамъ Михаила Александровича Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ за время Михаила Яросла-

вича не встрѣчается имени Матвѣя Фалелеевича. — Въ С. г. г. д. I, есть договорная грамота, № 17, в. к. Тверскаго Михаила Александровича съ Новгородомъ (Михаилъ Александровичъ род. 1333, ум. 1399 г.). Въ началѣ этой грамоты упоминаются Новгородскій арх. Алексѣй (былъ владыкою съ 1359 г. въ теченіе 27 лѣтъ, Новг. II, 182), посадникъ Юрій и тысяцкій Матфѣй, а въ концѣ грамоты привѣшены печати— того же посадника Юрія Ивановича и Арх. Алексѣя. А изъ Новиковской Древ. Рос. Вивліое. I, стр. 31 — 33 видно, что у этой грамоты была и третья печать — тысяцкаго Матвѣя Фалелѣевича. Принимая во вниманіе эти имена, слѣдуетъ грамоты подъ № 8 и № 13 (отнесенныя Бѣляевымъ въ разск. рус. ист. II, 403, 414 ко временамъ Михаила Ярославича) отнести ко временамъ Михаила Александровича. Въ этихъ грамотахъ №№ 8, 13 встрѣчаются имена тѣхъ же лицъ, что и въ грамотѣ № 17. Въ грамотѣ № 8 привѣшены двѣ печати: одна посадника безъ имени, а другая тысяцкаго Матвѣя Фалелеевича. Въ грамотѣ № 13 въ началѣ встрѣчается имя тысяцкаго Матфѣя, а на печатяхъ — того же тысяцкаго Матфѣя Фалелеевича и посадника Юрія Ивановича. Соловьевъ III, прим. 511, 512 относитъ эти грамоты также ко времени Михаила Александровича, при чемъ про грамоту № 18 замѣчаетъ слѣдующее: Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатяхъ.

(390) Ник. III, 101 — 103. Тат. IV, 84 — 86. Новг. I, 68. Воскр. 184 Соф. 204. У Татищева этотъ Акинеъ названъ Акинеъ Ботринъ. Сол. III, 272, основываясь на Кар. IV, пр. 324, говоритъ, что Акинеъ сперва былъ въ Москвѣ, былъ оскорбленъ преимуществомъ отданнымъ Родіому Несторовичу и потому отъѣхалъ въ Тверь, ходилъ на Переяславль, и былъ убитъ здѣсь Родіономъ, который взоткнувъ его голову на копье, поднесъ ее къ Іоанну со словами: «се, господине, твоего измѣнника, а моего местника глава.» Кажется, нельзя вѣрить этому разсказу. Акинеъ былъ сперва у Андрея, а не въ Москвѣ; переѣхать же изъ Городца въ Москву, а изъ Москвы въ Тверь онъ не успѣлъ бы въ короткое время. Карамзинъ взялъ этотъ разсказъ изъ Ростовской лѣтописи, которая эти событія относитъ къ 1332 и къ 1333 гг. Самъ Карамзинъ сомнѣвался въ достовѣрности этого разсказа. Ник. IV, 55 (въ повѣсти объ Алексѣѣ митрополитѣ всея Руси) говорится, что Акинеъ служилъ Андрею Городецкому до его смерти; а послѣ его смерти отправился въ Тверь служить Михаилу Ярославичу; здѣсь не говорится, чтобы Акинфъ былъ въ Москвѣ. Слѣдовательно, здѣсь о немъ говорится то же самое, что нѣсколько короче разсказывается Ник. III. 102. Въ Ник. IV, 55 также говорится, что бояринъ Акинеъ служилъ сперва у Андрея Александровича, а послѣ его смерти перешелъ къ Михаилу Ярославичу. — Новг. IV, 46: Бой бысть князю Ивану предъ Переяславлемъ съ бояриномъ *своимъ* Онкифомъ, Онкифа уби, а дѣти его убѣгоша съ Тферскою ратью въ Тферь. Ник. IV, 55 — Акинеъ «до смерти служилъ господину своему князю Андрею Александровичу Городецкому и по преставленіи его отъиде во Тверь служити князю Михаилу Ярославичю.» У Кар. IV, пр. 324 изъ той же Ростовской лѣтописи приведено еще слѣдующее: «Того же лѣта (1333) Князь Тферскій отъя у в. князя волость Вьюлки отъ Переяславскаго города, понеже наученъ бысть Акинеомъ. . . . .» Дѣйствительно, есть р. Вьюлка въ Кал. у. впадающая съ лѣв. стор. въ р Нерль Въ межевой грамотѣ, писанной около 1504 г. (С. г. г. д. I, № 138), упоминаются Юлоцкій бортний станъ, Юлоцкій большой станъ, бортники Юлоцкіе Дмитровскаго уѣзда. Хотя это извѣстіе Рост. лѣтописи, извѣстіе возможное, но только можно ли довѣрять ему. Самъ Карамзинъ ib. такъ относится къ извѣстію Рост. лѣт. объ Акинеѣ: «Сія повѣсть (о бояринѣ Акинфѣ) есть новѣйшая вставка въ Ростовскую лѣтопись. Сраженіе съ Акинеомъ подъ городомъ Переяславлемъ было не въ 1337, а въ 1304 г. Тогда Іоаннъ не былъ еще в. княземъ. Въ 1337 г. и су-

круги его уже не было на свѣтѣ. Но главное происшествіе вѣроятно, и Квашнины, потомки Родіоновы, описываютъ оное въ своей челобитной, поданной ими въ 1576 г. Царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акинеъ бѣжалъ отъ Калиты къ к. Михаилу Ярославичу Тверскому.» Срав. Сол. IV, 153, пр. 173, Переяславскую волость Юлу помѣщаетъ между верховьями рр. Дубны и Нерли.

(391) И обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ вмѣщуще вражду межи братьи князей Рускыхъ; и себѣ болшаа дары взимаху. И бывше прѣ велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Руской земли за наша согрѣшенія. Воскр. 189. Соф. I, 206. У Тат. IV, 86 даже прибавлено слѣдующее: «Юрій же слыша яко Михаилъ хощетъ Хану дань большую обѣщати, шедъ къ нему рече: отче и братіе, азъ слышу яко хощеши большую дань поступити и землю Рускую изгубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Руская насъ ради, и шедше ко Хану объявиша ему о семъ.» Но подобная великодушная фраза въ устахъ Юрія конечно и была не болѣе какъ только — фраза, но нисколько не причина его отказа отъ ярлыка.

(392) Ник. III, 103. Воскр. 184. Соф. I, 204.

(393) Воскр. 184. Соф. I, 204. Ник. III, 103. Твер. 407.

(394) Ник. III, 103, 104 подъ 1305 г. Воскр. 184 подъ 1306 г. Тат. IV, 87 подъ 1305 г. Причину отъѣзда Александра и Бориса Даниловича Карамзинъ (IV, 107) объясняетъ тѣмъ, что они безъ сомнѣнія были недовольны жестокостью своего старшаго брата.

(395) Того же лѣта (1308) к. в. Михаило Ярославичь, внукъ Ярославль, правнукъ Всеволожь, ходи вдругие к Москвѣ *ратию всею силою* и бысть бои у Москвы на память святаго Апостола Тита, и много зла сотвори; а града не взявъ отъиде. Ник. III, 103. Тат. IV, 88. — Воскр. 185 (. . . . . ратью сомногою силою. . . . :) — Въ описаніи Слав. рукописей Москов. Синод. Библіотеки, Горскаго и Невоструева. М. 1855 на стр. 292, 293 находится описаніе *Апостола, пергам. 1307* г., на послѣднемъ листѣ котораго находится приписка такого рода: «сій же апостолъ книги ид святому Пантелеймону. Изосимъ игуменъ сего же монастыря. Сего же лѣта (6815) бысть бой на руськой земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженье новгородьское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ князѣхъ, которы и вѣци скоротишася человѣкомъ.» Эта приписка была извѣстна еще Карамзину, про послѣднія слова которой онъ замѣчаетъ слѣдующее: «такія же точно выраженія находимъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ.*» Эти послѣднія выраженія у Кар. IV, прим. 227 приведены въ такомъ видѣ: «При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, которыи вѣци сократишася человѣкомъ.» Карамзинъ не относитъ этой приписки къ какому либо году, но такъ какъ онъ приводитъ ее въ разсказѣ о послѣднихъ годахъ правленія Михаила Ярославича, при описаніи Бортновской битвы, то потому можно предполагать, что онъ относитъ ее не къ 1307 году. Срав. Филар. Рус. Св. Ноябрь, 372, пр. 161. — Монастырь Пантелеймона находился во Псковѣ.

(396) Твер. 407. Въ лѣто 6816, зимѣ, к. в. Михайло приходилъ ратію къ Москвѣ, и взялъ миръ.

(397) Ник. III, 104 Новг. I, 68 относитъ это къ 1308 г. а Новг. III, 223 къ 1307 г.

(398) Сол. III, 273 полагаетъ, какъ будто только съ 1308 г. Новгородъ призналъ Михаила своимъ княземъ.

(399) С. г. г. д. I, № 10, 11. Како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыцѣ и у своихъ мужь, намъ съ нимь судъ передъ тобою, Господине.

(400) С. г. г. д. I, №№ 6, 7, 9, 10, 11. — № 8 я отношу къ 1317 г.

(401) Бѣл. II, 199.

(402) С. г. г. д. I, № 1. Видно, что князь былъ поставленъ, сколько возможно, внѣ связей съ жизнью Новгорода. Кост. Сѣвернорус. народ. I, 154. Онъ могъ и торговать въ Новгородѣ, но не иначе какъ чрезъ природныхъ Новгородцевъ. ib.

(403) С. г. г. д. I, № 6, 10.

(404) Что свободъ Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ, и что сельцъ тягнуле къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися, то все къ Новгороду бесъ кунъ. А что, княже, селъ твоихъ, и владычьнихъ, и княгынииныхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, которое село зашло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тый знаеть своего истьца, или дѣти его: истьца ли не будеть, ни дѣтий его, цѣловати ему хрестъ; како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду. С. г. г. д I, № 6, 7, № 10. Также № 14, въ которой хотя недостаетъ многихъ словъ, но смыслъ выраженій можно возстановить.

(405) С. г. г. д. I, № 1.

(406) Кост. Сѣв. народ. I: стр. 113 пр. «Эти села тогда принадлежали не Новгороду и не Новгородцамъ, а владѣльцамъ, выходившимъ изъ Новгородскаго управленія.» — Нѣкоторыя слободы и села могли быть захвачены Тверью во время ея войнъ съ Новгородомъ

(407) С. г. г. д. I, № 5.

(408) С. г. г д. I, № 6, 7, 10.

(409) Въ этихъ грамотахъ съ Михаиломъ Новгородъ требуетъ отъ Михаила захваченныхъ земель и въ такихъ выраженіяхъ: а свободъ ти и селъ съступитися. А земля къ святой Софии.

(410) Такъ можно судить по послѣдней договорной грамотѣ Михаила съ Новгородомъ (Юрій заключаетъ эту грамоту отъ имени Новгорода) въ 1318 г. С. г. г. д. I, № 14. Хотя эта грамота очень попорчена и въ ней недостаетъ многихъ словъ, но и по оставшимся легко возстановить смыслъ, принимая во вниманіе прежнія грамоты, въ которыхъ встрѣчаются выраженія одинакія. Московскіе князья не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской области; но они могли во Владимірской области, которою они постоянно владѣли и они наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева Польскаго. — Князья постоянно вносили въ свои договоры условіе — не пріобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ; вотъ отчего Московскіе князья не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской области. Сол. IV, 171. Начиная съ Іоанна Калиты всѣ Московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую Владимірскую область; князья не позволяютъ чужимъ боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только Московскіе бояре имѣютъ постоянную возможность покупать села въ области Владимірской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно, слѣдовательно, удерживать Владимірскую область и вмѣстѣ главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Сол. IV, 212.

(411) С. г. г. д. I, № 10.

(412) С. г. г. д I, № 10. А коли, Княже, поедешь въ Новгородъ, тъгда тобѣ даръ емати по постояниямъ; а коли поедешь изъ Новагорода, тъгда даръ не надобѣ.— Позже, Новгородъ, уговариваясь съ в. к. Іоанномъ III, между прочимъ постановилъ такое условіе: «а крюкъ великимъ княземъ по старинѣ, на третей годъ.» С. г. г. д. I,

№ 20, стр. 28. Здѣсь сказано *по старинѣ*, но съ какого времени пошла эта старина, была ли она при Михаилѣ или появилась послѣ? Куницынъ слово *крюкъ* сближаетъ съ словомъ *tournée* (Куниц. истор изобр. древн. судопр. въ Рос. 18, 28, прим. р.). — А количество *дара* можетъ быть не было опредѣлено потому что это былъ даръ. — Въ 1477 г. Новгородцы, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, предлагали в. к. Іоанну III, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ отъ нихъ въ даръ по 1000 руб. Но какъ велики были подарки, слѣдовавшіе князю на каждой станціи во время его проѣзда въ Новгородъ, неизвѣстно. Куниц. 18. — Князь Всеволодъ Мстиславичь своимъ уставомъ 1134—1135 г. объ учрежденіи купеческаго общества при церкви Св. Іоанна Предтечи на Петрятинѣ Дворищѣ (на Опокахъ) отдалъ «святому великому Ивану» свое право на вощаной вѣсъ, опредѣлилъ пошлины за вывѣску, и оставилъ за в. княземъ право взять «изъ вѣсу вощаного полтретьядцать гривенъ серебра черезъ годъ.» (Прозоровскій, монета и вѣсъ). О судьбѣ этихъ учрежденій мы не имѣемъ свѣденій до XVI в., но они не могли сохраниться въ полной цѣлости послѣ уничтоженія Іоанномъ III Новгородской самостоятельности. Затѣмъ далѣе г. Прозоровскій (ib. 178, 179) говоритъ, что «изъ памятниковъ видно, что съ 1554 г., а вѣроятно и ранѣе, иванскій вѣсъ отдавался на откупъ и доходъ поступалъ не въ церковь, а въ казну; впрочемъ законъ Всеволода о томъ, чтобы *вѣсити въ притворѣ святаго Ивана* сохранялся еще въ 1571 году; въ изданномъ тогда таможенномъ уставѣ, освобождавшемъ иванскій вѣсъ отъ вліянія таможниковъ, сказано: «воскъ, и мѣдь, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темьянъ вѣсить по старинѣ *на крюкъ* у Ивана св. подъ церковью на Петрятинѣ Дворищѣ.» А что Всеволодовъ уставъ сохранялся неизмѣнно до паденія Новгорода, въ томъ удостовѣряетъ заключающееся въ великокняжескихъ договорахъ съ нимъ условіе: а крюкъ В. Княземъ по старинѣ на третей годъ», (А. А. Э. I, 43) условіе, по силѣ котораго иванская пошлина сдѣлалась потомъ принадлежностію Государя и стала отдаваться на откупъ, и по которому издавна установились новые поборы — припасами въ пользу высшихъ новгородскихъ чиновниковъ. Объ этомъ взвѣшиваніи *на крюкъ* у Ивана Святаго говорится уже въ договорѣ Новгорода съ Василіемъ Темнымъ: «а крюкъ в. княземъ по старинѣ на третей годъ.» — Срав. также Никит. Св. Вел. Иванъ на Опокахъ, Ж. М. Н. П. 1870, стр. 211, 212.

(413) С. г. г. д. I, № 4, 5.

(414) С. г. г. д. I, № 10. А кто живетъ въ Новоторьскомъ уѣздѣ у святого Спаса, а тѣ потягнуть къ Торжьку. С. г. г. д. I, № 14.

(415) С. г. г. д. I, № 11.

(416) приехавъ въ село, Новгородьскую волость пусту положилъ, братию нашю испродалъ. ib.

(417) Про Өедора Михаиловича: «а на селѣхъ его куны ему даемъ.» Про Бориса Константиновича: «а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое не куплено, а съ тѣхъ поидетъ бесъ кунъ.» С. г. г. д I, № 11. Неизвѣстно почему Бѣляевъ II, 405 грамоту № 11 помѣщаетъ раньше № 10 и говоритъ, что вслѣдъ за отъѣздомъ князя изъ Новгорода послѣ суда съ намѣстниками, пріѣхали въ Тверь Новгородскіе послы съ новыми требованіями, изложенными въ № 10.

(418) Сол. III, 272 замѣчаетъ, что трудно объяснить лѣтописное извѣстіе о походѣ Дмитрія на Нижній.

(419) Можетъ быть ожидали въ Нижнемъ возвращенія изъ орды князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. Сол. III, 283.

(420) Избитии конечно не всѣ. Въ лѣтописяхъ сказано, что по смерти Андрея Александровича его бояре отъѣхали въ Тверь. Можно подумать что всѣ, а оказывается что не всѣ, потому что нашлись еще бояре въ Нижнемъ. (Срав. Сол. III, 288.) Такъ и тутъ подъ 1305 г. лѣтопись глухо говоритъ что были избиты бояре, но не видно, чтобы были избиты всѣ,—по крайней мѣрѣ въ лѣтописи этого не сказано. Ник. III, 104. Соф. I, 204. Воскр. 184. Въ Воскр. сказано, что этихъ вѣчниковъ, умертвившихъ бояръ, избилъ Михаилъ Ярославичь; также написано въ Соф. I, впрочемъ по чищеному (см. пр. ж.). Въ Новг. IV, 47; Ник. III, 104; Тат. IV, 87 и въ Соф. I, 204 въ текстѣ, а не въ примѣч. ж., названъ кн. Михаилъ Андреевичь, а не Михаилъ Ярославичь. Ник. III, 104: Того же лѣта (1305) в Нижнемъ Новѣгородѣ избиша черныя люди бояръ князь Андреевыхъ Александровича. Того же лѣта кн. Михаило Андрѣевичь прииде из Орды в Нижней новъ(городъ), изби всѣхъ вѣчниковъ, иже избиша бояръ; и туже чашу испиша: имже бо судомъ судите судятъ вамъ, и вню жъ мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.

(421) Кар. IV, пр. 244 полагаетъ, что въ лѣтописяхъ ошибочно этотъ походъ отнесенъ къ 1311 г., потому что Дмитрій Михаиловичь имѣлъ тогда не болѣе 12 лѣтъ. Но въ 1314 г., слѣдовательно 15 лѣтъ отъ роду ходилъ же Дмитрій противъ Новгородцевъ.

(422) Ник. III, 107. Кн. Дмитрей Михайловичь Тверскии собравъ воинства много, хотя ити на Новгородъ Нижни, и неблагослови его Петръ митрополитъ столомъ в Володимери. Онъ же отстоявъ три недѣли в Володимери, собрався с силою многою, бия челомъ Петру Митрополиту, да его разрешитъ. И тако распусти вся своя, и идоша кождо во свояси. Ср. Сол. III, 272, 273. «Подъ 1312 г. находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила Тверскаго, Димитрій отправился въ походъ на Нижній Новгородъ и т. д.» Мы старались объяснить на сколько возможно. Въ Воскр. Соф. I и Новг. IV прибавлено, что Дмитрій ходилъ ратью на Новгородъ Нижній и на кн. Юрья. — У Тат. IV, 90, 91, разсказъ о походѣ Дмитрія на Нижній разорванъ на двое искаженною замѣткою о походѣ Новгородцевъ въ Финляндію. Воскр. 186: Кн. Дмитрій Михайловичь Тверьскій, собравъ воя многы, и хотѣ ити на Новгородъ Нижній ратью и на князя Юрья и не благослови его Петръ митрополитъ; онъ же стоя въ Володимери 3 недѣли и роспустивъ рать, возвратися во свояси.—Соф. I, 205: кн. Дмитрій Михайловичь Тфѣрьскый собравъ воя многи, и пріиде ратію на Новъгородъ Нижній на князя Юрія; и не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимери, онъ же стоявъ 3 недѣли, възвратися въ землю свою. — Также въ Новг. IV, 47 — съ тою разницею, что въ ней сказано, что Дмитрій пришелъ въ Нижній, что конечно ошибочно, потому что Дмитрій не прошелъ далѣе Владиміра. Супрасл. изд. Обол. въ отдѣлѣ Новг. извѣстій, стр. 44 подъ 1311 г.: И того же лѣта князь Дмитрій Михайловичь Тферскій събра воя многа и пріиде ратію въ Нижней Новьгородъ на к. Юрья, и не благослови его митрополитъ столомъ в Володимерь, и стоявъ 3 недѣли и возвратишась въ свояси.

(423) Такъ можно судить по Ник. и по Житію Св. Петра у Мак IV, прил. № III. Ник. III, 132: Тожеспотомъ времени мимо шедшу паки зависти дѣлатель врагъ, завистію подходитъ Андрея епископа, суще тверскаго предела, лехка убо суща умомъ и т. д. Жит. у Мак. IV, 310: Позавидѣ дьяволъ, вложи въ сердце вражду Андрею, епископу Тферьскому, послати хулу на святаго Петра митрополита Афонасею патріярху.

(424) Но убо шептания андрѣева не утаишась *прежъ того* пресвещенному святителю Петру. Ник. III, 133.

(425) А может быть Иван Даниловичъ помогъ Петру обличить также и Андрея.

(426) Карповъ, стр. 9. Дѣло Епископа Андрея могло служить только толчкомъ для Митр. Петра въ его любви къ Московскому князю. Кромѣ того г. Карповъ замѣчаетъ: Геронтія поддерживалъ Михаилъ Неудовлетворенное честолюбіе Геронтія не перешло ли къ Андрею?

(427) Сол. IV, 299, въ главѣ о внутр. сост. Рус. общ., при обзорѣ характера дѣятельности митрополитовъ. Я старался выше выяснить это.

(428) Ник. Ш, 108, 110. Тат. IV, 92, 94. Соф. I, 206 (о возвращ. Михаила). Воскр. 186, 187. Твер. 408 (о возвращ. Михаила изъ орды). Троицк. 229 (о возвращ. Михаила). — Въ лѣтописяхъ не сказано, чтобы митр. Петръ *именно въ 1313 г.* получилъ ярлыкъ, но вообще замѣчено, что и князья и епископы приходили тогда въ орду за ярлыками, а потому я полагаю, что и Митр. Петръ долженъ былъ получить въ этомъ же году ярлыкъ. Макарій IV, 19. прим. 22, относитъ Узбековъ ярлыкъ Петру къ 1315 г на основаніи сочиненія г. Григорьева *о достовѣрности ярлыковъ данныхъ ханами Золотой орды Русскому духовенству.* Но въ этомъ же сочиненіи у В. В. Григорьева на стр. 86 замѣчено, что нельзя много довѣрять хронологическимъ датамъ, выставленнымъ на ярлыкахъ. И далѣе на стр. 92, 93 В. В. Григорьевъ говоритъ объ Узбековомъ ярлыкѣ Петру, что хотя по датѣ — по Монгольскому счисленію—выставленной на ярлыкѣ и должно его отнести къ 1315 г., но странно, что въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ и въ Узбековомъ встрѣчается одна и та же дата — выставлены одинъ и тотъ же годъ, мѣсяцъ и день. Далѣе г. Григорьевъ говоритъ: «Между тѣмъ эта же дата въ Узбековомъ ярлыкѣ вовсе не согласуется со временемъ дачи его, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Что если она не принадлежала первоначально этому ярлыку, а попала въ него какимъ нибудь образомъ изъ Менгу-Темирова?!»

Г. Березинъ въ своемъ сочиненіи (Тарханные ярлыки данные Русскому духовенству) говоритъ о сохранившейся надписи одного ярлыка даннаго Петру въ 1308 г. Но въ этой надписи сказано, что Петръ получилъ ярлыкъ отъ Менгу-Темира, тогда какъ въ 1308 г. былъ ханомъ не Менгу-Темиръ, а его сынъ Тохта. — «Того же лѣта (1313) князь великии Михайло Ярославичъ Тверскии поиде во Орду, также и Петръ митрополитъ киевскии всеа Русии, вкупе снимъ поиде во Орду того ради, понеже тогда во Ордѣ Тахтя царь умрѣ, а новыи царь Азбякъ селъ на царствѣ, ї вся обновишася, ї вси прихождаху во Орду, того ради, понеже тогда во ордѣ и ярлыки имаху, коиждо на свое имя, и князи, епискупы; но милостию Божиею Петръ митрополитъ во Орде у царя бысть в чести велицеи, и отпущенъ бысть от царя со многою честию вборзе, и прииде на Русь.» Ник. Ш, 108.—Ярлыкъ, полученный Митрополитомъ, должно отнести къ 1315 году. Какимъ же путемъ, чрезъ кого Петръ получилъ ярлыкъ? Макарій IV, 19 полагаетъ, что вѣроятно ярлыкъ былъ привезенъ возвратившимся тогда изъ орды в. княземъ Михаиломъ. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что Михаилъ какъ будто хотѣлъ угодить Петру, загладить въ немъ прежнее дурное впечатлѣніе (по дѣлу Геронтія и по доносу Андрея) и смягчивъ, склонить Петра на свою сторону. Но митрополитъ Петръ могъ получить ярлыкъ и безъ посредства князя. Митрополиты могли получать и не ѣздя сами въ орду, а посылая туда за ними бояръ своихъ или епископовъ, или принимая ихъ отъ ханскихъ пословъ. (Григор. ярл. 83, 84.)

(429) Ник. Ш, 110, 111. Тат. IV, 96. Твер. 408, 409.

(430) Въ лѣтописяхъ именно сказано, что *заратился* Михаилъ Ярославичъ, а не Новгородцы.

(431) Послѣ пожаровъ и грабежей въ Новгородѣ въ 1311 г. Новгородцы отняли посадничество у Михаила Павшинича и отдали его Семену Климовичу. Новг. I, 70.— А можетъ быть это и не причина, потому что въ 1315 г. подъ вліяніемъ Михаила Ярославича посадникомъ въ Новгородѣ былъ сдѣланъ Семенъ Климовичъ. Новг. I, 71. Или Семенъ Климовичъ изъ враговъ сдѣлался потомъ, именно въ 1315 г., сторонникомъ Михаиловымъ.

(432) Новг. I, 70. Новг. IV, 48. Воскр. 186. Соф. 1, 205. Я полагаю, что этотъ договоръ Давида и Михаила былъ заключенъ въ Городкѣ на Волгѣ, хотя въ лѣтописяхъ этого не сказано; но такъ выходитъ изъ дальнѣйшихъ событій, какъ мы увидимъ послѣ. Въ лѣтописяхъ же сказано, что Давидъ для заключенія договора ходилъ въ Тверь, что можно понимать въ болѣе обширномъ смыслѣ, т. е. что Давидъ ходилъ не въ городъ Тверь, а въ Тверское княжество. Въ Супрасл. рукоп. изд. кн. Оболенскимъ, въ отдѣлѣ Новгор. извѣстій на стр. 44: И иде въ Тферъ владыка Давидъ и докончя миръ на полторы тысяща милъ(?), и князь ворота отвори намѣстники своя присла в Новьгородъ.— Гривна Новгородская XIV в. = 30 кунъ, а въ XV в. эта гривна преобразована въ новую гривну; гривна кунъ = 2 р. 25 к., а новая гривна = 1 р. 57 к.— Гривна въ серебрѣ въ Новгородѣ XII—XIII в. = 19 руб.; въ XIV в. = 17 р. 69 коп.; такая гривна стала называться рублемъ. Въ Твери гривна сер. = 4 р. 26 к. Въ вел. княженіи XIII в. = 2 р. 84 к. Рубль Новгородскій старый = гривна серебра; въ XV в. = 8 руб. 11 коп. Изъ Прозоровск. монета и вѣсъ въ древней Россіи, изъ главы гдѣ приведена сравнительная цѣнность тогдашнихъ денегъ съ нынѣшними. У Прозоровскаго приведены и дроби копеекъ, которыя здѣсь опущены.

(433) Кар. IV, 108, 109 замѣчаетъ: «Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новгородцы согласились на миръ.» Щерб. III, 258 полагаетъ, что извѣстіе о бунтѣ Корелы принудило Новгородцевъ заключить миръ; Дмитрій же согласился на миръ, потому что боялся нападенія Юрія. Но судя по Новг. I, 70 хотя возстаніе Корелы было въ томъ же году, но до похода Новгородцевъ противъ Тверскаго князя. «Избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ, и въведоша къ собѣ Нѣмець; Новгородци же съ намѣстникомъ Ѳедоромъ идоша на нихъ, и передашася Корѣла и избиша Новгородци Нѣмець и Корѣлу перевѣтниковъ.» Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ арестѣ намѣстниковъ Михайловыхъ, и о походѣ на Тверскаго князя

(434) Новг. I, 70. О заключенномъ мирѣ здѣсь сказано такъ: посемъ докончаша съ Дмитріемъ миръ, и оттолѣ послаша по князя Юрья на Москву, на всей воли Новгородской, а сами възвратишася въ Новъгородъ. Въ Воскр. 186: сотвориша миръ со княземъ Дмитріемъ на всей воли Новгородцкой. Также и въ Соф. I, 205. Въ Ник. III, 109: тако смиришася Новгородцы на своей воли. Здѣсь же раньше про Михаиловыхъ намѣстниковъ замѣчено, что въ Новгородѣ отъ нихъ *многа обида и нужа бысть*. Также у Тат. IV, 93, 94.— Твер. 408: пріидоша Новогородци ратію ко Твери, и пожгоша села за Волгою, и поаша собѣ на столъ Юріа Даниловича.

(435) Новг. I, 71.

(436) Юрій выѣхалъ въ орду 15 марта. ib.

(437) Hammer, 286: Die noch unbefestigte Herrschaft eines dreizehnjährigen Knaben mochte den russischen Fürsten nicht drohend genug geschienen

haben, um sie sogleich nach Toktai's Tode zum Gang in's Lager zu bewegen; aber schon im zweiten Jahre seiner Regierung forderte der fünfzehnjährige Usbeg den Grossfürsten von Moskau, Juri Danilowitsch, ohne Verzug in's Lager. Dieser liess in Nowgorod seinen Bruder Athanasius Danilowitsch zurück, begab sich nach Rostow, und ging von da am 15 März in's Lager, und im selben Jahre kam aus dem Lager der Grossfürst Michael von Twer mit den 3 tatarischen Gesandten Taitemir, Omar Chodscha und Indrüi zurück.

(438) Въ этомъ отвѣтѣ Новгородцы умолчали про Ѳедора Ржевскаго; но они боялись охладить къ себѣ Юрія Маковскаго, выдавши его брата — притомъ же они еще не были въ большой крайности.

(439) Неизвѣстно, почему Бѣляевъ II, 412 полагаетъ, что къ этому Новгородцы были принуждены Новоторжскою партіею. Изъ лѣтописей этого не видно: напротивъ видно, что Новоторжцы дружно бились заодно съ Новгородцами. Можетъ быть Бѣляевъ такъ думаетъ по догадкамъ: Торжекъ былъ осажденъ, а потому, можетъ быть онъ полагаетъ, Новоторжцы и торопились освободиться отъ осады всякими уступками.

(440) Ник. III, 109, 110. Воскр. 186, 187. Соф. I, 206. Твер. 408. Тат. IV, 94, 95. Новг. I, 71. Новг. IV, 48. Троицк. 229. Касательно именъ ханскихъ пословъ нужно замѣтить, что имя Тайтемира встрѣчается во всѣхъ лѣтописяхъ, а имена другихъ пословъ испорчены; въ иныхъ мѣстахъ имена двухъ послѣднихъ пословъ соединены въ одно. Въ Троицк.: Тайтемерь, Махрожа, Индый; въ Ник.: Таитемиръ и Имархъ Жаниидрый. Въ Соф. I: Тайтемирь, Мархожа, Индый; въ Супрасл. рук. изд. Оболенск. въ отд. Новгор. изв. стр. 45, 46 имена пословъ: Тайтемирь, Марфоже, Инды, и т. д. Выходитъ, что можетъ быть было только 2 пословъ, а можетъ быть и трое. Въ Твер. лѣт. не названъ по имени ни одинъ посолъ. — Въ иныхъ спискахъ лѣтописей замѣчено, что Новгородцы съ кн. Аѳанасіемъ пошли въ походъ безъ черныхъ людей, напр. Ник., Новг. IV, Тат. — Въ Новг. IV замѣчено, что татарскіе послы Тайтемерь, Мархожа, Индый были въ Ростовѣ и много зла подѣяша. Количество окупа, который должны были обѣщать Новгородцы Михаилу, въ различныхъ спискахъ различно показано, въ однихъ 50000 гривенъ, а въ другихъ 5000 гривенокъ. Такъ въ Ник. и у Тат. 5000 гривенокъ серебра, а въ Соф. I, Воскр. Новг. I и Новг. IV — 50000 *гривенъ* серебра. Въ Супрасл. рук. 45, 46, въ отд. Новг. изв., сказано 5000 серебра. Бѣляевъ II, 412 принимаетъ цифру 50000. Скорѣе можно принять сумму въ 5000, потому что 50000 для того времени была сумма громадная, да и притомъ, какъ мы увидимъ, Новгородцы по новому условію даютъ Михаилу за бояръ своихъ и за кн. Аѳанасія, за котораго готовы были биться, 12000 гривенъ; если бы они прежде дали 50000, то вѣроятно теперь заплатили бы еще больше. Цифра въ 50000 по моему мнѣнію явилась въ слѣдствіе описки; а можетъ быть который нибудь составитель или переписчикъ (соотвѣтствующаго мѣста) лѣтописи сосчиталъ все вмѣстѣ — и 5000, и пограбленное Михаиломъ въ Торжкѣ, и послѣ по договору взятые 12000, подвелъ итогъ въ 50000, да такъ и помѣстилъ въ лѣтопись, а послѣ отъ него другіе переписали; а можетъ быть цифра 50000 намѣренная ошибка — можетъ быть Новгородскій лѣтописецъ изъ ненависти къ Твери увеличилъ цифру. Когда въ 1327 г. Калита и Татары раззорили Тверскую землю и Новоторжскую волость, то Новгородъ, боясь дальнѣйшаго раззоренія, прислалъ Татарамъ 2000 серебра. Новг. I, 74. Въ Тверской столкновеніе Михаила съ Новгородомъ описано коротко, и въ подробностяхъ разсказъ Твер. лѣтописи немного отличается отъ другихъ, именно въ Твер: «въ лѣто 6823. Пріиде князь великій Михайло изъ орды, а съ нимъ Татарове силніи, иде къ Торжьку съ Татары и

съ князи Суздалскими; и бишася съ Новогородци у Торжку, мѣсяца Февраля 5, и побѣди великій князь Михайло Новгородцы, и убили Новогородцевъ болѣ тысящи, и пожже пригородъ; а Новогородци иніи вбѣжаша въ Новгородъ, изъ града предашася. И повелѣ князь великій Михайло имати ихъ, и яша Аөанасія Даниловича и князя Феодора Ржавского, и бояре ихъ, и кто надобенъ князю; а иныхъ смиривъ посади, а кремль ихъ повелѣ разнести.» Здѣсь говорится о числѣ убитыхъ Новгородцевъ, о двукратномъ раззореніи Торжка (пригорода и кремля), чего въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ. Въ Ник. между прочимъ сказано: «и кони ихъ и доспѣхи ихъ, и всѣ оружие ихъ, и вся *мастеры* ихъ взя во Тверь, а *Торжекъ раззори.»* — Въ Твер. лѣт. конечно ошибочно сказано, будто битва была 5 Февр. Въ другихъ лѣтописяхъ она отнесена къ 10 Февр.; кромѣ того въ Нов. I замѣчено, что эта битва была 10 февр. на святаго мученика Харлампія, память котораго дѣйствительно празднуется 10 Февр.— Въ Новг. I, IV сказано, что послѣ Новоторжской битвы въ Новгородѣ посадничество было дано Семену Климовичу, а въ Ник. и у Тат. сказано что Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитріевичу. — Въ С. г. г. д. I, № 13, отнес. издателями къ 1317 г., въ началѣ грамоты находится имя Посадника Михаила. — Я же отношу ее ко временамъ Михаила Александровича. Кар. V, пр. 36 грамоту, помѣщенную въ С. г. г, д. I, № 13, относитъ ко временамъ Михаила Александровича. — *Откуда выѣхалъ Юрій въ Орду 15 Марта 1315 г.? Изъ Новгорода или изъ Ростова?* Въ Ник. III, 109 сказано такъ подъ годомъ 1315: «Онже (т. е. Юрій) оставивъ въ Новѣгороде брата своего Аөанасья Даниловича, и идетъ оттуда въ *Ростовъ*, а *оттуда* поиде ко царю во Орду, мѣсяца Марта въ 15 день, в суботу Лазареву.» Воскр. 186 — также. Соф. I, 206 — также. Тат. IV, 44 — также. — Въ Новг. IV, 48 такъ: «Въ лѣто 6823. Пріѣха въ Ростовъ изъ Новагорода князь Юрьи Даниловичь, и поиде въ орду съ Новгородци.» Въ Новг. I, 71: поиде князь великыи Юрьи изъ Новагорода, позванъ въ орду отъ царя, марта 15, въ суботу Лазареву, оставивъ въ Новѣгородѣ брата своего Аөанасья.» Только по одной I Новг. можно думать, что Юрій выѣхалъ изъ Новгорода 15 Марта 1315 г., тогда какъ по другимъ лѣтописямъ выходитъ, что онъ изъ Новгорода уѣхалъ раньше, а 15 марта 1315 г. выѣхалъ уже изъ Ростова въ орду. Новоторжская битва была 10 Февр. 1315 г. Если принять что Юрій выѣхалъ изъ Новгорода 15 Марта, то выходитъ что битва Новоторжская была чрезъ годъ послѣ этого, т. е. въ Февр. 1816 г., потому что его не было въ Новгородѣ. Между тѣмъ во всѣхъ лѣтописяхъ и отъѣздъ Юріевъ изъ Новгорода, и битва Новоторжская относятся къ одному и тому же году. Слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ принять такъ какъ говорится въ лѣтописяхъ, кромѣ Новгородской, т. е. что Юрій выѣхалъ 15 Мар. 1315 г. изъ Ростова, а изъ Новгорода значитъ передъ 10 Февр. того же года. Значитъ, Новоторжская битва, бывшая 10 Февр. 1315 г., происходила въ то время, когда еще Юрій былъ на Руси. Можетъ быть онъ выжидалъ чѣмъ кончится борьба Новгорода съ Михаиломъ, не будетъ ли разбитъ послѣдній? — На основаніи замѣчанія о времени отъѣзда Юрія изъ Новгорода, мнѣ кажется, что Бѣл. II, 411 ошибочно относитъ отъѣздъ Юрія изъ Новгорода къ 15 Мар. какъ видно изъ его словъ.

(441) С. г. г. д. I, № 12. Издатели относятъ этотъ договоръ къ 1317 г., но его нужно отнести или къ концу 1315 г. или къ началу 1316 г. — Бѣл. II, 412 какъ видно, относитъ его къ 1315 г. — Сол. III, 275 также относитъ къ 1315 г.

(442) Буди Андрѣевѣ дѣти, буди Машко въ дѣтми или Юрьи Калѣка и вси талщикы, а что взялъ Федоръ Юрьевичь, и Елферий Жидь Слаличь у талщиковъ и у Машка въ дѣтми; а то поиде въ ту же двѣнадчать тысячи серебра. ib. Далѣе

встрѣчается такое выраженіе: «а посаднику, и тысяцьскому и всему Новугороду, кто мои недругы, мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмъ ся имъ не мьщати. Бѣляевъ это переводитъ такъ какъ и здѣсь въ текстѣ, а Сол. III, 275 такъ: и недругамъ своимъ (князь) мстить не будетъ. — Въ Соф. I, Воскр., Новг. IV и Новг. I, 74 ординскіе торговцы, избитые въ Твери во время Щелкановщины, названы Хопыльскими гостями. Кар. IV, пр. 221 это слово объясняетъ такъ: «Ординскіе купцы, жители города Хопыля.» — Арц. II, прим. 614: Копылъ пограничное укрѣпленіе при р. Кубани, который былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ Сераскира, начальствовавшаго надъ всѣми Кубанскими Татарами вмѣсто Крымскаго Хана.» — И въ Литовскорусскомъ княжествѣ былъ городъ Копыль. Въ У. З. II отд. И. А. Н. въ лѣтоп. в. к. Лит. 39: «Того же лета на осень к. в. Витовтъ выведѣ его съ Киева и дал ему *Копыль*.» У Аристова промышл. древн. Руси, стр. 171, сказано, что «въ большихъ городахъ, какъ напр. въ Новгородѣ и Москвѣ, были гостинные ряды, различавшіеся по предметамъ торговли: рядъ *хопыльскій*, сурожскій, суконный.» Г. Аристовъ указываетъ на завѣщаніе новгородца Астафія XIV в. въ А. Ю. I, № 409. Въ этой духовной находится такое выраженіе: «А что лавка наша на *Хопылскомъ ряду* и голбецъ во Святомъ Михайлѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина.» Въ III Новг. подъ 1059 г. упоминается городъ *Копысь*, въ которомъ умеръ Новгородскій епископъ, возвращаясь изъ Кіева. Встрѣчающееся въ этой же грамотѣ выраженіе *Хопыли* Кар. IV, пр. 221 объясняетъ такъ: Ординскіе купцы, жители города Хопыля.

(443) Кар. IV, пр. 221: «Грамота же писанная въ Городкѣ на Волгѣ (нынѣ Городня близъ Твери) содержала въ себѣ, вѣроятно, договоръ Арх. Давида, заключенный имъ съ В. княземъ въ 1312 году. Сол. III, пр. 378 думаетъ, что эта грамота (въ Городкѣ на Волгѣ) утверждена была Новгородцами съ кн. Димитріемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ въ 1314 г. — Бѣл. II, 408, 409 относитъ ее къ 1312 году. Едва ли можно согласиться съ Сол., что подъ грамотой въ *Городкѣ на Волгѣ* нужно разумѣть грамоту, заключенную кн. Димитріемъ Михайловичемъ съ Новгородомъ въ 1314 г. Зачѣмъ Новгороду было хлопотать объ уничтоженіи этой грамоты, когда она была выгодна для Новгорода. Скорѣе слѣдуетъ отнести эту грамоту къ 1312 году, когда Новгородъ обязался заплатить Михаилу Ярославичу 1500 серебра. Новгородъ хотѣлъ уничтожить свои денежныя обязательства.

(444) Соф. I, 206. Воскр. 186. Новг. IV, 48.

(445) Ник. III, 111. Того же лѣта (1315) Новгородцы поидоша во орду сами о себе, и переняша ихъ Тверичи и изымаша, и приведоша ихъ во Тверь. Тат. IV, 96. — Воскр. 187: Того же лѣта поидоша Новгородци сами о себѣ въ орду, и перениме ихъ Тверичи изымаша.

(446) Ник. III, 111. Тат. IV, 96. Новг. I, 71. — Въ Соф. I, 206 сказано, что будто бы Игнатъ и Данило были убиты тогда, когда Михаилъ послѣ своего похода на Новгородъ, въ томъ же 1316 г. возвращался въ Тверь, а именно: того же лѣта не дошедшю в. к. Михаилу до города Тфѣри, Новгородци же яша Игната Бѣска и т. д. — А въ Новг. I такъ: Того же лѣта, еще не дошедшю князю Михаилу до города, яша Игната Бѣска и т. д. — Т. е. Михаилъ еще не успѣлъ дойти до города Новгорода.

(447) По однимъ лѣтописямъ сами выѣхали, напр. Соф. I, 206; Новг. I, 71; а по другимъ были выгнаны, именно Ник. III, 111; Воскр. 187. Тат. IV, 96. — Въ Новг. IV, 48 сказано, что самъ кн. Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода. Оттого здѣсь въ текстѣ и сказано, что намѣстники *должны были оставить* Новгородъ.

(448) Только въ одной Ник. III, 111 находится разсказъ о походѣ Михаила сперва въ 1316 г. на Торжекъ. По всему видно, что это долженъ быть сокращенный и нѣсколько переиначенный разсказъ о походѣ на Торжекъ въ 1315 г. — Подобное же повтореніе съ нѣкоторыми незначительными отмѣнами находится въ Ник. и далѣе въ разсказѣ о нашествіи кор. Магнуса на Новгородъ въ 1348 г. Такъ въ Ник. III, 185 подъ годомъ 1346 помѣщено только начало разсказа о нашествіи Магнуса (именно о приходѣ его пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ пренія о вѣрѣ и отвѣтъ владыки Василія съ Новгородцами на это предложеніе), а подъ 1347 г. помѣщено то же самое начало, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а затѣмъ и окончаніе. Или въ Ник. IV, 239, 241, объ одной и той же поѣздкѣ Василья Дмитріевича въ орду говорится два раза — сперва подробнѣе, а потомъ сокращенно. Такое повтореніе однихъ и тѣхъ же извѣстій въ нашихъ лѣтописяхъ конечно зависитъ отъ ихъ составнаго характера.

(449) Устьяны — близь Ильменя при впаденіи р. Полы въ Ловать. См. карту Неволина при пят. и погост. Новг.

(450) Такое объясненіе отступленія находится только у Татищева, но съ нимъ вполнѣ должно согласиться. Конечно, Михаилъ слѣдилъ затѣмъ что дѣлаетъ Юрій въ ордѣ, и безъ сомнѣнія въ свое время узналъ, что Московскій князь, успѣвшій въ ордѣ, идетъ на Тверь. Конечно, Михаилу обо всемъ давали знать, и на этотъ разъ послали къ Новгороду извѣстіе о готовящемся нападеніи Московскаго князя. Сол. III, 276 также принимаетъ это объясненіе, основываясь на Татищевѣ. Тат. IV, 96: слыша же яко Юрій Московскій готовится нань со братіею хотяще волость его погубити, возвратися во Тверь.

(451) Воскр. 187. Соф. I, 206. Новг. I, 71. Новг. IV, 48. Тат. IV, 96. У Тат. вмѣсто *Устьяны* ошибочно сказано *усть Цны*. Въ Твер. лѣт. 408 замѣчено объ этомъ походѣ довольно коротко: Того же лѣта (1316) князь великій Михайло, поимъ воа многы, иде къ Новугороду; и зли вожи заведоша въ лихаа мѣста, и князь великій възвратися, и многа пакость бысть полку его. — По Ник. III, 112 выходитъ, что войско Михаилове начало сильно страдать еще тогда когда шло на Новгородъ, съ чѣмъ нельзя согласиться, потому что въ такомъ случаѣ оно бы не дошло до Ильменя, а повернуло бы домой раньше.

(452) Соф. I, 206. Воскр. 187. Новг. I, 72. Въ одной только Твер. 409 находится извѣстіе, что Владыка Давыдъ и князь Михаилъ помирились на 5000 рубляхъ: «Того же лѣта (1316) пріиха владика Давыдъ въ Тверь просити Новогородцевь на окупъ; и кончаша съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ пятью тысячь рублевь.»

(453) Сол. III, 276.

(454) Самому Узбеку было тогда 18 лѣтъ. Гаммеръ, 287. — Сол. IV, 143: Новгородцы, стѣсненные Михаиломъ, обращаются къ Юрію Московскому, и нѣтъ сомнѣнія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣднему успѣть въ ордѣ и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ, что и было причиною гибели Михаиловой.

(455) Имена другихъ 2 пословъ были: Астрабилъ и Остревъ. Не тотъ ли это былъ Кавгадый, который въ 1281 г. съ Андреемъ Александровичемъ Городецкимъ приходилъ на Русь противъ Димитрія Александровича. Гаммеръ, стр. 287, имена пословъ пишетъ такимъ образомъ: Kawghadui, Astrabil und Ostrew (Chosrew).

(456) Твер. 409. Однѣ лѣтописи говорятъ, что Михаилъ уступилъ Юрію: Соф. I, 208. Воскр. 189. Твер. 409; а другія на оборотъ, что Юрій уступилъ Михаилу: Ник. III, 111. Тат. IV, 97. Что уступилъ Михаилъ, это подтверждается и тѣмъ об-

стоятельствомъ, что Кавгадый, принимавшій здѣсь какъ видно горячее участіе, конечно благопріятствовалъ Юрію, и совѣтовалъ Михаилу уступить.

(457) Судя по лѣтописямъ Михаилъ сказалъ такъ: «брате! аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на вел. княженіи, а въ мою норишнину не вступайся.» Если только это такъ было сказано. Соф. I, 208. Воскр. 189.

(458) Но у Тат. IV, 97 сказано, что Юрій пошелъ въ Москву. Но онъ изъ Москвы могъ вернуться въ Кострому.

(459) У Кар. IV, пр. 227, въ Троицкой: «а князя Ивана Даниловича, брата своего, послалъ (Юрій) въ Новгородъ Великій по Новгородци.»

(460) Въ то же время пріидоша Новогородци въ Торжекь на в. к. Михаила, въ помощь Юрію князю; и стоаша 6 недѣль въ Торжьку, ссылающеся съ Юріемъ княземъ, срекаа срокъ, како поити Юрію князю отъ Волоку, и Новогородцемъ отъ Торжку. Выидоша Новогородци ис Торжьку, почаша воевати по рубежу; а в. к. Михайло, не дождався срока ихъ, поиде противу имъ, и бысть поторжька не мала, убиша Новогородцовъ 200, и почаша слати къ великому князю Михаилу съ челобитіемъ, и вземше миръ поидоша въ Новгородъ. Твер. 409. И докончаша съ княземъ Михаиломъ: како не вступатися ни по одиномъ. Новг. I, 72. Новг. IV, 49. Соф. I, 207. Воскр. 188. Супрасл. рукоп. изд Оболен. стр. 46, 47.

(461) Такъ замѣчено именно въ Новг. I, 72; въ Соф. I, 207; въ Воскр. 188. Но въ Новг. IV, 49 такой замѣтки не сдѣлано. Но можетъ быть Новогородцы хотя и ссылалися съ к. Юріемъ, но не нашли его? Едва ли. Юрій пробылъ въ Тверской землѣ три мѣсяца, а Новгородцы у Торжка шесть недѣль.

(462) Въ Соф. I, 208 и въ Воскр. 190 сказано, что у Юрія были Татары, Бесермены и Мордва.

(463) Твер. 409.

(464) Соф. I, 208. Воскр. 190.

(465) Соф. I, 208, 209. Воскр. 190.

(466) Сила Кашина замѣтна еще раньше. Еще въ 1288 г. онъ выдержалъ девятидневную осаду союзныхъ войскъ — Дмитрія Переяславскаго, Андрея Городецкаго, Даніила Московскаго, Дмитрія Ростовскаго и Новгородцевъ; Кашинъ выдержалъ осаду и не сдался. Въ статьѣ *Церковно-историческая критика въ XVII в.* Костомарова (В. Е. 1870. Апр. 482) между прочимъ говорится слѣдующее: «Въ Тверской землѣ въ XIV в. сталъ возвышаться Кашинъ. Въ 1326 году, лѣтописецъ, разсказывая о нападеніи Ивана Даниловича Московскаго на тверскую землю съ татарами, говоритъ: идоша по повелѣнію Цареву и взяша градъ Тверь и Кашинъ и протчая грады тверской волости. (Ник. 138). Здѣсь Кашинъ упомянутъ одинъ только въ ряду *протчихъ* градовъ: видно, что онъ тогда болѣе другихъ пользовался значеніемъ въ тверской землѣ; иначе-бы лѣтописецъ кромѣ города Твери, не назвалъ бы никакого города или же поименовалъ бы еще другіе, считавшіеся тверскими пригородами.» По Твер. лѣт. 409 значеніе Кашина замѣчается почти 10 годами ранѣе, именно въ 1317 г. Въ томъ же 1317 г. имя Кашина встрѣчается въ первый разъ и въ грамотахъ, именно въ договорной грамотѣ Юрія Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ и Новгородомъ, см. С. г. г. д I, № 14. Въ Ник. II, 376 Кашинъ упоминается въ первый разъ подъ 1237 г. при разсказѣ о нашествіи Батыя.

(467) Село Бортенево близь р. Шоши, Стариц. у. въ 32 верст. отъ Старицы.

(468) По Чингисъ-Хановой Ясѣ казнится смертію тотъ, кто найдетъ бѣглаго раба или плѣнника и не возвратитъ его хозяину. Березинъ, очеркъ внутр. устр.

улуса Джучіева, въ труд. вост. отд. Арх. Общ. VIII, 409, 410. Постановленія Чингисъ-Хановы у D'Ohsson, Histoire des Mongols. 1834. I, 408—412. Чингисъ-Ханова Яса у Гаммера Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, 1840, 182—202. Михаилъ, отбивая плѣнныхъ у Татаръ, не становился ли чрезъ то самое въ глазахъ Татаръ виновнымъ въ нарушеніи Ясы. — Въ Ник. III, 114; Степ. кн. 428 и у Тат. IV, 98 сказано, что Михаилъ плѣнилъ также и какихъ-то Татаръ: «и Татаръ изымаша и ведоша во Тверь.» — Соф. I, 209: «Самому же князю Михаилу видѣти досьѣхъ своѣй весь извенъ, на тѣлеси же его не бысть никоеяже раны.» Также Воскр. 190.

(469) Выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей, что Кавгадый велѣлъ *дружинѣ* своей бросить стяги — не указываетъ ли на то, что съ Кавгадыемъ была не сильная Татарская рать, а только отрядъ Татаръ, что-то въ родѣ посольской свиты.

(470) Ник. III, 114. Тат. IV, 99.

(471) Въ Ник. III, 114 и у Тат. IV, 99 сказано, что Юрій съ Новгородцами пришелъ на *бродъ* къ Волгѣ. Въ Твер. 410: пріиде кн. Юрій съ Новгородци къ *Броду*. Въ Соф. I, 209 сказано, что Михаилъ встрѣтилъ ихъ у *Синеевскаго*. Также Воскр. 191. — *Бродъ*, — изъ трехъ мѣстностей этого имени въ Твер. губ. есть нынѣ деревня Бродъ Стар. у. при р. Волгѣ въ 30 верст. отъ Старицы. Списки нас. м. Тв. г.

(472) С. г. г. д. I, № 14. Къ сожалѣнію эта грамота очень ветха, въ ней во многихъ мѣстахъ недостаетъ словъ, и потому нельзя возстановить точный смыслъ нѣкоторыхъ выраженій; что же касается условія о захваченныхъ селахъ, то смыслъ этихъ выраженій можно возстановить приблизительно, принимая во вниманіе подобныя мѣста въ грамотахъ подъ №№ 6, 7, 10. — Жаль, что нельзя прочесть въ грамотѣ — съ какими сосѣдними Новгородскими землями разграничивался Кашинъ.

(473) Объ этой войнѣ 1317 г. Михаила съ Юріемъ, по возвращеніи послѣдняго изъ орды, см. Твер. лѣт. 409, 410. Соф. I, 207, 208, 209. Воскр. 188—191. Ник. III, 112—114. Тат. IV, 96—99. Новг. I, 72. Новг. IV, 48, 49. Супрасл. изд. Обол. 46, 47. Тверская лѣтопись, кажется, точнѣе другихъ разсказываетъ эти событія и ея извѣстія здѣсь нужно поставить на первомъ планѣ. — О плѣнѣ Кончаки при Бортеневѣ и о ея смерти въ Твери въ лѣтописяхъ встрѣчаются извѣстія довольно сбивчивыя. Вотъ онѣ. Соф. I, 207: «А брата его князя Бориса и княгыню его руками яша и приведоша во Тфѣрь и тамо уморища князя Бориса, а княгиню Юріеву *же убиша*.» Воскр. 188: А брата его князя Бориса руками яша и княгиню Юрьеву Кончака яша, и поведоша ихъ во Тверь, и тамо зеліемъ *уморена* бысть великая княгини Кончакъ, сестра царева, нареченная во святомъ крещеніи Агаѳья; и везоша ея со Твери въ Ростовъ. Ник. III, 114: А великую его княгиню Кончаку изымаша, иже бѣ сестра Азбяка Царя ординского.......... А Юрьева княгиня сестра Азбяка Царя ординского во Твери *умре*. Инниижъ глаголютъ, яко тамо во Твери зеліемъ *уморена* бысть Кончака великая Княгини Юрьева сестра царева, нареченная во святемъ крещеніи и Агаѳия, и везоша тѣло ея изо Твери в Ростовъ. Тат. IV, 98: А Княгиню его Кончаку изымаше, иже бѣ сестра Азбяка Хана ординского...... А Юрьева Княгиня, сестра Азбяка Хана во Твери *умре*, и инніи глаголютъ яко тамо во Твери зеліемъ *уморена* бысть; и сіе большую бѣду князю великому притвори; тѣло же ея везоша изъ Твери въ Ростовъ. Новг. I, 72: А брата его Бориса и княгыню Юрьеву яша и приведоша во Тферь, тамо ю и смерти предаша. Новг. IV, 49: А брата его Бориса и княгиню его яша руками и въ Тфери *умориша*, а Кончака ведоша на Тферь и *умре* тамо. Супрасл. изд. Обол. въ отд. Новгор. изв. 47: И пособи Богъ князю Михаилу и много мужии побиша ѿ князи Юрьи, а брата его Бо-

риса и княгину его изымаша и в Тфери его уморища, и Кончака царева ведоша из Тферь и оумре тамо. Въ Тверской лѣтописи говорится только о плѣненіи Кончаки, но ничего не говорится ни о ея насильственной смерти, ни о мѣстѣ погребенія, ни объ обвиненіи Михаила въ ордѣ въ смерти Кончаки.—На основаніи лѣтописныхъ извѣстій даже нельзя сказать, когда умерла Кончака? Сейчасъ ли послѣ Бортеневской битвы, или послѣ переговоровъ у Синеевскаго. — И отчего тѣло Кончаки отвезли въ Ростовъ? Первая супруга Юрьева была изъ Ростова. Троицк. 228 и Воскр. 181 подъ годомъ 1297. — А можетъ быть потому что Глѣбъ Васильковичъ († 1278) Бѣлозерскій, княжившій одно время въ Ростовѣ, и также его племянникъ Константинъ Борисовичъ Ростовскій — оба женилися въ ордѣ. Троицк. 226, 228. По нѣкоторымъ извѣстіямъ выходитъ, что тѣло Кончаки отвезли изъ Твери въ Ростовъ послѣ того какъ убили въ ордѣ князя Михаила и его тѣло привезли съ Москвы въ Тверь. Троицк. 229. Соф. I, 215. Воскр. 198. Новг. IV, 49 подъ 6827 годомъ. Гаммеръ полагаетъ (стр. 292), что трупъ Михаила былъ отданъ въ обмѣнъ на трупъ Кончаки: Er (т. е. Юрій) gewährte den Söhnen des unglücklichen Michael des Vaters Leichnam gegen den seiner Gemahlin Kontschak, der Schwester Usbeg's. Ham. 292. Кар. IV, 121 также: «Георгій согласился (отдать тѣло Михаила) съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой.» Щерб. III, 291, также полагаетъ, что трупъ Кончаки былъ отданъ за тѣло Михайлово. Объ освобожденіи плѣнныхъ послѣ переговоровъ у Синеевскаго говорится только въ Соф. и въ двухъ Новгородскихъ, да и то различно. Соф. I, 207: А брата великого князя Юріа Даниловича князя Бориса и княгыню великую княжу Юріеву пустити. Новг. I, 72: А брата Юрьева и княгиню пустити. Въ Новг. IV, 49 полнѣе: А брата Юрьева Афанасья и Новгородцевъ отпусти Михайло съ Твери, что въ изниманьи были. А въ прим. на этой страницѣ Новг. лѣтописи сказано, что во всѣхъ спискахъ четвертой Новгородской, кромѣ Хрон. Синод. Библ. говорится такъ: «а братью Юрьеву и Новгородцевъ отпусти Михайло съ Тфери, что въ изнимяньи были.» Это извѣстіе четвертой Новгородской кажется извѣстіе вполнѣ достовѣрное; ни откуда не видно, чтобы кн. Афанасій Даниловичъ и Новгородскіе бояре, захваченные въ Торжкѣ 1315 г., были освобождены ранѣе переговоровъ у Синеевскаго. Да и въ договорной грамотѣ Юрія съ Михаиломъ и Новгородомъ (С. г. г. д. I, № 14), сколько можно судить по сохранившимся словамъ, говорится объ отпускѣ плѣнныхъ безъ окупа, а именно: «а головы...... имали въ полку и...... то попущати безъ окупа.» Точками обозначены несохранившіяся слова. Супрасл. рук изд. кн. Оболенскимъ въ 1836 г., въ отдѣлѣ Новгородскихъ извѣстій стр. 46, 47 подъ 1317 г. сказано также, какъ и въ Новг. IV, а именно: Пріехавша на Волгу, докончаша миръ съ княземъ Михайломъ: ити имъ обѣма въ орду: а брата князя Юрьева Афанасіа и Новгородцевъ отпусти князь Михайло съ Тфери, что сѣдили въ тали.

(474) Ник. III, 114. Тат. IV, 99. Соф. I, 209. Воскр. 191. Твер 410.

(475) Ник. III, 115. Тат. IV, 100. Твер. 410. Въ этихъ (Ник. и Тат.) говорится, что Юрій дѣйствовалъ по *совѣту* Кавгадыя, а въ другихъ сказано по его *приказанію*.

(476) Впрочемъ, это извѣстіе находится только въ спискѣ кн. Оболенскаго: «и написаша много лжесвѣдѣтельства на блаженаго великого князя Михаила.» Соф. I, 209 — между скобками. Но далѣе въ разсказѣ о судѣ надъ Михаиломъ въ Соф. I, 210 и Воскр. 192 говорится, что ордынскіе князья имѣли предъ собою многія грамоты со многимъ замышленіемъ на кн. Михаила.

(477) А что у Кавгадыя были въ ордѣ враги, на это намекаетъ выраженіе Татарскаго посла Ахмыла, предупредившаго Михаила и сказавшаго ему, что его *обомалъ* Кавгадый передъ ханомъ. Тат. IV, 101. Соф. I, 210. Воскр. 191.

(478) Ник. Ш, 115. Тат IV, 100. Твер. 410, 411. Кавгадый могъ привести такое обвиненіе, а ханъ повѣрить, потому что лѣтъ 65 назадъ, послѣ несчастной Переяславской битвы, Андрей Ярославичь бѣжалъ въ Швецію, а его союзникъ и братъ Ярославъ Ярославичь Тверской (отецъ Михаила Тверскаго) бѣжалъ въ Ладогу.

(479) Тат. IV, 100. Ник. Ш, 115. Твер 411.

(480) Такъ замѣчено у Тат. IV, 100: „И Кавгадый боялся, да не како князь великій пришедъ оправдится.......»

(481) Ник. Ш, 115. Тат: IV, 100.

(482) Тат. IV, 101. Соф. I, 210. Воскр. 191. О событіяхъ послѣ переговоровъ у Брода до отъѣзда Михаила въ орду, см. Ник. Ш, 114, 115. Тат. IV, 99, 100. Соф. I, 209. Воскр. 191. Твер. 410, 411.

(483) По Ник. Ш, 116 онъ выѣхалъ 5 Авг., а по Тат. IV, 100 выѣхалъ онъ 30 Авг. Сказаніе о пребываніи и смерти Михаила въ ордѣ помѣщено въ видѣ особаго разсказа въ Соф. I, 207—215; Воскр. 188—197. Степен. кн. 425—438. Кромѣ того разсказъ о томъ, но не столь длинный, находится въ Твер. 410—413; Ник. Ш, 116—123; Тат. IV, 100—108. Въ Соф. и Воскр. этотъ разсказъ составляетъ особую біографію Михаила, въ которой разсказаны отношенія или споръ Юрія и Михаила и до поѣздки въ орду, а въ другихъ лѣтописяхъ разсказъ начинается прямо съ отъѣзда Юрія въ орду. (Въ Степ. книгѣ разсказъ о Михаилѣ озаглавленъ такъ: Страданіе за Христіаны во ордѣ, блаженнаго в. князя Михаила Ярославича Тверскаго. Въ Публ. Библ. въ рук. сборн. № 83, л, 30 есть: «Страданіе за Христіаны въ ордѣ великаго князя Михаила Ярославича Тферскаго» почеркъ XVII в. Это сказаніе совершенно такое же какъ и извѣстныя печатныя. Если сравнить это сказаніе съ напечатаннымъ въ Соф. I, то въ рукописномъ, сравнительно съ печатнымъ, окажется пропускъ нѣкоторыхъ незначительныхъ фразъ, а также замѣтится, что переписчикъ не разобралъ нѣкоторыхъ словъ въ своемъ оригиналѣ. Такъ напр. выраженіе Соф. I *горы высокія Яссkія* у него написано такъ: *вся грады высокія Яськія.* — Ключевскій, Древнерусскія житія Святыхъ. Здѣсь авторъ, говоря о житіи Михаила, замѣчаетъ, что повѣсть о Михаилѣ, помѣщенная въ Соф. и Воскр. лѣтописяхъ, — передѣлка XV в., а не первоначальное сказаніе, написанное современникомъ. Хронологическое отношеніе этого сказанія къ редакціи XV в. можно видѣть изъ сличенія одного мѣста въ нихъ. Современникъ замѣчаетъ въ разсказѣ о первой поѣздкѣ Михаила въ орду: «*якоже обычай есть* взимати тамо великое княженіе.» Указанная позднѣйшая редакція должна была уже измѣнить это выраженіе: «якоже и прежебывшіи его князи имяху обычай тамо взимать великое княженіе.» Далѣе замѣчаетъ г. Ключевскій слѣдующее: «встрѣчаемъ въ сказаніи слѣды автора: въ ночь по убіеніи Михаила многіе вѣрные и невѣрные видѣли два свѣтлыя облака надъ тѣломъ его, «еже исповѣдаху намъ со слезами и со многими клятвами»; въ гор. Бездежѣ, гдѣ останавливались съ тѣломъ на пути въ Москву, одинъ сторожъ былъ чудесно наказанъ за неуваженіе къ мощамъ святаго и «пришедъ исповѣда ту (въ Бездежѣ была церковь) іереови бывшая ему, отъ него же слышавше написахомъ» Сказавъ, что убитаго князя отвезли на ночь за р. Адежь, «еже зовется горесть», повѣсть замѣчаетъ: «горесть бо и бѣ, братіе, тогда въ той часъ, таковую видѣвши нужную смерть господина своего.» Въ этихъ словахъ сказывается очевидецъ смерти Михаила, бывшій спутникомъ его въ орду, но не сопровождавшій его тѣла оттуда. Г. Ключевскій также

полагаетъ, что можно подозрѣвать автора въ игуменѣ Александрѣ или въ одномъ изъ поповъ, сопровождавшихъ Михаила. Ключевскій, стр. 71, 72, прим. 1.

(484) Р. Нерль впадаетъ съ правой стороны въ Волгу между Калязинымъ и Кимрами.

(485) Тат. IV, 101. Соф. I, 210. Воскр. 191.

(486) Ключевскій замѣчаетъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ Тверской князь выступаетъ величественной фигурой; на его сторонѣ право и великодушіе. Ключ. 73.

(487) Соф. I, 210. Воскр. 192. У Тат. IV, 101 такъ: «и ту утверди чада своя, даде имъ завѣтъ писаніемъ како по немъ подѣлити отчину, и отпусти чада своя, а самъ иде. Калита боялся хановъ; идя въ орду пишетъ духовную грамоту. Такъ и Михаилъ, не зная что съ нимъ будетъ, распоряжается своимъ княжествомъ.

(488) Соф. I, 210; Воскр. 192; Твер. 411; Ник. III, 116 и Тат. IV, 101. Извѣстно, какимъ большимъ вліяніемъ пользовались ханскія жены. Ханши могли не только покровительствовать предъ ханомъ, но могли давать отъ себя ярлыки, увеличивать или уменьшать подати какого либо сословія или лица, подтверждать власть за правителями. Такъ ханскіе послы, возведшіе кн. Бориса на княженіе Нижегородское, въ 1365 г. присланы были отъ хана и отъ царицы Асанъ. Супруга Джани-Бека, Тайдула, давала льготные ярлыки, освобождавшіе отъ подати Русское духовенство. Но участіе царицъ въ правленіи подчинялось волѣ хана; ярлыкъ Тайдулы начинается словами: «по Чанибекову ярлыку Тайдулино слово.» Очеркъ внутр. состоянія Кипчакскаго царства, Саблукова. Саратов. губ. вѣд. 1844.

(489) У Тат. IV, 101 замѣчено, что тогда орда была у моря Хвалынскаго: Бывшу же Михайлу въ ордѣ у хана полтора мѣсяца и пришедшу въ гору къ морю Хвалынскому въ Сарай, а Кавгадый хану безпрестанно клеветаше на него.

(490) Князьями у Монголовъ назывались всѣ потомки владѣтельнаго дома..... Ордынскими князьями назывались тѣ, которые жили при дворѣ Государевомъ, т. е. въ ордѣ, и были ближайшими соучастниками правленія, совѣтниками и помощниками хана. Объ нихъ, вѣроятно, говорится въ Монгольской исторіи при каждомъ новомъ избраніи хана...... Въ Русскихъ же лѣтописяхъ таковыхъ князей прямо называютъ ордынскими и выставляютъ ихъ участниками въ правленіи. Бѣляевъ, о Монгольскихъ чиновникахъ на Руси въ Арх. истор.-юрид. свѣденій, относящихся до Россіи. Кн. I, стр. 100, 101. Г. Костомаровъ полагаетъ, что хотя въ сказаніяхъ объ убіеніи Михаила эти князья называются ордынскими, но слово «ордынскіе» прибавлено послѣ, и здѣсь рѣчь идётъ о русскихъ князьяхъ. Рус. ист. въ жизнеоп. 1873, стр. 180. — Если въ сказаніяхъ эти князья не всегда называются ордынскими, то за то Узбекъ называетъ ихъ *своими* Такъ напр. въ Твер. Узбекъ приказываетъ *своимъ* радцамъ судить Михаила. Въ Соф. I и Воскр. ханъ приказываетъ *своимъ* князьямъ судить Михаила, а далѣе эти князья называются ордынскими. Въ Ник. и у Тат. Узбекъ приказываетъ *своимъ* князьямъ судить Михаила.

(491) И покладаху многы грамоты со многымъ замышленіемъ на князя Михаила. Соф. I, 210. Воскр. 192. Карамзинъ IV, 113 пишетъ, что это были письменные доносы многихъ *Баскаковъ*, обвинявшихъ его, Михаила, въ томъ, что онъ не платилъ хану всей опредѣленной дани. Но ни откуда не видно, чтобы это были письменные доносы *баскаковъ*.

(492) По свидѣтельству Ник. III, 116 и Тат. IV, 102 Кавгадый между прочимъ сказалъ хану: «на меня ханъ положись...... мы не хотимъ видѣть, великій ханъ, какъ тебя обижаютъ, а насъ твоихъ князей поносятъ; наше безчестье есть вмѣстѣ съ тѣмъ и твое безчестье, а твоя слава и честь — наши и всей орды.

(493) И казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ еси, прибавлено въ Ник. III, 117 и у Тат. IV, 103.

(494) Михаилъ какими-то письменными доказательствами подтверждалъ, что онъ много сокровищъ передавалъ хану и князьямъ. «Благовѣрный же кн. Михайло со многымъ свидѣтельствомъ глаголаше: «колико сокровищъ издавалъ есмь цареви и княземъ», все бо исписано имѣяше.» Соф. I, 211. Воскр. 192. Дмитрій Грозныя Очи въ послѣдствіе времени показывалъ хану *ерлыки* Юрьевы на сребро. Тат. IV, 111.

(495) Ханъ сказалъ князьямъ, что если справедливы ихъ обвиненія, то пусть сотворятъ по суду своему. Ник. III, 117. Тат. IV, 103.

(496) Ник. III, 117, 118. Тат. IV, 103, 104. Къ нему приставили *седмь стражей* отъ семи великихъ князей, *а иныхъ и числа нѣсть*. ib, а также Соф. I, 211; Воскр. 192. Въ Соф. и Воскр. прибавлено, что ему на ночь забивали руки въ той же колодѣ, которая была на шеѣ. У Тат. IV, 104 сказано, что отъ него прогнали его слугъ, а въ Ник. III, 118 прибавлено, что ихъ даже и били; въ Соф. I, 211 и въ Воскр. 192 говорится, что разграбили его платье, что отъ него не только прогнали съ побоями всѣхъ его бояръ и слугъ, но также и отца его игумена Александра, и Михаилъ остался одинъ въ рукахъ враговъ своихъ. Кажется, что это ничто иное какъ прикрасы, при помощи которыхъ лѣтописцы хотѣли какъ можно суровѣе выставить поведеніе Татаръ и какъ можно трогательнѣе представить положеніе Михаила. Нѣсколько строкъ далѣе (въ Соф. и Воскр.) говорится, что когда князь читалъ псалтырь, то отрокъ перевертывалъ предъ нимъ листы; затѣмъ говорится, что князь утѣшалъ своихъ бояръ и слугъ словами сладкими и веселыми, что его слуги подали ему стулецъ для отдыха. Татары не могли рѣшиться и на насиліе относительно духовнаго лица — игумена бывшаго съ Михаиломъ въ ордѣ; яса, предписывающая вѣротерпимость, не была отмѣнена у Татаръ и по принятіи ими Магометанства. Притомъ въ Ник. III, 119 и у Тат. IV, 105 прямо говорится, что стража царева и всѣхъ князей не возбраняла ему, т. е. Михаилу, ничего, что требуется Христіанскимъ закономъ, а въ Соф. I, Воскр., Ник. и у Тат. кромѣ того говорится, что съ нимъ былъ игуменъ да два попа до самой его кончины. Игуменъ, бывшій съ Михаиломъ въ ордѣ, въ Соф. и Воскр. названъ Александромъ, а въ Ник. и у Тат. Маркомъ.

(497) Гаммеръ, 290, 291. Die russischen Geschichtsschreiber, deren Aufmerksamkeit der Martyrtod Michael's vorzüglich in Anspruch nimmt, und die des Aufenthaltes Usbeg's in der Nähe von Derbent nur als der Martyrstätte erwähnen, nehmen und geben von dem Beweggrunde des Zuges des Chanes keine andere Kunde, als die einer grossen Jagd. Näheren Aufschluss geben uns hierüber die gleichzeitigen persischen Geschichtsschreiber Wassaf, dessen Geschichte in diesem Jahre schliesst, und die vier späteren, Abderresak, Mirchuand, Chuandemir und Ghaffari. Im Winter des Jahres 718, d. i. 1319, desselben, in welchem die russischen Geschichten mit so umständlichen Daten den Martyrtod Michael's erzählen, erhielt Chan Abusaid, der mongolische Beherrscher Iran's, Kunde, dass Usbeg mit Heeresmacht von Derbent einzufallen drohe. — А во время похода ханъ могъ заниматься и охотою, потому что время тогда было къ тому удобное. Le commencement de l'hiver était la saison de la grande chasse. D'Ohsson, I, 404.

(498) Въ лѣтописяхъ Соф. Воскр. Ник. Тат., кромѣ Тверской, говорится, что его повели за ханомъ «на ловы». Вообще, весь разсказъ о пребываніи и убіеніи Михаила въ ордѣ въ Твер. лѣт. изложенъ проще и короче, нежели въ другихъ лѣтописяхъ.

(499) Изъ ясы по Макризи, см. Исторію Монголовъ (Хондемира). Отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана. Переводъ съ Персидскаго. (В. В. Григорьева.) Спб. 1834. D'Ohsson, I, 389.

(500) Ник. III, 118. Тат. IV, 104. Въ Соф. I, 212 сказано такъ: и много словеса изорче досадна праведному. Также и въ Воскр. 194, но безъ прибавки слова *досадна*.

(501) Соф. I, 212. Воскр. 194.

(502) Такъ изложено публичное объявленіе смертнаго приговора въ Ник. III, 118 и у Тат. IV, 104; въ Твер. о немъ не говорится ни слова, а въ Соф. I и Воскр. оно представлено въ видѣ какого-то издѣванія надъ Михаиломъ со стороны Кавгадыя. По этимъ лѣтописямъ Кавгадый собственно даже и не объявилъ ему смертнаго приговора, а велѣвши поставить его предъ собою на колѣна, сказалъ ему: «знай, Михаилъ, таковъ царевъ обычай, что если будетъ ему на кого гнѣвъ, хоть бы на своего племянника, то также дерево кладутъ на него; когда же гнѣвъ минетъ, то вводитъ его въ прежнюю честь; завтра или послѣ завтра эта тягота будетъ снята съ тебя и ты будешь въ большой чести.» Затѣмъ Кавгадый велѣлъ одному изъ сторожей поддержать на немъ колоду, чтобы она ему не отдавила плечь, а потомъ отвести прочь. Михаилъ усталъ, и спросилъ у своихъ слугъ *стулецъ*, чтобы отдохнуть; такъ какъ множество собравшагося народа смотрѣло на князя, то одинъ изъ его слугъ посовѣтовалъ ему уйти въ свою вежу. — Въ Соф. и Воскр. также разсказывается, что слуги его приготовили проводниковъ и коней, чтобы бѣжать въ горы во время пути, но князь отказался сказавши, какая же будетъ ему слава, если онъ самъ убѣжитъ, а слугъ своихъ оставитъ въ такой бѣдѣ. (Если правда, что были приготовлены люди и кони для побѣга, то значитъ присмотръ за княземъ былъ не очень строгъ.) — Вѣстн. Евр. 1874. Іюль, въ ст. П. А. Ровинскаго «Мои странствованія по Монголіи» стр. 280: «Преступниковъ тамъ (въ Ургѣ у Монголовъ) содержатъ такъ: послѣ разнаго рода истязаній при выпытываніи, ихъ сажаютъ въ колодки и цѣпи, едва кормятъ, и почти не одѣваютъ, а только передъ казнью даютъ имъ вдоволь ѣсть и даже поятъ водкой.»

(503) Лѣтописи такъ опредѣляютъ мѣстность: за рѣкою Терекомъ, у града Тетякова, на рѣкѣ Севенцѣ (нынѣ Сунджа), близъ Вратъ Желѣзныхъ (Дербентъ).

(504) Въ Соф. I, 213 и Воскр. сказано слѣдующее: «по семъ же присѣдящю у него сыну его князю Костянтину, онъ же приказываше ко княгинѣ и ко сынома своима про отчину свою, и про бояре, и про тѣхъ иже съ нимъ быша и до меньшихъ, не веля презрѣти ихъ.

(505) Въ Ник. III, 128 подъ 1324 г.: Царица Азбякова умрѣ во орде, именемъ *Баялынь*. La khâtoûn Beïaloûn (супруга Узбека), fille du roi des Grecs. Société Asiatique. Collection d'ouvrages orientaux. Ibn Batoutah, стр 406, 411. Не она ли обѣщала свою поддержку Михаилу?

(506) И Татаръ его, бѣ бо и Татаръ тогда много у него служащих ему. Ник. III, 121; Тат. IV, 107.

(507) Roman, ein Russe oder Grieche, замѣчаетъ Гаммеръ стр. 289 про убійцу Михаилова.

(508) Въ Ник. и у Тат. называется еще одинъ изъ убійцъ, родомъ Русскій, именемъ Иванецъ: «и се нѣкто Иванецъ, вземъ за уши біяше главою о землю, глаголя къ нему сице: скокливъ еси и поспѣшенъ.»

(509) Въ Ник. III, 121: Вежу жу его разграбиша Русь и Татарове; всѣхъ сущих съ нимъ Христіанъ и Татаръ, служащихъ ему, имающе изообнажаху нагихъ и

влачаху, терзающе яко злодѣевъ, и разведше поковаша. — У Тат. IV, 107: Вежу же его разграбиша, а Русь и Татаръ всѣхъ сущихъ съ нимъ, служащихъ ему, имающе и изобнажаху, и нагихъ влачаху терзающе яко злодѣевъ и разведше поковаше. — Соф. I, 214 и Воскр. 196: Вежу же блаженнаго разграбиша Русь и Татарове, а честное тѣло его повергоша наго. — Въ Твер. ничего не говорится про грабежъ вежи и свиты Михаиловой. — Смерть Михаила отнесена къ 22 Нояб. 6827 г. въ Ник., у Тат., въ Соф. I, Воскр., Новг. I и Новг. IV. По счисленію съ Января 22 Нояб. 6827 приходится на 1318 г. Въ Твер. же и Троицк. отнесено къ 6826 г.

(510) Соф. I, 214. Воскр. 196. — Князья — могли быть ордынскіе; могли быть вмѣстѣ съ ними здѣсь и Русскіе, поѣхавшіе въ орду вмѣстѣ съ Юріемъ и Кавгадыемъ.

(511) Городище на р. Кумѣ. О слѣдахъ Христ. на Кавказѣ статья Фирковича. См. Зап. Арх. Общ. Т. IX, вып. I 1857. — Фирковича, арх. развѣдки на Кавказѣ Стр. 390 — 393: Прежніе *Маджаръ*, нынѣ селеніе Парасковея. Въ развалинахъ городка Св. Креста, по мѣстному преданію, жили издревле Козары — язычники, вытѣсненные Христіанами — маджарами, а послѣдніе въ свою очередь также вытѣснены Татарами: здѣсь, говорятъ, существовали три храма, принадлежавшіе помянутымъ народамъ, смѣнявшимъ одинъ другаго. Въ 12 верстахъ отъ укрѣпленія Нальчикъ г. Фирковичь нашелъ большой каменный крестъ, вставленный въ каменную же плиту, на которомъ высѣчены буквы IC — XC. — Тутъ же, напротивъ этого мѣста, г. Фирковичь нашелъ большой продолговатый тесаный камень, неправильной формы, на которомъ изображенъ крестъ съ украшеніями, полуизгладившійся отъ времени. Также въ 12 верстахъ отъ Нальчика, въ мѣстѣ, называемомъ Кендже, находится небольшой каменный крестъ безъ надписи. — Очерки изслѣдованій древняго города Маджара. Ставроп. губерн. вѣд. 1856 г., въ нѣсколькихъ нумерахъ.

(512) Соф. I, 215. Воскр. 197. Въ Ник. III, 123; Твер. 412 подъ 1319 г. и у Тат. IV, 108 говорится, что сперва в. к. Анна и князья Дмитрій, Александръ, Василій посылали къ Юрью во Владиміръ съ просьбою объ отпускѣ тѣла; затѣмъ въ Тверь пріѣхалъ Прохоръ, владыка Ростовскій и Ярославскій, (а также Ярославъ Стародубскій — прибавл. въ Твер.) звать князя Александра Михаиловича къ князю Юрію въ любовь по цѣлованію ихъ крестному. Кн. Александръ пріѣхалъ во Владиміръ (на Петровъ день — замѣчено въ Твер.) и докончалъ съ княземъ Юріемъ любовь. Тогда только Юрій отпустилъ тѣло Михаила. Въ Твер 412 такъ: Того же лѣта (1319) поиха на Тверь Прохоръ, епископъ Ростовскый, Ярославь Стародубскый, зовуще князя Александра къ князю Юрію въ любовь. По цѣлованію ихъ, князь Александръ пріиха въ Владимеръ на Петровъ день, и доконча со княземъ Юріемъ любовь; честное же и святое тѣло князя Михаила, отца своего, вземше съ Москвы, привезоша въ Тверь, сентебря 6.

(513) Соф. I, 215; Воскр. 197, 198. Ник. III, 123; Тат. IV, 108, 109.

(514) Ник. III, 124; Тат. IV, 109. Твер. 413.

(515) Воскр. 188; Соф. I, 207.

(516) Сол. III, 388, ссылка на П. С. Р. Л. IV, 351. Здѣсь же прим. 537 замѣчено слѣдующее: «Хотя и есть варіантъ: *наученъ*, однако по связи обоихъ предложеній скорѣе можно принять: *неученъ*.

(517) Ник. III, 124; Тат. IV, 109. Твер. 413.

(518) У Буслаева оч. рус. слов. и искус. II, 351, 357.

(519) У Филар. Рус. Св. Нояб., стр. 388.

(520) Въ этомъ же сочиненіи Соколова (стр. 102) замѣчено, что икона Архистратига Михаила, предъ которою молился кн. Михаилъ, и донынѣ осѣняетъ честную раку мощей Святаго.

(521) Ник. Ш. 210. Тат. IV, 185 подъ 1358 г.

(522) Ник. IV, 20. Сравн. также статью Дмитріева въ Ч. М. О. И. Д. Р. 1871. № 4, о церковно-историч. критикѣ XVII в., стр. 43.

(523) Гр. Толстой разск. изъ ист. Рус. Церк. изд. второе 1870 г. II, 48, прим. 2, причемъ ссылка на соборное дѣяніе о благ. княгинѣ Аннѣ, находящееся въ Моск. Синод. библіотекѣ въ сборникѣ № 684, л. 381—415. Это соборное дѣяніе по той же самой рукописи напечатано въ Чт. М. О. И. Д. Р. 1871, № 4, при чемъ издатель замѣчаетъ, что это соборное дѣяніе напечатано г. Костомаровымъ въ его статьѣ (церковно-историческая критика въ XVII в. В. Е. 1870. Апр.) неудовлетворительно. Въ томъ же нумерѣ Чт М. О. И. Д. Р. помѣщена статья г. Димитріева подъ заглавіемъ «по поводу статьи г. Костомарова — Церковно-историческая критика въ XVII в.» Въ этой статьѣ г. Димитріевъ дѣлаетъ нѣкоторыя возраженія на только что названную статью г. Костомарова. Дѣйствительный Членъ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. Филимоновъ представилъ обществу чрезвычайно рѣдкій, едва ли не единственный, XVII в., серебряный образъ княгини Анны Кашинской и статью о немъ, напечатанную въ Чт М. О. И. Д. Р. 1872, № 1. Въ этой статьѣ авторъ замѣчаетъ, что капитальное значеніе этого образа, какъ памятника Русскаго серебрянаго дѣла опредѣленной поры, еще болѣе усиливается историческимъ значеніемъ сюжета; что образъ построенъ въ 1677 г., какъ нарочно въ то время когда было уже возбуждено сомнѣніе и состоялось опредѣленіе о развѣнчаніи Анны Кашинской.

(524) Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія. 395. Въ описываемое время, изъ оффиціальныхъ памятниковъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется в. кн. всея Руси и потомъ всѣ его преемники. Сол. IV, 190. Титулъ «князь великій Иванъ Даниловичь всея Руси» въ первый разъ встрѣчается въ льготной грамотѣ сокольникамъ Печерскимъ. А. Э. I, № 3. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Бестужевъ-Рюминъ, грамота сохранилась въ спискѣ XV в.

(525) Дмитрій род. въ 1299 г., а уже въ 1302 г. (Лавр. даже обознач. день) Ноября 8 были ему постриги.

(526) О гор. Кашинѣ говорено было выше въ I гл. настоящаго соч.

(527) По однимъ извѣстіямъ Дмитрій послалъ самъ Александра къ Юрію, а по другимъ Юрій звалъ къ себѣ Александра. По извѣстію Твер. Ник. Тат. выходитъ, какъ будто Александръ сперва не довѣрялъ Юрію и не хотѣлъ къ нему ѣхать, и поѣхалъ только тогда когда ему была обѣщана безопасность, и притомъ однимъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ.

(528) любовь, сказ. въ Твер.

(529) Только въ одной Тверской сказано что Константинъ женился на дочери в. к. Юрія и вѣнчанъ былъ въ Костромѣ. Въ другихъ же сказано только, что онъ былъ вѣнчанъ на Костромѣ. А впрочемъ нѣтъ ли тутъ ошибки въ Твер. лѣт.? Можетъ подъ в. к. Юріемъ нужно разумѣть не Московскаго князя, а Ростовскаго: въ Ростовѣ былъ князь Юрій Александровичь, который умеръ 1320. Впрочемъ въ Твер. онъ названъ не просто княземъ, а великимъ княземъ.

(530) Она называлась Настасья. См. Твер. 467; ум. она 1364 г. по Ник. IV; у Тат. IV, отнес. къ 1365 г.

(531) Твер. 414. Ник. Ш, 124. Тат. IV, 109. Она умерла 1348 г. Тат. IV, 169. Ник. Ш, 192, причемъ здѣсь въ Ник. ошибочно Дмитрію приписанъ сынъ Ѳеодоръ.

(532) Вскорѣ и Новгородъ заискиваетъ въ Литвѣ: около 1333 г. въ немъ былъ Наримантъ Гедиминовичь. Бѣл. II, 427.

(533) Ник. III, 12. Тат. IV, 110. Въ Твер. 414 этотъ Татаринъ названъ *Гачна*, а не Таянчаръ.

(534) Гаммеръ, 292. Im folgenden Jahre (1321) erschien zu Kaschin der tatarische Gesandte Tajantschar mit einem Juden, die Steuern einzufordern, was vielen Unheils Grund.

(535) Сол. III, 295. Такъ Рязанскій князь Иванъ Ивановичь Коротополъ въ 1338 г. встрѣтивъ своего двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскагô, шедшаго въ орду къ царю съ выходомъ, отнялъ у него выходъ, а самого его велѣлъ убить.—Въ 1324 г. Новгородцы дѣлали походъ на Устюжскихъ князей и «докончаша миръ по старинѣ, и выходъ давати по старинѣ во орду.» Ник. III, 128. Тат. IV, 114. Въ Новг. I, 73 сказано только, что миръ былъ заключенъ по старой пошлинѣ.

(536) Кар. IV, 121 замѣчаетъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о рубляхъ; но мы видѣли, что они встрѣчаются уже ранѣе. Въ Соф. I, 216 сказано, что князей помирилъ не Андрей, а тогдашній владыка Варсонофій. Также Воскр. 198. Въ однихъ лѣтописяхъ (Ник. III, 125; Тв. 414) сказано, что когда Юрій изъ Переяславля собрался идти на Кашинъ, то Михайловичи съ Тверичами и Кашинцами вышли на встрѣчу ему къ Волгѣ и миръ между ними и Юріемъ былъ заключенъ владыкою Андреемъ: Но не сказано, встрѣтились ли враждебныя войска на Волгѣ и гдѣ именно Андрей заключилъ миръ. Въ Ник. сказано, что Андрей заключилъ миръ *тамо*, но гдѣ *тамо?* Но въ другихъ лѣтописяхъ (Соф. I, 216; Воскр. 198; Новг. I, 72) сказано, что Юрій хотѣлъ идти на Тверь, пришелъ въ Переяславль съ полками и сюда же въ Переяславль пришелъ Тверской владыка и заключилъ миръ. При такомъ несогласіи лѣтописей трудно сказать, дошли ли Михайловичи только до Волги на встрѣчу Юрію; Тверскимъ князьямъ принадлежали земли и по другую сторону Волги, напр. Клинъ, Снятинъ. И если они дошли только до Волги, то можетъ быть потому что Кашинцы соглашались защищать только свою волость; въ такомъ случаѣ Кашину принадлежали ли земли по правую сторону Волги? Но въ войскѣ были нè одни Кашинцы, были и Тверичи.

(537) Такіе послы являлись для полученія ордынскаго выхода отъ князей.—Срав. ярлыкъ Тохтамыша къ Ягайлѣ, изд. Оболенскій 1850. При этомъ ярлыкѣ приложены переводы и замѣчанія Березина, Ковалевскаго и т. д. и между прочимъ въ одномъ мѣстѣ ярлыка (стр. 59) есть выраженіе: *съ подданныхъ намъ волостей собравъ выходы, вручи идущимъ посламъ для доставленія въ казну*, — это по переводу г. Березина, но слово *выходы* встрѣчается тамъ же стр. 22 и по современному Бѣлорусскому переводу.—Какъ мы сейчасъ видѣли, Тверскіе князья заплатили 2000 рублей выходнаго серебра в. к. Юрію. — При Донскомъ количество выхода съ его сыновей обозначено въ 1000 рублей; при Василіи Дмитріевичѣ говорится о выходѣ въ 5000 руб. и въ 7000 руб.; при немъ же съ Нижегородскаго княжества 1500 руб. Сол. IV, 197.

(538) Твер. 414; Ник. III, 125, 126; Тат. IV, 110, 111; Соф. I, 216; Воскр. 198; Новг. I, 72. У Татищева поѣздка Дмитрія въ орду изложена довольно обстоятельно: «Тогожъ лѣта (1322) кн. Дмитрій Михайловичь Тверскій, внукъ Ярославль, пойде во орду къ хану Азбяку съ дары многими, и повѣда Ханови вся неправды в. к. Юрія, како неправеднѣ съ Кавгадыемъ оклеветаша, и сами на смерть осудиша и убиша отца его, и како к. Юрій веемъ сребро Тверское выходное и отъ иныхъ князей, и не даде послу ханскому, но иде въ Новъградъ, и тамо побра на Хана многое

серебро, и показа Хану ерлыки Юрьевы на сребро. Ханъ же испытавъ отъ князей, бывшихъ въ судѣ в. к. Михайла и слыша неправды Юрія и Кавгадыя, абіе повелѣ Кавгадыя такожде ругати и мучити, яко той сотвори в. к. Михайлу; князю же Димитрію воздаде честь многу и вси князи чтяху его.' И пожаловалъ ханъ Азбякъ к. Димитрія в. княженіемъ Рускимъ, Владимиромъ и Новымъградомъ со всѣми ихъ грады подъ в. князёмъ Юрьемъ Даниловичемъ.» Очень легко могло быть, что Юрій удержавъ Тверское выходное серебро, потребовалъ съ Новгородцевъ также денегъ для хана; это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Ник. III, 126; Тат. IV, 111 замѣчено какъ-то глухо, что Юрій въ это время изъ за чего-то размолвилъ съ Новгородцами, но вскорѣ же и примирился. — Ярлыки Юрьевы на сребро, показанные Хану Дмитріемъ, могло быть докончаніе, заключенное Юріемъ съ Михайловичами на Волгѣ во время Кашинскаго похода, или денежная росписка. Къ слову же ярлыкъ до того привыкли на Руси и въ Литвѣ, что стали звать ярлыками даже письма и грамоты Русскихъ и Литовскихъ владѣтелей къ ханамъ, — Григор. о ханск. ярлыкахъ, стр. 25. — Что же касается извѣстія о мученіи и казни Кавгадыя, сообщаемаго Татищевскимъ сводомъ, то въ житіи Михаила (Соф. I, 214; Воскр. 196) есть такой отзывъ о Кавгадыѣ: «и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже окаанный животъ свой.»—Въ 1323 г. (Янв. или Дек.) Новгородъ заключилъ союзъ съ нѣкоторыми Нѣмецкими командорами и рыцарями противъ Литовцевъ. Рус. Лив. акты, 33, № LV. У Bunge, Urkundenbuch, II, 2 отд. 137 перечисляются эти личности. Командоры были Вендена и Дюнамюнде. У Бунге заключеніе этого договора отнесено къ 28 Янв. 1323 г. — Не изъ опасѣнія ли Тверскаго князя Новгородъ закончилъ союзъ съ Ливонскими рыцарями? См Кост. Сѣв. народ. I, 116.

(539) Ярославской губерніи Романовскаго уѣзда. Впрочемъ въ лѣтописяхъ не сказано, что это было на рѣкѣ, а просто на Урдомѣ. Въ Твер. губ., Ржев. у. есть деревня Урдомъ.

(540) Ник. III, 126, 127. Тат. IV, 112, 113. Твер. 414. Соф. I, 216. Воскр. 198.

(541) Все это время Новгородцы были вѣрны Юрію, даже и тогда когда Дмитрій былъ назначенъ в. княземъ. Не видно, чтобы Новгородъ призналъ Дмитрія. Даже когда Юрій бѣжалъ съ р. Урдомы, то Новгородцы призвали его къ себѣ по «крестному цѣлованію.» Бѣл. II, 421 говоритъ, что Новгородцы признали Дмитрія Михайловича Тверскаго, уже по ханской грамотѣ признаннаго в. к. Владимірскимъ. Костом. Сѣв. народ. I, 115. «Даже и тогда, когда въ 1323 г. сынъ Михаила, Димитрій, заплативъ въ ордѣ выходъ, получилъ великое княженіе, Новгородцы остались вѣрны Юрію.»—Кажется, что окончательный выводъ тотъ, что ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Видимъ только, что Димитрій не дѣйствовалъ силою противъ Новгорода, боясь раздражить его. Принимая во вниманіе договорную грамоту Михаила Александровича Тверскаго съ Новгородомъ, № 16 въ С. г. г. д. I, гдѣ говорится такъ: «А што селъ покупили мои Бояре. . . . . . въ мое княженіе», и далѣе: «А которая села покуплены при Князи при Олександрѣ, при Ярославѣ, при Васильѣ, при Дмитриѣ, при Андрѣѣ. . . . .» знаемъ, что Михаилъ все время своего княженія не признавался Новгородомъ, и потому выраженіе *въ мое княженіе* нужно понимать въ *мое княженіе Тверское*. А потому и выраженіе (№ 15 въ С. г. г. д. I) *села купленныя при Дмитріи* нужно понимать такъ же, т. е. *во время Тверскаго, а не Новгородскаго княженія Дмитрія.* Соловьевъ III, 296 говоритъ, что Новгородцы признали своимъ княземъ Димитрія, потомъ Александра Михайловича и при этомъ ссылается на С. г. г. д. I, № 15. Въ этой грамотѣ № 15 говорится слѣдующее: «А кто

будеть купилъ села въ всей волости въ Новгородьской при Дѣдѣ моемь Ярославѣ, и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при Отци моемь при Михаилѣ, и при Князи при Юрьи, при Дмитрии, кто будеть даромь отъялъ, или сильно,» и т. д. Но здѣсь можно понять и такъ, что временемъ Дмитрія Михаиловича опредѣляется только время захвата селъ Тверитянами. Послѣ остановки Юрія на Урдомѣ вернулся Дмитрій съ ярлыкомъ ханскимъ на в. княженіе, и можетъ быть Новгородцы признали его своимъ княземъ — выходитъ на короткое время. Но послѣ Урдомскаго происшествія Новгородцы съ Юріемъ же ходили и къ Выборгу и въ Заволочье. Правда, что у Тат. IV, 112 сказано, что ханъ пожаловалъ Дмитрія и Владиміромъ и Новгородомъ. Кажется, дѣло нерѣшенное. Но если Новгородъ не признавалъ Дмитрія, то почему онъ силою не заставилъ признать себя? Боялся раздражить Новгородъ и выжидалъ только удобнаго случая. Изъ Новгородскихъ же лѣтописей, только въ одной Новг. IV вообще замѣчено, что въ 6830 г. пришелъ Дмитрій на великое княженіе; въ Новг. I сказано *подъя в. княженіе.*

(542) Ник. Ш, 128, 129. Тат. IV, 115. Соф. I, 217. Воскр. 199. Выраженіе «мстя кровь отчу» находится только у Татищева. — Кар. IV, 124 называетъ ихъ почему-то ханскими пошлинниками.

(543) Ник. Ш, 130, 131. Тат. IV, 116. Твер. 415. Соф. I, 217. Воскр. 200. Дмитрій былъ убитъ на р. Кондраклѣ. На этой же рѣкѣ по повелѣнію Узбека былъ убитъ кн. Александръ Новосильскій. Супрасл. рук. изд. Оболен. стр. 51: «Дмитрій былъ убитъ на р. Кондраклѣ.» Арцыбашевъ не знаетъ, гдѣ она. Тогда же Узбекъ велѣлъ убить князя Александра Новосильскаго. Г. Костомаровъ относительно Александра Михайловича высказываетъ слѣдующее въ своей статьѣ «Начало единодержавія.» В. Е. 1870. № 12: «Послѣ трагической кончины двухъ Тверскихъ князей, третій изъ нихъ купилъ себѣ великое княженіе условіемъ, черезъ чуръ тяжелымъ для раззоренnaго и безъ того уже народа — дозволить брать *двойную дань* съ своей волости. По такому договору нахлынули Татары въ Тверскую землю» — затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ убіеніи Шевкала. Намъ нигдѣ не встрѣчалось это извѣстіе о двойной дани. Но въ Рус. Ист. въ жизнеоп. 1873, 185 г. Костомаровъ замѣчаетъ, что такъ какъ извѣстія о назначеніи Александра в. княземъ находятся только въ позднѣйшихъ редакціяхъ, то мы бы отвергли этотъ фактъ какъ ложный, если бы насъ въ этомъ случаѣ не останавливала новгородская грамота, изъ которой видно, что Новгородцы въ 1327 г. признали надъ собою власть Александра въ качествѣ старѣйшаго или в. князя. Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ г. Костомаровъ, въ этомъ есть что-то для насъ неизвѣстное и непонятное.» Здѣсь (Рус. Ист. въ жизнеоп.) ничего не говорится о двойной дани, а замѣчается, что Татары, какъ видно, не довѣряли Александру и находили нужнымъ особенно наблюдать надъ Тверью.

(544) Вешняк. о возв. Москвы, 62. Въ Рус. Ист. Бестужева-Рюмина, стр. 393, такое объясненіе Вешнякова считается сомнительнымъ.

(545) С. г. г. д. I, № 15. Въ этой грамотѣ находится между прочимъ такое трудно объяснимое условіе: «А что Олександровыхъ Княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ по хрестьному цѣлованью, по заводъ; а исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни Дворяномъ ѣздити, ни людий Новгородьскыхъ приимати, ни земли.» Это какъ будто противорѣчитъ обыкновенному условію, что Новгородскія села — купленныя или даромъ полученныя — идутъ къ Новгороду. Должно быть вопреки своимъ обычаямъ Новгородъ долженъ былъ дозволить Александру купить и удержать нѣкоторыя села, но подъ условіемъ, чтобы тамъ не судить, вновь людей не принимать и земли. А когда стали такія села покупать

князья болѣе сильные т. е. Московскіе, то такіе князья стали и по духовнымъ отказывать купленыя села. Также въ этой грамотѣ № 15 есть и такое условіе: «што продано княжихъ волостий до Велика дни, а што будетъ не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати.» Объ этой грамотѣ (№ 15) говорилось выше при смѣсномъ владѣніи въ Новоторж. области. Въ грамотѣ № 10 есть такое условіе: «А что селъ и свободъ Дмитриевыхъ, то дали есме былѣ Андрѣю, до живота Андрѣева, въ крестьное цѣлованиe, а потомъ Новугороду то все; а тобѣ, княже, въ то не въступитися.»—По грамотѣ же № 15 выходитъ, какъ будто Новгородъ и признавалъ своимъ княземъ Дмитрія Михайловича, потому что въ грамотѣ находится такое выраженіе: «А кто будетъ купилъ села въ всей волости въ Новгородьской при Дѣдѣ моемь Ярославѣ, и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при Отци моемь при Михаилѣ, и при князи при Юрьи, при *Дмитрии*, кто будетъ даромъ отъялъ, или сильно и т. д. Срав. прим. 541.

(546) Ср. Арц. II, пр. 612. Im folgenden Jahre erschien zu Twer der Vetter Usberg's, Tscholkan, der Sohn Diuden's, dessen Vater vor vier und zwanzig Jahren mit einem Heere nach Russland gesandt worden war. Ham. 294.

(547) Языковъ, собр. пут. къ Татарамъ, стр 189. Паткановъ въ Ист. Монголовъ инока Магакіи, XIII в., въ прим. 66: «Одною изъ самыхъ тягостныхъ новинностей, налагаемыхъ Татарами, была обязанность жителей покоренныхъ областей — принимать и угощать правительственныхъ лицъ, чиновниковъ, курьеровъ, разъѣзжавшихъ по служебнымъ надобностямъ. Начальники татарскіе весьма часто употребляли во зло свое право назначать постой, съ цѣлью вымогать у жителей поборы. Объ этой повинности не разъ говоритъ Кирак. стр. 142 и др. Эти путешествующія по дѣламъ службы лица назывались ѣдущими и мимоѣздящими послами. Повинности, установленныя въ пользу ихъ, носили разныя названія: подводы, постой, кормъ и пр. См. Берез. очеркъ внутр. устр. улуса Джуч. стр. 68, 90—91.» Въ договорной грамотѣ Василія I съ в. к. Рязанскимъ Ѳедоромъ Ольговичемъ есть такое условіе: «Или къ тобѣ посолъ Татарьской придетъ, и тобѣ того почтити крестьянского дѣля добра, а то тобѣ не въ измѣну.» С. г. г. д. I, № 36. 25 Ноября 1402 г.

(548) Твер. 415, 416.

(549) Ник. III, 137. Тат. IV, 117. Здѣсь Щелканъ названъ *Салтаномъ*. Воскр. 200. Соф. I, 217. Новг. IV, 50. Псков. I, 185. Супрасл. рук. изд. Обол. стр. 52.

(550) Узбекъ покровительствуетъ Христіанамъ въ Кафѣ и позволяетъ Католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и др. народы по берегамъ Чернаго моря. Григорьевъ о достов. ярл. 50.

(551) Лавр. 61. Это давно замѣчено. Сол. III, пр. 403.

(552) Кстати замѣтимъ, что о пожарѣ терема говорится въ родосл. Нащокина, см. Родосл. кн. Времен. 1851. X, 197. — Срав. прим. 556.

(553) Въ Воскр., Соф. I, Новг. IV и Новг. I, 74 эти ордынскіе торговцы названы Хопыльскими гостями. Въ Новг. I сказано, что Александръ не только въ Твери избилъ Татаръ, но и по другимъ городамъ.

(554) Интересно бы знать, это ли мѣсто изъ похвалы князю Михаилу послужило прототипомъ для другихъ составителей лѣтописныхъ сводовъ, или на оборотъ — авторъ похвалы князю Михаилу взялъ его изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ?

(555) Онъ же, видя озлобленіе людій своихъ, не могый оборонити, трьпѣти имъ веляше; и сего не трьпяще Тверичи, и искаху подобна времени. Твер. 415.

(556) Древн. рос. стихотв. собр. Киршею Даниловымъ. М. 1818 (Калайдовичъ). Стр. 31—36. Любопытно, что въ разсказѣ о происхожденіи Нащокиныхъ, въ одной

родословной книгѣ составленной при Өедорѣ Ивановичѣ, ничего не говорится о желаніи Татаръ избить русскихъ князей или ввести свою вѣру, а говорится только о татарскихъ притѣсненіяхъ. Приводимъ этотъ отрывокъ о родѣ Нащокиныхъ изъ родословной книги (напечатанной во Времен. 1851, X, по списку А, стр. 197): «Пріѣхалъ во Тверь къ в. к. Александру Михайловичу Тверскому изъ Нѣмецъ, изъ Наталинскіе земли изъ Ншива государства, имя ему Дускъ, а прозвище ему Величка: и во Твери Дускъ крестился, во Крещеніи имя ему дали Дмитрій Красной. И у Дмитрія сынъ Дмитрій Нащока, потому что у него была рана на щекѣ сабельная; отъ того, какъ былъ посолъ изъ орды во Твери отъ Царя отъ Бака посолъ Щолканъ, и нача во Твери творити людемъ *насиліе веліе*, (въ Твер. лѣт. 415: въздвиже *гоненіе велико* надъ христіаны, *насилствомъ*, и грабленіемъ, и біеніемъ и поруганіемъ). Тверичи же его со многими людьми хотѣли его убити, Щелканъ же утече отъ нихъ, во Твери же на дворъ в. князя и заперся съ сѣнехъ своихъ съ своими людьми, Тверичи же приступая къ сѣнемъ и не може его взяти, и сожгли сѣни, и Щелканъ съ людми своими булъ тутъ сгорѣлъ въ сѣнехъ, и Дмитрія Нащоку тутъ у сѣней ранили по щекѣ, на в. князя дворѣ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ это мѣсто родословной книги не указываетъ ли на то, что тогда въ Твери даже не было и *слуха* о томъ, что Шевкалъ хочетъ убить всѣхъ Русскихъ князей, самъ сѣсть на Тверскомъ княженіи, своихъ Татарскихъ князей посажать но другимъ Русскимъ городамъ, а Христіанъ привести въ Татарскую вѣру.

(557) Ник. III, 138. Тат. IV, 118.

(558) Воскр. 200. Соф. I, 217. Новг. IV, 51. Троицк. 229.

(559) Уже выше было замѣчено, что Новоторжская волость пострадала вѣроятно потому что Новоторжскія губы находились въ смѣсномъ владѣніи Твери и Новгорода. Если бы Новоторжская область безраздѣльно принадлежала Новгороду, то едва ли бы Калита сталъ ее раззорять: онъ бы не захотѣлъ раздражать Новгородъ, который былъ врагомъ Твери и союзникомъ Москвы.

(560) Въ Ник. III, 138 напр. встрѣчаются такія имена Татарскихъ воеводъ: Феодоръ, Чюкъ, Туралыкъ, Сюга. Это Татарское нашествіе позже было извѣстно подъ именемъ *Өедорчюковой Туралыковой* рати. Ник. IV, 204.

(561) Ник. III, 138, 139. Твер. 416. Тат. IV, 119. Воскр. 200, 201. Соф. I, 217, 218. Новг. IV, 51. По Новг. I, 74 и по Тат. Александръ хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ тогда, когда узналъ, что на Тверь идутъ Калита и Татары; во Псковъ же убѣжалъ послѣ разворенія Тверскаго княжества. По Воскр. и Соф. Константинъ Михайловичь, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, бѣжалъ во Псковъ. Въ Новг. I сказано, что Александръ бѣжалъ во Псковъ, а его братья, Константинъ и Василій, въ Ладогу; а у Тат. про Константина и Василія замѣчено, что они вмѣстѣ съ Александромъ ушли во Псковъ.

(562) Ник. III, 139. Тат. IV, 120. Василій Михайловичь уже здѣсь называется Кашинскимъ.

(563) Твер. 417.

(564) Ник. III, 140, 141. Тат. IV, 121. Твер. 417.

(565) Твер. 417.

(566) Ник. III, 167. Твер. 419.

(567) Ник. III, 141. Тат. IV, 121. Твер. 417. Воскр. 201. Соф. I, 218.

(568) Кар. IV, пр. 319: Въ словѣ о житіи Димитрія Донскаго, въ его время сочиненномъ, сказано: «Бысть внукъ православнаго Князя Ивана Даниловича, собра-

теля Русской земли.» Также см. «о житіи и преставленіи в. к. Дмитрія Ивановича, царя Русьскаго.» Стр. 104, прибавл. къ Соф. I, въ VI т. П. С. Р. Л.

(**569**) Такое выраженіе употреблялось въ старину въ нашихъ лѣтописяхъ, см. Соф. I, 217, въ прим. или Супрасл. рук. изд. Обол. 52, 133.

(**570**) Ник. Ш, 141, 151—154. Тат. IV, 122—125. Воскр. 201. Соф. I, 218.

(**571**) Ник. Ш, 161 и Тат. IV, 131. Иванъ Даниловичь со всѣми князи и со многою силою иде въ Торжекъ ратью......» — Соф. I, 220 и Воскр. 204: ....со всѣми князи Низовскими.....» — Новг. I. 76 ......съ всѣми князи Низовьскыми и съ Рязаньскыми.......»

(**572**) Ник. Ш, 159. Тат. IV, 130. Твер. 417. Воскр. 203. Соф. I, 220. Бест.-Рюм. Рус. Ист. 417, замѣчено про Константина, что онъ вообще слушался Калиты: такъ онъ ходилъ съ нимъ въ орду.

(**573**) Іоаннъ купилъ село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ. С. г. г. д. I, № 22. — Руза, Звенигородъ, Перемышль и Серпуховъ были его (Калиты) пріобрѣтеніями; такъ какъ Георгій, сколько извѣстно, пріобрѣлъ только Можайскъ да Коломну. Вешн. 76. — Въ духовныхъ Калиты умолчано о важныхъ прикупахъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донскаго — о Галичѣ, Бѣлоозерѣ и Угличѣ, оставшихся по всѣмъ вѣроятностямъ еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ; умолчано также и о другомъ прикупѣ — Кистмѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василія Дмитріевича. Сол. IV, 148. Духовныя Калиты въ С. г. г. д. I, №№ 21, 22; духовная Дмитрія Донск. ibid., № 34; духовная Василія Дмитріевича ib. № 41.— Кесьма, село Твер. губ. Весьегонскаго уѣзда, въ 34 вер отъ Весьегонска при р. Кесьмѣ, впадающей въ Мологу. Сп. нас. м. Тв. губ.

(**574**) Сол. Ш, прим. 404. У Кар. IV, 142 сказано слѣдующее: «Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали: напр., мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его.» А въ прим. 304 слѣдующее: Въ Родословныхъ книгахъ, въ описаніи рода Левашовыхъ: «Пріѣхалъ изъ Нѣмецъ во Псковъ Нѣмчинъ Доль, а отчина его была городъ Вдовъ (Виндау) и съ тѣмъ и во Псковъ пришелъ, да и крестился во Псковѣ, а въ крещеніи имя ему Василей, да поставилъ во Псковѣ церковь Василей Святый у Трупорѣховскихъ воротъ, а изо Пскова пріѣхалъ во Тверь къ кн. Александру Михайловичю, и былъ во Твери у Александра знатный Бояринъ.» См. также о Левашовыхъ родосл. кн. Врем. 1851 г. X, стр. 118.— Также къ Александру Михайловичу выѣхалъ изъ Нѣмецъ, изъ Наталинскіе земли изъ Ншива государства, родоначальникъ Нащокиныхъ, какой-то Дускъ, а прозвище Величка и во Твери крестился. Родосл. кн. Вр. 1851. X, 197. Можетъ быть къ Александру выѣхали и др. Нѣмцы. Выходитъ, что Карамзинская догадка имѣетъ за собою большую вѣроятность. Щерб. Ш, 355: «Долговременное пребываніе к. Александра во Псковѣ и оказуемая ему вѣрность отъ Псковитянъ, можетъ быть склонила его и по пріѣздѣ во Тверь, взять многихъ Псковскихъ бояръ съ собою, и правленіе имъ препоручить, яко и точно обрѣтаемъ, что онъ учинилъ съ пріѣзжимъ къ нему Нѣмцомъ Долемъ, который бояриномъ въ Твери былъ.» По этой причинѣ, полагаетъ Щербатовъ, и отъѣхали Тверскіе бояре.

(**575**) Сол. отн. между Рус. кн. Рюр. д. стр. 467: Вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще также содѣйствовалъ усиленію Московскаго княжества; боярину гораздо лестнѣе было служить сильнѣйшему, т. е. Вел. Князю, чѣмъ удѣльному и потому онъ съ охотою переходилъ къ первому, тѣмъ болѣе, что отчины его оставались

за нимъ, тогда какъ на переходъ отъ В. кн. къ удѣльному бояринъ могъ рѣшиться только въ случаѣ крайности, ибо не смотря на взаимное обязательство, сильнѣйшій князь всегда имѣлъ болѣе возможности отомстить невѣрному боярину захваченіемъ или даже притѣсненіемъ его отчины. Вел. князья нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, чтобы они переходили къ нимъ на службу.»

(576) Ник. Ш, 164. Тат. IV, 136. У Тат. прибавлено: «съ вел. княземъ Иваномъ Даниловичемъ *ссылающеся о отчинѣ* не докончаша и мира не взяша.»

(577) Ник. Ш, 164, 165. Тат. IV, 137. Въ Соф. I, 222, въ Воскр. 205, въ Новг. I, 79, — говорится, что Узбекъ призвалъ Александра въ орду съ лестью, велѣвъ сказать ему: «хочу тебя жаловать.» Въ Твер. 418 такъ: «всю волю твою сотворю, якоже хощеши.»

(578) Это выраженіе, при описаніи послѣднихъ минутъ Александровыхъ въ ордѣ, находится только въ одной Тверской, 419. Въ Ник. же и у Тат. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ его нѣтъ. — Кар. IV, пр. 308 замѣчаетъ слѣдующее: «Никон. лѣт. расплодилъ описаніе послѣднихъ минутъ Александровыхъ, сообразуясь съ повѣстію о кончинѣ отца его; именуетъ двухъ убійцъ сего князя Беркаиомъ и Черкасомъ, и проч.» — Въ Твер. лѣт. эта поѣздка въ орду и смерть Александра разсказаны проще, (какъ и нѣкоторыя другія событія касающіяся собственно Твери). Жаль только, что этотъ разсказъ въ Твер. лѣт. не сохранился вполнѣ, а въ немъ находится пропускъ, а именно, послѣ извѣстія о томъ, что Узбекъ вернулъ Тверь Александру слѣдуетъ пропускъ, такъ что въ Твер. лѣт. не говорится о томъ, изъ-за чего Александръ и Калита не докончали; за тѣмъ разсказъ далѣе начинается со словъ Узбека, которыми тотъ звалъ Тверскаго князя къ себѣ.

(579) Ник. Ш, 164. У Тат. IV, 136 разсказывается, что у Александра въ Нѣмцахъ и Литвѣ многіе «истязаху отъ него многіе дары и обѣты» обѣщая ему помогать, но ничего полезнаго для него не сдѣлали. Когда онъ получилъ обратно Тверь, то Литовскіе и Нѣмецкіе вельможи «прошаху отъ него обѣтовъ.» Онъ же не исполнилъ ихъ просьбы; тогда эти вельможи наклеветали на него Узбеку. Въ Ник. не разсказывается о такихъ обстоятельствахъ, хотя и говорится, что Александръ изо Пскова ушелъ сперва къ Нѣмцамъ, а потомъ въ Литву. У Сол. Ш, пр. 405 замѣчено, что это извѣстіе Татищева кажется позднѣйшимъ объясненіемъ дѣла. — Въ Ник. IV, 286, въ повѣсти о житіи в. к. Михаила Александровича сказано, что кн. Ѳедоръ поѣхалъ въ орду и съ Киндякомъ и съ Авдуломъ.

(580) Воскр. 205. Соф. I, 221. Новг. I, 79. — Василій Давидовичь *Грозныя Очи*, назывался в. к. Ярославскимъ и, охраняя свои права, поставляющія его въ независимыя отношенія отъ Московскаго в. князя, вступилъ въ союзъ съ княземъ Александромъ Михаиловичемъ Тверскимъ, постояннымъ противникомъ Калиты. Корсаковъ, Меря и Ростов. княжество. 173.

(581) Воскр. 205; Соф. I, 221; Новг. I, 79.

(582) Такъ замѣчено въ Ник. и у Тат. — (можетъ быть для прикрасы, чтобы выгоднѣе обрисовать Александра).

(583) Мѣстность намъ неизвѣстная.

(584) Имя Товлубія, какъ убійцы Александра, находится только въ Твер. лѣт., и о немъ въ ней упоминается какъ о лицѣ извѣстномъ: «Они же (Черкасы и Татары) немилостиви похватиша его, возложиша назадъ, и оборваша порты его, и поставиша и предъ Товлубіемъ нага связана. Оному же безаконному стоащу на конѣ, и съ нимъ множество Татаръ, испусти окаанный гласъ свой: «убійте». — Въ 1340 г. посолъ князь Товлубій, по приказанію Узбека, съ Татарами, съ кн. Иваномъ Коротополомъ

Рязанскимъ, съ другими князьями и съ Московской ратью ходилъ на Смоленскъ Ник. Ш, 170. Воскр. 206. Вѣроятно, этотъ самый Товлубій былъ потомъ временщикомъ въ ордѣ при ханѣ Чанибекѣ. «Бысть бо тогда князь темникъ в ордѣ у царя Чанибека Азбякова сына мудръ и силенъ зело окаянный Товлубій, соединися съ сатаною, и восхотѣ всею ордою владѣти и всѣми землями.» Ник. Ш, 209.

(585) О поѣздкѣ Александра съ Өедоромъ въ орду и объ ихъ смерти см. Ник. Ш, 165—170. Тат. IV, 136—142. Твер. 418—421. Соф. I, 221, 222. Воскр. 205. Новг. I, 79.

(586) Ник. IV, 204 (изъ повѣсти о преподобномъ Сергіи).

(587) Ibid.

(588) Сол. Ш, 295. Ник. Ш, 170. Тат. IV, 142.

(589) Ник. Ш, 171. Тат. IV, 144. Соф. I, 222. Воскр. 206. Новг. I, 79. Новг. IV, 55.

(590) Ник. Ш, 178, 179. Тат. IV, 153.

(591) Ник. Ш, 180. Тат. IV, 155. Воскр. 209. Въ Воскр. (въ статьѣ: начало православныхъ государей и т. д.) 237 замѣчено — будто по смерти Калиты «сопрошася князи Русстіи о вел. княженіи: кн. Костянтинъ Михайловичъ Тверской, кн. Василей Давыдовичъ Ярославскій и кн. Константинъ Васильевичъ Суздальскій, поидоста о в. княженіи во орду.» Это невѣроятно. — У Герберштейна, перев. Анонимова, стр. 17 такое извѣстіе: «Былъ также споръ о в. княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, царя татарскаго, то Чанибекъ требовалъ отъ него годовой дани: вельможи, подкупленные богатыми подарками Симеона, вступились за него и обдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани.» Кар. пр. 363 (ссылаясь на Герберштейна) пишетъ слѣдующее: «Герберштейнъ, повѣствуя о концѣ Георгія Даніиловича и Димитрія Тверскаго, пишетъ, что Симеонъ, получивъ отъ Чанибека власть и надъ Тверскимъ княженіемъ, упросилъ его не брать съ онаго ежегодной дани, въ чемъ способствовали сему князю вельможи Татарскіе, имъ подкупленные. Герберштейнъ слышалъ о томъ въ Москвѣ.» Едва ли можно согласиться съ этимъ извѣстіемъ Герберштейна — ни изъ какихъ другихъ источниковъ мы этого не видимъ. — Кар. IV, 169 (ссылаясь на Герберштейна въ прим. 363) пишетъ слѣдующее: «Пользуясь отмѣнною благосклонностію хана, (Симеонъ) исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ.»

(592) Когда въ промежутокъ времени между убіеніемъ Александра и смертью Калиты Ханскій посолъ князь Товлубій ходилъ на Смоленскъ, по приказанію Узбека, то съ нимъ были Иванъ Коротополъ Рязанскій, Московская рать со своими воеводами, Константинъ Васильевичъ Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Иванъ Юрьевскій, Иванъ Друцкій, Өедоръ Өоминскій. Ник. Ш, 170, 171. Тат. IV, 143. Воскр. 206. Новг. IV, 55. Твер. 421. Здѣсь между другими князьями перечисляются и князья довольно мелкіе, а Тверской не названъ въ числѣ участвовавшихъ въ походѣ. Когда Симеонъ въ началѣ своего княженія, поссорясь съ Новгородомъ, сдѣлалъ съѣздъ князьямъ Русскимъ въ Москвѣ и потомъ пошелъ на Новгородъ, то хотя въ лѣтописяхъ и говорится, что при этомъ были всѣ князья русскіе, но при перечисленіи этихъ князей не встрѣчается имени Тверскаго князя, хотя называются другіе, менѣе значительные; если бы былъ и Тверской, то конечно лѣтописецъ бы его назвалъ. — Въ Ник. Ш, 173 такъ сказано: Бысть съездъ на Москвѣ всемъ княземъ рускимъ, и поидоша ратью к Торжку князь великии Семенъ Ивановичъ, и князь Костянтинъ Суждалски, и князь Костянтинъ Ростовскии, и князь Василей Ярославскии, и вси князи с нимъ. Также Тат. IV, 147. Въ Воскр. 207 и въ Соф. I, 223: Семенъ Ивановичъ пріиде ратію въ Торжекъ, со всею Низовскою землею. Также Новг. I, 80.

(593) Неизвѣстно, когда Всеволодъ получилъ удѣлъ — при жизни ли своего отца или послѣ того, какъ тотъ въ ордѣ передъ смертью распорядился своей отчиной. — О мѣстоположенiи Холма сказано было выше.

(594) Настасья была супруга покойнаго Александра Михайловича. Твер. 467.

(595) Не значитъ ли это, что Константинъ хотѣлъ забрать *выходное* серебро для Татаръ съ ихъ волости? Сол. Ш, 315 говоритъ, что Константинъ Михаиловичъ, стремясь подобно всѣмъ князьямъ усилить себя на счетъ родичей, началъ тѣснить Настасью и Всеволода Александровича. Арц. П, 99: Константитъ велѣлъ ловить бояръ и слугъ ихъ, везущихъ подать съ области.

(596) Ник. Ш, 184. Тат. IV, 159, 160. Воскр. 210 (относитъ его смерть къ 1346 г.).

(597) Не знаемъ, съ какого года Василiй Михайловичъ управлялъ Кашиномъ. Вѣроятно съ 1319 г., т. е. послѣ смерти своего отца Михаила Ярославича, который: отправляясь въ орду на судъ къ Узбеку «далъ рядъ своимъ сыновьямъ, написалъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою.» У Тат. IV, 120 уже подъ 1327 г. Василiй называется Кашинскимъ. А въ 1339 г. и въ Ник. Ш, 167 и у Тат. IV, 139 говорится что у Василiя были *свои бояре и слуги*, т. е. свои особенные, Кашинскiе.

(598) Если Всеволодъ въ орду прошелъ изъ Москвы, то не хлопоталъ ли въ ордѣ Симеонъ за Всеволода, и оттого послѣднiй получилъ в. к. Тверское отъ Хана.— Неизвѣстно въ которомъ году Всеволодъ получилъ Холмъ въ удѣлъ, (какъ и вообще неизвѣстны годы полученiя князьями Тверской земли своихъ удѣловъ).

(599) Ник. Ш, 184, 185. Тат. IV, 160. У Тат. послѣдняя фраза приведена въ такомъ видѣ: «князь же Василiй оскорбленъ бысть, опечались зело отъ братанича своего Всеволода, яко неправедно у Хана испроси все княженiе Тверское.» О Бездежѣ Кар. IV, пр. 238 замѣчаетъ слѣдующее: «Бездежъ есть нынѣ, думаю, селенiе Веведево, ниже Енотаевска, на рукавѣ Волги.» Это же принимаетъ и Саблуковъ, очеркъ внутр. сост. Кипчакскаго царства, въ Сарат. губ. вѣд. 1844 г. Арц. П, стр. 78, прим. 589 сообщаетъ извѣстiе, что Веведево получило имя отъ своего основателя.

(600) Арц. П, стр. 102, прим. 732 говоритъ: «Лѣтосчисленiе здѣсь едва ли справедливо: невѣроятно, чтобы Всеволодъ и Василiй поѣхали изъ орды въ 1346 г., а возвратились домой въ 1348 г.» По Ник. они поѣхали въ концѣ 1345 г. и вернулись въ 1347, и въ лѣтописяхъ не говорится, чтобы они вернулись раньше 1347; конечно въ лѣтописяхъ могли не занести какой либо другой ихъ поѣздки. А могло быть и такъ, что послѣ грабежа въ Бездежѣ, дядя и племянникъ опять поѣхали въ орду изъ Бездежа же. А можетъ быть въ 1346 г. они оба были въ Твери, потому что въ этомъ году (Ник. Ш, 186) Марiя Тверская, дочь покойнаго Александра Михайловича, вышла замужъ за Симеона Ивановича. Конечно, ее выдать замужъ могла и в. кн. Настасья, но все таки едва ли бы дѣло о бракѣ могло быть устроено безъ старшаго князя — Василiя. У Тат. IV, 167 сообщается любопытное, (и очень возможное), извѣстiе о пребыванiи ихъ въ ордѣ и о тяжбѣ за в. княженiе Тверское послѣ Бездежскаго происшествiя: «По смерти кн. Александра (ошибкою вм. Константина) Михаиловича Тверскаго начася распря между сыномъ ево Всеволодомъ Холмскимъ и братомъ Александровымъ Василiемъ Кашинскимъ. Всеволодъ же не хотя со стрiемъ своимъ битися и кровь неповинную проливати, иде во орду къ хану просити о судѣ, о чемъ Василiй Кашинскiй увѣдавъ вскорѣ иде за нимъ по Волгѣ, и быша у хана болѣе полугода, пренiе имѣя о княженiи Тверскомъ. И Василiй многихъ князей закупи (только какъ онъ могъ закупить, если былъ ограбленъ?) и помогаша ему глаголя, яко сiи суть старѣйшiе имъ же и ханъ согласова, хотя дати, мати же ханская Шеритамгу

(а ханши дѣйствительно пользовались въ ордѣ большимъ вліяніемъ) пришедъ въ совѣтъ той и слыша ихъ судъ рече: о безумніи судіи! како неправду судите, лишая сына отцева достоянія, кто бо ближайшій есть яко сынъ по отцѣ, а братъ Александровъ имать свой удѣлъ отца и по немъ наслѣдятъ сынове его; когда во ордѣ было что въ мѣсто сына ханскаго по немъ братъ былъ? разве насиліе и крамола. И тако устыдившеся вcін......» И потому ханъ далъ Всеволоду Тверь, а Василію Кашинъ.

(601) Ник. Ш, 190, 191. Тат. IV, 167, 168.

(602) Ник. Ш, 191, 192. Тат. IV, 168, 169. У Тат. не говорится объ увеличеніи населенія въ слѣдствіе примиренія князей.

(603) Впрочемъ, въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о Василіи Васильевичѣ по поводу его смерти, а именно Ник. IV, 5 говоритъ только о томъ, что въ 1362 г. умеръ князь Василій Васильевичь *Кашинскій*, сынъ Василія Михаиловича. (Г. Костомаровъ, говоря въ своей ст. Церк. ист. крит., о передачѣ Кашина Василью Васильевичу, именно ссылается на это мѣсто Ник. лѣт. IV, 5.) Но здѣсь Василій Васильевичь можетъ быть названъ Кашинскимъ не потому что онъ владѣлъ Кашиномъ, а потому что онъ былъ сынъ Василья Михайловича *Кашинскаго*. Изъ лѣтописей не видно, который изъ сыновей Василія Михайловича былъ старше — Михаилъ или Василій. Михаилъ Васильевичь называется Тверскимъ въ 1349 г. (Ник. Ш, 193) при жизни отца и брата Василія.

(604) См. г. Костомарова *Церковно-историческая критика въ XVII в.*, гдѣ въ началѣ статьи помѣщенъ историческій очеркъ Кашина. (В. Е. 1870. Апр. 483.)

(605) Ник. IV, 17 подъ 1366 г. Тат. IV, 209. Но не въ томъ ли смыслѣ, что онъ сынъ Василья *Кашинскаго?* «Князь же Михаило Александровичь даде ему любовь велику, и княгиню его отпусти к нему; а на зиму о крещеніи к. Михайло Васильевичь Кашинскій от отца своего Василия Михайловича пришедъ взя миръ со княземъ Михаиломъ Александровичемъ.»

(606) Ник. Ш, 192. Тат. IV, 169. Воскр. 215. Po smerty welikoie kniahiny Anny poniał kniaż weliki Olgierd doczku kniazia welikoho Twerskoho Oljewnu, kniażnu Ulianu. Pomniki do dziejow Litewskich, изд. Нарб. 1846, стр. 22. А другая дочь Александра Михайловича, Марія, была за Симеономъ Гордымъ.

(607) Ник. IV, 6. Тат. IV, 199.

(608) Narb. V, 237.

(609) Мак. IV, 133. — Ульяна умерла въ 1391 г. Ник. IV, 202. Тат. IV, 365. Твер. 446. Правнучка Михаила Александровича, Анна Ивановна, вышла замужъ за кн Свидригайла Литовскаго и имѣла на него также большое вліяніе, какъ объ этомъ будетъ замѣчено дальше при описаніи княженія Бориса Александровича Тверскаго.

(610) Ник. IV, 6. Тат. IV, 199. О дочеряхъ Ольгерда, см. Narb. V, 240. Мак. IV, 132.

(611) Ник. Ш, 193. Воскр. 215. Тат. IV, 170. У Татищева сказано, что на дочери Симеона Гордаго женился самъ Василій Михайловичь Тверской. (Но Василій Михайловичь женился въ Брянскѣ еще въ 1329 г. и ни откуда не видно, чтобы онъ овдовѣлъ.) У Тат. IV, 175 подъ 1353 г. по поводу смерти Семіона Гордаго замѣчено: «князи же вси Рязанскіе, Тверскіе и Ростовскіе толики подручны себѣ имѣ, яко вся по его глаголу творяху. У Тат. IV, 180 говорится, что князья Тверской и Суздальскій примирили в. к. Ивана Ивановича съ Новгородцами, когда онъ на нихъ прогнѣвался. Въ 1351 г. Всеволодъ Александровичь Холмскій, неизвѣстно когда женившійся, отослалъ свою супругу въ Рязань. Ник, Ш, 198. Тат. IV, 174 — причемъ причина не объяснена. Г. Иловайскій (Рязан. кн. 160) полагаетъ, что она была ото-

слана для предохраненія отъ язвы, отъ мору. Въ 1364 г. умерла Софья, супруга Всеволода. Была ли это одна личность съ первой отосланной на Рязань, или это была вторая супруга Всеволода? — Сравн. прим. 670.

(612) Ник. Ш, 195, 196. Тат. IV, 172.

(613) Сол. Ш, 316.

(614) Дѣйствительно долго терпѣлъ притѣсненія, съ 1351 по 1356 г. Невольно обращаешь вниманіе на выраженіе Татищева: «Всеволодъ же не хотя со стріемъ своимъ битися.» — Въ 1353 г. (Ник. Ш, 204) были всѣ князья русскіе въ ордѣ, стало-быть и Тверскіе, и отпущены были въ свои вотчины. Слѣдовательно и во время этой поѣздки не былъ разрѣшенъ споръ Василія со Всеволодомъ.

(615) Ник. Ш, 218. Тат. IV, 183. У Тат. IV, 180 подъ 1355 г. раньше переговоровъ Василія и Всеволода во Владимірѣ, замѣчено, что кн. Тверской вмѣстѣ съ кн. Суздальскимъ были посредниками при примиреніи в. к. Московскаго Ивана Ивановича съ Новгородомъ. Когда при в. к. Иванѣ Ивановичѣ въ Москвѣ былъ убитъ тысяцкій Алексѣй Петровичъ, то нѣкоторые Московскіе бояре уѣхали въ Рязань къ Олегу, а не въ Тверь. Значитъ они считали себя болѣе безопасными въ Рязани, нежели въ Твери. Въ самомъ началѣ княженія Ивана Ивановича смѣлый Олегъ захватилъ Лопасню.

(616) Ник. Ш. 210. Тат. IV, 184, 185.

(617) Ник. Ш, 211. Тат. IV, 185. Въ Никоновской сказано такъ: «Того же лѣта (1357) Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша.» Въ то время Всеволодъ былъ въ Литвѣ да въ ордѣ; Тверскую рать могъ посылать только Василій Михайловичъ; а если съ нимъ была Можайская рать, то значитъ Московскій князь ему помогалъ.

(618) Въ 1355 г. Ник. Ш, 207. Тат. IV, 181. Трудно сказать, была ли Ржева взята Литовцами изъ желанія подать Всеволоду помощь, или этотъ захватъ Ржевы не имѣетъ связи съ внутренними дѣлами Тверскаго княжества. Хотя и важно знать, но трудно, даже невозможно рѣшить, не принадлежала ли Ржева передъ 1355 г. Москвѣ пополамъ съ Тверью.

(619) А можетъ быть онъ и просилъ, но Ольгердъ не могъ тогда помочь. Въ 1356 г. Ольгердъ ходилъ на рыцарей Тевтонскаго ордена; въ 1357 г. противъ Ольгерда проповѣдывался крестовый походъ, и дѣйствительно дружины рыцарей разныхъ націй ворвались въ Литву, но должны были отступить съ большей потерей. Narbutt, Dzieje narodu Litewskiego, V, 78 — 86.

(620) Кажется, это приведенное здѣсь мѣсто Ник. лѣт. испорчено: здѣсь два раза встрѣчается выраженіе *продажа* и притомъ при второмъ разѣ *данная* (?) продажа, — а потому мнѣ кажется здѣсь лучше предпочесть чтеніе Татищевское, какъ болѣе исправное. У Татищева IV, 186 такъ: «И бысть кн. Всеволоду Александровичу отъ дяди его кн. Василія Михайловича томленіе веліе, такожъ и боярамъ его и слугамъ *грабленіе* и *продажа*; на нихъ и черныхъ людей *дани великія* возложи, ища свои протори.» Что значитъ здѣсь грабленіе? Не думаю, чтобы это означало обыкновенный грабежъ и разбой. Притомъ у Татищева еще поясняется, почему были такіе большіе поборы со стороны Василія Михайловича: онъ хотѣлъ вернуть свои ордынскія издержки.

(621) Въ 1358 г. (Ник. Ш, 212) ходили къ новому хану Наврусу всѣ русскіе князья. Если тутъ были и Тверскіе, то все-таки и на этотъ разъ они не примирились въ ордѣ. У Тат. IV, 187 именно сказано, что между другими русскими князьями былъ и Василій Михайловичъ со своими племянниками.

(622) Ник. III, 213, 214. Тат. IV, 189, 190. Въ слѣдующемъ 1359 г. Гедиминъ пріѣзжалъ смотрѣть Ржеву. Ник. III, 214. Тат. IV, 190.

(623) Ник. III, 214. Тат. IV, 189, 190. Соловьевъ IV, прим. 157, сказано, что относительно общаго владѣнія главнымъ городомъ «въ Твери тоже самое явленіе, см. Кар. V, прим. 213.» Такимъ образомъ Соловьевъ здѣсь принимаетъ такія же трети, какъ въ Москвѣ. Сол. III, 330 говоритъ, что «Василій Кашинскій уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины,» — то какъ здѣсь понимать? принимать буквально? въ смыслѣ третьей части всего княжества? Чичеринъ въ Опыт. по Ист. рус. пр., въ статьѣ о дух. и договорн. грам. вел. и удѣл. князей, стр. 266 говоритъ, — впрочемъ не приводя основаній, — «что такое же (какъ въ Москвѣ) общее владѣніе главнымъ городомъ существовало въ Тверскомъ княжествѣ и въ Рязанскомъ.» — Какъ понимать выраженіе: «князь Василій Михайловичь, дядя ихъ, *треть* ихъ отчины отступился и раздѣлишася волостьми.» Понимать ли такъ, что онъ уступилъ племянникамъ *треть*, т е. третью часть всего Тверскаго княжества? (Но это было бы странно.) И нигдѣ не говорится, чтобы Василій Михайловичь отнялъ удѣлы у всѣхъ своихъ племянниковъ. Подъ *третью* тутъ нужно понимать, кажется, такія же *трети* или жеребьи, какія существовали въ Москвѣ и Рязани. (О Рязанскихъ третяхъ, см. Илов. истор. Ряз. княж. 216, пр. 212. Василій Ивановичь Рязанскій благословилъ одного изъ своихъ двухъ сыновей *третьею* частью изъ Переяславскихъ доходовъ. ib. 217, 220.) О томъ что въ Твери были трети, видно изъ одного отрывка утраченной Троицк. лѣт. приводимаго у Кар. V, прим. 213: «Тое же весны кн. Юрьи Всеволодичь Тферскій приде изъ Орды и приведе съ собою на помощь посолъ именемъ:..... добиваяся Кашина, *да третьей части Тфери*: Князь же Иванъ Михайловичь не съступися ему; они же възвратишася къ Царю Булатъ - Салтану.» Правда, что про Тверь говорится *третья часть Твери*, а не просто *треть*, но это могло произойти позже отъ ошибки переписчика, который не понялъ, что такое *треть*. Москва, какъ извѣстно, не дѣлилась между сыновьями князей; между ними дѣлились только доходы, приписанные къ ней. (Градов. мѣст. управл. 18). Въ духовной грамотѣ Калиты сказано: «приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву: а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ.» (С. г. г. д. I, № 21.) Въ Ник. аналогично: треть отчины отступился и раздѣлились волостьми. Или вотъ еще подобныя мѣста изъ духовныхъ грамотъ. Въ духовной Василья Дмитріевича (№ 39) сказано: «Благословляю сына своего кн. Ивана своею отчиною третью Москвы......» Или въ духовной Владиміра Андреевича (№ 40): «А приказываю вотчину свою Москву, свою треть......» Въ духовной Ивана Ивановича (№ 25): «Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрію и кн. Ивану, а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ, и въ пошлинахъ городьскихъ треть, что потягло къ городу; и что медъ оброчный Васильцева стану, и что отца моего купленые бортници подъ вѣчныѣ варяхъ, и кони ставити по становъ и по варямъ, и конюший путь, то имъ все на трое...... а исъ тамги изъ Московьское княгини моей у моего сына у князя у Дмитрия и у князя у Ивана изъ дву *жеребьевъ* треть.» О Тверскихъ третяхъ см. еще въ прилож. № 4.

(624) Въ 1340 г. Ник. III, 174. Соф. I, 222. Воскр. 206.

(625) Въ 1341 г. Ник. III, 176. Псков. I, 186 — 188. Евнутій, спасаясь отъ своего брата Ольгерда, нашелъ себѣ убѣжище въ Москвѣ въ 1344 г. Ник. III, 182. Соф. I, 224. Воскр. 209.

(626) Въ 1345 г. Ник. III, 183. Новг. I, 83.

(627) Въ 1347 г. Ник. III, 187. Воскр. 215.

(628) Въ 1351 г. Ник. III, 195. Воскр. 216. Сол. III, 313 замѣчено, что при-

чины этого похода и условія мира неизвѣстны. Ibid. пр. 432: нѣтъ никакого основанія соединять приходъ пословъ Ольгердовыхъ съ Смоленскими дѣлами и думать, что Ольгердъ присылалъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; Литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получили миръ, послѣ чего Симеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрѣ. — Кар. IV, 166 и Narb. V, 63 полагаютъ, что Ольгердъ ходатайствовалъ за Смоленскъ.

(629) Мак. IV, 25 — 27, 42, 43. Ник. III, 204. Тат. IV, 178. У Мак. IV, прилож. № IX, стр. 322, 323 замѣчено слѣдующее. Касательно причины возведенія Романа въ санъ митрополита въ житіи св. Алексѣя, помѣщенномъ въ Степенной книгѣ, читаемъ слѣдующее: «во время поставленія его (св. Алексѣя) содѣяся мятежъ во святительствѣ, его жъ не бысть преже сего въ Руси. Сій же мятежъ ничтоже ино, кромѣ вражія зависти и человѣческаго *ради сребролюбія*, его же ради поставленъ бысть тогда *другій* митрополитъ на Русь, именемъ Романъ, и бысть ему со блаженнымъ митрополитомъ Алексіемъ крамолъ велія (I, 452).» Свидѣтельство это о сребролюбіи, имѣвшемъ такую силу въ столицѣ Греціи, тѣмъ замѣчательнѣе, что оно дано не Русскимъ, а Грекомъ — Пахоміемъ, составителемъ означеннаго житія Алексѣева. Конечно, патріархъ могъ и не знать о дарахъ Романа или Ольгерда въ Константинополѣ: дары могли быть поднесены не самому патріарху, а окружающимъ его лицамъ или даже самому императору, который имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на церковныя дѣла и въ частности на поставленіе митрополитовъ. При этомъ авторъ (т. е. преосв. Макарій) ссылается на А. З. Р. I, № 24, стр. 35. А въ указанныхъ актахъ подъ № 24 помѣщена соборная грамота Литовскихъ епископовъ отъ 1415 г. о избраніи и посвященіи Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака, въ окончаніи которой читается слѣдующее: «ибо святый вселенскый патріярхъ и божьственый соборъ священый Костянтиня — града по правиломъ поставити митрополита не могуть, но кого царь повелить; и отселѣ купуется и продаеться даръ святаго Духа.» Вотъ еще свидѣтельство о греческомъ сребролюбіи при поставленіи Русскихъ митрополитовъ. Архимандритъ Переяславскій Пименъ, самовольно хлопотавшій о санѣ митрополита для себя вмѣсто умершаго въ дорогѣ Митяя, любимца Дмитрія Донскаго, занялъ — въ чемъ помогли ему бывшіе въ свитѣ нѣкоторые бояре — у купцевъ восточныхъ и итальянскихъ до 20000 рублей и кромѣ того роздалъ множество даровъ, въ слѣдствіе чего въ Іюнѣ 1380 г. онъ былъ рукоположенъ въ митрополита Кіевскаго и великой Россіи. (Митрополитомъ же малой Россіи и Литвы былъ утвержденъ Кипріанъ. Мак. IV, 69, 70. Ник. IV, 75, 76.) — Или вотъ что говорится въ грамотѣ Витовта отъ 1415 г. по случаю отдѣленія Кіевской митрополіи отъ Московской, и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака: «И то есмо на нихъ (т. е. на царѣ и патріархѣ) гораздо познали, што жъ они хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупить на митрополью, штобы таковый въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ.»

(630) А можетъ быть наоборотъ. Могло быть и такъ, что Романъ рѣшился самъ позже пріѣхать въ Тверь, потому что въ первый разъ его посольство было принято хорошо.

(631) Мак. IV, 43, 44. — Передъ этимъ только что умеръ в. к. Иванъ Ивановичь Московскій, и начался споръ за в. княженіе у Дмитрія Константиновича Суздальскаго съ Дмитріемъ Донскимъ. Можетъ быть эти обстоятельства ободрили Романа и онъ рѣшился пріѣхать въ Тверь.

(632) Михаилъ Александровичь, братъ Всеволода Холмскаго, былъ женатъ на Евдокіи Константиновнѣ Суздальской. Твер. 467, 468. — Въ 1357 г. у Михаила Але-

ксандровича родился сынъ Иванъ и умеръ Александръ. — Борисъ Константиновичъ Суздальскій былъ женатъ на дочери Ольгерда. Ник. III, 204.

(633) У Тат. IV, 195 есть такое извѣстіе подъ 1362 г.: Князь Дмитрій Ивановичь Московскій аще бѣ юнъ, яко лѣтъ 19 не можаше обиды отмстити, но сродницы его князи *Тверскіе* и Ростовскіе по прозьбѣ бояръ его и помня любовь отца его, начаша его заступати, и послаша всій посланцовъ своихъ къ Хану Амурату просяще и глаголюще и т. д. Какіе же это Тверскіе князья? Если подъ Тверскими разумѣть всѣхъ князей Тверской земли, то здѣсь можно понимать, что Василій Михайловичь Кашинскій съ сыномъ Михаиломъ (и можетъ быть съ племянникомъ Еремѣемъ, который уже могъ знать о расположеніи своего брата Семена къ Михаилу Александровичу и стало быть могъ предвидѣть, что не получитъ удѣла послѣ смерти своего брата) хлопотали въ ордѣ послѣ 1360 г. о доставленіи в. княженія Дмитрію Московскому, а Василій, ободренный успѣхомъ Дмитрія, и рѣшился напасть на Микулинъ въ слѣдующемъ году. Такъ что въ такомъ случаѣ нападеніе на Микулинъ отчасти объяснится и безъ вражды Твери къ Москвѣ и безъ подстрекательства Елены. Выходитъ, что на этомъ основаніи нельзя вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что говорится у Сол. III, 333, будто за Дмитрія Московскаго хлопотали въ ордѣ его родственники, князья Ростовскіе и Тверскіе, потому что — какъ они вѣроятно думали, — гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на Владимірскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослаго.

(634) Вотъ то мѣсто Ник. лѣт. III, 214, гдѣ описывается пребываніе Романа въ Твери и тамошнія событія: «Романъ Митрополитъ прииде во Тверь (1359 г.) напраснъствомъ и безстудствомъ, не обослався ни по любви съ пресвещеннымъ Алексѣемъ Митрополитомъ; и не бысть ему ничто же по его волѣ и мысли, и не видесь съ нимъ Феодоръ епископъ Тверскій, ни чести ему коея даде. Онъ же мало время пребывъ во властехъ тверскихъ, потребное пріемля отъ князей и отъ бояръ тверскихъ, и отъ другихъ нѣкіихъ, и паки возвратися въ Литву. Того же лѣта кн. Всеволодъ Александровичь Холмскій пріиде изъ Литвы, и взя миръ и любовь съ братьею своею; а кн. Василей Михайловичь дядя ихъ, треть ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми. Князь же Всеволодъ Александровичь Холмскій многу сотвори честь, и дары даде Роману Митрополиту, и паки повелѣ его проводити въ Литву съ честью.» Тат. IV, 189. Вотъ мѣсто изъ Сол. IV, 302, 303, которое касается тогдашнихъ событій: «Здѣшній владыка Феодоръ не захотѣлъ съ нимъ (Романомъ) видѣться, и не оказалъ ему никакого почета; но князья, бояре и нѣкоторые другіе, по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказалъ и богатые дары далъ ему кн. Всеволодъ Александровичь Холмской. Такое поведеніе Всеволода объясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ Михайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ Московскій князь и митр. Алексѣй, Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ у зятя своего Ольгерда (однако мы здѣсь замѣтимъ отъ себя, что онъ никакой открытой, явной помощи не получилъ), посредничеству котораго, безъ сомнѣнія, Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему треть отчины; Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь въ то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Романъ; очень вѣроятно, слѣдовательно, что послѣдній пріѣзжалъ съ Ольгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Всеволоду волость; но если бы и не такъ было, то понятно, что Всеволодъ, родственникъ и союзникъ Ольгерда, долженъ былъ оказывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ землѣ Литовской.»

(635) Мак. IV, 45, 55. — Борисъ Константиновичь Суздальскій, безуспѣшно добивавшійся Нижняго въ 1365 г., былъ женатъ на дочери Ольгерда съ 1353 г. Ник. III, 204.

(636) Ник. III, 218. Того жъ лѣта приходиша Литва ратью на Тверскіе власти. Тат. IV. 194.

(637) Изъ лѣтописей не видно, какъ и когда Михаилъ получилъ Микулинъ — по завѣщанію ли отца или отъ своего старшаго брата Всеволода. Микулинъ 50 верстъ отъ Твери въ Старицкомъ уѣздѣ. Безъ сомнѣнія Михаилъ Александровичъ получилъ удѣлъ Микулинъ по завѣщанію своего отца, но пока былъ малъ, то самъ не управлялъ. Въ Ник. III, 168 сказано, что Александръ Михайловичъ передъ смертью *о вотчинѣ своей глаголавъ* передъ своимъ сыномъ Ѳедоромъ и боярами; конечно онъ распредѣлилъ удѣлы. Если же предположить, что Михаилъ получилъ Микулинъ отъ Всеволода (во время его кратковременнаго великаго княженія), то Василій Михайловичъ, сдѣлавшись в. княземъ, могъ уничтожить распоряженіе своего предшественника-соперника. Впрочемъ, замѣтимъ, что въ лѣтописи говорится, что въ 1359 г. Василій Михайловичъ, какъ мы видѣли, помирился со Всеволодомъ, и затѣмъ въ лѣтописи говорится, что *какъ будто* всѣ Тверскіе князья подѣлились волостьми. Можетъ быть въ этомъ году Василій утвердилъ за Михаиломъ Микулинъ, назначенный послѣднему еще его отцемъ? Въ жалованной грамотѣ Тверскому Отрочу монастырю Тверскіе князья перечисляются въ такомъ порядкѣ старшинства: в. к. Василій Михайловичъ, потомъ его племянники: Всеволодъ, Михаилъ, Владиміръ, Андрей Александровичи; Еремѣй, Семенъ Константиновичи, и наконецъ его сынъ Михаилъ Васильевичъ. А. А. Э. I, № 5. Эта грамота дана послѣ 1362 г., потому что въ ней не упоминается другой сынъ Василья Михайловича, Василій Васильевичъ, умершій 1362 г. — И. Д. Бѣляева, Михаилъ Александровичъ, в. к.. Тверской. Чт. М. О. И. Д. Р. 1861, № 3.

(638) Твер. 468, 469. Далѣе въ Твер. уже о началѣ *великаго* княженія Михаила сказано между прочимъ слѣдующее: «и дворъ его день отъ дне множайше крѣпляшеся.» Стр. 469. Выраженіе «да убо хощетъ княжити на градѣ семъ», показываетъ, что тогда серьезно опасались въ семействѣ Василія Михайловича, чтобы Михаилъ тогда же не захватилъ Твери силою, пользуясь расположеніемъ Тверичей къ себѣ. Спрашивается, почему же Тверичи любили Михаила Александровича болѣе нежели его брата Всеволода Александровича? Вѣроятно, потому что Всеволодъ — волей неволей — все уступалъ Василію Кашинскому, и вотъ тогда Тверичи возложили всѣ свои надежды на Михаила Александровича.

(639) Ник. IV, 5. Тат. IV, 198. Въ слѣдъ за тѣмъ въ Ник. IV, 5 говорится: «Того же лѣта (1362 г.) Литва взяша Коршеву.» У Тат. IV, 199 названа *Орешава*. Арцыб. II, 112, пр. 799 полагаетъ ко Ржеву.

(640) Въ родосл. росписяхъ даже не упоминаются эти два князя.

(641) Какъ позже Иванъ Всеволодовичъ приказалъ свой удѣлъ Александру Ивановичу. Объ этомъ см. дальше.

(642) Ник. IV, 8, 9. Тат. IV, 201, 202. Въ этихъ лѣтописяхъ сказано, что тогда отъ этой же язвы умеръ какой-то князь Константинъ съ женою и съ дѣтьми; но конечно подъ этимъ княземъ Константиномъ не должно разумѣть Тверскаго кн. Константина Михайловича, который умеръ раньше въ 1345 г., и послѣ котораго осталось двое сыновей, изъ которыхъ одинъ умеръ теперь во время язвы; притомъ тутъ же въ лѣтописяхъ отдѣльно говорится о томъ, что тогда же умерла кн. Авдотья Константиновна.. А подъ кн. Константиномъ, умершимъ съ женою и дѣтьми во время этой язвы, не должно ли понимать кн. Константина сына Ѳедора Ростиславича Черваго кн. Смоленско-Ярославскаго.

(643) Такое условіе встрѣчается въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (С. г. г. д. I, № 33): «А которая дѣла учинятся межи нами, и намъ отъслати своихъ бояръ, инѣ исправу учинятъ; а о чемъ сопрутъся, ини ѣдутъ къ Митрополиту; а не будетъ Митрополита въ сей землѣ, инѣ на третей, кого себѣ изберутъ: а которыѣ бояре умолвятъ, то подоиметъ князь, котораго умолвятъ, а бояромъ вины нѣтъ.» Также ib. № 35 въ договорной грамотѣ Василія Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ. Или въ договорной грамотѣ Василія Дмитріевича съ Ѳедоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (ib. № 36): «А что ся учинитъ межы васъ какова обида, и вамъ отъслати своихъ бояръ, ини учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей Митрополитъ: а кого Митрополитъ обидитъ, ино обидное отдати; а не отдасть, ино мнѣ Князю Великому Василью Дмитреевичю отправити, а то ми не въ измѣну, такоже на обѣ сторонѣ.» Здѣсь только нѣтъ условія на случай отсутствія митрополита. Въ договорѣ (о которомъ еще придется говорить) Дмитрія Донскаго съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ сказано, что если Тверскіе и Московскіе бояре не сговорятся по поводу какого нибудь спорнаго дѣла, то обращаются къ в. к. Рязанскому Олегу, который въ такомъ случаѣ считается третейскимъ судьей (С. г. г. д. I, № 28). Въ Рус. Ист. Костом. I, 208, по поводу спора за удѣлъ кн. Семена Константиновича замѣчено: «Такъ какъ дѣло по завѣщанію касалось церкви, то дѣло это разбиралъ тверской епископъ Василій и рѣшилъ въ пользу Михаила Александровича.»

(644) Въ 1366 г. Ник. IV, 12. Тат. IV, 205. У Тат. сказано, что кромѣ владыки Василія судили еще два Московскихъ боярина.

(645) Ник. IV, 15. Тат. IV, 208.

(646) Ник. IV, 5.

(647) А въ слѣдующемъ году, Дмитрій Суздальскій, какъ извѣстно, выдалъ дочь свою Евдокію за Дмитрія Московскаго.

(648) Ник IV, 8. Кар. V, 5.

(649) Ник. IV, 15. Тат. IV, 208.

(650) Здѣсь сперва упомянуто про *грабежъ* имѣнія, а потомъ говорится о *продажѣ* безъ помилованія. Что здѣсь нужно понимать подъ *продажей?* Обыкновенный ли грабежъ, — но о грабежѣ уже было упомянуто. Не слѣдуетъ ли здѣсь подъ *грабежемъ* разумѣть денежные штрафы въ пользу князя. Подобное встрѣтилось выше при описаніи спора Всеволода Холмскаго съ Василіемъ Михайловичемъ. Ср. выше пр. 620. — Въ Ник. лѣт. находится еще слѣдующее выраженіе. Василій Кашинскій и Дмитрій Донской ходили ратью къ городу, т. е. къ Твери, но *Божіимъ заступленіемъ* города не взяли и ушли назадъ. Выраженіе *Божіимъ заступленіемъ* могъ, по всей вѣроятности, употребить только Тверитянинъ. Затѣмъ сказано, что непріятели повоевали Тверскія волости и села на *сей сторонѣ Волги*, и также повоевали церковныя волости Св. Спаса епископіи Тверскоя. Церковная волость Олешна была къ Югу отъ Волги въ Холмскомъ удѣлѣ. См. о Холмѣ выше въ 1 гл. настоящаго сочиненія.

(651) Октября 27.

(652) Которая передъ тѣмъ на него вооружала своего мужа.

(653) Должно быть эти княгини, бояре и слуги были очень безпечны, полагая что тогдашнимъ погромомъ они напугали Тверичей и Михаила Александровича, и какъ видно они были гдѣ нибудь близь Твери, если не въ самой Твери, потому что Михаилъ Александровичь захватилъ ихъ еще до похода на самый Кашинъ. Арцыб. II, 114, полагаетъ, что при осадѣ Твери Василіемъ была и супруга послѣдняго.

(654) Должно быть нынѣшнее село Андреевское (Мизгирёво) въ 9 верстахъ отъ Кашина по лѣвую сторону Тверскаго тракта. Вѣроятно оно было на границѣ удѣловъ Кашинскаго и Тверскаго, какъ объ этомъ было замѣчено выше.

(655) А на зиму о крещеніи кн. Михайло Васильевичь Кашинскій отъ отца своего Василія Михайловича пришедъ вяя миръ со кн. Михаиломъ Александровичемъ.

(656) Объ этой войнѣ Василія съ Михаиломъ и о вмѣшательствѣ Москвы и Литвы, см. Ник. IV, 15, 16, 17. Тат. IV, 208, 209.

(657) Ник. IV, 17. Тат. IV, 209. Подъ годомъ 1367 говорится о взятіи Ржевы Владиміромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ Донскаго. Ник. IV, 19. Арцыб. II, 116, пр. 825. Тат. IV, 211. Воскр. прод. 15. Троицк. 231.

(658) Лѣтописи не говорятъ, на что именно жаловался кн. Еремѣй и для переговоровъ о какихъ именно Тверскихъ дѣлахъ звали кн. Михаила. Но о чемъ и могъ хлопотать кн. Еремѣй какъ не о удѣлѣ кн. Семена. Притомъ по результату переговоровъ можно судить и о самыхъ переговорахъ: послѣ нихъ у Михаила Александровича отняли часть Симеонова удѣла.

(659) Въ Ник. IV, 19 сказано судъ *на третей*, у Тат. IV, 211 *на третьихъ*, т. е. третейскій судъ, а перепищикъ Воскр. (прод. 15) написалъ *на третей день*. Это замѣтилъ уже и Кар. V, прим. 10.

(660) Михаилъ Александровичь тогда сидѣлъ на Гавщинѣ дворѣ.

(661) Князь Карачъ, Оандаръ и Тютекашъ. Въ Воскр. сказано: пріидоша Татарове отъ орды Карачь.

(662) Какъ извѣстно, Юрій Даниловичь велѣлъ убить въ Москвѣ кн. Рязанскаго Константина Романовича, «его же поималъ хитростію нѣкоею на бою отецъ его кн. вел. Данило Александровичь.» Ник. III, 104.

(663) Въ Ник. IV, 19 сказано такъ: «И потомъ не за долга время внезапу безвѣстно приидоша из Орды Татарове, князь Карачъ и Оандаръ и Тютекашъ, *они же слышавше* сия усумнѣшась, и тако посовѣтовавъше и помысливше попускаша ихъ во свояси.» Куда относится это слово *слышавше*, и кто были эти *слышавшіе и усумнившіеся?* Если слово *слышавше* относится къ пріѣзду Татаръ, то про Московскаго князя и его бояръ было бы сказано — не *слышавшіе*, а *узнавшіе* о пріѣздѣ. По смыслу здѣсь выходитъ такъ, что Татарскіе послы *услышавъ* о происшедшемъ *усумнились*. Дальнѣйшія слова *посовѣтовавше и помысливше попускаша ихъ во свояси* — относятся къ кн. Дмитрію и его боярамъ, которые подумали и освободили кн. Михаила. Вообще въ этомъ мѣстѣ Ник. какая-то неясность и пропускъ словъ; но это можно поправить на основаніи Тат. IV, 212, у котораго это мѣсто яснѣе: «Потомъ не въ долго время внезапу безвѣстно пріидоша изъ орды Татарове кн. Карачь и Андоръ и Тютекашъ, и слышавше сія усумнѣшась; князь же великій разумѣ яко недобре бояря его о кн. Михайлѣ совѣтоваша, абіе отпусти кн. Михаила бояръ его во свояси.» Отсюда также видно, что кн. Дмитрій совѣтовался объ этомъ дѣлѣ не съ однимъ митрополитомъ, но также и съ боярами, что конечно и было такъ.

(664) Лѣтописецъ говоритъ именно: отняше же у кн. Михаила Александровича тогда и Градокъ. Слово *отняше* — вмѣсто какого нибудь другаго, напр. заняли — поставлено вѣроятно здѣсь потому, что если Михаилъ и обѣщалъ въ Москвѣ уступить Градокъ, но все-таки это было обѣщаніе вынужденное.

(665) О пребываніи Михаила Александровича въ Москвѣ и о захватѣ Городка, см. Ник. IV, 19. Тат. IV, 211, 212. Воскр. прод. 15. У Тат. отнятый городокъ названъ Городень, а не Городокъ.

(666) Здѣсь мы обратимъ вниманіе на два вопроса, а именно a) объ участіи митр. Алексѣя въ арестѣ Михаила Александровича и b) съ какого времени можно Михаила Александровича считать в. к. Тверскимъ.

a) *Принималъ ли митр. Алексѣй участіе въ захватѣ кн. Михаила Александровича или это было сдѣлано в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ по совѣту бояръ?* Бѣляевъ, въ вышеуказанной своей статьѣ о кн. Михаилѣ Александровичѣ прим. 7, приписываетъ этотъ поступокъ только совѣтникамъ Московскаго князя, а не самому в. князю и не митр. Алексѣю на томъ основаніи, что самому князю въ это время было только 16 лѣтъ отъ роду и дѣлами преимущественно завѣдывали бояре; при томъ же митрополиту въ это время было 70 лѣтъ отъ роду, и онъ уже мало занимался государственными дѣлами; что же касается до приглашенія Михаила Александровича въ Москву, то это приглашеніе со стороны Алексѣя могло быть и съ доброю цѣлью. Такимъ образомъ Бѣляевъ полагаетъ, что 70-лѣтній митр. Алексѣй хотя мало, но все-таки занимался государственными дѣлами. Но и послѣ 1367 г. митр. Алексѣй принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, такъ онъ предавалъ церковному отлученію Смоленскаго князя за союзъ съ Литвою, а также и другихъ русскихъ князей, противодѣйствовавшихъ Дмитрію Ивановичу. (Вообще объ участіи Алексѣя въ дѣлахъ гражданскихъ, см. Мак. IV. 49 — 56.) Не смотря на свою старость, митр. Алексѣй въ 1371 г. провожалъ до р. Оки кн. Дмитрія Ивановича, отправлявшагося въ орду. Могло быть и такъ, что митр. Алексѣй вмѣстѣ съ боярами посовѣтовалъ пригласить кн. Михаила Александровича въ Москву, а посадилъ князя въ заточеніе уже только по одному совѣту бояръ, тѣмъ болѣе, что и у Тат. сказано, что когда въ Москву пріѣхали Татары, то кн. Дмитрій Ивановичь увидѣлъ, что *его бояре недобре* ему посовѣтовали. Михаилъ же Александровичь главнымъ образомъ могъ приписать свой арестъ именно митр. Алексѣю, потому что онъ зналъ о большомъ вліяніи митр. Алексѣя при дворѣ Московскомъ, и потому жаловался на него патріарху. Еще в. к. Симеонъ Ивановичь, умирая, завѣщалъ своимъ братьямъ слушаться владыки Алексѣя и старыхъ бояръ, «хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ.» (С. г. г. д. I, № 24, на стр. 38.)

b) *Съ какого времени можно полагать, что Михаилъ Александровичь Микулинскій становится и называется в. княземъ Тверскимъ?* Соловьевъ III, 339 говоря о первой войнѣ Василія Михайловича съ Михаиломъ Александровичемъ при помощи Литвы и Москвы говоритъ: «приступалъ (т. е. Василій Михайловичь) и къ крѣпости (т. е. Твери), но не могъ ее взять, опустошилъ только волости и села, и много народу поведено было тогда въ плѣнъ войсками Московскими и Волоцкими, которыя пожгли и поплѣнили все по сю сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежавшихъ церкви Св. Спаса. Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемѣна, мы не знаемъ; быть можетъ она-то и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаила съ Москвою.» Г. Костомаровъ (Церк. истор. крит. В. Е. 1870. Апр. 483) говоритъ, что когда владыка Василій присудилъ удѣлъ кн. Семена Михаилу Александровичу, то «вслѣдъ затѣмъ послѣдній сталъ княземъ въ Твери, т. е. старѣйшимъ или в. княземъ тверской земли. Василій Михайловичь долженъ былъ оставаться въ Кашинѣ......... но Василій Михайловичь не думалъ повиноваться этой судьбѣ; кашинцы пошли на тверичей за своего князя. Два города, Тверь и Кашинъ, сдѣлались двумя враждебными станами въ тверской землѣ.» — Г. Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист. I, гл. VII, 419, пр. 20, сказавъ объ оправданіи Михаила Александровича епископомъ Василіемъ, замѣчаетъ: «Василій, кажется, не владѣлъ тогда Тверью, ибо Михаилъ называется Тверскимъ

(Ник. IV, 15); послѣ суда митрополичьяго онъ прiѣхалъ въ Тверь (Тамъ же). Когда онъ потерялъ Тверь? Въ Тверской лѣтописи встрѣчаемъ такое указанiе: «научи бо (дьяволъ) Елену, тогда сущу княгыну великую (жену Василья) да многа завистнаа глаголеть на него мужу своему, и начать же глаголати князю своему: «видише, господине мой, сый Михаилъ възмогаетъ, и старшаго ти брата сынъ, и есть мужъ доблiй, сладокъ всѣмъ, и весь градъ Тверскый любитъ его, да убо хощеши княжити на градѣ семъ, сынове ваши изгнаны будутъ.» Василiй началъ враждовать на него, а Михаилъ получилъ столъ, но не объяснено какъ. (П. С. Р. Л. XV, 468 — 469.) Не было ли возстанiя въ Твери?» Приведемъ изъ Твер. лѣт. (468, 469) цѣлый отрывокъ, въ которомъ заключается и эта цитата: «По Александрѣ же братъ его Костантинъ въспрiятъ княженiе Тверское, по Костантинѣ же братъ его Василей въспрiатъ всю власть Тверскую. И бысть Василiеви Тверскый столъ дрьжащу, Михаилови же възмужавшу, възмагающу, и познавашеся отъ всѣхъ человѣкъ, яко сы хощеть Богъ свободити люди своа отъ великыя нужа иноплеменникъ: и величаху людiе зело, и мнози дары прихождаху къ нему, вси сынове Тверстiи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему. Сiй же въ крѣпости разума утвержахуся, сатана же, искони завистникъ сiй, пакостникъ добру христiанскому, не трьпяще зрѣти христiане мирно живуще егда видяще и благочиненно, и паче веселящеся, егда видяще тоа смущаемы отъ него ово нашествiемъ иноплеменникъ, наводя на нiхъ, иногда же межи тѣми сами(ми) Христовыми человѣки братоненавидство и непрiаственныа мрежа пропинаа, да въ нихъ углебшая отъ сихъ порадоватися хотяще зело, якоже доблаго Михаила видя къ Богу несъвратную вѣру вь дѣлехь имуща, и людми Божiими пекущеся, и сими ратомысленаго лукаваго ополченiа побѣжающа, и пакостяще тому лукавый. Научи бо Елену, тогда сущу княгыну великую, да много завистнана глаголеть на него мужу своему, и начать же сице глаголати князю своему: «видиши, господине мой, сый Михаиль възмагаетъ, а старшаго ти брата сынъ, и есть мужъ доблiй, сладокь всѣмъ, и весь градъ Тверскый любитъ его, да убо хощеть княжи(ти) на град(ѣ) семъ, сынове ваши изгнани будутъ.» Василей же начатъ гнѣватися на Михаила, и зло враждоваше на него, но Господь Богъ человѣколюбецъ, иже никогда-же оставляетъ надѣющихся на нь. *Начало великого княженiа князя Михаила Александровича.* Въ то же время благодарный великiй князь Михаилъ, благодаря Госпoда Бога, въспрiа отчествiе свое градъ Тверскый, и тако милостiю Божiею бысть великый князь Тверскый и всеа Богомъ порученна ему области Тверскаго настолованiя, пребываа въ многыхъ временехъ, велику сый храбрость показа многу, и грады многы вземъ покоривыйся любовiю, а непокоривыа мечемъ.» На самомъ дѣлѣ все происходило кажется такъ, какъ изложено здѣсь въ текстѣ настоящаго сочиненiя. Тверь не хотѣла зависѣть отъ Кашинскаго князя и при первой же усобицѣ возстала противъ него, принявъ сторону Михаила Микулинскаго. Являются войска Московскiя и Литовскiя, Тверское княжество раззоряется, заключается миръ, но не говорится, чтобы Василiй Михайловичь уступилъ Тверь своему племяннику и послѣднiй не называется здѣсь в. княземъ Тверскимъ. Да по всей вѣроятности если бы случилась тогда такая перемѣна, то она была бы замѣчена и занесена въ лѣтописные сборники. Василiй же Михайловичь, какъ видно, до самой своей смерти въ 1368 г. (или по Ник. въ 1367 г.) былъ в. княземъ Тверскимъ, и только послѣ временной потери Городка и кончины Василiя Михайловича, Михаилъ Александровичь сейчасъ же начинаетъ въ лѣтописяхъ называться *великимъ княземъ* Тверскимъ. (Ник IV, 20; Тат. IV, 212.) Да и въ Тверской лѣтописи два раза замѣчается, что Василiй Михайловичь управлялъ *всею областью Тверскою.* Въ первый разъ объ этомъ говорится въ ряду другихъ лѣтописныхъ замѣтокъ въ такихъ

словахъ (421): «По Александрѣ же братъ его Константинъ въспріа княженіе Тверское; по Костантинѣ Василей, братъ его въспріа всю область Тверскую.» Далѣе эта самая фраза повторяется почти буква въ букву въ неоконченномъ жизнеописаніи Михаила Александровича (468): «По Александрѣ же братъ его Костантинъ въспріатъ княженіе Тверское, по Костантинѣ же братъ его Василей въспріатъ всю власть Тверскую. И бысть Василіеви Тверскый столъ дрьжащу...... и т. д.» Правда, что это замѣтки краткія, отрывочныя. Возьмемъ теперь Ник. лѣт. (такъ какъ она главный источникъ для Тверскихъ событій отъ Александра Михайловича до смерти его брата Василія Михайловича) и прослѣдимъ, какъ тамъ называются князья Тверской земли. Если въ концѣ 1365 и въ 1366 г. Михаилъ Александровичь называется Тверскимъ, то мнѣ кажется, это еще не значитъ что онъ владѣлъ тогда Тверью; Тверскимъ онъ называется — такъ кажется — въ качествѣ одного изъ князей Тверской земли; Михаилъ Александровичь называется Тверскимъ и тогда, когда онъ еще несомнѣнно владѣлъ только однимъ Микулинымъ, именно подъ 1357 г. (по случаю смерти его сына Александра). Если же во время войны со своимъ племянникомъ въ 1366 г. Василій Михайловичь названъ Кашинскимъ, то это, должно полагать, невольно попало въ лѣтописи, чтобы обозначить этимъ вражду Кашина къ Твери; при описаніи той же войны, въ томъ же году, Василій Михайловичь не названъ ни Тверскимъ, ни Кашинскимъ, а говорится что онъ шелъ на Тверь со всей силой Кашинской; подъ тѣмъ же годомъ его сынъ Михаилъ Васильевичь называется Кашинскимъ. Самъ Василій Михайловичь называется Тверскимъ подъ слѣдующими годами: 1349, 1351, 1356, 1357, 1362; хотя подъ 1366 г. онъ названъ Кашинскимъ, но подъ слѣдующимъ 1367 г. (т. е. 1368) сказано, что умеръ *Василій Михайловичь Тверскій въ Кашинѣ.* (Также Троицк. 231.) Его сынъ Василій Васильевичь названъ Кашинскимъ подъ 1362 г. Наконецъ встрѣчается названіе вообще всѣхъ князей Тверской земли *Тверскими князьями* подъ 1357, 1359 гг. Только одинъ Всеволодъ Александровичь Холмскій постоянно называется Холмскимъ, даже и тогда, когда онъ въ 1345, 1347 гг. несомнѣнно былъ в. княземъ Тверскимъ по милости хана. — И такъ, мнѣ кажется, что Михаилъ Александровичь былъ несомнѣнно удѣльнымъ княземъ Микулинскимъ до самой смерти своего дяди Василія Михайловича Кашинскаго, и если было возстаніе Твери, желавшей избавиться отъ Кашинскаго князя, то это возстаніе кончилось неуспѣшно. (Въ 1372 г. умеръ кн. Еремѣй, никогда не бывавшій в. к. Тверскимъ, а между тѣмъ, говоря о его смерти, лѣтописецъ называетъ его Тверскимъ княземъ. Ник. IV, 36.) Жаль, что въ Твер. лѣт. (стр. 428) разсказъ прямо начинается съ того, что въ Городкѣ былъ посаженъ намѣстникъ кн. Московскимъ и кн. Еремѣемъ, а предъ этимъ въ лѣтописи имѣется пропускъ. Не знаемъ, какъ онъ раньше, т. е. именно въ мѣстѣ пропущенномъ, назывался — княземъ или великимъ княземъ, но послѣ посаженія намѣстника въ Городкѣ Михаилъ сейчасъ же называется в. к. Тверскимъ. Въ Ник. (IV. 24) Михаилъ Васильевичь Кашинскій называется Тверскимъ (подъ 1368 г.) въ то время, когда уже несомнѣнно в. к. Тверскимъ былъ Михаилъ Александровичь.

(667) Р. Тростна Рузскаго у. Москов. губ.

(668) Сол. III, 340. Лѣтописецъ по поводу нашествія Ольгерда на Москву, замѣчаетъ, что отъ Ѳедорчюковой рати (1327 г.) до Ольгердовой прошло 41 годъ. Ник. IV, 22. Воскр. прод. 16.

(669) Ник. IV, 20—23. Тат. IV, 212—215. Твер. 428, 429. Троицк. 231. Воскр. прод. 15, 16. Соф. I, 231. Въ Ник. и Твер. сказано, что Михаилъ въ Литвѣ просилъ Ольгерда «дабы месть сотворилъ его вскорѣ.» По раззореніи Московской области объ Ольгердѣ замѣчено въ Твер. лѣт., что онъ «отъиде во своаси, учинивъ лихо за лихо.»

(670) Ник. IV, 22, 23. Тат. IV, 215. О перенесеніи же церкви и о построеніи новой только въ одной Ник.—Супруга Михаилова названа Василисой.

(671) Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска, вмѣстѣ съ Волчанами, воевали Смоленскія волости, вѣроятно мстя ихъ князю за союзъ съ Ольгердомъ, см. Сол. III, 341. А что *дѣйствительно* тутъ мстилось Смоленску за союзъ съ Ольгердомъ, это можно будетъ видѣть изъ дальнѣйшаго разсказа о сношеніяхъ Литвы и Москвы съ Византіей. Въ разсказѣ о первомъ походѣ Ольгерда на Москву въ числѣ его союзниковъ не упоминается кн. Брянскій; но что онъ держался стороны Ольгерда, это можно будетъ видѣть изъ мирнаго договора Ольгерда съ Дмитріемъ Тверскимъ въ 1372 г., гдѣ въ числѣ Литовскихъ подручниковъ названъ и кн. Дмитрій Брянскій (въ С. г. г. д. I, № 31). Кн. Дмитрій Брянскій былъ сынъ Ольгердовъ, Кар. V, пр. 29. У Кар. это относится ко времени заключенія перемирія у Ольгерда съ Дмитріемъ, въ 1372 г. Вскорѣ послѣ 1356 г. Брянскомъ сталъ владѣть Ольгердъ, Сол. III, 331. По Ник. III, 207 съ 1355 г. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ упоминается кн. Дмитрій Брянскій, пришедшій на помощь Дмитрію Ивановичу.

(672) Спожино заговѣнье — 31 Іюля. Сол. III, 345. У Тат. IV, 216 сказано, что 18 Авг. Московскій князь сложилъ цѣлованіе къ Тверскому, слѣд. на третій день послѣ Успеньева дня.

(673) У Тат. IV, 217 сказано такъ: Дмитрій Ивановичь «отмсти обиду Ольгердову на нихъ, и смири Тверичь до зѣла.»

(674) Въ 1370 г. Ольгердъ дѣлалъ походъ въ Пруссію, гдѣ былъ разбитъ рыцарями подъ Рудавою. Narb. V, 180 — 188.

(675) Почему Мамай далъ ярлыкъ Михаилу Тверскому? Неужели Михаилъ могъ дать тогда много денегъ? Его княжество было разорено, а съ Новгорода онъ ничего не получалъ. Можетъ быть Мамай просто хотѣлъ поустрашить своего улусника Московскаго князя. Дмитрій Московскій ѣздилъ въ орду къ хану Хидырю еще малюткой въ 1361 г.; потомъ Дмитрій въ 1363 г. во *Владимірѣ* (въ орду онъ не ѣздилъ) взялъ ярлыкъ у Мамаева хана Абдула. Такимъ образомъ Дмитрій самъ ни разу не былъ въ ордѣ у Мамая, и вотъ Мамай, — чтобы заставить его пріѣхать къ себѣ, — далъ ярлыкъ Михаилу Тверскому.

(676) На Николинъ день, 6 Дек.

(677) Ник. IV, 23—28. Тат. IV, 215—219. Троицк. 231. Воскр. прод. 17. Соф. I, 231.

(678) Позже, какъ мы увидимъ, Татары говорили Михаилу: «мы дали тебѣ великое княженіе, и рать тебѣ давали, а ты не захотѣлъ и говорилъ, что сядешь своею силою, и ты сиди съ кѣмъ тебѣ любо.» По поводу отказа Михаила отъ вспомогательнаго Татарскаго войска Кар. V, 13 говоритъ слѣдующее: «Ханъ предлагалъ ему даже войско; но сей князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго посла, именемъ Сарыхожу, съ собою.» Мы увидимъ, что позже князья жаловались на Михаила за то, что онъ приводилъ ратью Ольгерда, и много зла Христіанамъ сотворилъ, а потомъ сложился съ Мамаемъ.

(679) «Взялъ еси лжею великое княженіе.» Троицк. 231. — «Не имемъ сему вѣры просто взяти тебѣ в. княженіе.» Воскр. прод. 18.

(680) Грамоту, напечатанную въ С. г. г. д. I, № 8 и отнесенную къ 1305, 1308 гг., должно отнести на основаніи печатей ко временамъ Михаила Александровича и именно къ 1371 г. Подъ 1367 г. въ Новг. I говорится, что Псковъ, ведя войную съ Нѣмцами, просилъ помощи у Новгорода, который однако на этотъ разъ не помогъ своему

младшему брату; они только послали какого-то Саву Купрова въ Нѣмецкую землю посломъ. Подъ слѣдующимъ 1368 г. (ib.) встрѣчается извѣстіе, что большая Нѣмецкая рать пришла подъ Изборскъ; на этотъ разъ Новгородцы пошли на помощь Псковитянамъ и дошли до Пскова, что узнавши — Нѣмцы убѣжали отъ Изборска; въ тотъ же годъ зимой приходилъ Владиміръ Андреевичь въ Новгородъ Псковичамъ на помощь и пробылъ въ немъ отъ Сбора до Петрова дня. Ник. IV, 22. Троицк. 231. (Въ Воскр. прод. 16 походъ Новгородцевъ на помощь Пскову противъ Нѣмцевъ поставленъ послѣ пріѣзда Владиміра Андреевича въ Новгородъ.) Въ Ник. IV, 23 также, но не упоминаются Новгородцы. Подъ 1370 г. въ Новг. I говорится, что Новгородцы со Псковичами ходили къ Новому Городку Нѣмецкому, но взять его не могли. Дмитрій Ивановичь не могъ подать тогда помощи Новгороду, потому что самъ велъ войну съ Тверью и Литвою. А въ это время, 1371 г., Михаилъ Александровичь Тверской добивался ярлыка на великое княженіе Владимірское и заключилъ договоръ съ Новгородомъ. (С. г. г. д. I, № 8). Новгородъ по этой грамотѣ обѣщалъ признать Михаила Александровича своимъ княземъ только тогда, если ему вынесутъ изъ орды княженіе великое, а не вынесутъ, то его намѣстники должны пойти изъ Новгорода вонъ и изъ Новгородскихъ пригородовъ, и въ томъ Новгороду измѣны нѣтъ. Конечно, князь, признанный Новгородомъ, долженъ былъ въ случаѣ войны заступаться за Новгородъ, но однако условіе касательно этого встрѣчается только въ этой договорной грамотѣ Новгорода съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ. Раньше, въ договорныхъ грамотахъ другихъ князей до Михаила Александровича этого условія не встрѣчается. Именно, говорится такъ: А коли будеть Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости; а безъ Новгородьского ти слова, Княже, войны не замышляти. Мнѣ кажется, что это условіе соотвѣтствуетъ тогдашнимъ обстоятельствамъ Новгорода. Извѣстно, что Михаилу Александровичу не удалось сдѣлаться в. к. Владимірскимъ, не смотря на то, что съ нимъ былъ и ярлыкъ и Ханскій посолъ Сарыхожа. Тогда и Новгородцы не признали его в. княземъ. (На этой грамотѣ, № 8, двѣ печати; изъ нихъ одна тысяцкаго Матфея Фалелеевича; этого же тысяцкаго печать находится на грамотѣ, № 13 и № 17, несомнѣнно относящихся ко времени Михаила Александровича.) Да и Новгородцы въ 1371 г. посылали своихъ пословъ на съѣздъ съ Нѣмцами, которые и докончали съ ними миръ подъ Новымъ Городкомъ. (Новг. I.) Ко времени 1371 г. относитъ эту грамоту, № 8, и Сол. III, 372. Кар. V, 17 относитъ къ 1370 г.

(681) Твер. 430.

(682) При тогдашнемъ ослабленіи орды могъ ли Мамай оказать помощь? Не хвастовство ли было со стороны Мамая, когда онъ говорилъ, что давалъ вспомогательныя войска Михаилу Тверскому? Въ то время Ольгердъ примирился съ Дмитріемъ. Если бы Мамай послалъ вспомогательныя войска Михаилу Тверскому, то это значило бы, что онъ долженъ вступить въ войну съ Московскимъ княземъ и тѣми русскими князьями, которые зависѣли отъ Москвы. Едвали бы на это рѣшился Мамай безъ приготовленій. Извѣстно, что когда въ 1380 г. Мамай рѣшился идти на Дмитрія, то онъ собралъ не только всѣхъ Татаръ, какихъ можно было, но еще послалъ нанять дружины Армянъ, Генуезцевъ, Черкасъ, Ясовъ и др.—И должно быть Мамай не много надѣялся тогда въ 1371 г. на свою орду, если во время пребыванія Дмитрія въ ордѣ и переговоровъ съ нимъ, долженъ былъ согласиться брать меньшую дань, чѣмъ какую русскіе платили при Узбекѣ и Чанибекѣ. Срав. Сол. III, 360. Впрочемъ въ лѣтописи не говорится, что это было условлено при личномъ свиданіи. Въ Ник. IV, 14

сказано просто, что Дмитрій въ 1380 г. обѣщалъ платить Мамаю, какъ рядъ былъ съ нимъ, но не говорится, что это было при личномъ свиданіи.

(683) Такое прямое извѣстіе о должникахъ находится только въ одной Твер. лѣт. 431: Того же лѣта, въ осени на исходъ, пріиде кн. в. Дмитрей изъ орды съ многыми должникы. Въ Ник. IV, 31 и Тат. IV, 222 хотя не говорится о должникахъ, но говорится, что кромѣ пословъ съ Дмитріемъ изъ орды пришли «Татарове многи». Извѣстіе о должникахъ очень вѣроятное: Дмитрій Донской въ договорной грамотѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ упоминаетъ о долгѣ бесерменскомъ и проторѣ, и о Русскомъ долгѣ. С. г. г. д. I, № 33.—Сол. IV, 198: не удивительно, что у князей (при издержкахъ въ ордѣ) иногда не доставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ ордѣ у тамошнихъ бесерменскихъ купцевъ, а чтобы заплатить потомъ послѣднимъ, занимать у своихъ Русскихъ купцевъ; отсюда долги княжескіе раздѣляются въ ихъ договорахъ на долгъ Бесерменскій и Русскій: князь Звенигородскій Юрій Дмитріевичь въ договорѣ съ племянникомъ Василіемъ Васильевичемъ говоритъ: «что я занялъ у гостей и у суконниковъ 600 рублей, и заплатилъ твой ордынской долгъ Резепъ-Хозѣ и Абипу въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, то ты сними съ меня этотъ долгъ 600 рублей, а съ тѣми гостями вѣдайся самъ безъ меня; я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я занялъ деньги.» Когда Донской отправился въ орду, то «въ то время пріидоша послы отъ в. к. литовскаго *о миру и о любви*, а за кн. Володимира Ондрѣевича обручаша дщерь именемъ Елену.» На ней Владиміръ Андреевичь вскорѣ и женился (по окончаніи Рязанскаго похода и Скорнищевской побѣды). Ник. IV, 29, 32. Тат. IV, 224. У Тат. IV, 221 сказано, что Литовскіе послы пріидоша «о мирѣ и любви просити». Въ Твер. 431 не говорится объ обрученіи Елены и о просьбѣ Литовскихъ пословъ о мирѣ и любви, а говорится только, что по окончаніи Рязанскаго похода Владиміръ Андреевичь женился на Еленѣ. Въ Троицк. 231, 232 хотя и говорится объ обрученіи и свадьбѣ Елены, но не говорится о просьбѣ касательно мира. Воскр. 18: пріидоша послы Литовстіи отъ в. к. Олгирда *о миру и докончаша миръ*; тогда же тѣ послы обручиша дщерь Олгердову Елену за кн. Володимера Ондрѣевича.» Едва ли это выраженіе *о мирѣ и любви* не общее выраженіе. Странно, какъ послы *докончаша миръ*, когда самъ в. к. Дмитрій былъ въ ордѣ. Кар. V, 14: который (Совѣтъ Боярскій) уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за кн. Владиміра Андреевича: свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.» У Сол. III, 343 сказано, что послы Литовскіе пріѣзжали обручать Ольгердову дочь Елену за кн. Владиміра Андреевича.

(684) Въ Бѣжецкомъ Верхѣ находилася Кистма, купленная еще Іоанномъ Калитою. Кромѣ того, нѣкоторыя волости Новгородскія находилися въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими. См. Сол. IV, 173: «Изъ Новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что Волокъ, Вологда и Бѣжецкій Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями Новгородскими; но въ то же самое время въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы видимъ, какъ в. князья распоряжаются и Волокомъ, и Бѣжецкимъ Верхомъ, и Вологдою — знакъ, что здѣсь волости Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими; и дѣйствительно в. к. Василій Васильевичь, утверждая Бѣжецкій Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобы они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-Городомъ.»

(685) Въ Троицк. же 231 такъ: «Кн. Михайло Тфѣрьской поиде ратью къ Ко-

строиѣ взяти ю, и не случися ему, и увернуся на Молозѣ, и Мологу вая и т. д.». Соф. I, 231: «Поиде ратію къ городу Костромѣ, и увернуся на Волзѣ, а Мологу пожже.» Новг. IV, 66: «Поиде къ Костромѣ, и увернуся на Мологу, и Мологу пожже.»

(686) Договорная грамота в. к. Дмитрія Іоанновича и кн. Владиміра Андреевича съ Новгородомъ въ А. А. Э. № 8; отнесена здѣсь къ началу 1372 г. Въ этой грамотѣ упоминаются посадникъ Юрьи, тысяцкій Олисѣй. Кар. V, 15, 17 относитъ грамоту эту къ 1371 или 1372 г.—Бѣл. II, 451: «Таковое нападеніе (Михаила Тверскаго) на Московскія и Новгородскія владѣнія (на Кострому, Мологу, Углече-поле и Бѣжецкій Верхъ) естественно вызвало тѣснѣйшій союзъ Новгорода съ Москвою, и Новгородцы въ томъ же 1371 году заключили съ Московскимъ княземъ договорную грамоту.» Сол. III, прим. 510 относитъ къ 1367 г., при чемъ замѣчаетъ слѣдующее: «Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 г. на томъ основаніи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и тысяцкій Елисей упоминаются подъ 1371 годомъ; но они могли исправлять свои должности и въ 1367 г. . . . . что и заставляетъ насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 г., тѣмъ болѣе, что подъ этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира, объ отправленіи пословъ Новгородскихъ въ Москву.» Въ Новг. I подъ 1371 г. упоминаются посадникъ Юрьи Ивановичь и тысяцкій Олисѣй: они могли исправлять свои должности раньше, а могли и не исполнять. Въ 1367 г. (Новг. I, 88) дѣйствительно Новгородцы посылали пословъ въ Москву и докончали миръ съ в. княземъ, но это было по поводу ушкуйничьихъ разбоевъ. Кажется, что дѣйствительно эту договорную грамоту лучше отнести къ 1371 г. или къ началу 1372 г., когда Новгородъ былъ раздраженъ нападеніемъ Твери на свои владѣнія, что и вызвало — какъ говоритъ Бѣляевъ — тѣснѣйшій союзъ Новгорода съ Москвой. И въ слѣдствіе этой договорной грамоты, Владиміръ Андрѣевичь въ 1373 г. пріѣзжалъ въ Новгородъ (когда послѣ раззоренія Торжка Новгородъ сталъ поправлять свои укрѣпленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ заключенія перемирія у Дмитрія съ Ольгердомъ) по *Сборъ за недѣлю* и пробылъ въ немъ до Петрова дня (Новг. I, 90).

(687) Что видно изъ перемирной грамоты Ольгерда съ Дмитріемъ, С. г. г. д. I, № 31: «А что пошли въ Орду ко Царю люди жаловатися на Князя на Михаила, а то есмы въ Божьи воли и во Царевѣ, какъ повелитъ, такъ ны дѣяти, а то отъ насъ не въ измѣну.»

(688) При Литовской рати были Кейстутъ Гедиминовичь съ сыномъ Витовтомъ и Андрей Ольгердовичь.

(689) Троицк. 232. Впрочемъ въ Троицк. не говорится, чтобы взятъ былъ окупъ съ Переяславля и съ Дмитрова. Въ Твер. 431 также не упоминается объ окупѣ съ Дмитрова и Переяславля, а только съ одного Кашина. Въ Воскр. прод. 19 говорится объ окупѣ съ Дмитрова и Кашина. Въ Новг. IV, 67 говорится объ окупѣ только съ Кашина. Въ однихъ лѣтописяхъ говорится, что Литовская рать тайно подошла къ Переяславлю во Вторникъ, а въ другихъ — въ Среду. Арцыб. II, 120, пр. 854 замѣчаетъ: въ Среду (во вторникъ) на Ѳоминѣ недѣлѣ («послѣ радуницы» Ѳомина вторника, какъ и донынѣ его называютъ) то есть Апрѣля 7 числа. Въ Литовскомъ войскѣ была и Жмудь (Жемоть) и Ляхи. Новг. IV, ib.; Воскр. ib.

(690) Торжокъ находится отъ Твери около 60 верстъ, а Кашинъ отъ Твери 200 верстъ.

(691) Твер. 431.

(692) Твер. 432.

(693) ib.

(694) ib.

(695) Новг. I, 90.

(696) Твер. 433.

(697) О четвертой войнѣ Михаила съ Москвой до раззоренія Торжка включительно: Ник. IV, 28 — 35. Тат. IV, 220 — 227. Твер. 430 — 433. Троицк. 231, 232. Соф. I, 231, 232. Воскр. прод. 18 — 20. Новг. I, 89, 90 (о раззореніи Торжка). Новг. III, 230 (о раззореніи Торжка). Новг. IV, 66 — 69.

(698) Новг. IV, 36 относитъ это къ 12 Іюня, а Твер. 433 къ 12 Іюля, что вѣрнѣе, потому что вскорѣ было заключено перемиріе отъ Спожина заговѣнья.

(699) И възме миръ, поидоша во своаси, а князь Михаилъ поиде въ томъ же миру. Твер. 433. — Соф. I, 233: И возма миръ Олгердъ съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ, и поидоша въ свояси, а кн. Михайло поиде во Тфѣрь, въ томъ же миру и его вои здрави быша. Въ договорной грамотѣ говорится, что послы къ Дмитрію Ивановичу посланы были не отъ Михаила, но отъ Ольгерда, Кейстута и Святослава Смоленскаго; а послы крестъ цѣловали опять таки не отъ Михаила, но отъ Ольгерда, Кейстута и Святослава; съ другой стороны другіе послы цѣловали крестъ отъ Дмитрія Ивановича и отъ его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Въ самой грамотѣ напр. находится такое выраженіе: «А что кн. Михаило на первомъ перемирьи, на другомъ и на третьемъ которая будетъ мѣста пограбилъ въ нашей отчинѣ въ вел. Княженьи, а то князю великому Олгѣрду мнѣ чистити, то князю *Михаилу* по исправѣ подавати назадъ *по докончанью* Князя Великого *Олгърда.*» С. г. г. д. I, № 31. — Въ Твер. и Троицк. не говорится, чтобы у Любутска былъ разбитъ Ольгердъ, а говорится что между враждебными войсками былъ крутой оврагъ, а потому нельзя было начать битву и былъ заключенъ миръ. Въ другихъ же лѣтописяхъ разсказывается это такъ, что понять можно такимъ образомъ: послѣ разбитія сторожеваго Литовскаго полка, Ольгердъ побѣжалъ и остановился за оврагомъ, а на другой сторонѣ остановился Дмитрій, и такъ простояли нѣсколько дней обѣ рати, Литовская и Московская съ ихъ князьями и наконецъ заключили миръ *Ольгердъ* и *Дмитрій.*

(700) Договорная грамота написана отъ имени Ольгерда, брата его Кейстута и в. к. Святослава Ивановича Смоленскаго; въ нее также включены кн. Михаилъ Тверской, кн. Дмитрій Брянскій, и тѣ князья, которые будутъ въ имени в. к. Ольгерда и также в. к. Святослава; съ другой стороны включены въ нее кн. Владиміръ Андреевичь, в. к. Олегъ, в. к. Романъ, в. к. Владиміръ Пронскій и тѣ князья, которые будутъ въ имени Дмитрія Московскаго. Въ концѣ грамоты находится выраженіе: «а со Ржевы до исправы не сослати.» С. г. г. д. I, № 31. — У Сол. III, 346 замѣчено: трое князей Рязанскихъ, которые одинаково называются великими (Олегъ, Романъ и Владиміръ Пронскій), находятся на сторонѣ Димитрія Московскаго. Но у г. Иловайскаго въ его Ист. Ряз. княж. 165, пр. 160 сказано, что упоминаемый въ грамотѣ в. кн. Романъ не могъ быть княземъ Рязанскимъ, во 1) потому что въ Рязанской области не было третьяго удѣла, который имѣлъ бы названіе в княженія; а во 2) имя Романа не носилъ ни одинъ Рязанскій князь, современный Олегу; вѣроятнѣе всего, это былъ Романъ Новосильскій.

(701) Бѣляевъ, Мих. Алекс Твер. стр. 14, полагаетъ, что Кашинскій князь поѣхалъ въ орду вѣроятно для подкрѣпленія уже бывшихъ тамъ пословъ Московскихъ и для большаго обвиненія Тверскаго князя. Тогда же изъ Твери убѣжало нѣсколько плѣнныхъ Новгородцевъ. Въ Твер. 433 они даже названы по именамъ. Въ ней говорится слѣдующее: «Того же лѣта (1373) мѣсяца Апр. въ 20 день, на святую недѣлю, Новогородци: Усъ, Яковъ, Глазачь, ис погреба выкопалися и убѣгли съ Твери.» Тогда же умеръ и кн Еремѣй, называемый въ лѣтописяхъ Тверскимъ.

(702) Въ Ник. IV, 37: «А сынъ его кн. Василей по единому слову а з бабою своею со княгинею Еленою, и з бояры с кашинскими приѣхалъ во Тверь к в. к. Михаилу Александровичу Тверскому с челобитьемъ, и вдашась в волю его.» Тат. IV, 229. — Твер. 433: «Той же зыми (1373) преставися кн. Михайло Васильевичь; а сынъ его Василей князь, по слову бабы своеа княгыни Олены, добылъ челомъ князю великому Михаилу» Бѣляевъ въ ст. кн. Мих. Алекс. Тверской, 14, 15, говоритъ такъ: «Василій Михайловичь, по одному приказу Михаила Александровича, со всѣмъ своимъ семействомъ явился въ Тверь и отдался въ волю Михаила.» — Въ ряду Кашинскихъ князей этотъ Василій Михайловичь будетъ Василій II Михайловичь, срав. родосл. табл.

(703) Въ Ник. IV, 37 и Тат. IV, 229 сказано, что валъ и ровъ были сдѣланы Тверскими и Новоторжскими волостями, а въ Твер. 433 — Тверскими волостями и Новоторжскими губами. Соображенія о смѣсномъ владѣніи Твери и Новгорода Новоторжскими губами были высказаны выше въ 1 главѣ настоящаго сочиненія.

(704) Сол. III, 343. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что и Донской задолжалъ много въ ордѣ.

(705) Но когда тамъ жили его намѣстники, спрашиваетъ Арцыб. II, 122, пр. 865.

(706) О третьемъ походѣ Ольгерда и объ окончаніи войны Михаила съ Дмитріемъ, см. Ник. IV, 36 — 38. Тат. IV, 227 — 229. Твер. 433, 434. Троицк. 232. Воскр. прод. 20. Соф. I, 233. Новг. IV, 69. Теперь спрашивается: когда Иванъ Михайловичь былъ высвобожденъ изъ орды Донскимъ и на какихъ условіяхъ онъ былъ потомъ возвращенъ въ Тверь — заплатилъ ли за него Михаилъ Александровичь деньги Донскому или онъ былъ отпущенъ даромъ по условіямъ мирнаго договора. Замѣтимъ, что объ освобожденіи (выкупѣ) Ивана Михайловича изъ орды въ Ник. лѣт. упоминается дважды. Соберемъ всѣ лѣтописныя извѣстія, сюда относящіяся. Въ Ник. подъ 1371 г. (IV, 31) говорится, что Дмитрій пришелъ изъ орды Мамаевой со многою честію и «выведоша съ собою из орды кн. Ивана Михайловича Тверскаго, окупивше его в долгу во Ордѣ, даша на немъ 10000 рублевъ, еже есть тма рублевъ, и приведоша его с собою на Москву. И взя его Алексѣй Митрополитъ, и седѣлъ у Алексѣя Митрополита на дворѣ. И тако пребысть не мало время, дондеже выкупиша его.» Затѣмъ вторично въ Ник. подъ 1372 г. (IV, 36, 38) говорится, — что когда было заключено перемиріе съ Ольгердомъ, а миръ съ Тверскимъ княземъ еще не былъ заключенъ, — то кн. Дмитрій Ивановичь «посла во Орду киличѣевъ своихъ со многими дары, и взя кн. Ивана княжъ Михайлова сына Александровича Тверскаго и приведоша его на Москву и державша его в нуже велице.» А когда былъ заключенъ миръ, то «сына его кн. Ивана кн. в. Дмитрей Ивановичь с любовию отпустилъ с Москвы во Тверь» У Тат. IV, 222, 229 говорится только о первомъ освобожденіи и объ отпускѣ Ивана Михайловича изъ Москвы въ Тверь. Въ Воскр. (прод. 18) говорится только объ одномъ первомъ освобожденіи изъ орды: «выведе же (Дмитрій Ивановичь) съ собою изъ орды княже Михайлова сына Тферскаго князя Ивана, окупивъ его у Татаръ въ долгу, дасть на немъ 10 тысящь рублевъ сребра, еже есть тма, и приведе его на Москву, посади на митрополичье дворѣ Алексѣевѣ, и сѣде нѣколико донели же выкупиша его.» Въ Твер. 433, 434 говорится только о вторичномъ освобожденіи изъ орды и объ отпускѣ изъ Москвы въ Тверь, именно подъ 1372 г. по заключеніи перемирія съ Ольгердомъ: «А кн. Дмитрей послалъ въ орду, высулиша кн. Ивана Михайловича, сына Александровича, и приведоша на Москву, заговѣвъ Филипову заговѣнію; начаша его дръжати въ истомѣ.» Затѣмъ далѣе; «Той же зыми (1373) сътворися миръ князю

великому Михаилу съ княземъ великымъ Дмитріемъ, и отпусти сына его съ Москвы князя Ивана съ любовію и т. д.» Кажется, нужно принять извѣстіе Тверской лѣтописи; въ ней же точно обозначено и время, когда кн. Ивана привели на Москву, именно *заговѣвъ Филипову заговѣнію*. Отпущенъ же, по видимому, былъ Иванъ изъ Москвы въ Тверь по мирному договору и Донской за него денегъ не потребовалъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ извѣстій не сохранилось. Да и выраженіе лѣтописи, что Иванъ Михайловичь былъ отпущенъ съ Москвы *«съ любовію»* какъ будто подтверждаетъ ту мысль, что онъ былъ отпущенъ не въ слѣдствіе выкупа, а въ слѣдствіе условій мирнаго договора Михаила съ Дмитріемъ. Касательно мнѣнія Кар. и Арцыб. о времени заключенія мира, см. Сол. III, пр. 484. — Бѣляевъ II, 453: «Вѣсть о сожженіи Торжка привела въ ужасъ Новгородцовъ, они немедленно принялись укрѣплять свой городъ... Дмитрій Ивановичь, во исполненіе договора, прислалъ въ Новгородъ своего двоюроднаго брата князя Владиміра Андреевича Храбраго...... Михаилъ Александровичь, желая высвободить изъ Москвы своего сына, переданнаго Московскому князю Татарами, заключилъ съ Димитріемъ и Новгородцами миръ.»

(707) Изъ протоколовъ Константинопольскаго Патріархата, Григоровича, Ж. М. Н. П. 1847, LIV. Грамота Патріарха о томъ, что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго Митрополитомъ всея Россіи на князей, за измѣну ихъ в. князю, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ согласно взаимнымъ условіямъ и пока митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись. Они дали в. князю страшную клятву выступить вмѣстѣ всѣ противъ враговъ нашей вѣры (ib. стр. 143).—Къ кн. Смоленскому Святославу. За то, что, вопреки условію съ в. к. Димитріемъ, не только не воевалъ противъ враговъ, но и еще соратовалъ Ольгерду противъ Христіанъ, Патріархъ объявляетъ ему, что митрополитъ всея Россіи справедливо предалъ его проклятію. ib.'

(708) Въ Константинополь изъ Твери пріѣзжалъ Арх. Θеодосій съ жалобами в. к. Тверскаго и его брата на Митрополита. Протоколы Конст. Патр. Ж. М. Н. П. 1847, LIV, 154. Какой же братъ въ то время могъ быть у Михаила Александровича? Въ то время ни одного брата Михаила Александровича не было въ живыхъ. Можетъ быть это былъ Левъ Александровичь, о которомъ изъ лѣтописей извѣстно только то, что онъ родился въ 1321 г.—Протоколы Конст. Патр. Ж. М. Н. П. 1847, LIV, 154. Письмо Патріарха къ в. к. Тверскому. Патріархъ раздумалъ и почитаетъ неприличнымъ князю судиться съ митрополитомъ.

(709) О сношеніяхъ Твери, Литвы и Москвы съ Византійскимъ патріархомъ и о Кипріанѣ; у Мак. IV, 50 — 61; въ приложеніяхъ №№ XI, XII, XIII помѣщены патріаршія грамоты 1370 г. къ в. к. Димитрію Іоанновичу и митрополиту Алексѣю, къ Смоленскому и другимъ русскимъ князьямъ, и соборное дѣяніе 1371 г. о поставленіи Антонія, митр. Галицкаго: все это извлечено изъ Acta Patriarch. Constant. — Также см. Григоровича, Протоколы Конст. Патр. въ Ж. М. Н. П. 1847, LIV; здѣсь указано содержаніе грамотъ, касающихся до сношеній съ Конст. патріархомъ, а письмо Ольгерда съ жалобой на Алексѣя и съ требованіемъ особеннаго митрополита для своего княжества и для нѣкоторыхъ русскихъ княжествъ приведено вполнѣ.

(710) Уже выше было замѣчено, что въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ объ этомъ говорится, именно при разсказѣ о сборахъ Дмитрія на Мамая въ 1380 г., не сказано, чтобы количество дани было условлено при *личномъ свиданіи* Дмитрія съ Мамаемъ въ 1371 г., но такъ это мѣсто объяснено у Сол. III, 359: «послы его (Мамая) явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую В. князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Дмитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ *послѣднее свиданіе* ихъ

въ ордѣ.» Также полагаетъ и г. Костомаровъ, Рус. Ист. въ жизнеоп. 212: «Мамай сдѣлалъ ему (Димитрію) такую уступку, что положилъ брать дань въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ платилось при Узбекѣ и Чанибекѣ.» Послѣднимъ же свиданіемъ въ ордѣ нужно считать поѣздку Дмитрія къ Мамаю въ 1371 г. Можетъ быть даже Дмитрій тогда обѣщалъ увеличить въ послѣдствіе времени количество дани, но не увеличилъ — вотъ и причина гнѣва Мамая. Въ Ник. IV, 94: Мамаевы послы пришли на *Москву* «просяще выходу какъ было при царѣ Азбяке и при сынѣ Азбякове Чанибѣке, а не по своему докончанию какъ рядъ былъ с нимъ.» П. С. Р. Л. VI, побоище в. к. Димитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ, 92: Мамай прислалъ пословъ на *Коломну* «выхода просити, какъ было при Зянбекѣ цари, а не по своему докончанію; боголюбивый же к. в. Дмитрій Ивановичь не хотя кровопролитія, и хотѣ ему выходъ дати по христіяньской силѣ и по своему докончанію, какъ съ нимъ кончалъ.»—Новг. IV, 77 точно также.

(711) Ник. IV, 40: «А к. в. Дмитрею Івановичю Московскому бысть розмиріе с Татары съ Мамаемъ, а у Мамая тогда во ордѣ бысть моръ великъ.» Тат. IV, 231.

(712) Въ Ник. IV, 41 подъ 1374 г. помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Того же лѣта приидоша Татарове из Мамаевы Орды и взяша *Кашинъ*, и огнемъ пожгоша, и боярина Парѳения Ѳедоровича убиша, и *Запенье* все повоеваша и пожгоша и пограбиша, и иссекоша многихъ, а иныхъ в полонъ поведоша.» За этимъ извѣстіемъ подъ тѣмъ же годомъ сряду помѣщено извѣстіе о болѣзни игумена Сергія, а потомъ о бѣгствѣ изъ Москвы въ Тверь Ивана Васильевича, сына послѣдняго Московскаго тысяцкаго Василья Васильевича Вельяминова, и Некомата Сурожанина; какъ Иванъ Васильевичь такъ и Некоматъ были посланы Михаиломъ Александровичемъ въ орду за ярлыкомъ на в. княженіе Владимірское. Здѣсь *Запеньемъ* названа мѣстность на р. Пьянѣ, впадающей въ р. Суру. Эта рѣка, р. Пьяна, особенно извѣстна тѣмъ, что въ 1367 г. князь Дмитрій Константиновичь Суздальскій съ братьями и сыновьями разбилъ на ней ордынскаго князя Булатъ-Темира (Ник. IV, 17). А черезъ десять лѣтъ, именно въ 1377 г. (Ник. IV, 51 — 53), эта рѣка пріобрѣла печальную извѣстность тѣмъ, что Татарскій царевичь Арапша разбилъ на ней оплошавшую Русскую рать, послѣ чего Татары сожгли и ограбили Нижній-Новгородъ. Русскіе тогда даже говорили въ пословицу: *за Пьяною люди пьяны.* (По истиннѣ за Піаною піани, Твер. 437.) Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Ник. IV, 41 подъ Запеньемъ понимается именно мѣстность за Пьяною; только въ этомъ же мѣстѣ Ник. лѣт. ошибкою поставлено *Кашинъ* вмѣсто *Кишъ*, а Кишъ есть рѣка, также впадающая въ р. Суру, какъ и р. Пьяна. Такъ это мѣсто приводится и у Кар. V, 20, гдѣ говорится, что гордый Мамай «послалъ войско опустошать предѣлы Нижегородскіе, берега Киши и Пьяны.» Такъ же у Арцыб. II, 122, пр. 872. У Сол. III, 355: «Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега р. Киши, притока Суры, и мѣста за р. Пьяною.» И что въ Ник. дѣйствительно ошибкою поставлено Кашинъ вм. Кишъ, и что подъ Запеньемъ нужно разумѣть мѣстность за р. Пьяною, это можно видѣть изъ сличенія соотвѣтствующаго мѣста въ другихъ лѣтописяхъ. Такъ у Тат. IV, 232, сказано, что Татары взяли *Кишъ* и *Запьяне* все повоевали. Или въ Воскр. прод. 22: «Того же лѣта пришедше Татарове изъ Мамаевы орды и взяша *Кыщь*, и огнемъ пожгоша, и убиша тогда боарина Парѳеніа Ѳедоровича, и *Запіаніе* все пограбиша, людей же изсѣкоша, а иныхъ плѣниша.» У Арцыб. II, 112, пр. 800, указано мѣсто изъ Ник. лѣт., гдѣ встрѣчается р. *Кишъ*, правильно написанная, именно Ник. IV, 6. Между тѣмъ у г. Костомарова въ его статьѣ «церковно-историческая критика» (В. Е. 1870. Апр. 485) встрѣчается такой разсказъ: «Тверской князь отправилъ двухъ московскихъ перебѣжчиковъ въ

Орду направить татаръ на враждебный Кашинъ. Въ 1373—1374 годахъ, призванная Тверью Орда налетѣла на него и сожгла: Кашинъ оставался тогда безъ князя, жившаго въ Москвѣ; Кашиномъ управлялъ вмѣсто князя бояринъ Пареенiй Феодоровичъ: его убили Татары. Они завоевали все Запенье, много погибло народа, много въ полонъ взято.» А изъ лѣтописей видно, что раззорены берега Киши и Пьяны, а не Кашинская область; и уже послѣ этого поѣхали Московскiе бѣглецы въ орду за ярлыкомъ на в. княженiе для Михаила Тверскаго.—Въ Тетюшскомъ кладѣ найдены двѣ монеты и «Арабшаха, того самого, который нанесъ пораженiе русскимъ князьямъ на берегахъ Пьяны, въ 1377 г., и какъ видно теперь изъ новооткрытыхъ его монетъ, тотчасъ же провозгласилъ себя ханомъ.» Савельевъ, монеты Джуч. Джаг. Джел. предисловiе 2, 3. Мусульманскiя и русскiя лѣтописи и не намекаютъ, чтобы Арабшахъ властвовалъ, хотя кратковременно, въ столицѣ Золотой Орды: объ этомъ узнаемъ изъ найденныхъ двухъ монетъ. Онъ былъ сынъ Пулада и происходилъ отъ Шейбана, сына Джучiева. Согласно съ этимъ производятъ его «изъ Синiя Орды» и русскiе лѣтописцы. Карамзинъ полагалъ, что царевичъ Арабша пришелъ съ береговъ Синяго или Аральскаго моря «служить Мамаю.» Вѣроятнѣе предположить, что храбрый потомокъ Шейбана, Джучiя и Чингиса воевалъ за свой счетъ, а не въ пользу ненавистнаго временщика, терпѣвшаго лишь номинальныхъ хановъ. Можно полагать, что въ 1378 г. окончилось и ханствованiе Арабшаха: ушелъ ли онъ обратно въ Синюю Орду (Шейбановъ улусъ), или же побѣжденъ Мамаемъ, неизвѣстно. ib. 237 — 241.

(713) Упоминаемыя событiя въ лѣтописяхъ помѣщены въ такомъ порядкѣ: 1374 г.—замѣчанiе о *розмирьи* Дмитрiя съ Мамаемъ, бѣгство Василiя Кашинскаго въ Москву; 1375 — избiенiе Сарайки съ дружиной, опустошенiе береговъ Киши и Пьяны, бѣгство изъ Москвы въ Тверь Ивана Васильевича и Некомата Сурожанина. Твер. 434 подъ 1374 г.: Того же лѣта Кашинскый князь *Васко* ступилъ на Москву.

(714) Когда Дмитрiй шелъ противъ Мамая въ 1380 г., то «поятъ же тогда князь великии с собою десеть мужей сурожанъ гостей видѣния ради, аще что Богъ случитъ имутъ повѣдати в далныхъ земляхъ, яко сходницы суть с земли на землю, и знаеми всѣми і во Ордахъ и в Фрязехъ,» и затѣмъ перечисляются ихъ имена. Ник. IV, 101.

(715) Въ Соф. I, 233 встрѣчается такое выраженiе про Вельяминова и Некомата:. . . . на христiяньскую напасть, и се же писахъ того ради, понеже отътолѣ възгорѣся огнь.» Новг. IV, 69: . . . . . на крестъяньскую напасть «се же писахъ того ради, понеже огнь загорѣся отъ того.» (Слова поставленныя между вносными знаками такъ обозначены и въ печатномъ текстѣ лѣтописи.)

(716) Въ Ник. Тат. сказано 14 Iюля; въ Твер. въ Iюлѣ безъ числа; въ Воскр. 14 Iюня; Соф. I, 13 Iюля; Новг. IV, также.

(717) Вельяминовъ же остался въ ордѣ; въ Вожской битвѣ Русскiе захватили какого-то попа, шедшаго съ Бегичемъ изъ орды отъ Вельяминова; у этого попа нашли мѣшокъ какихъ-то лютыхъ зелiй, допросили его и сослали въ заточенiе на озеро Лаче, идѣже бѣ Данило заточеникъ. Вельяминовъ же все оставался въ ордѣ «и много нѣчто нестроенiя бысть.» Ник. IV, 80, 81. Тат. IV, 256. Въ 1378 г. Вельяминовъ пошелъ на Русь, но былъ схваченъ въ Серпуховѣ и казненъ въ Москвѣ. (Это была первая торжественная смертная казнь). Соф. I, 237. Ник. IV, 84, 85. Воскр. прод. 33. Новг. IV, 74. Тат. IV, 260. Некоматъ былъ казненъ въ Москвѣ въ 1383 г. «Тое же зимы убiенъ бысть на Москвѣ нѣкiй брехъ, именемь Некоматъ, за нѣкую крамолу.» Воскр. прод. 49. Въ Ник. IV, 144 подъ 1383 г. онъ названъ Коматомъ, Литовскимъ княземъ «Того же лѣта убiенъ бысть на Москвѣ нѣкии князь литовскии

именемъ Коматъ, за нѣкую крамолу и измену.» Также у Тат. IV, 310. Ср. Кар. V, пр. 37.

(718) Изъ Волока онъ выступилъ 29 Іюля. Воскр. прод. 22. Соф. I, 233. Новг. IV, 70. Въ Ник. и у Тат. конечно ошибочно сказано, что союзники вступили въ Тверское княжество 21 Авг.

(719) Такими или другими словами выражали князья свое негодованіе, но во всякомъ случаѣ онѣ для насъ любопытны, какъ взглядъ, отзывъ современниковъ о Тверскомъ князѣ, о его дѣйствіяхъ. По ихъ взгляду Тверской князь изъ личныхъ цѣлей соединяется съ Татарами — бесерменами и Литвою — поганью-огнепоклонниками противъ Русской земли.

(720) Твер. 434.

(721) ib.

(722) Въ Твер. 434 говорится, — причемъ обозначены числа и мѣсяцы, — что Дмитрій Ивановичь сперва сдѣлалъ приступъ, а потомъ уже окружилъ городъ, и велѣлъ сдѣлать мостъ; а въ Ник. IV, 43, 44, безъ обозначенія чиселъ мѣсяца, разсказывается наоборотъ, что онъ сперва окружилъ городъ, сдѣлалъ чрезъ Волгу два моста, а потомъ уже рѣшился на приступъ. Такъ же Тат. IV, 234. Воскр. прод. 22: Августа 5 Дмитрій подступилъ къ городу и велѣлъ окружить городъ острогомъ и велѣлъ чрезъ Волгу сдѣлать 2 моста; 8 Августа сдѣланъ былъ неудачный приступъ со стороны Тмацкихъ воротъ и зажжены мостъ и стрѣльница. Въ Соф. I, 234 также какъ въ Воскр.— Новг. IV, 70 также какъ Соф. и Воскр.— При осадѣ Твери былъ убитъ какой-то Семенъ Ивановичь Добрынскій, Ник. IV, 44. Тат. IV, 236. Воскр. прод. 23. Соф. I, 234. Новг. IV, 70. Твер. 435: и подъ градомъ, на Тмацѣ, убили Семена Ивановича Добрынскаго, и иныхъ много людій биша съ *городка нового з Даниловскаго*. Должно быть какое нибудь временное укрѣпленіе.

(723) Въ Твер. 434, 435 говорится, что въ одно время съ Новгородцами пришли и Смольняне. «А силы начаша Москвичемъ прибывати, пріидоша бо Новогородци и Смолняне.»

(724) С. г. г. д. I, № 13. Въ началѣ грамоты упоминаются посадникъ Михаилъ, тысяцкій Матфѣй. Къ этой грамотѣ привѣшено 11 печатей. Обратимъ вниманіе на три изъ нихъ. Третья печать есть печать *Селивестрова*. (Въ 1359 г. былъ посадникомъ Селивестръ Лентѣевичь, Новг. I, 87.) Седьмая печать посадника Юрья Ивановича. А на восьмой печати тысяцкаго выставлено какое-то непонятное имя: *печать Онисиіева* — не слѣдуетъ ли тутъ читать *печать Олисьева*, а такой тысяцкій дѣйствительно былъ. Въ Новг. I подъ 1371 г. въ числѣ Новгородскихъ пословъ встрѣчаются имена слѣдующихъ Новгородцевъ: посадникъ Юрій Ивановичь, какой-то Селевестръ Лентіевичь, тысяцкій Олисѣй; подъ 1375 г. попадаются имена Юрья посадника и Олисѣя тысяцкаго. Въ Воскр. прод. 25 подъ 1376 г. упоминаются посадникъ Юрій и тысяцкій Олисѣй. Эти лица могли исправлять свои должности и въ промежутокъ времени между 1371 и 1375 г. Грамота же эта, № 13, должна относиться ко времени между раззореніемъ Торжка и осадою Твери 1375 г., потому что послѣ осады Твери Михаилъ долженъ былъ обѣщать Новгородцамъ возвратить все пограбленное. Въ началѣ грамоты и на второй печати встрѣчается имя тысяцкаго Матоея, который въ лѣтописяхъ не попадается. Кар. V, прим. 36, на восьмой печати читаемъ — печать Онисіева.

(725) Ник. IV, 43. Тат. IV, 234. Воскр. прод. 22. Соф. I, 234. Новг. IV, 70.

(726) Въ Новг. IV, 71 сказано не *городокъ Старицу*, а просто *Городокъ*. Нынѣ

село Бѣлъ-городокъ находится въ Каляз. у. Описаніе Твер. губ. Тверь. 1847. Бѣлъ-городокъ при рр. Волгѣ и Хотчѣ. Спис. нас. м. Тв. губ.

(727) Извѣстно, что у насъ въ лѣтонисяхъ объ Ольгердѣ отзываются, что онъ хитростію забралъ многія земли, *не только силою, елико мудростію воеваше.* (Ник. IV, 21.) — Въ 1342 г. Псковитяне просили помощи у Ольгерда противъ Нѣмцевъ. Онъ пошелъ, но его передовой отрядъ былъ разбитъ Нѣмцами, которые осадили Изборскъ. Тогда Ольгердъ поворотилъ и ушелъ во Псковъ, а когда Изборяне просили его придти на помощь, то онъ далъ такой совѣтъ: «сидите въ городѣ и не сдавайтесь, всячески бейтесь и если у васъ не будетъ крамолы, то вамъ ничего не сдѣлаютъ; а если мнѣ пойти со своею силою на ихъ великую силу, то сколько тамъ падетъ мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ. Если Божіею милостію и нашъ будетъ верхъ, но много будетъ убитыхъ, то какая польза будетъ всѣмъ намъ?» Ник. Ш, 176—178. Какъ дѣйствовалъ Ольгердъ, такъ дѣйствовали и его воеводы. Соловьевъ, Ш, пр. 444 про этотъ отвѣтъ Ольгерда замѣчаетъ, что эти слова вполнѣ очерчиваютъ характеръ Литовскаго князя. Narb. V, 237, пр. 2, указывая на отзывъ нашихъ лѣтописей о воздержаніи и хитроуміи Ольгерда, замѣчаетъ: to swiadectwo pochodzi z ust nieprzyjaciól i przyganiaczów Olgerda.

(728) Ник. IV, 44. Тат. IV, 235. Воскр. прод. 23. Соф. I, 234. Въ Новг. I, 90 и Новг. IV, 71 прибавлено, что миръ былъ взятъ не только на всей волѣ кн. Московскаго, но и на всей волѣ Новгородцевъ. — Въ одномъ хронографѣ по списку XVI в. замѣчено: «а кн. Михайло, ждучи къ себѣ на помощь Татаръ да Литвы, много учини себѣ напасти, людемъ пагубу велику.» А. Поповъ, Изборн. Слав. и Рус. соч. 57.

(729) Мирныхъ договорныхъ грамотъ Михаила Александровича съ Новгородомъ двѣ, С. г. г. д. I, №№ 16, 17; кромѣ того въ договорной грамотѣ Михаила съ Димитріемъ Донскимъ также находятся условія, касающіяся Новгорода. ib. № 28. Для переговоровъ Михаилъ въ Новгородъ посылалъ Михаила Константиновича, какъ значится въ грамотѣ № 17. У грамоты № 17 двѣ печати: одна посадника Юрья Ивановича, а другая Алексѣя Арх. Новгородскаго. У Новикова, Древн. Рос. Вивліоѳ. I, стр. 31—33, напечатана эта грамота и замѣчено, что у нея три печати: одна посадника Юрья Ивановича, другая Арх. Алексѣя и третья тысяцкаго Матвѣя Фалелѣевича.

(730) Какъ еще это замѣчено Кар. V, пр. 36.

(731) Есть также условіе: «А что человалѣ Новгородскыи Послові къ князю къ Михаилу, то челованье Князь Михайло снялъ.» Это условіе явилось въ слѣдствіе того, что Новгородъ обѣщалъ прежде признать Михаила в. княземъ, если ему вынесутъ ярлыкъ изъ орды, что видно изъ грамоты № 8 въ С. г. г. д. I.

(732) Ушкуйничьи разбои.

(733) Вотъ это условіе въ подлинникѣ: «А хто иметъ, Бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку и исъ пригородей служити тобѣ, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ Великій Новъгородъ, а ты Бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потомъ кто приѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новагорода Великого и исъ Торжку и исъ пригородей, а тымъ такоже не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новъгородъ Великии.» С. г. г. д. I, стр. 47. Кар. V, 23 приводитъ это мѣсто такъ: «что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода.»

(734) Вообще Московскій князь такъ хорошо устроилъ для Новгородцевъ, что они по настоящему миру получили во всемъ возможно полное удовлетвореніе, какого никогда не получали прежде ни отъ Тверскихъ, ни отъ другихъ князей, и навсегда отдѣлались отъ борьбы съ Тверью. Бѣл. II, 455.

(735) С. г. г. д. I, № 28.

(736) Относительно равенства съ Владиміромъ Андреевичемъ такъ и должно было выйти, потому что Владиміръ Андреевичь также считался младшимъ братомъ Дмитрію Ивановичу, С. г. г. I, № 27, № 29. Такъ же въ договорной грамотѣ 1381 г. Дмитрія съ Олегомъ Рязанскимъ; ib. № 32. Въ договорѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что онъ долженъ считать Дмитрія въ отца мѣсто, чего нѣтъ въ договорѣ съ Михаиломъ и съ Олегомъ. Въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ (ib. № 33), послѣдній называется младшимъ братомъ и сыномъ Дмитрію.

(737) Такъ же въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ. С. г. г. д. I, № 27. Такъ же въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Олегомъ Рязанскимъ, ib. № 32.

(738) Такъ же въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ. С. г. г. д. I, №№ 27, 33.

(739) Но нѣтъ такого условія, какъ въ договорѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ, ib. № 27, что въ случаѣ похода «а кого коли оставити у тобе бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ.»

(740) «А вотчины ти нашие Москвы и всего В. Княженья и Новагорода Великого блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти нашие Москвы и всего В. Княженья и Новагорода Великого подъ нами не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. . . . . А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ В. Княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А имутъ насъ сваживати Татарове, и имутъ давати тобѣ *нашу вотчину Великое Княженье*, и тобѣ ся не имати ни до живота: а имутъ давати намъ твою вотчину Тферь, и намъ ся такожe не имати и до живота.» Михаилъ также обѣщаетъ не вступаться въ Рокитну.

(741) Также въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ, причемъ въ послѣдней прибавлено условіе взаимное о непокупкѣ селъ въ удѣлѣ другъ друга. С. г. г. д. I, №№ 27, 29, 33.

(742) Въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ, ib. №№ 27, 29, сказано о недаваніи жалованныхъ грамотъ въ удѣлъ другъ друга.

(743) «А что еси изъималъ Бояръ или слугъ и людей Кашиньскихъ, да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти порука свести, а ихъ отпустити; а кому чего на нихъ искати, ино тому судъ.» То есть тутъ въ концѣ говорится о судѣ на счетъ пограбленнаго.

(744) У Сол. III, 349 это приведено такъ: «будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами — это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли выходъ — это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это зависитъ также отъ насъ.» У Кар. V, 23 кажется точнѣе: «Въ разсужденіи Татаръ поступай согласно съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ихъ; рѣшимся ли платить имъ дань, и ты плати оную.»

(745) Такое же условіе объ общихъ врагахъ и друзьяхъ находится и въ договорной грамотѣ Дмитрія съ Олегомъ Рязанскимъ, (С. г. г. д. I, № 32) гдѣ между прочимъ сказано, что если Дмитрію и Владиміру Андреевичу будетъ *миръ или даньє*, то и Олегу *миръ или даньє*, а будетъ не-миръ, то и Олегъ долженъ биться съ Татарами.

(746) Ник. IV, 45, 46. Тат. IV, 237.

(747) Ник. IV, 47. Тат. IV, 238. Троицк. 232. Арцыб. II, 125, пр. 889: «По этому Ржевою владѣли опять Литовцы, а не Владиміръ Андреевичь.»

(748) Ник. IV, 46. Тат. IV, 237.

(749) Впрочемъ союзъ этотъ не могъ принести пользы Михаилу: въ 1377 г.

умеръ Ольгердъ, послѣ смерти котораго в. княземъ сдѣлался Ягайло, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались смуты, во время которыхъ погибъ и Кейстутъ, отецъ Маріи. (Кейстутъ былъ удавленъ въ 1382 г., Narb. V, 290, 294.) О бѣгствѣ Вельяминова и Некомата въ Тверь, о пятой войнѣ Михаила съ Москвой, о набѣгѣ Татаръ и Ольгерда на Русскія земли, см. Ник. IV, 41 — 46. Тат. IV, 232 — 237. Твер. 434, 435. Воскр. прод. 22, 23. Соф. I, 233—235. Новг. I, 90. Новг. IV, 69 — 71. Въ Ник. IV, 46 и у Тат. IV, 237 сказано, что Марью Кейстутьевну крестилъ владыка Тверской Евфимій, но не сказано, какое было ея первоначальное имя. Въ Твер. 435 сказано, что ея первоначальное имя было Микловса, а уже въ крещеніи получила имя Маріи. Narb. V, 214 также называетъ ее только Маріей, основываясь на одномъ Карамзинѣ.

(750) Ник. IV, 51. Тат. IV, 241. Твер. 437. Воскр. прод. 25. Соф. I, 236. Новг. IV, 73.

(751) Ник. IV, 79, 80. Твер. 439. Воскр. прод. 32, 33. Соф. I, 237. Новг. IV, 74. Когда въ 1379 г. Дмитрій Ивановичь посылалъ рать на Литовскую землю и она взяла города Трубчевскъ и Стародубъ, то въ этой рати также не видать Тверитянъ, хотя по договору 1375 г. Тверской князь обязанъ былъ помогать не только противъ Татаръ, но и противъ Литвы. Ник. IV, 84. Тат. IV, 258, 259. Воскр. прод. 34.

(752) «Обстоятельства этой войны, — замѣчаетъ Арцыбашевъ, II, 131, 132, пр. 934, — такъ искажены витійствомъ и разнорѣчіемъ лѣтописцевъ, что во множествѣ прибавокъ и переиначекъ весьма трудно усмотрѣть настоящее.»

(753) Сол. IV, 393 и прим. 665 къ такимъ сказаніямъ относитъ ту редакцію ихъ, которая находится въ П. С. Р. Л. IV, 75; VI, 90. — Но и сказаніе, помѣщенное въ VIII т. П. С. Р. Л. стр. 34—41, должно быть отнесено къ той же категоріи, какъ и напечатанныя въ IV и VI т. П. С. Р. Л., потому что оно почти буквально схоже какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ.— Къ тому же разряду, какъ эти три сказанія, относится и напечатанное въ Супрасл. стр. 100 — 114.

(754) Ник IV, 93. Тат. IV, 266, 267.

(755) Кар. V, 39, называются такіе князья бывшіе въ Куликовской битвѣ, о которыхъ нигдѣ болѣе не упоминается, а именно Іоаннъ Васильевичь Смоленскій и Василій Михайловичь Кашинскій. Судя по ссылкамъ у Кар. V, взято это имъ кажется изъ Синод. лѣт. № 365, на которую онъ нѣсколько разъ указываетъ.

(756) Тат. IV, 267.

(757) ib. 278.

(758) ib. 280.

(759) ib. 280.

(760) Сол. III, 358. Иловайскій, Ист. Ряз. княж. 169.

(761) Ник. IV, 79. Тат. IV, 255.

(762) Москва же, какъ мы видѣли, обязывалась помогать Новгороду противу Литвы, Твери и Нѣмцевъ.

(763) Сол. III, 358 и прим. 496.

(764) Сол. IV, 230. Здѣсь, говоря о числѣ войска Дмитріева, онъ замѣчаетъ: «Если мы примемъ въ соображеніе, что Дмитрій долженъ былъ ограничиться силами одного Московскаго и Великаго Княжества съ подручными князьми и отрядомъ двухъ Ольгердовичей, что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно, что на извѣстіе о Тверской помощи также нельзя много настаивать, что о полкахъ Нижегородскихъ и Суздальскихъ нѣтъ и помину.»

(765) Ник. IV, 93.

(766) Тат. IV, 266, 267.

(767) По договору Василія Дмитріевича Михаилъ Александровичъ не обязывался самъ лично выступать въ походъ, хотя бы Василій съ братьями и сѣлъ на коня; Михаилъ Александровичъ обязывался посылать своихъ сыновей и племянниковъ. (А. А. Э. I, № 14.) Впрочемъ эта грамота тамъ отнесена къ 1398 г., слѣдовательно когда Михаилу было уже 66 лѣтъ.

(768) Тат. IV, 278.

(769) Впрочемъ Бѣляевъ въ вышеуказанной своей статьѣ о кн. Михаилѣ Тверскомъ, считаетъ это участіе Тверской рати въ Куликовской битвѣ несомнѣннымъ. «Во время грознаго Мамаева нашествія въ числѣ первыхъ (Михаилъ Тверской) прислалъ Тверскіе полки съ своимъ племянникомъ, Иваномъ Воеволодовичемъ Холмскимъ, на помощь къ Московскому князю, и полки сіи участвовали въ страшной сѣчѣ на берегахъ Непрядвы.» Стр. 19. Однако Бѣляевъ не приводитъ основаній и не указываетъ источника, почему онъ считаетъ это участіе несомнѣннымъ.— Въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, лѣтопись котораго (подъ именемъ Тверской) напечатана въ XV т. П. С. Р. Л., на л. 180—197 находится ненапечатанное: «Сказаніе о Донскомъ бою, похвала великому князю Дмитрію Ивановичю и брату его князю Володимеру Андрѣевичу.» Оно схоже съ разсказомъ о Куликовской битвѣ, напечатаннымъ въ IV т. Ник. лѣт., а также отчасти съ разсказомъ напечатаннымъ въ Синопсисѣ (изд. 1735 г.). Есть нѣкоторыя особенности, которыя мы здѣсь отмѣтимъ, но не всѣ. Тамъ гдѣ въ Ник. говорится о переговорахъ Олега Рязанскаго съ Ягайломъ Литовскимъ на счетъ дѣйствій противъ Дмитрія, въ рукописномъ Тверскомъ сборникѣ прибавлены слѣдующія слова Олега: «Тебѣ (Ягайлу) Москву, да иныхъ ближнихъ городовъ, а мнѣ Коломну, и иныхъ близь мене, Володимерь и Муромъ.» Въ Снегиревскомъ изданіи 1829 г. стр. 10, такъ: «тебѣ дастъ Москву и иныя присяжныя грады, а мнѣ Коломну и которые близь Муромъ и Володимеръ.» Затѣмъ въ Тверскомъ сборникѣ находится разсказъ о совѣщаніи Ягайла съ панами, которые между прочимъ говорятъ: «подобаетъ государю милостивому владѣти Москвою, а сего государя Дмитрія изгонити.» Въ Тверскомъ сборникѣ также помѣщенъ разговоръ князя Литовскаго со своимъ возвратившимся изъ орды посломъ Барьташемъ, который про Мамая отзывается, что Мамай разумомъ не твердъ, въ рѣчи не памятливъ, но горделивъ весьма, войска у него много, но все какъ овцы безъ пастыря. (Какъ отзывъ Литовскихъ пановъ о Дмитріи, такъ и отзывъ Литовскаго посла о Мамаѣ, сколько намъ извѣстно, не находятся ни въ одномъ напечатанномъ разсказѣ.) Въ Тверскомъ сборникѣ нѣтъ короткаго разсказа о Кипріанѣ, Митяѣ и Пименѣ, находящагося въ Ник. IV, стр. 92 — 93. Въ Тверскомъ сборникѣ приводится разговоръ Дмитріева посла Захаріи съ Мамаемъ: Захарія понравился Мамаю, который между прочимъ сказалъ ему: «сотворю тя властеля Руси, и будеши подобенъ Дмитрію, ему же ты нынѣ служиши.» Мамай отпускаетъ Захарію къ Дмитрію со своей грамотой и проводниками; дойдя до Оки, Захарія велѣлъ вышедшимъ на встрѣчу московскимъ ратникамъ связать Татаръ, грамоту разорвалъ и отослалъ ее къ Мамаю. Такой же разсказъ о Захаріи и Мамаѣ находится въ Синопсисѣ, стр. 170 — 175. На листѣ 193 Тверскаго сборника перечисляются убитые въ Куликовской битвѣ, и убитыхъ Тверскихъ бояръ насчитано 104. Во Врем. М. О. И. Д. Р. кн. 14, годъ 1852, напечатано «Слово о в. к. Дмитріи Ивановичѣ», по списку Ундольскаго; изъ предисловія издателя къ нему видно, что въ Погодинскомъ спискѣ сказано, что въ числѣ убитыхъ было 74 Тверскихъ князя. Конечно на эти извѣстія объ убитыхъ князьяхъ и боярахъ нельзя опираться какъ на извѣстія исторически достовѣрныя. Замѣтимъ еще слѣдующее о неизданномъ разсказѣ о Куликовской битвѣ Тверскаго сборника. Въ немъ постоянно

встрѣчается *Ольгердъ* вмѣсто *Ягайло;* встрѣчается также *Еллинъ*, *Еллинскій* вмѣсто *Татаринъ*, *Татарскій* — какъ и въ «сказаніи о побоищѣ Донскаго» изд. Снегирева 1829 г. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ изд. Сахарова (въ сказ. Рус. нар. кн. 4) также *Ольгердъ* вмѣсто *Ягайло.* Составитель или переписчикъ Тверскаго сборника не могъ разобрать нѣкоторыхъ мѣстъ своего оригинала и потому написалъ ихъ безъ смысла. Такъ напр. переписчикъ почему-то одно выраженіе про Мамая, встрѣчающееся въ Ник., *яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхая* сперва — на сколько можно разобрать — написалъ, а потомъ зачеркнулъ, и оно явилось (съ титлами) въ такомъ видѣ: *яко ле ре вы пыхаа.* Или слова синопсиса, стр. 209: «правою рукою шелъ Мікула Васильевичь съ Коломны, со устроенными ратьми. Поганіи же Татарове идоша оба полъ, яко не бяше мѣста имъ гдѣ разступитися» явились у переписчика Твер. сборника въ такомъ видѣ: «правую руку водитъ Микула Васильевичь съ Коломны. И новогородское посланики, поганы жь бредутъ оба нѣсть имь мѣста где разступитись.» Въ Снегиревскомъ изд. 1829: «А с правую руку емоу идетъ Микулай Васильевичь со многими людми. Поганіи же бредутъ оба полка, нѣгдѣ бо имъ раступ̃итися, мало есть мѣста имъ.»

(770) Онъ умеръ 6 Мая. Ник. IV, 131. Тат. IV, 294. Воскр. прод. 42.

(771) Ник. IV, 257. Тат. IV, 378. Воскр. прод. 65. Хотя въ лѣтописяхъ не говорится, чтобы Михаилъ Александровичь, по смерти Василія Михайловича, назначилъ въ Кашинъ своего сына Бориса, но говорится, что Борисъ умеръ въ Кашинѣ. Сравн. прим. 790.

(772) Впрочемъ уже только передъ своей смертью Михаилъ Александровичь утверждаетъ Кашинъ за своимъ сыномъ Василіемъ и внукомъ Иваномъ Борисовичемъ, какъ это можно будетъ видѣть далѣе при разсказѣ о послѣднихъ минутахъ жизни Михаила Тверскаго. Даже, можетъ быть, раньше Бориса, не назначалъ ли Михаилъ Александровичь въ Кашинъ другаго своего сына Александра Михайловича Ордынца; по крайней мѣрѣ Александръ Ордынецъ также умеръ въ Кашинѣ въ 1389 г. Твер. 444. Но впрочемъ Александръ Ордынецъ долго пробылъ въ ордѣ, именно около трехъ лѣтъ, что можно видѣть изъ дальнѣйшаго разсказа. — А можетъ быть Иванъ Борисовичь получилъ Коснятинъ, см. прим. 836.

(773) Эта мысль, но только положительнѣе высказана въ статьѣ: Бѣл., в. к. Мих. Алекс. Тверской въ Чт. М. О. И. Д. Р. 1861 г., № 3. Въ ней сказано слѣдующее: «Къ чему (къ возобновленію притязаній на в. княж. Владимірское), конечно, много располагало и усиленіе Тверскихъ владѣній, которыя, въ продолженіе осьмилѣтняго мира, ничѣмъ не обезпокоиваемыя, быстро росли народонаселеніемъ: въ край безмятежный, управляемый благоразумнымъ и добрымъ княземъ, народъ отвсюду стекался толпами, тогда какъ въ Москвѣ, во все это время обезпокоиваемой Татарами, замѣтны стали нѣкоторая усталость и истощеніе силъ, особенно послѣ битвы съ Мамаемъ и нашествія Тахтамышева, гдѣ погибли десятки тысячь Москвитянъ и ихъ покорныхъ союзниковъ.»

(774) Ник. IV, 128. Тат. IV, 291. Воскр. прод. 41, 42. Новг. IV, 83.

(775) Повѣсть о нашествіи Тохтамыша, Ник. IV, 131 — 138. Тат. IV, 294 — 303. П. С. Р. Л. VI, 98 — 103. Воскр. прод. 42 — 48. Новг. IV, 84 — 90.

(776) У Тат. IV, 295 сказано, что Дмитрій Ивановичь послалъ просить помощи у Тверскаго князя и у иныхъ, — извѣстіе на счетъ просьбы помощи у Тверскаго князя очень вѣроятное.

(777) Василій Михайловичь Кашинскій, какъ мы видѣли, умеръ 6 Мая 1382 г. — Тохтамышъ подошелъ къ Москвѣ 23 Авг. 1382 г. Ник. IV, 133. Воскр. прод. 44. П. С. Р. Л. VI, 99. Новг. IV, 85.

(778) Ник. IV, 137. Тат. IV, 301 Твер. 442: И хотѣша ити ко Тверіи, и послѣ къ в. Михаило Гурленя; они же изымавъ биша, и поставиша Гурлена предъ царемъ, и царь повелѣ грабежъ изыскати, и отпусти его съ жалованіемъ къ в. к. Михаилу, съ ярлыкы.»

(779) Воскр. прод. 43. П. С. Р. Л. VI, 98. Новг. IV, 84. — Былъ ли это ярлыкъ, утверждавшій Тверь за Михаиломъ, или ярлыкъ, утверждавшій не только Тверь, но и Кашинъ за Михаиломъ? Послѣ Куликовской битвы русскіе князья, а въ томъ числѣ и Тверской князь посылали своихъ киличеевъ къ Тохтамышу; киличеи возвратились со многою честію и пожалованіемъ. Должно полагать, что Михаилъ и получилъ тогда ярлыкъ на Тверь; теперь же онъ, вѣроятно, получилъ ярлыкъ и на Кашинъ.

(780) Въ одномъ мѣстѣ Твер. лѣт. 444, и именно подъ 1389 г. этотъ сынъ Михаиловъ названъ *Ордынцемъ*.

(781) Ник. IV, 138, Тат. IV, 304. Воскр. прод. 47. Новг. IV, 90. Въ Твер. лѣт. 442 сказано, что Михаилъ Александровичь пошелъ въ орду 5 Сент.

(782) Ник. IV, 141. Тат. IV, 306. Соф. I, 238. Воскр. прод. 48. Новг. IV, 90. Новг. I, 93 подъ 1383 г. «Въ тоже лѣто поиде князя великаго сынъ кн. Василіи въ орду, *позванъ царемъ*. (?) Той же осени поиде кн. Михайло Тферскій въ орду, ища великого княженія.» — Выше сказано, что митроп. Кипріанъ не рѣшился ѣхать въ Москву, гдѣ его Димитрій Ивановичь не хотѣлъ принять. Тогда Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, выжидая кончины старца Алексѣя, думая послѣ его смерти сдѣлаться архипастыремъ надъ всею Русскою Церковію. Но по смерти Алексѣя, в. к. Димитрій Ивановичь хотѣлъ, чтобы митрополитомъ сдѣлался архимандритъ Митяй или Михаилъ. Между тѣмъ Кипріанъ рѣшился попытать счастья и пріѣхалъ въ Москву, но здѣсь по приказанію в. князя былъ схваченъ и запертъ подъ стражею, въ сырую клѣть. Патріаршимъ посламъ, находившимся въ его свитѣ, нанесли оскорбленія, называя «литвинами» и патріарха, и соборъ его, и императора. На другой день Кипріана выпроводили изъ столицы. Чтобы понять сколько нибудь этотъ поступокъ в. к. Димитрія Ивановича надобно взять во вниманіе, что онъ видѣлъ въ Кипріанѣ избранника давняго врага своего Ольгерда, что самъ Ольгердъ когда-то поступилъ точно такимъ же образомъ съ святителемъ московскимъ Алексѣемъ, а Кипріанъ поступилъ съ нимъ едвали даже не хуже, когда такъ недостойно оклеветалъ св. старца и покушался его низвергнуть, и что теперь Кипріанъ насильно, наперекоръ желанію в. князя, намѣревался поселиться въ Москвѣ и управлять Русскою Церковію. Митяй же поѣхалъ въ Константинополь, но умеръ въ виду его; но спутники его прибыли въ Константинополь, гдѣ одинъ изъ нихъ, Пименъ Переяславскій, при помощи богатыхъ даровъ, былъ рукоположенъ въ митрополита. В. князю Димитрію Ивановичу однако это не понравилось и онъ объявилъ, что Пимена не принимаетъ, а напротивъ послалъ за Кипріаномъ въ Кіевъ. Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву въ праздникъ Вознесенія Господня, 23 Мая 1381 г. Пимена же, явившагося на Русь, в. к. велѣлъ схватить и заточить въ Тверь. Константинопольскій Патріахъ Нилъ нѣсколько разъ писалъ къ в. к. и убѣждалъ его принять Пимена на Москву, а Кипріана удалить. Эти посланія, постоянно направленныя противъ Кипріана и въ защиту Пимена, могли не мало подѣйствовать на в. князя. А тутъ еще прибавилось новое событіе. Именно, за два дня до опустошенія Москвы Тохтамышемъ (Авг. 1382) Кипріанъ возвратился въ нее изъ Новгорода. Здѣсь онъ нашелъ всеобщее смятеніе и уѣхалъ въ Тверь. Когда гроза прошла, в. к. послалъ звать митрополита въ Москву (7 Окт. 1382 г.), и укоривъ его за малодушное удаленіе изъ столицы въ минуты опасности, объявилъ ему, что не желаетъ болѣе имѣть его своимъ архипастыремъ. Конечно, Димитрія Іоанновича могло огорчить не

столько то, что Кипріанъ удалялся тогда изъ Москвы, сколько то, что онъ удалился именно въ Тверь — къ родственнику Ольгерда и давнему врагу московскаго князя — Михаилу Александровичу, который первый потомъ послалъ дары къ Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Кипріанъ уѣхалъ опять въ Кіевъ, а Дмитрій призналъ митрополитомъ Пимена. Такъ изложены тогдашнія церковныя событія въ Ист. Рус. Церкви, Макарія (IV, 61 — 73). У Сол. IV, 308 сказано такъ: «отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь немедленно послѣ Тохташева отступленія отправился въ орду искать ярлыка, или наконецъ, какое нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія в. к. Дмитрія къ Кипріану, — только встрѣчаемъ извѣстіе, что Дмитрій не захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ.» Такія обыкновенно предполагаются причины, по которымъ Кипріанъ долженъ былъ оставить Москву. Но вотъ что находится у Тат. IV, 304, 305: «И слыша к. в. Димитрій Ивановичь яко кн. Михаилъ Тверскій иде во Орду просити в. княженія, и что митр. Кипріанъ о семъ совѣтова ему, и сего ради не хотяше въ Москву итти, но едва умоленъ пріиде, нача митрополиту вся сія извѣщати яко не добро есть тако, за что между ими веліе нелюбіе бяше. По сей причинѣ Кипріянъ Митрополитъ всея Россіи тояжде осѣни съ Москвы отиде въ Кіевъ.» На сколько же мы можемъ довѣрять этому послѣднему извѣстію? Извѣстно, что сѣверныя лѣтописи сухи, молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. (Сол. IV, 400.) Иногда, лѣтописецъ проговаривается и о причинахъ событій, но только очень рѣдко. Такъ случилось здѣсь въ Татищевскомъ сводѣ. Однѣ лѣтописи говорятъ, что у Дмитрія Ивановича вышло нелюбье съ митрополитомъ, но не объясняютъ изъ за-чего; (Ник. IV, 139. — Въ Троицк. 233 сказано такъ: Князь в. Дмитрей Ивановичь *выгна* Кипріяна митрополита, и бысть оттолѣ *мятежъ* въ митрополіи.) другія лѣтописи прибавляютъ, что нелюбье вышло изъ-за того, зачѣмъ Кипріянъ во время Тохтамышева нашествія не сидѣлъ въ Москвѣ въ осадѣ, а уѣхалъ въ Тверь. (Соф. I, 238; Воскр. 48.) А вотъ еще какой-то неизвѣстный тамъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что Дмитрій Ивановичь прогнѣвался за то, зачѣмъ Кипріянъ посовѣтовалъ Михаилу искать в. княженія. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли быть какой интересъ Кипріану въ томъ, чтобы Михаилъ Тверской сдѣлался в. княземъ? Могъ. Кипріанъ очень хорошо зналъ, чего хотятъ въ Литвѣ, а именно своего особаго митрополита. Теперь Кипріану удалось сдѣлаться митрополитомъ обѣихъ половинъ Россіи — Западной и Восточной. Но это могло быть и непрочно. Опять на него могъ по чему либо прогнѣваться Дмитрій Ивановичь какъ прежде, и приказать его заточить, а затѣмъ и изгнать изъ Москвы, — и тогда Кипріанъ становился митрополитомъ только Западной Литовской Руси. Могли и въ Литвѣ не захотѣть подчиняться митрополиту, живущему въ Москвѣ, и стали бы опять хлопотать объ особомъ своемъ митрополитѣ и въ случаѣ успѣха, — Кипріанъ остался бы митрополитомъ только Восточной Московской Руси. Но если бы в. к. Владимірскимъ сдѣлался Михаилъ Тверской, тогда положеніе Кипріана становилось прочнѣе,— по крайней мѣрѣ онъ могъ такъ думать. Михаилъ былъ родственникъ семейства Литовскихъ князей и могъ ужиться болѣе мирно съ Литвой, нежели Дмитрій (конечно, до поры до времени). Если такія соображенія были у Кипріана, то конечно онъ могъ посовѣтовать Михаилу Тверскому добиваться в. княженія Владимірскаго. И такія соображенія Кипріана могли оправдываться послѣдующими событіями. Чрезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Дмитрія Ивановича скончался и Пименъ. Кипріанъ сдѣлался наконецъ дѣйствительно митрополитомъ всей Россіи и былъ хорошо принятъ въ Москвѣ самимъ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ. У Сол. IV, 309 говорится слѣдующее: «Союзъ Василія Дмитріевича съ тестемъ,

Витовтомъ Литовскимъ, удерживалъ и церковную связь между Русью Литовскою и Московскою........ Но потомъ послѣдовалъ разрывъ между князьями Московскимъ и Литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою и раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожилъ до этого событія.» Извѣстно, что Витовтъ, встрѣтивъ сопротивленіе въ Царьградѣ своему желанію имѣть особаго митрополита, повелъ дѣло такъ, что соборъ Литовскорусскихъ епископовъ посвятилъ Григорія Цамблака въ митрополиты Западной Литовской Руси (въ 1416 г., слѣдовательно чрезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Кипріана). Что же касается до Михаила Тверскаго, то онъ очень легко могъ послушаться Кипріанова совѣта воспользоваться тогдашними обстоятельствами и хлопотать у Томтамыша объ ярлыкѣ на в. княженіе Владимірское, тѣмъ болѣе, что ему самому хотѣлось быть в. княземъ Владимірскимъ. Если прежде Иванъ Вельяминовъ и Некоматъ Сурожанинъ оказали болѣе или менѣе вліянія на Михаила, то тѣмъ болѣе могъ повліять на него митрополитъ, особа болѣе значительная. — Такимъ образомъ вышеприведеннаго извѣстія, находящагося у Татищева, кажется не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія.

(783) У Сол. III, 367 говорится слѣдующее: «Былъ во Владимірѣ лютый посолъ отъ Тохтамыша, именемъ Адашъ, и была дань великая по *всему княженію Московскому*, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ орду, говоритъ лѣтописецъ подъ 1384 г. Къ такимъ уступкамъ в. князь приневоленъ былъ не одною невозможностью опять вступить въ открытую борьбу съ ордою послѣ недавнихъ раззореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8000 окупа. Кромѣ этихъ обстоятельствъ, конечно и искательства Тверскаго князя были причиною того, что Московское княжество дорого поплатилось.»

(784) Ник. IV, 143. У Тат. IV, 306 разсказывается слѣдующее: «Имѣ же (Василій Дмитріевичь) тамо (въ ордѣ) многое прѣніе со княземъ Михайломъ Тверскимъ о в. княженіи, и не могуще пресилити его дары своими, зане многа имѣнія въ Москвѣ погибоша; но грамотою Хана Жанибека оправдася, юже Тохтамышъ вельми почте и возврати я к. в. Дмитрію Ивановичу, и свою такову же посла съ великимъ посломъ своимъ Карачаемъ, а кн. Василія Димитріевича остави у себя донележе посолъ его возвратится.» Соф. I, 238 и Воскр. прод. 49 подъ 1383 г. говоритъ, что Тверской князь самъ оставилъ въ ордѣ своего сына Александра, а Московскій княжичь Василій Дмитріевичь былъ оставленъ Тохтамышемъ. — Въ Новг. IV, 90: «Выиде изъ орды к. Михайло Тферьскій безъ великого княженія; а Василья Дмитріевича прія царь въ 8000 сребра; и Михайловъ сынъ Александръ остася въ ордѣ.» Тогда въ ордѣ было нѣсколько молодыхъ Русскихъ князей: кромѣ Тверскаго и Московскаго, тамъ былъ еще Василій, сынъ Дмитрія Константиновича Нижегородскаго, котораго Тохтамышъ удержалъ у себя (Ник. IV, 137. П. С. Р. Л. VI, 103.); неизвѣстно когда прибылъ въ орду Родославъ Ольговичь Рязанскій, бѣжавшій изъ орды въ 1387 (Ник. IV, 152; Тат. IV, 320); какъ извѣстно Василій Дмитріевичь Московскій бѣжалъ изъ орды въ 1386 г.; а Василій Дмитріевичь Суздальскій также побѣжалъ изъ орды, но былъ захваченъ Татарами и возвращенъ.

(785) Ник. IV, 151. Тат. IV, 318. Твер. 444. Воскр. прод. 50.

(786) Тв. 444: Преставися въ Кашинѣ кн. Александръ Михайловичь Ординецъ. Впрочемъ слово *ордынци* встрѣчается и въ княжескихъ грамотахъ, напр. въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ (С. г. г. д. I, № 33): «а что наши *ординци* и делюи, а тымъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ.» Бестуж.-Рюм. Рус. Ист. 449 и Сол. IV, 245 про слово *ордынцы* замѣчаетъ: «думаютъ, что такъ назывались выкупленные изъ плѣна въ ордѣ.» Въ такомъ случаѣ

можно полагать, что либо Михаилъ Александровичъ, либо его сынъ Александръ много задолжали въ ордѣ и потому Александръ долженъ былъ такъ долго оставаться въ ордѣ, пока его не выкупили.

(787) Ник. IV, 154, Тат. IV, 322.

(788) Ник. IV, 199. Тат. IV, 362. Твер. 445.

(789) Ник. IV, 255.

(790) Ник. IV, 145, 146. Твер. 443. Тат. IV, 312, 313. Она т. е. супруга Василья Михайловича умерла въ 1397 г. Подъ 1395 г. (Ник. IV, 265) находится извѣстіе безъ начала о томъ, что кто-то «положена бысть в церкви св. Спаса во Твери», а (на стр. 269) подъ 1397 г. говорится «того же лѣта преставися княгиня Василья Михайловича дщи князя Володимера Олгердовича Киевского, и положена бысть во церкви святаго спаса во Твери.» Также Тат. IV, 384 подъ 1397 г. — Въ 1395 г. умеръ Борисъ Михайловичъ въ Кашинѣ, тѣло котораго для погребенія привезли въ Тверь. (Ник. IV, 257. Тат. IV, 378. Воскр. прод. 65. Ср. выше прим. 771.) Въ 1398 г. Михаилъ Александровичъ женилъ внука своего Александра Ивановича на дочери кн. Ѳед. Мих. Моложскаго. (Ник. IV, 269. Тат. IV, 385. Воскр. прод. 70. Соф. II, 130.)

(791) Ник. IV, 269. Тат. IV, 385. Тверь. 457. Воскр. прод. 71. Бѣляевъ, въ своей статьѣ о в. к. Михаилѣ Александровичѣ, стр. 38, придаетъ большое значеніе этому пріему у Витовта: «Читая лѣтописное повѣствованіе о пріемѣ, сдѣланномъ отъ Витовта Михаилову сыну, ясно видимъ, какое великое значеніе имѣлъ Тверской Государь между современными князьями, и какъ далеко выдвигался онъ изъ ряду другихъ Русскихъ князей; ибо подобнаго пріему знаменитый Витовтъ не дѣлалъ даже Московскимъ Государямъ, своимъ ближайшимъ родственникамъ.» Тогда Василій и Витовтъ были въ дружбѣ. «Великій князь Московскій при всѣхъ этихъ событіяхъ (около 1395 г.) явно держалъ сторону тестя: въ 1396 г. онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь пасху, и когда Рязанской князь снова вошелъ съ полками въ землю Литовскую и осадилъ Любутскъ, то Василій отправилъ къ нему посла и отвелъ его отъ этого города. Когда Витовтъ войною вошелъ въ Рязанскія владѣнія, то изъ Москвы ему не было никакого препятствія, напротивъ зять встрѣтилъ его въ Коломнѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Въ 1398 г. Василій и Витовтъ требовали, чтобы Новгородъ разорвалъ миръ съ Нѣмцами.» (Сол. IV, 31, 32.)

(792) Ник. IV, 202. Тат. IV, 365. Здѣсь говорится, что Михаилъ Александровичъ женилъ своего *сына*, но не сказано котораго; а такъ какъ другіе сыновья Михаила Александровича были женаты, кромѣ младшаго Ѳедора, то потому и нужно полагать, что онъ былъ женатъ теперь на дочери Ѳедора Кошки. Тогда же женился и Юрій Всеволодовичъ Холмскій неизвѣстно на комъ. ib.

(793) Замѣчаетъ Бѣляевъ въ своей статьѣ о Михаилѣ Александровичѣ, стр. 34.

(794) «Съ Новгородомъ Великимъ началась у Московскаго князя вражда въ 1393 г. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ в. князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ Низовые города; въ 1385 г. они вздумали пріобрѣсть то же право и въ отношеніи къ суду церковному: посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; написали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда въ 1391 г. Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя двѣ недѣли безуспѣшно уговаривалъ гражданъ разодрать эту грамоту. Тогда в. князь послалъ войска на Новгородъ и кончилось тѣмъ, что Новгородцы отослали митрополиту грамоту цѣловальную, дали в. князю черный боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ

владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись не утаивать ихъ.» Сол. IV, 11, 12. Въ разсказѣ объ этой войнѣ Новгорода съ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ въ Ник. IV, 253 подъ 1393 г. встрѣчается между прочимъ такая фраза: «Таже потомъ смиришася Новгородцы съ в. княземъ Васильемъ Дмитреевичемъ и покоришася ему, а Кипріану митрополиту на Москву грамоту отслаша.» Въ Новг. I, 96 соотвѣтствующее мѣсто: «и въ то время съ обѣ стороны кровопролитія много учинилося, и Новгородци, не хотя видѣти болшаго кровопролитія въ крестіанѣхъ, послаша послы къ в. к. и т. д.» Также и въ Новг. IV, 100; въ Соф. I, 245; почти также въ Соф. II, 123. У Тат. IV, 373 соотвѣтствующее мѣсто полнѣе и читается такъ: «Князь же великій начатъ вся вои своя собирати и самъ иде къ Новугороду съ братомъ Владиміромъ, и *княземъ Тверскимъ Михайломъ* и иными князи, со всѣми вои. Новгородцы убояся послаша посадника Есипа Захарьевича и тысяцкаго Богдана Аввакумовича, просяще о мирѣ; онъ же даде имъ миръ, и полонъ весь пусти, и покоришася ему, а Кипріану Митрополиту на Москву грамату отослаша.» Такимъ образомъ у Тат. послы названы по именамъ: это были посадникъ Есипъ Захарьевичь и тысяцкій Богданъ Аввакумовичь. Ихъ имена встрѣчаются подъ 1394 г., см. Новг. I, 97. Такимъ образомъ можно согласиться съ Татищевымъ, что Михаилъ Тверской давалъ свои вспомогательныя войска для похода на Новгородъ.

(**975**) Ср. Бѣл. В. к. Мих. Алекс. стр. 35.

(**796**) Ник. IV, 270. Тат. IV, 386. Твер. 457. Воскр. прод. 70. Соф. II, 130.

(**797**) А между тѣмъ Московскій князь могъ тогда расчитывать на то, что Литва не поможетъ Тверскому князю, потому что тогда Московскій и Литовскій князья были въ дружбѣ: въ этомъ же самомъ году ихъ послы сообща требовали у Новгорода, чтобы онъ разорвалъ миръ съ Нѣмцами, на что однако Новгородцы не согласились. Ник. IV, 272.

(**798**) Ник. IV, 278; Тат. IV, 394; Твер. 458; Псков. I, 195; Псков. II, 18. Тогда же Василій Дмитріевичь далъ Новгородцамъ своего брата Андрея Дмитріевича Новг. I. 100. Въ Воскр. прод. 70 и Соф. II, 130 сказано, что Василій Дмитріевичь далъ Ивану Всеволодовичу городъ Торжокъ; можетъ быть Василій далъ ему Торжокъ послѣ Пскова. Въ Соф. II, 128 находится конечно *ошибочное* извѣстіе подъ годомъ 1396 г. «Того же лѣта к. в. Василей Дмитреевичь Московскій со княземъ Михаиломъ Тферскимъ подкрѣпиша миру; и соединишася вси князи Русьстіи заодно, и послаша грамоты разметныя ко князю Витовту Кестутьевичу Литовскому.» Въ это время Витовтъ и Василій Дмитріевичь были въ дружелюбныхъ отношеніяхъ. «Въ 1396 г. Василій ѣздилъ на свиданіе съ Витовтомъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху; и когда Витовтъ дѣлалъ походъ на Рязань, то они опять дружелюбно видѣлись въ Коломнѣ, въ 1397 г. они посылали (по Ник. IV, въ 1398) къ Новгородцамъ требуя чтобы тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами.» Сол. IV, 32.

(**799**) А. А. Э. I, № 14. Здѣсь она отнесена къ 1398 г. Но трудно сказать, дѣйствительно ли въ этомъ году она заключена. По одной фразѣ въ ней можно судить, что она заключена не ранѣе 1395 г. Въ ней говорится, что Михаилъ въ случаѣ надобности долженъ послать двоихъ сыновей, а одного оставить у себя. Когда же у него было трое сыновей? Послѣ 1395 г. у него въ живыхъ оставалося трое сыновей: Иванъ, Василій и Ѳедоръ. Ср. Кар. V, пр. 183 о выраженіи *Божіею милостію*, которымъ начинается эта грамота.

(**800**) Сол. IV, 22.

(**801**) Вышеприведенное извѣстіе Соф. второй лѣтописи, стр. 128, подъ 1396 г. (см. выше прим. 798) не имѣетъ ли связи съ этимъ выраженіемъ. Можетъ быть лѣто-

писецъ зналъ о содержаніи договорной грамоты Михаила Александровича съ Василіемъ Дмитріевичемъ и сдѣлалъ объ этомъ краткую замѣтку въ своей лѣтописи. Но лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ, что *соединишася вси князи Русьстіи заодно и послаша грамоты разметныя ко князю Витовту Кестутьевичу Литовскому.* Можетъ быть дѣйствительно и другіе князья заключили съ Василіемъ Дмитріевичемъ договоры подобные Михаилову. Но неизвѣстно, посылали ли они грамоты разметныя къ Витовту, — едва ли они могли посылать.

(802) Значитъ еще не всѣ плѣнные со времени войны 1375 г. были освобождены.

(803) Сол. IV, 23.

(804) Бѣляевъ въ своей статьѣ о Михаилѣ стр. 36 дѣлаетъ сравненіе между этою договорною грамотою Михаила и договорною грамотою заключенною въ 1402 г. съ Рязанскимъ в. к. Ѳедоромъ Ольговичемъ тѣмъ же Василіемъ Дмитріевичемъ. Ѳедоръ Ольговичь называется молодшимъ братомъ, а Московскій князь старѣйшимъ братомъ; Тверской же князь и Московскій названы просто братьями. Рязанскій в. князь былъ приравненъ къ удѣльнымъ Московскимъ князьямъ, младшимъ въ отношеніи къ в. князю. Рязанскій князь обязанъ былъ предъявлять о своихъ сношеніяхъ съ ордой; а въ сношенія Твери съ ордой Москва не смѣла и вмѣшиваться. Изъ этого сравненія видно, что Тверской князь Михаилъ былъ въ болѣе выгодномъ положеніи относительно Москвы, нежели Рязанскій князь Ѳедоръ.

(805) Ник. IV, 287 въ повѣсти о житіи Михаила Александровича.

(806) Въ повѣсти о преставленіи Михаила Александровича, П. С. Р. Л. IV, 360. Срав. Твер. 469.

(807) Сол. III, 304: «Въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую землю отъ воровъ (татей) — видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ........» — Степ. кн. I, 406: «Богохранимому же В. К. Ивану Даниловичу по Бозѣ благоденственно державствующу, и вся яко господеви годѣ добрѣ управляя, и великимъ Новымъградомъ и Псковомъ обладаа, *злодѣйственныхъ же разбойниковъ, и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земля своея.* Во дни же его бысть тишина велія Христіаномъ по всей Рустѣй земли на многа лѣта. Тогда и Татарове престаша воевати Рускія земля.» Указано у Вест.-Рюм. Рус. Ист. 395. — Сол. IV, 145: «Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ (Московскомъ) вмѣстѣ съ его продолжительною безопасностію увеличивало доходы княжескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ такъ богатъ, что могъ покупать цѣлыя княжества, какъ Бѣлоозеро, Угличь и Галичь.»

(808) Ник. IV, 152 (въ Январѣ 1386.) Тат. IV, 319, 320 (также въ Январѣ 1386.) Твер. 444 (мѣсяцъ не обозначенъ). — Твер. губ. вѣд. 1865, въ № 2 статья: *списокъ святителей, управлявшихъ Тверскою епархіею со времени ея учрежденія до 1804 г.* Здѣсь сказано, что Висленъ былъ удаленъ въ монастырь Св. Николая за ручьемъ на Заволожьѣ (Малицкій).

(809) У Тат. IV, 359 такъ: «Того-жъ лѣта (1391) быша во Твери отъ Епископа Евѳимія многіи *тягости и раздоры;* но кн. Михаилъ Александровичь не хотя его самъ обвиня изгнати, позва къ себѣ Митрополита Кипріана въ Тверь разсудити *жалобы многихъ людей.*»

(810) Кипріанъ пріѣхалъ въ Тверь *по Петровѣ дни.* Твер. 445. Судъ надъ Евфиміемъ описанъ въ Ник. IV, 195 — 198; Тат. IV, 359 — 361; кратко въ Твер.

445; у Кар. V, прим. 232; очень короткое замѣчаніе о назначеціи Арсенія въ Воскр. прод. 61. Карамзинъ нашелъ описаніе суда надъ Евфиміемъ въ одной припискѣ къ харатейному Церковному Уставу. См. также Ключев. древ. рус. жит. Св. 183. Никоновская лѣтопись называетъ клеветами всѣ обвиненія взведенныя на Евфимія; у Тат. также, хотя и говорится, что отъ епископа были многія тягости и раздоры; описаніе, найденное Карамзинымъ, обвиняетъ епископа. Бѣляевъ въ своей ст. о в. к. Мих. Алекс. стр. 30 въ примѣч. говоритъ, что хотя это описаніе и находится въ пергаменной рукописи XV в., но писано на бумагѣ и почеркомъ XVII в., что оно по содержанію своему рѣшительно противорѣчитъ ходу самого дѣла и, слѣдовательно, на него опираться невозможно. На этомъ основаніи Бѣляевъ предпочитаетъ разсказъ Ник. лѣтописи. Но вѣдь хотя это и позднѣйшая приписка, но она могла быть взята изъ какого либо источника довольно стариннаго, намъ неизвѣстнаго. Карамзинъ даетъ преимущество имъ найденной припискѣ передъ Никоновской лѣтописью. См. прим. 811.

(811) Только въ Твер. лѣт. и въ Карамзинской припискѣ названо по имени мѣсто первой встрѣчи митрополита и в. князя — Починокъ. Въ Твер.: на *Починкѣ*; у Кар.: на *Починнѣ*. Также только въ Твер. лѣт. и Кар. припискѣ обозначено число и мѣсяцъ вторичной ихъ встрѣчи — *день недѣльный 3 Іюля*. Кажется, что подобные признаки указываютъ на то, что припиской, найденной Карамзинымъ, пренебрегать не слѣдуетъ. Срав. прим. 810.

(812) По Московскому шоссе на Волгѣ находятся двѣ деревни *Перемѣрки*: Большая въ 4 и Малая въ 6 верстахъ отъ Твери. Былъ монастырь *Перемѣрскій*. Твер. губ. вѣд. 1865, № 7, ст. Загородскій посадъ въ 1626 г.; эта статья составлена по ненапечатаннымъ писцовымъ книгамъ. Также сп. нас. м. Тв. губ., стр. 13. Былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемѣры на р. Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки, и Егорьевскій монастырь Меньшіе Перемѣры, о чемъ было говорено выше.

(813) Въ вышеуказанномъ разсказѣ найденномъ Карамзинымъ, V, прим. 232: «Митрополитъ же совокупи Съборъ и нача судити, и не обрѣтеся у Евфимія правда въ устѣхъ его, яко же рече Давидъ: мужъ кривъ не препловитъ дній своихъ. Архимандриты и Игумены и Попове и Бояре истягаша его во многихъ судѣхъ. Митрополитъ же суди по правиломъ Свв. Отецъ Съборомъ, и извергоша его. И нача просити князь великый Михайло у Митрополита Епископа: Митрополитъ же дасть ему своего Архидіакона Арсеніа, и поставленъ бысть Іуліа въ 24 въ день Недѣльный, и посадиша его въ Св. Спасѣ на столѣ честнѣ.» — Христ. Чт. 1852. I. Свѣдѣнія о соборахъ, бывшихъ въ Рус. Церкви въ XIV и XV стол., стр. 357, прим. 9: «Въ жизнеописаніи Арсенія, епископа Тверскаго, преемника Евѳиміева (изд. въ 1764), Евѳимій обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствовалъ о Христѣ, яко Арій, о Богородицѣ, яко Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакого другаго суда, кромѣ вселенскаго Собора. — Никоновскую лѣтопись можно согласить съ прочими тѣмъ, что нѣкоторыя изъ обвиненій противъ Евѳимія могли быть не доказаны, какъ напр. обвиненія въ аріанствѣ, и т. под., о которыхъ упоминаетъ житіе Арсенія; что настояніе князя о низложеніи Евѳимія могло происходить именно отъ вмѣшательства его въ гражданскія дѣла. Но конечно, достовѣрнѣе другихъ современная запись, приводимая Карамзинымъ: она обвиняетъ Евѳимія въ *мятежѣ церковномъ*, ничего не говоря о ереси.»

(814) Также у Тат.

(815) Карамзинская приписка и Твер. лѣтопись.

(816) Ник. IV, 199. Также Тат. IV, 362, 363. По свидѣтельству Карамзинской приписки Арсеній былъ поставленъ 24 Іюля; по Ник. Арсеній, вторично пріѣхавшій

въ Тверь, былъ посвященъ 15 Авг. Кажется, что отъ 24 Іюля до 15 Авг. срокъ очень короткій для того, чтобы Кипріану изъ Твери поспѣть въ Москву, потомъ вернуться въ Тверь.

(817) Рус. Ист. Бест.-Рюм. 420: «Благоразуміе Михаила высказалось въ томъ, что онъ не прибѣгъ къ силѣ, а потребовалъ соборъ.»

(818) «О преставленіи князя Михаила Тферьскаго.» П. С. Р. Л. IV, 359, 360. Этотъ разсказъ написанъ кѣмъ-то по приказанію владыки Кирила: «яко же и се въ томъ подобное вещи, отче отцемъ Кирилъ....., иже повелѣлъ ми еси написати отъ житія премудраго Михаила боголюбца князя.» П. С. Р. Л. VIII (Воскр. прод.) 73, 74.- Въ Соф. I, 251, 252 напечатано только окончаніе повѣсти, именно о распредѣленіи волостей Михаиломъ между его сыновьями; начало же не напечатано, потому что оно сходно съ напечатаннымъ въ IV т. П. С. Р. Л. Разница между этими тремя сказаніями о преставленіи Михаила Тверскаго заключается въ томъ, что въ IV т. П. С. Р. Л. 360 и въ VIII т. П. С. Р. Л. 74 упоминается Борисъ Михайловичъ † 1395, а въ Соф. I, 252 онъ не упоминается, но за то Иванъ Борисовичъ названъ сыномъ, а не племянникомъ Василія Михаиловича. Разсказъ о преставленіи кн. Михаила въ Тв. лѣт. помѣщенъ стр. 459, 460, а на стр. 463—470 находится начало и отрывки изъ неоконченнаго житія кн. Михаила, написаннаго кѣмъ-то по приказанію кн. Бориса, который повелѣлъ написать «отъ слова честь премудраго Михаила.» Болѣе подробный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Михаила Тверскаго помѣщенъ въ Ник. IV, 285 — 296. Онъ озаглавленъ такъ: «Повесть древняя списана о житии великого князя Михаила Александровича Тверскаго внука Михаилова.» Здѣсь упоминается и о воспитаніи Михаила у его крестнаго отца архіепископа Новгородскаго Василія, и о характерѣ дѣятельности самого князя. По всему видно, что неизвѣстный авторъ хотѣлъ написать похвальное слово Тверскому князю (можетъ быть изъ подражанія похвальному слову Дмитрію Донскому). См. Ключев. древ. рус. жит. Св. 177—180, гдѣ между прочимъ про біографію Михаила (какъ кажется, у Ключ. замѣчается *не* про ту редакцію, которая помѣщена въ Ник. лѣт.) замѣчается, что послѣ біографіи Александра Невскаго это едвали не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ описываемое лице разсматривается какъ историческій дѣятель, а не съ точки зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ нравственный образецъ для подражанія. Между прочимъ въ Твер. 469 находится такое выраженіе: «Княжащу же ему (т. е. Михаилу) и вся, елико аще творяй, успѣваше, по пророку, и Господь Богъ възвыси и прослави рогъ Тверскыя земля, многаа благаа и земнаа въспріатъ, якоже речеся.» А въ Ник. IV, 287: «егда же сяде на отчинѣ и на дѣдине своей на в. княжен тверскомъ, тогда Божиею благодатию сынове тверстии многа благая восприяша.» Ср. Ключ. 180 и прим. 2.

(819) Такую милостыню Михаилъ и прежде посылалъ *многажды*. Ник. IV, 288, 289. Ср. Тат. IV, 387. Воскр. прод. 71. Соф. II, 130. О томъ какъ патріархъ и императоръ посылали на Русь просить милостыню и о полученіи ея. Ник. IV, 272 подъ 1398 г. «.....Царь же и патриярхъ благодариша ихъ (пославшихъ ихъ) зело, и послаша ко всемъ княземъ Рускимъ поминки, и иконы чюдны и мощи святыхъ; к великому же князю Василью Дмитреевичю Московскому прислаша икону чюдну Белоризцы.» Ср. Тат. IV, 387, гдѣ говорится, что милостыни собрано было 20000 руб.— Воскр. прод. 71 подъ 1398 г.: «.....а князь, Михайло Тверскій такоже послалъ протопопа своего Данила съ милостынею.» Соф. II, 130. Троицк. лѣт. у Кар. V, прим. 230.

(820) Въ IV т. П. С. Р. Л. 359 сказано, что князь встрѣтилъ икону на *своемъ дворѣ* у церкви Св. Михаила.

(821) «1357. Того же лѣта родись к. Михаилу Александровичю сынъ Иванъ.» Ник. III, 210. Тат. IV, 185 подъ 1358 г. говоритъ, что родился сынъ у Михаила Александровича *Городенскаго*, что конечно ошибка.

(822) Ржева не упоминается въ Воскр. прод.

(823) Вертязинъ *городокъ* — въ Соф. I.

(824) Уже выше въ примѣч. 818 было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ спискахъ (IV т. и VIII т. П. С. Р. Л.) при распредѣленіи областей Михаиломъ между сыновьями упоминается Борисъ Михайловичь, что конечно ошибка, потому что Борисъ умеръ 1395 г.; а въ Соф. I хотя Борисъ не упоминается, но за то Иванъ Борисовичь названъ сыномъ, а не племянникомъ Василія Михайловича. Странно, что дядѣ Василью и племяннику Ивану Борисовичу назначены одни и тѣ же города. Отчего это? (Въ ряду Кашинскихъ князей съ именемъ Василія Михайловича это будетъ уже Василій III Михайловичь.) И притомъ какимъ именно образомъ былъ распредѣленъ между ними Кашинъ и Коснятинъ. Срав. прим. 772 и прим. 836.

(825) О положеніи всѣхъ этихъ здѣсь упоминаемыхъ городовъ сказано выше въ 1 гл. настоящаго сочиненія.

(826) «И пришедъ ко столпу, еже есть на правой сторонѣ, идѣ же бѣ написаны Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, и подъ тѣмъ мѣстомъ повелѣ гробъ собѣ строити.» П. С. Р. Л. IV, 360. Воскр. прод. 74. Твер. 460.

(827) Въ Этногр. Сбор. Геогр. Общ. вып. I, въ ст. свящ. Лебедева «бытъ крестьянъ Тверской губ. Твер. уѣзда» стр. 200, на основаніи копіи съ дозорныхъ книгъ 1614 г. сказано, что въ городѣ Твери, за соборною церковію, за алтаремъ, былъ монастырь Аѳанасьевскій.

(828) Въ Твер. лѣт. есть разсказъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ: «И наутрѣ (по принятіи постриженія) пакы призываетъ епископа, и рече ему: «уже, отче, въ житіи семъ къ тому съ вами не потщуся ити на онъ долгій путь; но се вамъ во свое мѣсто сынь мой князь Иванъ, да блюдеть васъ о Христѣ, яко же и азъ.» И епископь съвѣща звонити, и сніидеся народъ, и епископь на высоцѣ мѣстѣ изглагола народу: «иже бѣстѣ всегда блюдомы своимъ государемъ в. к Михаиломъ, и нынѣ да блюдетъ васъ к. в. Иванъ, той бо есть благословень своимъ отцемъ в. к. Михаиломъ на в. столъ града Тфѣри.» Они же рѣша: «многа лѣта в. князю!» Твер. 460, 461. Въ Ник. же IV, 292, 293 сказано, что князь самъ, послѣ пира, на паперти объявилъ народу, что оставляетъ послѣ себя наслѣдникомъ старшаго сына своего Ивана. Здѣсь въ Ник. ошибочно вмѣсто Ивана названъ Василій, а дальше на стр. 295 старшимъ сыномъ названъ Иванъ.

(829) Ник. IV, 291.

(830) Твер. 469.

(831) Ник. IV, 287.

(832) Ник IV, 287: «и вскоре отрокъ грамоте изучись, и духовному любомудрию и закону, и в церкви всегда обреташесь, дѣтцкихъ же игрании и глумлении отлучашеся, но всегда божественному писанию прилежаше, и мужей мудрыхъ и благихъ бесѣдамъ внимаше, паче же отца своего крестнаго и духовного Василия владыки поучение и наказание приемляше, и сими наслажашесь и питашеся.»

(833) Разсказъ объ этомъ сохранился въ двухъ лѣтописяхъ, Твер. 460, 461 и въ Ник. IV, 292, 293. Между этими разсказами есть разница, какъ это можно замѣтить въ текстѣ разсказа, и кромѣ того срав. выше прим. 828.

(834) Г. Замысловскій, о значеніи XVII в. въ русской исторіи, стр. 173, 174. Ж. М. Н. П. 1871. Дек. «Московскіе князья являются защитниками всей земли Рус-

ской. Тогда не могло не обратиться къ нимъ сочувствіе земли разворенной, приниженной Татарами и усобицами княжескими. Въ этомъ-то сочувствіи и заключается тайна невѣроятно быстрыхъ успѣховъ Московскихъ князей. Въ 1340 году Симеонъ Гордый посылалъ ко всѣмъ князьямъ сказать, чтобъ они съѣхались въ Москву помыслить о дѣлѣ земскомъ.» При этомъ Г. Замысловскій ссылается на Тат. IV, 146; а у Тат. здѣсь сказано слѣдующее: «Того жъ лѣта (1340) кн. вел. Симіонъ Ивановичь посла ко всѣмъ Княземъ да съѣдутся въ Москву помыслити о дѣлѣ земскомъ.» Вѣрно ли только это извѣстіе Татищева?

(835) Бест.-Рюм. Р. И. 420: «Бѣляевъ не безъ основанія полагаетъ, что его правленіе сохранило еще на довольно продолжительное время независимость Твери.»

(836) Кашинъ и Коснятинъ не были ли распредѣлены такимъ образомъ — Кашинъ отданъ Василію, а Коснятинъ — Ивану Борисовичу? Если Ивану Борисовичу Коснятинъ, то значитъ онъ получилъ земли по правой сторонѣ р. Волги. Значитъ, Коснятинъ входилъ въ составъ Кашинскаго удѣла. Извѣстно, что въ первыя времена Московскаго государства названіе уѣзда только что замѣнило прежнія области, земли и княжества. (Град. 260.) Впрочемъ слово уѣздъ мы находимъ уже въ завѣщаніи Ивана Калиты. Въ своей духовной, упомянувъ волость Похряне, нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «село на Сѣверцѣ, въ Похрянскомъ уѣздѣ.» Сергѣев. вѣче и кн. 338. А въ межевой грамотѣ 1504 г. (С. г. д. I, № 138) къ Кашинскому уѣзду относится и пространство отъ дер. Вотри на р. Дубнѣ на З. до села Семендяева на В., т. е. почти весь нынѣшній Калязинскій уѣздъ. Въ З. Арх. Общ. есть монеты Ивана Борисовича. Какого? На нихъ такой же гербъ, какъ на Тверскихъ. Съ другой стороны если Ивану Борисовичу была отдана Ерусалимская слободка въ Кашинѣ на посадѣ, то значитъ вѣроятно владѣнія Ивана Борисовича доходили до самого Кашина. Въ З. А. Н. О. I, въ ст. кн. Гагар. о под. рус. мон. въ числѣ Кашинскихъ монетъ указана серебряная Ивана Борисовича (1412—1426); здѣсь же прим. 24 и прим. 62 сказано, что до сихъ поръ монеты Ивана Борисовича не совсѣмъ достовѣрны, потому что есть два князя этого имени, къ которымъ можно ихъ относить. Въ статьѣ Рейхеля (допол. къ рус. нум. въ томъ же т. З. А. Н. О.) описана монета Іоанна Борисовича (№ 40), вѣсъ 12 дол., которая отнесена къ Іоанну Борисовичу Волоколамскому (1495—1503). Замѣтимъ, что на этой монетѣ изображенъ князь на конѣ, держащій на рукѣ сокола, съ правой стороны; подъ княземъ голова дракона. Въ этой же ст. № 14 описана Кашинская монета, на которой также изображенъ князь на конѣ, держащій на рукѣ сокола; ѣдетъ вправо. Въ ст. кн. Долгорукова «опис. неизд. рус. мон.» въ З. И. А. О. III, описаны двѣ серебряныя монеты № 14, 15, которыя кн. Долгоруковъ относитъ къ Ивану Борисовичу Кашинскому. Одна изъ этихъ монетъ серебряный рубль, на продольной сторонѣ котораго изображено одно четырехъугольное клеймо съ надписью, изъ которой сохранилось: княз — вана — борі. Вѣсъ 23½ зол. На другой монетѣ, на лицевой сторонѣ, изображенъ человѣкъ, стоящій впрямь, держитъ въ правой рукѣ копье, а въ лѣвой кажется щитъ; между двумя ободками круговая надпись, изъ которой видно: князь ивнь бори — ичь; на другой сторонѣ всадникъ, скачущій вправо, съ соколомъ на рукѣ; подъ конемъ остатки неяснаго изображенія; кругомъ три ободка, средній изъ кружковъ. Вѣсъ 18 долей. — Кажется, что можно найти подтвержденіе тому, что Кашинъ и Коснятинъ не были въ *общемъ* владѣніи Василія Михайловича и Ивана Борисовича. Въ 1401 г. Иванъ Михайловичь отнялъ озеро Луское и Ерусалимскую слободку въ Кашинѣ у Василія и отдалъ ихъ Ивану Борисовичу: стало быть Кашинъ и Коснятинъ были въ раздѣльномъ, а не въ общемъ владѣніи дяди и племянника. Но все-таки трудно сказать: Кашинъ и Коснятинъ составляли ли одно

цѣльное (по крайней мѣрѣ въ это время) или раздѣлялись. А можетъ быть Коснятинъ издавна принадлежалъ Кашину, а Михаилъ Александровичъ отдѣлилъ его отъ Кашина и такимъ образомъ его ослабилъ. При описаніи Тверскихъ усобицъ 1408 г. говорится, что в. кн. Тверской Иванъ Михайловичъ, начавши тѣснить Ивана Борисовича, пошелъ на Кашинъ и посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. А въ слѣдъ за тѣмъ Иванъ Борисовичъ защищаетъ Кашинъ отъ Василія Михайловича.

(837) Еще Михаилъ Александровичъ по договорной грамотѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ обязался не только за себя, но и за своихъ дѣтей не искать ни Москвы, ни в. княженія Владимірскаго, ни Новгорода. Странное и трудно объяснимое извѣстіе находится въ Новг. IV, 104 подъ тѣмъ годомъ, когда Новгородскій владыка Іоаннъ былъ позванъ въ Москву, именно подъ 1401: «Пріѣха владыка Иванъ на Москву, а съ нимъ Юрьи Онцифоровъ и Кипріанъ митрополитъ владыку прія, а Юрья отпусти; князь Иванъ Юрья на Тфери принялъ, и Новгородци послаша въ Тверь Якова Өедоровича сына посаднича, Юрья выняша въ Новгородъ.» Въ то время Василій Дмитріевичъ дѣлалъ попытки отнять у Новгорода Заволочье. Въ 1401 г. Новгородскій владыка Іоаннъ, благословившій (въ 1398 г.) Новгородцевъ на войну съ в. княземъ, былъ позванъ въ Москву къ митрополиту Іоанну для святительскихъ дѣлъ, но былъ тамъ задержанъ. Тверской князь былъ тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Василію Дмитріевичу, а потому онъ съ своей стороны могъ задержать Новгородскаго посла.

(838) Ник. IV, 296. Тат. IV, 400; Твер. 461, тоже извѣстіе повторено на 470 стр. Въ Ник., Тат. посолъ названъ Өедоръ Гусленъ, а ханскій — Сафрякъ. Въ Тверской Татарскій посолъ названъ Софря, а Тверской — *Гурленъ*. Вѣроятно этотъ *Гурленъ* былъ тотъ самый, который въ 1382 г. ходилъ къ Тохтамышу. — Въ Новг. IV, 104 сказано подъ 1400 г. такъ: «Въ великое говѣніе, въ самую Сборную недѣлю, сѣде на в. княженіи на Тфери князь Иванъ Михаиловичъ, марта въ 7 день.» Тогда какъ Михаилъ Александровичъ умеръ 26 Авг. — Не считается ли это съ того времени, какъ Иванъ Михайловичъ получилъ ханскій ярлыкъ, утверждавшій его въ в. княжескомъ достоинствѣ. Кар. V, прим. 185 находится слѣдующее извѣстіе изъ Троицк. лѣт.: «Тое же осени Сент. приде изъ Орды княжь Михайловъ Киличей (посолъ), именемъ Ельча, а съ нимъ посолъ Темирь Кутлуевъ, именемъ Векшикъ, да Саткинъ, послѣ живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя.... Того же лѣта (1400) умре Царь Темиръ Кутлуй.... Въ то же время князь Иванъ Михайловичъ посылалъ въ Орду, и выдоша изъ Орды Өедоръ Гурленъ, да Костянтинъ, а съ ними посолъ именемъ Софря, и вынесоша ему ярлыки отъ новаго Царя.»

(839) Ник. IV, 297. Тат. IV, 400. Твер. 461, и вторично 470. Соф. II, 131. Воскр. 74.

(840) Ник. IV, 305 подъ 1402 г.: «Тое жъ зимы мѣсяца Марта преставись князь Иванъ Всеволодичь Тверскій въ чернцахъ и в схиме, на святой недѣли в понедѣлникъ в самую литоргию, ї положенъ бысть внутрь града Твери, а отчину свою приказа в. князя, сыну, князю Александру Ивановичу.» — Тат. IV, 410. У Татищева прибавлено имя отчины — Холмъ. — Соф. II, 131 и Воскр. 75 сказано, что онъ умеръ 27 Марта и положенъ во Спасѣ. Въ Ник., Тат., Соф. II, Воскр., этотъ князь Холмскій названъ Тверскимъ. — Иванъ Всеволодовичъ былъ постриженъ съ именемъ Игнатія. — Псков. I подъ 6911 годомъ: «А тоя весны князь Иванъ Всеволодичь преставися за недѣлю по Велицѣ дни.» — Арцыб. II, 156 пр. 1119, основываясь, вѣроятно, на словѣ *приказа*, называетъ Александра Ивановича душеприкащикомъ Іоанна Всеволодовича Тверскаго. Дѣйствительно, въ духовныхъ грамотахъ, слово *приказывать* встрѣчается

и въ смыслѣ *отказывать по наслѣдству* и въ смыслѣ *поручать, отдавать въ опеку.* Напр. въ духовной Калиты (С. г. г. д. I, № 21): *приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву,* или: *а приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ.* Въ духовной Василія Дитріевича: (С. г. г. д. I, № 42) *А приказываю сына своего кн. Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тѣстю в. к. Витовту.* Когда 1456 г. умеръ Иванъ Ѳеодоровичь Рязанскій, то онъ «княженіе же свое Рязанское и сына своего Василіа *приказалъ* в. к. Василію Василіевичю;» послѣ чего Василій Темный взялъ молодаго князя въ Москву, а въ Рязань послалъ своихъ намѣстниковъ. Воскр. пр. 147. — Бездѣтный Иванъ Всеволодовичь, умирая, *приказалъ* свою отчину князю Александру Ивановичу, сыну в. князя. Какъ ни понимать это выраженіе — такъ ли, что бездѣтный князь отдалъ свою отчину Александру Ивановичу въ опеку для передачи своему брату Юрію, (впрочемъ, Юрій былъ уже совершеннолѣтній: онъ женился въ 1391 г., а Иванъ Всеволодовичь † 1402 г.) или что онъ прямо отказалъ свою отчину Александру Ивановичу, — во всякомъ случаѣ Иванъ Всеволодовичь былъ въ такомъ положеніи, что долженъ былъ отдать свою отчину въ руки Александра Ивановича, и Александръ Ивановичь — хотя бы даже назначенный какъ временной опекунъ — конечно удержалъ эту отчину за собою. — Раньше мы видѣли, что бездѣтный Семенъ Константиновичь Дорогобужскій *приказалъ* свой удѣлъ и свою княгиню Михаилу Александровичу. Тамъ должно было понимать такъ, что удѣлъ былъ отданъ во владѣніе Михаила Александровича, потому что въ слѣдъ за тѣмъ изъ за этого удѣла начались споры Михаила съ Василіемъ Михаиловичемъ и Еремѣемъ Константиновичемъ.

(841) Ник. IV, 297, 298. — Тат. IV, 401. Въ Ник., въ началѣ разсказа о насильственныхъ поступкахъ Ивана Михайловича касательно своихъ братьевъ, находится неясность въ выраженіяхъ, а именно: «Тверстии князи мало пребыша в мире і в тишинѣ межи собою, Богу попустившу за грехи человѣческия и врагу дѣйствующу, захотѣша (кто?) свою братию (кого именно?) обидѣти, и повелѣша (кто?) своимъ бояромъ крестное цѣлование сложити и докончание разрушити к своей братье, ко князю Василью Михайловичю..... и т. д.» Тоже самое и у Тат. — Въ Ник. бояринъ, пришедшій къ Ивану Михайловичу со вдовой князя Бориса и съ Иваномъ Борисовичемъ, названъ по имени: его имя — Воронецъ. Не онъ ли и научилъ Борисову вдову поступить такъ, какъ она поступила? въ Ник. про него находится такое странное выраженіе: «Княгиня же Борисова отъ рода Смоленска сущи, и вземъ сына своего, и бояринъ еѣ Воронецъ *аки в древнии бунтъ* (?), *и пришедше биша челомъ и т. д.*» «Тогожъ лѣта (1400) приѣха князь Василей Михайловичь на годины отца своего в Кашинъ въ свою отчину.»

(842) Въ лѣтописи сказано, что отняты были озеро Луское и *Входъ Ерусалима.* Изъ жалованной грамоты в. к. Тверскаго Бориса Александровича Кашинскому Срѣтенскому женскому монастырю, 1437 — 1461 гг. (А. А. Э. I, № 35, стр. 27, 28;) видно, что этому монастырю въ городѣ Кашинѣ принадлежала слободка *Ерусалимъская.* Безъ сомнѣнія, это и должна быть та мѣстность, которая въ лѣтоп. назыв. Входъ Ерусалима. Въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича, отъ 3 Дек. 1509 г., Срѣтенскому монастырю также упоминается *Ерусѣлимская* слободка въ Кашинѣ на посадѣ. А. А. Э. I, № 152. Въ жалованной грамотѣ того же князя Срѣтенскому монастырю, отъ Марта 1514 г., опять упоминается не только *Ерусалимская* слободка, но еще и ихъ (игуменьи съ сестрами) монастырскія села, волостка Выковская, да у монастыря ихъ же деревни, да селцо Сологощъ съ деревнями.»

ib. № 158. Настоящее сочиненіе о Тверскомъ княжествѣ было уже почти окончено, когда появилась ст. проф. Иноземцева объ удѣльныхъ князьяхъ Кашинскихъ въ только что вышедшемъ № 4 Чт. М. О. И. Д. Р. за 1873 г. Въ этой статьѣ я нашелъ разъясненіе и подтвержденіе тому, что *Входъ Ерусалима* означалъ Ерусалимскую слободку. Въ указанной статьѣ г. Иноземцевъ, стр. 49, 50, говоритъ, что Еросолимская слободка была въ Кашинѣ тамъ, гдѣ *нынѣ церковь Входоіерусалимская и женскій монастырь*. — Въ Яросл. губ. въ Угл. у. есть также слобода съ подобнымъ названіемъ, именно Іерусалимская или Входоіерусалимская слобода при р. Волгѣ въ 1 вер. отъ Угл. См. нас. м. Яросл. губ. Такимъ образомъ, если намъ неизвѣстна мѣстность озера Лускаго, то извѣстна мѣстность *Входа Ерусалима*. Если *Входъ Ерусалима* былъ отданъ Ивану Борисовичу, то значитъ этимъ хотѣли обезсилить Кашинскаго князя, и при томъ отнявши у него слободку у самого города Кашина.

(843) Еще въ договорѣ Михаила Александровича съ Василіемъ Дмитріевичемъ находится такое условіе: «А быти намъ, брате, на Татары, и на Литву, и на Нѣмцы, и на Ляхи за одинъ..... А къ Витовту ми (Михаилу Александровичу) цѣлованіе сложити; а тобѣ, брате, также явить Витовту, что есте съ нами одинъ человѣкъ; а будетъ намъ, брате, взять любовь съ Витовтомъ или съ Литвою, и намъ, брате, безъ тобе любви не взять, ни безъ твоихъ дѣтей, ни внучатъ: а вамъ брате безъ насъ любви съ нимъ не взять, тобѣ, ни твоимъ дѣтемъ, и твоимъ внучатомъ, ни безъ нашіе братьи, ни безъ нашихъ дѣтей.» А. А. Э. I, № 14.

(844) Если Тверь теперь вступала въ союзъ съ Литвой, хотя и чрезъ посредство Москвы, то все-таки такимъ образомъ возобновлялся прежній союзъ Твери съ Литвой.

(845) Ник. IV, 299. Тат. IV, 402, 403. Когда Василій Михайловичь пріѣхалъ въ Кашинъ, то у него (въ томъ же 1401 г.) родился сынъ Дмитрій. Родившагося у Василія Михайловича и его жены Настасьи сына Дмитрія крестили в. к. *Овдотья* Михаилова и Никонъ, игуменъ Сергіева монастыря. ibid.

(846) Вотъ это мѣсто Твер. лѣт. 470. «Той же осени (1403) князь Василей Кашинскій *не почалъ слушати* брата своего старшаго великаоо князя Ивана, и поиде ратію къ Кашину, а самъ увернулься, и отпусти сына своего князя Александра; князь же Василей побѣже къ Москвѣ, а князь Александръ Кашинъ засяде.» Въ чемъ же заключалось это непослушаніе? — Кстати, можно припомнить случаи ссоры между родственниками въ семьѣ Московскихъ князей. Василій Дмитріевичь въ первый же годъ своего княженія поссорился (бысть розмиріе) съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ, но вскорѣ помирился и придалъ ему къ его отчинѣ два города — Волокъ и Ржеву; изъ лѣтописей не видно изъ за чего именно они поссорились. Но вотъ случай, гдѣ видна причина недовольства: когда въ 1419 г. Василій Дмитріевичь «восхотѣ подписати подъ сына своего Василія брата своего меншаго князя Константина Дмитріевича» или какъ сказано въ другомъ мѣстѣ той же Ник. лѣтописи: «хотѣлъ привести его въ крестное цѣлованіе подъ своего сына князя Василія,» т. е. потребовалъ чтобы Константинъ отказался отъ нравъ своихъ на старшинство въ пользу племянника (Соловьевъ, IV, 11), то Константинъ не «захотѣлъ сотворить воли» Василія Дмитріевича; Василій разгнѣвался, отнялъ у брата удѣлъ; Константинъ ушелъ въ Новгородъ, однако потомъ возвратился въ Москву. — Можетъ быть и въ Твери не былъ ли подобный случай у Ивана Михайловича съ его братьями. — Въ Ник. IV, 307 говорится безъ объясненія причинъ. Тат. IV, 412. Соф. I, 252. — Новг. IV, 106. Въ Воскр. прод. 76 обозначено число, когда Иванъ Михайловичь послалъ рать на Кашинъ, именно 19 Ноября.

(847) Стр. 471.

(848) Стр. 471.

(849) IV, 307. Также Тат. IV, 412.

(850) Въ другихъ же лѣтописяхъ — Воскр. пр. 76, Соф. I, 252, Новг. IV, 106 говорится только кратко, что ихъ примирилъ Московскій князь.

(851) Въ слѣдъ за тѣмъ въ Ник. IV, 307 сказано, что в. к. Иванъ Михайловичъ Тверской женилъ своего втораго сына Ивана, но не сказано на комъ: «Того жъ лѣта (1403) к. в. Иванъ Михаиловичъ Тверскій женилъ сына своего Ивана у князя, и венчанъ бысть во Твери Арсеніемъ епископомъ.» Также у Тат. IV, 413; и у Кар., V, пр. 254; стр. 102 внизу.

(852) Ник. IV, 313. Тат. IV, 418.

(853) Въ Апрѣлѣ на страстной недѣлѣ въ пятницу.

(854) Ник. IV, 314, 315. Тат. IV, 418, 419, 420. Соф. II, 132. Здѣсь сказано, что братья помирились 17 Апрѣля. Мы уже говорили выше, какъ можно понимать выраженія продажа и грабежъ. — Также Воскр. пр. 77. Въ Соф. II, 132 сказано повидимому про кн. Ивана Михайловича, что онъ тогда же пошелъ въ Литву къ Витовту, что конечно ошибка. «Въ лѣто 1405, Апр. 17, князь Иванъ Михаиловичь помирился съ братомъ Васильемъ, выпусти его; и иде въ Кашинъ, и по трехъ мѣсяцѣхъ опять бысть между ихъ нелюбіе, и бѣжа князь Василей на Москву, а князь Иванъ посла на Кашинъ намѣстники своя, и много зла сотвориша продажами и грабежемъ; *того же лѣта пойде въ Литву къ Витовту.»* — (Тогда же, какъ мы увидимъ дальше, ушелъ въ Москву и Юрій Всеволодовичь. Сол. IV, 25 замѣчаетъ, что дѣла Литовскія мѣшали Московскому великому князю вступиться въ усобицу Тверскихъ князей. — Но тогда Василій былъ еще въ мирѣ съ Витовтомъ.)

(855) Въ лѣтописяхъ однако прямо не говорится о дачѣ Переяславля въ кормленіе Василію Кашинскому, но къ такому выводу можно придти сопоставляя лѣтописныя извѣстія, въ которыхъ немедленно, послѣ замѣчанія о томъ, что Переяславль былъ данъ Нелюбу, говорится, что Василій изъ Переяславля уѣхалъ въ Тверь. Вотъ какъ говорится въ Ник. IV, 317: Того же лѣта (1406) приеха изъ Литвы к в. к. служити к. Александръ Нелюбъ, сынъ княжъ Ивановъ Олгимантовъ, а с нимъ много Литвы и Ляховъ; князь великиижъ Василеі Дмитреевичъ приятъ его с любовию, *и даде ему градъ Переславль.* Тогожъ лѣта к. Василеі Михайловичъ Кашинскій сослась с братомъ своимъ с великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ и *приѣха ис Переславля во Тверь*, и сотвориша межи собою миръ и цѣловаше честный крестъ на томъ, что быти имъ в мире и в любви за одинъ». — Тат. IV, 421, 422. Въ Соф. II, 132, 133 послѣ замѣчанія о томъ что Переяславль былъ данъ Александру Нелюбу, сказано слѣдующее: «Тогда же помиришася князи Тферскіе Иванъ съ Васильемъ на Троицинъ день». — Также Воскр. прод. 78. — Давали Московскіе князья города въ кормленіе разнымъ пріѣзжимъ князьямъ, Василій Дмитріевичь посылалъ изгнаннаго князя Ивана Всеволодовича Холмскаго во Псковъ и въ Торжекъ — могъ онъ дать и Василію Кашинскому Переяславль. Ср. также Сол. IV, 25.

(856) Ник. IV, 313. Твер. 478, 473. Тат. IV, 418. Воскр. пр. 77. Соф. II, 132.

(857) Твер. 478.

(858) Твер. 478: «Онъ же внимаше, но зліи человѣци на горшаа обратиша ѝ, и повадиша съ Москвы въ Орду».

(859) Извѣстіе о такихъ переговорахъ Василія Московскаго съ Иваномъ Тверскимъ, касательно Смоленскаго князя, находится только у Тат. IV, 414: *«князь же великій сослася со княземъ Иваномъ Тверскимъ, что молвитъ о томъ, онъ же рече: имамъ миръ и любовь съ Витовтомъ, не могу помогати ни за князя Юрія*

просити. Видѣвъ то князь великій Василій вѣдый злый нравъ Витовтовъ, *и не вѣря Тверскому*, не вступися за князя Юрья Смоленскаго: зане въ мирѣ и любви ему съ тестемъ своимъ Витовтомъ бывшу, ещежъ и въ докончаніи и въ крестномъ цѣлованіи.» Это мѣсто находится и въ Ник. IV, 309 за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя подчеркнуты (напечатаны курсивомъ): подчеркнутыя слова (напечатанное курсивомъ) находятся только у одного Татищева. Кажется, что нельзя отвергать этого извѣстія о переговорахъ князей Московскаго и Тверскаго, касательно Смоленска; вѣдь они раньше «сотворили же за единъ миръ и любовь между собою.» А немного позже Тверь и Москва сообща разорвали этотъ миръ съ Витовтомъ. Одно только выраженіе у Татищева кажется испорченнымъ, по крайней мѣрѣ оно какъ-то не вяжется съ послѣдующимъ и предъидущимъ; это именно слѣдующее выраженіе: «*и не вѣря Тверскому*». Почему же Василій не довѣрялъ Тверскому князю и въ чемъ именно? Тому ли онъ не вѣрилъ, что Тверской князь отказывается заступиться за Смоленскаго? Почему же? Можетъ быть потому что Борисъ († 1395 г.), родной братъ Ивана Михайловича, былъ женатъ на дочери кн. Святослава Смоленскаго? Едва ли. Въ Твер. лѣт. столб. 471 говорится, что когда Литовцы взяли Смоленскъ, а Юрій уѣхалъ въ Новгородъ, то Витовтъ послалъ сказать въ Москву Василію: «помни, еже *Тверди* обѣщалъ ми ся, еже не вьступатися вь Смоленскъ за Юріа никакымъ дѣломъ...... и т. д.» Неужели подъ словомъ *Тверди* слѣдуетъ понимать *Тверь?* Конечно, это ошибка. — Сол. IV, 36 говоря о просьбѣ кн. Юріемъ помощи у Москвы, замѣчаетъ слѣдующее: «оставался только одинъ Русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ, то былъ князь Московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ.»

(860) Ник. IV, 308, 311. Тат. IV, 413—416. Воскр. прод. 76. Соф. I, 253. Новг. IV, 107.

(861) Сол. IV, 37 говоритъ, что въ нѣкоторыхъ источникахъ эта немедленность (неподаніе помощи) объясняется доброжелательствомъ Московскаго князя къ тестю, хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. А послѣ захвата Смоленска Витовтомъ Василій сказалъ Юрію: «Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольнянамъ сдаться Витовту.» При этомъ Сол. пр. 31 ссылается на Супрасл. рук., стр. 136, гдѣ говорится: «Князь же Василій обѣща ему дати силу свою и удержа его на тые скроки, а норовя тьсти своемю Витовту.» И еще Сол. пр. 32 ссылается на Лѣтоп. содерж. Рус. ист. отъ 852—1598. — А въ лѣт. содерж. Рос. Ист. отъ $^{6360}/_{852}$ до $^{7106}/_{1598}$, стр. 104 говорится слѣдующее: «И слышавъ к. в. Василій Дмитріевичь, и рече к. Юрью: пріѣхалъ еси съ лестію, а Смолняномъ велѣлъ датися за Витовта, и возложи нелюбье и к. Юрье побѣже съ Москвы въ в. Новгородъ.»

(862) Изъ Коложской волости Витовтъ вывелъ 11000 полону. Псков. I, 197, Псков. II, 19. Narb. VI, 109 прим. 1. Jest powod bardzo słuszny do mniemania, że ci ludzie, osiedleni byli pod Grodnem i opactwo Kołoża, wtedy początek swój wzięło. Ci osiedleńcy, musieli odnowić starożytną carkiewkę S. S. Borysa i Hieba и т. д. Въ атласѣ рисунковъ, плановъ и т. д. къ русской исторіи Погодина помѣщены чертежи развалинъ Борисоглѣбской Коложской церкви близь Гродно, про которую замѣчено, что ея основаніе можно отнести къ половинѣ XII в.

(863) Ник. IV, 313. Тат. IV, 417. Воскр. пр. 77 относ. къ 1404 г. Въ Твер. лѣт. 488 ея кончина отнесена къ 1419 г., что конечно ошибка, потому что въ 1408 г. Иванъ Михайловичь во второй бракъ вступилъ съ дочерью к. Дмитрія Еремѣевича. Ник. V, 13. Марья Кейстутьевна передъ кончиной постриглась съ именемъ Марфы.— По Ник. IV, 316 и Тат. IV, 420, въ 1406 г. Ноября 1 умерла в. к. Авдотья, супруга

Михаила Александровича. По Воскр. прод. 77: «1405. Ноября 1 преставися в. к. Евдокѣя княже Михаилова Тверскаго.»

(864) О Козельскѣ упом. въ Троицк. лѣт. у Кар. V, прим. 198.

(865) Ник. IV, 316. Тат. IV, 421.

(866) Ник. IV, 316. Тат. IV, 421. Сол. IV, 38: «нападеніе на Псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ промысломъ, и Московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода: Василій разорвалъ миръ съ тестемъ за Псковскую обиду.» — Твер. 471, 472: «пріиде (т. е. Витовтъ) воюя Новградъ и Пьсковъ, гради Пьсковскыя взялъ, Каложе.......... И про то заратишася к. в. Василей Московскый съ тестемъ своимъ Витовтомъ.» — Соф. II, 132. Соф. I, 254. — Новг. I, 102. Новг. IV, 109.

(867) Твер. 474—476. Ник. V, 1. Тат. IV, 423. — Соф. II, 133. Соф. I, 254. Воскр. пр. 78. — Р. Плава, Тульск. губ. впадаетъ въ Упу близъ Кропивны. — Въ Соф. II и Воскр. прод. обозначено время встрѣчи войскъ на р. Плавѣ, именно 7 Сент. Въ Твер. сказано, что Московскій князь присылалъ къ Тверскому съ просьбой о помощѣ 23 Окт., что конечно ошибка, потому что въ той же Тверской на другой страницѣ сказано, что на Плавѣ было заключено перемиріе отъ 1 Окт. до Сошествія Св. Духа. Въ другихъ лѣтописяхъ срокъ перемирія обозначенъ такъ: въ Ник. сказано, что перемиріе было взято *до того же году*; у Тат. — *до тогожде дни до году;* въ Воскр. — *до того же году;* въ Соф. II, — *взявъ перемиріе на годъ.* — Въ Соф. II сказано, что войско стало не на р. Плавѣ, а на Павловѣ, что конечно ошибка; здѣсь же Пашкова гать названа Опашкова гать. — Въ Тверской сказано, что войска на р. Плавѣ простояли именно 9 дней и затѣмъ было заключено перемиріе, а въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что войска простояли немного дней. — О князьяхъ Дорогобужскихъ, Иванѣ Еремѣевичѣ и Иванѣ Дмитріевичѣ, см. родосл. № 1.

(868) Выраженіе Тверской лѣт. столб. 476.

(869) См. замѣчаніе *о повѣсти о р. Плавѣ* въ приложеніи, № 4, въ концѣ.

(870) Объ этомъ раздорѣ Твери съ Москвой въ слѣдствіе Плавскихъ событій разсказывается только въ одной Тверской, 474—477 столб.

(871) Объ этомъ отказѣ Москвѣ въ помощѣ со стороны Твери говорится только въ одной Тверской лѣтописи и слова, которыми Иванъ Тверской высказываетъ свой отказъ, приводятся дважды и при томъ въ различномъ видѣ, сперва на столб. 474, гдѣ этотъ отвѣтъ изложенъ не совсѣмъ ясно и гдѣ находится намекъ на то, что прежніе Тверскіе князья бывали в. к. Владимірскими; потомъ вторично на столб. 477, гдѣ Тверской князь указываетъ на то, что честь его обижена. Теперь спрашивается, когда именно Василій на этотъ разъ вторично просилъ у Твери о помощѣ и получилъ отказъ — передъ сожженіемъ Одоева Литовцами въ 1407 г. или въ томъ же 1407 г., но только тогда когда самъ Василій опять выступилъ противъ Витовта и заключилъ съ нимъ перемиріе у Вязьмы. (Ник. V, 9, 11). Въ Твер. столб. 474 говорится, что Василій тогда на этотъ разъ попросилъ помощи, когда самъ выступилъ въ походъ; судя же по отвѣту Иванову, приведенному столб. 477, можно отнести это ко времени передъ сожженіемъ Одоева Литовцами, потому что въ слѣдъ за отвѣтомъ Ивана и за разсужденіями лѣтописца говорится о сожженіи Одоева. Это важно знать только въ томъ отношеніи, чтобы видѣть — когда Юрій Всеволодовичъ рѣшился дѣйствовать противъ Ивана Михайловича подъ косвеннымъ покровительствомъ Москвы: сейчасъ ли послѣ того какъ Тверичи съ гнѣвомъ ушли съ р. Плавы и такимъ образомъ можно было предвидѣть будущій разрывъ Твери съ Москвой, или Юрій началъ

дѣйствовать только тогда, когда Тверской князь прямо отказалъ въ своей помощѣ Москвѣ. Кажется, что скорѣе можно отнести это ко времени передъ сожженіемъ Одоева, потому что Юрій тутъ сейчасъ же послѣ сожженія Одоева ѣдетъ въ орду.

(872) Послѣ перемирія на Плавѣ, Литовцы въ 1407 г. сожгли Одоевъ, и въ томъ же году самъ Василій Дмитріевичъ ходилъ на Литовскую землю, сжегъ Дмитровецъ и заключилъ съ Витовтомъ перемиріе у Вязьмы. Въ то время по выраженію лѣтописи, наипаче заратишась Москвичи съ Литвою. Ник. V, 9. 11.

(873) Ср. Сол. IV, 25. Такъ замѣчено у Сол. про то еще время, когда Юрій только что убѣжалъ въ Москву, а Тверскіе намѣстники заняли Кашинъ.

(874) Твер. лѣт. 478: «Тогоже лѣта православный и в. к. Иванъ Михаиловичь видѣвь мир(а) христіаньского злыми человѣки възмущаема, сице глагола: «довлѣетъ ми аще и нужа въсприіати, того радуюся зѣло, хощу потрудитися за христіаны, яко же и господинъ мой, отецъ мой.» Это мѣсто сильно отзывается риторикой, какъ и другое, выше приведенное мною въ своемъ мѣстѣ, а именно то гдѣ Иванъ зоветъ Юрія изъ Москвы въ Тверь (ib.): «не отлучайся дома св. Спаса, насъ разсудитъ еп. Арсеній и т. д.» Безъ сомнѣнія эти мѣста принадлежатъ перу Тверитянина. Вѣроятно существовало — для насъ впрочемъ потерянное — житіе к. Ивана Михаиловича, изъ котораго отрывки уцѣлѣли въ Твер. сборникѣ.

(875) Сол. IV, 25.

(876) Въ лѣто 6916. Выиде Юрій Всеволожь изъ Орды на Москву, князь великій Василей (посла) къ в. к. Ивану, и посолъ царевь пріиде; и князь великій повелѣ царева посла срѣтити на Володимерскомъ мосту честно, и мнози изыдоша гражане бесчислены; царевь посолъ поиха къ Москвѣ, корму не взявъ, бѣ бо ему не приказано. А Едигіева посла в. к. честивъ и отпусти, и князь Юріа съ Москви поиде.» Твер. 474. Годъ здѣсь выставленъ невѣрно. Впрочемъ здѣсь можетъ явиться сомнѣніе на счетъ того, какъ понять выраженіе «к. в. Василей (посла) къ в. к. Ивану, и посолъ царевь пріиде.»? Отправилъ ли Василій Татарскаго посла въ Тверь, или онъ далъ знать в. к. Ивану о пришествіи новаго Татарскаго посла?

(877) Твер. 479.

(878) Въ одномъ мѣстѣ Твер. лѣт. столб. 474 сказано, что царевъ посолъ поѣхалъ къ Москвѣ, корму не взявъ, ибо это ему не было приказано; Едигеева же посла в. к. Иванъ честилъ и отпустилъ. — А въ другомъ мѣстѣ Твер. лѣт. столб. 480 сказано такъ: «почтивь посла, отпусти его.» Это, повидимому, относится къ цареву послу Мамаитъ Дербышу.

(879) Тогда же умерла и мать кн. Дмитрія Еремѣевича, кн. Настасья. Ник. V, 8. Тат. IV, 430. — Твер. 473.

(880) Ник. V, 13. Тат. IV, 436. Воскр. пр. 81. — Что у Дмитрія Еремѣевича было 2 дочери, и что супругу Ивана Михайловича звали Авдотьей, видно изъ слѣдующаго мѣста Ник. V, 37: Тоежъ весны (1411) преставись в. к. Овдотия в. к. Ивана Михайловича Тверскаго, *другая* дщи кн. Дмитрея Еремѣевича Апр. въ 13 день и т. д. Тат. IV, 455.

(881) Въ томъ же году была укрѣплена Ржева. «Того жъ лѣта (1408) повелѣниемъ в. к. Василья Дмитриевича срубленъ градъ *Ржева*, а воевода былъ кн. Юрьи Козельскіи да Юрьи Васильевичъ.» Ник. V, 15. Тат. IV, 437. — Воскр. пр. 82. Это было послѣ разрыва Москвы съ Тверью, т. е. послѣ Плавскихъ событій 1406. — О Дорогобужскихъ князьяхъ, Иванѣ Еремѣевичѣ и Иванѣ Дмитріевичѣ, см. родосл. № 1.

(882) Ник. V, 17. Тат. IV, 439, 440. Воскр. пр. 82

(883) «Тогожъ лѣта (1411) князь Александръ Ивановичъ Тверскій поѣхалъ со Твери в Литву, и наѣхавъ короля и к. в. Витоѳта Кестутьевича на Киеве, а Зелени салтанъ царевичъ тахтамышевъ сынъ таможъ бяше у Витоѳта Кестутьевича.» Ник. V, 37. Тат. IV, 356. Тогожъ лѣта (1412) взяша велицыи к. единачество межи собою, к. в. Витоѳтъ Кестутьевичъ Литовскиї, ї к. в. Іванъ Михайловичъ Тверскиї, быти имъ всюде за одинъ.» Ник. V, 43. Тат. IV, 460.

(884) «И бывшимъ имъ на переволоце, и тамо соидоша с коней.....» Ник. V, 43; Тат. IV, 460. — Есть и теперь въ Твер. губ. четыре мѣстности, называющіяся Переволоками, но только въ Осташковскомъ уѣздѣ, напр. погостъ Переволока, деревня — Переволока. См. Списки насел. мѣст. Твер. губ. — Арцыб. II, 168, прим. 1189: «и бывшимъ имъ на Переволоце», или на волокѣ (мѣстѣ между двумя рѣками), т. е. между Волгою и Тмакою, находящемся у города Твери.

(885) Терликъ — одежда похожая на узкій кафтанъ, только съ перехватомъ, съ короткими петлями и съ короткими же рукавами, которые были почти безъ сборокъ. У Татаръ до сихъ поръ *терликомъ* называется нижняя одежда, которую они носятъ подъ халатомъ. Савваитовъ, описаніе стар. царск. утв., одеждъ, оружія и т. д. 283, 284.

(886) Нынѣшнее село Страшково находится въ двухъ верстахъ отъ Кашина на Бѣжецкомъ почтовомъ трактѣ. См. Списки насел. мѣстъ Твер. губ. — Въ 1412 г. Янв. 17 кн. Александръ, сынъ кн. Ѳедора Михайловича Микулинскаго, женился на Маріи, дочери кн. Ивана Васильевича Ярославскаго. Ник. V, 42. Твер. 486. Тат. IV. 459.

(887) Ник. V, 42, 43. Тат. IV, 459, 460. Въ лѣт. про убѣжавшаго Василія Михайловича замѣчено: «а здѣ (т. е. конечно въ Твери) много искавше и не обрѣтоша,» — слово *здѣ* указываетъ на мѣстное Тверское происхожденіе этого извѣстія.

(888) Ник. V, 43, 44. — Соф. I, 258. Тат. IV, 460, 461. У Тат. прибавлено, что именно Василій Кашинскій жаловался на Ивана Тверскаго; только у Тат. конечно ошибкою Иванъ Михайловичь названъ не братомъ, а братаничемъ Василію Михайловичу. Въ лѣтописяхъ Зелени Салтанъ называется *злый нашъ недругъ Зелени салтанъ Тохтамышевичь*. — Кто называетъ его злымъ *нашимъ* недругомъ? Тверитянинъ или Москвитянинъ? Если Москвитянинъ, то конечно потому, что онъ далъ изгнаннымъ Нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину. — У Тат. также сказано, что Иванъ Михайловичь былъ въ печали и страхѣ не маломъ, оттого что не могли найти убѣжавшаго Василія Михайловича. Керимъ-Бирди Тохтамышевичъ ханствовалъ менѣе полугода (пять мѣсяцевъ, по Шильдбергеру). Отъ него сохранилось нѣсколько монетъ, но безъ означенія года. Савел. Монеты Джуч. Джаг. Джел. 334.

(889) Ейтякъ въ 1399 г. помогалъ кн. Семену Дмитріевичу Нижегородскому; царевичъ Талычъ въ 1411 г. помогалъ кн. Даніилу Борисовичу Нижегородскому.

(890) Ник. V, 45. Тат. IV, 462.

(891) Ник. V, 47. Тат. IV, 464. Твер. 486. — Въ Соф. II, 135 подъ 1407 г. перепутаны двѣ поѣздки Ивана Михайловича въ орду, хотя и поставлены разныя имена хановъ. «Того же лѣта (1407), Авг. 6, поиде к. в. Василей Дмитреевичь и князь Иванъ Михайловичь Тферскій иде въ орду, по Волзѣ въ судѣхъ, ко царю Зелѣнѣ Салтану Тахтамышевичу; а въ то время изгони царя Шанибѣка Булатъ Салтанъ, а самъ сѣде на царствѣ.» Далѣе это извѣстіе повторяется стр. 139 въ неиспорченномъ видѣ подъ соотвѣтствующимъ годомъ, т. е. 1412. — Воскр. пр. 86. Новг. I, 105. Новг. IV, 113. — Изъ описанія этихъ послѣднихъ Тверскихъ усобицъ выходитъ, что какъ будто Кашинъ и Коснятинъ составляли вмѣстѣ одно цѣлое: Иванъ Михай-

ловичь въ 1408 г. начавши тѣснить Ивана Борисовича идетъ на Кашинъ и сажаетъ въ немъ своихъ намѣстниковъ, а теперь мы видимъ, что Иванъ Борисовичь защищаетъ Кашинъ отъ Василія Михайловича.

(892) Такъ въ послѣдствіе времени Василій Темный овладѣлъ Угличемъ въ 1447 г., только тогда, когда Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ. Твер. 493.

(893) Кар. V, 114, вѣроятно на основаніи харатейной Троицк. лѣт. говоритъ, что Іоаннъ Тверской вернулся изъ Клина, будто бы отъ нездоровья. Также Сол. IV, 27.

(894) Троицк. лѣт. у Кар. V, пр. 207. Описаніемъ Едигеева нашествія заключается харатейный Троицкій лѣтописецъ. ib. — Сол. IV, 27, 371: «....... лѣтописецъ хвалитъ к. Тверскаго, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни к. Московскаго, ни Эдигея.»

(895) Ник. V, 25, 26. Здѣсь говорится, что Эдигей послалъ въ Тверь съ требованіемъ о помощѣ царевича Булата, да князя Ериклибердея. Про Тверскаго князя замѣчено, что онъ не хотѣлъ измѣнить в. кн. Василью, а Эдигея разгнѣвать. — Тат. IV, 447. — Соф. I, 257 говорится, что Татары повоевали до Тверскаго рубежа. — Также въ Новг. I, 103. — Соф. II, 136: посла ко кн. Ивану на Тферь царевича Булата да ко кн. Юрью Кабердѣя. Воскр. прод. 83: Стоя же Едигѣй у Москвы, въ селѣ Коломенскомъ, и тогда посылаетъ послы своя Вулата царевича да князя Ериклибердея на Тверь, къ к. в. Ивану Михайловичу Тверскому, веля ему быти у Москвы часа того съ всею ратью Тверскою, и съ пушками, и съ тюфяки, и съ самострѣлы и съ всѣми съ суды градобійными, хотя разбити градъ Москву; князь же Иванъ не хотя сего сътворити, ни измѣнити крестнаго цѣлованія и давнаго мира и любви съ великымъ княземъ, но сице умысли: съ Твери поиде безъ рати, не въ мнозѣ дружинѣ, и не доѣхавъ Москвы възвратися паки съ Клина на Тверь; *сіе же сътвори, дабы ни Едигѣа разгнѣвати, ниже в. князю погрубити, и обоимъ обоего избѣжа, премудрѣ бо сіа сътвори.»* — О раззореніи Тверскихъ волостей говорится только въ Ник. и у Тат.

(896) Ник. V, 37, 42. Тат. IV, 456, 459.

(897) Ник. V, 43. У Тат. IV, 460 упоминается о заключеніи этого союза въ такомъ смыслѣ, какъ будто именно бѣгство Кашинскаго князя и заставило заключить союзъ съ Литвой: «Но вскорѣ посла въ Литву, прося к. в. Витовта о единачествѣ.»

(898) Ник. V, 79. Тат. IV, 490. Соф. II, 142. Воскр. прод. 91. Иванъ Дмитріевичь подписался на двухъ духовныхъ Василія Дмитріевича на второмъ мѣстѣ, а на первомъ мѣстѣ Юрій Патрикѣевичь. С. г. г. д. I, №№ 41, 42. — Этотъ Иванъ Дмитріевичь Всеволожскій, какъ извѣстно, игралъ большую роль при Василіи Темномъ.— Всеволожскіе были потомки Смоленскихъ князей. См. Энц. Лекс. изд. Плюшара XII, 173. — Ср. также Погодина, Рус. Аристократія. Москвит. 1847.

(899) Ник. V, 80. Тат. IV, 490.

(900) С. г. г. д. I, № 41 писана при Фотіи въ 1423 г.; № 42 писана 1424 г.

(901) Твер. 488: «Въ лѣто 6930. К. в. Иванъ Михайловичь Тверскый послалъ рать свою в. к. Витовту на помочь на Нѣмци, а воевода былъ въ рати Александръ Одинцевъ »— Псков. II, 24: «Того же лѣта (1422) к. Литовскый Витовтъ събравъ силы многы, нетокмо Литву, но *Москвичь и Тферичь* и иныхъ многыхъ подъемъ, и иде на Прусы, и взя градъ Голубъ и воева землю ихъ 3 мѣсяци, и возвратися миру не вземъ, и многи ратніи его тогда гладомъ изомроша.» Болѣе въ рус. источникахъ нигдѣ не упоминается объ этомъ участіи Москвитянъ и Тверитянъ въ походѣ. — Stryjkowski, II, 161, 162 хотя говоритъ о взятіи Голуба, но ничего не говоритъ объ участіи Тверитянъ въ этомъ походѣ. «Potym do burzenia włosci zamków i miast zagony rospúscili Fridek ale Wambrzezno, gdzie była stolica biscupa Kulmieńskiego i Go-

lubiów miasta wzięli, złupili i spalii i dwa zamków Gołubskich niżnego i wyszynego dostali.» Хотя Стрыйковскій здѣсь не указываетъ своего источника, но онъ взялъ это цѣликомъ изъ Кромера, стр. 418, гдѣ говорится такъ: «Risemburgum quod Vambreznum nostri vocant, ubi cathedra ac domicilium erat Culmensis episcopi, et Golubum, oppida coepere, diripuere et incendere. Duae Golubo arces imminebant и т. д.» Кромеръ также не говоритъ объ участіи Тверитянъ въ этомъ походѣ. Соловьевъ объ этомъ походѣ не говоритъ. — Кар. V, 121 разсказываетъ слѣдующее: «Въ 1422 году при осадѣ *Голуба* или Кульма были у Витовта союзныя дружины Московская и Тверская, или *Великіе Россіяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена.» См. также ib. прим. 216. — Что же касается до участія Москвитянъ въ этомъ походѣ, то замѣтимъ, что объ этомъ упоминается въ Псков. лѣтописи; кромѣ того у Narb. VI, 431, на основаніи Орденской переписки замѣчается, что еще въ 1421 г. Витовтъ и Ягайло имѣли секретныя переговоры съ в. к. Московскимъ, конечно съ цѣлью обезпечить себя отъ Татаръ и приготовиться къ войнѣ съ рыцарями. — Но Narbutt, ib. 430 не говоритъ объ участіи Москвитянъ и Тверитянъ въ этомъ походѣ, а вообще выражается въ одномъ мѣстѣ (ib. 436) такъ: «W krótce nadciągnął Król z Wielkim Xiążęciem, prowadząc z sobą liczne zastępy rycerstwa Ruskiego, tak Xiążąt hołdowniczych jako też traktatami przyjaźni, lub pokrewieństwa z sobą połączonych.»

(**902**) Лѣт. в. к. Литовскихъ, стр. 48, въ У. З. А. Н. I, 1854. Въ этой похвалѣ про Василія Дмитріевича замѣчено, что онъ жилъ въ великой любви съ Витовтомъ, а про князей Тверскаго, Разанскаго, Одоевскаго, про Новгородъ и Псковъ сказано, что они служили Витовту. ib.

(**903**) Ник. V, 85. Тат. IV, 495. Твер. 488 говоритъ, что Иванъ Михайловичь умеръ 22 Мая въ 1 часъ дня. Соф. I, 262, 263. Соф. II, 143. Воскр. прод. 93. — Случаи княженія Ивана Михайловича, которые не упоминались въ разсказѣ о его княженіи. Осенью 1411 г. Иванъ Михайловичь заложилъ градъ на Новоторжскомъ рубежѣ. Ник. V, 42. Тат. IV, 459. Въ 1421 г. Иванъ Михайловичь неизвѣстно за что схватилъ Новоторжскаго боярина Ивана Кумчана съ сыномъ Ѳомой и заточилъ ихъ въ Новый Городокъ. Ник. V, 79. Тат. IV, 489. Новг. IV, 120. Въ Ник. V, 71; у Тат. IV, 483; въ Новг. IV, 118 упоминается Тверской князь Андрей Дмитріевичь, который въ 1418 г. пріѣзжалъ въ Новгородъ. Конечно, это былъ не Тверской князь, а братъ Московскаго князя Василія Дмитріевича, бывшій въ Новгородѣ и раньше, именно 1399 г. Новг. I, 100. — Сол. IV, 98 сказано, что Иванъ Михайловичь умеръ во время сильнаго мороваго повѣтрія. Но онъ умеръ въ Маѣ, а моръ начался съ Ильина дня, бывающаго въ Іюлѣ. Это замѣчено въ Рус. Ист. Бест.-Рюм. 423.

(**904**) Ник. IV, 105, 106, подъ 1402 г.

(**905**) Въ Твер. 488 и у Кар. V, пр. 258 разсказывается о событіяхъ 1425 г. болѣе — сравнительно съ другими лѣтописями. Въ Тверской говорится, что Александръ умеръ, чрезъ 5 мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, предъ Дмитріевымъ днемъ, слѣдовательно если его отецъ умеръ 22 Мая, то онъ, Александръ, умеръ въ концѣ Октября; про Юрія сказано у Кар. V, пр. 258, что онъ княжилъ только 4 недѣли и умеръ, слѣдовательно въ концѣ Ноября, а въ Твер. прибавлено, что онъ умеръ на Юрьевъ день. Кар. V, пр. 258 приводитъ отрывокъ неизвѣстно изъ какой лѣтописи, но только не изъ Троицкой, потому что Кар. V, пр. 207 говоритъ, что описаніемъ Эдигеева нашествія (слѣдовательно 1408 г.) кончается Троицкій харатейный лѣтописецъ. Вотъ этотъ отрывокъ изъ лѣтописи приведенный у Кар. V, прим. 258: «Въ лѣто 6934 (1426) преставися В. К. Иванъ Мих. Тферскій, и сяде на его мѣсто

сынъ его, Александръ, и вскорѣ преставися; и сяде на его мѣсто сынъ его, Кн. Юрьи Александр., и сидѣлъ 4 недѣли, и преставися; и сяде братъ его, Кн. Борисъ Александр., а племяннику, Князю Ивану Юр., далъ городъ Зубцовъ...... Того же лѣта Князь Борисъ поималъ дядю, Князя Василья Михайл. Кашинскаго.» Въ Ник. V, 85: «И *сяде* по немъ (Ив. Мих.) на в. княженiи тверскомъ сынъ его к. Александръ мѣсяца Маия в 1 день. А в Кашине дядя его к. Василей Михайловичь.» Здѣсь во второй фразѣ опущенъ глаголъ, но кажется должно понимать такъ, что теперь *сѣлъ на в. княженiи* въ Кашинѣ Василiй. Тат. IV, 495. По Соф. I, 263 Александръ вступилъ на престолъ 21 Мая. Также продолж. Воскр. 93. — Соф. I, 262: «Того же лѣта (1423?) преставися к. в. Иванъ Михайловичь Тверьскый, и сѣде на в. княженiи внукъ его к. Борисъ Александровичь..... Того же лѣта к. Борисъ поималъ к. Василья Кашинскаго.» Въ Соф. II, 143 невѣрно: «Того же (1425) лѣта преставися к. Иванъ Михайловичь Твѣрьскiй, во мнишескомъ чину нареченый Iевъ *и по немъ сѣде внукъ его к. Борисъ Олександровичь, маiя 21.....* Того же лѣта к. Борисъ поималъ к. Василiя Кашинского.» Въ Новг. IV, 120 говорится, будто Иванъ Михайловичь передалъ (приказалъ) княженiе прямо своему внуку Борису, а Кашинъ Василью: «Успе к. Иванъ Михайловичь Тферьскiй, а приказа княженiе свое внуку своему Борису Александровичю, а Кашинъ брату своему Василью.»

(906) Иловайскiй, ист. Ряз. княж. замѣчаетъ слѣдующее (стр. 205—207) о тогдашнихъ временахъ: Послѣ Василiя I началась долговременная усобица въ потомствѣ Димитрiя Донскаго. По видимому ничто не могло болѣе благопрiятствовать другимъ князьямъ въ томъ, чтобы возвратить утраченную самостоятельность. Но такова сила историческаго процесса: уже тотчасъ послѣ смерти Олега ясно обозначилось, что Рязань не можетъ существовать въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго пункта, около котораго могли бы собраться юговосточные удѣлы. Она была слишкомъ слаба для этого и необходимо долженствовала примкнуть къ той или другой половинѣ Руси. Исторiя Рязани въ XIV и XV вв. представляетъ замѣчательную аналогiю съ исторiею Твери. Здѣсь вторую половину XIV в. также наполняетъ видная личность Михаила Александровича, выступающая съ такими же стремленiями, какъ Олегъ Рязанскiй; послѣ его смерти видимъ тѣ же усобицы между Тверью и Кашиномъ, какъ между Рязанью и Пронскомъ, то же колебанiе между Москвою и Литвою. Когда на время ослабла сила притяженiя со стороны Москвы, оба княжества примкнули къ Литвѣ, гдѣ еще властвовалъ грозный Витовтъ. Около 1427 г. Иванъ Θеодоровичь заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Витовтъ принялъ князя великаго Рязанскаго Ивана Θеодоровича на службу; Иванъ Θеодоровичь долженъ былъ быть съ нимъ заодно на всякаго; а В. князю Витовту оборонять рязанскаго князя отъ всякаго, а безъ воли Витовта ему ни съ кѣмъ не мириться и никому не помогать; а если будетъ отъ кого притѣсненiе (налога) внуку Витовта В. князю Василiю Васильевичу, и если велитъ Ряз. князю князь великiй Витовтъ, то онъ будетъ пособлять ему на всякаго и жить съ В. княземъ Васильемъ Васильевичемъ по старинѣ; а если будетъ В. князю Витовту съ внукомъ его какое нелюбье или съ дядьями его или съ братьями, то Рязанскому князю пособлять своему Господарю на нихъ безъ хитрости, и т. д. Вмѣстѣ съ Рязанскимъ княземъ поддался Витовту и Пронскiй Иванъ Владимiровичь; его договорная грамота написана почти тѣми же словами.

(907) На условiяхъ гораздо выгоднѣйшихъ нежели Рязанскiй князь относительно того же Витовта, по договору тогда же заключенному. Сол. IV, 97, 98. — Договорная грамота Бориса Александровича съ Витовтомъ отъ 3 Авг. 1427 г. А. З. Р. I, № 33.—Сборн. Мух. № 1. Здѣсь дата невѣрна, замѣчанiе объ этомъ въ А. З. Р. ib.

(908) Сол. IV, 99.

(909) Твер. 489.

(910) Твер. 489. Ник. V, 96, 97. Тат. IV, 501. — Pomniki do dziejów Litewskich. Wilno. 1846. (Такъ называемый лѣтописецъ Быховца). Изд. Нарбутъ. Стр. 42. — Koialowicz, Historia Lituana. II, 125, 126. — Твер. временемъ поѣздки назначаетъ 27 Сент. — Въ Ник. называется съѣздъ бывшій въ 1430 г. въ Трокахъ и въ Вильнѣ. — Соф. II, 143. Воскр. пр. 95. Соф. I, 264. Были два съѣзда — одинъ въ Луцкѣ 1429 г., а другой въ Вильнѣ въ Сент. 1430 г. Narb. VI, 501, 532. По Narb. VI, 504 въ Луцкѣ были какіе-то князья Тверскіе, Василій Московскій, Митрополитъ Фотій и др. — На съѣздѣ въ Вильнѣ, Narb. VI, 532, были Василій Московскій, Борисъ Тверской, Митр. Фотій и т. д. — Ср. Кар. V, пр. 262, гдѣ на основаніи письма Витовта къ Магистру Нѣмецкаго Ордена, говорится, что Василій Московскій и Борисъ Тверской пріѣхали къ Витовту около 8 Авг. 1430 г.

(911) Твер. 489. — Эта княжна Тверская, супруга Свитригайлова, неизвѣстно почему называется *Софьей* у Нарб. и у Коцебу (Свитригайло, в. к. Литовскій. Спб. 1835.) — Такъ Narb. VII, 179, 183 гдѣ также говорится, что Софья Борисовна умерла въ Янв. или Февр. 1435. У Коц. см. 115, 205, или еще въ прилож. CXXIV въ буллѣ папы Евгенія. О ея набожности, характерѣ и о вліяніи на Свитригайла см. указанныя мѣста у Narb. и у Коц., а также еще Коц. стр. 142; также Стрыйк. II, 185; Dlug. I, 611. — Кажется, нельзя иначе объяснить разницу въ именахъ, какъ предположивъ, что она, выходя замужъ, перемѣнила имя Анны на имя Софьи, — по-крайней мѣрѣ такой обычай существовалъ при Московскомъ Дворѣ. Кост. Оч. дом. жиз. и нрав. Великор. нар. 156, 157. — У Костомарова Рус. Ист. въ жизнеопис. III вып. 538, неизвѣстно почему, она названа Іуліанія Борисовна Тверская. — Цитаты изъ Стр. и Длуг. о Твер. княжнѣ см. въ концѣ 912 прим.

(912) Твер. 489. Лѣт. в. к. Лит. 50 въ Уч. З. А. Н. I, 1854 г. Коц. 116. Narb. VII, 120, 123, 127. Коц. 116. Въ Твер. 489 это мѣсто читается такъ: «Того же лѣта (1432), на зиму, скопився Свѣтригайло, князи Литовскіе, сила съ нимъ Тверскаа, князь Ярославъ съ нимъ, сила Городецкаа, и пошелъ на Жигимонта; и Жигимонтъ вышелъ противу его изъ Вилны, и бысть бой межи ими мѣсяца Декабра въ 9, и поможе Богъ Жигимонту, и много побиль людеи а иныа въ полонъ повели; убили боярина Ярославова Семена Зобнина, а Свѣтригайло побѣжалъ.» Битва эта была подъ Ошмяной, но только не 9 Дек, а 8, какъ замѣчено у Narb. VII, 127 прим. I. Въ Твер. Ярославъ не названъ братомъ Борисовымъ, но такъ онъ называется въ Лѣт. в. к. Лит. «И на тоуж осень собра силоу многоу к. в. Швитригаило и к. в. Тверьскии Борисъ Александровичъ дастъ емоу *брата своего к. Ярослава со всею силою своею* и поиде на Литвоу и не дошедъ до Вилни за 6 миль и сташа въ Ошмене и ту стояше неделю.» Pomniki do dziejow Litewskich (Выховецъ) Wilno. 1846. Стр. 46. Ярославъ называется братомъ Борису Александровичу. — Ярославъ называется братомъ Борису также у Narb. VII, 120, 123. Имя этого князя Ярослава въ Твер. лѣт. (а также въ Лѣт. в. к. Лит.) встрѣчается только одинъ разъ подъ 1432 г., но и тутъ въ Твер. лѣт. онъ не названъ братомъ Борису. Въ грамотахъ А. А. Э. I, № 33, 34, въ которыхъ называются по именамъ нѣкоторые Тверскіе князья, также не встрѣчается имени Ярослава; но нужно замѣтить, что напр. грамота № 33 писана не ранѣе 1437 г., а кн. Ярославъ былъ убитъ въ битвѣ подъ Вилькомиромъ въ 1435, какъ мы увидимъ далѣе. — *Стрыйк.* хотя и говоритъ о Тверской помощѣ Свидригайлу, но не говоритъ о Ярославѣ, о которомъ онъ упоминаетъ всего только одинъ разъ по поводу его смерти, да и тогда онъ хотя и на-

зываетъ его Тверскимъ княземъ, но не братомъ Борису. — У Стрыйк. томъ II, стр. 187 упоминается о помощѣ Тверской такими словами: «Swidrigajło mając wielką pomoc z *Moskiewskiej Rusi* od cieścia swojego kniazia Borissa Twierskiego и т. д., — о помощѣ изъ *Москвы* или Рязани не говорится у Стрыйк. — На стр. 189 подъ 1433 г. такое выраженіе: «Swidrigajło......... mając na pomoc...... bardzo wiele Rusi Moskiewskiej, Twierskiej, Smoleńskiej, Siewierskiej, Kijowskiej i Połockiej,» — о Рязани не говорится. Подъ 1435 г. (въ стихахъ, II, стр. 195) говорится, что Свидригайло получилъ помощь отъ князей Тверскаго и Московскаго; а на слѣд. стр. 196 (стихами же), говоря объ убитыхъ подъ Вилькомиромъ, замѣчаетъ «Tamże *Jarosław Twierski* kniaź dał śmierci myto.» Здѣсь въ первый разъ говорится о Ярославѣ по поводу его смерти. — У Кром. (Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum, 166) говорится, что войско Свидригайла (при Ошмянѣ) состояло изъ Русскихъ, Татаръ и Ливонцевъ. — У Кром. 458 говорится о битвѣ подъ Вилькомиромъ, но нигдѣ не упоминается ни о Ярославѣ, ни о Тверитянахъ. — Koialowicz, Historia Litvana, II, 159, подъ 1432 годомъ: «Universa prope Russia arma pro illo sumpserat: neque ea solum, quae Magno Duci Lituaniae subiecta Polociam, Smolensciam, Miscislaviam, Severiam, Kiioviam, Volyniam provincias complectebatur; sed etiam Moschovia, Rezania, Tweria, ductore *Jaroslao germano Boryssi Twerensium* Ducis.» — О супругѣ Свитригайла, Тверской княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ, находятся извѣстія у Стрыйковскаго и у Длугоша. У Стрыйковскаго II, 185 подъ 1432 г.: «Posłał (Jageło) też i do Swidrigajła Wawrzyńca Zarębę, castellana Siradzkiego, aby go słowie do zgody namawiał, ale prawdziwą rzeczą, aby potajemnie pany Litewskie przeciw Swidrigajłowi za Sigmuntem buntowal, którym też już był Swidrigajło omierzł dla okrucieństwa i iż Russakom i Moskwi więcej życzył i urzędy im rozdawał z namowy żony swojej Ruski xięzny Twiereńskiej.» Это извѣстіе Стрыйковскаго находится въ слѣдующемъ отрывкѣ въ Dlugossi, historia Polonica, t. I, lib. XI, стр. 611: «Et haec quidem erat Zarębae aperta legatio. Verum aliud erat Regis et Consiliariorum in missione sua propositum. Solicitare enim missus erat animos Principum et Nobilium Lithuaniae, et signanter Ducem Sigismundum Starodubsky alias Keystutowicz fratrem germanum Ducis olim magni Lithuaniae Withawdi, ne paterentur Ducem Switrigal imperare; sed illum, prout iam ad id noverat Rex eos conspirasse, nullo metu aut de Rege habito, a Sede magni Ducatus Lithuaniae eiicerent et excluderent, ac Ducem Sigismundum Starodubsky in eius locum surrogarent. Certificaretque eos de omni assistentia illis per Regem praestanda. Movebatur enim Rex et Consiliarii ad id faciendum, quoniam Dux Switrigal praefatus, non solum pessimo regimine et crudeli praeerat, sed etiam in sectam Graecorum propensior existens, ritum Graecorum ultra Catholicum efferre et promovere, solicitante eum ad id consorte sua, quam noviter ex Principibus de *Thwera* acceperat, nitebatur. Itaquę Zarąba fideliter in his, quae sibi mandata erant, procedens, omnium Principum et Nobilium Lithuaniae animos, sua sponte ad id dudum deflexas, opportune accendit.» Эти двѣ послѣднія цитаты, — одна изъ Стрыйковскаго, а другая изъ Длугоша, — о Тверской княжнѣ, относятся къ концу предъидущаго 911 примѣчанія.

(913) Лѣт. в. к. Лит. 51: «На лето же (хотя здѣсь годъ не выставленъ, но по ходу событій выходитъ 1433 г.) собра силу многу Роускоую и меттера Лифляньски со всею силою своею прииде к. Швитригаилоу на помочь и *князь великии Тверьски даль* емоу свою силоу и поидоша въ Литовьскую землю.» Также Бых. 46, 47. — См. также Narb. VII, 133, 146 (въ Авг. 1433). Narb. VII, 133 находится извѣстіе, на

основанiи орденской переписки, будто Свитригайло ожидаетъ помощи изъ Москвы. Могъ ли въ то время Свитригайло ждать помощи изъ Москвы? Какъ извѣстно, въ Апр. 1433 г. Юрій Дмитріевичъ, разбивъ Василія II за 20 верстъ отъ Москвы на р. Клязьмѣ, занялъ Москву. — Ср. также Коц. 173, 190.

(**914**) Narb. VII, 176. — Въ лѣтописи в. к. Лит. на этотъ разъ не говорится ни о помощѣ Тверской, ни Ярославѣ Тверскомъ, а о битвѣ подъ Вилькомиромъ такъ разсказано въ Лѣт. в. к. Лит. 52: «И князь Михаило (Сигизмундовичь) прииде своею силою Литовьскою и с Ляхи, и быст имь бой с Швитригаиломъ на Семень день, на летопроводца, а бися за Вилкомиремъ реце. А и за то Богъ не пособи князю Швитригаилоу, што сожже митрополита Герасима.» — У Бых. 47, хотя разсказывается о битвѣ подъ Вилькомиромъ, но на этотъ разъ не упоминается ни о помощѣ Тверской, ни о Ярославѣ Тверскомъ. — У Narb. VII, 159, 170 находится извѣстіе, что въ 1434 и 1435 у Свитригайла были вспомогательныя Московскія войска. У Коц. 190, 191, помѣщенъ отрывокъ изъ письма Свитригайла къ Гросмейстеру, въ которомъ онъ съ радостью извѣщаетъ послѣдняго о побѣдѣ Юрія 1434 надъ Васильемъ II и взятіи Юріемъ въ плѣнъ матери и жены Васильевой. Далѣе у Коц. 195, 196 находится извѣстіе, на основанiи орденской переписки, что не только Тверской в. к. прислалъ свое войско, но и в. к. Московскій Юрій прислалъ своего сына съ войскомъ. Юрій дѣйствительно могъ послать войско на помощь Свитригайлу, своему побратиму, но только съ какимъ же сыномъ? — Кояловичь, Т. II, стр. 167, 168, говоря о битвѣ подъ Вилькомиромъ, не упоминаетъ о Ярославѣ. — Нарб. VII, 176 говоритъ, что въ битвѣ подъ Вилькомиромъ былъ убитъ Ярославъ Тверской, но не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ такое извѣстіе. О смерти Ярослава при Вилькомирѣ упоминаетъ только одинъ Стрыйковскій о чемъ было сказано выше. — Припомнимъ извѣстія о Ярославѣ. Тверская лѣт. и Стрыйковскій, не называютъ Ярослава братомъ Борису; Быховецъ, Лѣт. в. к. Литовскихъ и Кояловичь называютъ Ярослава братомъ Борису; Кромеръ (а также Длугошъ) не упоминаютъ о Ярославѣ; о смерти Ярослава при Вилькомирѣ говоритъ только одинъ Стрыйковскій. Такъ какъ о Ярославѣ упоминается въ разныхъ источникахъ, то кажется нельзя сомнѣваться какъ въ помощѣ Тверитянъ Свидригайлу, такъ и въ существованiи князя Ярослава. На сколько можно довѣрять извѣстію Стрыйковскаго о смерти Ярослава при Вилькомирѣ? Стрыйковскій въ числѣ источниковъ для своей хроники не разъ упоминаетъ о лѣтописяхъ Литовскихъ и Русскихъ. Такъ напр. т. I, стр. 354 онъ говоритъ: «Latopiszce też wszystki Litewskie po rusku pisane, których Litwa z starodawna za kronikę używa.» (См. также предисловіе къ лѣт. в. к. Литов. въ Уч. Зап. 2 отд. Ак. Н. кн. I). До сихъ поръ мы знаемъ два разряда Литовскихъ лѣтописей: изданный Нарбутомъ лѣтописецъ Быховца и лѣтопись в. к. Лит. изданную Поповымъ въ Уч. Зап. Ак. Н. (раньше была издана Даниловичемъ Латинскими буквами). Въ числѣ лѣтописей Литовскорусскихъ, которыми пользовался Стрыйковскій, могли быть лѣтописи до насъ не дошедшія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ намъ неизвѣстныя. И Быховецъ, и лѣт. в. к. Лит. говорятъ о Ярославѣ, но не упоминаютъ о его смерти при Вилькомирѣ. О смерти Ярослава говоритъ только одинъ Стрыйковскій, что могъ онъ сказать на основанiи какой нибудь лѣтописи, только ему одному извѣстной.

(**915**) Такой договоръ не сохранился; но что онъ былъ, то это видно изъ одного выраженія договорной грамоты Бориса съ Васильемъ Темнымъ: «А къ Жимонту намъ цѣлованіе сложити, безъ перевода, а мнѣ брате, также явить Жигимонту, что есмя съ вами одинъ человѣкъ и т. д. А. А. Э. I, № 33.

(**916**) Когда-то Ивану Вельяминову и Некомату Сурожанину удалось перетрево-

жить Михаила Александровича, и Михаилъ Александровичь даже послалъ ихъ въ орду за ярлыкомъ.

(917) Сол. IV, 61. Ник. V, 112. Тат. IV, 506. Соф. II, 148. Воскр. пр. 97. Соф. I, 264.

(918) Ник. V, 114. Тат. IV, 508. Соф. II, 148. Соф. I, 265. Воскр. пр. 97.

(919) Ник. V, 115. Тат. IV, 509.

(920) Ник. V, 117. Тат. IV, 511. Воскр. пр. 98. Сестра кн. Ивана Можайскаго была замужемъ за Борисомъ Александровичемъ. С. г. г. д. I, №№ 63, 68.

(921) Ник. V, 119. Тат. IV, 513. Соф. II, 149. Воскр. пр. 99. Въ Воскр. 99 такъ: «И събрався в Кашинѣ поиде изгономъ къ Вологдѣ на в. князя заставу.» — Въ Соф. II: «И копився въ Кашинѣ.......» Ник. V. «И собравша в Кашине.....» Тат.: «И собрався въ Кашинѣ.....» У Арцыб. II, 184: «Косой удалился въ Кашинъ, гдѣ получилъ отъ Тверскаго князя Бориса Александровича лошадей, платье и доспѣхи, собралъ человѣкъ 300 дружины; пустился внезапно разить заставу Великокняжескую.» Здѣсь въ прим. 1296 Арцыб. ссылается на Ник. V, 119 и на лѣтописца содерж. Рос. Ист. отъ 6714 до 7042, служитъ продолженіемъ Несторову лѣтописцу. М. 1784 г. — Вотъ это мѣсто лѣтописи, на которое указываетъ Арцыбашевъ. Лѣтописецъ, содерж. Рос. Ист. отъ $\frac{6714}{1206}$ до $\frac{7042}{1534}$ 1784. — На стр. 252, подъ годомъ 6943 (1435): бысть бой в. князю Василію со княземъ Василіемъ Юрьевичемъ, Генв. въ 6 день на крещеніе межи Козминскимъ и великимъ селомъ, (въ Ник. и сретошась въ Ярославской отчине у Козмы и Домияна на Которосли Генваря въ 6 день) и поможе Богъ в. к. Василію Васильевичу, а князь Василій бѣжа въ Кашинъ мимо Ростовъ, князь же великій возвратися самъ къ Москвѣ, а за нимъ посла на Вологду воеводъ своихъ со всѣми людми, мнѣвъ его тамо бѣжавша. Ко князю же Василью Юрьевичу въ Кашинъ присла к. в. Борисъ Александровичь Тверскій, *кони и порты и доспѣхъ*, и собрася къ нему дружины его триста человѣкъ, и шедъ съ ними безвѣстно на Вологду; воеводъ в. князя всѣх преимаша и скова и т. д. — Извѣстіе о томъ, что Борисъ Александровичь помогъ Василью Косому конями, платьемъ и оружіемъ (но не ратниками) находится только въ одной этой лѣтописи. Говорится, что онъ помогъ, но не ратниками; да едва ли онъ могъ помочь и конями, оружіемъ и платьемъ, потому что онъ самъ тогда посылалъ войска въ Литву. Да едва ли можно довѣрять и тому, что Тверской князь помогъ конями, оружіемъ и платьемъ: это находится въ такомъ мѣстѣ литописи, которое искажено, какъ видно изъ опредѣленія мѣстности, гдѣ происходила битва. А въ лѣт. рус. изд. Львовымъ 1792, во II т. 275 стр. сказано что Василій въ Кашинѣ *окопался*. — Въ одномъ хроногр. по списку XVI ст.: «Окопися кн. Василей Юрьевичь въ Кашинѣ и пріиде изгономъ къ Вологдѣ на в. князя заставу и воеводъ в. князя поималъ.» А. Поповъ, Изборникъ Слав. и Рус. соч. 78.

(922) Сол. IV, 99.

(923) Въ соблюденіи договора цѣлуетъ крестъ не только Василій Васильевичь, но также Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный, не только относительно Бориса Александровича, но также и Тверскихъ удѣльныхъ князей Ѳедора Ѳедоровича (Микулинскаго), Ивана Юрьевича (Зубцевскаго) и Андрея Ивановича (изъ какихъ? не изъ Холмскихъ ли? Но Иванъ Всеволодовичь Холмскій умеръ бездѣтнымъ, см. прим. 840. Не былъ ли онъ двоюродный братъ Бориса Александровича? Или сынъ Ивана Зубцевскаго? ср. родосл.) Изъ Тверскихъ удѣльныхъ здѣсь безъ сомнѣнія упоминаются главнѣйшіе. Названные здѣсь по именамъ Тверскіе удѣльные въ договорной грамотѣ называются *братья молодшая* относительно Бориса Александровича; затѣмъ въ дого-

ворѣ упоминается вообще *меньшая братья* Бориса Александровича, относительно которыхъ также цѣлуетъ крестъ Василій Васильевичъ.

(**924**) А. А. Э. I, № 33. Въ этомъ договорѣ говорится о какомъ-то полонѣ Тверскомъ и Кашинскомъ, который в. к. Московскимъ долженъ быть отпущенъ безъ окупа.

(**925**) Твер. 491.

(**926**) Бѣл. Разск. II, 520.

(**927**) Новг. IV, 123—125. Ник. V, 191. Тат. IV, 552. Лѣт. в. к. Лит. 55: «В лето 6952 (1444) к. в. Борис Тверскии и посылал повоевати земли великого Новогорода. А воевода их был Андреи Дмитревич; и завоеваша волостеи за полтретьятцат волостеи и много зла учиниша.»

(**928**) С. г. г. д. I, № 18. Посломъ отъ Новгорода ѣздилъ въ Тверь какой-то Павелъ Федоровичъ. Въ Новг. IV, 126 подъ 1447 г. находится слѣдующее извѣстіе: «И сѣде на в. княженіи к. Дмитрій Юрьевичъ на Москвѣ, а к. Василія, и матерь его, и жену его и дѣтей держа за приставы; присла поклоньщики въ Новгородъ, Новгородци же послаша послы, посадника Өедора и Василія посадника, и к. Дмитрій крестъ цѣлова на всѣхъ старинахъ, а Тферьскій князь Борисъ на опасѣ Новгородцкихъ пословъ держалъ 4 мѣсяца, и отпусти ихъ.»

(**929**) Ник. V, 202. Тат. IV, 563. Воскр. пр. 115. Соф. II, 172, 173.

(**930**) Когда послѣ ослѣпили в. к. Василія, то выставили противъ него другія обвиненія, а не его желаніе отдать Московское княжество Хану, а самому удовольствоваться Тверью.

(**931**) Новг. II, 141. Новг. IV, 125.

(**932**) Ник. V, 211. Воскр. пр. 119. Соф. II, 176. Въ этихъ лѣтописяхъ не говорится, откуда Василій Васильевичъ сносился съ Тверскимъ княземъ. Но у Тат. IV, 572 положительно говорится, что в. к. посылалъ изъ Вологды и даже называется то лице, которое ѣздило въ Тверь: «Тогда к. в. посла во Тверь къ к. Борису Александровичу вѣрнаго своего раба Ростовскаго сына боярского одница (Одинца?) Болохова, помощи отъ него просити.» Въ Ник. говорится только такъ: «князь же великіи не возвратися к Вологде, но поиде ко Твери сослався съ в. к. тверскимъ с Борисомъ Александровичемъ.» Также въ указан. мѣстѣ Воскр.—Также въ указан. мѣстѣ Соф. II.

(**933**) Ник. V, 211. Тат. IV, 573. Твер. 493. Воскр. пр. 119. Соф. I, 269. Соф. II, 176, 177. У Арцыб. II, 203, прим. 1421 приводятся слѣдующія извѣстія изъ лѣтопис. Архангелогород. и изъ лѣт. рус. изд. Никол. Львовъ:—Арх. «Князь же Великій Васильевичь пойде во Тверь ко князю Борису Александровичу, прося у него пособи на к. Дмитрея Шемяку. Князь же Борисъ Александровичь рече слово в. к. Василью оже у меня женишь сына своего князя Ивана дамъ за него дщерь свою княжну Марью, и азъ тебѣ буду пособникъ и самъ.» Лв. прибавляетъ: «а не женишь, то я выдамъ тебя опять князю Димитрію,» Арх.: «Князь Великій Василей обручалъ.» (Лв. «не волею.»)—Когда могъ такимъ образомъ Борисъ стращать Василія, что онъ его выдастъ Шемякѣ и въ какомъ случаѣ? Онъ могъ его стращать только у себя въ Твери. Но будущій бракъ молодыхъ князя и княжны былъ рѣшенъ уже до пріѣзда Василія въ Тверь. А потому нельзя согласиться съ вышеприведенными извѣстіями лѣтописей, будто Борисъ грозилъ Василію выдачею Шемякѣ и будто въ *Твери* Василій *неволею* согласился на обрученіе своего сына Ивана съ Марьей Борисовной. Въ Твер. 492 говорится, что всѣ Васильевы бояре отъѣхали отъ Шемяки къ в. к. Борису Александровичу еще до прибытія Василія въ Тверь. Но какъ они могли знать, что Василій поѣдетъ въ Тверь: свои переговоры съ Тверскимъ княземъ онъ велъ конечно скрытно. Впрочемъ въ Твер. 493 далѣе говорится, что бояре отъѣхали въ Тверь

тогда, когда туда пріѣхалъ Василій. Вотъ вполнѣ тѣ мѣста, на которыя указываетъ Арцыбашевъ. Лѣтописецъ русскій отъ Рюрика до смерти Іоанна Васильевича, изд. Н. Львова 1792, стр. 342: «Великій князь со княгинею и съ дѣтьми побѣжалъ во Тверь, и пріиде вся сила Московская со всѣхъ странъ къ Твери къ В. князю съ Литвою пріиде к. Василій Ярославичь, да к. Иванъ Ряполовской и Ѳеодоръ Басенокъ, да три царевичи, Трегубъ, Каисымъ, Ягубъ, и иные князи и бояре, и дѣтей боярскихъ много, князь же Борисъ Александровичь рече В. Князю, жени у меня сына своего Ивана, *а не женишь, но я выдамъ тебя опять Князю Димитрію, онъ же неволею* обручи дщерь Марію у князя Бориса Александровича за сына своего князя Ивана, иже послѣ отца сѣде на вел. княженіи, и собравъ воя многи, пойде на К. Димитрія и т. д. Лѣт. содерж. Рос. Ист. $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ г. изд. 1781 г. стр. 130: «Князь же великій Василій Васильевичь пойде въ Тверь ко князю Борису Александровичу, прося у него пособи на князя Дмитрея Шемяку. Князь же Борисъ Александровичь рече слово в. к. Василью: Оже у меня женишъ сына своего князя Ивана, а дамъ за него дщерь свою княжну Марью, и азъ тебѣ буду пособникъ и самъ. Князь же великій Василей обручалъ у князя у Бориса дщерь за сына своего князя Ивана, а князь Иванъ тогды бысть седми лѣтъ. Князь Борисъ Александровичь дастъ ему силу, и поиде князь великій къ Москвѣ.» (Лѣтописецъ русской отъ Рюрика до смерти Іоанна Васильевича. Спб. 1792, — во 2 т. стр. 275 сказано, что Василій въ Кашинѣ окопався.) Слѣдовательно извѣстіямъ этихъ двухъ лѣтописей довѣрять нельзя. Это такое же ложное извѣстіе, какъ и то, что Тверской князь участвовалъ въ ослѣпленіи Василія Московскаго.

(934) Твер. 493: «И князь в. Василей пошелъ Волгою къ Угличю, и сила съ нимъ Тверская....» Ник. V, 213 (Они же, т. е. Шемяка и Можайскій, въ недоумѣніи бывше, се со Твери на нихъ к. в. идетъ и т. д.) Тат. IV, 575: (И князь в. собравъ вся своя купно съ Тверскою помощію, пойде къ Волоку на Шемяку.) Воскр. пр. 120, 121. Соф. II, 178.

(935) Тв. 493. Онъ взялъ Ржеву о великомъ заговѣніи.

(936) В лѣто 6955. Князь в. Борисъ Александровичь Тверскый на другую зиму ихалъ съ княинею въ Ржеву, а Ляхъ Станиславъ его изгонилъ, да намѣстниковъ его изымалъ, Лва Измайлова, да людей много Тверичь поималъ, да Ржеву городъ засѣлъ; а князь в. Борисъ Александровичь со княинею убѣжалъ въ Опоки. А изгонилъ тогда въ недѣлю, до обѣда, въ заговѣніе мясное.» Твер. 494.

(937) А. З. Р. I, № 51. Мух. № 8. Эта грамота, хотя и напечатана въ А. З. Р. послѣ грамоты № 50, но по ходу событій она должна быть поставлена прежде № 50. Ср. Narb. VIII, 81, 87.

(938) А. З. Р. I, № 50. Мух. № 7.

(939) С. г. г. д. I, №№ 76, 77. (двѣ договорныя взаимныя грамоты.) Онѣ должны быть писаны не ранѣе 1453 г., потому что въ нихъ упоминается Михаилъ Борисовичь, родившійся въ 1453, а также потому что въ нихъ упоминается сынъ Шемякинъ Иванъ, а не самъ Шемяка † въ Іюнѣ 1453 г. Въ соблюденіи договора цѣлуютъ крестъ съ одной стороны не только Борисъ Александровичь, но и сынъ его Михаилъ Борисовичь и Тверскіе удѣльные Дмитрій Юрьевичь Холмскій, Иванъ Юрьевичь Зубцевскій; съ другой стороны какъ в. князь Василій Васильевичь, такъ и Иванъ и Юрій Васильевичи. Князья Дмитрій Юрьевичь, Иванъ Юрьевичь называются *братья молодшая* Борису Александровичу; затѣмъ крестъ цѣлуютъ вообще меньшая братья Бориса Александровича. Въ № 76 упоминаются и Тверскіе служебные князья и молодшая братья. Въ № 76: «А которые земли и воды отошли отъ нашие отчины

Тфѣри и Кашина отъ В. Княженья при твоемъ отци при В. Князи Василье Дмитреевиче, и при тебѣ при В. князи Василье Васильевиче, а при моемъ дѣде при В. князи Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отци при В. князи Александрѣ Ивановиче, и при мнѣ при В. князи Борисе Александровиче: а тѣмъ, брате, землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны.» Въ № 77 подобное же обязательство со стороны Василья Васильевича относительно земель и водъ отошедшихъ отъ Московскаго княжества и отъ Новгорода.

(940) Въ одной грамотѣ прибавлено еще слѣдующее условіе на счетъ порубежныхъ земель: «А которые земли и воды отошли отъ нашие отчины Тфѣри и Кашина отъ в. княженья при твоемъ отци при в. князи Василье Дмитреевиче, и при тебѣ при в. к. Василье Васильевиче, а при моемъ дѣдѣ при в. к. Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отци при в. к. Александрѣ Ивановиче, и при мнѣ при в. к. Борисе Александровиче: а тѣмъ, брате, землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны.» А въ другой грамотѣ такъ: которые земли и воды отошли отъ в. княженья Москвы и отъ Вел. Новгорода при настоящихъ или при прежнихъ князьяхъ (при Моск. кн. Васильѣ Дмитріевичѣ и при Твер. кн. Иванѣ Михайловичѣ, Александрѣ Ивановичѣ) тѣмъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны.

(941) Ник. V, 221 (4 Іюня) Тат. IV, 584. Твер. 495 (наканунѣ Троицына дня свадьба.) Воскр. пр. 125 (4 Іюля). Соф. I, 271.

(942) Твер. 495. Это случилось 10 Сент. Намѣстникомъ въ Кашинѣ былъ бояринъ Иванъ Яковлевичь Киньдиръ.

(943) С. г. г. д. I, № 63, писана около 1447 г. и № 68 пис. въ 1448 г. Въ договорной грамотѣ Ивана Можайскаго съ в. к. Василіемъ, писанной въ Сент. 1447, С. г. г. д. I, № 66, между прочимъ находится такое выраженіе: «А князь великій, господине, Тверской Борисъ Александровичь съ тобою съ В. Княземъ въ любви одинъ человѣкъ; а мнѣ Господинъ, съ нимъ любовь взять.» Въ договорной записи кн. Димитрія Шемяки съ нѣкоторыми удѣльными князьями, писанной въ 1448 г., говорится: «А князь великій Борисъ Александровичь съ нашимъ братомъ съ старишимъ съ Великимъ Княземъ (Василіемъ II) одинъ человѣкъ; а намъ съ нимъ любовь и докончаніе взяти по старинѣ.» С. г. г. д. I, № 67.

(944) Твер. 494: 12 Февр.

(945) Твер. 495: «Той же зыми (1453) к. в. Борисъ Александровичь Тверскый женися у к. у Суздалскаго Олександра, понялъ княиню Настасію.»

(946) Твер. 495.

(947) Сол. IV, 100, 101.

(948) Самое посланіе, окончаніе котораго не сохранилось, напечатано въ А. И. I, № 51 и отнес. къ 1451—1452 г. Митрополитъ Іона писалъ Тверскому епископу Иліи о томъ, чтобы онъ, по случаю похода в. к. Василія Васильевича на Казанскихъ Татаръ, убѣдилъ Тверскаго В. К. Бориса Александровича отправить къ нему вспомогательное войско. Вотъ этотъ отрывокъ, здѣсь въ текстѣ приведенный, вполнѣ: «И благословляю тобя, о Св. Дусѣ своего сына, чтобы еси о томъ сыну моему В. К. Ворису Александровичу говорилъ, и билъ челомъ, и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, чтобы сынъ мой, к. в. Борисъ Александровичь къ в. к. Василію Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ, съ своими со многими людми, за святыя Божія церкви и за все православное христіянство. Занеже, сыну, вѣдомо тебѣ, что тамо учинится, великимъ Божіимъ милосердіемъ, тому в. государю в. князю которое что добро, къ строенію христіяньскому и тишинѣ, и то обѣихъ тѣхъ в. государей и всего нашего православнаго христіянства общее добро.... и т. д.

(949) Ник. V, 287. Тат. IV, 593. Твер. 496. Воскр. пр. 149. Соф. I, 273 (относ. день кончины къ 18 Февр.) Соф. II, 184.

(950) Михаилъ Борисовичь родился въ 1453 г., Твер. 495. Слѣдовательно при вступленіи на престолъ ему было лѣтъ 8.—Твер. 496: «И сѣль на в. княженіи сынъ его к. в. Михайло Борисовичь, мѣсяца Февраля 15 день; а посадили его малого, полупята году.»

(951) Даніилъ Дмитріевичь Холмскій, знаменитый полководецъ Іоанна III, былъ въ передовомъ полку Московской рати въ походѣ на Казань еще 1469 г. Воскр. пр. 157. Его же посылалъ Іоаннъ III на помощь Пскову въ 1474 г.—Псков. I, 247, 248. Ник. VI, 55. Этотъ же Даніилъ Дмитріевичь далъ 8 Марта 1474 г. клятвенную запись Іоанну III въ томъ, что онъ не отъѣдетъ отъ Московскаго князя. По князѣ Даниилѣ далъ поручную запись Иванъ Никитичь Воронцовъ въ 250 рубляхъ. С. г. г. д. I, №№ 103, 104. Князя же Даніила, вмѣстѣ съ другими своими воеводами, въ 1471 г. послалъ изъ Москвы Іоаннъ III на Новгородъ. Ник. VI, 22. Ни откуда не видно, когда именно князь Холмскій отъѣхалъ изъ Твери въ Москву.

(952) С. г. г. д. I, №№ 88, 89. Іоаннъ III цѣлуетъ крестъ не только къ Михаилу Борисовичу, но также и къ его двоюродному брату, Ивану Юрьевичу Зубцевскому, и къ Михаилу Дмитріевичу (одному изъ Холмскихъ князей, брату того князя Даніила, который былъ въ Московской службѣ,) и затѣмъ вообще къ меньшей братьѣ Михаила Борисовича; Иванъ Юрьевичь и Михаилъ Дмитріевичь называются *братья молодшая* Михаила Борисовича.

(953) Кост. Рус. Ист. II, 251, 252.

(954) Это условіе встрѣчалось и прежде въ договорѣ Бориса съ Василіемъ Темнымъ.

(955) Ник. VI, 22, 25. Тат. V, 16, 18. Твер. 497. Воскр. пр. 161, 163.

(956) Твер. 498. Воскр. пр. 184. Соф. II, 206. Ник. VI, 74, 75. — Во второмъ походѣ Іоанна III упоминаются *Кашинцы, которыя служатъ в. князю.* Ник. VI, 76. Кар. VI, 69 говоритъ: «Въ числѣ ихъ (ратниковъ) находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.» Но изъ договорныхъ грамотъ Твери съ Москвой мы видимъ, что рубежъ Твери, Кашину и Москвѣ назначенъ старый. Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть тѣхъ Кашинцевъ, которые перешли въ службу Іоанна, напр. боярскіе дѣти? Упоминаются и Ружане, которые служатъ в. князю. У Тат. V, 50, 51 прибавлено слѣдующее: «посемъ же (Михаилъ Борисовичь) посылаетъ и ко братіи своей, тогда сущимъ имъ уже въ своихъ отчинахъ, веля ити коемуждо отъ себя къ Новугороду.»

(957) Ник. VI, 75, 76. Тат. V, 51. Воскр. пр. 185. Соф. II, 207. (Имя этого сына боярскаго—Хидырщикъ.) Лотошино — нынѣ село Твер. губ. Старицкаго уѣзда по Волоколамской дорогѣ въ 50 верстахъ отъ Старицы. Спис. насел. мѣстъ, стр. 387. Оно лежитъ на границѣ съ Московской губерніей.

(958) Твер. 498. Объ этомъ упоминается только въ одной Твер. лѣт. — Ульяна, дочь Михаила Холмскаго, въ 1471 г. вышла замужъ за кн. Бориса Васильевича. Соф. I, 275.

(959) Сол. V. 59.

(960) Ник. VI, 69. Тат. V, 47. Воскр. пр. 182, 183. — Иванъ Жито, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ Юріемъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ, водилъ Тверскую рать въ первый походъ на Новгородъ; во второмъ же походѣ Иванъ Никитичь Жито, вмѣстѣ со своимъ братомъ Григорьемъ, предводительствовали Московскими полками. Ник. VI,

79. Впрочемъ, здѣсь въ Ник. VI, 79 фамилія названа не Жито, а Жысть, а у Тат. V, 54 — Жесть. Воскр. пр. 187 — Жито. Соф. II, 209 — Жито. — Въ Твери былъ Семенъ Бокѣй, происходившій отъ князей Ѳоминскихъ. См. род. кп. Врем. 1851. X, 106, 107. — Въ Твери были Григорій да Иванъ Жито, происходившіе отъ Литовскаго выходца Юрья Лазынича. Род. ки. Врем. 1851, X, 115. — Киндырь также происходитъ отъ одного Литовскаго выходца, пріѣхавшаго въ Тверь къ Ивану Михайловичу. ib., стр. 116. Князь Иванъ Киндырь упоминается (въ лѣт. в. к. Лит. 42) въ числѣ другихъ Литовскихъ князей, погибшихъ въ битвѣ съ Татарами на р. Ворсклѣ. См. также Твер. 458.

(**961**) А. З. Р. I, № 79. Мух. № 10.

(**962**) Въ первый бракъ Михаилъ Борисовичь вступилъ въ 1471 году. Твер. 497: «Той же зимы (1471) женися к. в. Михайло Борисовичь Софіею, княжь Семенова дщерь Олельковичь.» Она умерла 1483 г. Февр. 7, причемъ въ Твер. 498 дѣлается невѣрный счетъ времени супружества: «Преставися к. в. Софіа Михаилова, мѣсяца Февраля 7, а была за в. к. Михаиломъ Борисовичемъ 7 лѣтъ.» у Тат. V, 88 ея кончина отнесена ко 2 Апр. 1483 г. — Воскр. прод. 214. — Псков. II, 43, 44. — Срав. Narb. 234, прим. 1. — Тат. V, 90 говоритъ, что Михаилъ хотѣлъ жениться на дочери Казимира. Narb. VIII, 234 пишетъ, будто бы для этихъ переговоровъ Михаилъ Борисовичь ѣздилъ тогда же въ Краковъ и лишь только вернулся въ Тверь, какъ сейчасъ же получилъ объявленіе войны отъ Московскаго князя; при этомъ Нарбутъ ссылается на Метр. Лит. и Сборн. Мух. № 33 (у Нарб. ошибкою выставленъ № 35). Но этотъ разсказъ со стороны Нарбута есть ошибка. Указанный имъ актъ въ Сборн. Мух. напечатанъ также въ А. З. Р. I, № 89, относится къ 1486 г. Въ этомъ актѣ Король Казиміръ извѣщаетъ Іоанна III, что онъ не подастъ помощи Михаилу, прибѣжавшему къ нему послѣ паденія Твери; объ этомъ актѣ упоминается дальше въ этомъ сочиненіи.

(**963**) Соф. II, 236 (относитъ этотъ походъ къ зимѣ 1485 г.) Тат. V, 90 относитъ начало этого похода къ 21 Авг. 1485 г. Но 21 Авг. Іоаннъ III отправился во 2-й походъ на Тверь, Ник. VI, 120. — У Тат. ib. кромѣ того прибавлено, что Михаилъ хотѣлъ «вѣру порудити.» Воскр. прод. 216 такъ неопредѣленно разсказываетъ объ этомъ первомъ походѣ на Тверь, что его скорѣе можно принять за начало разсказа о второмъ, тѣмъ болѣе что при началѣ разсказа выставлено 21 Авг. — Въ Твер. лѣт. объ этомъ первомъ походѣ на Тверь ничего не говорится. Въ ней же подъ 1483 г., въ слѣдъ за разсказомъ о смерти в. к. Софіи Тверской, говорится (въ этой лѣтописи 1483 г. описанъ дважды), что, по случаю сватьбы Ивана Ивановича Московскаго, Иванъ Васильевичь посылалъ подарки въ Тверь: Михаилу Борисовичу, его матери Настасьи и его супругѣ Софьѣ по мѣху вина и по 2 жемчужныхъ убрусца. Вообще въ Твер. 498 событія 1483 перепутаны: сперва говорится о смерти в. к. Софіи, о томъ что она погребена возлѣ в. к. Настасьи, а потомъ говорится о поѣздкѣ въ Кашинъ Михаила Борисовича вмѣстѣ съ матерью, а затѣмъ о подаркахъ, полученныхъ ими всѣми троими. Тутъ же въ Твер. 499 подъ тѣмъ же 1483 г. приводится слѣдующее извѣстіе: «Пріиздилъ въ Тверь съ поклономъ Володимеръ Елизаріевъ сынь; и князь в. Михайло Борисовичь поклона не пріалъ, и выслалъ его вонъ изъ избы, и къ матери ему ити не велѣлъ къ в. княгины Настасіи.»

(**964**) С. г. г. д. I, №№ 119, 120.

(**965**) Слѣдовательно Михаилъ Борисовичь былъ поставленъ въ такое положеніе, въ какое когда-то былъ поставленъ Михаилъ Александровичь послѣ упорной войны съ Дмитріемъ Донскимъ.

(966) Соф. II 236: К. в. Михайло Борисовичь Тферьскый присла владыку и доби ему челомъ на всей воли его: «не зватися ему братомъ, но молодшій братъ, а что назоветъ к. в. земль своими землями и Новоторжскыми, а тѣ земли князю великому; а куда пойдетъ князь великій ратью, и ему съ нимъ же ити за одинъ.» У Тат. V, 90 такимъ образомъ: «что ему не зватися В. Княземъ, но братомъ меншимъ, и безъ слова В. князя ни съ кѣмъ ни ссылатися, ни воеватися, что Князь Великій зоветъ земли своими Торжокъ, и тому быти за В. княземъ; а куды Князь Великій поидетъ на войну, и ему быть снимъ же.»

(967) Ихъ отъѣхало такъ много, что въ Соф. II, 237 даже сказано, что отъѣхали всѣ бояре.

(968) Соф. II, 237.

(969) «Потомъ же князь Михайло Холмскый пріѣздилъ изо Тфери и дядка его.» Соф. II, 237. Какой дядка? Или въ томъ смыслѣ, что онъ по родству приходился четвероюроднымъ братомъ отцу Михаила Борисовича. Или дядька въ смыслѣ воспитателя?

(970) Въ С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.

(971) Соф. II, 237. Ник. VI, 120, 121. Тат. V, 91. Твер. 499, 500. Псков. II, 44, 45. Воскр. прод. 216. Новг. IV, 134, 135.

(972) См. Рус. Ист. Сбор. Погод. V. Мѣстничество, дѣла собр. дѣйств. член. Ивановымъ. Изъ дѣла Василія Зюзина съ окольничимъ Ѳедоромъ Нагимъ, 1501 г., Василій между прочимъ писалъ: «Государь нашъ к. в. Иванъ Васильевичь всея Руси взявши Тверь, да отдалъ ее сыну своему Государю нашему в. к. Ивану Ивановичу, и Государь нашъ к. в. Иванъ Ивановичь Бояръ Тверскихъ, которые были у прежнего своего Государя у в. к. Михайла Борисовича Тверскаго въ Боярѣхъ, тѣхъ и у себя пожаловалъ, въ Боярѣхъ учинилъ, и грамоты свои Государскіе на вотчины ихъ Тверскіе имъ давалъ, а велѣлъ ихъ писати въ грамотахъ Бояры своими.»

(973) У Тат. V, 91 между прочимъ находится такое извѣстіе: «и перенма князь Великій грамоты князя Михаила Тферскаго къ Королю о прежней ссылки, *а болье возмути пришедъ князь Михаилъ Холмскій*, и нача князь Великій збиратися на Тферскаго князя и т. д.» — Въ Супрасл. рук. (въ отдѣлѣ Кіев. лѣт. стр. 138.) изд. Оболенскимъ 1836 г.» 1485. Сент. 12, на память св. мученика Автонома, взя градъ Тферь и все великое княжество Тферьское в. к. Московскій Иванъ Васильевичь, подъ в. княземъ Михаиломъ Борисовичомъ Тѳерьскымъ *израдою своихъ ему бояръ*, самъ же прибеже в Литву с малою дружиною, а матерь его в. княгиню Настасью въ полонъ взяша к Москвѣ, при владыцѣ Тферьскомъ Васьянѣ. И тако скончася в. княженьство Тѳерьское.»

(974) Тат. V, 91, 92.

(975) А. З. Р. I, №№ 89, 218; II, № 35. Мух. № 33, 11.

(976) Сол. V, 61, 62.

(977) Ник. VI, 130. Тат. V, 113.— Имена писцевъ этихъ встрѣчаются также въ духовной грамотѣ Іоанна III, въ С. г. г. д. I, № 144. — Въ перечнѣ русскихъ городовъ, помѣщенномъ въ Воскрес. лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 240—241), не названы Тверскіе города. Въ свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизв. и неизв. памятн. И. И. Сревневскаго помѣщено описаніе одного Сборника XVI—XVII в., хранящагося въ Библ. Петер. Дух. Акад. (IV, 95—100), въ которомъ, по замѣчанію И. И. Срезневскаго, помѣщенъ и перечень городовъ, но съ отмѣнами противу Воскр. лѣтописи, частію очевидно исправляющими напечатанный текстъ. Здѣсь называются и слѣдующіе Тверскіе города: Тферь, Старица, Зубцовъ, Опоки, Городецъ, Клинъ, Кашинъ Скнятинъ. Воскр. прод. 223.

(978) Впрочемъ въ Ник. V, 119 сказано такъ: Косой убѣжалъ въ Кашинъ, и собравша въ Кашинѣ поиде изгономъ къ Вологдѣ. А у Арцыб. II, 184 (неизвѣстно откуда) говорится что Косой въ Кашинѣ получилъ отъ Бориса лошадей, платье и доспѣхи, собралъ человѣкъ 300 дружины.

Мнѣ не удалось достать трехъ книгъ, относящихся по своему содержанію къ Тверскому княжеству: 1) Сурманова историч. свѣд. о Твер. княж. 1778 г. (указана у Фил. рус. Св. Февр. 150, прим. 13). 2) Описаніе Троицкаго Калязина монастыря. Тверь. 1850 г. 3) и какого-то описанія города Старицы, напис. Головинымъ (судя по указ. Снегирева въ 14 тетр. Руск. Старины). Мы имѣемъ слѣдующія извѣстія, которыя какъ будто могутъ указывать на взаимное вліяніе Твери и Литвы: 1) Двѣ Тверскія княжны (Іуліанія Александровна и Анна Ивановна) были замужемъ за Литовскими князьями, изъ которыхъ одна даже заставила своего мужа принять Христіанство (Іуліанія и Ольгердъ). 2) Сахаровъ (въ обозр. рус. археол. въ Зап. Рус. Слав. Арх. I), говоритъ (стр. 128), что Литовскій гербъ — всадникъ на конѣ, ѣдущій на право, подъ снятымъ мечемъ — видимъ на деньгахъ Тверскихъ князей Бориса Александровича и Михаила Борисовича, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 9) замѣчаетъ, что одна только Тверь, по родственнымъ связямъ своихъ князей, сближалась съ Литвою и могла получить Западныя искусства торговымъ путемъ изъ этого края. — Однако на основаніи этихъ фактовъ не рѣшаемся сдѣлать какіе либо особые выводы о взаимномъ вліяніи Твери и Литвы.

Лѣтописи еще хвалятъ Тверитянку Василису Кіасовскую, дочь Ивана Кіасовскаго и его жены Анны. Эта Василиса Кіасовская была замужемъ за кн. Нижегородскимъ Андреемъ Константиновичемъ. Она умерла 1377 г. Она хорошо изучила Ветхій и Новый Завѣтъ, проводила время въ постѣ и молитвѣ, раздавала милостыню, носила власяницу; по смерти своего мужа раздала все свое имѣніе церквамъ, монастырямъ и нищимъ, а сама постриглась въ монастырь. Ник. IV, 78, 79. Тат. IV, 253, 254. О ней упоминается и въ Нижегор. лѣтоп. (Нов. Др. Рос. Вилл. изд. 2-е, т. XVIII, стр. 79), но безъ прибавленія фамиліи Кіасовскихъ.

(979) Фил. Рус. Св. Февр. 147.

(980) Ник. III, 86.

(981) До словъ *тіунъ съ нимъ въ аду* по Розенк. Обозр. Корич. кн. изд. 2-е, стр. 139, гдѣ наставленіе Симеона оканчивается этими словами; а далѣе по Кар. IV, пр. 178. Это наставленіе Симеона, подъ заглавіемъ: *Семена епископа Тфѣрьскаго наказаніе* вошло въ составъ юридическихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрила Праведнаго. Калач. Арх. ист. юрид. свѣд. въ ст. Мѣрило Праведное. Филар. Ист. Рус. Цер. пер. 2-й, прим. 95: Строеву извѣстно *Словцо* Симеона, но неизвѣстно какое. — Галах. Ист. рус. Слов. 71: одно слово Симеона находится въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря. — Въ пам. стар. рус. лит. IV, 185 и въ Зап. II отд. Ак. Н. V, 66, также напечатано это слово Симеона, по объему своему сходное съ напечаннымъ у Розенк.

(982) Ник. III, 85. Лавр. 207. Троицк. у Кар. IV, 174: «Литва воевала Тферскаго Владыки волости, и Олешну и прочіи......» У Филар. Рус. Св. Февр. 147, 148 говорится, что Симеонъ происходилъ изъ рода князей Полоцкихъ, былъ седьмымъ Полоцкимъ епископомъ и что уже до переселенія въ Тверь завѣдывалъ церквами Тверскаго княжества. — Кар. IV, пр. 178: «Тверскій Архимандритъ Макарій въ Житіи (рукописномъ, ib. пр. 248) Св. кн. Михаила Ярославича и Сочинитель Россійской Іерархіи называютъ сего перваго Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы

говорятъ только (тутъ Карамзинъ приводитъ слова лѣтописи о смерти Симеона и отзывъ о его характерѣ).

(983) Ник. III, 85. Тат. IV, 69. Воскр. 119. Твер. 406. Лавр. 227. Ник. III, 85: «Того же лѣта благословеніемъ Епископа, Симеона Тверскаго, к. в. Михайло Ярославичь Тверскій, съ матерью своею в. к. Оксиньею преложили соборную церковь, что была прежде Козма и Доміанъ, и преложиша во имя св. Спаса, что нынѣ Преображеніе, и поставиша каменну.»

(984) О постепенномъ украшеніи Тверскаго соборнаго храма, см. Ник. IV, 283, 284.

(985) Ник. III, 86. Воскр. 179.

(986) Ник. III, 86. Твер. 406.

(987) Ник. III, 88. Воскр. 179. Твер. 406. Тат. IV, 71.

(988) Ник. III, 89. Воскр. 180. Какъ мы выше видѣли, Калита взялъ изъ Твери соборный колоколъ. «Того же лѣта (1338) к. в. Иванъ Даниловичь Калита взялъ изо Твери колоколъ, отъ церкви св. Спаса на Москву.» Ник. III, 170. Тат. IV, 142. — Арист. промышл. др. Р. 117, 118: «при разграбленіи городовъ въ числѣ военной добычи очень часто упоминаются колокола; по этому можно судить, что колоколовъ было не много и ими очень дорожили. Отъ 1284 г. сохранилась даже грамота смоленскаго князя Θедора Ростиславича о судѣ про колоколъ.»

(989) Ник. III, 87, 88. Тат. IV, 71. Воскр. 179. Соф. I, 201. Степ. кн. 386. Андрей былъ сынъ какого-то кн. Герденя. Литовскій князь Гердень уступилъ Летгаллію Гермейстеру въ 1264 г., Рус.-Лив. акты, № XXV. Довмонтъ Псковскій въ одномъ изъ походовъ на Литву убилъ кн. Герденя въ 1267 г. Ник. III. 46. Новг. IV, 40. — Андрей былъ сынъ Герденя-язычника и матери-христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Твер. губ. вѣд. 1854 г. Андрей второй епископъ Тверскій, Бѣлюстина. Срав. прим. 993.

(990) Ник. III, 94.

(991) Ник. III, 97. Лавр. 209. Воскр. 182, 183. Соф. I, 203. Новг. I, 67 Тат. IV, 80.

(992) О Переяславскомъ сборѣ, о еретическомъ ученіи, о клеветѣ Андрея, объ отношеніи кн. Михаила Тверскаго къ этому собору, см. подробнѣе въ приложеніи № 2.

(993) Онъ умеръ въ 1323 г. «1323. Преставись Андрѣй преже бывшии Епискупъ Тверскій, и во своемъ монастырѣ на Шеши у святыя Богородицы, и на заутрие Владыка Варсуновей со священнымъ соборомъ принесоша его во святый Спасъ, и пѣвше над нимъ положиша его въ Святемъ введении Святыя Богородицы, в малой церкви.» Ник. III, 127. Тат. IV, 113. Твер. 414. — У Мак. IV, 213 такимъ общимъ (мужеско-женскимъ) монастыремъ считается Богородичный на Шешѣ. Въ этомъ монастырѣ умеръ еп. Андрей.

(994) Ник. III, 110, 111. Тат. IV, 96. Воскр. 187. Твер. 408, 409, относитъ удаленіе Андрея къ 28 Марту 1316 г., а поставленіе Варсунофія къ зимѣ 1316 г.

(995) Ник. III, 127. Тат. IV, 113. Воскр. 199. Въ Твер. лѣт. (414, 415) о построеніи этой церкви упоминается дважды. Подъ 1323 г. сказано, что она была заложена, а подъ 1325 г. совершена. — Ник. III, 130: «Того же лѣта (1324) Пресвещенный Петръ Митрополитъ Киевскии, і всеа Русии заложи на Москвѣ на площади у своего двора церковь *первую каменну* успеніе св. Богородицы соборныя.......» Она была освящена 4 Авг. 1326 г. Ник. III, 139. Въ Твер. 416 отнесено къ 14 Авг. 1327 г.

(996) Ник. III, 140. Тат. IV, 121 къ 1328 г.

(997) Твер. 417.

(998) Ник. III, 179. Срав. прим. 1009.

(999) Ник. III, 181. Тат. IV, 156.

(1000) Арист. пром. др. Руси, стр. 119: «Впрочемъ мѣдныя двери устраивали и своими мастерами; въ XIII в. Владиміръ Галицкій «двери соліа мѣдяные»; въ 1344 г. въ Тверскомъ соборѣ устроены были мѣдныя золоченыя (?) двери.» Въ 1336 г. владыка Новгородскій Василій устроилъ у св. Софіи двери мѣдныя золоченыя. ib. пр. 373.

(1001) Ник. III, 192.

(1002) Ник. III, 203.

(1003) Ник. III, 211.

(1004) Ник. III, 213.

(1005) Ник. III, 215.

(1006) Ник. III, 211, Тат. IV, 186.

(1007) Ник. III, 214 подъ 1359 г.

(1008) Ник. III, 217. Тат. IV, 192

(1009) Ник. IV, 15. Тат. IV, 208. Воскр. прод. 14. О смерти епископа Θедора I въ 1341 упоминаетъ только одна Ник. лѣтопись; все-таки полагаютъ, что въ Твери были два епископа съ именемъ Θедора, см. Тв. губ. вѣд. 1865, № 2, въ статьѣ: «списокъ святителей, управлявшихъ Тверскою епархіею со времени ея учрежденія до 1804 г.»

(1010) Относимъ это посланіе о раѣ ко времени Θеодора II, потому что во всѣхъ спискахъ Соф. I, подъ 1347, помѣщается посланіе архіепископа Новгородскаго Василія къ владыкѣ Тверскому Θеодору. Соф. I, 226, прим.; самое же посланіе помѣщено въ прибавл. къ Соф. I въ VI т. П. С. Р. Л. стр. 87.

(1011) Ник. III, 217. Тат. IV, 193.

(1012) Объ этомъ говорено было выше въ своемъ мѣстѣ настоящаго сочиненія.

(1013) Ник. IV, 36. Твер. 434. Тат. 228.

(1014) Ник. IV, 40. Тат. IV, 231. Твер. 434. Подъ 1375 г. въ лѣтописяхъ отмѣчено слѣдующее: «1375. И того мѣсяца іюля въ 27, на Тфѣри, въ церкви св. Покрова Богородици предъ иконою сама свѣча загорѣлася: а 29 бысть знаменіе въ солнци. Соф. I, 233.» Воскр. прод. 22 относитъ къ Іюню. Евфимій умеръ 1391 г. Ник. IV, 202. Тат. IV, 365. Воскр. прод. 62.

(1015) Такъ замѣчено у Фил. Рус. Св. Мартъ, 286, въ жизнеописаніи Св. Арсенія (284—293).

(1016) ib. 290.

(1017) Ник. IV, 283, 284.

(1018) Ник. IV, 307. Въ 1405 г. во время пожара за р. Тмакою сгорѣла церковь Іоанна Предтечи. Ник. IV, 313. — 1407 г. заложена колокольня около старой. Ник. V, 9. — Въ 1405 г. въ Твери отъ грома сгорѣла церковь св. Іоанна Богослова. Ник. IV, 314. — «1406. Во Твери подписаша церковь св. Архистратига на горкѣ. Ник. IV, 317». Ник. IV, 284 подъ 1399 г. В. князь Михаилъ Александровичь «паче же горѣниемъ сердца любовь имѣяше ко св. соборней церкви Преображения Господня к ней же и богатства много на украшения ея издая, і верхъ ея чюдне позлати; и тако Божиею благодатию виде ю всяцемъ украшениемъ устроену сущу, и восхотѣ поновити ю, да будетъ якоже и преже егда совершена бысть и убелена, и по повелѣнию его сотвориша *каменосѣчцы* отъ плиты зженыя, и тако поновиша и убелиша якоже изначала древле первого дни совершение и убелѣние имѣюще.»

(1019) Ник. IV, 270. Тат. IV, 386. Соф. II, 129. Ник. IV, 277, 278. Тв. 457. Ник IV, 307. Тат. IV, 412. Филар. Рус. Св. Мартъ, 289, 290.

(1020) Ник. IV, 254. Тат. IV, 375. Сп. нас. м. Тв. губ. XXI.

(1021) Ник. IV, 312, 316. Тат. IV, 420. Воскр. прод. 77. Въ 1407 г. Арсеній прибавилъ притвора отъ р. Тмаки у церкви Пречист. Богородицы, что на Желтиковѣ. Ник. V, 10.

(1022) Вообще жизнь св. Арсенія, см. Филар. Рус. Св. Мартъ, 284—293. Повѣсть о преставленіи блаженнаго Арсенія епископа Тверскаго, Ник. V, 30—32.

(1023) Замѣчаніе о редак. житія Арсенія, у Ключ. древнерусскія житія Святыхъ, стр. 181—184. Г. Ключевскій (стр. 432, 433) говоря, что наши позднѣйшіе составители агіобіографій иногда переносили черты изъ жизни одного святаго на другаго, примѣчаетъ: «такъ случилось, что мирно скончавшійся въ Твери епископъ Арсеній въ канонѣ «мученическимъ увязеся вѣнцомъ,» ибо этотъ канонъ выписанъ изъ службы исповѣднику Өеофилакту.»

(1024) Замѣчаніе Кубарева въ его «изслѣдов. о Патер. Печерск. и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго. 1847.» Стр. 5, 6. Какъ извѣстно, Кубаревъ дѣлитъ рукописи Патерика на 3 разряда: древнѣйшая редакція принадлежитъ Арсенію, епископу Тверскому; вторая редакція — неизвѣстно чья, а третья — инока Кассіана, уставника Печерскаго. Про Арсеневскую редакцію Кубаревъ замѣчаетъ еще слѣдующее: «Жаль только, что составитель, въ Посланіи Симона, всѣ обращенія къ Поликарпу, и въ Посланіи Поликарпа, обращенія къ Акиндину, выпустилъ, удержавъ изъ нихъ одни только житія Святыхъ.»

(1025) Ник. V, 36. Тат. IV, 455. Какъ видно Антоній былъ выбранъ по желанію в. кн. Ивана Михайловича.

(1026) Твер. 488.

(1027) Твер. 493.

(1028) Твер. 491, 492. Епископъ Илья упоминается еще въ жалованной грамотѣ в. к. Бориса и удѣльныхъ Отрочу монастырю. А. А. Э. I, № 34. О томъ, что онъ былъ изъ игуменовъ Желтикова монастыря, см. Списокъ святителей, управлявшихъ Тверской епархіей. Тв. губ. вѣд. 1865, № 2.

(1029) Это посланіе Іоны Тверскому епископу Ильѣ напечатано А. И. № 51, и отнесено къ 1451 — 1452 г. При этомъ епископѣ Ильѣ митрополитъ Исидоръ поѣхалъ на Флорентійскій Соборъ: изъ Твери съ Исидоромъ былъ посланъ Тверской посолъ Өома, убѣжавшій изъ Италіи домой при видѣ отступничества Исидора. Сол. IV, 385. — Сахар. Сказ. рус. нар. Т. 2, кн. 8, Путеш. Сим.Užд. стр. 79: Лице Тверскаго боярина Өомы, какъ русскаго посла, доселѣ остается неразгаданнымъ.

(1030) Твер. 494, 495, 496.

(1031) Твер. 496. Что онъ изъ архимандритовъ Отроча монастыря, см. спис. свят. управл. Твер. епарх. въ Тв. губ. вѣд. 1865, № 2.

(1032) А. И. № 271, отнесена издателями къ 1459 г. На Московскомъ соборѣ 1459 г., протестовавшемъ противъ назначенія Литовскаго митр. Григорія, не было Моисея, что не могло ли быть причиною его дальнѣйшаго низложенія. Срав. Макар. т. VI, кн. I, стр. 40, 41. Сол. IV, пр. 526.

(1033) Твер. 496. Владыка Моисей умеръ въ Отрочѣ монастырѣ въ 1468 г. Твер. 497. Что онъ изъ арх. Отроча монастыря, см. спис. свят. управ. Твер. епархіей, въ Твер. губ. вѣд. 1865, № 2.

(1034) А. И. № 68.

(1035) А. И. № 274.

(1036) А. И. № 69. Геннадій упоминается еще въ лѣтописяхъ подъ 1473 г. Ник. VI, 54. Тат. V, 36. Воскр. прод. 178.

(1037) Тат. V, 51.

(1038) Ник. VI, 105. Тат. V, 75. Воскр. прод. 199.

(1039) Это перечисленіе церквей взято изъ ст. свящ. Лебедева: Бытъ крестьянъ Твер. губ. Твер. у.; въ этой статьѣ помѣщена выписка изъ дозорныхъ книгъ 1614 г.; копія съ которыхъ хранится въ церкви села Кошелева. Эта ст. Лебедева въ Этн. Сбор. Рус. Геогр. Общ. вып. I.

(1040) А. А. Э. I, №№ 5, 34. Тостомля или Гостомля, дер. Зубц. у. при колодцѣ, 52 в. отъ Зубцева. Нынѣ въ Моск. губ. Клин. у. есть село *Воскресенское что на Шошѣ*, при р. Шошѣ, 33 в. отъ Клина, Сп. нас. м. Моск. губ. Въ Твер. губ. вѣд. 1859 есть статья «остатки монастырей въ Твери и ея окрестностяхъ.»

(1041) Горбуновъ, льгот. грам. въ Арх. истор. и практ. свѣд. Калачова, 1860—1861. №№ 1, 5, 6. См. въ ст. I, стр. 2, 3. Сергѣевичъ, вѣче и князь, 345, пр. 34 замѣчаетъ, что по всѣмъ дошедшимъ до насъ жалованнымъ грамотамъ въ пользу частныхъ лицъ, исключенія не простираются на душегубство и разбои. Въ указанной имъ жалов. грамотѣ 1449 г. Марьѣ Копниной и ея сыну — *опроче душегубства*, А. А. Э. I, № 44; а въ грамотахъ напр. подъ №№ 46, 111, 120 — опричь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ. Въ силу жалованныхъ грамотъ монастыри освобождались и отъ платежа различныхъ таможенныхъ пошлинъ.

(1042) А. А. Э. I, № 5 (должна относиться 1362 — 1364, о годѣ, см. примѣч. 637), № 34 отъ 1437 — 1461.

(1043) Сборъ этой чрезвычайной, неминучей дани не совпадалъ ли со временемъ *царевыхъ запросовъ*, какъ это предполагаетъ Горбуновъ. Въ уставной грамотѣ в. к. Василія Димитріевича и митр. Кипріана, 1389 или 1404 г.: «А коли дань дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ.» А. А, Э. I, № 9.

(1044) А. А. Э. I, № 35.

(1045) Въ этой грамотѣ находится еще освобожденіе отъ одной повинности, выраженное въ такой формѣ: «А слободчаномъ (т. е. людямъ монастырскимъ, живущимъ въ монастырскихъ слободахъ) ихъ бору моего В. Князя не косить.» Такой льготы какъ будто не встрѣчается въ грамотахъ Отрочу монастырю: но въ нихъ послѣ перечисленія разныхъ повинностей находится общее выраженіе, что монастырскіе люди освобождаются отъ *службы и дѣла княжаго.*

(1046) А. А. Э. I, № 68. Въ концѣ грамоты прибавлено: «А печаловалася кн. вел. Настасья да кн. Михайло.» Какой Михайло? Не Михаилъ ли Дмитріевичъ Холмскій?

(1047) Таковы грамоты: Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю. А. А. Э. I, №№ 78, 79. Михаила Борисовича Кирилову монастырю. А. А. Э. I, № 116. Доп. А. И. I, № 202. Бориса Александровича Кирилову монастырю. Д. А. И. I, № 184.

(1048) Ник. IV, 289.

(1049) См. жалованныя грамоты въ А. А. Э. I, №№ 5, 34, 35, 78, 79, 116 и въ Доп. А. И. I, №№ 184, 202. Въ нихъ перечисляются различныя должностныя лица, дань, пошлины и повинности.

(1050) Тверскіе намѣстники, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, встрѣчаются въ Бѣжецкомъ Верхѣ; во Ржевѣ, гдѣ ихъ было двое, въ Кашинѣ. Твер. 431 подъ 1371 г.; 493 подъ 1446 г.; 495 подъ 1452 г. Названіе Кашинскихъ намѣстниковъ встрѣчается также и въ грамотѣ А. А. Э. I, № 79.

(1051) Твер. 493, 494.

(1052) Твер. 495.

(1053) «Намѣстникомъ моимъ Кашинскимъ и ихъ тіуномъ на тѣ дворники пристава не давати.» А. А. Э. I, № 79. «А намѣстникомъ, ни волостелемъ, на ихъ люди пристава не давати.» ib. № 35.

(1054) Ср. Серг. 372, 373.

(1055) ib.

(1056) Встрѣчается только одинъ разъ въ А. А. Э. № 35.

(1057) Серг. 374. А. А. Э. №№ 5, 34, 35. По мнѣнію Сергѣевича 374, 376 эти два наименованія, старосты и сотскіе, служатъ для обозначенія одной и той же власти.

(1058) Грамота (№ 34) говоритъ, между прочимъ, что крестьянамъ не надобна «ни служба, ни дѣло княже, ни дворскіи ни старосты отъ ихъ не заимаютъ нипрочто.» Въ грамотѣ (№ 35): «А дворьскимъ, ни соцкимъ, ни старостамъ, тѣми люди не наряжать.» Въ грам. (№ 5): «...... ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи ни старосты атъ ихъ не займаютъ ни прочто.» Сер. 375.

(1059) Въ родослови. встрѣчается названіе *дворецкаго*; такъ про одного изъ Левашовыхъ, Ивана, замѣчено въ род. что онъ былъ дворецкій во Твери. Врем. 1851. X, стр. 118.

(1060) Дворяне были и монастырскіе. Въ случаѣ смѣснаго суда монастырскихъ людей съ волостными «дворянъ даеть тотъ на чьемъ ищють.» А. А. Э. I, № 5, 34. Были также и тіуны монастырскіе. ib. Въ жалованныхъ грамотахъ упоминаются дворяне у намѣстниковъ и даже ихъ тіуновъ; эти, конечно, принадлежали къ рабамъ. Сер. 354, пр. 8.

(1061) Посельскіе были и монастырскіе. Въ случаѣ смѣснаго суда монастырскихъ людей съ волостными, «судить монастырскіи тивунъ съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими судьями.» А. Э. I, № 5, 34. Встрѣчается прикащикъ архимандричь, ib, № 34. Посельскій назначается изъ рабовъ. Сер. 381.

(1062) Неволинъ, П. С. С. VI, 107. Этотъ же чиновникъ, кажется, назывался *бѣльщикомъ*, можетъ быть потому, что при такой описи лица, ей подлежавшія, должны были платить ему извѣстную пошлину, которая называлась *писчею бѣлкою*. ib.

(1063) Нев. ib. 107.

(1064) Подлазчикъ и бобровникъ въ жал. грамотахъ Твер. князей упоминаются только одинъ разъ, А. А. Э. I, № 35.

(1065) Ср. Серг. 376. Невол. П. С. С. VI, 107: «Данники, даньщики, бѣльщики. Они собирали вообще такъ называемыя нынѣ прямыя подати. Впрочемъ, слово даньщикъ, какъ и дань, употреблялось въ обширнѣйшемъ значеніи и означало всякаго вообще сборщика казенныхъ доходовъ. Эти же люди могли называться и бѣльщиками, отъ того, что подати сбирались отчасти бѣлками.» Нев. ib. 108 слово *гостинники* объясняетъ такъ, что они имѣли дѣло съ гостями или пріѣзжими торгующими лицами. Но вѣдь и вообще всякій пошлинникъ имѣлъ дѣло съ гостями. Но въ договорѣ Новгорода съ в. к. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ (С. г. г. д. I, № 18) есть слѣдующее условіе: «А в Русѣ и въ Торжку имати у Тферичь *гостинное* по старинѣ; а во Тфери у Новгородцевъ и у Новоторжцевъ имати *гостинное* и мытъ по старинѣ. А гостю гостити всякому съ обѣ сторонѣ, путь чистъ безъ рубежа.» Здѣсь гостинное отличается отъ мыта, и кажется вообще изъ этого условія можно вывести заключеніе, что гостинное бралось за складъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ. Ср. Арис. Пром. 225.

(1066) Ср. Невол. ib. 107.

(1067) А. А. Э. I, № 78. Также № 116: «Мои мытники и таможники и заказщики и всѣ пошлинники.» Также Д. А. И. I, № 202: «Мои мытники, и таможники, и закащики и вси пошлинники.»

(1068) Ср. Серг. 376, 377. Если иногда въ памятникахъ говорится, что намѣстники и волостели собираютъ пошлины, то это значитъ, что князь пожаловалъ имъ ту или другую пошлину для увеличенія ихъ содержанія. ib.

(1069) Дани, пошлины и повинности взяты изъ тѣхъ же жалованныхъ грамотъ Тверскихъ князей, изъ которыхъ взяты и свѣденія касательно должностныхъ лицъ, а потому здѣсь не будетъ дѣлаться ссылокъ въ отдѣльности на каждую грамоту.

(1070) Осокинъ, внутр. тамож. пошл. въ Россіи, 5, 6: «До ига Монгольскаго мы имѣемъ немного извѣстій о таможенныхъ пошлинахъ. Со второй половины XIII, а особенно съ XIV столѣтія, таможенные сборы сдѣлались гораздо значительнѣе и разнообразнѣе, а съ конца XV стол. мы находимъ уже въ источникахъ уставныя таможенныя грамоты. Монголы имѣли рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе таможенныхъ пошлинъ у насъ; они даже ввели важнѣйшую изъ нихъ — тамгу.» — На городскихъ и волостныхъ людяхъ относительно князя были еще и такія повинности: для ловли рыбы они набивали на рѣкахъ ѣзы; бобровникамъ, псарямъ и всѣмъ княжескимъ ловчимъ отводили квартиры для постоя, снаряжали подводы для дальнѣйшаго слѣдованія, давали кормъ во время остановокъ, мясники давали мясо для корма княжескихъ соколовъ и проч.; эти натуральныя повинности переводились иногда на деньги. Сергѣев. вѣче и князь, 382. — Еще Древляне говорили Ольгѣ о данѣ медомъ и скорою. Лавр. 25. — Въ своихъ завѣщаніяхъ Московскіе князья перечисляютъ съ точностію мѣстности, въ которыхъ находились бортныя ухожаи, и съ такой же точностію распредѣляютъ ихъ между своими дѣтьми, дѣлятъ на классы бортниковъ, которые находились въ ихъ владѣніяхъ; вообще князья обращали большое вниманіе на доходы медовые: можно думать, что они были значительны. Арис. пром. 33. У Сол. IV, 200, ѣзовое считается пошлиною съ рыбныхъ ловель.

(1071) В. Е. 1874. № 3. Кулишъ, Польская колонизація Юго-западной Руси, стр. 23. Со всего, что промышленники добывали на нижнихъ частяхъ Днѣпра, «они были обязаны давать Кіевскому воеводѣ десятую часть; а когда сверху или снизу привозили въ Кіевъ просольную, вялую или свѣжую рыбу, то отъ бочки соленой рыбы воеводскій урядникъ, называвшійся осминикомъ, бралъ на городъ (т. е. на воеводскій замокъ) по шести грошей, а со свѣжей — десятую часть.» Сравн. Солов. V, 234, 235.

(1072) Объясненіе пошлинъ и повинностей составлено на основаніи соч. Осокина (внутр. тамож. пошл. въ Рос.), Горбунова (Льгот. грам. въ Арх. ист. практ. свѣд. Калач. 1860 — 1861, №№ 1, 5, 6, по 2-й ст.), Аристова (пром. древн. Р. гл. IV, парагр. 4.). Въ Акад. Слов. съзорное объясняется пошлиною за сборъ сорныхъ травъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться.

(1073) Напр. въ жалов. грамотѣ в. к. Тверскаго Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю, А. А. Э. I, № 79, говорится: «ино тѣмъ людемъ не надобѣ...... никоторыя пошлины, ни каковы тяготы...... никоторые проторы ни розметъ.» Или въ жалов. грам. в. к. Тверскаго Бориса Александровича Отрочу монастырю, А. А. Э. I, № 34, говорится:» ненадобѣ имъ никоторая дань..... ни иной никоторой пошлины къ городу ни къ волостемъ,»

(1074) Ник. IV, 287. Андрей Васильевичь Меньшой въ своемъ духовномъ завѣщаніи (пис. около 1481 г.) говоритъ: «А что есми въ своей вотчинѣ на Вологдѣ въ городѣ прибавилъ пошлинъ въ тамзѣ и въ иныхъ пошлинахъ, или будутъ мои *пошлинъники что прибавили пошлинъ*; и Господинъ бы мой Князь Велики пожаловалъ учинилъ пошлины всѣ по старинѣ, какъ было при моемъ отцѣ при В. Князи.»

(1075) С. г. г. д. I, № 1. — Зап. И. А. О. XII, 1865. Прозоровскій, монета и вѣсъ въ Россіи. Стр. 706. Мордка — единица кунной системы: а) въ Новгородѣ въ

XV в. равнялась 2 четверетцамъ, 10 лбецамъ, 20 векшамъ и стоила $20\frac{20}{27}$ коп. нынѣшнею монетою; б) во Псковѣ, тогда же, по приблизительной оцѣнкѣ, стоила $\frac{11}{12}$ деньги, или 3 (съ дробью) коп. нынѣшней монетой. Стр. 703. Векша — самая малая единица цѣнности въ кунной системѣ; цѣна ея въ $1\frac{1}{27}$ коп. *Деньга* — основная единица цѣнностей съ XIV до XVIII в. Въ Новгородѣ 1 деньга = $3\frac{47}{81}$ до $5\frac{169}{243}$ копеекъ нынѣшнихъ. *Алтынъ* — счетная единица въ 6 денегъ. При Петрѣ Великомъ алтынъ былъ въ 3 коп.

(1076) С. г. г. д. I, №№ 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15, 8.

(1077) ib, №№ 5, 17, 18.

(1078) С. г. г. д. I, № 28 Въ договорахъ Новгородскихъ, С. г. г. д. I, №№ 12, 14, не говорится о пошлинахъ, а говорится о томъ, что Тверь должна ворота отворить и хлѣбъ пустить въ Новгородъ.

(1079) С. г. г. д. I, № 20, пис. въ Авг. 1471 г.

(1080) ib. № 28.

(1081) А. А. Э. I, № 14.

(1082) Промытъ — шестьдесятъ равнялся шести алтынамъ или 36 деньгамъ XV в. Промытъ—шестьдесятъ существовалъ въ раннее время и, вѣроятно, равнялся 60 векшамъ, которыя соотвѣтствовали въ XV в. 6 алтынамъ или 36 деньгамъ. Арист. пром. 223, пр. 698. Въ жалованной грамотѣ в. к. Рязанскаго Олега Ивановича Ольгову монастырю, 1356—1387, говорится, что князь пожаловалъ Арестовское село «съ винами, и съ поличьнымь, и съ рѣзанькою, и съ *шестью-десятъ* и со всѣми пошлинами....» А. И. I, № 2.

(1083) С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.

(1084) А. З. Р. I, №№ 33, 51, 79.

(1085) Твер. 469; о Михаилѣ Александровичѣ: «но вся, елико имѣаше, и симъ подавъ родомъ вашимъ, *дружинѣ* своей...... и *дворъ* его день отъ дне множайше крѣпляшеся.»

(1086) Соф. I, 211. Воскр. 192.

(1087) Воскр. 194. Соф. I, 212.

(1088) «Удалиша отъ мене *дружину мою.*» Соф. I, 212. Воскр. 193.

(1089) Воскр. 195. Соф. I, 213.

(1090) Воскр. 196. Соф. I, 214.

(1091) Ник. III, 123. Тат. IV, 108. Воскр. 197. Соф. I, 215.

(1092) Ник. III, 163. Тат. IV, 134. Твер. 418.

(1093) Ник. III, 167. Тат. IV, 139. Твер. 419.

(1094) Ник. III, 168, 169. Тат. IV, 141, 142. Твер. 420.

(1095) Ник. III, 184. Тат. IV, 159.

(1096) Ник. III, 196 подъ 1351 г.

(1097) Ник. III, 211 подъ 1357 г.

(1098) Ник. IV, 291.

(1099) Ник. IV, 292.

(1100) Ник. V, 43. Тат. IV, 460.

(1101) Ник. V, 44 подъ 1412 г. Тат. IV, 461.

(1102) Ник. VI, 69. Тат. V, 47. Воскр. прод. 182, 183.

(1103) Ник. VI, 75. Соф. II, 207.

(1104) Ник. III, 95. Лавр. 208. Воскр. 181. Тат. IV, 78.

(1105) Твер. 468, 469: «Сладокъ же бѣаше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многоцѣнныхъ, но вся, елико имѣаше, и симъ подавъ родомъ вашимъ,

дружинѣ своей (былъ ко всѣмъ безпристрастенъ). Сего ради зѣлно мнози служаху ему, и синове сильныхъ прилагахуся ему, и дворъ его день отъ дне множайше крѣплятеся.»

(1106) Ник. IV, 297. Тат. IV, 401. У княгинь Тверскихъ, какъ мы выше видѣли, были свои бояре и слуги. Ник. III, 184. Тат. IV, 159.

(1107) Ник. IV, 289.

(1108) П. С. Р. Л. IV, 357, 358.

(1109) Ник. III, 34. Тат. IV, 24. Воскр. 160.

(1110) Твер. 489.

(1111) Твер. 491.

(1112) Ник. IV, 44. Тат. IV, 235. Соф. I, 234. Воскр. прод. 23. По лѣтописямъ въ Твери упоминаются *киличеи;* такъ в. к. Иванъ Михайловичь посылаетъ *киличея* Ѳедора Гурленя и Константина въ орду. Киличеи или мечники, см. у Сол. III, 334.

(1113) Во Времен. 1851, X, напечатана родословная книга по 3 спискамъ, изъ которыхъ синодальный писанъ при Васильѣ Шуйскомъ, списокъ обозначенный буквою А при Ѳедорѣ Ивановичѣ, списокъ Б при Иванѣ Васильевичѣ. Здѣсь будутъ указываемы только страницы этой родосл. книги.

(1114) Ник. III, 25.

(1115) Ник. III, 50.

(1116) Московскій Сборникъ 1847. Соловьевъ, о мѣстничествѣ, 273, 275, 277.— Василій Зюзинъ подавалъ свою челобитную Іоанну III, потому что мѣстничался съ однимъ изъ Нагихъ, предки котораго также служили въ Твери: «Государю князю Ивану Васильевичу Московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, Государь, бити у твоего Государева дѣла передъ тобою, Государемъ, въ Окольничихъ Ѳедору Нагому, да мнѣ холопу твоему. Милостивый Государь, покажи милость, пощади холопа своего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой въ Твери меньши дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ* и т. д.» Далѣе слѣдуетъ родословная Зюзина въ его челобитной. Москвит. 1843. № 1. Матеріалы для рус. ист. Свидѣтельства о мѣстничествѣ до Іоанна III, Погодинъ.

(1117) Сол. I, 249.

(1118) Илов. Ист. Ряз. княж. 120. Одинъ изъ этихъ троихъ былъ умерщвленъ своими родственниками. ib. Сергѣевичь указываетъ на разницу между постоянною должностью тысяцкаго и должностью ратныхъ воеводъ, которая была временною; воеводы назначались на извѣстный походъ, предводительствовали какъ служилыми людьми князя, такъ и охотниками изъ народа, число воеводъ зависѣло отъ усмотрѣнія князя, такъ что учрежденіе воеводъ оставляло гораздо большую свободу волѣ князя, чѣмъ учрежденіе тысяцкихъ, — этимъ различіемъ и объясняется уничтоженіе должности тысяцкаго. Когда въ 1374 г. умеръ въ Москвѣ тысяцкій Василій Васильевичь, то в. к. Димитрій не назначилъ ему преемника. Въ Воскр. лѣт. подъ 1374 г. находимъ извѣстіе о кончинѣ послѣдняго Московскаго тысяцкаго; эпитетъ «послѣдній» указываетъ на то, что Московскіе князья не назначали болѣе тысяцкихъ, а довольствовались воеводами. Серг. 401, 402.

(1119) О Синей Ордѣ можно найти замѣчанія въ соч. Савельева о монетахъ Джуч. Джаг. Джел. 158—161: Улусъ Джучіевъ раздѣлился на двѣ орды, изъ которыхъ за первою сохранилось, у насъ и у персидскихъ писателей, названіе «Золотой» Орды, а вторая прозывалась у нашихъ предковъ «Синею» по имени Синяго (Аральскаго) моря, а у мусульманъ извѣстна подъ именемъ «Бѣлой», тогда какъ Золотая Орда, напротивъ, называется у нихъ «Синею». Въ Синюю Орду входилъ и улусъ

Шейбановъ, «Шибанскіе Татары» нашихъ лѣтописей. Объ исторіи Синей Орды, какъ династіи Шейбановой, такъ и Орда-Ичeновой, мы весьма мало знаемъ, такъ что не можемъ даже составить полнаго достовѣрнаго хронологическаго списка государей этихъ двухъ династій. По смерти Джучи, старшему изъ его сыновей, Орда-Ичену, данъ былъ улусъ на Сыръ-Дарьи, съ подчиненіемъ его однакоже власти Бату (Батыя), втораго сына, которому отдана была Золотая Орда.—Бѣляевъ, геогр. свѣд. 59: Подъ Синей Ордой Русскіе въ XIV вѣкѣ разумѣли всѣ Татарскія владѣнія за Яикомъ.

(1120) Ник. III, 121. Тат. IV, 107.

(1121) Окольничій кажется въ первый разъ встрѣчается при Симеонѣ Гордомъ; въ договорной грамотѣ этого князя съ братьями въ числѣ подписавшихся на ней былъ и Онанья окольничій. С. г. г. д. I, № 23. Сол. IV, 218.

(1122) Въ межевой грамотѣ в. к. Іоанна III, писанной около 1504 г., упоминается Дмитрій Хидырщиковъ, какъ владѣлецъ сельца Перескокова въ Клинской волости. С. г. г. д. I, № 141, стр. 385.

(1123) Ник. VI, 75, 76. Соф. II, 207. Воскр. прод. 185. Тат. V, 51 (Хидырщинъ).

(1124) Вотъ мнѣнія различныхъ ученыхъ о происхожденіи дѣтей боярскихъ. Сол. IV, въ главѣ о внутр. сост. Рус. общ. отъ кончины Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины в. к. Василія Темнаго, стр. 219: «Младшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ большей части памятниковъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ *дѣти боярскіе*, — названіе, показывающее ясно, изъ кого составлялся этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскіе имѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права отъѣзда и волостей.» — Павловъ, объ истор. знач. царств. Бор. Год. стр. 50: «Есть поводъ думать, что собственно дѣтьми боярскими назывались древле сироты боярскіе, которые, по обычаю изгойства, бывъ исключены изъ своего родоваго наслѣдства, искали за жалованье службы, либо у князей, либо у бояръ, какъ болѣе сообразной съ ихъ честью, воспитаніемъ, привычками и образомъ жизни.» Ср. также ib. пр. 51. — Бѣляевъ, служилые люди (Врем. 1849. № 3, стр. 2, 19, 20, 21, 22): «Въ договорной грамотѣ в. к. Василія Васильевича съ к. Васильемъ Ярославичемъ (1433) въ первый разъ встрѣчаются *боярскіе дѣти*. — Со времени Василія Темнаго въ значеніи имени бояръ произошла значительная перемѣна. Давно уже слово бояринъ означало не только сословіе и достоинство первенствующихъ сановниковъ въ государствѣ, совѣтниковъ государя и главныхъ начальниковъ въ войскѣ; такъ еще въ договорной грамотѣ в. к. Семена Ивановича 1341 г. бояре и окольничіе упоминаются какъ сановники, а не какъ сословіе; потомъ, для отличія сановниковъ отъ сословія бояръ, первыхъ стали называть *большими боярами*. — Наконецъ при Васильѣ Темномъ принято было правиломъ: имя бояринъ оставить только за первенствующими сановниками, или за большими боярами; все же боярское сословіе стали называть *боярскими дѣтьми*. Эта значительная перемѣна въ названіи въ первый разъ встрѣчается въ договорной грамотѣ Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1433 года. — Вѣроятно, таковая перемѣна произошла въ слѣдствіе большаго *размноженія боярскихъ родовъ*, а потому многіе боярскіе роды въ дальнѣйшихъ своихъ отросляхъ *обѣднѣли* и затерлись въ службѣ, такъ что рѣзко уже стали отличаться отъ бояръ сановниковъ; собственно же сановники возвысились въ своемъ значеніи. Впрочемъ эта замѣчательная перемѣна въ имени была введена только въ одномъ Московскомъ государствѣ и его удѣлахъ; другія же великія княжества не всѣ признавали это-

нововведеніе. Такъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ съ Тверскими князьями нѣтъ и помину о боярскихъ дѣтяхъ, тамъ вездѣ встрѣчаются только бояре и слуги. — ..... вездѣ (въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ) ясно говорится о боярскихъ дѣтяхъ, какъ о первомъ классѣ служилыхъ людей, именно о томъ, который до Василья Васильевича былъ извѣстенъ подъ именемъ бояръ. А потому *боярскихъ дѣтей*, встрѣчающихся въ разныхъ актахъ и лѣтописныхъ извѣстіяхъ съ 1433 г. по 1566 г., *нельзя смѣшивать съ боярскими дѣтьми*, упоминаемыми въ послѣдующее время. — Наконецъ между 1565 и 1566 гг. названіе *боярскихъ дѣтей* для обозначенія перваго служебнаго сословія, было рѣшительно замѣнено названіемъ *дворянъ;* именемъ же боярскихъ дѣтей начали означать *низшій классъ служилыхъ людей.»* Что касается до Твери, то *боярскіе дѣти* не упоминаются въ договорныхъ грамотахъ Тверскихъ князей, но вѣдь этихъ договорныхъ грамотъ дошло до насъ отъ времени послѣ 1433 г. сравнительно немного (въ С. г. г. д. I, №№ 76, 77, 88, 89, 119, 120). Притомъ напр. въ двухъ взаимныхъ договорныхъ грамотахъ Іоанна III съ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ (С. г. г. д. I, №№ 119, 120) съ той и другой стороны упоминаются только бояре и слуги, и не говорится о боярскихъ дѣтяхъ. (А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля); если въ числѣ Тверскаго служилаго сословія не упоминаются здѣсь боярскіе дѣти, то отчего они также не называются въ числѣ Московскихъ служилыхъ людей, гдѣ таковое нововведеніе признавалось? Да и притомъ, признавали или не признавали Тверскіе князья боярскихъ дѣтей въ числѣ служилыхъ людей у себя, но дѣло въ томъ, что жизнь уже выработала это сословіе, и Тверскіе боярскіе дѣти въ лѣтописяхъ называются рядомъ съ боярами. Такъ напр. подъ 1476 г. въ лѣтописяхъ говорится: «Пріѣхаша къ в. к. Івану Васильевичу со Твери служити мнози бояря и дѣти боярские, Григорей Никитичь, Іванъ Жито, Василей Даниловъ, Василей Бокѣевъ, три Карповичи, Дмитріи Киндыревъ и иные многиі.» (Ник. VI, 69. Тат. V, 47. Воскр. пр. 182, 183.)—Въ сочиненіи Сергѣевича «Вѣче и князь» мы находимъ слѣдующія соображенія и замѣчанія о боярскихъ дѣтяхъ: «Мы встрѣчаемся съ дѣтьми боярскими, какъ особымъ слоемъ, непосредственно слѣдующимъ за боярами (39). Въ ихъ рядахъ (слугъ низшаго рода) мы нерѣдко встрѣчаемъ и сыновей лицъ, пользовавшихся самымъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Даже бояре отдавали своихъ дѣтей въ услуженіе князьямъ въ качествѣ дворныхъ слугъ.... Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ, менѣе именитыхъ, усвоилось названіе *дѣтей боярскихъ....* Какъ часть вмѣсто цѣлаго, выраженіе «дѣти боярскіе» употреблялось иногда для обозначенія дворянъ вообще, и на оборотъ—подъ дворянами надо разумѣть и дѣтей боярскихъ; но когда лѣтописецъ хотѣлъ быть точенъ въ своихъ перечисленіяхъ, назвавши дѣтей боярскихъ, онъ прибавлялъ: «и вси дворяне», т. е. и всѣ остальные дворяне, какого бы они происхожденія ни были. По первоначальному смыслу — «дѣти боярскіе» суть ничто иное, какъ сыновья бояръ. (354, 355 и прим. 11) Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя..... Согласно съ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ наименованій въ войскахъ князя встрѣчаемъ: въ древнѣйшее время — отроковъ, дѣтскихъ, гридей; въ болѣе позднее — дворянъ и дѣтей боярскихъ. (392).» Спустя значительное время по окончаніи настоящаго сочиненія мнѣ удалось достать библіографически рѣдкую VI кн. Архива историч. и практич. свѣд. Калачова (1860—1861) 1869 г. Въ этой книгѣ помѣщается третья глава сочиненія г. Горбунова о льготныхъ грамотахъ монастырямъ и церквамъ. Здѣсь (стр. 5, 6) г. Горбуновъ, — приводя мнѣнія Татищева, Миллера, Успенскаго, Карамзина, Рейца, Погодина о происхожденіи боярскихъ дѣтей, — самъ, на основаніи соглашенія двухъ мнѣній гг. Бѣляева и Гагемей-

стера, замѣчаетъ, что «..... съ начала XV в. отъ большаго размноженія боярскихъ родовъ,—такъ какъ многіе боярскіе роды въ дальнихъ своихъ отрасляхъ обѣднили и потеряли равное съ знатными боярами въ службѣ значеніе, — имя бояръ стало означать только первенствующихъ сановниковъ, все же остальное боярское сословіе стало называться *боярскими дѣтьми....*»

(1125) Ник. VI, 22, 25, 69. Тат. V, 16, 18, 47. Твер. 497. Воскр. пр. 161, 163, 182, 183.

(1126) Бѣл. Служилые люди (Врем. 1849. № 3): *Служилые князья* — этотъ классъ служилыхъ людей образовался изъ Русскихъ и чужеземныхъ владѣтельныхъ князей, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ утратившихъ свои владѣнія и поступившихъ на службу къ какому либо князю. Такъ у Юрія Даниловича уже служилъ кн. Ѳедоръ Ржевскій, котораго онъ въ 1314 г. посылалъ въ Новгородъ. Духовная грамота Василья Дмитріевича 1406 г., князей состоящихъ въ службѣ, называетъ уже боярами. Значитъ, служилые князья были въ одномъ разрядѣ съ боярами. Но относительно правъ на вотчины есть значительная разница между боярами и служилыми князьями; служилые князья, переходя изъ службы одного государя къ другому, лишались своихъ вотчинъ, какъ объ этомъ прямо говоритъ договорная грамота (1433 г.) Василья Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ. ib.—Впрочемъ еще раньше, въ 1428 г. въ договорѣ Василія Васильевича съ Юріемъ Галицкимъ встрѣчается условіе: «*А князей ти моихъ служебныхъ* съ вотчиною собѣ въ службу не примати.» С. г. г. д. I, № 43.

(1127) С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.

(1128) А. Э. I, № 33. С. г. г. д. I, №№ 76. 77.

(1129) А. Э. I, № 34. 5.

(1130) А. З. Р. I, № 33, 1427 г. Договоръ Бориса Александровича съ Витовтомъ: «А дядемъ моимъ (т. е. Борисовымъ) и братьи моей и племени моему, княземъ, быти въ моемъ послусѣ.» Кто изъ нихъ отойдетъ къ Витовту, тотъ отчины лишается. О служилыхъ князьяхъ, продавшихъ свои права Московскому князю, Бестужевъ-Рюминъ (Рус. Ист. 439) замѣчаетъ слѣдующее: «Въ своихъ вотчинахъ, состоявшихъ часто изъ однихъ селъ, они пользовались однако полною властью, по крайней мѣрѣ ограниченія неизвѣстны: они были обязаны службою, уступали извѣстные доходы, но распоряжались въ вотчинѣ, какъ хотѣли.»

(1131) Ср. Сергѣевичь, 393, 394. Сол. IV, 216.

(1132) А. З. Р. I, №№ 51, 79.

(1133) С. г. г. д. I, № 28.

(1134) С. г. г. д. I, №№ 76, 77.

(1135) С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120. Въ послѣднихъ двухъ договорахъ, т. е. №№ 119, 120, выпущены только слова *кого ми Богъ поручилъ.* Въ договорѣ Михаила Александровича съ Василіемъ Дмитріевичемъ (А. Э. I, № 14) встрѣчаются такія же условія касательно отъѣхавшихъ бояръ и слугъ, какъ и въ другихъ вышеприведенныхъ договорахъ Твери съ Москвой, но вмѣсто статьи о служебныхъ князьяхъ находится такая статья: «А кто *моихъ* (т. е. Васильевыхъ) *князей* отъѣдетъ къ тобѣ, *кого ми Богъ поручилъ* и моей братьи молодшей, и въ тѣхъ ти вочины не вступатись, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ братаничемъ, ни подъ нашею братьею меншею, ни подъ нашими дѣтми.» Сол. IV, 23 по этому поводу замѣчаетъ: «Въ первый разъ Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братьи Богъ поручилъ.

(1136) С. г. г. д. I, № 28.

(1137) Это см. въ С. г. г. д. I, № 10. Объ одномъ мѣстѣ изъ договорной грамоты в. к. Тверскаго Александра Михайловича съ Новгородомъ (№ 15, С. г. г. д. I) говорилось выше при смѣсномъ владѣніи въ Новоторжской области въ 1 гл. настоящаго сочиненія.

(1138) С. г. г. д. I, № 18. Такъ какъ здѣсь говорится вообще о Тверитянахъ, то подъ ними можно разумѣть также и бояръ и слугъ княжескихъ.

(1139) Ник. III, 211. Тат IV, 186.

(1140) А. Э. I, №№ 5, 34, 35. Едва ли не въ первый разъ въ грам. № 5 встрѣчается названіе *сироты*. Въ грам. Константинов. мон. 1391 г. также *сироты*. Бѣл. кр. 7. Грамота № 5 пис. 1362—1364 гг.—Напр. ихъ земль Св. Устрѣтенья въ моей вотчинѣ В. княженьѣ, и кто на тѣхъ земляхъ живетъ сиротъ, или въ городѣ слободка Ерусалимьская, и тѣмъ ихъ сиротамъ.... ib. № 35

(1141) А. Э. I, № 34. Но не встрѣчается названіе становыхъ людей, какъ напр. въ жалов. грамотѣ в. к. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю Янв. 1488 года, въ А. А. Э. № 122. (А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ съ городскими людми, или становыми и т. д.) или слово *станъ* встрѣчается въ жалов. грамотѣ в. к. Іоанна Даниловича людямъ Новгородскаго Юрьева монастыря, живущимъ на Волокѣ, 1338—1340, въ А. А. Э. № 4 (далъ есмь имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ который проторъ.) Или въ жалов. грамотѣ (А. А. Э. I, № 17) Нижегород. кн. Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю, 1410—1417 говорится: «а тутошнихъ людей становыхъ игуменъ въ монастырь не примаетъ.» А въ жалов. грамотѣ (А. А. Э. I, № 20) в. к. Василія Дмитріевича Митрополиту Фотію 1421 г.: «а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему Митрополиту не пріимать.» Соловьевъ IV, гл. 3 въ обзорѣ внутр. сост. рус. общ. отъ кончины Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины Василія Темнаго, стр. 255, замѣчаетъ, что въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣлялся на волости, волости на станы, станы на околицы. Градовскій (мѣстн. управл. 261) замѣчаетъ, что это мнѣніе не подтверждается источниками, но напротивъ грамоты перечисляютъ станы наравнѣ съ волостями; нѣкоторыя жалованныя и другія грамоты говорятъ о волостныхъ людяхъ; другія, напротивъ, вмѣсто нихъ упоминаютъ о становыхъ людяхъ.

(1142) А. Э. I, № 78.

(1143) А. Э. I, № 79.

(1144) А. Э. I, № 34.

(1145) А. Э. I, № 5, 34. Напр.... и слугамъ монастырьскимъ, и ключникомъ, и волнымъ людемъ, ненадобѣ имъ никоторая дань и т. д. Бѣляевъ, крестьяне на Руси, стр. 36: Нетяглые или вольные люди тѣ, которые не были прямыми членами ни какой общины: таковы были всѣ захребетники, дѣти при отцахъ, приемыши и приходящіе работники и подсусѣдники: они знали не общину, а того, за кѣмъ жили, и онъ уже отвѣчалъ за нихъ передъ общиною.

(1146) А. Э. I, № 35.

(1147) А. Э. № 78. Въ грамотѣ Троицкому Серг. монастырю. Вообще см. жалов. грамоты Тверскихъ князей въ А. Э. I, №№ 5, 34, 35, 78, 79.

(1148) Сол. V, 210: «Соха измѣнялась по соображенію съ различными условіями: въ краяхъ, гдѣ земледѣліе составляло главный промыслъ жителей, объемъ сохъ расширялся; въ краяхъ ремесленныхъ или торговыхъ сокращался; потомъ соха соразмѣрялась съ качествомъ почвы: въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то

средней 1000, а худой 1200 четвертей.» О сохѣ см. Невол. VI, 450, прим. 38. Лешковъ, рус. нар. и госуд., о сохѣ Новгородской и Московской, объ обжѣ, коробьѣ, выти, стр. 333, 334, 231, 232. Бѣляевъ, крестьяне на Руси, о сохѣ и выти, стр. 48, 192.

(1149) Сол. IV, 260, 258.

(1150) С. г. г. д. I, № 28.

(1151) С. г. г. д. I, №№ 76, 77.

(1152) С. г. г. д. I, №№ 88, 89, 119, 120.

(1153) С. г. г. д. I, №№ 1, 2.

(1154) С. г. г. д. I, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15.

(1155) С. г. г. д. I, №№ 4, 5.

(1156) С. г. г. д. I, №№ 28; 4, 5, 6, 7, 8, 16, 16, 18. А. З. Р. I, №№ 51, 79. Опыты по ист. рус. пр. статья Чичерина «Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в.» стр. 159: «Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: «а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не взяти, на которыхъ ключники цѣлують.» Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.» — Стр. 160: «Всякими средствами (жители занятой во время войны области) обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро возстановлялся миръ, такъ обѣ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственные акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями читаемъ: «а что селъ или людей во время распри заложилось за князя, за княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ, или если кто изъ нихъ села купилъ, то деньги свои взять имъ назадъ, а села Новгороду.» Или: «а которыхъ Новгородцевъ или Новоторжанъ князь Михайло или его бояре привели къ присягѣ или отдали на поруки, или взяли на нихъ грамоты, и ту присягу отмѣнить и поручительство свести и грамоты отложить.» Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. — Стр. 162: Въ договорахъ между князьями постановлялось условіе и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ: «Холопа, робу, должника, поручьника, бѣглеца, татя, розбойника по исправѣ выдати.» Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяину, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ намѣстникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тягаться съ господиномъ за свободу, а порукъ по немъ не будетъ, то обвинить его и выдать господину.» —Стр. 175: «Еще важнѣе то, что въ договорѣ (Новгорода) съ Тверью 1307 г. (Чичеринъ указываетъ здѣсь на С. г. г. д. I, № 10) положено бѣглыхъ холоповъ и половниковъ выдавать обратно.»

(1157) Ник. III, 166. Тат. IV, 139. Кар. IV, прим. 306, приводя это мѣсто лѣтописи, замѣчаетъ только слѣдующее: «Имя *Житейскіе мужи* означало тоже, что *люди Житьи* или прежде *Огнищане* въ Новѣгородѣ.»

(1158) Ник. IV, 15. У Татищева IV, 208.

(1159) Ср. Серг. 33. — Нельзя ли привести слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи для объясненія положенія житьихъ людей? Лѣтописецъ, сказавъ о прекращеніи усобицы въ Твери между Михаиломъ Александровичемъ и Василіемъ Михайловичемъ, въ такихъ словахъ выражаетъ общую радость и свои разсужденія: «Радовахусь бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, такоже гости и купцы и *вси работники*, людие роды и племяна Адамови; вси бо сии единъ родъ и племя Адамово, и цари и князи и бояре і вельможи и гости и купцы и ремественницы и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово.» Ник. 16. Нельзя ли это мѣсто привести какъ параллель? Здѣсь работники

не поставлены ли вмѣсто житейскихъ мужей? Въ такомъ случаѣ, не можетъ ли это служить подкрѣпленіемъ тому мнѣнію, по которому житейскіе мужи или житьи люди были мастера и ремесленники.

(1160) Ник. Ш, 105. Тат. IV, 88, 89. Воскр. 185. Новг. Ш и Новг. IV относятъ къ 1308 г.

(1161) Ник. Ш, 115. Тат. IV, 100.

(1162) Ник, Ш, 160. Тат. IV, 130. Воскр. 203. Твер. 418: «Сію же дороговь нѣціи глаголють «рослую рожу.» — Кар. IV, пр. 322: «Не для того ли, что сжатая рожь *проросла* въ копнахъ отъ дождей?»

(1163) Костомаровъ Церк. ист. крит. В. Е. 1870. Апр. 483. Въ началѣ этой статьи помѣщенъ историческій очеркъ Кашина.

(1164) Передъ этимъ годомъ не задолго былъ моръ въ 1351 г. во Псковѣ, въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ, Глуховѣ, Бѣлозерскѣ; въ 1353 моръ былъ въ Москвѣ, отъ него тогда умеръ и в. к. Симеонъ; въ 1360 г. вторично моръ во Псковѣ. Ник. Ш, 196—198, 202, 207. Ср. Сол. IV, 269, 270.

(1165) Ник. IV, 6, 7. Ср. Сол. IV, 270.

(1166) Мы не знаемъ про нѣкоторыхъ особъ Тверскаго Княжескаго семейства — кто изъ нихъ когда родился или умеръ; во время моровой язвы въ Тверской землѣ изъ особъ княжескаго семейства было въ живыхъ, кажется, до 14 человѣкъ, — изъ нихъ умерло 8, слѣдовательно болѣе половины.

(1167) Ник. IV, 30. Тат. IV, 322. Воскр. продол. 18.

(1168) Ник. IV, 40. Тат. IV, 231.

(1169) Такъ сказано въ Твер. 473, 479; въ другихъ короче: Ник. V, 11; Тат. IV, 433. Въ Твер. прибавлено, что это было *по 3 лѣта.*

(1170) Ник. V, 16. Воскр. прод. 82.

(1171) Ник. V, 26. Тат. IV, 448. Трудно сказать, коснулось ли это бѣдствіе Тверскаго края, и если коснулось, то въ какой мѣрѣ.

(1172) Ник. V, 69, 70. Тат. IV, 480, 481. Соф. I, 260. Новг. I, 107. Воскр. прод. 89.

(1173) Ник. V, 75. Тат. IV, 485.

(1174) Ник. V, 75. Тат. IV, 486; Соф. I, 262. Соф. II, 141.

(1175) Ник. V, 76. Тат. IV, 486. Твер. 488. Новг. I, 110.

(1176) Ник. V, 79. Тат. IV, 490. Соф. II, 142.

(1177) Псков. II, 24. — Здѣсь тогдашнія цѣны переложены на нынѣшнія сообразно соч. «промышл. др. Руси» (стр. 289) Аристова, который въ этомъ отношеніи основывался на соч. Прозоровскаго «о монетѣ и вѣсѣ въ Россіи». Для сравненія приводятся цѣны на хлѣбъ послѣдующихъ годовъ во Псковѣ: «въ 1425 г. зобница ржи стоила около 90 к.; въ 1427 г. зобница — 64 к.; въ 1434 г. зобница — 36 к.» Арист. ib.

(1178) Ник. V, 81, 82. Тат. IV, 492. Новг. I, 110.

(1179) Твер. 488. Арист. 289.

(1180) Твер. 488. Ник. V, 85. Тат. IV, 496. Воскр. прод. 93. Соф. I, 263.

(1181) Ник. V, 92. Тат. IV, 496, 497. Воскр. прод. 93. Соф. I, 263. Соф. II, 143.

(1182) Лѣтописецъ даже счелъ нужнымъ замѣтить, что послѣ этого мора, какъ послѣ потопа, люди стали маловѣчны, худы и щедушны. Ник. V, 94. Тат. IV, 498. Воскр. прод. 94. Соф. I, 263. Соф. II, 143.

(1183) Ник. V, 98. Воскр. прод. 95. Соф. II, 144.

(1184) Тат. IV, 516.

(1185) Ник. V, 158, Тат. IV, 550. Твер. 491, 492. О цѣнахъ, см. Арист. пром. 290.

(1186) Твер. 492. О цѣнахъ, Арист. ib.

(1187) Ник. V, 215. Воскр. прод. 121. Соф. I, 269.

(1188) Какъ напр. въ 1365 г. Ник. IV, 12. Тат. IV, 205.

(1189) Бѣл. развск. III, 387, 388.

(1190) Въ слѣдствіе Едигеева нашествія и въ продолженіе 1408 и 1412 г. вѣсъ серебряной монеты вдругъ понизился, и продолговатыя монеты вообще исчезли, уступивъ мѣсто новымъ меньшаго вѣса. Кн. Гагаринъ о под. рус. мон. въ З. А. Н. О. I, 156.

(1191) Здѣсь указано то, что находится у Черткова въ *его описаніи древнихъ Рус. монетъ.* Въ его же *прибавленія* попали поддѣльныя монеты, которыя указаны въ ст. кн. Гагарина о поддѣлкѣ рус. мон. въ З. А. Н. О. 1849 г. I, 175 — 177; здѣсь же, стр. 161 — 164, приложена таблица князей и городовъ, которыхъ монеты существуютъ, или по крайней мѣрѣ которымъ можно ихъ приписывать съ достовѣрностью. Изъ монетъ Тверскаго княженія къ таковымъ отнесены Городецкія, Кашинскія, Микулинскія (только одного Ѳеодора Михайловича), Тверскія; обозначены безъимянныя — пуло Кашинское и пуло Тверское. Въ ст. Рейхеля (доп. къ рус. нум. въ З. А. Н. О. I, 29) про двѣ кашинскія монеты Василія Михайловича замѣчено: «эти двѣ монеты не могутъ быть относимы къ кн. Василію Михайловичу I, потому что они носятъ типъ XVI в. А какъ Василій II княжилъ только весьма малое время, то и думаю, что можно ихъ отнести ко времени Василія III.» Карамзину V, стр. 135 была извѣстна одна монета, какъ онъ полагаетъ, Кашинская съ надписью: Князь Василья Михайлов....; на ней изображенъ всадникъ, держащій въ рукѣ птицу.—Гваньини, род. 1538 † 1614, замѣчаетъ слѣдующее: Haec civitas (Тверь) monetam argenteam prorpiam habet, quae valore Moscoviticae aequatur. Гваньини у Старчевскаго въ его Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.—Герберштейнъ еще ранѣе замѣтилъ, что Тверская монета равняется цѣнностію Московской. Герб. въ перев. Анонимова, стр. 88.

(1192) Имена Тверскихъ денежниковъ XV в. Орефьева и Ѳедотова, встрѣчаются на Тверскихъ монетахъ Михаила Борисовича, какъ полагалъ Чертковъ и замѣчаетъ Сахаровъ въ обозр. рус. арх. въ З. Рус. Сл. Арх. I. Здѣсь же Сахаровъ, стр. 9, мимоходомъ замѣчаетъ: «Одна только Тверь, по родственнымъ связямъ своихъ князей, сближалась съ Литвою и могла получить Западныя искуства торговымъ путемъ изъ этого края.»

(1193) У Татаръ были бумажныя и кожанныя деньги по образцу Китайскому. Сол. IV, 283.

(1194) Ник. III, 31. Тат. IV, 22. Лавр. 202. Сол. III 193.

(1195) Въ промежуткѣ между первымъ нашествіемъ (Татаръ) и конечнымъ покореніемъ, Кіевъ доставался Владиміру Рюриковичу, который былъ другомъ Мстиславу Галицкому, и врагомъ Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, и наконецъ попался въ плѣнъ къ Половцамъ. У возвратившагося отнялъ Кіевъ Ярославъ Всеволодовичь 1235 г., у Ярослава—Михаилъ Черниговскій 1235 — 1237 г., бѣжавшій въ Угры предъ нашествіемъ Батыевымъ. Кіевъ остался защищать Даниловъ намѣстникъ, бояринъ Дмитрій, при которомъ, послѣ мужественной обороны, и пала древняя столица Руси. Погод. V, 288.

Въ 1240 г. въ Кіевѣ княжилъ Михаилъ Черниговскій; его замѣнилъ Ростиславъ Смоленскій, у котораго Кіевъ былъ отнятъ Даніиломъ Романовичемъ, поручившимъ его защиту отъ Татаръ своему боярину Дмитрію. Когда послѣ Батыева нашествія, Михаилъ Черниговскій, врагъ Романовичей (Сол. II, 212, 213), возвращался изъ Поль-

ши въ 1240 г., то онъ не въѣхалъ въ самый Кіевъ, а жилъ подъ этимъ городомъ на островѣ, (Ипат. лѣт. 179) — не означаетъ ли это, что Кіевъ принадлежалъ Даніилу.

(1196) Напр. Сол. III, 216. Кар. IV, 25, называетъ этого князя Ярославомъ Суздальскимъ. У Сол. III, 217, говорится, что Даніилъ, на пути въ орду, проѣзжалъ въ 1250 г. опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Димитрій Ейковичъ, посланный туда великимъ княземъ Ярославомъ Суздальскимъ. У Сол. здѣсь не поясняется, какой это былъ Ярославъ? — Всеволодовичъ или сынъ его — Ярославичъ? Но такъ какъ Соловьевъ годомъ поѣздки Даніила въ орду принимаетъ 1250, то потому едва ли можно здѣсь подъ в. к. Суздальскимъ Ярославомъ разумѣть не Ярослава Ярославича, а отца его Ярослава Всеволодовича, который былъ въ Кіевѣ въ 1235 г. Ни откуда не видно, чтобы Ярославъ Всеволодовичъ оставлялъ въ Кіевѣ своего боярина Дмитра Ейковича; да еслибы и оставилъ, то этотъ бояринъ не могъ бы продержаться съ 1235 до 1250 г. За это время Кіевъ и отъ Татаръ пострадалъ и въ другія руки перешелъ.

(1197) У Тургенева, Historica Russiæ Monumenta, № LXXV, помѣщена булла Иннокентія IV отъ 1247 г., въ которой онъ поручаетъ Арх. Майнскому имѣть попеченіе о Гецелонѣ, который съ послами короля Русскаго (Даніила Галицкаго) велъ дѣла Римской церкви (здѣсь въ текстѣ папскаго письма Даніилъ названъ по имени).

(1198) Плано Карпини не говоритъ, чтобы Даніилъ заводилъ сношенія съ Римомъ ранѣе его, Плано Карпиніевой, поѣздки въ орду чрезъ южную Русь.

(1199) См. D'Avezac, Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin. 1838, стр. 86.— Это изслѣдованіе д'Авезака, вмѣстѣ съ записками Пелано Карпини, также было напечатано въ 4 т. Recueil de voyages et de mémoires, par la Société de géographie de Paris.

(1200) См. напр. Лавр. 201. Въ Воскр. 156 конечно ошибочно день смерти Михаила отнесенъ къ 23 Сент.

(1201) См. D'Avezac 48, 49, 377. Языковъ, собр. пут. къ Тат. 216. 217. Мы не имѣемъ этого первобытнаго текста записокъ Плано Карпини. D'Avezac про свою рукопись записокъ Плано-Карпини отзывается, что это la rédaction définitive de Jean du Plan de Carpin, telle qu'il la mit en circulation après l'avoir revue et complétée dès qu'il eut un peu de repos. Стр. 48. Кстати замѣтимъ, что Лама Голсанъ Гомбаевъ въ своей статьѣ о древнихъ Монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано Карпини, замѣчаетъ, что какими они были прежде такими остаются и теперь. (Лама Голсанъ Гомбаевъ пользовался текстомъ Плано Карпини по изд. д'Авезака и по изд. Языкова). Зап. Имп. Арх. Общ. Т. XIII.

(1202) Сол. III, пр. 322.

(1203) Когда предъ нашествіемъ Татаръ на Кіевъ Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій захватилъ Кіевъ, то Даніилъ Романовичъ его выгналъ, самъ взялъ Кіевъ, и защиту его отъ Татаръ поручилъ своему боярину Дмитрію. Ник. III, 7.

(1204) Ипат. лѣт. 175: «И потомъ приде Ярославъ Суждальский и взя Кіевъ подъ Володимеромъ, не могa его держати иде паки Суждалю, и взя подъ нимъ Михаилъ, а Ростислава сына своего остави въ Галичи.» Впрочемъ въ лѣтописяхъ (Густ. Тат. Ипат.) встрѣчаются противорѣчія на счетъ обстоятельствъ, по которымъ Ярославъ оставилъ Кіевъ См. Сол. III, пр. 269.

(1205) Юрій Львовичъ Галицкій хотѣлъ Галицкую епископію возвести на степень особой митрополіи. У Мак. IV, 15.

(1206) Эта фраза по мнѣнію Преосвященнаго Макарія доказываетъ, что Геронтій отправлялся въ Грецію не безъ согласія свѣтскихъ властей страны Суздальской. И. Р. Ц. IV, 15, 17.

(1207) Мак. IV, прил. № II. Житіе Св. Петра у Мак. IV. прил. № III.

(1208) Мак. Ист. Рус. Церк. IV, 8. Въ 1352 г. какой то инокъ Θеодоритъ не добившись митрополитства при жизни св. Θеогноста у Патріарха Константинопольскаго добился у Терновскаго патріарха, но его не признали въ Россіи. Θеодоритъ не имѣлъ при себѣ ни сановниковъ, ни утвари церковной. Мак. IV, 30, 31.

(1209) Мак. Ист. Рус. Цер. IV, 62—68.

(1210) «Геронтій нѣкто, игуменъ сый, дерзнувъ дерзостію *восхитити хотя санъ святительства.*» Степ. книга I, 414. — «Дерьзну Геронтій игуменъ *подъяти санъ святительскій.*» Житіе Петра, Мак. IV, 309.

(1211) Преосвященный Макарій полагаетъ, что Геронтія поддерживали свѣтскія власти города Владиміра и нѣкоторые изъ духовенства. IV, 15. — Тогда же, когда умеръ Митрополитъ Максимъ, въ Тверь пріѣхали и Юрьевы братья, Александръ и Борисъ Даниловичи. Михаилъ могъ потому считать себя еще сильнѣе и потому могъ еще скорѣе рѣшиться на то, чтобы самому выбрать митрополита.

(1212) Г. Геннадій Карповъ думаетъ, что Геронтію помогалъ князь Михаилъ Тверской. См. въ Оч. Ист. церк. іерархіи. Стр. 3. въ Чт. М. О. И. Д. Р. 1864. № 3. Здѣсь же замѣчено, что у Зубрицкаго въ его Ист. Галицкаго Княжества сказано, что Геронтія поддерживали или Михаилъ Тверской, или Георгій Московскій.

(1213) Также думаетъ и Карповъ, стр. 9.

(1214) Мак. IV, 69.

(1215) Мак. IV, 15, 17.

(1216) Ник. III, 132. Степ книга, 417. Мак. IV, 18.

(1217) Житіе св. Петра Митрополита, твореніе Прохора, епископа Ростовскаго. Это житіе напечатано въ прилож. № III у Мак. И. Р. Ц. IV, 308. Разсказъ о Переяславскомъ Соборѣ, какъ и все житіе Петра, какъ видно взято въ Ник. лѣт. изъ Степ. книги.

(1218) Но убо шептания Андрѣева не утаишась *прежъ того* пресвещенному святителю Петру. Ник. III, 133.

(1219) Хотя въ Ник. лѣт. и въ Житіи Св. Петра, написанномъ Прохоромъ, не названъ кн. Иванъ Даниловичь, но сказано, что на соборѣ, кромѣ Тверскихъ княжичей были многіе другіе князья. Въ числѣ этихъ другихъ князей могъ быть и Иванъ Даниловичь. Такъ думаетъ и Г. Карповъ въ Очерк. изъ Ист. Рос. церк. іерархіи, помѣщ. въ Чт. М. О. И. Д. Р. 1864 г. № 3. Что же касается отвѣта святителя Петра (я не лучше пророка Іоны и т. д.), то давая такой отвѣтъ, св. Петръ вспомнилъ слова св. Григорія Богослова, сказанныя имъ на Константинопольскомъ (381 г.) Соборѣ. Христ. Чт. 1852. I. Свѣденія о соборахъ XIV, XV стол. стр. 354.

(1220) Въ Степ. книгѣ не говорится, чтобы на соборѣ былъ Михаилъ Тверской и Иванъ Даниловичь; не говорится также, чтобы Иванъ помогъ одолѣть еретика. Въ слѣдъ за соборомъ и разсказомъ о еретикѣ говорится, что Петръ пришелъ въ Москву, гдѣ и полюбилъ Ивана Даниловича. 418, 419, Степ. кн.

(1221) Степ. кн. I, 418, 419.

(1222) Съ этимъ согласенъ и Мак. IV, 313. Эта ошибка могла легко образоваться отъ невниманія и ошибки переписчика какого нибудь. Въ Житіи соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: *и се тако* еретика препрѣ, пріѣхавши на прю, и прокля и. Въ Ник. такъ: и се инъ еретикъ явись ту жъ дая церкви Христовы и православнѣ вѣры, мудрствуя, его же святый препрѣ, и не покоряющась того проклятью предаде, іже и погибѣ. Въ Степ. книгѣ такъ: и Сеитъ еретикъ явися, и чуждая Церкве Христовы и православныя вѣры мудрствуя. Его же Святый препрѣ, и не покоряющася

того проклятію предаетъ, иже и погибе. — Мак. IV, 313, замѣчаетъ, что чтеніе Ник. лѣт. *и се инъ еретикъ явися* — могло быть первоначальнымъ чтеніемъ.

(1223) Какъ это и сдѣлано Г. Карповымъ относительно Степ. книги и Татищева въ его Очер. изъ Ист. Рос. Церк. Іерархіи, помѣщенной въ Чт. М. О. И. Д. Р. 1864 г. № 3, стр. 42. Не довѣрять тутъ Татищеву и отвергать его извѣстія нѣтъ основанія. Кстати можно замѣтить — жаль, что въ изд. Татищева встрѣчаются такія ошибки и такая путаница, которыя едва ли могли быть въ рукописи самого Татищева: Такъ напр. IV, на стр. 90, 91 разсказъ о походѣ Твер. княжича Дмитрія Михаиловича по серединѣ перебитъ разсказомъ о походѣ Новгородцевъ, — что указано мною выше. Или IV на стр. 86, вмѣсто того какъ въ Ник: Михаилъ слышавъ бывшее о Акинѳе и оскорбися зело, (на стр. 103 — у Тат.) сказано: слыша бывшее Акинѳеѣй оскорбися зѣло. И т. д.

(1224) Еще въ словѣ Даніила Заточника встрѣчаются нападки на недостойныхъ чернецевъ. Въ словѣ Даніила Заточника читаемъ: «мнози бо отшедше мира сего. паки возвращаются аки пси на своя блевотины, на мирское гоненіе. обиходятъ села и домы славныхъ мира сего, яко пси ласкосердіи; идѣже братцы и пирове, ту и черницы и черницы и беззаконія.» Русская Бесѣда. 1856 г. томъ 2-й стр. 119.

(1225) Такъ думаетъ Макарій IV, 18. Толстой разск. ист. Рус. Цер. II, 52. Еще Протоіерей Григоровичь (историч. изслѣдованіе о соборахъ, бывшихъ въ Россіи, со времени введенія въ оную Христіанской вѣры, до восшествія на престолъ царя Іоанна IV, 1864 г. стр. 7, 8,) замѣтилъ утвердительно: «Андрей, епископъ тверской, не успѣлъ никого склонить къ тому, чтобъ не принимать Петра митрополитомъ, оклеветалъ его предъ патріархомъ.» Къ сожалѣнію, мы не знаемъ—есть ли это замѣчаніе почтеннаго ученаго его личный выводъ, или оно взято прямо какъ фактъ изъ какой либо рукописи, намъ неизвѣстной. — Выраженіе у Тат., что былъ посланъ именно *ученый* клирикъ, показываетъ, что Патріархъ посылалъ клирика, имѣя въ виду соборныя пренія и по поводу ереси.

(1226) Въ Житіи хотя не сказано, что Соборъ долженъ былъ разсмотрѣть и дѣло о ереси, но одна фраза намекаетъ на это:» И се тако еретика препрѣ, *пріѣхавши на прю*, и прокля и.» Здѣсь сказано, что Петръ пріѣхавши на *прю* одолѣлъ и проклялъ еретика. Какая же здѣсь могла разумѣться *пря*, какъ не соборъ. Впрочемъ, вся эта фраза стоитъ особнякомъ. Должно быть предъ нею выпущена переписчикомъ какая нибудь связующая фраза. — Степ. кн. I, 403: и посрамленъ бысть Епископъ Андрей, и покаявся, пріятъ прощеніе отъ Святаго Петра. — Въ 1312 г. Св. Петръ снялъ санъ съ Сарайскаго епископа Измаила, какъ догадывается Филаретъ (Рус. св. Дек. 579, 580) за то, что Измаилъ причислялъ къ своей Сарайской епархіи церкви принадлежащія къ Рязанской епархіи.

(1227) П. С. Р. Л. VI, 87. Рудневъ, разсужденіе о ересяхъ и расколахъ. — Лѣтъ черезъ 20 послѣ смерти Петра ученіе о несуществованіи рая на землѣ сдѣлалось предметомъ спора въ Твери и между владыками Новгородскимъ и Тверскимъ, и до насъ сохранилось жаркое полемическое посланіе Василія Арх. Новгородскаго о земномъ раѣ. Василій доказываетъ, что «рай саженый не погибъ.» Болѣе ничего (замѣчаетъ тутъ же Г. Рудневъ) не знаемъ о мнѣніяхъ Сеита. Стр. 73. — Ученіе о сохраненіи до селѣ рая земнаго и о пребываніи въ немъ душъ праведныхъ до времени всеобщаго воскресенія, не было у насъ собственнымъ, но заимствовано изъ вѣрованій Востока. У многихъ писателей Іаковитскихъ, Несторіанскихъ и Монофизитскихъ, оно принимается, какъ неподлежащее сомнѣнію. ib. прим. 71.

(1228) Преподобному игумену Прохору сущи. Жит. у Мак. IV, 310. Преподобный Прохоръ игуменъ тогда сый. Ник. Ш, 133.

(1229) Тат. IV, 92. Карповъ относитъ также къ этому году. Рудневъ, въ своемъ сочиненіи, пе опредѣляетъ года собора въ Переяславлѣ.

(1230) Если относить соборъ къ какому либо году на основаніи словъ, что тогда Михаилъ былъ въ ордѣ, то конечно должно отнести къ 1313 г., а не къ 1319 г. когда Михаилъ былъ убитъ въ Ордѣ. Впрочемъ у самого Татищева въ текстѣ не сказано, чтобы Михаилъ во время собора былъ въ Ордѣ.

(1231) Ник. Ш, 108. Тат. IV, 92. Воскр. лѣт. 186.

(1232) Узбековъ ярлыкъ Митр. Петру помѣченъ 1315 годомъ. Григорьевъ о достов. ярл. 92. Въ 1315 г. вернулся изъ орды Михаилъ. Не онъ ли и привезъ ярлыкъ Петру? Такъ думаетъ Мак. IV, 19.

(1233) Ник. Ш, 108. У Тат. IV, 92. такъ: отпущенъ бысть отъ хана со многою честію въ Борзѣ, и пріиде на Русь.

(1234) Такъ думаетъ и Мак. IV, 18. См. Ник. Ш, 107. Воскр. 186. Тат. IV, 91. Троицк. 229. Въ Твер. 408 сказано, что Петръ въ 1311 г. Марта 20 посвятилъ въ Твери Прохора во епископа.

(1235) Мак. IV, 308.

(1236) Мак. IV, 20, 308. Ник. III, 131, 140. Въ Степ. же книгѣ, послѣ замѣчанія о смерти Св. Петра въ 1326 г. говорится. «*Деѣмя же лѣтомъ минувшимъ* по честнѣмъ его преставленіи, совершена бысть та соборная церковь и освѣщена Прохоромъ Епископомъ Ростовскимъ.» На стр. 406.

(1237) Мак. IV, 308. ib. 310, 312.

(1238) У Ключевскаго въ *древнерус. жит. святыхъ* стр. 76 слѣдующія замѣчанія о житіи Петра соч. Прохора: «Авторъ житія упоминается въ немъ по всѣмъ спискамъ въ формѣ, принадлежащей перу писца, а не автора: на переяславскомъ соборѣ является «преп. иг. Прохоръ,» свитокъ о чудесахъ читаетъ во Владимірѣ «преп. иг. Прохоръ». Происхожденіе этой послѣдней поправки объясняется церковнымъ употребленіемъ, какое получилъ трудъ Прохора и на которое указываетъ его заглавіе по софійскому списку: «преставленіе Петра митр. всея Руси; *а се ему чтеніе,*» т. е. чтеніе въ церкви па 6-й пѣсни канона святителю.» Далѣе замѣчаетъ Ключевскій стр. 77: «Въ существующемъ его (житіе) видѣ это совершенно проложное житіе, изложенное въ сухомъ, сжатомъ разсказѣ. Въ немъ можно отмѣтить нѣкоторыя новыя черты житейнаго стиля, любопытныя въ русскомъ памятникѣ, несомнѣнно получившемъ теперешній видъ еще въ первой половинѣ XIV в.»

(1239) Рудневъ, разсужденіе о ересяхъ и расколахъ. Стр. 72. «Аѳанасій вторично вступивъ на патріаршескій престолъ въ 1304 г., по счисленію Бандурія, сошелъ опять съ него въ 1310 году, по крайней мѣрѣ не позднѣе 1311 года, какъ полагаетъ сочинитель хронологической Исторіи Константинопольскихъ Патріарховъ, основываясь на показаніи современнаго Аѳанасію Византійскаго Историка.» — См. также Anselmi Bandurii Imperium Orientale. I, 668, 677, 678.

(1240) Ник. Ш, 103.

(1241) Если и нельзя много положиться на слѣдующее свидѣтельство Степ. книги, то мнѣ кажется нельзя также оставить его и совсѣмъ безъ вниманія. Именно въ Степ. книгѣ (стр. 403) переѣздъ Митрополита изъ Кіева во Владиміръ поставленъ въ связь съ клеветою епископа Андрея; вмѣстѣ съ тѣмъ это извѣстіе какъ будто намекаетъ на время Переяславскаго собора болѣе раннее нежели 1311 г. «Въ лѣто 6819 (1308) поставленъ бысть во Цариградѣ великій чудотворецъ Петръ на Митрополію

Кіеву и всеа Русіи, и пріиде въ Кіевъ, и оттуду во Владиміръ, на него же бысть ложное писаніе къ Патріарху отъ Тверскаго Епископа Андрея, иже бысть сынъ Ердена князя Литовскаго, и бывшу собору во градѣ Переяславли, и посрамленъ бысть Епископъ Андрей, и покаявся, пріятъ прощеніе отъ святаго Петра.»

(1242) Сол. IV, 298 замѣчаетъ: за правильность порядка годовъ въ лѣтописныхъ сборникахъ ручаться нельзя: очень можетъ быть что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамошняго князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владиміръ; послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о поѣздкахъ св. Петра на югъ.

(1243) Таковое убо писание и словеса посланны отъ патриярха клирикъ примъ, русския земли достизаетъ; но убо шептания андрѣева *не утаишась прежъ того* пресвещенному святителю Петру. Ник. III, 133. Также думаетъ и Карповъ стр. 7.

(1244) Такъ замѣч. въ Ник. III, 158, подъ 1330 г. въ разсказѣ о томъ, какъ Псковъ хотѣлъ имѣть для себя особаго владыку.

(1245) Въ Твер. лѣт. 418 въ разсказѣ объ этой поѣздкѣ Александра въ орду находится перерывъ. Сперва помѣщено начало разсказа о первой поѣздкѣ Александра въ орду, когда онъ получилъ обратно Тверь; за тѣмъ слѣдуетъ перерывъ, а дальше слѣдуетъ продолженіе разсказа о вторичной поѣздкѣ Александра въ орду, когда онъ погибъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ.

(1246) Ник. V, 9, 10, 13. Также Тат. IV, 432, 433, 435, 436. — Воскр. прод. 81 относитъ отъѣздъ къ 20 Іюля 1407, а возвращеніе къ 25 Янв. того же года. Соф. II, 135 отъѣздъ относитъ къ 1407, не обозначая мѣсяца, а о возвращеніи не упоминаетъ.

(1247) Также Тат. IV, 418. — Воскр. прод. отнесено къ 1404 г. на стр. 77. — Соф. II, 132 къ 1404 г.

(1248) Для сравненія привожу параллельное мѣсто изъ Ник. лѣт. V, 10: «Тогожъ лѣта (1407) мѣсяца Іюля 20 князь великій Иванъ Михайловичь Тверскій поиде во орду въ судехъ по Волзѣ ко царю Шадибеку; и бысь въ то время замятня велика во Ордѣ, и тамо до его приходу бысть мятежъ великъ во ордѣ: царя Шадибека согнаша, а Булатъ Салтана на царствѣ ординскомъ посадиша, и князей многихъ ординскихъ посекоша, но Божіею милостію все поздорову кн. вел. Иванъ Михайловичъ Тферскій пріиде во орду, и былъ имъ судъ предъ новымъ царемъ Булатъ Салтаномъ со княземъ Юрьемъ Всеволодичемъ Тферскимъ о великомъ княженіи тверскомъ. Царь же Булатъ Салтанъ судивъ, и всѣ князи ординскіи оправиша в. князя Ивана Михайловича Тверскаго; и отпусти его царь Булатъ Салтанъ изъ Орды, и *многу честь даде ему*, а князь Юрьи Всеволодичъ тамо во Ордѣ остася.» Далѣе: «Тое жъ зимы (1408) мѣсяца Генваря въ 25 день, пріиде изо орды отъ царя Булатъ Салтана во Тверь кн. вел. Иванъ Михайловичь Тверскій, а съ нимъ *посолъ царевъ*; и сретоша в. князя со кресты честно, и гражане вси выидоша противу его съ великою радостію.» ib. 13. — Въ Соф. II, 135 перемѣшаны двѣ поѣздки в. к. Ивана въ орду, именно поѣздка 1412 г. къ Зелени Салтану поставлена въ томъ же году, какъ и къ Булатъ-Салтану.

(1249) Въ Ник. V, 10, 13 сказано, что ханъ *многу честь даде ему* (в. к. Ивану) и что в. к. Иванъ вернулся въ Тверь съ *царевымъ посломъ*. Полную цитату этого мѣста Ник. лѣт. см. въ предшествующемъ примѣчаніи.

(1250) По Ник. 20 Іюля. Также Тат. и Воскр. прод. какъ выше показано въ примѣч. Въ Твер. столб. 473 сказано, что Иванъ Михайловичь поѣхалъ въ орду въ *четвертокъ*.

(1251) По Ник. 25 Янв. 1408. Также Тат. и Воскр. прод. какъ выше показано въ примѣч.

(1252) Въ Ник. говорится также о подобной же встрѣчѣ, хотя и не упоминается объ епископѣ, но за то говорится, что князь былъ встрѣченъ *со кресты*. Также Тат. IV, 436.

(1253) Также Тат. IV, 432.

(1254) Жаль, что у Карамзина пропущено имя посла: въ Твер., 480, посолъ царевъ названъ Мамаитъ Дербышь. (Мамантъ?) О Тверскихъ третяхъ см. еще прим. 623.

(1255) Можетъ быть и на этотъ разъ дѣло не шло ли о той же самой спорной *трети?*

(1256) При чемъ въ исторіи Соловьева сдѣлана ссылка на вышеприведенный отрывокъ Троицкой лѣтописи у Кар. V, примѣч. 213.

(1257) Также Тат. IV, 354.

(1258) Въ житіяхъ или преставленіяхъ Дмитрія Донскаго.

(1259) А если справедливо, что Иванъ Всеволодовичь (не имѣвшій дѣтей), *приказалъ* (въ смыслѣ отдалъ въ опеку. Только странно, у него не было дѣтей?) свою отчину Александру Ивановичу, а Александръ забралъ себѣ эту отчину, то можотъ быть Юрій Всеволодовичь требовалъ себѣ назадъ братнинъ удѣлъ.

(1260) А можетъ быть Юрій дѣйствовалъ въ ордѣ такъ сказать *на авось*. У него не было какихъ либо точно опредѣленныхъ требованій, а онъ дѣйствовалъ такъ на обумъ — авось удастся чего либо добиться. Сол. IV, 25 полагаетъ, что Юрій Всеволодовичь ѣздилъ въ орду искать в. княженія Тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Иваномъ. У Кар. V, 112 сказано, что Юрій Всеволодовичь желалъ присвоить себѣ Тверское княжество.

(1261) «Шадибека въ 1407 г. замѣнилъ на ханствѣ Вулатъ (или Пуладъ), племянникъ его, сынъ Тимуръ-Кутлука. Къ его ханствованію (1408) относится опустошительное нашествіе Едигея на Москву. Лѣтописи наши пишутъ, что Едигей принужденъ былъ снять осаду Москвы, получивъ извѣстіе о новыхъ смутахъ въ Ордѣ. Надѣлавшій смутъ царевичь былъ новый претендентъ и врагъ Едигея, сынъ умерщвленнаго Тохтамыша, Джелаль-Эддинъ. По сказанію Шильдбергера, Вулатъ царствовалъ полтора года до (временнаго) изгнанія его сыномъ Тохтамышевымъ, и это число согласуется съ годомъ похода Едигея на Москву. Но Едигей поддержалъ власть Вулата еще нѣсколько лѣтъ, до начала 1411 года. Все его ханствованіе продолжалось не болѣе трехъ лѣтъ.» Савельевъ. Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и др. стр. 324, 325.

(1262) Также Тат. IV, 435, 436.

(1263) Который «пояде и посуши древо елное, того ради и скора, рекше бѣлка, вся изгыбе, не имый кормля въ сухѣ древѣ.»

Таблица Твер[...], имена которыхъ встрѣчаются въ

Святославъ † 12[...].

[...]нскаго съ 1282 г.

Дочь
Постриглась дѣвицею 1291 г.

Дмитрій Грозныя О[...]
Супруга Марія Геди[...]

Константинъ
[р]од. 1306 † 1345. Первая су-
пруга Софья, дочь в. к. Юрія
Московскаго. Вторая супруга
Авдотья † 1364.

Василій
† 1368. Су-
пруга Елена.
Кашинъ.

Өедора
род. 1300.

Левъ
род. 1321.

Өедоръ
† 1338.

Еремѣй
† 1372.
Супруга На-
тасья † 1407.
*Дорогобуж-
скіе* (10).

Семенъ
† 1364.

Михаилъ
† 1372. Же-
натъ на доче-
ри в. к. Симе-
она Василисѣ
† 1367.

Василій
† 1362.

Иванъ † 1402. [Су-]
пруга Настасья Д[ми-]
тріевна Московск[ая]

Михаилъ.

Ульяна
съ 1471 г. супр[уга]
князя Бориса [Ва-]
сильевича.

[Д]митрій
† 1407.

Иванъ
(11)

Василій
† 1382.

Авдотья
[†] 1411. Су-
[п]руга Ивана
[М]ихайловича
Тверскаго.
(9)

Андрей
*Дорого-
бужскій* ?
(6)

Иванъ
*Черня-
тинскій* ?
(12)

Юрій
(7)

Іосифъ
(7)

(1) См. въ наст[...]дѣ говорится о служебныхъ и удѣльныхъ князьяхъ. (3) Упоминается тольк[...]ав. также родосл. (5) Упоминается въ лѣтоп. подъ 1477, 1485 гг. Срав. [...], А. А. Э. I, № 34. См. въ IX гл. настоящаго сочиненія тамъ гдѣ говори[...]ъ князьяхъ. Срав. также родосл. (8) Также тамъ же. (9) Кромѣ Авдотьи у [...]ъ разъ, именно подъ 1407 г., по случаю похода Тверитянъ на р. Плаву, [...]ющее мѣсто о походѣ на р. Плаву. Въ родословныхъ росписяхъ упоминаетс[...]

Дмитрій Грозныя Очи.
бездѣтенъ.

Ѳедо
убит
Ор

Константинъ.
От него Дорогобужскіе.

Василій.
бездѣтенъ
Кашинъ.

Семенъ
бездѣтенъ.

Еремѣй

Дорогобужскіе.

Дмитрій.

Михаилъ.

Василій.

Иванъ.

Данило.

Семе

Иванъ.

Андрей Дорогобужскій.

Семенъ
Черня-
тинскій.

Юрій
бездѣ-
тенъ.

Иванъ
Мило-
славъ.

Осифъ.

Иванъ
убитъ
подъ
Казанью.

нъ
дѣ-
ъ.

Андрей

Василій.

Александръ.

Андрей.

олѣ 6822 года, т. е. 1314).

Дмитрій Грозны… бездѣтенъ.

Василій Кашинскій бездѣтенъ.

№ 1. Михаилъ.

* Иванъ. Чернятинскій.

* Василій. * Иван…

* Семенъ.

* Даниілъ.

* Иванъ. бездѣтенъ. * Андрей. * Александръ.

* Василій. * Андрей. * Иванъ бездѣтенъ.

…лій. …тый. * Никита. * Иванъ. Кислой. * Михайло.

…трій.

NB. *Зв…*
№ 1. По…
№ 2. Пр…
№ 3. Пр…
№ 4. Пр…
№ 5. Пр…